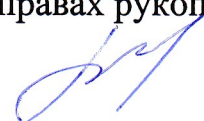

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Сибирский федеральный университет»

На правах рукописи

Науменко Светлана Васильевна

РУССКАЯ ОРФОГРАФИЯ ОТ ВАРИАТИВНОСТИ К ЕДИНОЙ НОРМЕ:
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ
ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ И АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

10.02.01 – Русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук, профессор
Григорьева Татьяна Михайловна

Красноярск – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ВАРИАТИВНОСТЬ	
В ПРАКТИКЕ ПИСЬМА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА	33
1.1. «Опыт нового русского правописания» В. П. Светова.....	40
1.2. «Словарь Академии Российской».....	45
1.3. Особенности орфографии	
«Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля.....	59
1.4. Деятельность Я. К. Грота по упорядочению письма	66
1.5. Указатели спорных написаний и орфографические словари.....	74
1.6. Типология орфографических вариантов	82
1.7. Центр и периферия вариативности	
в преддверии орфографической реформы 1917–1918 годов.....	90
Выводы	99
ГЛАВА 2. ПРАКТИКА ПИСЬМА ДО УТВЕРЖДЕНИЯ «ПРАВИЛ	
РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ И ПУНКТУАЦИИ» 1956 ГОДА	108
2.1. Проблема стандартизации орфографии	
в справочниках А. Б. Шапиро, М. И. Уарова и Н. Н. Филиппова	109
2.2. Концепция безвариативной нормы	
в школьном «Орфографическом словаре» Д. Н. Ушакова.....	122
2.3. Вопросы орфографической нормализации	
в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова	132
2.4. Вариативные написания	
в «Словаре современного русского литературного языка» (1950 – 1965 годы).....	151
Выводы	166
Глава 3. ПРОБЛЕМЫ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ НОРМАЛИЗАЦИИ	
ПО ДАННЫМ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ	
И ПЕЧАТИ 1918–1956 ГОДОВ	172
3.1. Осмысление итогов орфографической реформы 1917–1918 годов.....	173
3.1.1. Проблема состоятельности реформы	
в полемике первого послереформенного десятилетия	173
3.1.2. Новая «пролетарская» реформа правописания и ее ведущий принцип.....	177
3.1.3. Признание реформы в официальных публикациях	186
3.2. Стихийность орфографической работы	
в первое послереформенное десятилетие.....	193
3.2.1. Техничко-орфографическая комиссия	
Государственного издательства РСФСР	194
3.2.2. Инициативы Наркомата просвещения РСФСР,	
«Учительской газеты» и объединений корректоров.....	198
3.3. Комиссия по реформе орфографии и пунктуации 1929 года.....	205
3.4. Ведомственные орфографические комиссии	
Наркомата просвещения РСФСР и Академии наук СССР.....	212

3.5. Орфографическая конференция в Академии наук СССР об упорядочении вариативных написаний	227
3.6. Декларация Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации 1939 года	258
3.7. Орфографическая работа в период Великой Отечественной войны.....	271
3.8. Итоги работы по нормализации правописания: комиссия 1947 года и «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 года.....	273
3.8.1. Редакции Правил 1947–1948 годов	273
3.8.2. Апробация редакции Правил 1951 года.....	278
3.8.3. Редакция Правил 1955 года.....	285
3.8.4. Утверждение редакции Правил 1956 года.....	289
Выводы	296
ГЛАВА 4. СВОД ПРАВИЛ КАК ИНСТРУМЕНТ НОРМАЛИЗАЦИИ ОРФОГРАФИИ	307
4.1. Концепция заглавия и организация орфографического материала.....	307
4.2. Проблематика Предисловия	312
4.3. Организация ссылок и проблема перекодификации в орфографических словарях проектов Правил	315
4.4. Предложения проектов по упорядочению вариативных написаний послереформенной практики.....	321
4.4.1. Упорядочение правописания гласных и согласных	323
4.4.2. Упорядочение слитных и дефисных написаний	382
4.5. Вариативность в практике современного письма	422
Выводы	433
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	439
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	449
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	451
СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ.....	488
СПИСОК НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ	491
ПРИЛОЖЕНИЯ	500
1. Орфографическая вариативность «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля.....	500
2. Орфографическая вариативность рубежа XIX–XX веков по данным «Справочного указателя спорных написаний в русской орфографии» В. Разыграева.....	512
3. Структура и пределы орфографической вариативности рубежа XIX–XX веков.....	524
4. Частотные экстраварианты рубежа XIX–XX веков по данным «Справочного указателя спорных написаний в русской орфографии» В. Разыграева	525
5. Градация вариантов и корпус помет в орфографических словарях и справочниках рубежа XIX–XX веков	534
6. Структура орфографической нормы рубежа XIX–XX веков	566
7. Орфографическая вариативность послереформенного периода по данным «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова.....	567

8. Экстравариативность в печатной практике послереформенного периода	576
9. М. Н. Петерсон о свойствах русской орфографии	586
10. Записка Д. Н. Ушакова об орфографических словарях	587
11. Краткий меморандум Д. Н. Ушакова по орфографическому вопросу	589
12. Протокол №17 заседания орфографической комиссии Наркомата просвещения РСФСР	591
13. Мнение А. А. Реформатского о прописных буквах	592
14. Протокол № 8 заседания орфографической комиссии Наркомата просвещения РСФСР с участием С. П. Обнорского	594
15. Докладная записка Д. Н. Ушакова о характере предлагаемого упорядочения правописания	595
16. Предложение профессора Л. И. Жиркова об исключении твердого знака	597
17. Особые мнения С. П. Обнорского, Б. М. Ляпунова, В. И. Чернышева о правописании слова <i>наваждение</i>	598
18. Особое мнение С. П. Обнорского о правописании наречий	600
19. Мнение С. П. Обнорского о написании <i>-н-</i> и <i>-нн-</i> в отглагольных образованиях	602
20. Мнение орфографической комиссии Наркомата просвещения РСФСР о написании <i>-н-</i> и <i>-нн-</i> в отглагольных образованиях	606
21. Замечания С. П. Обнорского, Б. М. Ляпунова, В. И. Чернышева о правописании слов с корнем <i>-ро(а)ст-</i>	609
22. Тезисы к докладу Д. Н. Ушакова «Важнейшие моменты истории орфографической нормализации»	611
23. Тезисы к докладу С. П. Обнорского «Основные принципы орфографической нормализации»	613
24. С. П. Обнорский о задачах Правительственной комиссии 1939 года по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка	614
25. Замечания ко второй редакции «Правил единой орфографии и пунктуации» 1939 года	625
26. Записка президенту Академии наук СССР «О положении в русской орфографии»	665
27. Отзыв С. И. Ожегова о редакции Правил 1951 года	669

ВВЕДЕНИЕ

Изучение вариативности представляет собой научную проблему, детерминированную регулярной изменчивостью объектов органического и неорганического мира. Варианты слова занимают в языковой системе особое место, с одной стороны, они проявляют эволюционную и динамичную сущность нормы, с другой – неразрывно связаны с категориями тождества и различия, выступающими одним из «фундаментальнейших концептов мысли и языка» [Шатуновский, 1990, с. 52].

Основные понятия теории тождества слова в отечественном языкознании сформулированы в 40–50 гг. XX в. в работах В. В. Виноградова [1944], А. И. Смирницкого [1954], первое системное описание типологии вариантов русского литературного языка дано О. С. Ахмановой [1957]. Исследованию на материале русского литературного языка корпуса вариантов с учетом лексической, словообразовательной, фонематической, акцентной и морфологической модификаций слов посвящены работы Ф. П. Филина [1963], Р. П. Рогожниковой [1966], Л. К. Граудиной [1972], В. В. Лопатина [1972], Н. М. Шанского [1972], О. В. Жучковой [1976], К. С. Горбачевича [1978], В. Н. Немченко [1990], А. Н. Тихонова [1997] и др.¹

Обозначение одного и того же лингвистического содержания в разных сферах литературного языка – один из важнейших аспектов в исследованиях культуры речи в 60–80 гг. XX в., когда на смену понятию «норма-догма» пришло понятие «норма-выбор». Именно для этого времени характерно усиление интереса к проблеме «норма и вариантность» в литературном языке и практической нормализаторской деятельности. Это отражено в таких трудах, посвященных многомерному исследованию вариативности, как «Русский язык и советское общество» [1968], «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного

¹ Современный этап изучения характеризуется усилением внимания к функциональному и диахроническому аспектам вариативности [Богословская 2006; Ганиев 2009; Загоровская, 2015].

языка: Словарь-справочник» [1974], «Русский язык по данным массового обследования» [1974], «Языковая норма и статистика» [1977], «Литературная норма и вариантность» [1981], в работах К. С. Горбачевича «Вариантность слова и языковая норма» [1978], Л. И. Скворцова «Теоретические основы культуры речи» [1980] и Л. К. Граудиной «Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты» [1980], «Литературная норма в лексике и фразеологии» [1983]. И если вариативности на разных уровнях языка было уделено большое внимание, то вопросы орфографической вариативности в тот момент не рассматривались.

В 1986 г. Институтом русского языка Академии наук СССР был издан сборник «Языковая норма и вариантность», в котором обсуждались варианты в фонетике, лексике, словообразовании, словоизменении и синтаксисе литературного языка в разные периоды его истории, однако орфографии не было уделено достаточного внимания. Одна из публикаций сборника, статья Б. З. Букчиной, посвящена проблеме орфографической вариативности. Как особый тип орфографические варианты характеризуются полным совпадением корневых и аффиксальных морфем в составе слова, не связаны с семантическими, стилистическими, фонетическими или грамматическими изменениями слова, выступают параллельными формами письменного выражения одного и того же лингвистического значения [Букчина, 1981, с. 224]. В отличие от языковых, они «лежат на поверхности», «не обоснованы фактами языка», и поэтому их выбор находится «целиком» в области написания [Там же].

Это было первое исследование в области орфографии с позиции «норма и вариантность», хотя сама проблема была обозначена задолго до этого в работе Г. О. Винокура 1945 г. «Орфография как проблема истории языка», где применительно к древнерусской и дореформенной орфографии отмечено наличие у слова при семантической и функциональной тождественности «бессодержательных», т.е. исчерпывающихся «исключительно лишь своим орфографическим содержанием», различий: *въроу – върж, търгъ – тръгъ – търъгъ* и *мьль – мелкій* [Винокур, 1959, с. 464–465]. В дальнейшем к этой проблеме обратилась О. С. Ахманова, также указавшая на возможность модификаций орфографического облика слова,

не нарушающих его тождество [Ахманова, 1957, с. 209]. В работе впервые был обозначен и оценочный аспект проблемы: орфографические варианты могут быть интересны специалисту только «с негативной стороны», т.е. с точки зрения обязательного устранения одного из них [Ахманова, 1957, с. 209]. Н. Н. Семенюк на материале немецкой периодической печати первой половины XVIII в. рассматривает орфографическую («правописную») вариативность как результат «индивидуальных проявлений», в первую очередь характерных для ранних этапов формирования литературных языков на национальной основе. Для современных представлений об орфографии, как замечает она, такая возможность «несколько непривычная» [Семенюк, 1967, с. 70–72].

Л. К. Граудина уточняет сферу реализации орфографических вариантов (письменная речь) и на примере фонетических вариантов обращает внимание на важность разграничения собственно языковых и орфографических модификаций слова: у фонетических вариантов при одном написании имеется вариативность произношения (дождь – до[жд^б]и и до[ж^бж^б]и), тогда как у орфографических, наоборот, при одном произношении – разное написание (*паралон* и *поролон*; *плексиглаз* и *плексиглас*) [Граудина, 1970, с. 336].

Понимание специфики вариативности в орфографии как результата условного варьирования, не затрагивающего внешнюю и внутреннюю сторону слова, в дальнейшем находит отражение в целом ряде работ² [Немченко, 1990; Григорьева, Науменко, 2001; Кузьмина, 2006; Нечаева, 2010; Бешенкова, Иванова О. Е., 2016]. Актуализируется и необходимость изучения вариативности в историческом аспекте [Винокур, 1959; Осипов, 1992, 2010; Григорьева, Пономарева, 2001; Каверина, 2010].

² Возможно и более широкое осмысление орфографической вариативности, не учитывающей фонетическую и стилистическую равнозначность, поскольку она не разрушает семантическую и грамматическую тождественность слова. Орфография в этом случае характеризуется как система с вариативными элементами в пределах кодифицированной нормы: *калоша* и *галоша*, *острогать* и *остругать*, *холодюка* и *холодюга*, *худущий* и *худющий*, *царьградский* и *царьградский*, *без промаху* и *без промаха*, *месье* и *мосье*, *мсье* [Булохов, 2004; Лопатин, 2009].

В данной работе мы разделяем такой подход и придерживаемся следующей трактовки термина *орфографическая вариативность* – вариативность написания одного и того же слова, не связанная с отражением в его письменном облике результата возможного варьирования произношения или лексического, стилистического и грамматического значения и представленная в тексте *орфографическими вариантами*, например, орфографические варианты рубежа XIX–XX вв.: *ассесорь, ассессорь и ассесорь, асесорь; диллетантъ, диллеттантъ и дилетантъ; безудержу, безъ удержу и безъ-удержу; каракатица и корокатица; зарождать и зараждать; спесь и спѣсь*; орфографические варианты рубежа XX–XXI вв.: *лате и латте; фокаччо и фоккачо; городской Совет народных депутатов и Городской совет народных депутатов; саундблестер и саунд-блестер; остро-кислый и острокислый, остро-пряный и остропряный*. Варианты *воробышек и воробушек, калоша и галоша, матрац и матрас* мы, как и Б. З. Букчина, относим к орфографо-языковым. Они выступают графическим воплощением собственно языковых вариантов [Букчина, 1981, с. 224].

В числе основных отличительных признаков орфографических и языковых вариантов, как правило, указываются следующие: 1) общая оценка и рекомендации относительно употребления; 2) принятая градация; 3) причины возникновения; 4) возможный результат и сроки варьирования³ [Ицкович, 1968, с. 34; Ахманова, 1957, с. 209; Граудина 1970, с. 326; Букчина 1981, Гепнер 1955, с. 39; Шапиро, 1956, с. 27; Букчина, 1981, с. 2]. Представим их краткую характеристику.

1. Органичное свойство литературного языка составляет стилистическое разнообразие и богатство, заключающееся в «обилии функционально оправданных» вариантов, обеспечивающих, наряду с синонимическими средствами, эффективное и точное выражение мысли, поэтому они не могут рассматриваться в

³ Специфика орфографических вариантов определяется характером орфографической нормы, которая в лингвистической литературе традиционно рассматривается как особая разновидность языковой. Она регулирует только письменную форму реализации языка. В числе ее отличительных признаков также указываются, во-первых, обусловленность другими видами норм, т.е. вторичность по отношению, например, к орфоэпической, морфологической или словообразовательной, во-вторых, категоричность в требовании единства и стремлении к исключению вариативности, в-третьих, порядок регламентации, предусматривающий утверждение научными учреждениями и государственными органами власти.

качестве «избыточных» или «балласта» [Горбачевич, 1981, с. 8, 26]. Отказ от языковых вариантов неизбежно приведет к искусственной нивелировке, поэтому указания относительно их употребления не предполагают обязательного устранения одного в пользу другого [Общие принципы культуры языка, 1967, с. 397; Крысин, 2011, с. 8]. Орфографические варианты, напротив, считаются излишними, вследствие чего нормативные установки в этой области учитывают единственно возможный вариант⁴ [Гепнер, 1955, с. 39; Шапиро, 1956, с. 27; Букчина, 1981, с. 218]. Сложился принцип, «воспринимаемый как самоочевидный: не только *можно*, но и *должно* “заставлять” всех отказываться от “лишнего” (с точки зрения априорно принятого кодекса правил) варианта»⁵ [Голев, 2004, с. 50].

2. Языковые варианты могут быть равноправными или неравноправными, например, с точки зрения хронологии, семантики, стилистической окраски, при этом они нередко остаются в пределах нормы, поэтому у говорящего имеется определенная свобода выбора⁶. В отношении же орфографических вариантов индивидуальные проявления расцениваются как «недопустимые ошибки» [Гвоздев, 1951, с. 7], способные нанести «прямой социальный вред» [Иванова, 1991, с. 77]. Градация орфографических вариантов всегда альтернативна: норма / не норма, правильный / неправильный⁷. Исключение вариативности в этом случае осознается как акт упорядочения, не затрагивающий систему языка, но совершенствующую

⁴ «Варианты написания обычно легко устраняются в пользу одного из них» [Граудина, 1970, с. 336]. «Рекомендации орфографического словаря должны быть четкими и бескомпромиссными» [Букчина, 1981, с. 220].

⁵ «Естественно, что в таких условиях поставить вопрос о допущении вариативности написания – это значит посягнуть на уже имеющуюся кодифицированную норму» [Бешенкова, Иванова, 2016, с. 237].

⁶ «Несмотря на то, что литературная норма, как это давно признано ее исследователями, строга и консервативна, она допускает совместное функционирование вариантов одной и той же языковой единицы. Варианты могут различаться стилистически, узуально, могут зависеть от коммуникативных условий речи, относиться к речевой практике определенных социальных и профессиональных групп и т.д., но нередки случаи и свободного варьирования. И это не дефект литературного языка, его нормы, а вполне естественное явление» [Крысин, 2011, с. 6].

⁷ «То, что записано в правилах, – норма, то, что противоречит правилам, – за пределами нормы» [Ицкович, 1968, с. 34]. «В идеале изображение звучащей речи на письме должно регламентироваться жесткими орфографическими нормами, отвергающими наличие колебаний в написании» [Иванова Г. А., 2009, с. 18]. В канонизированных орфограммах отчетливо отражается жесткий принцип исключения другого: «или только так, или неправильно» [Голев, 1997, с. 27].

щий орфографию и письменную коммуникацию в целом [Ахманова, 1957, с. 209; Граудина 1970, с. 326; Букчина, 1981, с. 218].

3. Языковые варианты являются закономерным следствием эволюции языка. Они отражают характер языковой системы как множества возможностей. В числе основных причин появления орфографической вариативности, как правило, указываются отсутствие регламентирующих требований для отдельных групп слов, некорректная или неполная для данного языкового материала формулировка существующего правила⁸ и возможность написания заимствованных слов разными способами⁹ [Крючков, Розенталь, 1956; Еськова, 1964; Букчина, Калакуцкая, 1974; Ицкович, 1982; Букчина, 1988; Кузьмина, 2006; Осипов 2010; Нечаева, 2011; Бешенкова, Иванова, 2016; Шмелев, 2020].

4. Сосуществование языковых вариантов может измеряться несколькими десятилетиями, приводя к преобразованию полных вариантов в функционально или позиционно ограниченные. Результатом варьирования также может быть семантическая дифференциация и превращение вариантов в самостоятельные слова [Букчина, 1981, с. 221; Горбачевич, 1981, с. 26–28]. Орфографическое варьирование не имеет такой возможности, поэтому колебания в написании, по мнению большинства специалистов, должны быть устранены в максимально короткий срок [Лопатин, 2009, с. 241].

В связи с вариативностью обсуждается и возможный характер орфографической нормы как *безвариативной* или *компромиссной*, допускающей варианты написаний. Принцип вариативности признается «непригодным» и противоречащим «орфографической дисциплине» [Шапиро, 1956, с. 27] и интересам пишущих

⁸ «Однако в орфографических правилах и словарях встречаются лакуны, когда на их основе не удастся установить норму. Кроме того, орфографические правила иногда содержат неудачные формулировки, так что их буквальное применение заставило бы выбрать написание, не соответствующее орфографической норме» [Шмелев, 2020, с. 45].

⁹ В. И. Нечаева замечает, что возможность различных способов формальной передачи иноязычных слов порой достигает предела, поскольку «одновременно существуют различные мотивации написания слова» и «часто нет достаточных оснований, по которым следовало бы признать один из вариантов более предпочтительным, нежели иные». Например: *калланетика* / *каланетика* / *колонетика*; *имейл* / *имэйл* / *е-мейл* / *е-мэйл*; *ассесмент* / *ассэсмент* / *асесмент* / *асэсмент* [Нечаева, 2009, с. 215, 230].

[Гепнер, 1955, с. 39; Ицкович, 1968, с. 34; Граудина, 1970, с. 326; Лопатин, 2009, с. 240; Иванова Г. А., 2009, с. 18], «неприемлемым» [Иванова, 1963, с. 19]. Орфографические варианты рекомендуется искоренять «декретом сверху» [Букчина, 1981, с. 224]. В существующих определениях орфографии также присутствует указание на единообразие [Бешенкова, Иванова, 2016, с. 64].

Попытка «Предложений по усовершенствованию русской орфографии» 1964 г. предусмотреть вариативные написания слов *не(о)радостный, в(о)бегах, в(о)диковинку, преды(и)нфарктный, безы(и)скусственный, преды(и)сторический, оздании(е), к станции(е), в профилактории(е)* не нашла должной поддержки у рядовых участников дискуссии, высказавших опасение, что они послужат «стимулом писать факультативно всё», что приведет к правописной «анархии» [Букчина, Калакуцкая, Чельцова, 1969, с. 103–109].

Сторонники вариативного принципа настаивают на необходимости гибкой и компромиссной нормы, допускающей орфографические варианты в четких и обоснованных пределах [Еськова, 1964; Панов, 1964; Букчина, Калакуцкая, Чельцова, 1969, с. 104; Голев, 1997; Кузьмина, 2000, 2001; Голев, 2004, Нечаева 2009, 2011]. Они утверждают, что это позволит избежать «орфографического педантизма» [Осипов, 1990, с. 80], «домостроя» [Дергачев, 1959, с. 36], «идолопоклонства» [Текучев, 1976, с. 5], «террора» [Бархударов, 1963, с. 15–16], «самодурства ревнителей строгой орфографии» и связанной с ними «репрессивной» системы оценок письменных работ [Кузьмина, 2004, с. 170]. Однако однозначного понимания предела действия принципа вариативности в орфографии нет: только нефонематические, условные написания (переходные и промежуточные случаи, допускающие различную трактовку) [Панов, 1964, с. 112; Кузьмина, 2004, с. 170; Шмелев, 2020, с. 51] или отдельные фонематические тоже [Дергачев, 1959, с. 36; Виноградов, 1964, с. 12]. Как правило, указывается возможность вариантных написаний в отношении некоторых групп наречий¹⁰, сложных прилагательных, *н* и *ни* в отгла-

¹⁰ Как известно, один из пунктов «Постановления совещания при Академии наук» от 11 мая 1917 г. и Декрета Наркомата просвещения РСФСР о введении нового правописания от 23 декабря 1917 г. предусматривал возможность слитного и раздельного написания наречий (*в*

гольных прилагательных и причастиях, новых заимствований (в рамках так называемого адаптационного периода), прописной / строчной¹¹. Однако нередко замечания нередко носят общий характер, нерегулярны и не всегда бесспорны с точки зрения различных авторов, поэтому требуют тщательного обоснования, конкретизации и согласования с позиции рациональности¹².

В качестве возможной компромиссной точки зрения высказывается идея о целесообразности разграничения требований к грамотности «профессионала-словесника» и рядового пишущего, например, школьника, для которых может быть установлен некий «орфографический минимум»¹³ [Осипов, 1990, с. 80; Шмелев, 2009, с. 75]. А. В. Текучев предлагает различать требования, предъявляемые к деятельности официальных учреждений и индивидуальной практике лиц в быту или частной переписке [Текучев, 1976, с. 7]. И если в первом случае необходимо строгое следование нормам, например, в центральной печати, документах, словарях и учебной литературе, то во втором допустимо «ослабить требование к письму» [Там же], отказавшись «от неуместной орфографической щепетильности» [Бунаков, 1953, с. 177]. Свод правил должен быть для пишущих «справочником, но не производственным планом и не законом» [Дергачев, 1959, с. 36]. О возможности подобного разграничения в свое время говорил и известный мето-

стороне и встороне, в течение и втечение, сверху и сверху, в двое и вдвое»). В Декрете Совнаркома от 10 октября 1918 г. этот пункт был исключен. Б. И. Осипов полагает, что в данном случае трудно учесть взаимодействие наречий с омонимичными сочетаниями: «Нетрудно усвоить, что можно писать, предположим, *до зарезу* и *дозарезу*, но трудно понять, почему при этом нельзя писать *докрайности*» [Осипов, 2010, с. 264].

¹¹ В работе А. Д. Шмелева «Кодификация русской орфографии и написание собственных имен людей с прописной буквы – есть ли проблема?» детально анализируется весьма «расплывчатая» и «зыбкая» традиция нормирования в этой области. В будущем правиле, по мнению автора, «в каких-то случаях неизбежно будет допускаться вариативность» [Шмелев, 2020, с. 51].

¹² Исключение составляет работа А. Д. Шмелева «Кодификация русской орфографии и написание собственных имен людей с прописной буквы – есть ли проблема?», в которой детально анализируется весьма «расплывчатая» и «зыбкая» традиция нормирования в этой области. В будущем правиле, по мнению автора, «в каких-то случаях неизбежно будет допускаться вариативность» [Шмелев, 2020, с. 51].

¹³ В него не должны входить орфографические нормы, которые «подвержены объективному колебанию (например, слитное или раздельное написание выражения *с ходу* или написание одиночных или удвоенных согласных, в таких словах, как *шопинг* и *шоптинг*, *блогер* и *блоггер*), даже если какие-то орфографические правила или словари дают на этот счет однозначные рекомендации» [Шмелев, 2009, с. 75].

дист В. П. Шереметевский, обсуждая «учено-консервативное» и «профано-либеральное (т.е. более гуманное)» письмо, которое «не должно быть всегда «безусловным» и «исключать возможность своеобразия» [Шереметевский, 1891, с. 35–36, 83, 85].

Возможность выбора написания отмечалась лингвистами и прежде. Так, И. А. Бодуэн де Куртенэ полагал, что в отношении особо трудных случаев «необходимо допустить известную свободу и растяжимость», избегая «угрюмбурчеевщины», предлагающей «для маршировки только одну линию» [Бодуэн де Куртенэ (послесловие к словарю В. И. Даля), 1909, с. III–IV]. Более решительно в пользу вариативности высказывался Р. Ф. Брандт, призывавший «почаще» допускать «двойное и даже тройное» написание, считая «педантством» стремление к полному единству орфографии [Брандт, 1917, с. 11].

Закономерно, что организация масштабной работы по упорядочению в советский период потребовала от орфографических комиссий четкого решения вопроса о характере нормы. Первая советская комиссия по реформе орфографии и пунктуации 1929 г. (пред. К. Г. Костенко) при Главном управлении научными, научно-художественными и музейными учреждениями Народного комиссариата просвещения РСФСР (далее – Главнаука) последовательно декларировала безвариативность, подчеркивая, что вариативность противоречит «здоровому инстинкту охраны орфографии как социального фактора» [Диспут о новом правописании (1930 г.) // Ф. 358. Оп. 2. Д. 75. Л. 33].

Орфографическая комиссия при Ученом комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР 1933 г. (пред. Д. Н. Ушаков) также считала нецелесообразным допускать вариативность [Протокол № 8 // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. Л. 8]. В свою очередь, орфографическая комиссия Академии наук СССР 1933 г. (пред. А. С. Орлов) обсуждала допустимость вариативных написаний, например, для слов *кружево*, *цитварный*, *цибуля*, *цимбалы*, *цифра* (с основным первым вариантом через *ы*), а также ряда наречий [Протокол № 22 от 14 мая 1935 г. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. Л. 21]. Однако в дальнейшем эта позиция поддержки не встретила.

С. П. Обнорский в качестве исключения рассматривал возможную вариативность написания существительного *заря* (*зоря* и *заря*), подчеркивая, что хотя факультативности в орфографии «быть не должно», но в данном случае «приходится» считаться с наличием двоякого рода производных *зарев*, *зорюшка*, *зарница*, *лучезарный* и *зарь*, *зорей* (две последние формы он приводил со ссылкой на А. А. Шахматова) [Стенографический отчет совещания Объединенной комиссии по упорядочению правописания 13 июня 1936 г. // Ф. 394. Оп. 1. Д. №52. Л. 64].

Представляет интерес эволюция взглядов на вариативность Д. Н. Ушакова, одного из самых деятельных организаторов упорядочения послереформенной орфографии. Если в работе «Русское правописание» он говорит о возможности вариативности в ограниченных пределах¹⁴ [Ушаков, 1911, с. 84], затем допускает ее только в практике «повседневного письма»¹⁵ [Ушаков, 1926, с. 64], то позже он утверждает ценность безвариативной орфографии в условиях «неуклонно растущего значения» русского языка как средства межнационального и международного общения [Ушаков Д. Н. Тезисы доклада «Об орфографии» // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 18 об.; Ушаков, 1935, с. 3]. В ситуации послереформенного разнобоя, он, вероятно, рассматривает безвариативное письмо в качестве надежного способа преодоления «орфографического хаоса», ставшего настоящим «бичом» печати и школы, которые в тот момент «жаждали» упорядочения [Выступление Д. Н. Ушакова на совещании словесников // Ф. 502. Оп. 3. Д. 69. Л. 12–13; Ушаков Д. Н. Тезисы доклада «Об орфографии» // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 18 об.].

В «Своде орфографических правил» 1936 г. (1-я и 2-я ред.), «Сводах орфографических и пунктуационных правил» 1939 г. (1-я ред.), «Правилах единой орфографии и пунктуации» 1939 г. (2-я ред.) и «Правилах единой орфографии и пунктуации» 1940 г.¹⁶ единожды встречается нехарактерное для тональности этих

¹⁴ «Единообразие письма не исключает некоторого разнообразия в несущественных и спорных случаях, например, при определении слитного и раздельного написания слов, в орфографии иностранных слов, при переносе и т.п.» [Ушаков, 1911, с. 84].

¹⁵ «...у одних – *кожаный, серебряный, израненый, раненый*, у других – *кожаннный, серебрянный, израненный, раненный*» [Ушаков, 1926, с. 64].

¹⁶ Далее в тексте работы используются условные обозначения подобных изданий, например, «Свод орфографических правил» 1936 г. (1-я ред.) – Правила 1936; «Свод

документов указание не на обязательность (*пишется*), а на предпочтительность (*предпочтительнее*) выбора гласного э в начале заимствований с неустойчивым написанием, но при этом второй вариант с е в иллюстративном материале сопровождается запретительными пометами, что делает подобное допущение формальным:

<...> Во всех случаях колебания в традиционном написании иноязычных слов в отношении начальных е или э **предпочтительнее** написание с э: *эвкалипт* (**а не евкалипт**), *эллин* (**а не еллин**) [Правила, 1936, с. 53].

Краткие орфографические словари, дополнявшие проекты Правил 1939 (2) и Правил 1940, фиксировали только написания *эвкалипт* и *эллин* [Правила, 1939, с. 134; Правила, 1940, с. 148–149]. Проектом Правил 1947 указание на предпочтительность из формулировки параграфа исключается.

В проектах Правил 1936, Правил 1936 (2), Правил 1939 и Правил 1939 (2) также оговаривалась возможность для заимствований, «допускающих двоякое произношение», иметь «двоякое» написание: *бильон* и *биллион*, *варьянт* и *вариант*, *дьявол* и *диавол*, *фьорд* и *фиорд*, *шевиот* и *шевьот*¹⁷ [Правила, 1936, с. 53; Правила, 1936 (2), с. 52; Правила, 1939, с. 45; Правила, 1939 (2), с. 56]. В кратком орфографическом словаре к проекту Правил 1939 (2) отражена вариативность написания и таких слов, как *миллиард* и *мильярд*, *миниатюра* и *миньятюра* [Правила, 1939, с. 121]. В следующем проекте Правил 1940 упоминание о возможной факультативности написания этих заимствований, воспринимаемое, очевидно, как противоречащее безвариативному характеру остальных рекомендаций свода, исключается [Правила, 1940, с. 120].

При обсуждении орфографической вариативности XVIII – первой половины XX вв. нередко возникают, с одной стороны, вопросы *дисциплины* и *орфографического уложения, кодекса, юридического закона, законодательства*,

орфографических правил» 1936 г. (2-я ред.) – Правила 1936 (2); «Правила единой орфографии и пунктуации» 1939 г. (2-я ред.) – Правила 1939 (2) и т.д. Полные наименования представлены в разделе «Список сокращений и условных обозначений».

¹⁷ Данные варианты не являются собственно орфографическими, а представляют собой орфографо-языковые (Б.З. Букчина) варианты, когда написание отражает разный фонемный состав слова.

охраны, а с другой, – *произвола и анархии* [Гильтебрандт, 1879, с. 159; Чернышев, 1907, с. 8; Шапиро, Уаров, 1933, с. 3; Гвоздев, 1950, с. 23, 116; Бешенкова, Иванова, 2016, с. 237]. Л. В. Щерба полагает, что правила орфографии должны представлять собой «кодекс, изданный правительством» [Стенографический отчет совещания Объединенной комиссии по упорядочению правописания 13 июня 1936 г. // Ф. 394. Оп. 1. Д. 52. Л. 66].

Принятие принципа вариативности, как справедливо отмечает С. М. Кузьмина, требует «резкого поворота в историческом отношении к этим вопросам» русской ортологической традиции и общества¹⁸ [Кузьмина, 2006, с. 240].

Оценка целесообразности вариативности в орфографии определяет и предлагаемые кодификаторами стратегии действия. Так, В. В. Лопатин считает, что надо не ждать, пока варианты «улягутся» в языке и «утрясется» их написание, а на основе *орфографического прецедента* сразу рекомендовать один из них в качестве общеобязательного написания¹⁹ [Лопатин, 2009, с. 241]. И. В. Нечаева, наоборот, в случае с вариативными написаниями новых заимствований утверждает необходимость их фиксации в академических словарях до тех пор, пока узус не выполнит «роль арбитра в споре между различными мотивациями написания» [Нечаева, 2011, с. 141–142]. Этот путь Е. В. Бешенкова и О. Е. Иванова характеризуют как «управление через катастрофу», он создает риск распространения «точек колебания», что теоретически может привести к «дестабилизации» системы [Бешенкова, Иванова, 2016, с. 74]. Противоположность этих стратегий отражает сложную природу орфографии как области с системными (устойчивыми) и неста-

¹⁸ В других культурах сложилось иное отношение к орфографической вариативности. Так, С. М. Кузьмина приводит замечание члена академической орфографической комиссии В. Г. Костомарова о «невероятном» в нашем понимании количестве вариативных орфограмм в американских словарях [Кузьмина, 2006, с. 240]. В современных англоязычных словарях объемом 80 000 слов регистрируется, как правило, от двух до четырех с половиной тысяч орфографических вариантов [Блинов, 2011, с. 147].

¹⁹ *Риелтор* – с буквой *e* после *и* (ср. *диета, дизель, клиент, абитуриент* и т.п.); слова *офшор* и *офлайн* – с одной *ф* (ср. *офис, офсет, офсайд*); слово *фитнес* – с одной *с*, как, например, *бизнес*; слово *карате* – с конечной *e* (ср. *кашне, пюре, шоссе, резюме, варьете* и т.п.) [Лопатин, 2007, с. 241].

бильными элементами. Вариативность, с одной стороны, обеспечивает ее развитие и усовершенствование, а с другой – способна нарушить равновесие.

Актуальность работы определяется тем, что рассматриваемая применительно к разным сферам языка проблема вариативность прочно входит в круг важнейших и перспективных направлений научных исследований, «заслуживая выделения в самостоятельный объект всестороннего изучения»²⁰ [Глинкина, 2012, с. 76–77]. Вариативность в орфографии при этом является исключением, подходы к ее теоретическому осмыслению и практической реализации требуют уточнения и дальнейшей разработки, которая невозможна без накопления и описания фактического материала. Несмотря на то, что орфографическую практику XVIII – первой половины XX вв. отличает высокая частотность и разнообразие нестабильных написаний, задача изучения системного проявления вариативности в широком временном диапазоне до настоящего момента не ставилась.

С учетом того, что «в русистике нет менее разработанной области, чем теория и особенно история графики, орфографии и пунктуации», тщательное осмысление вариативных написаний способствует более целостному и объективному пониманию русского письма в его историческом развитии от вариативности к устойчивой и единой норме [Осипов, 2010, с.7]. О настоятельной необходимости такого осмысления в свое время говорили Г. О. Винокур [1959, с. 463], М. В. Панов [1965, с. 5], Б. И. Осипов [1992, с. 3], Т. М. Григорьева [2004, с. 207], В. В. Каверина [2010, с. 5]. Кроме того, масштабная по своей задаче история организации упорядочения вариативности в послереформенный период (1918–1956 гг.) пока не получила должного освещения в научной литературе, между тем это позволит глубже осознать сложившуюся систему орфографических норм, причины существующих противоречий и истоки тенденций, а также вы-

²⁰ Проблема «проявления» вариативности в диахронии является «новой для языкознания XX века», поскольку вслед за Ф. де Соссюром варьирование традиционно «соотносилось только с синхронией», однако первые опыты обращения к вариативности в диахроническом ключе показывают не только «правомерность и необходимость исторического изучения проблемы», но и ее «многоаспектность, актуальность и перспективность» [Глинкина 2012, с.77–79].

явить факторы и принципы, которые учитывались при упорядочении правописания в разные периоды нормирования.

Значимость исследования диахронического аспекта вариативности в орфографии также актуализирует потребность кодификаторов в «стратегическом плане» совершенствования современного правописания, создание которого невозможно не только без изучения неустойчивых написаний, характерных для практики «на протяжении, скажем, последнего столетия», но и без знания того, каким образом осуществлялась их нормализация [Аванесов, 1978, с. 223].

Актуальность определяет и комплексный характер исследования, выполненного на стыке вариантологии и орфографии, социолингвистики (орфографические варианты рассматриваются в контексте общественных оценок и языковой политики), фонологии (в рамках обсуждения альтернативных способов нормализации отдельных вариативных написаний), лексикографии (орфографические варианты в словарях и справочниках), а также лингвоисториографии.

Широкие перспективы изучения орфографической вариативности в исторической динамике открывает лексикографическая кодификация XVIII – первой половины XX вв., представляющая результаты сознательных нормализаторских усилий в отношении различных аспектов русского языка, в том числе в области орфографии.

В диссертационном исследовании выдвигается **гипотеза** о взаимодействии стратегических задач в процессе преодоления орфографической вариативности на разных этапах становления единой нормы.

Объектом исследования является русская орфография XVIII – первой половины XX вв. в своем историческом развитии, представленная в различных лексикографических памятниках и архивных документах, отразивших этапы утверждения единой нормы.

Предмет исследования – вариативность, выступающая фундаментальной характеристикой орфографической системы русского литературного языка до утверждения «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г. (в дальнейшем изложении Правила 1956).

Цель исследования – системное описание орфографической вариативности, представленной в источниках XVIII – первой половины XX вв., и основных стратегий ее преодоления в процессе сознательного упорядочения и нормирования правописания.

Поставленная цель определила следующие **задачи** исследования:

1. Обосновать перспективность анализа орфографического аспекта различных толковых словарей как важных источников неосвоенного фактического материала для изучения истории нормирования русской орфографии.

2. Определить особенности, состоятельность и степень реализации заявленных анализируемыми словарями орфографических концепций, а также сделать выводы о степени влияния их рекомендаций на упорядочение практики письма.

3. Выявить корпус представленных в источниках орфографических вариантов, установить их типологию, частотность, особенности нормативной градации с учетом взглядов на специфику орфографической нормы, своеобразие сопровождающих помет.

4. Охарактеризовать центр и периферию орфографической вариативности, влияние реформы 1917–1918 гг. на упорядочение правописания и динамику изменений в группах вариативных написаний.

5. Установить истоки формирования концепции безвариативной орфографической нормы и определить перечень изданий, способствовавших ее утверждению, а также динамику оценок этого явления в общественном сознании.

6. Выявить круг проблем, обсуждавшихся в связи с обновлением повестки орфографической деятельности после завершения реформы 1917–1918 гг.: нормирование через разработку и утверждение общеобязательного свода правил или подготовка новой «пролетарской» реформы. Уточнить оценку специалистами и общественностью итогов реформирования в первое послереформенное десятилетие и причины ее изменения в дальнейшем.

7. На основе 150 неопубликованных документальных источников (в том числе 126 впервые вводимых в научный оборот) описать организационные и содержательные аспекты разработки Правил 1956 как основного инструмента нормирования письма, выявить хронологию и периодизацию этого процесса, а также его закономерность и обусловленность ведомственными интересами и общей социально-политической ситуацией советского периода.

8. Охарактеризовать теоретические установки, программные заявления, взгляды на вариативность и итоги работы советских ведомственных и правительственных орфографических комиссий.

9. Изучить особенности структуры и организации орфографического материала десяти редакций проектов правил 1936–1956 гг., систематизировать предложения по упорядочению вариативных написаний, уточнив этапы утверждения ряда орфограмм русского письма.

Диссертационное исследование подчинено методологическим принципам системности и историзма. Основные методы, используемые в диссертации: наблюдение, сравнение и описание, направленные на интерпретацию данных; классификация и обобщение полученных результатов; сплошная и частичная выборка; статистический и структурный анализ. Решение задачи по установлению последовательности событий, связанных с нормализацией послереформенного письма и утверждением Правил 1956, потребовало применения исторических методов: хронологического и построения периодизации.

Методологическую основу исследования составляют труды по теории вариативности слова [Виноградов, 1944; Смирницкий, 1954; Ахманова, 1957; Jedlicka, 1963, Горбачевич, 1978; Граудина, 1980; Donath, 1982, Немченко, 1990, Ballard, 1992, Крысин, 2011], теории и истории письма [Винокур, 1959; Шапиро, 1951, Рождественский, 1951; Виноградов, 1964; Панов, 1964; Кузьмина, 1981; Щерба, 1983, Амирова, 1985; Зиндер, 1987; Иванова, 1991; Успенский, 1994; Бруслова, 2000; Григорьева, 2004; Голев, 2004; Лопатин, 2007; Осипов, 2010; Каверина, 2010; Арутюнова, 2015; Бешенкова, Иванова, 2016], истории лексикографии

[Щерба, 1940; Ожегов, 1952; Бархударов, 1957; Цейтлин, 1958; Горбачевич, 1966; Виноградов, 1977; Сороколетов 1989].

Научная новизна работы состоит в исследовании орфографической вариативности XVIII – первой половины XX вв. в синхронно-диахронном аспекте. Приведены новые фактические данные, позволяющие осмыслить представление об орфографической вариативности (корпус, его границы и структура, градация и типологии вариантов), а также подходы к ее описанию и оценке в нормативных источниках. На основе документов Архива РАН, не вовлеченных до настоящего времени в научный оборот, устанавливаются факторы и конкретные события, определившие хронологию и общую идеологию нормализации орфографии послереформенного периода (1918–1956 гг.), который завершается утверждением Правил 1956.

Теоретическая значимость определяется вкладом в исследование проблемы закономерностей функционирования орфографической вариативности в различные периоды исторического развития русского письма с учетом ее эксплицирования в источниках, а также структурных, статистических, динамических, аксиологических и иных характеристик. Реконструируемая в интеграции социальных и лингвистических подходов история нормирования письма в послереформенный период является существенным вкладом в установление объективной картины эволюции русской орфографии.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть учтены в обобщающих работах по истории русского литературного языка, русской исторической лексикографии, лексикологии и вариантологии, а также при выработке предложений по усовершенствованию орфографических рекомендаций для современных вариативных написаний. Выявленный корпус орфографических вариантов и введенные в научный оборот документальные источники могут стать основой для дальнейшей научной разработки проблем орфографической теории и практики.

Материалом для исследования послужили: 1) более 30 лексикографических источников XVIII – первой половины XX вв. (академические толковые словари

нормативного характера, толковые словари справочного типа, орфографические словари (в том числе в составе редакций свода правил), указатели орфографического разнобоя, специальные технико-орфографические справочники для работников печати)²¹; 2) 10 разновременных редакций свода правил (Правила 1936, Правила 1936 (2), Правила 1939, Правила 1939 (2), Правила 1940, Правила 1947, Правила 1948, Правила 1951, Правила 1952 и Правила 1956)²²; 3) авторской картотеки орфографических вариантов объемом 1800 единиц; 4) 150 неопубликованных документальных источников разного характера (распоряжения и постановления, докладные, пояснительные и служебные записки, тезисы выступлений, отзывы на орфографические словари и проекты, обращения организаций и граждан, стенограммы собраний, протоколы заседаний орфографических комиссий, особые мнения и др.) послеоктябрьского периода из Архива РАН; 5) материалы советской периодической печати: орфографические публикации в специализированных изданиях («Вестник просвещения», «Известия АН СССР. Отделение общественных наук», «На путях к новой школе», «Начальная школа», «Полиграфическое производство», «Просвещение Сибири», «Русский язык в (советской) школе», «Советская печать», «Советская педагогика» и т.д.) и массовых газетах и журналах («Вечерняя Москва», «Красная газета», «Литературная газета», «Огонек», «Учительская газета», «Правда» и др.).

Апробация работы. Основные результаты работы были неоднократно изложены в научных отчетах к грантовым программам²³; докладах, представленных к обсуждению на конференциях, чтениях и семинарах, в том числе на международном научно-дидактическом семинаре «Письменность славян: прошлое, насто-

²¹ Полный перечень источников представлен в разделе «Список лексикографических источников». При характеристике орфографической вариативности также привлекался материал грамматических трудов Н. И. Греча, Ф. И. Буслаева, Г. П. Павского, Ф. Рейфа и Академической грамматики (3-е изд., 1854 г.), «Словаря церковнославянского и русского языка» (1847 г.) и т.д.

²² В ряде случаев для сравнительной характеристики привлекаются «Предложения по усовершенствованию русской орфографии» 1964 г. и «Проект изменений некоторых правил русского правописания» 1973 г.

²³ Программа «Фонда Президента России» МК – 1158.07 «Норма – узус – кодификация в русской орфографии (до- и послереформенный период)» (руководитель); программа Министерства образования и науки России PD – 02–03. 17.43 «Орфографическая ситуация на разных этапах истории русского языка XVIII–XXI вв.» (соисполнитель).

ящее, будущее» (Польша, Гданьский университет, 2006 г.), международных конференциях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН «Культура русской речи (Гротовские чтения)» (2007, 2010, 2014, 2016, 2018 гг.) и «Русский язык в культурно-историческом изменении» (2012 г.), международной конференции тотального диктанта «Динамические процессы в современном русском языке» (Москва, 2020, 2021 гг.). Положения работы обсуждались на заседании кафедры русского языка и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации ФГАОУ ВПО СФУ (2019, 2020 гг.).

По теме диссертации опубликовано 59 работ, в том числе 3 монографии (из них одна коллективная)²⁴ и 18 статей в изданиях, которые включены в перечень ВАК (из них три в реферативных базах данных Web of Science и Scopus)²⁵.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Орфография в своей коммуникативной и общекультурной функции служит средством письменного общения, выступая как социально значимое установление. Необходимым условием успешной реализации ее предназначения являются общеобязательная регламентация и единая норма, обеспечивающие устойчивость и упорядоченность письма. Русскую орфографию, избравшую с момента своего становления в качестве главного аксиологический критерий, отличает особое внимание к проблеме правильного / нормативного и неправильно-

²⁴ 1) Науменко С.В. Упорядочение русской орфографии по данным архивных документов (1918–1956 гг.): монография. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2017. – 324 с.; 2) Науменко С.В. Вариативность в русской орфографии (XVIII–XX вв.): монография. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2019. – 356 с.; 3) Науменко С.В. Орфографическое строительство 30–50-х гг. XX века // Кириллица – Латиница – Гражданица: коллективная монография / отв. ред. Т.В. Шмелева; НовГУ имени Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2009. – С. 225–239.

²⁵ 1) Науменко С.В. Приставки на -з как нарушение системы русского письма // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2019. – Т. 18. – № 9. – С. 9–18. (в соавторстве с Т.М. Григорьевой); 2) Науменко С.В. Опыт нормирования правописания в «Словаре Академии Российской» 1789–1794 гг. // Вопросы языкознания. – 2020. – № 4. – С. 115–131; 3) Науменко С.В. Вопросы нормализации правописания двойных согласных в заимствованных словах в проектах усовершенствования и стандартизации русской орфографии 1930–1956 гг. // Сибирский филологический журнал. – 2020. – № 4. – С. 322–334.

го / ненормативного. Частотные орфографические «погрѣшности», «сомнѣнія» и ошибки отмечаются уже в первых грамматиках и руководствах.

2. Целью нормализации орфографии, которая на протяжении XVIII – первой половины XX вв. является центром филологических дискуссий, осознается существенное ограничение или полное исключение вариативности в процессе усовершенствования и упорядочения. Концепция идеальной орфографической нормы без вариантов, зародившаяся в трудах В. П. Светова (конец XVIII в.), официально утверждается в школьном орфографическом словаре Д. Н. Ушакова (1934 г. и след.), призванном обеспечить выполнение требований орфографического режима в школе. Орфографию первого фундаментального «Словаря Академии Российской» (1789–1794 гг.) представляют контрастирующие системы: безвариативная, осознаваемая как идеал (Указатели слов к выпускам словаря), и реальная, которую отличает разнообразие вариативных написаний (иллюстративный материал разных словарных статей и выпусков).

3. Орфографическая вариативность представляет собой особый вид письменной модификации слова, не обусловленный изменениями фонемного, семантического, грамматического или стилистического статуса в функционально тождественных контекстах²⁶, а потому формальной по своей природе. Орфографические варианты отличаются от языковых функциональной избыточностью, причинами возникновения и возможными результатами варьирования. Как объект лингвистического описания орфографическая вариативность может быть охарактеризована в следующих параметрах: диахроническом, синхроническом, динамическом, сопоставительном, структурном (ядро / периферия), типологическом, статистическом, функциональном, лексикографическом (особенности экспликации в источнике) и аксиологическом.

4. В числе «внешних» стратегий преодоления вариативности, использованных в процессе упорядочения, выступают: 1) утверждение прерогативы государства в решении задачи нормализации правописания (от разнообразных индивиду-

²⁶ Исключение составляют примеры типа *человек* и *Человек*, *сердце* и *Сердце*, *учитель* и *Учитель*.

альных образцов к единому коллегиальному кодексу); 2) полный или частичный отказ от фиксации орфографических вариантов в словаре с регистрацией в качестве нормативного только одного написания, несмотря на их объективное существование в практике; 3) актуализация необходимости упорядочения в интересах школы и печати путем разработки максимально полных правил и орфографического словаря; 4) введение орфографического режима в школе, рекомендация к использованию только одного орфографического словаря и прекращение выпуска несогласованных с ним словарей; 5) учет рекомендаций школьного словаря в специализированных справочниках для работников печати в целях исключения коллизии школьной и общей практики письма; 6) апробация рекомендаций отдельных редакций свода в многотиражных изданиях до их официального утверждения; 7) организация обсуждения редакций свода в различных целевых группах (ученые, педагоги, работники издательств, рядовые пишущие); 8) официальное утверждение свода как отражение его общеобязательного статуса для всех сфер письменной коммуникации.

К «внутренним» стратегиям, определяющим принцип работы ученых с вариативными написаниями, относятся следующие требования: 1) при выборе нормативного написания опираться на вариант, сохраняющий единообразие внешнего облика морфемы; 2) избегать факторов, провоцирующих колебания (исключения из правил, возможность их неоднозначной трактовки в силу сложной или содержательно избыточной формулировки, неполная функциональность правила, а также словарный принцип кодификации); 3) учитывать письменную традицию предыдущих 50 лет и не восстанавливать ставшие неактуальными семантические и грамматические связи.

5. В числе причин появления орфографической вариативности лежат внешние и внутрисистемные факторы²⁷. Области орфографической вариативности ха-

²⁷ Например, в русской орфографии к внешним факторам можно отнести следующие: 1) принятие Петром I гражданской азбуки, что привело к колебаниям, отражающим «старое» написание по образцу церковных книг и новое светское; 2) развитие наук и формирование терминологической сферы; 3) интенсивное государственное переустройство (начало XVIII в., послеоктябрьский период в XX в., перестройка рубежа XX–XXI вв.); 4) активное заимствование

рактируются различной способностью к самоупорядочиванию²⁸, которое в пределах конкретного типа написаний может быть неравномерным²⁹. Период существования отдельных вариантов, отражающих неспособность узуса по ряду причин самостоятельно определиться с выбором одного из них, может составлять сто лет и более, вплоть до принудительной кодификации (например, заимствования с одиночной / удвоенной согласной или непроверяемые безударные гласные *a* и *o*). Появление новых единиц в таких типах написаний может сопровождаться колебаниями.

6. Пределы орфографической вариативности рубежа XIX–XX вв. в совокупности образуют 15 подгрупп интравариантов (вариативные написания внутри одного источника) и экстравариантов (вариативные написания в разных источниках), из них 8 подгрупп отражают колебания в написании гласных. Активные области дореформенной вариативности представляют написания с непроверяемыми безударными гласными *a* и *o* в корне (ядро, 23 %) и различные типы слитных, отдельных или дефисных написаний (17 %). Реформа правописания 1917–1918 гг. исключила вариативность *e* и *ъ* (10%) и *ф* и *ѳ* (2%), не разрешив проблему неупорядоченности в целом. Активные области послереформенной вариативности, по данным толковых академических словарей, составляют написания одиночной или удвоенной согласной в заимствованиях, слитное и дефисное оформление наречий, сложных прилагательных и существительных, а также непроверяемые безударные гласные *a* и *o*.

в разные периоды; 5) языковую политику; 6) отсутствие, неполноту или некорректность рекомендаций. В числе внутренних могут выступать, например, неактуальность отражения на письме в определенный момент развития языковой системы исторических соответствий, как в случае с *e* и *ѣ* или *зарастать* и *зарости* (несов. и сов. вид), наличие нескольких возможностей для оформления и период адаптации заимствованных слов.

²⁸ С одной стороны, *по(-)берегу* → *по берегу*, *оть(-)даю* → *отдаю*, *дуб(н)ъ* → *дубъ*, *Ф(ф)игура* → *фигура*, *К(к)едр* → *кедр*, *А(а)прель* → *апрель* (устойчивое написание к определенному моменту на основе условного соглашения, обычая), с другой стороны, *ко(а)лбаса*, *ва(о)трушка*, *ло(а)хань*, *зара(о)сти*, *мо(а)кать*, *заго(а)рать*, *темно(-)красный*, *изжелта(-)красный*, *же(о)лобъ* (вплоть до утверждения Правил 1956).

²⁹ *Жи(р)аф(ф)* → *жираф*, *флот(т)* → *флот*, *ак(к)ула* → *акула* (в начале XX в. написание становится устойчивым), но *ак(к)уратный*, *ас(с)амбля*, *ас(с)ес(с)ор*, *гал(л)ерея* (Словарь современного русского литературного языка (1950–1965 гг.)).

7. Градация орфографических вариантов, представленных в дореформенных руководствах, основывается на факторах выбора и конкуренции с эталонным написанием, которое либо не всегда может быть определено, как в случае с *равноправными* (полная свобода выбора), либо соперничает с *дополнительным, менее употребительным и менее предпочтительным* (частично ограниченный узусом или рекомендациями авторитетных источников выбор). Характеристика статуса варианта отличается спорностью, поэтому даже у *ошибочного* варианта (с точки зрения составителя словаря или справочника) сохраняется возможность выбора и конкуренции с эталонным написанием, если пишущим не признается авторитет руководства и он придерживается иных орфографических взглядов. Большинство вариантов квалифицируются в словарях и справочниках как равноправные.

8. В послереформенных руководствах *равноправные* варианты, как правило, не указываются, большинство рассматривается как *основной и дополнительный*, при этом возможность выбора последовательно ограничивается отсылкой к основному как эталонному с отражением этого в иллюстративном материале статьи, где примеры с дополнительным вариантом отсутствуют, а также в оформлении производных. Проблема непоследовательной оценки одного и того же варианта (дополнительный, т.е. допустимый или ошибочный) в разных источниках сохраняет актуальность.

9. Дореформенную нормализаторскую практику отличает разнообразный корпус помет без четко установленной дифференциации указания на конкретный тип орфографического варианта. Имплицитность («[]», «()», «,» и др.) и эксплицитность способа выражения пометы определяется фактором выбора, который лежит в основе градации вариативных написаний. Распространение получает особый тип помет, представляющих собой ссылку на авторитет, чаще всего Я. К. Грота, утверждающий роль личной инициативы в упорядочении орфографии. В послереформенный период их количество значительно сокращается, пометы со ссылкой на авторитет (в связи с постепенным нивелированием возможности существования индивидуальной орфографии) практически не употребляются.

10. В послеоктябрьский период в условиях формирования нового государственного устройства, значительного роста издательской деятельности и приобщения к образованию широких слоев населения задача нормализации орфографии приобретает особую остроту. В числе организационных вопросов советскими комиссиями обсуждается характер необходимой работы (новая «пролетарская» реформа или упорядочение вариативности), объем регламентируемого материала (только орфография или орфография и пунктуация), формат документа (полный свод правил или руководство по образцу «Русского правописания» Я. К. Грота) и его адресат (специалист или рядовой пишущий), принцип факультативности, хронологический период опоры (практика последних ста или пятидесяти лет).

11. Основу нормализации правописания XVIII – начала XX вв. составляет опора на образцы, в которых отражаются индивидуальные вкусы и взгляды авторитетов. Несогласованность образцов обуславливает появление особого типа справочника – указателя спорных написаний. Тезис о необходимости разработки общеобязательного свода как государственного кодекса письма выдвигается первой советской орфографической комиссией 1929 г. (пред. К. Г. Костенко). Первая редакция свода создается комиссией под руководством Д. Н. Ушакова в конце 1935 г. (Правила 1936), изменения структуры в следующих редакциях носили частный характер. Общие подходы к нормализации впервые вырабатываются на специальной Орфографической конференции в Академии наук СССР (1936 г.), в единую программу они оформляются в декларации орфографической комиссии 1939 г. под руководством С. П. Обнорского.

12. В послеоктябрьский период орфографические комиссии стремились реализовать некоторые принципы усовершенствования орфографии, но это оказалось невозможным в силу официальных требований «воспретить всякую реформу» и «не выдвигать пунктов», противоречащих декретам советской власти о новом правописании, что было вызвано опасениями в необходимости переобучения миллионов приобщенных к письму в рамках масштабной государственной кампании по ликвидации безграмотности. Это упрочило миф о заслуге советского правительства в проведении реформы 1917–1918 гг.

Представляется целесообразным предварить основную часть работы краткой характеристикой понятия “орфография” и основного принципа русского письма. Орфография традиционно определяется как 1) система исторически сложившихся единообразных написаний, 2) система правил, устанавливающих единообразное, соответствующее нормам письмо, 3) раздел языкознания, связанный с изучением и разработкой системы правил, обеспечивающих единообразие написаний³⁰. В качестве полного синонима используется термин *правописание*, который может иметь и более широкое значение, включая правила употребления знаков препинания, т.е. пунктуацию [Иванова, 1991, с. 77].

В качестве основного принципа обозначения фонем буквами выделяется *морфологический* (в концепции Ленинградской фонологической школы) или *фонематический* (в концепции Московской фонологической школы)³¹. В основе морфологического принципа лежит сохранение на письме единства облика одних и тех же морфем, когда их графический образ «передает фонетический состав в отношении каждого звука в наиболее дифференцированном его положении» [Гвоздев 1963, с. 59–60], т.е. для отражения тождества морфемы ее фонемный состав учитывается именно «по сильной фонетической позиции» [Иванова, 1997, с. 303]. При фонематическом письме одна и та же буква «обозначает фонему во всех ее видоизменениях» [Ильинская, Сидоров, 1953, с. 8], что требует «передачи звукового строя, очищенного от всех позиционных взаимодействий между звуками» и исключения позиционной мены «путем сведения каждой звуковой парадигмы к ее основной разновидности», представленной в сильной позиции³² [Па-

³⁰ Иванова В. Ф. Орфография // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1997. – С. 303; Иванова В. Ф. Орфография // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 2002. – С. 350; Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Орфография // Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1985. – С. 166; Щукин А. Н. Орфография // Лингводидактический энциклопедический словарь. – М., 2007. – С. 195. Об определении границ термина *орфография* в отечественной лингвистической традиции подробно в [Каверина, 2010, с. 25–29].

³¹ Обзор предлагавшихся определений морфологического и фонематического принципов представлен в работе Парубченко Л. Б. Письмо как результат и письмо как процесс: К дискуссии об основном принципе русского письма // Письменность славян: прошлое, настоящее, будущее. – Gdańsk – Красноярск, 2006. – С. 96–110.

³² Впервые положение о фонематическом характере русского письма было сформулировано И. А. Бодуэном де Куртенэ: «В местах зависимого произношения применяются графемы,

нов, 1963, с. 81; Кузьмина, 1981, с. 10]. Результатом действия фонематического принципа является графическое единство морфемы³³.

Последовательное применение фонематического принципа, как отмечают представители Московской фонологической школы, определяет всю историю русского письма, причем не только на этапах его «сознательного строительства», но и «стихийного преобразования» тоже, когда «практическая реализация опережает теоретические рекомендации» [Ильинская, Сидоров, 1953, с. 6]. Следует уточнить, что объективно это все-таки «выражалось в стремлении пишущих передать тождество морфемы, которая осознавалась как относительно самостоятельная часть слова»³⁴ [Каверина, 2010, с. 33]. Применительно к указанному в настоящей работе периоду исследования (XVIII – первая половина XX вв. (до 1956 г.)) внимание к единообразию морфемы проявлялось в таких устойчивых характеристиках основы правописания, как *словопроизводственный / этимологический*, в дальнейшем *морфологический* принцип.

Для современных работ при определении основного принципа русской орфографии характерно стремление предложить формулировки, объединяющие положения рассмотренных выше концепций³⁵ [Моисеев, 1995, с. 63; Парубченко,

заимствованные из мест произношения независимого» [Бодуэн де Куртенэ, 1912, с. 81]. Анализ фонологической концепции И. А. Бодуэна де Куртенэ представлен подробно в: Киров Е. Ф. Фонологическая теория И. А. Бодуэна де Куртенэ и ее развитие // И. А. Бодуэна де Куртенэ и мировая лингвистика: труды и материалы Международной конференции (V Бодуэновские чтения) – М. – 2015. – С. 161–163.

³³ «Передавая фонемы, а не звуки, фонологическое письмо осуществляет единство в написании морфемы. Благодаря этому фонологический принцип обычно называют морфологическим. Такое название не вполне точно, так как единство в написании морфемы является результатом единства написания фонемы» [Аванесов, Сидоров, 1930, с. 113–115].

³⁴ «Для выяснения процессов грамотного чтения и письма и неважно было бы точное определение всех этих новых соотношений между звуками и буквами, так как прочный зрительный образ слова, гарантирующий правильное писание, разлагается именно не на буквы, а на иные части... Мы пишем и читаем не по буквам и слогам, а именно по составным частям слов. Не звуки языка вступают в соотношения с буквами, а составные части слов языка – с зрительными образами этих частей. Эти части повторяются в разных словах (иначе бы говорящий и не сознавал их в своем языке)» [Ушаков, 1911, с. 80–81].

³⁵ «Основной принцип современной русской орфографии является (называется) морфологическим, так как он обеспечивает единообразное написание конкретных морфем путем приравнивания обозначения звуков слабых позиций к обозначению соответствующих звуков сильных позиций в пределах одной и той же морфемы вне зависимости от того, составляют ли эти звуки, позиционно чередующиеся между собой, одну фонему (по МФШ) или могут быть пред-

2006, с.108–109]. В академическом Своде правил 2006 г. уточняется, что основу правил русской орфографии составляет «принцип необозначения на письме мены звуков под влиянием положения в слове» [Правила русской орфографии и пунктуации, 2006, с. 14].

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка принятых сокращений и условных обозначений, списка литературы, включающего 570 наименований, списка исследуемых лексикографических источников (37 ед.), списка документальных источников (150 ед.) и приложений (27 ед.)

В главе 1 – «Вариативность в практике письма XVIII – начала XX века» – анализируются особенности экспликации орфографических вариантов в толковых и орфографических словарях, указателях спорных написаний дореформенного периода, уточняется оценка вариативности в руководствах В.П. Светова и Я.К. Грота, устанавливается корпус и типология вариантов, специфика сопровождающих их помет, частотность (ядро / периферия), влияние реформы правописания 1917–1918 гг. на упорядочение вариативности.

В главе 2 – «Практика письма до утверждения “Правил русской орфографии и пунктуации” 1956 года» – исследуется проблема стандартизации вариативных написаний в специализированных справочниках для работников печати, школьном орфографическом словаре Д.Н. Ушакова, «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, «Словаре современного русского литературного языка» (1950–1965 гг.), определяются характерные для послереформенной практики вариативные написания, особенности их градации и представления в источниках, выявляются этапы утверждения безвариативной нормы письма.

В главе 3 – «Проблемы орфографической нормализации по данным архивных документов и печати 1918–1956 годов» – на материале неизвестных ранее архивных источников реконструируется история упорядочения орфографии в советский период, выявляется проблематика орфографической дискуссии и уточняется

ставителями разных фонем (по ЛФШ). Важно лишь то, что они входят в одну морфему, в фонетические варианты одной морфемы» [Моисеев, 1995, с. 63].

динамика оценки итогов реформы правописания 1917–1918 гг., устанавливаются периодизация, основные события и закономерности выявленных этапов нормализации, рассматриваются организационные и содержательные аспекты работы орфографических комиссий и история создания разновременных редакций Правил 1956.

В главе 4 – «Свод как инструмент нормализации орфографии» – анализируются концепция заглавия, проблематика вступительной части в редакциях правил и принципы организации орфографического материала, описываются особенности справочного аппарата орфографических словарей редакций Правил 1939 (2), Правил 1940, Правил 1951, Правил 1955 и Правил 1956 гг., устанавливаются основные направления однократной и многократной перекодификации в словарях, систематизируются предложения основных редакций правил по упорядочению 30 групп вариативных написаний послереформенной практики.

В заключении подводятся итоги и намечаются перспективы дальнейших исследований в данном направлении. Приложения включают алфавитные и типологические словники орфографических вариантов (4 ед.), таблицы сопоставительной характеристики вариативных написаний в изданиях первой половины XX вв. (1 ед.), схемы структуры вариативности, градации вариантов и сопровождающих их помет (3 ед.), наиболее значимых документальные источники по теме исследования (19 ед.).

ГЛАВА 1. ВАРИАТИВНОСТЬ В ПРАКТИКЕ ПИСЬМА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА

На всех этапах своего исторического развития, включая современный, русское письмо³⁶ характеризуется определенным соотношением устойчивости и подвижности, что выражается в наличии вариантов написаний³⁷. На эту особенность орфографии как подвижной системы указывал еще Я. К. Грот³⁸ [Грот, 1899]. Отчасти вариативность письма была изначально predetermined самой русской азбукой, где для обозначения одного и того же звука использовались различные буквы (омофоничные, или дублетные)³⁹ [Живов, 2006, с. 56; Каверина, 2008, с. 41; Осипов, 2010, с. 180]. В дальнейшем изменение отношений между языком и письмом, отражающее противоборство внутренних и внешних факторов развития системы, также вызывало колебания [Каверина, 2006, с. 40].

Исходным пунктом развития русского общенационального языка в первой половине XVIII в. становится столкновение двух исконных начал русского письменного слова (живого обиходного и книжного церковнославянского), получив-

³⁶ Анализ исторического контекста возникновения русской письменности представлен в: Киров Е. Ф. Происхождение русской письменности // Горизонты современной русистики: сборник статей Международной научной конференции, посвященной 90-летию юбилею академика В. Г. Костомарова. – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. – С. 349–355.

³⁷ «Письмо представляет собой особую систему, характеризующуюся чертами стабильности и вариативностью. Подвижные участки орфографии наиболее ярко демонстрируют сочетание элементов, унаследованных от древней традиции и отражающих основные тенденции, под действием которых формируется письмо» [Каверина, 2010, с. 386].

³⁸ «Достигнуть полного единообразия, совершенного согласия орфографии всех пишущих никогда не удастся, поскольку письмо, как и сам язык, живет, развивается, имеет свою историю... некоторое в нем колебание во всякий момент неизбежно» [Грот, 1899, с. 353]. Подчеркнем, что Я. К. Грот признавал безусловное достоинство единообразной орфографии: «Слово должно иметь на письме такую же определенную, всеми признаваемую форму, какую оно имеет в живом языке, только тогда письменный образ слова вызывает непосредственно, без пособия его звуковой формы, заключающееся в нем понятие. Вот почему важно единообразное написание» [Там же].

³⁹ «...у самых истоков русская азбука не была согласована с фонемами собственно русского языка и заключала в себе недостатки, которые с течением времени становились все более явными, потому что русский язык изменялся в живом употреблении, а письмо продолжало хранить относительную неизменность. Дисбаланс в соотношении русского языка и его письменности, очевидно, отразился на буквенном составе – возникли «мертвые» буквы и знаки, и русское письмо постепенно, но неуклонно освобождалось от них» [Григорьева, 2004, с. 8].

шее своеобразное отражение в правописании [Чернышев, 1907, с. 1–2; Ушаков, 1911, с. 54–55; Винокур, 1959, с. 138]. Атрибутом нового языка (и новой культуры в целом) выступает введенная Петром I гражданская азбука как выражение идеи противопоставления светского и духовного, европейского и старинного [Живов, 1996, с. 74–75; Успенский, 1997, с. 115]. Орфография, как замечает Б. А. Успенский, «вообще играет доминирующую роль в самосознании литературного языка», а графические отличия «с наибольшей наглядностью» выражают разницу церковнославянской языковой стихии и русской [Успенский, 1997, с. 601–602]. В результате петровской реформы графики 1708–1710 гг., в деталях завершенной Академией наук в первой трети XVIII в., русское письмо освобождается от дублетных букв, исключение составит только пара *i* и *и*, которая устранится следующей реформой 1917–1918 гг. [Истрин, 1988; Григорьева 2004; Каверина, 2010; Осипов 2010].

Вместе с тем реформа графики с особой остротой обозначила вопросы русской гражданской орфографии, заставив задуматься о ее принципиальных основаниях [Осипов, 2010, с. 181]. Орфографию печати XVIII столетия отличали многочисленные «невѣрности, неточности и колебанія», изменения «на разные лады по личному вкусу» писателей и переводчиков, поэтому вопрос о правописании, как отмечает М. И. Сухомлинов, оказался «однимъ изъ самыхъ живыхъ вопросов нашей научной литературы»⁴⁰ [Сухомлинов, 1878, с. 307–308]. Вместе с неясностью теоретических оснований и отсутствием кодекса правил это привело к тому, что многие, по свидетельству А. П. Сумарокова, даже не знали, «как за правописание и приняться», поскольку нигде о нем «исправно не писано»⁴¹ [Сумароков, 1787, с.33; 38].

⁴⁰ «Разнообразіе, отсутствіе строгой послѣдовательности въ правописаніи – явление, весьма естественное въ періодъ образованія литературнаго языка» [Будде, 1898, с. 154].

⁴¹ «Вся неустойчивость и пестрота правописания, от которой страдали писатели и читатели XVIII в., зависела от того, что не было разработанной теории и системы правил для русского письма. Те правила, которые давались в славянских грамматиках типа М. Смотрицкого, были недостаточны не только потому, что они имели в виду славянские книги, но и потому, что давали ограниченный материал, недостаточный для повседневного письма, а также и потому, что за всеми этими отдельными правилами не было видно какой бы то ни было системы, каких-либо принципов» [Рождественский, 1937, с. 48].

Общее состояние правописания в самых разных слоях русского государства «невъжества всѣ превзошло мѣры», многие правил «не наблюдаютъ» и «пишутъ какъ ни попало» [Там же, с. 26]. Не имели последовательной и устойчивой орфографической практики государственные и научные учреждения, печатные издания [Винокур, 1941, с. 473]. В таких условиях каждый должен был «по необходимости являться и творцомъ, и законодателемъ» правописания, «чуть не всякій литераторъ былъ “молодецъ на свой образецъ”»⁴² [Будде, 1898, с. 153, 156].

Закономерно, что важнейшей чертой этого периода становится сознательное стремление к упорядочению языковых средств в части внешних форм, особенно – в орфографии⁴³ [Винокур, 1959, с. 187–188; Панов, 1965, с. 15]. Проблеме преобразования правописания на национальной основе посвящены изыскания В. Е. Адодурова, В. К. Третьяковского, М. В. Ломоносова, В. П. Светова, А. А. Барсова, Н. Г. Курганова и А. П. Сумарокова, однако при этом каждый из них оказывается со своим «особым взглядом на дело орфографии», что обуславливает появление различных эталонов письменной речи [Грот, 1899, с. 642]. В руководствах обозначаются два вектора развития русского письма: фонетический (*по звону*) и морфологический (*по произвождению*), споры о главенстве одного из них продолжатся с разной интенсивностью вплоть до первых десятилетий XX в. (подробнее в 3.1.2.).

А. Е. Адодуров и А. К. Третьяковский стремятся утвердить разницу церковнославянского и русского правописания по образцу противопоставления церковной и гражданской азбуки: «мысль писать и печатать в соответствии с фонетикой живого московского разговорного языка служит ярким свидетельством... по-

⁴² «Постоянное смѣшеніе ѣ и е, е и э, е передается часто через іо и ѿо, слова *счастье, считать* пишутся через *щ* какъ *щастье* и проч., послѣ ч, *щ* пишется подъ удареніемъ о вм. нынѣшняго е (*щоголь, пощочина, щоки, чортъ*); послѣ ч обычно печатается ѿ, послѣ ш – ѿ: *лучь, мечь, ключь, мышь, лишь*. Нерѣдко з вм. с въ словѣ *здѣлать* и под. Но зато з сохраняется въ префиксахъ *из, раз, воз*, несмотря на слѣдующій согласный» [Будде, 1898, с. 159–160].

⁴³ «Вопрос о необходимости кодификации норм русского письма, т.е. об авторитетном, официальном и обязательном для всех закреплении норм, встал в XVIII в. с изменением социальных условий функционирования письма: расширением социальной базы, когда письмо становится полифункциональным и всеобщим, с очередным влиянием других систем письма, ростом роли печатных книг и норм типографии» [Бешенкова, Иванова, 2016, с. 21].

требности национально-языкового самоопределения, эмансипации от средневековой церковно-книжной культуры» (с характерной для нее орфографической традицией) [Виноградов, 1982, с. 91; Успенский, 1997, с. 605–606]. Утвердить разумность и рациональность правописания по произношению «знающих» людей В. К. Тредиаковский пытается в трактате «Разговоръ между чужестраннымъ человекомъ і російскимъ объ ортографіи старинной і новой», выдвигая следующий тезис: «Каждая буква какъ знакъ своа» [Тредиаковский, (1748) 1849, с. 69]. Письмо «по произведенію», полагает он, есть «тщеславноЕ себя окасаніЕ» и «іслішноЕ жъ чванство глубокимъ знаніемъ» [Там же, с. 284–285]. Правописание М. В. Ломоносова «по кореню» он характеризует как «премудрыі» прием, называя его «бесполеснымъ»: «произведеніЕ полесно, но не въ правописаніи» [Там же].

Мысли В. К. Тредиаковского об орфографии были для современников «непривычны» и значительно «расходились» с общей линией развития русского письменного языка XVIII в. (традиция оказалась в основе своей морфологической), «неизбежно» вызвав «отрицательное отношение» [Винокур, 1959, с. 469–470]. Разноголосицы его правописанию добавляло и то, что собственная практика ученого испытывала значительные колебания, нередко отступая от заявленных орфографических постулатов и взглядов⁴⁴ [Сумароков, 1787, с. 10–11; Чернышев, 1907, с. 11; Будде, 1898, с. 162; Рождественский, 1937, с. 48; Рождественский, 1951, с. 172; Винокур, 1959, с. 477; Григорьева, 2004; Живов, 2006; Юрлова, 2011].

Понимая общественную важность и значимость орфографической темы, М. А. Ломоносов тоже стремился установить теоретическую базу правописания, включив размышление о нем в систему своей грамматики, где отметил ряд правил

⁴⁴ Ср. замечание В. К. Тредиаковского об орфографии: «Я Ея отдаю на волю каждому писателю, да і самъ себѣ подобныя жъ прошу вольности для того, что я і самъ многія Ещѣ слова пишу не по звону, но по обыкновенію» [Тредиаковский, (1748) 1849, с. 207]. С одной стороны, у него встречается *порятку, непосредственно, блиско, бутто, дватцать, бумашка, обрасцы, тетратъ, тяшкая, схотство, посретственніка, ніскості*, а с другой – *обичій, предпочітаю, средство, сродство обстоятельствахъ, обшчеству, предприятый, подпорою, убавку, положивші, молодцы, подтверждаемо, здравствовать, бывші* [Винокур, 1959, с. 478; Будде, 1898, с. 162]. Таким образом, В. К. Тредиаковский оказывается «категоричен лишь в формулировании» требования писать «по звону», но «не в установлении соответствующих практических орфографических правил» [Винокур, 1959, с. 478].

и «сомнѣній» современного письма. Он и его последователи (В. П. Светов, А. А. Барсов, Н. Г. Курганов), осознавая «историческій характеръ нашего письма», отстаивали морфологическое начало в орфографии⁴⁵.

В «Российской грамматике» (1755 г.) правописанию посвящены две главы «Наставления второго», где оно рассматривается с собственно теоретической (что «въ правописаніи наблюдать надлежитъ») и практической («нѣкоторые правила предписать») сторон. Часто «погрѣшаютъ», по наблюдениям М. В. Ломоносова, те, кто «невнимательно» по старым церковным книгам учились, поэтому ошибочно пишут *а* вместо *о* (*хачу, гавари* вместо *хочу, говори*) [Ломоносов, 1755, с. 52]; в области слитного и раздельного написания предлогов и одноименных приставок, а также наречий он указывает *надгорою, изокна, въдомъ, отъ даю, при ношу, жить въ мѣстѣ съ братомъ, въ доль, въ кось* вместо должных *надъ горою, изъ окна, въ домъ, отъдаю, приношу, жить вмѣстѣ съ братомъ, вдоль, вкось* [Там же, с. 59]; «весьма странно и противно легкаго чтенія и распознанія» характеризует написания *фтекаю, опхожу, потпираю, оддыхаю*, «должно писать» *втекаю, обхожу, подпираю, отдыхаю* [Там же, с. 57].

Письмо М. В. Ломоносова отражает «отпѣчатки мыслей, колебаній и сомнѣній», иногда он «впадаетъ въ противорѣчія» [Будде, 1898, с. 153, 168] и «самъ съ собою не согласенъ» [Светов, 1790, с. 77]. Он «не держался определенной орфографіи» и «не установилъ для себя всѣхъ случаевъ правописанія», «несогласныя» друг с другом написания должны были «немало затруднять слѣдовать его орфографіи»⁴⁶ [Чернышев, 1907, с. 14]. В числе его орфографических «промахов» отмечается «путаница» ъ и е: «не особенно стѣсняясь», писал *двенатцать* при *двѣсти, тележный* (вм. *тельга*), *Днепръ* (вм. *Днѣпръ*) [Там же, с. 13–14]; *шумяцы, гремяцы, скачють, чюжался, нискими, блиская, умахчить, лехкой, мяхкой*,

⁴⁵ Правописание, как полагал М. В. Ломоносов, должно служить «къ удобному чтенію», не отходить «далече отъ главныхъ Россійскихъ діалектовъ», не удаляться «много отъ чистаго выговору» и не закрывать «слѣды произвожденія и сложенія реченій» [Ломоносов, 1755, с. 51–52].

⁴⁶ *Болѣе, прелѣстнѣе* и *болея, прелѣстняе; естли, есть ли-бы, есть ли бы, естли бы; возрѣтъ и возрѣвъ; протчихъ и прочія; раззореніе и разоренныхъ; ключъ и кирпичъ* [Будде, 1898, с. 168–169; Чернышев, 1907, с. 11–14].

дотти, сотти, рукоядка, протчи, бутто, здѣлала, збросиль, збѣжала, збери, згущенный и т.д. [Будде, 1898, с. 154, 174–175; Грот, 1899, с. 646; Чернышев, 1907, с. 12; Рождественский, 1937, с. 57]. Отступает он и от заявленных в собственной грамматике правил, например, отмечая, что «*твердить* пишемъ, а выговариваемъ *тверьдить*» [Ломоносов, 1755, с. 54]. Тем не менее М. В. Ломоносов регулярно отражает ассимилятивное смягчение согласных: *сперьва, почерьпати, верхи, вверьхъ, зерькало, скорьби, отверьгають, сверькають, церьквахъ, церьковныхъ*⁴⁷ [Будде, 1898, с. 153].

Общая неупорядоченность и противоречивость предлагаемых авторитетами эталонов письма, его изменение «на разные лады по личному вкусу» приводит к разнообразным видам орфографии печатных изданий XVIII в. [Сухомлинов, 1878, с. 307]. По этому поводу А. П. Сумароков с сожалением замечает, что писатели часто «выдумываютъ такія правила, какія они хотятъ», причем нередко «ради показанія новаго, но худаго изобретенія» [Сумароков 1787, с. 44–45].

В контексте рассматриваемой проблемы особое место занимает Н. М. Карамзин, составивший целую эпоху «въ успѣхахъ русскаго правописанія», отдававший себе «строгий отчетъ в употребленіи не только каждаго слова, но и каждой буквы» [Грот, 1894, с. 657]. Как «большія достоинства» карамзинской орфографии В. И. Чернышев называет последовательность, сохранение традиционных написаний и в то же время близость к живому языку (*щастіе, тысячъ и ключь, дикой, мущины*)⁴⁸ [Чернышев, 1907, с. 15–17]. В числе немногочисленных

⁴⁷ Любопытно, что, в «Словаре Академии Российской» (1789–1794 гг.) подобные примеры единичны: *верьхомъ, съ верьху и сверху; шерьсти и шерсти; ноябрьскій и ноябрскій*, но последовательно *октябрскій; тюрьму и тюрьму, журбою и журьбою, горкимъ и горькая*. Г. О. Винокур предположил, что составители словаря, речевой практике которых произношение *р* мягкого в таких случаях, вероятно, было хорошо известно, стремились избежать подобных написаний, поскольку орфографическое отражение мягкости здесь «не совпадало с той нормой, к которой шел и которую подготавливал, может быть, и не всегда при полной сознательности самих составителей, их словарь» [Винокур, 1959, с. 176].

⁴⁸ «Уже в началѣ своей литературной дѣятельности Карамзинъ обладает орфографіей очень послѣдовательной» [Чернышев, 1907, с. 17].

примеров колебаний, которые удалось обнаружить в письмах Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву в период с 1787 по 1817 гг., встречаются⁴⁹:

1) *возкличаніе* (с. 1) при исключительно устойчивых *воскликнемъ* (с. 8), *вскричаль* (с. 50), *воспѣть* (с. 10), *встрепенувишись* (с. 39), *распустили* (с. 61), *растрогали* (с. 61), *исполненіе* (с. 35), *исполнено* (с. 50)⁵⁰;

2) *никакого* (с. 21), *этова* (с. 49, 122), *каково* (с. 53, 133) при последовательных *покойнаго, важнаго, молодаго, достойнаго* (с. 131); *московской стихотворецъ* (с. 13) при устойчивом *любезный, новый* (с. 51) и *милый* (с. 52) как отражение форм низкого и высокого слога;

3) *Канцелярія* (с. 132) и *канцеллярія* (с. 226) при устойчивых *корректуру* (с. 54), *процессъ* (с. 57), *литтература* (с. 40), *Иллюминація* (с. 216), в том числе с удвоением двух групп согласных *коммиссіи* (с. 22), *коммиссаръ* (с. 24), *коммиссионеромъ* (с. 48) и, наоборот, *адресъ* (с. 18), *офицеръ* (с. 19);

4) *пѣсы* (с. 8), *піэсъ* (с. 9) с постепенным укреплением *піесы* (с. 16, 18, 22, 26, 27, 29); *Фонь-Визинъ* (7, 8) и *фонь-Визинъ* (с. 9); *по-Руски* (с. 216) и *Русскому* (с. 217); единичное *несчастіе* (с. 225) при *щеть* (с. 56), *щастливъ* (с. 6), *щастьемъ* (с. 5), *нещастьи* (с. 4);

5) *нельзя* (с. 7, 21) и *не лъзя* (с. 6, 26); *однакожь* (с. 20, 134) и *однако жь* (с. 19); *неписатьъ* (с. 40) и при последовательном раздельном написании *не* с глаголами (*не отвѣчать* (с. 40), *не любятъ* и *не скучаешь* (с. 21), *не принимаютъ* и *не знаю* (с. 21));

6) *семеновскаго полку* (с. 2) и *Семеновскаго полку* (с. 23); *Московскомъ ЖурналѢ* и *московскомъ ЖурналѢ* (с. 21, 22) въ *ЖурналѢ* (с. 22) и *журналѢ* (с. 22, 23); *апрѢль, май* (с. 18) и чаще *ФевралѢ* (с. 24), *ЮлѢ* (с. 19); *Героя* (с. 11) и *россійскихъ героевъ* (с. 11), *героевъ* (с. 10); *Гекзаметрами* (с. 10) и *дактиля* (с. 10); также *Дворецъ* (с. 221), *Публика* (с. 16), *Зритель* (с. 26) (только *актеровъ* (с. 26)), *Авторъ, Издателью, Поэтъ, Стихотворецъ* (с. 31) (*стихотворецъ* (с. 13)), *Порутчикъ* (с. 23) и *порутчикъ* (с. 2) [Карамзин, 1866].

Деятельное участие в нормализации русского правописания принимает и Академия наук. На одном из ее заседаний в 1783 г. признается важным «прежде всего позаботиться» о правописании, поскольку «новѣйшіе писатели наши и въ самыхъ первыхъ основаніяхъ письменъ несогласны, многіе исключаютъ различныя буквы и разному следуютъ правописанію» [Сухомлинов, 1885, с. 104]. Орфографические итоги XVIII в. обозначат руководство В. П. Светова и «Словарь Академии Россійской» (1789–1794 гг.).

⁴⁹ При издании писем в 1866 году Я. К. Гротом и П. Пекарским орфография подлинника была соблюдена [Карамзин, 1866, с. 8].

⁵⁰ Отметим также последовательное этимологическое написание префиксов *без-* (*безпрестанно* (с. 143), *безпокойства* (с. 10), *бездѣлки* (с. 52)) и *раз-* и *воз-* перед согласной *с* (*разсужденіи* (с. 54), *разставаться* (с. 57), *на разсвѣтѢ* (с. 145), *возстаетъ* (с. 21)).

1.1. «Опыт нового русского правописания» В. П. Светова

Значительная роль в утверждении важности принципа единства орфографии в XVIII столетии принадлежит руководству В. П. Светова «Опыт нового русского правописания» (1773 г., 2-е изд. 1787 г.). Оно стало первым кратким сводом правил русского, а не старого книжного правописания, что объясняет использование В. П. Световым определения *новое русское правописание*, которое от «прежняго» церковнославянского письма «знатную отъмну» имело⁵¹ [Светов, 1787, с. 3]. «Опыт», наряду с ломоносовской грамматикой, считался в свое время образцовым, его значение признавалось не только современниками, но авторами XIX–XX вв., продолжившими обсуждение проблемы стандартизации правописания⁵² [Сухомлинов, 1878; Грот, 1899; Рождественский, 1951]. В филологических разысканиях В. П. Светова обнаруживается «редкое для того времени понимание законов языка», поэтому его в «истории русского слова и письма нельзя забывать» [Грот, 1899, с. 647]. В работе нашли отражение ключевые аспекты орфографической полемики второй половины XVIII в., в том числе противоречия и колебания русского письма⁵³:

⁵¹ Подробно о руководстве изложено в: Науменко С. В. Орфографическое наследие XVIII в. (К 270-летию со дня рождения В. П. Светова) // Русский язык в школе. – 2014. – № 1. – С. 85–92; Науменко С. В. Вариативность в русской орфографии (XVIII–XX вв.): монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2019. – 356 с.

⁵² «Книга В. П. Светова содержит систематическое изложение правил, приводит примеры сомнительного и трудного правописания (впервые в трудах по правописанию) и дает им объяснения. Это – краткий свод орфографических правил второй половины XVIII в.» [Рождественский, 1951, с. 179]. Полное название руководства «Опыт нового русского правописания, утвержденному на правилах русской грамматики и на лучших примерах русских писателей». Оно было создано в контексте екатерининской школьной реформы наряду с «Руководством учителям первого и второго классов народных училищ Российской империи» (1783 г.), «Краткой Российской грамматикой» Е. Б. Сырейщикова (1787 г.), «Начальными основаниями русской грамматики» П. И. Соколова (1788 г.).

⁵³ В «Опыте» находим характерное для грамматических и орфографических установок XVIII в. разграничение низкого и высокого слога: «имена второго склонения на *ье* ... в важной материи надлежит продолжать на *ие*... *житіе* [а не *житье*] Петра Великаго; *Христось прободень копіемъ* (а не *копьемъ*)»; «острый, оспа, отчина, осмый и другие надлежит писать в стиле, в обыкновенных разговорах и в простом роде сочинения придают *в, вострый, воспа, вотчина, восьмой*» и т.д. [Светов, 1787, с. 21, 23]. Однако в его «Кратких правилах к изучению языка русского» (1790 г.) таких грамматико-стилистических рекомендаций уже

<...> Подвержено многимъ изъятіямъ, великимъ несогласіямъ, сомнѣніямъ и трудно-
стямъ, такъ что каждый почти писатель или переводчикъ отличенъ чемъ ни будь въ правописа-
ніи отъ другаго [Светов, 1787, с. 7].

Правила правописания, по мнению В. П. Светова, должны основываться не только на грамматике, но и учитывать реальный письменный узус – «лучшихъ примѣрахъ писателей» [Светов, 1787, с. 8]. В обращении к читателю В. П. Светов поясняет, что главная задача «Опыта» состоит в определении «непремѣнныхъ» и «твердыхъ» правил для «разныхъ рѣченій сомнительнаго и труднаго» свойства⁵⁴ [Там же, с. 3–4]. Обосновывая необходимость единой регламентации правописания, В. П. Светов с упреком указывает на старинные русские документы, которые оказываются «ни по какимъ правиламъ, но по произволѣю каждаго писца писаннымъ» [Там же, с. 7]. Важным условием для преодоления подобной привычки «къ неправому письму» он считает создание орфографических справочников, сожалея о том, что до сих пор «на языкъ Россійскомъ нѣтъ еще исправнаго и полнаго словаря, гдѣ бѣ можно было о правописаніи словъ справляться»⁵⁵ [Там же, с. 4; 12]. В связи с этим следует указать, что работы В. П. Светова отличает нехарактерная для XVIII в. последовательность правописания не только внутри этого издания, но и других тоже, тогда практику письма, например, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, наоборот, характеризует заметная непоследовательность и подвижность [Грот, 1873; Будде, 1898; Чернышев, 1907; Винокур, 1959].

Новаторский характер «Опыта» заключается в том, что он был посвящен только вопросам письма, в то время как орфографические разыскания даже первой половины XIX в. не представляют собой самостоятельных теоретических изысканий, а включаются в грамматики. Издание отличает системный взгляд на

нет. Безусловно, В. П. Светов четко осознал, что в конце XVIII в. «былые искусственные стилистические осмысления» уже потеряли свою силу [Винокур, 1959, с. 188].

⁵⁴ «Не языкъ отъ Грамматики, но Грамматика начало свое имѣть отъ одного; то она должна содержать въ себѣ правила употребленію и свойству языка ни мало не противныя» [Светов, 1787, с. 8]. Ср.: «Не правила языкъ раждають, но изъ употребленія онаго извлекаются» [Словарь Академии Российской, 1789–1794, с. 7].

⁵⁵ Первый «Словарь российской орфографии, или правописания» объемом в 16 страниц вышел в 1813 г. [Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.), 1965].

письмо, оно включает в себя разделы, связанные не только с орфографией («О правописаніи вообще», «Особливыя правила»), но и графикой («О буквахъ», «О разности буквъ»), правилами переноса («О складахъ») и пунктуации («О строчныхъ препинаніяхъ»)⁵⁶. Подчеркнем, что такая оригинальная для того времени структура отчасти отсылает нас к содержанию академических проектов сводов орфографических и пунктуационных правил, созданных во второй половине XX столетия, поэтому руководство В. П. Светова следует рассматривать как одно из наиболее полных кодификационных изданий XVIII в.⁵⁷

В. П. Светов, вслед за М. В. Ломоносовым, выбирает в правописании компромисс фонетического и словопроизводственного начал⁵⁸. В числе регулярных колебаний и «погрѣшностей» орфографической практики второй половины XVIII в. В. П. Светов отмечает, например, неоправданные отступления от словопроизводственного начала⁵⁹, слитное или даже дефисное оформление предлогов

⁵⁶ Необходимо подчеркнуть, что орфографические работы того времени нередко носят характер заметок, где обычно обсуждаются «лишние» буквы (ѣ, ѳ, њ, њ и т.д.), особенности правописания отдельных слов или авторов. В связи с этим представляется любопытным замечание Я. К. Грота о недостаточной упорядоченности орфографических работ А. П. Сумарокова, который «со свойственнымъ ему задоромъ, безъ всякаго систематическаго порядка повторяя по нѣскольку разъ одно и то же, предлагаетъ то правила, не выдерживающія никакой критики, то весьма разумные замѣчания» (выд. мной. – С. Н.) [Грот, 1899, с. 647].

⁵⁷ Работу В. П. Светова завершает «Ключ к правописанию российскому» с указанием страниц, что позволяет быстро найти нужные орфографические правила для конкретного случая. Здесь насчитывается 92 отсылки к 46 параграфам основного текста, содержащим развернутый орфографический комментарий и рекомендации. При этом глава 5 «О правописании» в грамматике М. В. Ломоносова, взятая В. П. Световым за основу, включает только 17 параграфов орфографического материала, а в «Российскую грамматику» А. Барсова (создавалась в период 1783–1788 гг.), которому комиссия о народных училищах передала рукописи В. П. Светова для продолжения работы после смерти последнего, в раздел «Правописание» вошло 27 параграфов (московский список рукописи). Подобным образом составлен, например, и «Ключ писцу, любящему российскую правопись» в «Письмовнике» Н. Курганова (1793 г.), но там находим только лишь 38 отсылок.

⁵⁸ «Въ словахъ производныхъ надобно осторожно удерживать правописаніе первообразныхъ... однако же въ семъ должно смотреть, чтобъ не отойти далеко отъ чистаго и обыкновеннаго выговора и чтобъ не черезъ чуръ явны были слѣды произвожденія и сложения реченій» [Светов, 1787, с. 16].

⁵⁹ «...многіе, подражая простому выговору, вносятъ несправедливо въ реченія лишнія буквы, на примеръ, *струбъ, притчина, страмъ, ндравъ, руковятка, убивство, протчій*... не думаютъ изъ какихъ частей оныя слова составлены, и какъ простыя онѣ пишутся: ибо *срубъ* отъ *срубаю*, *причина* отъ *причиняю*, *срамъ* сокращенно отъ *соромъ*, *разоряю* отъ *разъ* и *орю*, *рукоятка* отъ *руки* и глагола *емлю*, *ити* отъ *иду*, *убійство* отъ *бію* происходят [Светов, 1787, с. 17].

(«несправедливо» пишут *за-городомъ, во-сто кратъ, во-Тверь, по-берегу*)⁶⁰ и раздельное префиксов (*отъдаю, предъпринимаю*, а не *отъ даю, предъ принимаю*), ошибочное написание суффикса *-еньк* (пишутся несправедливо через *и, малинькой, коротинькой, добринькой*), излишнее отражение ассимиляции согласных по мягкости (*первый, церковь, твердить* лучше без *ь*)⁶¹, смешение конечных *ъ* и *ь* после шипящих у существительных мужского рода (надобно писать *ключъ, товарищъ, врачъ*, въ родительномъ *ключа, товарища, врача*)⁶² [Там же, с. 17–24].

Рациональными в контексте дальнейшего становления орфографической практики оказываются и его выбор в части более предпочтительного варианта для таких колебаний, как *французскій, шведскій, датскій* (без *ц*), *флотъ* (без *тт*), *офицеръ* (без *фф*), *розыскъ, подымать* (а не *розъискъ, подымать*), *двадцать* (а не *дватцать*), слитное написание *внутри, вдоль, вкось, вдругъ, никто, никогда, неприятный, несказанно*, раздельное написание *сверхъ того, ни одинъ, какъ бы то ни было, однако же*, а также *временщикъ, именной* (а не *временщикъ, имянный*), *освящаю, посвящаю* (от *святый*), *будто* (а не *будъто* или *бутто*), *тищится* (а не *читится*) и т.д.

Особый интерес представляют нормативные установки «Опыта», направленные на ограничение характерного для этого периода злоупотребления прописной буквой⁶³. Так, он замечает, что, «не имѣя довольныхъ тому причинъ», совре-

⁶⁰ «Отъ неправога раздѣленія или слитія предлоговъ хотя смыслъ писателя и не затмѣвается, ибо такъ многіе пишутъ, что пишутъ, разумѣть можно; но по примѣру всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ и въ Россійскомъ письмѣ должно наблюдать, гдѣ они сливаются и раздѣляются» [Светов, 1787, с. 18].

⁶¹ Написания типа *сперьва, церквахъ, отвергають, сверкають*, по наблюдениям Е. Ф. Будде, часто встречаются у В. К. Третьяковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова [Будде, 1898, с. 169–175].

⁶² Колебания в этой позиции спустя столетие зафиксировал «Справочный указатель спорных написаний в русской орфографии» В. Разыграева (1887 г.): *врачъ(ь), Гречъ(ь), дожжъ(ь), дожчь(ь), Ивановичъ(ь)* [Разыграев, 1887, с. 61].

⁶³ Вопрос остро дискутировался в работах, например, А. П. Сумарокова (1781 г.), И. А. Переверзева (1787 г.), В. П. Щапова (1815 г.), Я. С. Деминского (1816 г.), О. И. Сеньковского (1835 г.) и др. В истории нашего правописания вариативность прописной / строчной была одной из частотных и охватывала, по данным «Справочного указателя спорных написаний в русской орфографии» В. В. Разыграева (1887 г.), весьма широкий круг слов: заимствованные абстрактные имена существительные и образованные от них прилагательные (*А(а)кадемія, А(а)кадемическій, Г(г)еографія, К(к)адетъ*); названия месяцев и сторон света

менники нередко пишут с прописной все заимствованные слова, например: *Алгебра, Астрономія, Каѳедра*, причем «сіе большая часть Россійскихъ писателей приемлютъ и тщательно наблюдаютъ» [Там же, с. 16]. В. П. Светов рекомендует начинать их со строчной буквы и сам тщательно следует этому правилу: *физика, экспедиція, флотъ, офицеръ, фигура, ратификація, планита, комита*.

Руководство В. П. Светова стало «выдающимся» событием для отечественной филологии XVIII в., поэтому не осталось без внимания А. П. Сумарокова, также считавшего вопрос о правописании чрезвычайно важным и потому деятельно участвовавшего в его разработке и научной полемике [Сухомлинов, 1878, с. 313]. А. П. Сумароков «справедливо одобряетъ многіе мнѣнія» автора «Опыта» [Грот, 1899, с. 647]. Во-первых, оба выступают как сторонники морфологического начала в правописании, во-вторых, их объединяет понимание необходимости установления единой и общеобязательной орфографической нормы⁶⁴. Осуждают они и употребление в иностранных словах *i* вместо *и* (*исторія*, а не *історія*), пишут *ножь, мячь* (м. р.) и *ложь, вещь* (ж. р.). Много общего оказывается у них и в решении вопроса о «лишних буквах»: оба оставляют *ять, фиту* (только у заимствований из греческого), *щ*, исключая *э* и *іо*. Русская орфография у В. П. Светова и А. П. Сумарокова предстает как социально обусловленное явление, что выражается в неодобрительной оценке манеры письма подьячих, которые «по худымъ примѣрамъ» пишут «безрассудно»⁶⁵ [Светов, 1787, с. 9].

Орфографические постулаты «Опыта» получили развитие в «Таблицах о познании букв, складах, о чтении и о правописании» (1783 г.) и «Кратких правилах к

(*Я(я)нварь, Ф(Февраль), С(с)ѣверъ, М(м)айскій*), чинов (*Г(г)енераль, О(о)фицеръ, П(п)атріархъ*, а также *Г(г)енеральскій*), религиозных и народных праздников (*П(п)асха, М(м)асленица, М(м)ясодъ*), народов и жителей городов (*П(п)олякъ, С(с)лавяне, П(п)етербуржець*, а также *М(м)осковскій, Б(б)ѣлорусскій*) и даже наречия типа *по(-)Ф(ф)ранцузски, по(-)Б(б)олгарски, по-Р(р)ус(с)ки* и др. [Разыграев, 1887, с. 18–22].

⁶⁴ А. П. Сумароковъ: «Мое Правописаніе, ежели позволено такъ молвить; ибо *Правописаніе должно быть общее*, и по естеству дѣла, и по существу слова... А разность моево писанія съ ихъ писаніемъ (В. К. Трѣдиакѣвскаго, М. В. Ломоносова – С. Н.) есть только слѣдующая: такъ *я научаю моихъ согражданъ не моему правописанію, но правописанію, и только ясныя ихъ ошѣбки опровергаю*» (выд. мной – С. Н.) [Сумароков, 1787, с. 33].

⁶⁵ Ср.: «Желая и устремляясь быть еще грамотнее другихъ людей, поставляя слово *январь* не довольно осанистым, вдули в него *г*; пишутъ *присудствовать*, ибо подьячія чають то, что сіе слово не отъ *Суть* но отъ *Суда* [Сумароков, 1787, с. 33, 47].

изучению языка российского» (1790 г., 2-е изд. 1795 г.), созданных В. П. Световым по поручению Государственной комиссии о народных училищах. После смерти В. П. Светова его материалы были переданы для дальнейшей работы А. А. Барсову, грамматические труды которого продолжили укреплять мысль, что орфографии необходимы «постояннѣйшія и строжайшія правила», дабы не писать, «обманываясь волностію выговора», *хатѣль*, *заплотить*, *филосопскій*, *крукъ*, *книшка*, *крушка* вм. *хотѣль*, *заплатить*, *философскій*, *кругъ*, *книжка*, *кружка* [Барсов 1780, с. 86, 94]. Практику регламентации письма в следующие десятилетия продолжили «Краткие правила русского правописания» И. А. Переверзева (1782 г.), «Словарь российской орфографии, или правописания» (1813 г.), «Российское правописание» П. В. Шапова (1815 г.), «Российское правописание» Я. С. Деминского (1816).

Академия наук, «предпринимая составить непремѣнные» правила правописания, положила в основу своего труда грамматику М. В. Ломоносова и «Опыт» о правописании В. П. Светова [Сухомлинов, 1878, с. 307]. Его идеи не только утверждали ломоносовский путь в развитии русского правописания, но и способствовали формированию в обществе представления о необходимости единства в правописании, от которого в тот момент русская орфография была далека.

1.2. «Словарь Академии Российской»

Сложность орфографической ситуации XVIII в. нашла свое отражение и в «Словаре Академии Российской» (1789–1794 гг.) – первом научном академическом труде и первом толковом словаре русского языка, запечатлевшем тенденции становления русской национально-правописной нормы⁶⁶. Он оказался первым в истории русского языкознания нормативным источником для широкого

⁶⁶ Значение словаря как оригинального памятника нормирования русского письменного языка XVIII столетия подчеркивал Г. О. Винокур: «В этом отношении нельзя не видеть в словаре не оцененного еще в должном смысле предшественника тех деятелей русской литературы и русского просвещения, которые успешно закрепляли начала общенациональной нормы русской письменной речи в течение конца XVIII в. и начала XIX в.» [Винокур, 1959, с. 187–188].

круга читателей, где вопросы правописания решаются не в теоретико-идеалистическом (подобно грамматикам), а в прикладном ключе, с осмыслением зарождавшихся в узусе тенденций оформления тех или иных слов. Словарь положил начало практической работе Академии Российской в области кодификации правописания. Предисловие к словарю, вслед за «Опытом» В. П. Светова, отмечает неустойчивость и непоследовательность письма того времени:

<...> Хотя Россійское правописаніе въ краткихъ содержитсяъ правилахъ, однако много въ ономъ зависитъ отъ употребленія. Часто мѣшаютъ *а* съ *я*, *з* употребляютъ вмѣсто *с* и *с* вмѣсто *з*. Академія почла за нужное слѣдовать въ Словарѣ своемъ правописанію книгъ церковныхъ, пока сей же самый трудъ откроетъ ей довольные способы къ утверженію единожды навсегда правилъ правописанія [Словарь Академии, 1789–1794, с. XIII].

Наряду с правописанием церковных книг (*славенскій языкъ*)⁶⁷ составители словаря также опирались на «лучшихъ писателей свѣтскихъ» (*славенороссійскій языкъ*), регулярно включая примеры, свойственные русской языковой стихии, что в перспективе способствовало укреплению написания, характерного для национального варианта:

Гіена, въ церьковныхъ книгахъ пишется *Гена* (II, с. 42); *Діаконъ*, просто же *дѣаконъ* (II, с. 678) *Кристалль*, просто же *хрусталь* (III, с. 955); *Маіи*, просто же *май* (IV, с. 15); *Музыка*, по правописанію же книгъ церковныхъ *Мусикіа* (IV, с. 325); *Ночь*, по Сл.[авенски] *Ноць* (IV, с. 555); *Ночлежь*, просто же *начлежь* (IV, с. 557); *Ноцный*, просто же *ночный* (IV, с. 556); *Помощь*, просто же *помочь* (IV, с. 213); *Сваренный*, просто же *сваріоный* (I, с. 507); *Сегодняшний*, просто же *севоднишний* (II, с. 587); *Февраль*, по славянскому правописанію *Февруарій* (IV, 482);

Лакоть, Сл.[авенское], просто же *локоть* (III, с. 1135), заглавные *Налакотникъ* (III, с. 1135) и *Облокачиваюсь* (III, с. 1135) – *локотокъ*, *локотная кость*, *опереться на локоть*, *отъ локтя*, *облокотился*, *облокочусь*, *опираюсь на локоть*, *облокотиться*, *облокотившись* и только дважды *лактей*, *лактя* (III, с. 1135).

Принятая орфографическая концепция «не снимала затруднений в решении» вопросов практики, спорный характер теории правописания XVIII в.

⁶⁷ «Вопрос об орфографии был не праздным и не простым... составители словаря провозгласили традицию и авторитет церковных книг как основу своего отношения к орфографическим проблемам. В этом они не расходились с позицией Ломоносова, который... подчеркивал, что, в правописании часто “погрешают” те, кто “немного и невнимательно по церковным книгам читать учились”» [История русской лексикографии, 2001, с. 110].

предопределил «известный разброс и непоследовательность» в написании слов, приведя к «орфографическим разночтениям», нередко в пределах одного выпуска, соседних страниц и даже одной словарной статьи [Сороколетов, 2001, с. 110–111]. Приведем следующие примеры слов⁶⁸:

Изъ бѣла-рыжеватыхъ (III, с. 180), *изъ бѣларыжеватые* (III, с. 176) и *изъбѣларыжеватыми* (IV, с. 672); *блѣдноглубый* (I, с. 232), *блѣдно-голубый* (I, с. 170) и *блѣдно голубаго* (I, с. 170)⁶⁹; *на удачу* (II, с. 64) и *наудачу* (II, с. 616); *по пустому* (II, с. 69) и *попустому* (III, с. 465); *четырёх-весельное судно* и *четырёхвесельное* (I, с. 302); *карточная* (III, с. 187) и *картошной* (II, с. 508); *гречневая* (III, с. 484) и *грѣшневой* (III, с. 539, 541, 1246), *грѣшневикъ* (III, с. 838)⁷⁰; *келлію* (IV, с. 235) и *келію* (IV, с. 236, 249); *коккоса* (I, с. 43) и *кокосы* (IV, с. 703)⁷¹; *лѣнта* (I, с. 130) и *лента* (IV, с. 338); *пецинка* (III, с. 393) и *песчинокъ* (III, с. 411); *солдатскій* (V, с. 639) и *салдацкая* (I, с. 1128); *исполненное* (III, с. 225) и *изполненное* (III, с. 749); *разходъ* (I, с. 159; III, с. 264) и *рохода* (III, с. 389); *растѣній* (I, с. 629) и *ростѣניהхъ* (IV, с. 76); *шерсти* (III, с. 421) и *шерѣсти* (III, с. 545); *врешъ* (I, с. 930) и *врѣотъ* (I, с. 931); *кочовка* и *откочевка* (III, с. 887); *возточная* (VI, с. 675) и *восточного* (I, с. 243); *другаго* (I, с. 201) и *другова* (I, с. 453).

Не всегда решаясь определить, какое же написание слова рекомендовать в качестве правильного, в ряде случаев составители указывают в заголовке словарной статьи два варианта:

⁶⁸ О словаре подробно в: Науменко С. В. Опыт нормирования правописания в «Словаре Академии Российской» 1789–1794 гг. // Вопросы языкознания. – 2020. – № 4. – С. 115–131.

⁶⁹ С другой стороны, в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847 г.) правописание таких прилагательных единообразно: *чернобагровый* (IV, с. 432), *темносѣрый*, *темнорусый* (IV, с. 275), *свѣтлорусый*, *свѣтлосѣрый* (IV, с. 105), *блѣдноглубый* (I, с. 63), но *изчерна красный* (IV, с. 432).

⁷⁰ Следует указать, что примеры написания одних и тех же слов с буквенным сочетанием *чн* или *ин* в общей массе редки. Как правило, слово встречается только в одном написании с явным преобладанием среди них сочетания *чн*: *калиточный* (III, с. 401), *калачной* (III, с. 397) *коробочной* (III, с. 834), *оберточная* (I, с. 382), но *чулошныя* (III, с. 182), *клееношная* (III, с. 597), *рамошная* (III, с. 407), *огурешный* (IV, с. 834). Написания с *ин*, как правило, встречаются в иллюстративном материале, хотя могут быть и в позиции заглавного слова: *Лавошниковъ* (III, с. 1124), *Сливошный* (III, с. 1246), *Сливошникъ* (III, с. 1246), *Огурешный* (IV, с. 617), *Огурешникъ* (IV, с. 617). Распределение написаний не представляется возможным объяснить принадлежностью к определенной тематической или, например, стилистической подгруппе: в пределах одинакового контекста без каких-либо комментариев *буднишний* и *праздничный* (IV, 1067), хотя *буднишний* и *празднишний* (II, с. 582), *бочешный*, но *боченочный* (I, с. 304).

⁷¹ Количество заимствованных слов в словаре невелико, поскольку составители словаря руководствовались «идеей самодостаточности славенороссийского языка и соображениями пуризма» [История русской лексикографии, 2001, с. 106].

Бережекъ и *бережокъ* (I, с. 126); *Горкій* и *горькій* (II, с. 272); *Горничная* или *горнишная* (II, с. 234); *Миртъ* или *муртъ* (IV, с. 144); *Калчанъ* или *колчанъ* (III, с. 403); *Таваръ* или *товаръ* (VI, с. 5); *Стоканъ* или *стаканъ* (V, с. 740); *Лавочникъ* и *лавошникъ* (III, с. 1124); *Математика* или *маѳематика* (IV, с. 326); *Риторъ* или *реторъ* (V, с. 147); *Равнина* и *ровнина* (V, с. 14); *Угараю* и *угараю* (II, с. 271); *Черствый* или *чорствый* (VI, с. 715); *Печникъ* и *пешникъ*, *печниковъ* и *пешниковъ* (IV, с. 750);

В единичных случаях одно из вариативных написаний заглавного слова может характеризоваться как более правильное:

Олтарь, правильнѣе же *алтарь* (IV, с. 631); *Крендель*, правильнѣе *кренгель* (III, с. 930); *Муштукъ*, правильнѣе *мундштукъ* (IV, с. 347)

Примеры вариативных написаний среди заглавных слов немногочисленны, они не отмечаются в специальных указателях слов к выпускам словаря. Это отражает ориентир составителей на выбор в качестве нормативного только одного варианта: *Блеклый* и *бліоклый* (I, с. 221), *Каблукъ* и *коблукъ* (III, с. 351), *Чеботы* или *чоботы* (I, с. 303) в указателях соответствующих выпусков словаря представлены только вариантами *Блеклый*, *Каблукъ*, *Чеботы*. Кроме того, иллюстративный материал в такой словарной статье и производные к заглавному слову, как правило, пишутся единообразно:

заглавные *Мучный* или *Мушный* – *мушнистый*, *мушникъ*, *мушниковъ*, *мушню*, *мушнюсь*, *замушнить*, *измушнить*, *намушнить* (IV, с. 326); *Крапива* или *кропива* (III, с. 900) – *крапивка*, *крапивистый* (*обилующій крапивою*), *крапивное сѣмя*, *крапивное сукно* (III, с. 900);

заглавные *Лоханъ* или *лаханъ* (III, с. 1320) – *лоханка*, *большая*, *малая лоханъ*; *лоханка для мытья посуды*; *серебряная*, *фарфоровая*, *глиняная лоханъ* (III, с. 1320, 1321); *Олтарный* – *олтарю*, *въ олтарѣ*, *на олтарѣ* (IV, с. 631).

Орфографическую систему словаря отличает функциональная дифференциация, выражающаяся в наличии трех контрастирующих подсистем, для которых характерно не только разное понимание природы орфографической нормы, но и разный подход к регламентации правописания в целом и конкретных спорных случаях.

1. Подсистема указателей слов к выпускам словаря, отличающаяся отсутствием вариативных написаний (независимо от их наличия в заглавных

словах или иллюстративном материале), не связанных с отражением семантических, орфоэпических или грамматических особенностей слов:

заглавные *Канатъ* или *конатъ* (III, с. 424) – в указателе к выпускам словаря только *Канатъ*; *Разъискиваю* или *розъискиваю* – в указателе только *Разъискиваю* (III, с. 337).

Можно предположить, что в подобных случаях составители словаря выразили свой взгляд на орфографический эталон, где нормативным осознается только одно из существующих (или потенциально возможных) написаний. Такое понимание сути орфографической нормы могло сложиться под влиянием авторитета В. П. Светова, орфографические труды которого отличает совершенно нехарактерное для XVIII в. полное отсутствие вариативных написаний и последовательное утверждение идеи твердости и единства орфографии.

2. Подсистема заглавных слов, где вариативные написания допускаются в ограниченном количестве⁷². Орфография производных слов и иллюстративный материал достаточно последовательно отражают написание только одного варианта заглавного слова, который, вероятно, рассматривается как более правильный:

заглавные *Колпакъ* и *капакъ* (IV, с. 732) – *колпачекъ*, *колпачище*, *колпашница*, *колпашникъ* и *колпашникъ*, *колпачный* и *колпашный*;

заглавные *Истина* и *истинна* – *воистинну*, *поистиннѢ*, *самоистинна*, *истинный*, *истинно* (III, с. 320);

Как отмечалось выше, вариативность данной позиции не отмечается в Указателях слов к выпускам словаря.

3. Подсистема иллюстраций и однотипных слов в разных выпусках словаря, где нормативный фокус оказывается нечетким, поэтому и наблюдаются многочисленные вариативные написания:

Мужчина (IV, с. 324) и *муцинъ* (I, с. 166, 442; II, с. 686; III, с. 73), *мужицина* (III, с. 948); *хмель* (VI, с. 563) и *хмѢльной* (I, с. 309); *хлебаю* и *похлебка* (VI с. 548, 550) и *похлѣбки* (II, с. 20), *въ похлѣбкахъ* (Ч. III, 618); *поэма* (Ч. IV, с. 1023) и *поему* (III, с. 510); *тетрадка* (VI; с. 1130) и *тетратка* (I, с. 12); *узкогоролаго сосуда* (I, с. 18, 381) и *узкогорлые сосуды* (I, с. 854); *сучекъ* (V, с. 963) и *сучокъ* (III, с. 1304); *насквозь* (III, с. 176) и *на сквозь* (III, с. 1308); *овально-продолговатый* (VI, с. 48, 381) и *овально продолговатый* (VI, с. 49); *По Руски* (III, с. 17) и *по-*

⁷² В в результате выборки значительных фрагментов текста из каждого выпуска словаря встретилось чуть более ста примеров вариативности заглавных слов.

руски (II, с. 320); *по проповѣднически* (I, с. 992) и *поиночески* (III, с. 308); *сыскивается* (III, с. 1219), и *сыскиваетсяшь* (III, с. 339); *желудь* (II, с. 1098) и *жолудь* (IV, с. 49); *щетка* (V, с. 958) и *щотки* (III, с. 494); *ушоль* (I, с. 355) и *дошель* (I, с. 481); *въ знакъ овна* (IV, с. 607) и *Подъ Тельцомъ* и *Близнецами* (IV, с. 640); *Юля* (III, с. 346), *Сентября* (III, с. 529) и *въ шестой день августа* (IV, с. 597); *неуважая* (III, с. 137) и *не таясь* (III, с. 990).

Если первая и вторая орфографические подсистемы представляют читателям словаря практику-эталон, явившуюся, вероятно, результатом тщательного обсуждения и последовательного согласования, то третья подсистема отражает реальный опыт повседневного письма его составителей во всем многообразии их индивидуальных орфографических привычек и вкусов, возможно, без корректуры и редактирования⁷³. Современники, указывая на подобные примеры непоследовательности и противоречивости правописания в разных выпусках словаря, объясняли это несовпадением и изменчивостью взглядов его составителей на орфографический эталон⁷⁴.

Среди составителей словаря, как свидетельствуют записи собраний членов академии, нередко происходили продолжительные споры о выборе того или иного написания. Например, при обсуждении порядка употребления конечных *ь* или *ъ* в существительных мужского рода было «выведено и постановлено правилом» писать *плачь*, так как *плача*; *овощь*, так как *овоца*, но *гость*, так как *гостя*⁷⁵ [Сухомлинов, 1887, с. 147–148]. Достигнутое соглашение соблюдается исключительно последовательно во всех орфографических подсистемах словаря:

Бичь (I, с. 599), *карандашь* (III, с. 443), *косець* (III, с. 857), *камернажь* (III, с. 409), *ландышь* (III, с. 1145), *падежь* (I, с. 212), *творець* (I, с. 699)⁷⁶.

⁷³ В словаре «есть возможность угадывать тот идеал языкового употребления, по направлению к которому движутся составители сквозь богато отражаемые ими языковые противоречия своего времени» [Винокур, 1959, с. 164].

⁷⁴ «Они (составители – С. Н.) часто *перемѣняютъ его* (правописание. – С. Н.), *смотря по тому, какое наблюдаетъ который-нибудь изъ нихъ особенно*» (выд. мной. – С. Н.) [Гейм, 1799, с. 6].

⁷⁵ «Чтобы *ь* ставить в тех именах, которые в родительном падеже оканчиваются на *а* и *ь* – в именах, оканчивающихся в родительном на *я*» [Сухомлинов, 1887, с. 147–148].

⁷⁶ Колебания в выборе *ь* и *ъ* в этой позиции уже на рубеже XIX–XX вв. отражает «Справочный указатель спорных написаний в русской орфографии» В. Разыграева: *врачь(ь)*, *мечь(ь)*, *плачь(ь)*, *дожчь(ь)*, *дожжь(ь)*, *Гречь(ь)* и т.д. [Разыграев, 1887].

Также следует отметить последовательное употребление буквы ъ в корне, что на фоне характерной для конца XVIII в. «большой пестроты в данном отношении», несомненно, отражает сознательные нормализаторские устремления составителей словаря⁷⁷ [Винокур, 1959, с. 167]:

Сѣбра (I, с. 674), *бѣльмо* (I, с. 443), *рѣзьба* (II, с. 531), *вѣрность* (II, с. 51), *зрѣлище* (III, с. 126), *доспѣхи* (III, с. 352).

Необходимо указать и устойчивость орфографического оформления в соответствии с произношением сочетания *цы* в корне собственно русских слов или значительно обрусевших, например:

Цыганъ (*цыганство, цыганю, зацыганить, разцыганить*), *цыпки* (*ходить на цыпкахъ, на цыпочкахъ*), *цытъ* (*межд.*) (*цыпля, цыпленокъ, цыпленочекъ, цыплячій цыплятникъ*) (VI, с. 629–632).

Последовательным в словаре оказывается написание корней *-мак / мок-*, *-лаг / лож-*, *-кас / кос-* и *-зар / зор-*:

Промокнуть, намокнуть, замокнуть, обмакивать, промакивать (IV, с. 63–64); *предлагать, предложене, располагать, расположение* (III, с. 1279–1280); *касаться, коснуться, прикасаніе, прикосновеніе* (III, с. 456–457); *заря, зарево, озаряюсь, предозаряю, бить зорю* (II, с. 18–19).

Практически не знает исключений оформление наименования лиц по роду деятельности с опорой на произношение:

Перенощикъ (I, с. 148, 167, 168, 580, 581, 796, 919, 1073); *прикащикъ* (II, с. 290); *каменищикъ* (III, с. 139, 1011) и *каменьщикъ* (III, с. 283); *перескащикъ, перенощикъ* (III, с. 386, 387), *донощикъ, донощиковъ*, хотя *доносчиково* (VI, с. 497).

Материалы словаря свидетельствуют также о внимательном отношении составителей словаря и к выбору *о* и *е* для обозначения ударного гласного после шипящих в корневой морфеме. Трудно сказать, насколько здесь вариативность связана с возможным параллелизмом произношения, поскольку произношение [о] только в единичных случаях маркируется как характерное для простого слога,

⁷⁷ Есть и обратные примеры, когда в указателях слов и заглавных рекомендуется буква *е*, но в иллюстративном материале словаря встречаются написания с *ѣ*: заглавные *Греча, Грешневый, Грешневикъ* (III, с. 342), но далее в иллюстрациях *грѣшневикъ, грѣшневой* (III, с. 539, 541, 838, 1246); *Лента* (III, с. 1174), но иллюстрация *лѣнта* (I, с. 130).

что, вероятно, говорит в пользу его общеупотребительности к моменту создания словаря:

заглавные *Жерновъ*, въ просторѣчїи говорить и *жорновъ* (II, с. 1111); *Жесткій*, просто говорится *жосткой* (II, с. 1112), *Желтый* или *жолтый* (II, с. 1094); *Желобъ*, *жолобъ* (II, с. 1093); *Желто* или *жолто* (II, с. 1094), *Печенка* и *печонка* (IV, с. 799), *Шепоть* и *шопоть* (VI, с. 870), *Шепотомъ* и *шопотомъ* (VI, с. 870), *Щеголь* и *щоголь* (VI, с. 945), *Щечка* или *щочка* (VI, с. 948), *Щелочу* или *щолочу* (VI, с. 969), *Чеботы* или *чоботы* (I, с. 303), *Челнь* или *чолнь* (VI, с. 688).

Первым в такой паре вариантов, как правило, приводится написание с *e*, исключение составляет заглавное *Щолокъ* или *щелокъ* (VI, с. 969). Большинство иллюстраций в словарных статьях пишутся через *e*. Следует подчеркнуть, что в целом вариативность конкретных написаний в иллюстративном материале разных выпусков носит единичный характер:

Желобкомъ (I, с. 709) и *жолобкомъ* (II, с. 200), *желобоватое* (III, с. 1320) и *жолобоватое* (III, с. 1257), *желтоватая*, *желтоватой*, *желтый* (I, с. 13, 67, 240, 387) и *жолтый* (I, с. 62), *нечеткую*, *нечетко* (I, с. 1128; IV, с. 361) и *чоткїй* (VI, с. 813), *четки* (VI, с. 817) и *чотки*, *чотокъ* (I, с. 260, 600), *щетка* (VI, с. 958) и *щотка* (III, с. 494).

Исключение здесь составляют префиксальные формы глаголов прошедшего времени, где вариативность оказывается регулярной:

Нашоль (I, с. 149), *ушоль* (I, с. 355, 651; II, с. 145), *пришоль* (I, с. 674; II, с. 572; III, с. 96), *пошоль* (I, с. 925; III, с. 54), *прошоль* (I, с. 932), но *дошель* (I, с. 481), *превзошель* (I, с. 624), *изшель* (I, с. 462), *вышель* (III, с. 54), *прошель* (IV, с. 347), *ушель* (IV, с. 441).

В указателях к разным выпускам словаря вариативность выбора гласных в ударной позиции после шипящих в корне не отражена, в качестве единственно возможных последовательно регламентируется также написание с *e*, за исключением ряда *Щолокъ*, *щолочная соль*, *щолочной*, *щолочность*, но *щелочу*, *щелоченїе* (VI, с. 969–970). Таким образом, составители словаря отдают предпочтение написаниям, поддерживающим единство графического облика корневой морфемы, независимо от произношения: *Шерохъ*, *шероховато*, *шероховатость*, *шерошу*, *шерошенїе* (VI, с. 872). Кроме того, написания с *e* позволяют составителям словаря с большей степенью наглядности отразить представление о словопроизводственном характере письма.

С другой стороны, в части написания, например, суффикса существительных *-ок-* под ударением рекомендации указателей к разным выпускам словаря и заглавных слов оказываются размытыми и непоследовательными:

Баумачокъ (I, с. 112), *клычокъ* (III, с. 638), *куличокъ* (III, с. 1061), *клочокъ* (III, с. 619), *лучокъ* (III, с. 1326), *смычокъ* (IV, с. 613), *паучокъ*, *пучокъ*, но *боченокъ* (I, с. 304), *волчекъ* и *волченочъ* (I, с. 819), *дьячекъ* (II, 852), *жучекъ* (II, с. 1196), *крючекъ* (III, с. 1044), *вершокъ* (I, с. 629), *мѣшокъ* (IV, с. 429), но *мышенокъ* (IV, с. 378), *дружокъ* (II, с. 767), *кружокъ* (III, с. 1004), *лужокъ* (III, с. 1323), но *медвѣженочъ* (IV, с. 76), *рожекъ* (V, с. 153), *рычажекъ* (V, с. 240).

Данный тип вариативности характерен и для иллюстративного материала, причем фонетические написания там нередко противоречат заявленным в указателях или заглавных словах написаниям с буквой *е*: заглавное *Горшекъ* (II, 259), в иллюстрации *горшокъ* (III, 1313), заглавное *Корешекъ* (III, 814), в иллюстрации *корешокъ* (I, 813; III, 60, 1313; IV, 648), заглавное *Крючекъ* (III, 1044), в иллюстрации *крючокъ* (I, 222, 241). Какие-либо пометы, указывающие на особенности произношения или разную стилистическую принадлежность слов, отсутствуют. Можно предположить, что широко представленные в словаре фонетические написания именного суффикса *-ок-* интуитивно осознаются как более перспективные.

Острый спор среди составителей словаря возник о написании слов с префиксами на *с-/з-*, но в этом случае достичь полного соглашения о единообразном оформлении не удалось⁷⁸. Как следует из материалов указателей к выпускам словаря, в качестве эталонных воспринимается их фонематическое написание (*з* на исходе префикса), однако последовательно во всех частях словаря оно выдерживается только у префикса *без-* перед любой глухой согласной и префиксов *воз-*, *из-*, *раз-* перед согласной *с*:

⁷⁸ Некоторые из членов академии, утверждая свое мнение грамматическими и другими старинными книгами, предлагали писать *с* во всех без исключения словах, сложных с предлогами *воз-* или *вз-*, *из-*, *низ-*, *раз-*, *без-* и пр. Другие советовали держаться словопроизводства, если дать волю выговору, то у всякого родится свое правописание. Наконец, многие были того мнения, чтобы следовать правописанию церковных книг, в которых перед мягкими согласными *б*, *г*, *д*, *ж*, *з* и плавными *в*, *л*, *м*, *н*, *р* употребляется *з*, например: *возбудить*, *возглаголатъ*, *воздержать*, *возложить*, *изреци*. Перед согласными же твердыми *к*, *п*, *т*, *х*, *ц*, *ч* – *с*: *воскликнуть*, *воспріять*, *исходитъ*, *истереть*, *сцѣлится*, *расчитывать* и пр. Исключение должны составлять слова, сложные с предлогами *без-* и *низ-*, и удерживающія вездѣ *з*-» (цит по: [Сухомлинов 1887, с. 147–148])

Безковарный (III, с. 23), *безподобный* (II, с. 693), *безпредѣльный* (II, с. 878), *безхвостный* (VI, с. 529), *безцѣнный* (VI, с. 645), *безчадствую* (VI, с. 657), *безщастный* (VI, с. 942), *безсонный* (V, с. 654), *безсочный* (V, с. 634), *возсвирѣнїе* (V, с. 361), *возскрежетати* (V, с. 498), *изсалить* (V, с. 330), *изстрогать* (V, с. 903), *изсверлить* (V, с. 355), *разснастка* (V, с. 623), *разсоль* (V, с. 650), *разсылщикъ* (VI, с. 908) и др.

Написание префиксов *воз-* и *раз-* перед *к, п, т, х, ц, ч, ш* и *щ* в указателях к выпускам словаря также устойчиво и не отражает произношение, но вот среди заглавных слов и особенно иллюстративного материала фонетические написания, конкурирующие с фонематическими, весьма частотны. Наиболее значительные колебания характеризуют префикс *из-*, написание которого перед глухими согласными даже в указателях слов, обычно представляющих четкий и последовательный эталон, оказывается неустойчивым:

Взклепъ (III, с. 609), *взкормлю* (III, с. 827), *возприятный* (II, с. 999), *возтекаю* (VI, с. 78) и *всклочивать* (III, с. 619), *восприяти* (III, с. 941)⁷⁹, *воскресять* (III, с. 945)⁸⁰, *вступаетъ* (III, с. 1151); *разкуруиваю* (III, с. 1091), *разкрытый* (III, с. 1000), *разпротрапяю* (V, с. 856), *разцарапанный* (VI, с. 611), *разчерченый* (VI, с. 723), *разшибиться* (VI, с. 883), *разходъ* (III, с. 274) и *раскрываюсь* (I, с. 614), *раскладывать* (III, с. 420), *раскупленіе* (I, с. 159), *распался* (III, с. 283); *разплавляютъ* и *расплавятся* (III, с. 416); *износѣть* (V, с. 1037) и *исповѣдую* (I, с. 985), *исключительное* (III, с. 295) и *изключая* (II, с. 60; III, с. 490, 647); *ископаемое* (III, с. 417, 541) и *изкопаемымъ* (IV, с. 91); *испареніи* (III, с. 409) и *изпаряюся* (III, с. 239); *испещрена*, *испещренныя* (III, с. 744) и *изпещренной* (III, с. 789); *исполненное* (III, с. 225) и *изполненное* (III, с. 749), *источникъ* (IV, с. 58; 481) и *източникъ* (III, с. 240, с. 1017) и др.⁸¹

Особое место занимает префикс *с-*, в отношении которого рекомендации словаря в подсистемах заглавных слов и указателей к выпускам оказываются не просто сбивчивыми, а отчасти даже парадоксальными: перед согласной *б* корня написание префикса учитывает всегда произношение (*зб*), тогда как перед, например, *г*, наоборот, нет (*сг*):

⁷⁹ Хотя буквально на соседней странице *возприемникъ*, *возприемлетъ* (III, с. 936).

⁸⁰ На предыдущей странице *возкрешаю* (III, с. 944).

⁸¹ Я.К. Грот полагал, что постепенно утверждавшееся фонетическое написание префиксов на *з-* противоречит характеру нашего письма, поскольку другие «всегда сохраняют свои коренные буквы (*под-, над-, об-, пред-*)». И если бы в будущем «предвиделась возможность изменить давно укоренившийся обычай, то лучше было бы установить, чтобы все предлоги без изъятия всегда писались по этимологии; конечно, начертания *изтреблять, низходитъ, възкресъ, вразплохъ*, когда бы глаз успел к ним привыкнуть, были бы вовсе не страннее, чем *подслушивать, надпись, обставить*» [Грот, 1899, с. 699].

Збавка (I, с. 71), *зберегатель* (I, с. 125), *збиралище* (I, с. 141), *зближаю* (I, с. 227), *зближеніе* (I, с. 227), *збойникъ* (I, с. 190), *зборникъ* (I, с. 142), *зботать* (I, с. 301), *зборы* (I, с. 142), *збродъ* (I, с. 331), *збѣганіе* (I, с. 419), но *сгараемый* (II, с. 267), *сгибаю* (II, с. 128), *сглотнуть* (II, с. 88), *сгноить* (II, с. 119), *сговорчивый* (II, с. 158), *сговоръ* (II, с. 157), *сгоняю* (II, с. 227), *сгребаю* (II, с. 337), *сгромоздить* (II, с. 359), *сгрустить* (II, с. 387), *сгубить* (II, с. 421).

Однако в иллюстративном материале выпусков (третья подсистема), вопреки рекомендованным указателями написаний типа *збавка*, но *сговоръ*, часто встречаем обратные:

Сбить (III, с. 1043), *сбиваютъ* (IV, с. 83), *сближаю* (IV, с. 164), *сбираемся* (II, с. 380), *сбирать* (II, с. 661), *сбавленный* (III, с. 1245), *сбавляю* (IV, с. 532), *сбыла* (IV, с. 691), *сбривали* (IV, с. 262); *зглаженный* (II, с. 60), *зголовокъ* (II, с. 183), *згорбиться* (II, с. 238). *згораю* (II, с. 268), *згибъ* (I, с. 134; 226), *згибки* (I, с. 145), *згибаю* (I, с. 145), *зговорчивый*, *зговорчивость* (I, с. 1053), *зграбаздалъ* (II, с. 291)⁸².

Любопытны рекомендации словаря в части выбора гласных в корне *-гар / гор-*, где составители сознательно отказались от учета в качестве традиционного критерия оформления корня видовой характеристики (*a* – несов. вид (многократность), *o* – сов. вид (однократность)) и попытались нормативно закрепить в безударной позиции гласную *o* (впрочем, не всегда последовательно), тем самым интуитивно поддержав процесс формирования будущей национальной орфографической нормы, утвержденной позже Я. К. Гротом⁸³:

Горю (II, с. 260), *возгораюсь* (II, с. 266), *загораю* (II, с. 266), *загорѣлый* (II, с. 267), *нагораю* (II, с. 267), *обгораю* (II, с. 268), *перегораю* (II, с. 268), *подгораю* (II, с. 269), *погораю* (II, с. 269), *погорѣть* (II, с. 269), *погорѣлый* (II, с. 269), *погорѣлое* (II, с. 269), *пригораю* (II, с. 269), *разгораюсь* (II, с. 270), *угорѣлый* (II, с. 271), *сгорать* (II, с. 270), хотя *догораю*, (II, с. 266) *сгараемый* (II, с. 267), *удобосгараемый* (II, с. 267), *изгораю* (II, с. 266), *изгарь* (II, с. 266), *прогораю* (II, с. 270).

В то же время словарь отразил немотивированное и довольно беспорядочное употребление старой книжной формы *расти* и собственно русской *рости* (включая производные). В одной части слов написание четко соотносится с

⁸² Во втором издании словаря (1806–1822 гг.) кодификация префикса *с-* в этих позициях уже однообразна: *Сбавка*, *сбавлять*, *сбить*, *сбивчивый*, *сбиралище*, *сберегательный*, *сборъ*, *сборище*, *сглотнуть*, *сгибъ*, *сдача*, *сдвигать* (VI, с. 34, 37, 40, 99, 108).

⁸³ «Лучше писать в них *o*, оставляя *a* только там, где оно твердо установилось... в четырех глаголах (*полагать*, *касаться*, *макать*, *скакать* – С. Н.)» [Грот, 1894, с. 24].

видовой характеристикой (*a* – несов. вид, *o* – сов. вид), тогда как в другой подобная корреляция отсутствует, поэтому независимо от вида они пишутся либо с гласной *o*, либо с *a* (редко)⁸⁴:

1) *дораствая*, формы *дорастать* (несов. вид), но *доросту* и *дорости* (сов. вид); заглавное *вырастаю*, формы *выросту* и *вырости* (сов. вид); заглавное *Возрастаю*, формы *возрастать* (несов. вид), но *возросту* (сов. вид); заглавное *Вростаю*, формы *взрастать* (несов. вид) и *вросту*, *врости* (сов. вид);

2) *подростаю*, формы *подросту*, *подрости* (сов. вид) и *подростаеть* (несов. вид); заглавное *Произрастаю*, формы *произростать* (несов. вид) и *произросту*, *произрости* (сов. вид); заглавное *Уросту*, формы *уростать* (несов. вид) и *урости* (сов. вид);

3) *израстаю* (несов. вид), форма *израсту* (сов. вид); заглавное *разрастаюсь* (несов. вид), форма *разрастусь* (сов. вид)⁸⁵.

Представляется, что именно в этой нестабильности, во-первых, отражено понимание составителями словаря неактуальности для живого правописного узуса критерия глагольного вида. Во-вторых, достаточно регулярное употребление гласной *o* в форме несовершенного вида (при прежнем книжном *a*) свидетельствует о сознательном стремлении составителей «Словаря Академии Российской» дать преимущество именно русскому оформлению.

Широко иллюстрирует словарь и вариативность написаний с *e/ю* в ударной позиции после парных мягких согласных и в начале слова, которую представляют варианты в заголовке словарной статьи и в иллюстративном материале к разным выпускам словаря:

заглавные *ДѢлѣжь* или *дѢлюжь* (II, с. 869; но далее заглавное *ДѢлюжнѣй*), *Медь* или *міодь* (IV, с. 78, в ил.м. статьи 6 раз только *сотовой медь*, *медь липець*, *пить медь*, *бѣлый медь*, *крѣпкій медь*), но далее в тексте словаря *наковырять мѣду* (III, с. 680), *Блѣкльѣй*, *блѣкльѣй* (I, с. 221), *Блѣстка*, *блѣстка* (I, с. 222), *Блѣсточникъ* или *блѣсточникъ* (I, с. 222); *Гусіокъ* и *гусенокъ* (II, с. 443); *Побасенка* или *побасіонка* (I, с. 115);

⁸⁴ С.П. Обнорский отмечал характерное для русской языковой стихии «стремление к удержанию корневого *o* и в многократных формах» (*выроцать*, *выростать* – несов. вид) [Замечание С.П. Обнорского, Б.М. Ляпунова, В.И. Чернышева о правописании слов с корнем -*ро(а)ст-* (по итогам заседаний объединенной орфографической комиссии 12–17 июня 1936 г.)// Ф. 502. Оп. 3. Д. 110. Л. 18 – 18 об.]. Подробнее в § 3.5. «Орфографическая конференция в Академии наук СССР».

⁸⁵ В безударной позиции перед согласной *щ* употребляются обе гласные: *изращеннѣй* (V, с. 85), *приращаю* (V, с. 86), *заращаю* (V, с. 85), но *пророщаю* (V, с. 87); *рощеніе* (V, с. 83), *вырощеніе* (V, с. 85), *зарощеніе* (V, с. 85), но *приращеніе* (V, с. 86), *возращеніе* (V, с. 84).

Сережка и *серіожный замочекъ* (V, с. 437), *серіожками* (III, с. 434); *врешь* (I, с. 930) и *вриотъ* (I, с. 931), *нейдетъ* (III, с. 206) и *нейдіотъ* (V, с. 168), *легкое* (III, с. 1153) и *лѳогкія* (III, с. 355), *на лѳогкую* (III, с. 1156), *ледъ* (III, 8 с. 35) и *подліодный* (III, с. 1161), *безперый* (II, с. 193) и *двупіорой* (II, с. 190), *однопіорой* (II, с. 191), *дереть* (II, с. 634) и *деріотъ* (II, с. 634); *Заліотъ*, *заліотный*, *изліотъ*, *съ наліоту*, *отліотъ*, *отліотный* (III, с. 1185–1186), но *перелетный*, *перелетный*, *полеть*, *прилетъ*, *прилетный*, *пролетъ*, *на пролетъ*, *слетъ*, *улетъ*, *разлетъ* (III, с. 1188 – 1190), *похлебка* (VI, с. 548, 550) и *похліобки* (II, с. 20), *въ похлѳбкахъ* (III, с. 618).

Написания с *іо* отражали произношение, которое было характерно для простого слога, однако указание на эту принадлежность у заглавных слов отмечается лишь в единичных случаях:

Ежъ, просто же *іожъ* (I, с. 507), *Еришь*, просто же *іоришь* (II, с. 1016), *Емкій*, просто же *іомкій* (II, с. 956), *Наемный*, просто же *наіомный* (II, с. 968).

Вероятно, это объясняется тем, что к моменту создания словаря такое произношение в большинстве случаев могло осознаваться составителями уже как общепотребительное. При этом указатели слов, как правило, отражают написания с *е*: *Блеклый*, *Блестка*, *Блесточникъ*, *Легкій*, *Ледъ*, *Побасенка*, *Похлебка*⁸⁶. Возможно, подобным образом составители словаря стремились укрепить практику обозначать ударный [о] после парных мягких согласных или в позиции начала слова графически буквой *е*. Можно предположить, что эта рекомендация вновь была связана с влиянием «Опыта нового российского правописания» В. П. Светова, где звучит требование «буквы *іо*, произносимой как тонкое *о*, не писать ни в одном российском речении, а употреблять *е*, например, *приемъ*, *ежъ*, *Петръ*, *овесъ*, *елка*, вместо *приіомъ*, *іожъ*, *Піотръ*, *овіосъ*, *іолка*» [Светов, 1787, с. 13]. Противоположной точки зрения придерживается М. В. Ломоносов, указывая в «Российской грамматике», что букву *іо* следует «употреблять въ нужныхъ случаяхъ» [Ломоносов, 1755, с. 43] Впрочем, в тексте грамматики отсутствует не только перечень таких случаев, но и данная буква⁸⁷.

Несмотря на то, что орфографическая система словаря фиксирует множество примеров вариативных написаний, составители проделали серьезную

⁸⁶ Обратный пример: *Заліотъ* (III, с. 1185), *Кіокъ*, *кліоцки*, *кліопанъ*, *кліопанный* (III, с. 606, 618)

⁸⁷ «На что надобно *все* перемѣнять на *всіо*? А коли потребно, такъ писать надобно такъ: *Альона*. А для чего писать *іожъ*, а не *йожъ*, етова я и не постигаю» [Сумароков, 1787, с.46].

работу по нормированию правописания конца XVIII – начала XIX вв. и установлению его правил, хотя последние «не были детально и полно сформулированы» [Сороколетов, 2001, с. 112]. Гнездовой порядок расположения слов «способствовал пониманию морфологического характера нашего правописания» [Гвоздев, 1963, с. 69]. Своей орфографией словарь во многих случаях «как бы предвозвещает то направление, по которому пошло в ближайшие к эпохе его составления десятилетия развитие и закрепление этих правил» [Винокур, 1959, с. 187–188].

Работа над академическим словарем «открыла через то путь» к составлению «Российской грамматики, сочиненной Императорской Российской Академией наук» (1802 г.), которая стремилась дать «твердое основаніе въ правилахъ языка отечественнаго» [Российская грамматика, 1802, с. II]. Здесь было четко обозначена морфологическая (в категориях той эпохи) основа русского письма, что создало «прочную базу борьбы за упорядочение орфографической практики» [Ожегов, 1974, с. 329]:

<...> Въ письмѣ произношенію слѣдовать не должно, но употреблять, сообразуясь съ словопроизведеніемъ [Там же, с. 6];

<...> въ правописаніи основываться надлежитъ на правилахъ словопроизведенія [Там же, с. 7].

Правописание, как отмечает президент Академии Российской А. С. Шишков (1813–1841 гг.), должно составлять один из «главныхъ предметовъ» заботы академиков. В числе важных условий упорядочения письма им указывается разработка большого словаря «по кореньямъ», отражающего словопроизводственные связи слов, составление «правиль для единообразнаго правописанія» и необходимость «постоянно держаться оныхъ» [Сухомлинов, 1887, с. 221]. Непременный секретарь Академии должен был «имѣть надзоръ» за изданием академических трудов и непременно сообщать, «ежели усмотритъ что-то противное принятому» академиками правописанию [Там же, с. 464]. Однако до выхода работ Я. К. Грота орфографический вопрос остается неразработанным.

1.3. Особенности орфографии «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля

На протяжении всего XIX в. вопросы правописания «не сходят» со страниц периодических изданий [Рождественский, 1951, с. 185]. Неупорядоченность и неустойчивость не устраняют грамматические труды А. Х. Востокова, Н. И. Греча, И. И. Давыдова, Ф. И. Буслаева⁸⁸. «Запутанность» и «затруднительность» русской орфографии происходила во многом из-за несогласованности рекомендаций руководств, нередко оказывавшихся виновниками «орфографической путаницы» [Белинский, 1860, с. 95; Малорошвиллов, 1885, с. 312]. Правописание, отмечал автор «Русской грамматики» 1856 г. В. И. Классовский, требовало согласия многих лиц, тогда как в практике известнейших грамматистов, писателей и издателей регулярно обнаруживались «довольно сбивчивые разнорѣчія» [Классовский 1856, с. 305]. По этой причине правописание не только «не двигалось вперед, но даже не устанавливалось никогда, а все колебалось и колеблется до сих пор»⁸⁹ [Добролюбов, 1936, с. 479]. В. И. Классовский указывает следующие условия «единообразнаго соблюденія» письменной практики: 1) в рекомендациях грамматик «быть не должно никакого разнорѣчія», 2) пишущим не следует «позволять себѣ никакихъ оригинальностей» в орфографии, 3) необходимо придерживаться «одной

⁸⁸ В. И. Даль в одном из писем редактору и издателю газеты «Русский» М. Погодину заметил: «Покойный Н. И. Греч, шутивший иногда очень складно, уверял, что в былые времена будто бы была вывеска “Въ хотѣ вакадѣмію”. Притча эта, по переложении в прямой, насущный смысл, говорит, что даже между учеными нашими русская грамота не устоялась, а еще шатка, и против этого нельзя спорить» [Даль, 1868, с. 3].

⁸⁹ Например, списки «ятевых» слов у Н. И. Греча и А. Х. Востокова имеют расхождения в содержании: *апрѣль*, *линѣйный*, *копѣйка*, *крѣпкій*, *мѣтить*, *затѣя*, *стрѣла*, *снѣгъ*, *возгнѣтать*, *подгнѣта*, *пѣть*, *плѣшь*, *посѣтить*, *цѣна*, *свѣтъ*, *хрѣнь* – только у Н. И. Греча; *бѣлуга*, *плѣть*, *прилѣжный*, *бѣльмо* – только у А. Х. Востокова [Греч, 1843, с. 125; Востоков, 1831, с. 132–134]. Последний особо отмечает непоследовательность правописания слов с буквой ъ, в частности *лѣчить*, *лѣкарь* (пишутъ также *лечить*, *лекарь*), *рѣшето* (пишутъ также *решето*), *рѣдька* (пишутъ также *редька*), *мѣлкій* (пишутъ также *мелкій*) [Востоков, 1831, с. 132–134]. Н. И. Греч рекомендует *грѣча*, у Я. К. Грот – *греча*, *гречица* [Греч, 1843, с. 125; Грот, 1894, VIII]. По этому поводу Е. Ф. Будде замечает, что написания с ъ, не имея к тому моменту опоры в языковой системе, часто оказываются произвольными [Будде, 1901, с. 127–131].

(сознательно усвоенной разъ и навсегда) системы правописанія» [Классовский 1856, с. 305–306].

Орфографическую ситуацию XIX в. современники, начиная с А. С. Пушкина, оценивали как критическую: «Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого»⁹⁰ [Русские писатели-демократы о языке 1974, с. 443]. «У нас столько же орфографий, – писал В. Г. Белинский, – сколько книг, журналов, сколько литераторов, и потому нет никаких орфографий»⁹¹ [Белинский, 1955, с. 232]. Письмо воспринималось как область, в которой царит «полнейшая неразбериха» и «бесшабашный произвол: здесь держаться этимологических основ, там – произношения» [Гильтебрандт, 1879, с. 159], а количество орфографических систем «почти соответствует» количеству педагогов русского языка, при этом «за что один ставит пять, другой ставит единицу» [Малорошвилов, 1885, с. 312]. Непоследовательность русского письма нередко называли «рознью великой», «брожением», «шатанием», «разладом», «произволом ужаснейшим» и «пестротой», которая словно бы выполняла «смысл поговорки: что город, то норы, что край, то обычай, чтобы не сказать, что учитель, то правописание» [Су-в, 1861, с.138; Каминский, 1885, с. 55; Новаковский, 1873 с. 12; Гильтебрандт 1879, с. 159]. Я. К. Грот так охарактеризовал актуальность орфографических проблем своего времени: «Посреди важных вопросов, занимающих общество, известно было бы беседовать с читателями об орфографии, если бы и этот скромный предмет не удостоился обратить на себя почти общее внимание» [Грот, 1862, с. 1].

Отсутствие единой системы орфографических правил, неупорядоченность регламентаций руководств и грамматик побуждали многие издания принимать свое собственное правописание. В XIX в. вышло около 50 изданий, которые при-

⁹⁰ У А. С. Пушкина также находим и замечания о правописании целого ряда слов, например: *свадьба, а не сватьба; юбка, а не юпка* [Русские писатели-демократы о языке, 1974, с. 443]. Ср. замечание Н. Греча: «*Юпка*. Не должно писать *юбка, юбочное царство*; правильно *юпка, юпочный*» [Греч, 1843, с. 138].

⁹¹ «Къ этому надобно прибавить, что даже въ каждомъ отдѣльномъ періодическомъ изданіи рѣдко соблюдалось однообразное правописание... почти во всякой статьѣ замѣтны различія, зависящія, конечно, отъ особенностей письма авторовъ» [Грот, 1899, с. 651].

держивались особых орфографий [Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.), 1965]. В частности, широкую известность получила у современников собственная орфография «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля⁹².

Создание В. И. Далем для словаря авторской «правописи» было вовсе не прихотью, а отчасти вынужденной необходимостью, продиктованной состоянием орфографического вопроса этого периода⁹³ [Грот, 1870, с. 45]. Основу орфографической теории В. И. Даля составили компромисс фонетического и словопроизводственного начал⁹⁴, стремление «исподволь выжимать» ь и «не сдваивать буквъ безъ прямой нужды» (*вялений, подсушенный, алопатія, граматика, абатъ, коректура*)⁹⁵, слитное написание «предложных наречий» (*насквозь, подладъ, наподхватъ*), а также написание в соответствии с произношением префиксов *без-* и *чрез-* в позиции перед глухими согласными [Словарь Даля, 1863, XV–XVI].

Практическая реализация взглядов В. И. Даля вызвала у современников спорные оценки [Николич, 1874; Баженов, 1862⁹⁶, Грот, 1870; Потебня, 1875; Чернышев, 1970]. В числе заслуживающих «подражания» Я. К. Грот указывал напи-

⁹² Подробно материал изложен в: Пономарева (Науменко) С. В. Словарь В. И. Даля в истории русской орфографии // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2001. – Т. 60. – № 4. – С. 61–67. (в соавторстве с Т. М. Григорьевой).

⁹³ «Надо также сказать нѣсколько словъ о «правописи», принятой в словарь. Это дѣло у насъ задача трудная, покуда пишешь сплеча (вот и спотычка: иной пишетъ съ плеча...), так сходить съ рукъ на всякій ладъ, а какъ приходится отдать отчетъ себѣ и людямъ в каждой буквѣ, да постановить общіе и частные правила, то, нисколько не желая быть ни новщикомъ, ни отщепенцемъ, вынужденъ, однако же, рѣшиться въ сомнительныхъ случаяхъ на то, либо на другое [Даль, 1868, с. 3–4].

⁹⁴ «Писать какъ можно ближе къ общепринятому произношению, насколько это дозволяютъ прочіе не менее важныя правила; Стараться сохранять безъ натяжки намекъ на производство, чтобы нагляднѣе осмыслить слово» [Даль (Толковый словарь живого великорусского языка), 1880, с. XV–XVI].

⁹⁵ «Сдвоение согласныхъ нашихъ – приемъ западный... в чем мы не нуждаемся. Из 100 случаевъ более девяноста такихъ, где мы сдваиваемъ напрасно» [Даль, 1868, с. 3–4]. Особенно «бестолково», по мнѣнію В. И. Даля, употребляется удвоенное *н*, причемъ это «делаютъ все, в том числѣ и сама Академія», из изданій которой «нельзя вывести никакого заключенія, какъ писать прилагательныя и причастія страдательныя – черезъ одинокое или сдвоенное *н*» [Даль, 1868, с. 3–4].

⁹⁶ Первые книжки перваго выпуска «Толковаго словаря живаго великорусскаго словаря» В. И. Даля начали выходить в 1861 г., поэтому часть рецензій датирована 1862 г.

сания *бескрайній, беспокойный, обеспечить, чересполосица* вместо традиционных тогда *безкрайній, беспокойный, обезпечить, черезполосица* [Грот, 1870, с. 46].

Поддержал это нововведение и А. Потебня, подчеркнувший, что принятое обычаем исключение префиксов *без-* и *чрез-* из группы *из-, воз-, низ-* и *раз-*, учитывающих произношение, «ни на чем не основано» [Потебня, 1875, с. 6; Н.Н, 1862, с. 819; Баженов, 1862. с 601] А. Степович тоже принимает начинание В. И. Даля, называя «нелепостью» сложившееся «привилегированное положение»⁹⁷ предлогов *без-* и *чрез-* [Степович, 1883. с. 39].

Неоднозначную оценку получила такая индивидуальная особенность письма В. И. Даля, ставшая визитной карточкой его «правописи», как отказ от употребления удвоенных согласных в иноязычных словах. И. Николич видел в этом скорее «служение прихотливому отрицанию бесполезности» удвоенных согласных, чем научным выводам и историческому укладу русской письменной речи [Николич, 1875, с. 10]. Для В. И. Чернышева, наоборот, в этом предложении не было «ничего одиозного», поскольку постепенно правописание «продвинулось» в части сокращения удвоенных согласных в целом ряде слов, например, «теперь пишется *акула* (старое *аккула*), *апетит*, *балотироваться*» [Чернышев, 1970, с. 420]. Критику вызвала и «излишняя страсть» В. И. Даля к слитным написаниям (*небесчего, непосебъ, неначто, нескраю*), «в существовании которых как самостоятельных нельзя не усомниться» [Николич, 1875, с. 10]. Они «расшатывают» основные правила грамматики, противоречат «филологическим соображениям», затрудняют процесс работы со словарем:

<...> Вдруг и не сразу догадаешься, что бы оно могло означать. При ближайшем рассмотрении оказывается, однако, что непонятность этого выражения проистекает единственно от своеобразного правописания [Там же].

С одной стороны, Я. К. Грот стремление В. И. Даля к «выжиманию ъ» считает разумным и справедливым, поскольку она в ряде слов уже давно вытеснена

⁹⁷«Что касается, приставок, то здесь является едва ли не самый вопиющий образчик разногласий... На первом плане фигурирует пресловутое правило о приставках *воз-, из-, низ-, раз-* с неправильным исключением относительно *без-, чрез-*»[Шереметевский, 1891, с. 5].

произвольно (например, в словах *предъ, время, песокъ*), «о чем нельзя, кажется, жалеть» [Грот, 1870, с. 47]. С другой стороны, А. Баженов утверждает, что во многих словах ъ по-прежнему «требуется духом» языка [Баженов, 1862, с. 601]. Последующее развитие орфографической мысли доказало полную состоятельность предложений В. И. Даля относительно правописания приставок *без-* и *чрез-*, ограничения ъ (с заменой на *e*) и отчасти –правописания заимствованных слов без удвоенных согласных.

Еще одной особенностью словаря (кроме авторской «правописи»), иллюстрирующей ситуацию неупорядоченности, оказывается большой корпус орфографических вариантов, включающий порядка 500 единиц⁹⁸. В числе частотных выступают варианты с безударными гласными *a / o* в корне слова (150 единиц, 30 %), *e / ъ* в корне (55 единиц, 11%), безударными гласными *e / и* (45 единиц, 10 %), *глухой / звонкий* согласный (38 единиц, 7 %), *одиночный / удвоенный* согласный в иноязычных словах и производных (38 единиц, 7 %), гласные *e / o* после шипящих и *ц* (30 единиц, 6 %).

Аблава, см. облава (I, с. 1), *авраль, овраль* (I, с. 4), *догарать* или *догорать* (I, с. 462), *прога(о)рать* (III, с. 493), *возраждать* или *возрождать* (I, с. 233), *ураждать, см. урождать* (IV, с. 521), *вско(а)кнуть* (I, с. 270), *выравнение, выровнение* (I, с. 317) и *пообра(о)внять* (III, с. 299), *выра(о)щение* (I, с. 318), *отра(о)ститъ* (II, с. 776), *понара(о)сти* (III, с. 290), *прира(о)сти* (III, с. 453), *кашолка, кошолка* (II, с. 101), *ла(о)пухъ* (II, с. 242), *нала(о)кать* (II, с. 443), *начевки, ночовки* (II, с. 510), *нека(о)ширный* (II, с. 536), *пла(о)вунъ* (III, с. 119), *шала(о)путь* (IV, с. 638), *шара(о)вары* (IV, с. 641)⁹⁹.

Вежа, вѣжа (I, с. 177), *вече* или *вѣче* (I, с. 191), *лекаръ, лѣкаръ* (II, с. 250) и *лѣкарка, лѣкарство, лѣко (зелье)* и пр. см. *ле-* (II, с. 282), *лѣчба, лѣчение, лѣчить* пр. см. *лекаръ* (II, с. 287), *леса* (II, с. 283), *мре(ѣ)ть* (II, с. 362), *опе(ѣ)стовать* (II, с. 700), *разселина, разсѣлина* (IV, с. 45), *решетка* или *рѣшетка* (IV, с. 95), *телѣга, см. телега* (IV, с. 406), *хрѣнь, хрень* (IV, с. 583)¹⁰⁰.

Бешибармакъ, бишибармакъ (I, с. 87), *бичева (неправильно бечева)* (I, с. 91), *заинди(е)вѣть* (I, с. 598), *истае(и)вать* (II, с. 57), *крейсе(и)ровать* (II, с. 192), *нехре(и)сть* (II, с. 559), *рейсфе-*

⁹⁸ Полный перечень вариантов приведен в приложении № 1 «Орфографическая вариативность “Толкового словаря живого великорусского языка” В.И. Даля».

⁹⁹ Предпочтение здесь отдается фонетическому началу, поскольку на первом месте, как правило, указывается вариант с гласной *a*.

¹⁰⁰ Заявленный В. И. Далем принцип «исподволь выжимать» ѣ и писать *e* там, где не было устойчивой практики, выдержан в словаре достаточно последовательно, поэтому 35 вариантов в этой группе квалифицируются как равноправные.

дерь, рийсфедерь (IV, с. 91), *темьянь* и *тиміань* (IV, с. 408), *утаи(е)вать* (IV, с. 533), *упо-кое(и)вать* (IV, с. 516), *пе(и)хнуть* (III, с. 107), *упи(е)хать* (IV, с. 515).

Бегъ, бекъ (I, с. 58), *битюкъ, битюгъ* (I, с. 91), *бишофъ, бишовъ* (I, с. 91), *бортъ, бордъ* (I, с. 119), *бригъ, брикъ* (I, с. 129), *грозъ* или *грокъ* (I, с. 407), *кабузь, камбусъ* (II, с. 80), *ломбардъ, ломбартъ* (II, с. 270), *темнед(т)ь* (IV, с. 407), *теплед(т)ь* (IV, с. 409), *хіусъ, хіузь* (IV, с. 563). *чернет(д)ь* (IV, с. 613), *шлюбка, шлюпка* (IV, с. 659), *щиколод(т)ка* (IV, с. 677), *збалмошный, сбалмошный* (I, с. 693), *збитень, збитеницикъ, збой* и пр. см. *сбитень, сбивать* (I, с. 693), *здоба, здобить, здобный* и пр. см. *сдоба, сдабливать* (I, с. 698)¹⁰¹.

Абатъ, аббатъ (I, с. 1), *аллегорія, аллегро, аллея* и пр. см. *але-* (I, с. 10), *баллада* и пр. см. *балада* (I, с. 44), *вассалъ, вассальство* и пр. см. *васалъ* (I, с. 169), *гал(л)ерея* (I, с. 351), *дилема, дилемма* (I, с. 448), *каллиграфія* и пр. см. *каллиграфія* (II, с. 78), *коллегія, коллежскій* и пр. см. *коллегія* (II, с. 139), *корректоръ, корреспондентъ*, см. *коре-* (II, с. 172), *мока, мокка* (II, с. 346), *раввинъ* либо *равинъ* (IV, с. 2), *субота* или *црк. суббота* (IV, с. 361), *филладъ* или *филадъ* (IV, с. 550)¹⁰².

Еже(о)викъ (I, с. 532), *еже(о)вка* (I, с. 532), *жженка, жжонка* (I, с. 553), *изжо(е)га* (II, с. 19), *желобъ, жолобъ* (I, с. 546), *недожоръ, недожеръ* (II, с. 527), *недожегъ, недожогъ* (II, с. 527), *подже(и, о)гъ* (III, с. 177), *пече(о)ра* (III, с. 110), *шевъ* и *шовъ* (IV, с. 655), *чорный* и *черный* (IV, с. 628), *чертъ, чортъ* (IV, с. 615), *чопорный, чепорный* (IV, с. 628), *шерохъ, шорохъ* (IV, с. 648)¹⁰³.

Несмотря на весьма спорную оценку современниками особенностей особой орфографии словаря В. И. Даля, именно он, как и «Русское правописание» Я. К. Грота, указывается в качестве источника целого ряда орфографических руководств рубежа XIX–XX вв. (словари В. П. Геннинга, В. Разыграева, А. Русакова, В. Кименталя, П. А. Ромашкевича, С. Н. Алексеева, А. Н. Ильина, М. А. Азбуки-

¹⁰¹ Большая часть примеров этой группы (20 ед.) иллюстрирует позицию конца слова, где звонкий согласный оглушается, при этом в 14 случаях это изменение качества согласного не находит у В. И. Даля отражения в основном варианте, и только в 6 примерах первым указывается вариант с глухим согласным, обозначенный соответствующей согласной (*к, с, т, ф*). Таким образом, В. И. Даль руководствуется словопроизводственным началом. Написания *сбитень* и *сдоба*, на которые (как более предпочтительные) указывают отсылочные пометы, опираются на этимологию слова, не учитывают возникшей после падения редуцированного *ъ* ассимиляции по признаку звонкости: *събити* и *съдоба* (из *съ* и *doba*) (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 1996. Т 3. с. 586).

¹⁰² Данная группа вариантов отличается тем, что, во-первых, количество равноправных вариантов здесь минимально, во-вторых, словарная статья, как правило, идет только к варианту с одиночной согласной (для этих целей используется отсылочная помета), в-третьих, написания с удвоенной согласной нередко сопровождаются рекомендательными и запретительными пометами: *каса* или *касса* (не свойственно языку); *класъ* или лучше *класъ*; *масса*, а лучше *маса*; *коректоръ* (*корректоръ* не свойственно нашему языку); *масивный* (напрасно *массивный*). Приводимые В. И. Далем написания с удвоенной согласной можно считать своеобразной уступкой сложившейся орфографической привычке: *балъ*, многие пишут *балль*.

¹⁰³ Какие-либо пометы отсутствуют, правописание группы определяется словопроизводственным и фонетическим началом, однако ведущее – словопроизводственное, поэтому в большинстве случаев первыми указываются написания с гласной *е*.

на, И. Н. Шапошникова и др.). Составители учитывали такие далевские рекомендации, как ограничение ъ и удвоенных согласных в заимствованиях.

Одним из веских доказательств того, что словарь В. И. Даля был в определенной степени орфографическим ориентиром, является «Справочный указатель спорных написаний в русской орфографии» В. Разыграева (1887 г.). В результате анализа орфографического материала этого справочника установлено, что более чем в 470 случаях, приводя то или иное написание, автор отмечает его наличие, в том числе и у В. И. Даля:

<...> *Пшено*. Академ. словарь, Рейф, Даль (*пшенецъ, пшенный*) (с. 22); *Грамотей*. Буслаевъ, Геннингъ, Павскій, Даль (с. 25); *Сбруя*. Гротъ (вмѣсто *збруя*), Даль, Павскій, Геннингъ (с. 34); *Коридоръ*. Гротъ, Даль, Геннингъ (с. 50); *Гауптвахта*. Академ. словарь, Геннингъ, Даль, Макаровъ, Рейф, Толль (с. 59) [Разыграев, 1887].

В ряде случаев В. В. Разыграев может сослаться только на В. И. Даля, еще раз подтверждая орфографическую состоятельность его словаря:

<i>Миліонъ</i> . Даль	<i>Милліонъ</i> . Академ. словарь, Гротъ, Рейф, Макаровъ (с. 44)
<i>Мельчить</i> . Даль	<i>Мелчить</i> . Павскій, Рейфъ (с. 63)
<i>Впользу</i> . Даль	<i>Въ пользу</i> Академ. словарь (с. 77)
<i>Некуда. Нечего</i> . Даль	<i>Не куда. Нечего</i> . Павскій (с. 81)
<i>Спринцевать</i> . Даль	<i>Шпринцевать</i> . Гротъ, Рейфъ, Академ. словарь, Макаровъ (с. 52)

Отметим, что в последующих изданиях словаря В. И. Даля его авторская «правопись» претерпела изменения с учетом взглядов издателей и редакторов на правописание. Так, во втором (1880–1882 гг., издатель М. О. Вольф) и третьем (1903–1908 гг., редактор И. А. Бодуэн де Куртенэ)¹⁰⁴ изданиях изменения написаний были предприняты в следующих позициях:

- 1) приставки *без-* и *чрез-* перед глухой согласной корня;
- 2) приставки *без-*, *воз-*, *из-*, *раз-* перед согласной *с* корня;
- 3) стык приставок *во-*, *со-* и корня, начинающегося с *о*;

¹⁰⁴ Подробно материал изложен в: Науменко С.В. Орфографические особенности 2-го издания «Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля» (1880–1882) // Лингвистический ежегодник Сибири: сборник научных трудов / Красноярский государственный университет. – Красноярск, 1999. – С. 76–81; Науменко С. В. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ // Филологические науки. – 2003. – № 4. – С. 61–68; Науменко С. В. И. А. Бодуэн де Куртенэ и словарь В. И. Даля // Русская речь. – 2005. – № 6. – С. 66–73.

- 4) одиночной *н* в суффиксах отыменных и отглагольных образований;
- 5) стык приставки на твердый согласный и корня, начинающегося с *и*.

Так, у В. И. Даля в 1-м издании словаря: *беспорядок, бестолковый, бесхитростный, чересплечный, чересполосица, чересчурь бесловный, во(з)скрежетать, и(з)строгать, и(з)стари, рассказать, рассматривать, со(о)бразить, со(о)образный, со(о)общенье, жатвенный, изготовленный, настроенный, безызбывный, безызвозный, безызживное, безызносный, безыкряная, отыскать*¹⁰⁵.

Во 2-м и 3-м изданиях: *беспорядок, бестолковый, бесхитростный, черезплечный, черезполосица, черезчурь безсловный, безсмачный, возскрежетать, изстонать, изстрогать, рассказать, рассматривать, разсрочить, разстроить, сообразить, сообразный, сообщенье, вообразить, жатвенный, изготовленный, настроенный, без(ы)ызбывный, без(ы)ызвозный, без(ы)ызживное, без(ы)ызносный, без(ы)зыкряная, от(ы)искать*.

Часть иноязычных слов получила новый вариант с удвоенной согласной: *аб(б)ать, ал(л)егоря, ал(л)егро, ал(л)ея кал(л)играфия*, при предпочтительности в первом издании написаний с одиночной согласной: *абать, алегоря, alegrо, алея калиграфия*. Кроме того, в третьем издании после шипящих под ударением последовательно указывается только буква *о*: *счоть, шолкъ, щотка, жордка, чорный, почоть*, тогда как в первом издании правописание этой группы вариативно.

Итогом корректировок далевской «правописи» стало распространение трех изданий словаря с противоречивыми в отдельных элементах орфографическими системами, что дополняло общую картину неустойчивости орфографии рубежа XIX–XX вв. Таким образом, словарь В. И. Даля иллюстрирует полемичность ряда аспектов орфографической теории и практики XIX в. и представляет собой оригинальный опыт индивидуального нормирования правописания, получивший в той или иной степени отражение в различных рекомендациях справочников и словарей.

1.4. Деятельность Я. К. Грота по упорядочению письма

Определенное направление для неупорядоченной орфографии в XIX столетии дал Я. К. Грот. Его орфографические изыскания являются важной страницей

¹⁰⁵ Вариативными у В. И. Даля были только написания *взимать* или *взымать* и *взимѣть, взымѣть*.

«в истории государственной стандартизации русского письма», обозначившей «волну известного упорядочения» в дореформенной орфографии¹⁰⁶ [Виноградов, 1946, с. 74–75; Обнорский, 1939, с. 5]. Работы Я. К. Грота сумели вывести правописание из раздела грамматики, где оно ранее традиционно рассматривалось, в самостоятельную область, обозначив при этом вопросы орфографии как требующие системного научного подхода и анализа [Грот, 1873]. Главная задача орфографии как научной дисциплины заключается, по мысли Я. К. Грота, в аргументированном разрешении теоретических и практических проблем правописания и достижении последовательности в письме, что требует утверждения правил в качестве обязательных для всех общественных институтов [Грот, 1899, с. 685–686].

Поясняя в предисловии основную цель «Спорных вопросов русского правописания» (1873 г.), Я. К. Грот особо подчеркивает, во-первых, необходимость орфографического единства, поскольку колебания нежелательны и неудобны для школы и печати, во-вторых, невозможность упорядочения письма без тщательного осмысления его исторического развития¹⁰⁷ [Грот, 1873, с. 14]. «Русское правописание» (1885 г.) становится первым в истории обучения языку обязательным руководством для школы и выражает осознаваемую обществом потребность в едином стандарте правописания¹⁰⁸ [Грот, 1885, III].

¹⁰⁶ «Его труды возникли между орфографическим хаосом и относительным, но порядком; между орфографической свободой и осознанием орфографии как нормы» [Григорьева, 2009, с. 195]. Он первым сделал полный решимости «шаг в правильном направлении – обозреть, критически осмыслить, оценить практику письма, систематизировать орфографические навыки в определенных устойчивых правилах» [Дегтярев, 2009, с. 197]. Благодаря деятельности Я. К. Грота «русское правописание к концу века было приведено в определенную систему, единообразную настолько, насколько позволял язык и установившийся обычай письма» [Кочубей, 1988, с. 57].

¹⁰⁷ «Указанная задача для того времени была очень важна. Чтобы урегулировать правописание, надо было установить основные тенденции в его развитии, наметить важнейшие принципы правописания, выяснить его современное состояние. Очень важно было и то, что осуществление этой задачи было связано с Академией наук. Освещение практических вопросов орфографии с научных позиций поднимало авторитет самой орфографии. Вопросы орфографии стали предметом лингвистического изучения. И в то же время решались совершенно конкретные задачи орфографической практики» [Рождественский, 1951, с. 185].

¹⁰⁸ Подробно материал изложен в: Науменко С. В. Уроки «Русского правописания» Я. К. Грота // Русский язык в школе. – 2012. – № 12. – С. 70–77; Науменко С. В. Вариативность в русской орфографии (XVIII–XX вв.): монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2019. – 356 с.

Характеризуя сложившуюся практику письма, Я. К. Грот отмечает, что к концу XIX в. в правописании существовали соблюдаемые «всѣми съ величайшею точностью» правила, основанные на условном соглашении и утвердившемся обычае:

<...> въ весьма многихъ случаяхъ очень постоянно соблюдается общепринятое правописание въ предѣлахъ *этимологическаго*¹⁰⁹ или *фонетическаго* начала, поэтому никто не напишетъ *рапѣ* (вм. *рабѣ*), *готѣ* (вм. *годѣ*), ни одинъ образованный челоуѣкъ не позволитъ себѣ написать *драцца* или *дратца* вм. *драться*, *смеешса* вм. *смѣешься*... или *хто*, *штопѣ*, *нарошно*... Равнымъ образомъ рѣдко кто согласно съ этимологіей напишетъ *мяккій*, *кдѣ*, *сдѣсь*, *вездѣ* (*мягкій*, *гдѣ*, *здѣсь*, *вездѣ*) [Грот, 1899, с. 637–638].

В числе основных колебаний современной практики правописания Я. К. Грот отмечает употребление прописной буквы, смешение некоторых гласных, например: *е* и *о* после шипящих, сочетание ряда согласных или их удвоение:

<...> Одни пишутъ *Славяне*, *Нѣмцы*; другіе: *славяне*, *нѣмцы*. Одни пишутъ *второй*, *второго*, *легкій*, *рождать*, *мечемъ*, *ученый*, *душею*, *желтый*; другіе: *второй*, *второго*, *легкой*, *раждать*, *мечомъ*, *учоный*, *душою*, *жолтый*. Одни пишутъ *разказъ*, *разсчетъ*, *приказчикъ*, *мужчина*, *искусство*, *отверзтый*; другіе – *расказъ*, *расчетъ* (или *разказъ*), *разчетъ*, *приказчикъ*, *мущина*, *искусство*, *отверстый*. Одни пишутъ *коммиссія*, *адрессъ*, другіе – *коммисія* или *комисія*, *адресъ* [Грот, 1873, с. 11].

Основной причиной колебаний, по его мнению, оказывается «неодинакій взглядъ на предметъ», вследствие чего возможно различное решение сложных орфографических вопросов. Так, например, может по-разному пониматься:

- 1) состав слов (*разсчетъ* и *разчетъ*, *четвергъ* и *четверкъ*, *смѣта* и *смета*);
- 2) условия передачи иноязычных слов (*коммиссія*, *коммисія*, *комиссія*, *комисія*);
- 3) употребление прописных букв (*Славяне* и *славяне*, *Московскій* и *московскій*);
- 4) слитное или раздельное написание слов, которые образуют «вмѣстѣ одно понятіе», поэтому принимаются многими либо за предлоги, либо за наречия и пишутся «то врознь, то слитно» (*въ слѣдствіе*, *въ замѣнъ*, *въ старину*, *по прежнему*, *со временемъ*).

¹⁰⁹ Я. К. Грот неоднократно подчеркивал, что в нашем правописании «преобладает характер этимологический», но не фонетический [Грот, 1894, с. 21]. Именно он и обеспечивает твердое «руководящее начало» [Грот, 1873, с. 4].

Последняя группа написаний, как отмечает Я. К. Грот, имеет «наибольшую пестроту» [Грот, 1873, с. 11]. Наконец, стремление приблизить написание к выговору и тем самым «перевести» слово на «почву» произношения привело к распространению в практике таких нежелательных, по его мнению, написаний, как *учоный, жжошь, просвъщонъ, счотъ* (вм. *ученый, жжешь, просвъщенъ, счетъ*) [Грот, 1899, с. 638].

Цель «разумной» теории правописания, по мысли Я. К. Грота, заключается в «примиреніи началъ» этимологического (чтобы «въ начертаніяхъ ясны были слѣды происхожденія и состава») и произношения, в определении границ их действия и устранении разногласий [Грот, 1894, с. 21]. При этом, подчеркивает Я. К. Грот, упорядочение должно учитывать обычай, чтобы не «поколебать» твердые правила и не привести к новым «разнорѣчиямъ». Отступления возможны только тогда, когда принятые написания оказываются «положительно невѣрными» или непоследовательными [Там же, с. III–IV]. Единство в орфографии, по мысли Я. К. Грота, может быть установлено только авторитетным и ответственным «рѣшеніемъ ученаго ареопага», которое должно быть признано всеми. Без этого многие продолжают писать, руководствуясь собственным вкусом, т.е. «по прихоти» [Грот, 1899, с. 684].

Провозгласив основной задачей «удовлетворить сознаваемую всѣми потребность» привести правописание «къ желательному единообразію», Я. К. Грот счел возможным включить в указатель к «Русскому правописанию» 70 орфографических вариантов. Рассмотрим вариативные написания в издании 1885 г. (2 изд.), где основную часть вариантов составляют *более / менее предпочтительные* (63 %, 44 ед.), когда встречающийся в практике менее предпочтительный, по мнению Я. К. Грота, вариант набран более мелким шрифтом и помещен в круглые скобки с отсылкой к более предпочтительному с помощью пометы *См.*, при этом возможность иного написания (того, что заключено в скобки) в статье, сопровождающей предпочтительный вариант, никогда не отмечается. В этом случае можно говорить о помете комбинированного типа, объединяющей импли-

цитные (шрифт, скобки) и эксплицитные (помета *См.*) средства нормативной характеристики написания:

(*Вѣкиа*). См. *Векша*, хотя первое согласнѣ съ древнимъ правописаниемъ (с. 118), (*Лекарь*). См. *Лѣкарь* (с. 126), (*Лечить*). См. *Лѣчить* (с. 126), (*Аладья*). См. *Оладья* (с. 114), (*Лохань*). См. *Лахань* (с. 127), (*Кавыль*). См. *Ковыль* (с. 123), (*Кандитеръ*). См. *Кондитеръ* (с. 123), (*Крапива*). См. *Кропива* (с. 125), (*Роценіе*). См. *Раценіе* (с. 138), (*Ростиска*). См. *Расписка* (с. 138), (*Росада*). См. *Разсада* (с. 138), (*Росоль*). См. *Разсолъ* (с. 138), (*Устцы*). См. *Узцы* (с. 141).

Вторую группу представляют *правильный / неправильный, ошибочный* варианты (27 %, 19 ед.), которые сопровождаются разнообразными запретительными пометами, где главную роль играют уже эксплицитные средства, четко указывающие на ненормативный статус одного из вариантов:

Буднишній, правильнѣ, нежели будничный (с. 115); *дерзскій* (не *дерскій*) (с. 119), *достинъ* (не *достоенъ*, вопреки общему правилу) (с. 120), *крешендо, не крешчендо* (с. 126), *проектъ* (не *проэктъ*) (с. 136), *изнутри* (**никак не извнутри**) (с. 123), *изьянь, а не изьянь* (здесь *изъ* не есть предлогъ) (с. 123), *спесь* (**а не спѣсь**) (с. 140), *при этомъ* (**не должно писаться слитно**) (с. 136), *пъеса* (**всего ошибочнѣ начертаніе пьэса**) (с. 138), *бурка* (вм. *бурко*, бурая лошадь) (с. 115), *можжевеликъ* (**вм. меже-ельникъ**, т.е. растущій между ельникомъ) (с. 128), *отворять* (вм. *оттворять*) (с. 132), *перчатка* (**вместо перщатка**) (с. 133), *разинуть* (**вм. раззинуть**) (с. 137), *удаться* (**а никак не удасться**) (с. 142), *погрести* (**неправ. погребсти**) (с. 134), *мачеха* (**правильнѣ, чѣмъ мачиха**) (с. 128), *именины* (**нет причины писать по старинному** (в тексте руководства раздельно – С. Н.) *имянины*) (с. 123).

Значительно реже встречаются варианты, которые, учитывая выбранный способ их оформления, можно квалифицировать как *основной / дополнительный* или *равноправный* (14%) (размер шрифта у таких вариантов не меняется)¹¹⁰:

Баталіонъ, Батальонъ (с. 114), *Куріозный, Курьёзный*¹¹¹ (с. 126), *Папилютка, Папильотка* (с. 133), *Почталіонъ, Почталионъ* (с. 134), *Крехтѣть и Кряхтѣть* (с. 126), *Мятель* (от *мясти*) и *Метель* (от *мести*) (с. 128), *Реторика*, иначе *Риторика* (с. 138).

Таким образом, большинство распространенных в практике вариантов получают во втором издании «Русского правописания» Я. К. Грота неодобрительную оценку как *менее предпочтительные* или *неправильные, ошибочные* (86 %).

¹¹⁰ «...требуя въ правописаніи единообразія и стремясь къ нему, будемъ остерегаться педантизма, который во всякомъ частномъ и мелочномъ отступленіи видитъ грамматическую ересь и непростительное невѣжество» [Грот, 1899, с. 637].

¹¹¹ Я. К. Грот считал «двоеточие над *е*» знаком «для показанія выговора, а не употребленія на письме» [Грот, 1885, с. 112]. Буква *ѣ* в иллюстративном материале работы используется в соответствии с источниками.

Наиболее частотными оказываются варианты с безударными непроверяемыми гласными *a* или *o* в корне (30%), корневыми *e* или *ѣ* (17%), согласными (17%) (один из вариантов рассматривается как *менее предпочтительный* или *ошибочный*) и *io* или *ѡo* в иноязычных корнях (10%) а также гласными *e* или *я* (10%) (вариант может быть *допустимым* или *равноправным*):

1) (*Ватрушка*). См. *Вотрушка* (с. 115), (*Паромъ*). См. *Паромъ* (с. 132), *Калачъ*, правильнѣе было бы *колачъ* (с. 123), (*Канура*). См. *Конура* (с. 123), (*Канфорка*). См. *Конфорка* (с. 123), (*Каравай*). См. *Коровай* (с. 123), (*Карячиться*). См. *Корячится* (с. 124), (*Кащей*). См. *Кощей* (с. 124), (*Нагаи*). См. *Ногаи* (с. 129) и (*Козакъ*). См. *Казакъ* (с. 125), (*Колѣвка*). См. *Калѣвка* (с. 125), (*Кропива*). См. *Крапива* (с. 125), (*Навождение*). См. *Наваждение* (с. 129), (*Постила*). См. *Пастила* (*pastello*) (с. 135). Предпочтительным, как правило, выступает вариант с гласной, соответствующей этимологии;

2) (*Бѣлена*). См. *Белена* (с. 115), *Рѣдька* (собств. *редька*) (с. 138), (*Ресница*), *Рѣсница* (с. 138), (*Сермяга*). См. *Сѣрмяга* (с. 141),

3) (*Стора*). См. *Штора* (с. 141), (*Стклянка*). См. *Склянка* (с. 142), (*Раскепъ*). См. *Разскепъ* (с. 137), (*Распрашивать*). См. *Разспрашивать* (с. 138), (*Обтъ*). См. *Обтъ* (с. 132), (*Выйти* (*вытти*)) (с. 118), (*Идти*). См. *Идти* (с. 122), (*Мущина*). См. *Мужчина* (с. 128), *Мягкій* (вм. *мяккій*) (с. 128), (*Щедушный*). См. *Тщедушный* (с. 145),

4) *Медаліонъ*, *медальонъ* (с. 128), *Компаніонъ*, *компаньон* (с. 125), *Павиліонъ*, *Павильонъ* (с. 133),

5) (*Ветчина*). См. *Вядчина* (с. 116), (*Лягавый*), См. *Лягавый* (с. 127), (*Ледацій*). См. *Лядацій* (с. 126), *Лепеха*, правильнѣе было бы *ляпеха* (с. 126), (*Мездра*). См. *Мяздра* (с. 128), (*Маетникъ*). См. *Маятникъ* (с. 127), *Епанча* (собств. *япанча*) (с. 121)¹¹².

Ряд приводимых вариантов Я. К. Грот сопровождает указаниями на устарелость или отнесенность к церковнославянской письменной традиции:

Вредъ (др.-сл. *врѣдъ*) (с. 118); *время* (др.-сл. *врѣма*) (с. 118); *возгорать* (древ. *възгарати*) (с. 116); *водорасль* (здесь *a* принадлежит более цсл. форме (*отрасль*), ср. русск. *поросль*)¹¹³; *песокъ* (древ. *пѣсокъ*); *рождать* (древ. *раждати*) (с. 138); *ровесникъ* (цсл. *равьсьникъ*) (с. 138).

«Русское правописание» Я. К. Грота вызвало множество острых откликов. Его обвинили в том, что он провел «личные взгляды» на орфографию многих слов [Никольский, 1898, с. 2], узаконил своим «научным авторитетом явные нелепости» [Брандт, 1901, с. 27], навязал «совершенно произвольное и необоснованное» правописание [Житомирский, 1915, с. 66]. Противники призывали «гнать» прави-

¹¹² Кроме того, единичные примеры представляют вариативность в таких позициях, как (*Дьяконъ*). См. *Діаконъ* (с. 120), (*Есѡиръ*). См. *Эсѡиръ* (с. 121), (*Поллиста*). См. *Поль* (с. *Поль-листа*) (с. 134–135), (*Розысканіе*). См. *Разысканіе* (с. 138), (*Тма*). См. *Тѣма* (с. 142), (*Цифра*). См. *Цыфра* (с. 144), (*Чѣботы*). См. *Чоботы* (с. 144), (*Шѣрохъ*). См. *Шорохъ* (с. 145).

¹¹³ 11-е изд. «Русского правописания» (1894 г.) рекомендует *водоросль* (с. 5).

ла Я. К. Грота, если «дорог здравый смысл» [Миртов, 1916, с. 34]. Подобные характеристики во многом объясняются тем, что вопрос о ведущем принципе русской орфографии еще несколько десятилетий останется дискуссионным. Вполне закономерно, что у приверженцев звукового письма его работа не могла получить одобрения. Так, Р. Ф. Брандт, горячо дискутировавший с Я. К. Гротом, полагал, что будущее правописания заключается либо в принятии латиницы, либо в установлении фонетического написания слов (*ловко – лофка, поздно – позна*)¹¹⁴ [Брандт, 1901, с. 28].

Ряд замечаний педагогического и филологического плана высказывает [Чернышев, 1913]. Так, он, во-первых, отмечает неясный характер издания: учебник, справочная книга или пособие для педагога? [Там же, с. 8]. Во-вторых, приводит сомнительные грамматические и орфографические рекомендации, например, написания *близь, суббота, вотрушка, гостиница, гостиный, пескарь, снитокъ, визига, снѣгурь*, которые «совершенно» не были «в обычаѣ» [Там же, с. 6]. Тем не менее, В. И. Чернышев признает, что «недостатки гротовской орфографии незначительны», тогда как «услуги, сдѣланныя ею для большаго или меньшаго объединенія» правописания, «несомнѣнны» [Там же, с. 12].

По нашим наблюдениям, звучавшие в адрес Я. К. Грота упреки в произволе орфографических установок нередко были преувеличены. Так, в работах А. Соболевского (о 1-м и 2-м изд. «Русского правописания»), А. Шидловского (о 4-м изд.), А. Миртова (о 19-м изд.) указывается на ошибочность, например, не только таких гротовских написаний, как *вотрушка, вядчина, изьян* (А. Соболевский), *итти, Британния, горленка, до тла, неисчетный. тфу, шафка, ряхнуться* (А. Миртов), но и *гостиный, гостиница, леска, пастила, потчевать* (А. Соболевский), *компас, шелковый, навстречу* (нареч.), *несмотря на* (предлог),

¹¹⁴ «По выговору Брандт предлагает писать *прелесный, позний, сердце, солнце, сильнава...* И все-таки, такое письмо не будет фонетическим, оно не передает всех тонкостей звуковой речи, а если передавать все эти тонкости, фонетическое письмо по трудности его усвоения, пожалуй, можно поставить в один ряд с китайской грамотой. Другими словами, нельзя изобрести такое правописание, которое было бы фонетическим для всех лиц, говорящих одним языком. И рекомендуемое Брандтом фонетическое правописание будет фонетическим только для москвичей!» [Радченко, 1910, с. 6–7].

впоследствии, в течение, преподносит (А Шидловский) [Соболевский, 1885; Шидловский, 1889; Миртов, 1915]. Анализ случайно выбранных 100 слов, приведенных в «Справочном указателе спорных написаний в русской орфографии» В. Разыграева (1887 г.) со ссылкой на Я. К. Грота, показал, что абсолютное большинство позже были кодифицированы именно в гротовской традиции¹¹⁵ [Разыграев, 1887].

Министерство народного просвещения вводит «Русское правописание» в качестве обязательного для школы, но не по Гроту продолжили писать и писатели, и публицисты, издавались книги и журналы¹¹⁶. В результате возникла «крайне нежелательная, а для педагогического дела даже вредная, *коллизия между двумя правописаниями: школьным и житейским*» (выд. мной – С. Н.) [Чуриловский, 1912, с. 3; Васильев, 1896, с. 1–2]. Ограничение сферы обязательности гротовского руководства лишь школой было тактической ошибкой, оно привело, по замечанию В. П. Шереметевского, к тому, что вместо ожидаемого единообразия «возникло двоеобразие» т.е. орфография «вопреки Гроту» и «гротография»¹¹⁷ [Шереметевский, 1891, с. 6].

Понимание вклада Я. К. Грота в упорядочение правописания, а с ним и взвешенная оценка его работ придут только в 30–50-е гг. XX в. в публикациях

¹¹⁵ *Ассессор, карикатура, комиссия, масштаб, сумасшедший, удалться, росомаха, именины, клюквенный, масленица, железа, сегодняшний, серебряный, гречиха, маятник, бреешь, вече, отымать, розыгрыш, банщик, седьмой, по-моему, стотысячный, кое-что, триста* и т.д. [Разыграев, 1887]. Всего же в составленный Я. К. Гротом справочный орфографический указатель для «Русского правописания» вошло более 3600 слов и форм, правописание которых не всегда было последовательным, и только в 130 случаях (4 %), как удалось установить, его рекомендации оказались «ошибочными»: *аллебарда, галлерея, карре; параффин; во-свояси, гутта-перча, двадцать-первый, мало-по-малу, до нельзя, повидимому; оляповатый, понамарь, крупичатый, набалдачник, брошировать, объядение, стамезка, танцовать, діэта* и т.д. [Гротъ, 1899]

¹¹⁶ Приведем размышления Я. К. Грота по этому вопросу: «Если бы и можно было достигнуть въ срѣдѣ ея (Академии. – С. Н.) общаго соглашенія по этому предмету, то эти усилія не привели бы къ полному единообразію в правописаніи... въ разныхъ органахъ печати нельзя предполагать такой уступчивости, которая побудила бы ихъ отказаться отъ своихъ орфографическихъ привычекъ» [Грот, 1899, с. 685–686].

¹¹⁷ В связи с этим, как указывал составитель авторитетных орфографических руководств В. Разыграев, в будущем упорядочение орфографии должно быть в обязательном порядке распространено не только на школу, но и на печать, чтобы избежать ненужных расхождений с учебниками, словарями, книгами, журналами и газетами и не подрывать доверия к установленным правилам [Разыграев, 1887, V–VI].

специалистов послереформенного периода, подобно ему решавших задачу упорядочения нашего правописания¹¹⁸. В своих наблюдениях и размышлениях Я. К. Грот удивительным образом предугадал «болевые» точки орфографических дискуссий наступающего XX в, а в утвержденных в 1956 г. «Правилах русской орфографии и пунктуации» нередко чувствуется «логика прежних» гротовских рекомендаций¹¹⁹ [Дегтярев, 2009, с. 206].

Кроме того, труды Я. К. Грота впервые вызвали широкое обсуждение такого важнейшего для усовершенствования письма вопроса, как рациональная стратегия внедрения в практику нового реформированного правописания. Так, Д. Н. Ушаков в работе «Русское правописание» приводит точку зрения А. И. Томсона, утверждавшего, что письмо является «слишком важнымъ факторомъ» общественной жизни, чтобы опираться в этом вопросе на школу, поэтому целесообразно провести «окончательное правительственное узаконеніе новаго и исключеніе стараго въ школь». С другой стороны, высказывается мнение, что именно школа «должна одна изъ первыхъ принять новую орфографію» [Ушаков 1911, с. 89–91]. Любопытно, что внедрение упорядоченной безвариативной орфографии в послереформенный период начнется именно в школе с помощью специально созданного Д. Н. Ушаковым для этих целей школьного орфографического словаря (1934 г.).

1.5. Указатели спорных написаний и орфографические словари

Особый интерес для истории орфографии среди всего множества орфографических справочников XIX – начала XX вв. представляют издания, которые, учитывая особенности их содержания, можно определить как *указатели орфо-*

¹¹⁸ «Таким образом, в труде академика Грота к концу XIX в. русское правописание было кодифицировано. Русское общество получило своего рода свод орфографических правил... Это обстоятельство не могло не отразиться положительным образом на состоянии правописания того времени: оно стало более единообразным, чем было до тех пор» [Рождественский, 1951, с. 186].

¹¹⁹ Подробно материал изложен в: Науменко С. В. Орфографические разыскания Я. К. Грота в оценке С. П. Обнорского // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 2. – М., 2014. – С. 78–87.

*графического разнобоя*¹²⁰. Первым опытом составления подобного указателя можно считать работу Н. Греча «Справочное мѣсто русскаго слова», в которой он приводит множество примеров спорных написаний, «выбранныхъ изъ языка хорошаго общества, из новѣйшихъ сочиненій писателей, занимающихъ непоследнїя мѣста въ нашей литературѣ, изъ журналовъ и газетъ»¹²¹ [Греч, 1843, с. IV]:

<...> **Адресь.** Не должно писать *адресь*, точно такъ же, какъ должно писать *процесь*, а не *процессь*; **Збруя**, должно писать *сбруя*; **Идти** и **итти** пишутъ двояко, но предпочтительнѣе пискать *идти*; **Карикатура.** У насъ обыкновенно пишутъ и печатаютъ *карриатура*, правильно *кариатура*, потому что по-италиански пишутъ *caricatura*, а не *carricatura*; **Коричневый.** Не должно ни произносить, ни писать *каричевый*; **Литература**, многіе пишутъ *литтература*; **Ложь**, некоторые газеты печатаютъ обыкновенно *ложь*; **Лоттерея.** Правильно *лоттерея*, *лоттерейный билетъ*, а не *лотерея*, *лотерейный*, также неправильно *лотарея*, *лотарейный*; **Расписка.** Не должно писать *ростиска*; **Реэстръ**, правильно *реестръ* [Греч, 1843, с. 141–148].

К вопросу разнобоя в современном правописании Н. И. Греч обращается и в «Краткой русской грамматике», приводя объемный список слов, которые «чаще другихъ пишутся неправильно»:

<...> Пишутъ: *Адъютантъ*, *арапъ*, *бесподобный*, *бѣднинькій*, *въ прочемъ*, *въ теченїи года*, *зженый*, *лутче*, *медицина*, *наперстникъ*, *слѣсарь*, *двацать*, *трицать*, *растѣнїе*, *пѣня*, *угнѣтенїе*, *въ церквѣ*, *цѣхъ*, *щеть*;

Должно писать: *Адъютантъ*, *арабъ*, *безподобный*, *бѣдненькій*, *впрочемъ*, *въ теченїе года*, *жженый*, *лучше*, *медицина*, *наперсникъ*, *слесарь*, *двадцать*, *тридцать*, *растение*, *пеня*, *угнетенїе*, *въ церкви*, *цехъ*, *счетъ* [Греч, 1827, с. 125–130].

Спорные написания XIX в. также получили отражение в «Корректурном списке 700 слов, наиболее требующих одинакового начертания» А. О. Студенского (1869 г.), «Справочном указателе спорных написаний в русской орфографии» В. Разыграева (1887 г.), «Справочном указателе спорных слов для руководства типографии при печатании изданий» И. А. Б. (1898 г.). Этот тип издания как нельзя лучше отражал сложившуюся в правописании ситуацию, при которой многие руководства «расходились резко в начертании не только множества

¹²⁰ Подробно материал изложен в: Науменко С. В. Разыграев и орфографическая практика XIX века // Русская речь, 2004. № 2. С.90–96; Науменко С. В. Вариативность в русской орфографии (XVIII–XX вв.): монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2019. – 356 с.

¹²¹ «Основным принципом правописания Н. Греч считал соблюдение единообразия в написании слов, хотя бы они и изменяли свое произношение, в зависимости ли от места ударения или от сочетания с другими звуками» [Рождественский, 1951, с. 182].

отдельных слов, но и даже целых гнезд слов одного типа», так как их составители были «по большей части, различных взглядов, различных убеждений, диаметрально противоположных между собою» [Гильтебрандт, 1879, с. 159; Скандовский, 1872, с. 5]. Необходимость указателей подобного рода составители объясняют «разнообразием орфографии многих слов» из-за «разноречивого взгляда наших авторитетов на правописание» [Студенский, 1875, с. 4]. Я. К. Грот признает «справедливую мысль» о «потребности въ такомъ пособіи» из-за «пестроты нашего правописанія» [Грот, 1899, с. 684].

Задача корректурного списка А. О. Студенского заключалась в том, чтобы дать возможность авторам рукописей «исправить» указанное типографией правописание представленных слов «так, как угодно» каждому, поскольку у «приведенных здесь слов по 12 орфографий», основания их написания «шатки» и «произвольны» [Студенский, 1869, с. 1, 51]. В дальнейшем типография планировала «неупустительно» следовать такой индивидуальной орфографии при подготовке изданий автора к печати [Там же, с. 1]. В отношении, например, частицы *уж* О. А. Студенский поясняет, что «намъ все равно печатать, хоть с ъ, хоть съ ъ, хоть съ юсь» [Там же, 34]. Характеризуя ситуацию неупорядоченности, О. А. Студенский особо отмечает практику употребления прописных букв, в которой «слишком много неопределенного и условного». Нередко прописные буквы «ставятся без всяких правил и в полном мраке», поэтому никто не может «устроить этой вещи одинаково» через всю книгу от начала до конца» [Там же, с. 39].

Выбранный типографией в списке образец написания слова, как правило, не поясняется и не оценивается, исключения составляют единичные примеры: *адресь* (а не *адресъ*) (с. 2), *возчикъ* (а не *вощикъ*) (с. 4), *кофейный* (а не *кафейный*) (с. 15). Уникальной особенностью анализируемого корректурного списка оказываются искусственные попытки составителя обосновать существующую вариативность написаний двойных согласных в иноязычных словах, префикса *раз-* пе-

ред глухим согласным корня и корней с чередующимися гласными семантической дифференциацией¹²²:

Группировать (абстрактно), *группировать* – (конкретно) (с. 6); *Комерческій* – об отвлеченных вещах, *коммерческій* – (конкретно) (с. 14); *Обожженный* (палец), *обоженный* (кирпичь) (с. 21); *Рости* (конкретно), *расти* – (абстрактно) (с. 27); *Расширять власть* и *разширять стѣну* (с. 26);), *Расположеніе* (чувство) и *разположеніе* (конкретно, например, о войскѣ) (с. 26); *Сгараніе*, *сгарать* – о страстях (отвлеченно), *сгораніе*, *сгорать* – огнемъ (с. 28); *Сѣмень* (подсолнечныхъ, которыя грызуть), *сѣмянъ* – всѣхъ остальныхъ (с. 32).

В список, где чаще всего наблюдаются различные варианты написаний, составителем включаются заимствованные слова с непоследовательным написанием одиночной и двойной согласной, в том числе с примерами удвоения сразу двух групп согласных (*ассессоръ* и *коммиссія*)¹²³, наречные сочетания и различные типы простых (с исконными и заимствованными префиксами) и сложных прилагательных, встречавшихся как в слитном, так и в дефисном оформлении (с указанным типографией вариантом написания автор мог согласиться либо исправить его, предложив другое):

Вовнутрь (с. 4), *вовремя* (с. 4), *впользу* (*говорить въпользу проекта*) (с. 5), *вправѣ* (с. 5), *врасплохъ* (с. 5), *вразрѣзъ* (с. 5), *всилу* (с. 5), *второпяхъ* (с. 5), *втайнѣ* (с. 5), *заграницей* (с. 9), *заграницу* (с. 9), *наудачу* (с. 19), *напоказъ* (с. 19), *насухо* (с. 19), *на-счетъ* (с. 19), *наглухо* (с. 19), *наготовѣ* (с. 19), *налету* (с. 19), *напоказъ* (с. 19), *навстрѣчу* (с. 19), *наманеръ* (с. 19), *наголову* (с. 19), *наобумъ* (с. 19), *наскоро* (с. 19), *спозоранку* (с. 31), *докрасна* (с. 8), *досыта* (с. 8) и *во-свояси* (с. 4), *въ-прокъ* (с. 5), *въ-плотную* (с. 5), *въ-одиночку* (с. 5), *въ-рассыпную* (с. 5), *въ-плотную* (с. 5), *за-одно* (с. 10), *на-завтра* (с. 19), *на-отрѣзъ* (с. 19), *на-сторожѣ* (с. 19), *на-авось* (с. 19), *на-бокъ* (с. 19), *съ-молоду* (с. 31), *съ-вѣдома* (с. 31), *на-слово* (с. 19), *под-рядъ* (с. 24), также отметим *поденно* (с. 24) и *по-недѣльно* (с. 24), *по-мѣсячно* (с. 24), *попарно* (с. 24) и *по-взводно* (с. 24), *по-эскадронно* (с. 25), *по-шереножно* (с. 25);

¹²² Помимо корректурного списка О. А. Студенского подобные примеры дифференцированных написаний с частичным совпадением перечня встречаются также в «Справочном указателе спорных слов для руководства типографии при печатании изданий» И. А. Б. (1898): *комиссія* – при денежных и других операциях, *коммиссія* – составъ лицъ для исполненія какого-либо порученія, разработки вопроса (с. 10); *корешекъ* (растительный) и *корешокъ* (у книги) (с. 10), *матеріалы* – научныя данныя и *матерьялы*, *матерьялы* – кирпичи, дрова (с. 11) , но при этом, например, только *группировать* (с. 7) [И. А. Б., 1898].

¹²³ *Акклиматизація* (с. 2), *аккомпанировать* (с. 2), *арриергардъ* (с. 2), *аллювіальный* (с. 2), *амміакъ* (с. 2), *апелляція* (с. 2), *ассоціація* (с. 3), *аттрибутъ* (с. 3), *баллотировать* (с. 3), *Вильямъ* (с. 4), *капиллярный* (с. 13), *карронада* (с. 13), *комментарій* (с. 14), *коэффициентъ* (с. 15), *кристалль* (с. 15) и *апетитъ* (с. 2), *ататака* (с. 3), *баррикада* (с. 3), *батарея* (с. 3), *кариатура* (с. 13) [Студенский, 1869].

Подъ-язычный (с. 24), *подъ-слизистая* (с. 24), *подъ-синовіальная* (с. 24), *подъ-челюстная* (с. 24), *подъ-апоневротическая* (с. 24), *до-электрический* (с. 8), *сверхъ-опытный* (с. 28) и *сверхъестественный* (с. 28), *электродинамический* (с. 37) и *электро-отрицательный* (с. 37), *электро-положительный* (с. 37), *электро-химическій* (с. 37), *электро-магнитный* (с. 37), *обще-европейский* (с. 22) и *общегерманский* (с. 22), *общечеловеческий* (с. 22), *послѣ-ледниковый* (с. 7), *четырёхъ-атомный* (с. 31) [Студенский, 1869].

Издание получило отрицательную оценку Я. К. Грота, отметившего, что им «невозможно пользоваться» из-за бессистемности и неверности многих указаний, ошибок и замечаний автора, подобных тому, что *Борются* – телесно, материально, боксеры, а *Борятся* – с предрассудками [Грот, 1899, с. 684].

В предисловии к «Справочному указателю спорных слов для руководства типографии при печатании изданий» И. А. Б. (1898 г.) в числе «недостатковъ» современного правописания вновь отмечается «разнообразіе» и «произвольность» оформления многих слов (объем словника издания – 400 ед.). Так, употребление прописной буквы в практике «настолько разнообразно», что одно и то же слово нередко может быть напечатано с прописной буквы «на первой страницѣ, на слѣдующей – со строчной» [И. А. Б., 1898, с. 1]. Приведем рекомендации И. А. Б. для написания наименований учреждений, организаций, в основе которых лежит иерархический принцип, подразумевающий четкое понимание пишущим порядка подчинения и ведомственной принадлежности: *Комитетъ Министровъ* (с. 7), *Министерство Путей Сообщенія* (с. 11), *Государственный Банкъ* (с. 7), но *государственная сберегательная касса* (с. 7), *государственное казначейство* (с. 7), *главное управленіе* (с. 7). Наименование всех гражданских и военных чинов и званий составителем указателя рекомендуется писать со строчной буквы [Там же, с. 18]. Однако, кроме *генеральный консуль* (с. 7), *правитель канцеляріи* (с. 7), *надворный совѣтникъ* (с. 18), *генераль-адъютантъ* (с. 18), оказываются представлены *Государственный Контролеръ* (с. 7), *Шефъ пограничной стражи* (с. 19), *Главноуправляющій* (с. 7), *Министръ* (с. 11), *Товарищъ Министра* (с. 17), *Товарищъ Государственнаго Контролера* (с. 17), *Управляющій Министерствомъ* (с. 17). Таким образом, заявленные в указателе принципы оформления наименований не выдерживаются последовательно, отражая вариативный характер доре-

форменного правописания, связанный с влиянием фактора индивидуальных орфографических предпочтений и оценки написания как правильного или неправильного.

«Указатель спорных написаний в русской орфографии» В. Разыграева составлен на основе данных 23-х наиболее авторитетных и популярных источников с 1841 по 1886 гг. включительно, по которым «многие и часто наводят справки, как следует писать»¹²⁴ [Разыграев, 1887, с. V]. Задачу указателя составитель видит в том, чтобы выявить и учесть все более или менее «выдающиеся группы спорных написаний как у каждого авторитета в отдельности, так и у всех них вместе взятых» [Там же]. В издании без всякого предпочтения и оценки приводятся более 1000 слов и форм с вариативным написанием¹²⁵. Основная причина орфографического разнобоя, по мнению В. Разыграева, заключается в том, что правописание многих слов, «вполне согласуясь с авторитетом одного», в то же время «не удовлетворяет взглядам другого»:

Сумасшедший (Я. К. Грот, Н. Макаров, В. Геннинг, Ф. Рейф) / *сумашедший* (Ф. Буслаев, В. И. Даль), *комфорка* (Ф. Толль, Н. Макаров) / *конфорка* (Я. К. Грот), *пъеса* (Академ. грамматика, В. И. Даль, Н. Макаров, Ф. Рейф, Ф. Толль) / *пъеса* (Я. К. Грот, В. Геннинг, В. И. Даль, Ф. Толль), *циферблатъ* (Н. Макаров, Ф. Рейф, Ф. Толль) / *цыферблатъ* (Я. К. Грот, В. И. Даль, А. Смирнов), *збруя* (Павский, А. Орлов, Н. Макаров, Ф. Рейф) / *сбруя* (Я. К. Грот, В. Геннинг, В. И. Даль), *разсчетъ* (Н. Макаров, В. И. Даль, Ф. Рейф) / *расчетъ* (Я. К. Грот, В. Геннинг, Ф. Рейф, Н. Макаров), *лосось* (Я. К. Грот) / *лосось* (Я. К. Грот, В. И. Даль, Н. Макаров, Ф. Рейф, Ф. Толль, Ф. Шимкевич), *атрибутъ* (Я. К. Грот, В. П. Геннинг, В. И. Даль) / *аттрибутъ* (Н. Макаров, Ф. Толль, А. Смирнов), *коридоръ* (В. И. Даль, Я. К. Грот, В. Геннинг) / *корридоръ* (Ф. Буслаев, Ф. Рейф, Н. Макаров, Ф. Толль) *во первыхъ, во вторыхъ, въ третьихъ* (Академ. грамматика, Ф. Буслаев, Павский) / *вопервыхъ, вовторыхъ, втретьихъ* (Ф. Буслаев, Павский) / *во-первыхъ, во-вторыхъ, въ-третьихъ* (Я. К. Грот, А. Орлов, Академ. грамматика), (Ф. Буслаев, Павский), *втридорога* (Я. К. Грот) / *въ-три-дорога* (Ф. Буслаев), *Сентябрь* (Академ. грамматика, Ф. Буслаев) / *сентябрь* (Я. К. Грот, Н. Макаров) [Там же, с. 103–117].

¹²⁴ Это, в частности, «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (1854 г.), грамматики А. Востокова и Ф. Буслаева, «Филологические разыскания» и «Русское правописание» Я. К. Грота, Толковый словарь В. И. Даля, выпуски «Филологических записок» и «Русского филологического вестника», словари А. Орлова и В. Геннинга, «Этимологический лексикон» Ф. Рейфа и «Корнеслов русского языка» Ф. Шимкевича [Разыграев, 1887, с. V].

¹²⁵ Полный перечень вариантов приведен в приложении № 2 «Орфографическая вариативность рубежа XIX–XX веков по данным “Справочного указателя спорных написаний в русской орфографии”» В. Разыграева (1887 год).

Сбивчивы и непоследовательны были также и рекомендации орфографических словарей, издававшихся в порядке частной инициативы и индивидуального почину [Ожегов, 1957; Букчина, 1974]. Словари составлялись без опоры на авторитетный источник, принципов отбора слов и твердых требований к их орфографическому оформлению [Букчина, 1974, с. 220]. Составители орфографических словарей не могли последовательно и принципиально разрешать спорные случаи написаний, пытались следовать сложившейся практике, но «каждый по-своему», поэтому в целом они «мало отвечали задачам орфографической нормализации» [Ожегов, 1957, с. 32]. Приведем примеры обнаруженных нами разногласий в рекомендациях орфографических словарей рубежа XIX–XX вв.:

Апелляція (В. В. Разыграев, 1885 г.) / *апелляція* (А. Русаков, 1889 г.), *бутербродъ* (А. Русаков, 1889 г.) / *буттербродъ* (А. П. Ромашкевич, 1898 г.; В. Кименталь, 1900 г.) и *бутербротъ* (С. Н. Алексеев, 1909 г.; И. Н. Шапошников, 1915 г.; Ф. Абраменко, 1917 г.), *гіена* (А. Русаков, 1889 г.) / *гіэна* (В. Кименталь, 1900 г.), *ералажъ* (В. В. Разыграев, 1885 г.) / *ералашъ* (А. П. Ромашкевич, 1898 г.), *дюшессъ* (С. Н. Алексеев, 1909 г.) / *дюшесь* (А. М. Ильин, 1912 г.), *жирафъ* (А. Русаков, 1889 г.) / *жираффъ* (А. П. Ромашкевич, 1898 г.), *золовка* (С. Н. Алексеев, 1909 г.) / *золовка* и *заловка* (Ф. Абраменко, 1917 г.), *пеликанъ* (В. В. Разыграев, 1885 г.) / *пеликанъ* [*пиликанъ*] (Алексеев, 1909 г.), *пудингъ* (В. В. Разыграев, 1885 г.) / *пудингъ* [*пуддингъ*] (С. Н. Алексеев, 1909 г.), *пионный* (В. В. Разыграев, 1885 г.) / *пшанный* (С. Н. Алексеев, 1909 г.), *волторна* (Разыграев, 1885 г.; Русаков, 1889 г.) / *валторна* (А. П. Ромашкевич, 1898 г.; В. Кименталь, 1900 г.) и *волторна* (*валторна*) (А. М. Ильин, 1912 г.)¹²⁶.

Разнобой рекомендаций существовал не только между разными словарями, но нередко и внутри одного. Так, например, неясность и непостоянство нормативных установок отличало «Карманный орфографический словарь» Д. Н. Сеславина:

<...> Необходимыхъ справокъ во многихъ сомнительныхъ случаяхъ пишущий тутъ не найдетъ, поскольку авторъ какъ будто даетъ правила для другихъ, а для себя считаетъ ихъ необязательными: *исподлобья* и *изподлобья*, *бударажить* и *взбудоражить*, *ладыжка* и *лодыжка*, *медянка* и *мБдянка*, *меткій* и *мБткій*, *побарски*, *по ребячески* и *по-пріятельски*, *наровить* и *норовить*, *донельзя* и *до нельзя*, *бычекъ* и *бычокъ* [Там же, с. 14].

¹²⁶ Названия словарей представлены в разделе «Список лексикографических источников».

Д. Н. Сеславин объяснял подобную сбивчивость рекомендаций тем, что правописание многих слов до сих вызывает «споры» авторитетов, что «мъшаетъ» достигнуть «даже условнаго единообразія» [Сеславин, 1897, с. I]. В этих условиях составители словарей и справочников вынуждены были разрешать орфографические сомнения и вопросы «по личному усмотрѣнію» [Там же, с. 27]. Академия наук в дореформенный период не ставила перед собой задачи создания большого орфографического словаря, поскольку из-за нерешенности многих теоретических и практических вопросов и нерегламентированности ряда разделов правописания не было условий, необходимых для подготовки нормативного издания академического типа [Ожегов, 1957, с. 29]. Однако и другие издания Академии наук, в частности, первый том нового академического «Словаря русского языка» (I том, 1895 г.), не представляется возможным рассматривать в качестве орфографического эталона из-за исключительно непоследовательного оформления множества слов:

Безъ удержу, безъ-удержу и безудержу; впотьмахъ и въ потьмахъ; вполголоса и въ полголоса; втиши и въ тиши; втупикъ и въ тупикъ; заживо и за-живо; замужь и за-мужь; за свѣтло, за-свѣтло и засвѣтло; набекрень, на-бекрень и на бекрень; возжса и возжа; суживать и съуживать; раззореніе и разореніе; разчетливость, разчетъ и расчетливость, расчестъ; гостиница и гостинница; идти и итти; прійти, придти и притти; деничикъ и деньчикъ; снадобьеце, заздравьеце и платьице, зданьице; краешекъ и закраишекъ; копейка и копѣйка; дьячекъ и дьячокъ; пучекъ и пучокъ; лавченка и лавчонка; плащомъ, ключомъ и мечемъ, грошемъ; блѣдно-желтый и блѣдножелтый; блѣдно-зеленый и блѣдноголубой; древне-русскій и древне-русскій; желѣзно-дорожный и желѣзнодорожный; двадцати-лѣтній и двадцатилѣтній; изъ-желта бѣлый, изъ-красна- бѣлый и искрасна черноватый (примеры выбраны из: [Опоков, 1904, с. 24–27]).

В связи с этим З. З. Опоковым утверждается мысль о важности ответственного отношения к орфографическому аспекту любых изданий (и особенно академических), поскольку из-за противоречивых написаний в них может быть сделан «опасный для общества» вывод, что, в сущности, «все равно, как ни написать» [Там же].

Таким образом, на протяжении всего XVIII – начала XX вв. орфографический вопрос оставался одним из наиболее обсуждаемых, но мало последовательным. Неупорядоченность не устранялась многочисленными нормативными изда-

ниями. Многочисленные орфографические варианты, с одной стороны, выступали неизбежным следствием отсутствия единого стандарта, а с другой – актуализировали необходимость его разработки и утверждения. Активный процесс становления орфографической нормы, выразившийся в стремлении к единообразию письма, неоднократных (но при этом несогласованных) попытках его осознанной кодификации, дальнейший поиск теоретических основ правописания, размышление о возможных путях его реформирования и унификации – все это является доминирующей частью филологических дискуссий указанного периода.

1.6. Типология орфографических вариантов

Анализ различных орфографических словарей кануна реформы правописания 1917–1918 гг. позволил установить факт существования качественной градации орфографических вариантов в пределах конкретного источника. На основании указаний составителей словарей нами было выделено пять различных типов орфографических вариантов¹²⁷:

1) равноправные:

Калачъ и колачъ, калбаса и колбаса, кандитеръ и кондитеръ; Езопъ и Езопъ, мачеха и мачиха, дилеттантъ и дилетантъ (В. Разыграев); идти = итти, куріозный = курьезный, вядчина = ветчина, казакъ = козакъ, цыфра = цифра (А. Русаков); аладья. = оладья, лохань = лахань, пескаръ = пискаръ (П. А. Ромашкевич); лахань (и лохань), пьянино = піанино, риторика = реторика (С. Н. Алексеев); обыскать и обыскать, обьиграть и обыграть, подыскать и подыскать; навильинъ, навиліонъ, леди и лэди, діезъ и діэзь (А. М. Ильин); задхлый и затхлый, обтовый и оптовый, шаравары и шаровары, аляповатый и оляповатый (М. Азбукин); баластъ и балластъ, безудержу и безъ-удержу, безумолку и безъ-умолку, безустали и безъ-устали, эпилогъ и эпилогъ, экипажъ и экипажъ, екипировать и экипировать (Н. И. Шапошников); вразбивку и въ разбивку; и того, итого; заразь и за разъ, ассессоръ и ассессоръ, атрибутъ и аттрибутъ, зараждаться и зарождаваться, желобъ и жолобъ, желудъ и жолудъ (Ф. Абраменко); изба (собственно истба) (Н. Д. Сеславин);

2) основной / дополнительный:

¹²⁷ Схема представлена в приложении № 5 «Градация вариантов и корпус помет в орфографических словарях и справочниках рубежа XIX–XX веков».

Акафистъ (*акаѳистъ*) (В. П. Геннинг); *дирижеръ* (*дирижоръ*), *должекъ* (*должокъ*), *душекъ* (*душокъ*), *жучекъ* (*жучокъ*) (А. Русаков); *пьеса* (можно и *пiеса*) (С. Н. Алексеев); *расти* [*рости*], *разспрашивать* [*распрашивать*], *масштабъ* [*маштабъ*], *жудкій* [*жуткій*], *спѣсь* [*спесь*], (Н. И. Шапошниковъ); *выездъ* [*выѣстъ*], *разорять* [*раззорять*], *сбруя* [*збруя*], *маэстро* [*маэстро*] (Ф. Абраменко); *зрачокъ* – (*зрачекъ*) (Н. Д. Сеславин);

3) более употребительный / менее употребительный:

Барышень обычнее, нежели *барышенъ*; [*гекзаметръ*] *экзаметръ* (последнее употребительнее) (Н. И. Шапошниковъ); *ровнять* [*равнять*]¹²⁸, *обрастать* [*обростать*], *кочанъ* [*качанъ*], *решето* [*рѣшето*] (А. М. Ильин).

Составители словарей отмечают несоответствие более употребительного варианта рекомендациям авторитетов:

Индифферентизмъ (Гротъ не удваиваетъ букву *ф*), хотя многіе пишутъ *индифферентизмъ*; *итти* (многіе пишутъ *идти*, хотя Гротъ доказываетъ, что древняя форма была *ити*) [Сеславин 1897, с. 110, 116];

4) более предпочтительный / менее предпочтительный:

Вотрушка (см. *ватрушка*), *аладья* (см. *оладья*) (В. Разыграев; *Авдотья* (вернее *Овдотья*), *нагай* (лучше *ногай*) (С. Н. Алексеев); *дотла* (правильно *до тла*) (Н. И. Шапошниковъ); *дотла* и *до тла* (правильнее второе написание), (Ф. Абраменко);

5) правильный / неправильный, ошибочный варианты:

(*генварь*) пиши *январь* (А. Русаков); *камфора* (а не *камфара*), *давеча* (а не *давича*), *давешный* (а не *давишный*) (С. Н. Алексеев); *болень* (а не *болѣнь*), *готы* (а не *готты*), *срамъ* (а не *страмъ*) (Н. И. Шапошников); *видень* (а не *видѣнь*) (Ф. Абраменко); *искусный* (писать *искусный* совершенно неправильно), *Ильинична* (но не *Ильинишна*, хотя в выговоре и слышится буква *ш*), *карикатура* (нет оснований писать *каррикатура*), *корешокъ* (некоторые до сих пор не отказались от правописания *корешекъ*), *белена* (некоторые, производя это слово от корня *бѣл-*, пишут *бѣлена*, что совершенно неверно) (Н. Д. Сеславин), *близъ* (а никакъ не *близь*) (Н. Д. Сеславин).

Следует отметить, что отнесенность к тому или иному типу определенных вариантов нередко оказывается условной и может в разных источниках не совпадать. Так, варианты *леди* и *лэди* в словаре А. М. Ильина квалифицируются как равноправные, тогда как у Ф. Абраменко они выступают в качестве основного / дополнительного – [*леди*] *лэди*; равноправные *лаханъ* и *лоханъ* в словарях

¹²⁸ «Формы слов, напечатанные в угловых скобках, допускаются, хотя употребительнее формы, стоящие вне скобок» (выд. мной. – С. Н.) [Ильин, 1912, с. 3–4].

В. Разыграева и П. А. Ромашкевича рассматриваются в словарях С. Н. Алексева, Ф. Абраменко, Н. И. Шапошникова, М. Азбукина как основной и дополнительный: *лахань* [*лохань*]. Вариативная пара *рѣдька* [*редька*] у Н. И. Шапошникова, А. М. Ильина рассматривается как основной / дополнительный, тогда как у В. В. Разыграева эти варианты представлены в качестве равноправных – *рѣдька*, *редька*. В паре *лѣчить* [*лечить*] вариант с *е* в словарях Н. И. Шапошникова, А. М. Ильина трактуется как дополнительный, а у Ф. Абраменко написания *лечить*, *лекарство*, *лечебникъ*, наоборот, указываются как основные. С другой стороны, в словаре В. П. Геннинга [1879] в качестве единственно возможных приводятся только *лекаръ*, *лекарство*, *лечение*, *лечить* и *редька*, вариативность написаний с корневым *ѣ* / *е* при этом не отмечается.

Непоследовательность характерна также и для помет, сопровождающих варианты. Как правило, это связано с разграничением основного / дополнительного и более / менее употребительного вариантов, где в обоих случаях используются квадратные скобки, например, у Н. И. Шапошникова и Ф. Абраменко они указывают на основной / дополнительный варианты, а у М. Ильина – на более / менее употребительный.

Указанные выше типы вариантов квалифицируются различными эксплицитными и имплицитными пометами:

«обычнее, нежели»; *«последнее употребительнее»*; *«лучше»*; *«вернее»*; *«правильнее, нежели»*; *«а не»*; *«не»*, *«вместо»*, *«можно и»*, *«более правильный»*; *«допустимый»*; *«предпочтительнее»*; *«чаще, но неправильно»*; (); []; «=»; «,» и др.

Особый интерес представляют здесь так называемые авторские пометы, например, *«Грот»*; *«Павский»*; *«у Греча»*, *«у Буслаева»* и т.д., употребление которых иллюстрировало разногласия рекомендации авторитетов относительно написания множества спорных слов, а также зависимость упорядочения от индивидуальных взглядов и пристрастий: *двѣ(е)надцать* – *«Даль двенадцать правильнѣе»*; *зато* («у Буслаева») и *за то* («в том же значеніи Павскій вообще раздельно»); *нельзя* («Гротъ») и *не лъзя* («Павскій вездѣ»), *коломянка* («Гротъ каламянка»); *копѣйка*, *копейка* («Гротъ не находить основанія писать ѣ»). Приведем оригинальный пример такой ссылки на авторитет М. В. Ломоносова:

Змѣй (хотя такъ принято писать, но принимая во вниманіе славянское начертаніе *змій*, было бы правильнѣе, согласно русской фонетикѣ, писать *змеѣй*, как писалъ, между прочимъ, Ломоносовъ) [Сеславин, 1897, с. 101].

Значительная часть их, как, например, в карманном орфографическом словаре Д. Н. Сеславина [1897], связана с именем Я. К. Грота:

Гротъ пишетъ; Гротъ допускаетъ; Гротъ рекомендуетъ; по указанію Я. К. Грота; Гротъ считаетъ это написаніе напраснымъ / неправильнымъ; Гротъ находитъ; Гротъ признаетъ, по мнѣнію Грота нѣтъ основанія; Гротъ оправдываетъ; такое правописание Гротъ объясняетъ [Сеславин 1897].

Имплицитность и эксплицитность помет оказываются в прямой зависимости от степени свободы выбора того или иного варианта. Так, в области отсутствия жестких ограничений (*равноправные* и *основной / дополнительный* варианты) действуют как имплицитные, так и эксплицитные пометы, но более частотными оказываются имплицитные. В области же ограничений или предписаний (*более / менее предпочтительный, правильный / ошибочный* варианты) используются уже только эксплицитные пометы. Для группы вариантов *более / менее употребительный* в равной степени характерно наличие как имплицитных, так и эксплицитных помет.

В зависимости от специфики употребления и степени их соответствия индивидуальному орфографическому эталону составителей словарей пометы можно условно разделить на три группы:

- 1) наблюдательные (для *равноправных, основного / дополнительного, более / менее употребительного* вариантов);
- 2) рекомендательные (для *более / менее предпочтительного* варианта);
- 3) запретительные (для *правильного / неправильного, ошибочного* варианта).

Наиболее частотными в период отсутствия общепринятого орфографического стандарта оказываются наблюдательные пометы.

Таким образом, структуру орфографической нормы организуют следующие элементы:

1) ядро, которое включает написание-эталон, а при наличии вариативности – написание-эталон № 1 и написание-эталон № 2, конкурирующие между собой (*равноправные* варианты);

2) центральная часть, представляющая *дополнительный* вариант (написание-эталон при этом получает характеристику *основной*);

3) периферийная часть, состоящая из *менее употребительного* варианта (написание-эталон при этом воспринимается как *более употребительное* и *распространенное*);

4) пограничная часть, содержащая *менее предпочтительный, менее правильный* вариант (пометы *правильнее, лучше* без прямого и категорического запрета варианта).

За пределами нормы оказывается *неправильный, ошибочный* вариант, отсылающий к написанию-эталону как к бесспорно правильному.

Контуры ядра в этом случае образуют два типа эталона: 1) написание-эталон без возможности / права выбора (при отсутствии вариативности) и 2) написание-эталон с возможностью / правом выбора иного (не эталонного) написания по своему усмотрению, поэтому варианты, как и в группе *равноправных*, тоже конкурируют между собой. Пишущий может выбрать даже вариант, который в одном руководстве характеризуется как *ошибочный*, так как в другом, которому он доверяет в большей степени, этот вариант может входить, например, в группу *более/ менее употребительный*. Пределы нормы устанавливаются и регулируются с помощью запретительной пометы¹²⁹.

В зависимости от фиксации вариантов в пределах одного источника или разных можно также говорить об *интравариантах* и *экстравариантах*. *Интраварианты* представляют орфографическую вариативность в пределах конкретного словаря или справочника, текста. Так, Н. И. Греч, рассматривая в «Краткой русской грамматике» примеры ошибочных написаний, также приводит слова, которые, по его мнению, всё же могут писаться «двойко»: *промышлен(н)ость*,

¹²⁹ Схема представлена в приложении № 6 «Структура орфографической нормы по данным словарей и справочников рубежа XIX–XX веков».

раз(з)орить, мущ(ч)ина, ид(т)ти, ме(ѣ)лкий, зае(я)ць, две(ѣ)надцать [Греч, 1843, с. 141–142]. Допускает вариативные написания и Я. К. Грот: *женинь [женнинь], идти [итти], ковыль [кавыль]; расписка [росписка], сбруя [збруя], рости [расти]* [Грот, 1899, с. 900, 902, 904, 923, 924].

Объем интравариантов в орфографических словарях даже небольшого формата мог доходить, например, как в «Справочном орфографическом словаре» Н. И. Шапошникова (1915 г.), до 200 единиц: *азбестъ и асбестъ, бадяга и бодяга, дощаникъ и досчаникъ, Владимиръ [Владиміръ], епиграфъ и эпиграфъ, ералашь и ералашь, лотокъ и латокъ, маэстро [маэстро], нежданнѣй и нежданнѣй, [обтъ] опть, пенснэ и пенсне, пещарь [пискаръ], пьеса [піеса], свояченица [свояченица], сермяга [сѣрмяга], уздцы [устцы], хрестоматія [хрестоматія].*

При этом отдельные орфографические словари рубежа XIX–XX вв. отличает отсутствие указания на возможность вариативного написания одних и тех же слов или их минимальное количество (не более 15–20 единиц), причем нередко это варианты одного типа, второе написание обычно оказывается дополнительным или сопровождается регламентирующими пометами *вернее, лучше, а не*: *Акафистъ (Акаѳистъ), арифметика (ариѳметика), Авдотья (вернее Овдотья), лохань (лохань), аладья (оладья), камфора (а не камфара), нагай (лучше ногой), давеча (а не давича)¹³⁰. В данном случае орфографический эталон, установлению которого на практике и должны способствовать словари, осознается как максимально последовательный, не предусматривающий вовсе или только в незначительных случаях допускающий вариативность. В первой главе работы уже отмечалось, что, например, в «Опыте нового русского правописания» В. П. Светова и в разделе указателей слов к выпускам «Словаря Академии Российской» было выдержано безвариативное понимание орфографического эталона.*

Таким образом, составители словарей демонстрируют две позиционные стратегии в отношении вариативности:

¹³⁰ Например, «Справочный карманный словарь для правописания по Гроту, Далю, Макарову и др.» В. Кименталя [1900]; «Справочная книжка и указатель русского правописания» В. П. Геннинга [1879]; «Настольная книга для всякого пишущего по-русски» П. А. Ромашкевича [1898].

1) *наблюдателя*, констатирующего факт наличия вариантов с оценкой большинства как равноправных или основных / дополнительных (словари Ф. Абраменко (140 интравариантов на 12 тысяч единиц), И. Ильина (150 интравариантов на 25 тысяч единиц) и И. Шапошникова (200 интравариантов на 15 тысяч единиц));

2) *законодателя*, вовсе исключающего или существенно ограничивающего число вариантов с преимущественной оценкой их как менее предпочтительных или неправильных (пометы *вернее, лучше, а не*) (словари В. Кимменталя (интраварианты отсутствуют), В. Геннинга (10 интравариантов одного типа *миф* и *миѠ*), П. Ромашкевича (23 интраварианта на 65 тысяч единиц) и С. Алексеева (20 интравариантов (объем словника не указан)));

3) *компромиссную позицию* занимают издания М. Азбукина (37 интравариантов (объем словника не указан)), А. Русакова (42 интраварианта на 40 тысяч единиц) и В. Разыграева (64 интраварианта (объем словника не указан)), которые имеют тенденцию к нормализации, хотя и не такой жесткой, как в предыдущей группе.

Экстраварианты иллюстрируют вариативность в разных источниках, связанную с различным пониманием орфографического идеала и, как следствие, противоречивыми рекомендациями того или иного авторитета относительно правописания определенного слова. Экстраварианты дореформенного периода широко отражены, например, в «Справочном указателе спорных написаний в русской орфографии» В. Разыграева¹³¹:

<i>Безмень</i> (Академ. словарь, Даль, Рейфъ, Гротъ, Макаровъ)	<i>БезмѢнь</i> (Русск. Филол. Вѣстникъ) (с. 23)
<i>Втуне</i> (Академ. словарь, Гротъ, Макаровъ, Геннингъ, Буслаевъ)	<i>ВтунѢ</i> (Академ. грамм., Даль, Рейфъ) (с. 24)
<i>Гостиница</i> (Буслаевъ, Гротъ, Павскій, Рейфъ, Макаровъ, академ. словарь, Даль, Геннингъ)	<i>Гостинница</i> (Русск. Филол. Вѣстникъ)
<i>Деревяжка</i> (Павскій, Гротъ, Геннингъ)	<i>Деревяшка</i> (Русск. Филол. Вѣстникъ, Даль, Макаровъ, Академ. словарь) (с. 33)
<i>Клиентъ</i> (Геннингъ, Даль, Макаровъ, Рейф, Толль)	<i>Кліэнтъ</i> (Гротъ) (с. 29)
<i>Искусство</i> (Даль, Толль, Доброписцевъ)	<i>Искусство</i> (Гротъ, Геннингъ, Макаровъ, Академ.

¹³¹ Приложение № 4. «Частотные экстраварианты рубежа XIX–XX веков по данным «Справочного указателя спорных написаний» В.Разыграева».

	словарь, Рейфъ) (с. 50)
<i>Поль-листа</i> (Гротъ)	<i>Поллиста</i> (Доброписцевъ) (с. 59)
- <i>ныцикъ</i> : <i>баныцикъ</i> , <i>зеленыцикъ</i> , <i>деньцикъ</i> (Бу- слаевъ)	- <i>ницикъ</i> : <i>баницикъ</i> , <i>зеленицикъ</i> , <i>деницикъ</i> (Гротъ, Павскій, Академ. словарь, Академ. грамм.) (с. 63)
<i>Черствый</i> (Академ. словарь, Даль, Рейфъ)	<i>Чорствый</i> (Павскій) (с. 22)
<i>Цифра</i> , <i>циферблатъ</i> (Академ. словарь, Мака- ровъ, Рейфъ, Голль)	<i>Цыфра</i> , <i>цыферблатъ</i> (Гротъ, Даль, Смирновъ) (с. 38)

Следует сказать, что граница между интра- и экстравариативностью в силу действия субъективного фактора в нормировании орфографии дореформенного периода нередко оказывается условной. С одной стороны, в словаре А. Ильина (1912 г.) допускается вариативное написание *парафинъ* [*параффинъ*], следовательно, эта пара является интравариантами, функционирующими в пределах одного источника. С другой стороны, в словаре П. Ромашкевича (1898 г.) предлагается только написание *парафинъ*, в словаре М. Азбукина (1913 г.) – *параффинъ*, в данном случае пара иллюстрирует разноречие в рекомендациях уже разных источников, поэтому может быть отнесена также и к экстравариантам. В. Кимменталь (1900 г.) регламентирует *калачь*, тогда как М. Азбукин – *колачь*, варианты *калачь* и *колачь* выступают в качестве экстравариантов. Однако И. Шапошников (1915 г.) включает эту пару в словарь, рекомендуя *колачь* как основной, а [*калачь*] как дополнительный, следовательно, указанные написания могут учитываться и как интраварианты тоже.

В разном количестве интраварианты встречаются и в целом ряде авторитетных нормативных источников послереформенного периода, но уже, как правило, с четким указанием нормативного статуса второго написания. Если в предыдущий период они обычно выступают в качестве *равноправных*, то теперь, как правило, *дополнительного* / *устарелого* / *неправильного*. При этом предпочтительность именно основного варианта как более правильного подчеркивается его графическим оформлением, последовательным использованием в толковании, различных комментариях и иллюстративном материале словарной статьи, что соответствует характерному для того времени стремлению к стандартизации языковых средств [Обнорский, 1934; Ушаков, 1935]. Следует указать, что в изданиях художественных текстов послереформенного периода интравариативность практически уже не представлена, экстравариативность же останется по-прежнему частотной не толь-

ко в корпусе словарей, энциклопедий, но и художественных текстов¹³². Она сохранится и после утверждения Правил 1956 и выхода «Орфографического словаря русского языка», задача которых состояла в исключении разнобоя и вариативности.

1.7. Центр и периферия вариативности в преддверии орфографической реформы 1917–1918 годов

Относительно точно и полно пределы орфографической вариативности кануна реформы 1917–1918 гг. могут быть установлены только на основе данных большого круга нормативных и печатных источников: орфографических и толковых словарей, грамматик и справочников, указателей орфографического разнобоя, корнесловов, этимологических лексиконов, корректурных списков, журналов, газет, художественных текстов и т.д. При этом необходимо учитывать не только группы интравариантов, отражающих орфографическую вариативность внутри конкретного источника (например, орфографического словаря), но и экстраварианты, иллюстрирующие индивидуальное представление о правильности того или иного написания и встречающиеся в разных источниках.

Как удалось установить, по своему содержанию корпус экстравариантов оказывается более объемным. Так, в орфографических словарях нам не удалось обнаружить интраварианты, связанные с выбором прописной или строчной букв. В группе же экстравариантов они регулярны и представляют противоречивые рекомендации разных авторитетов в части написаний названий народов (включая производные прилагательные и наречия), названий праздников, месяцев, титулов и должностей, учреждений, наук и существительных с приложением:

¹³² Примеры представлены в приложении №8 «Экстравариативность в печатной практике послереформенного периода». Подробно материал изложен в: Науменко С. В. Спорные написания в орфографической практике первой половины XX века // Русская речь. – 2011. – № 6. – С. 58–65; Науменко С. В. Вариативность в русской орфографии (XVIII–XX вв.): монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2019. – 356 с.

1) Ф. И. Буслаев¹³³ – *Индусы, Персы, Греки, Римляне, Москвичь, Татары, Сербскій, Хорватскій, Русскій, по-Русски*; академический «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (1854 г.) – *Финикияне, Азіатскій, Персидскій, по-Нѣмецки* и Я. К. Грот¹³⁴ – *черкесь, чехъ, шведъ, персь, москвичи, португальскій, бѣло-русскій, по-русски*;

2) Г. П. Павский¹³⁵ – *Январь, Февраль, Мартъ, Масленица*, Ф. И. Буслаев – *Генварь, Сентябрь* и Я. К. Грот – *святки, мясоѣдъ, сетнябрь, октябрь*; Н. П. Макаров¹³⁶ – *май, августъ*;

3) академический «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (1854 г.) – *Генераль, Офицеръ, Царевна, Генеральша, Княжна* и Ф. И. Буслаев – *архимандритъ, князь, патриархъ*;

4) академический «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (1854 г.) – *Гимназія* и Я. К. Грот – *университетъ, техническое училище, кадетскій корпусъ*;

5) академический «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (1854 г.) – *Исторія* и Ф. Рейф¹³⁷ – *исторія*;

6) Ф. И. Буслаев – *Турь-золотые рога, Мать-сыра земля, Царь-Дѣвица* и Ф. Рейф – *турь золотые рога, Дмитрій грозныя очи* (примеры из: [Разыграев, 1887, с. 87–89]).

Кроме того, разной оказывается и частотность одних и тех же групп внутри корпуса интра- и экстравариантов. Например, только в трех из десяти анализируемых орфографических словарей и справочников оказались представлены единичные интраварианты, отражающие колебания в слитных, отдельных и дефисных написаниях наречий (9 ед.) и существительного с элементом *пол-*:

Врозницу и *въ розницу*, *вручную* и *въ ручную*, *вразбивку* и *въ разбивку*, *вразрезъ* и *въ разрезъ* (А. М. Ильин); *безудержу* и *безъ-удержу*, *немного* и *не много* (И. Н. Шапошников); *дотла*

¹³³ «Историческая грамматика русского языка» (1881 г.).

¹³⁴ «Филологические разыскания» (1876 г.).

¹³⁵ «Филологические наблюдения над составом русского слова» (1841–1842 гг.).

¹³⁶ «Полный русско-французский словарь» (1867 г.).

¹³⁷ «Этимологический лексикон русского языка» (1835–1836 гг.).

и до тла (*правильнеѢ второе*), *заразь* и *за разъ* (Ф. Абраменко); *по-дурацки* и *по дурацки* (П. А. Ромашкевич); *польлиста* и *поль листа* (П. А. Ромашкевич).

При этом в корпусе экстравариантов слитные, отдельные и дефисные написания, по данным «Указателя спорных написаний в русской орфографии» В. Разыграева, образуют ядро спорных написаний кануна реформы 1917–1918 гг., составляя 25 % разнобоя. И если интраварианты данной группы включают только наречия и существительное, то экстраварианты фиксируют разноголосицу рекомендаций также в написании частиц *же* и *жь*, *бы* и *бъ*, *де*, частицы *не* (глаголы, причастия и прилагательные), простых и сложных прилагательных, местоимений, числительных (порядковые и количественные) и союзов, вводных слов:

1) Ф. И. Буслаев – *еслибъ, еслибы, та-же той-же, этотъ-же, не согрѣшенія ли-де ради* и Я. К. Грот, Г. П. Павский, А. И. Орлов¹³⁸ – *если бы, что бы, если бь, кто бь, куда бы, нынѢ де*;

2) академический «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (1854 г.), Ф. И. Буслаевъ, Г. П. Павский – *чтожь, тѣже* и академический «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847 г.), А. Х. Востоков¹³⁹, А. И. Орлов – *что жь, как же, тѣ же*;

3) академический «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847 г.), Я. К. Грот – *нездоровится, нейдетъ, нейметъ* и Ф. И. Буслаев, Г. П. Павский – *не здоровится, не идетъ, не йметъ*;

4) академический «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (1854 г.), Я. К. Грот – *непроходимыхъ, неупотребительныхъ, несогласную, недоступнаго, невыразимья* и *не любящій ссоръ, ничего не видящій; не заслуживающій уваженія* и Г. П. Павский – *не удовлетворительнымъ, не пріятное*;

5) Ф. Толль¹⁴⁰ – *приморскій, прибалтійскій* и Г. П. Павский – *при-морскій, при-Балтійскій*;

6) академический «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (1854 г.), А. И. Орлов – *старославянскій, древнерусскій, церковнославянскій* и

¹³⁸ «Полный филологический словарь русского языка» (I том, 1884 г.).

¹³⁹ «Русская грамматика» (9-е изд., 1856 г.).

¹⁴⁰ «Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний» (1863 г.).

Я. К. Грот, Ф. И. Буслаевъ – *старо-славянскій, древне-русскій, церковно-славянскій*;

7) академический «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847 г.), Я. К. Грот, Г. П. Павскій – *двухъэтажнѣй* и академический «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (1854 г.), Ф. И. Буслаевъ – *двухъ-этажнѣй*;

8) Я. К. Грот – *двадцать-одинъ, дватцать-первый* Г. П. Павский – *двадцать одинъ, дватцать первый*; Ф. И. Буслаев – *три-ста, двух-сотъ, пятью-стами* и академический «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (1854 г.), Я. К. Грот – *триста, четыреста, пятьсотъ, пятьюстами*, а также Г. П. Павский – *три ста, четыре ста, пять сотъ*;

9) Г. П. Павский – *коечто* и «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847 г.), Ф. И. Буслаевъ, Я. К. Грот – *кое-что*;

10) академический «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (1854 г.), Ф. И. Буслаев, Я. К. Грот – *почему, поэтому, притомъ, причемъ* и Г. П. Павскій – *по чему, по этому, при томъ, при чемъ*;

11) Ф. И. Буслаевъ *вопервыхъ, вовторыхъ, втретьихъ* и академический «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (1854 г.), Г. П. Павскій *во первыхъ, во вторыхъ, в третьихъ* (примеры из: [Разыграев, 1887, с. 77–86]).

По сравнению с интравариантами более широко в количественном и типовом отношении в корпусе экстравариантов оказываются представлены наречия и сложные существительные:

1) Я. К. Грот – *вдребезги, вверху, вмигъ, вначалъ, вправъ, всмятку, встарину, второпяхъ, впросакъ* и В. И. Даль, «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847 г.) – *въ дребезги, въ верху, въ мигъ, въ началъ, въ правъ, въ смятку, въ старину, въ торопяхъ, въ просакъ*;

2) А. Смирнов¹⁴¹ – *заграница* и Я. К. Грот – *за граница*;

3) В. И. Даль – *кряду* и Ф. И. Буслаев – *къ ряду*;

¹⁴¹ «Орфографические указатели и правила русского языка» (Библиографические заметки) (1885 г.)

4) Я. К. Грот, В. И. Даль – *навстрѣчу, налицо, наравнѣ, наскоро, наудачу* и Г. П. Павский, академический «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (1854 г.), Ф. Рейф – *на встрѣчу, на лицо, на равнѣ, на скоро, на удачу*§

5) А. И. Орлов – *неовсе, некстати* и В. И. Даль – *не вовсе, не кстати*; В. И. Даль – *невдалекѣ* и «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847 г.) – *не вдалекѣ*; Я. К. Грот – *неужели* и Г. П. Павский – *не ужели*;

6) Я. К. Грот – *повидимому, попрежнему, постарому, повчерашнему* и «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (1854 г.), Г. П. Павский – *по видимому, по старинному, по нынѣшнему*;

7) «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847 г.), Я. К. Грот – *поистинѣ* и В. И. Даль – *по истинѣ*; В. И. Даль – *поправдѣ* и «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847 г.) – *по правдѣ*;

8) академический «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (1854 г.) – *порусски, поболгарски* и Ф. И. Буслаев – *по Русски, по Болгарски*, Г. П. Павский *по русски, по болгарски*; Я. К. Грот – *по-русски, по-болгарски, по-дружески, по-свойски*;

9) В. П. Геннинг¹⁴², Н. П. Макаров, Ф. Рейф, Ф. Толль – *гауптвахта, камерлакей, гофинтендантъ* и *гаупт-вахта, камер-лакей, гоф-интендантъ* и Я. К. Грот – *гаупт(ъ)-вахта, камер(ъ)-лакей, гоф(ъ)-интендантъ*, «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (1854 г.) – *шлаг(ъ)-баумъ* (примеры из: [Разыграев, 1887, с. 77–86]).

В корпусе интравариантов отсутствуют и такие характерные для экстравариативности колебания, как разноголосица в употреблении *ь(ерь)* и *ъ(ер)*: *зелен(ъ)щикъ, ден(ъ)щикъ, ступен(ъ)чатый, т(ъ)ма, нян(ъ)чить, нын(ъ)че, О(о)ктябр(ъ)скій, І(і)юн(ъ)скій; Н. Греч(ъ), плач(ъ), навзнич(ъ), из(ъ)янь, под(ъ)ячій, барышень(ъ)*.

С другой стороны, ядро интравариативности представляют написания с безударными непроверяемыми гласными *а / о* в корне (40 %), тогда как в корпусе экстравариантов они оказываются по частотности на втором месте, составляя

¹⁴² «Справочная книжка и указатель русского правописания» (1879 г.)

14 % установленных случаев разнобоя. Одной из причин подобного несовпадения является то, что в пределах одного нормативного источника составителю, вероятно, было легче определиться с выбором индивидуальной тактики нормирования в подгруппе слитных, отдельных и дефисных написаний, не предлагая вариантов, поэтому среди интравариантов этот вид написаний оказывается немногочисленным, будучи включенным только в три словаря из десяти анализируемых.

Так, Г. П. Павский, как видно из приведенных выше примеров, предпочтение отдает отдельному написанию частиц *бы* и *б*, *не* с глаголами и прилагательными, числительных с компонентами *-с(о)т-* и *-ндцать*, союзов, вводных слов. Слитно, как правило, он оформляет частицы *же* и *жь*, через дефис – прилагательные с префиксом *при-*. Правописание наречий у Г. П. Павского не всегда устойчиво: *встарину*, *навѣрное*, *наполовину*, *наравнѣ*, но *на вѣкъ*, *на мѣсто*, *на примѣръ* и *на вѣрное*, *на равнѣ*. Его нормативные указания в ряде случаев не соответствовали рекомендациям академического «Опыта общесравнительной грамматики русского языка» (1854 г.), Я. К. Грота, Ф. Толля. Такое противоречие индивидуальных подходов к нормированию в этой области правописания, ее потенциально большой объем, типологическая разнородность и возможность в ряде случаев выбора из трех вариантов нормирования (слитного / отдельного / дефисного) обуславливают высокую частотность примеров данного типа в корпусе экстравариантов.

Напротив, варианты типа *бала(о)мутъ*, *бахр(о)ма*, *ка(о)ра(о)вай*, *нава(о)ждене*, *ра(о)сти*, *ро(а)ждать*, *ро(а)весникъ*, *ра(о)внина*, представленные в семи из десяти анализируемых орфографических словарей, составляют центр интравариантности, свидетельствуя о серьезных трудностях в поиске, аргументации и обосновании их безвариативной кодификации в пределах конкретного источника.

Остальные подгруппы интра- и экстравариантов, как правило, соотносительны по объему:

Интравариативность (вариативность в пределах одного источника)			Экстравариативность (вариативность при сопоставлении разных источников)		
1	Безударные гласные <i>а/о</i> в корне <i>дого(а)рать</i> <i>ко(а)ндитеръ</i> <i>ка(о)рга</i> <i>ла(о)кать</i> <i>ла(о)пта</i> <i>ло(а)пухъ</i> <i>покло(а)няться</i> <i>ра(о)сти</i> <i>то(а)варищъ</i> <i>тво(а)рогъ</i>	40 %	1	Слитно / раздельно / через дефис <i>Вблизи, въ близи</i> <i>Во-первыхъ, во первыхъ</i> <i>Вовремя, во-время</i> <i>греко-латинскій, греколатинскій</i> <i>гофинтендантъ, гоф(ъ)-интендантъ</i> <i>двѣстипервый, двѣсти первый</i> <i>двухсотъ, двух(ъ)-сотъ, двухъ сотъ</i> <i>Невнятно, не внятно,</i> <i>Невыразимья, не выразимья</i> <i>Нездоровиться, не здоровиться</i> <i>Нелюбящій, не любящій</i> <i>Полтора, поль-тора</i> <i>Попрежнему, по-прежнему</i> <i>Точьвточь, точь-в-точь, точь въ точь</i>	25 %
2	<i>ь/і</i> в заимствованиях <i>пѣса (можно и піеса)</i> <i>буль(і)онъ</i>	16 %	2	Безударные гласные <i>а/о</i> в корне	14 %
3	Гласные <i>Ѣ/е</i> <i>ме (Ѣ) ль</i> <i>пе(Ѣ)скаръ</i> <i>тре(Ѣ)ніе</i> <i>даве(Ѣ)</i> <i>Фадде(Ѣ)й</i>	9 %	3	Гласные <i>Ѣ/е</i>	11 %
4	Гласные <i>е/э</i> в заимствованиях <i>алое(э)</i> <i>е(э)лементъ</i> <i>кле(э)нтъ</i> <i>те(э)ма</i> <i>пенсне(э)</i>	9 %	4	Гласные <i>е/о</i> после шипящих и <i>ц</i> <i>гребеше(о)къ</i> <i>же(о)лтый</i> <i>надеже(о)мъ</i> <i>ще(о)лкать</i> <i>И(и)ноземце(о)въ</i> <i>лице(о)мъ</i> <i>танце(о)вать</i>	10 %
5	Глухой / звонкий согласный <i>женид(т)ьба</i> <i>с(з)бруя</i> <i>рас(з)четъ</i> <i>шав(ф)ка</i> <i>Мадрид(т)ъ</i> <i>чернед(т)ь</i>	6 %	5	Прописная / строчная <i>Г(г)еографія</i> <i>С(с)Ѣверъ</i> <i>Н(н)ачальникъ</i>	9 %
6	Гласные <i>е/о</i> после шипящих и <i>ц</i>	5 %	6	Безударные гласные <i>е/и</i> <i>абоне(и)ментъ</i> <i>варе(и)во</i> <i>би(е)чева</i> <i>маче(и)ха</i> <i>пе(и)скаръ</i> <i>потче(и)вать</i>	7 %
7	Безударные гласные <i>е/и</i>	4 %	7	Одиночная / удвоенная согласная <i>ам(мм)униція</i> <i>кар(рр)икатура</i> <i>кам(мм)ерлакей</i> <i>оф(фф)иціальнѣй</i>	6 %
8	Одиночные / удвоенные согласные в заимствованиях	3 %	8	Гласные <i>е/я</i> <i>ве(я)дчина</i> <i>зая(е)ць</i> <i>име(я)чко</i> <i>ре(я)хнуться</i>	4 %

				<i>ме(я)тель</i>	
9	Согласная ф / Ѡ <i>АкаѠ(ф)ист</i> <i>Ники Ѡ(ф)ръ</i> <i>ари Ѡ(ф)метика</i> <i>миѠ(ф)</i> <i>скиѠ(ф)</i> <i>с Ѡ(ф)ера</i>	2,5 %	9	С ъ / без ъ <i>бан(ъ)щикъ</i> <i>мел(ъ)чить</i> <i>тюр(ъ)ма</i> <i>декабр(ъ)скій</i> <i>яч(ъ)ный</i>	2,5 %
10	Слитно / раздельно / через дефис	2,5 %	10	С ъ / ъ <i>адъ(ъ)ютантъ</i> <i>горючь(ъ)</i> <i>кухонъ(ъ)</i> <i>явь(ъ)</i> <i>подъ(ъ)ячій</i>	2,5 %
11	Гласные е / я	2 %	11	Глухой / звонкий согласный	2,5 %
12	Сочетание сч / щ и зч / щ <i>переписч(щ)икъ</i> <i>извозч(щ)икъ</i> <i>сч(щ)еть</i> <i>сч(щ)астіе</i>	1 %	12	ь / і в заимствованиях	2 %
13.			13	Гласные е / э в заимствованиях	1,5 %
			14	Согласная ф / Ѡ	1,5 %
			15	Сочетание сч / щ и зч / щ	1,5 %

Необходимо отметить, что ни один из десяти анализируемых словарей не включает в себя все 12 подгрупп интравариантов. Максимальное количество подгрупп (6–8) указано только в словарях и справочниках В. Разыграева (1885 г.), И. Шапошникова (1915 г.) и Ф. Абраменко (1917 г.). Как правило, большинство изданий отражают две или три подгруппы вариативных написаний, предлагая для остальных подгрупп различные кодификаторские решения, в связи с чем можно говорить об устойчивой тенденции отказа составителями от вариативных написаний в пользу единообразного написания. В то же время подгруппы с вариативным написанием безударных гласных **а / о** в корне и **ь / і** в заимствованиях указываются регулярно.

В преддверии реформы 1917–1918 гг. орфографическая вариативность с учетом совокупного объема интра- и экстравариантов, общности единиц и частотности конкретных подгрупп спорных написаний имела следующие границы¹⁴³:

¹⁴³ Схема представлена в приложении № 3 «Структура и пределы орфографической вариативности рубежа XIX–XX веков».

1) ядро (центр) представляют вариативные написания с безударными гласными **а / о** в корне (23 %);

2) околоядерную область образуют различные типы слитных, отдельных или дефисных написаний (17 %);

3) ближний круг периферийной области (39 %) организуют написания с гласными **е / о** после шипящих и **ц** (10 %); гласными **ѣ / е** (как правило, в корне, 10 %); **ѣ / і** в заимствованных словах (7 %); безударными гласными **е / и** (6 %) и прописной / строчной (6 %);

4) пограничный круг периферийной области (21 %) составляют написания с *одиночными / удвоенными согласными* в заимствованных словах (5 %); гласными **э / е** в заимствованных словах (5 %), *глухими / звонкими согласными* (4 %), безударными гласными **е / я** (3 %), с **ѣ / ѣ** (как правило, в абсолютном конце слова, 2 %), с **ѣ / без ѣ** (2 %); согласными **ѣ / ѣ** (2 %).

Орфографическая реформа 1917–1918 гг. устранила вариативность только таких двух подгрупп спорных написаний, как гласные **ѣ / е** (ближний круг периферийной области, 10 %) и согласные **ѣ / ѣ** (пограничный круг периферийной области, 2 %)¹⁴⁴. Поскольку области активной вариативности оказались вне сферы внимания реформаторов, проблема орфографической вариативности по-прежнему ощущается остро, вызывая озабоченность лингвистов, педагогов, издательских работников, что найдет отражение во множестве публикаций¹⁴⁵. Языковые процессы советского времени приведут к определенным изменениям в структуре орфографической вариативности¹⁴⁶. Так, в подгруппе слитных, отдельных и дефисных написаний значительное количество случаев колебаний составят не только

¹⁴⁴ «К сожаленію, этого рода спорные написання задѣты подкомиссіей очень поверхностно, хотя было бы очень желательно выработать нѣкоторое однообразіе» [Будилович. 1904, с. 48].

¹⁴⁵ В послереформенный период до утверждения в 1956 г. «Правил русской орфографии и пунктуации» проблема упорядочения и усовершенствования правописания обсуждается в 345 публикациях (по данным библиографического указателя «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX)» (1965 г.) и Т. М. Григорьевой «Три века русской орфографии» (2004 г.)).

¹⁴⁶ Подробно в главе «Практика письма до утверждения «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 года»

наречия, но и слитные / дефисные написания сложных прилагательных, особенно терминологического характера. Также существенно увеличится частотность колебаний в подгруппах написаний с одиночной / удвоенной согласной в заимствованных словах. Новые идеология и общественно-государственные институты приведут к усилению колебаний в употреблении прописной / строчной букв, а устранение **ѣ** (ера) обусловило активизацию колебаний типа *безы(и)нициативный, преды(и)сторический, обы(и)нтеллигентиться, безы(и)дейный*¹⁴⁷.

Послереформенные словари и справочники, стихийные и официальные орфографические комиссии по-разному пытались решать задачу нормализации письма, формируя в сложном поиске и напряженных дискуссиях характер современных правил правописания.

Выводы

1. Сложность становления русской орфографии в XVIII в. нашла свое отражение в изысканиях В. Е. Адодурова, В. К. Третьяковского, М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова, придерживавшихся различных орфографических эталонов. Собственная орфография авторов нередко оказывалась «сбивчива» и «несогласна» не только с общепринятой практикой, но и, «*впадая в противоречие*» с декларируемыми ими теоретическими постулатами, варьировалась от текста к тексту. Противоборство церковнославянского и живого русского языка, дискуссионный характер теории правописания, разноголосица существующей письменной практики и, наконец, индивидуальные орфографические вкусы составителей предопределили широкую вариативность письма XVIII в.

Орфографическая ситуация XIX – начала XX вв. представлена в таких эмоциональных характеристиках современников, как «*шатание*», «*разлад*», «*произвол ужаснейший*», «*пестрота*», «*полнейшая неразбериха*» (К. Суворов,

¹⁴⁷ В анализируемых орфографических словарях рубежа XIX–XX вв. и «Справочном указателе спорных написаний в русской орфографии» В. Разыграева (1887) этот тип спорных написаний представлен только вариантами *безы(ы)менный, безы(ы)звѣстный*.

Н. Каминский, В. Новаковский). Количество орфографических систем практически соответствовало количеству изданий и пишущих (А. С. Пушкин, В. Г. Белинский, Я. К. Грот). Важнейшим условием орфографической стабильности отчетливо осознается необходимость «*уложения о русском правописании*» (П. Гильтебрандт). Обсуждение проблемы орфографического разнобоя и важности его устранения, значимость единства правописания находятся в центре внимания научно-общественной дискуссии на протяжении XVIII – начала XX вв..

2. Особое место в истории нормирования письма XVIII в. занимает считавшийся современниками образцовым «Опыт нового российского правописания» В. П. Светова (1773 г.; 2-е изд. 1787 г.) – первый краткий свод правил русского, а не церковнославянского правописания, утверждавший ломоносовский путь развития русской орфографии. В числе важнейших условий преодоления «*великого несогласия*», когда правописание каждого «*чем-нибудь от другого отлично*», В. П. Светов называет «непременные» и «твердые» нормы и наличие полного орфографического словаря. В работе нашли отражение актуальные вопросы орфографической полемики этого периода: противоречивая практика, необходимость ее единства, ведущий принцип письма, лишние буквы, злоупотребление прописными.

В числе устойчивых колебаний и «погрешностей» письма В. П. Светов отмечает необоснованные отступления от словопроизводственного начала в угоду неправильному выговору (*страмъ, ндравъ, руковятка, убивство*), дефисное написание предлогов и раздельное префиксов (*во-Тверь, по-берегу, отъ даю*), отражение ассимиляции согласных по мягкости (*перъвый, церъковь*), смешение *ъ* и *ь* после шипящих у существительных мужского рода (*ключь, врачь* вм. *ключъ, врачъ*), излишнее удвоение согласных в заимствованиях (*оффицеръ, флоттъ*). Предложения В. П. Светова нашли поддержку у А. П. Сумарокова, М. И. Сухомлинова, Я. К. Грота, особо отмечавших его заслугу в продвижении идеи единства правописания.

Новаторский характер «Опыта» заключается в совершенно нетипичном для этого столетия скрупулезном следовании нормативным установкам, которые вы-

двигает автор и полном отсутствии вариативных написаний в иллюстративном материале, а также в системной разработке вопросов письма в рамках самостоятельной теоретической работы, а не грамматики, как это было принято.

3. Поиски национальной правописной нормы запечатлел и первый толковый словарь русского языка – «Словарь Академии Российской» (1789–1794 гг., 2-е изд. 1806–1822 гг.), призванный решить задачу регламентации стандарта языкового употребления конца XVIII – начала XIX вв. В одних случаях орфография словаря опирается на правописание церковных книг, а в других – стремится учитывать русскую письменную традицию, которая была стихийна и неустойчива («многое зависит от употребления»). Это закономерно приводит к противоречиям, однако вариативность оказывается крайне неравномерно представленной в корпусе словаря, отражая определенное понимание идеала орфографической нормы. Во-первых, в разделе указателей слов к выпускам словаря орфографические варианты не представлены, несмотря на их наличие в заголовках словарных статей. Во-вторых, варианты заглавных слов встречаются в ограниченном количестве с учетом объема словаря (100 единиц), причем они не фиксируются указателями, отмечающими только одно написание. Орфография примеров и производных в словарных статьях, как правило, стремится учитывать оформление того варианта, который осознается составителями в качестве правильного. Норма понимается ими как необходимый выбор только одного из существующих написаний. Такой «безвариативный» взгляд на норму-идеал навеян руководством В. П. Светова, которое указывается в числе источников словаря.

Однако единообразный порядок нормирования иллюстративного материала за пределами конкретной словарной статьи в одном или разных выпусках словаря составителям не удается выдержать, поэтому здесь наблюдаются многочисленные варианты написаний одних и тех же или однотипных слов. В этом случае словарь представляет живую практику составителей в ее индивидуальности и столкновении взглядов и мнений: они «часто переменяют» написание, «смотря по тому, какое наблюдает который-нибудь из них особенно» (И. А. Гейм).

Иллюстративный материал словаря широко отражает конкуренцию морфологических и фонетических написаний префиксов *воз-* и *раз-*, при этом в заглавных словах она встречается редко, а в указателях к выпускам оказываются представлены только варианты, соответствующие морфологическому началу. Противоречивым оказывается и написание префиксов *из-* и *с-*; безударных гласных *о* и *а* в корне слова; *о* и *е* (*ё*) в корне слова после шипящих и именного суффикса *ок* (прежде всего после *ч*); сочетаний *ъи* и *ы* после префикса на твердую согласную слова и слитного, раздельного или дефисного написания сложных прилагательных, называющих оттенки цвета, употребления прописной буквы. Вариативность в написании глаголов с корнями *гар-/гор-* и *раст-/рост-* отразила понимание составителями словаря неактуальности для правописного узуса традиционного в книжной орфографии критерия глагольного вида (несов. вид – *перегораю, подрастаю* при книжном написании *перегараю, подрастаю*).

Нормализаторские усилия составителей отражает последовательное на фоне неупорядоченности, которая отмечается источниками конца XIX – начала XX вв., написание *цы* и *ци* (*цыгань, зацыганить, цыганство* и *цикорій, цикорейный, цилиндръ, цилиндрический*), *ъ* и *ь* после шипящих в позиции абсолютного конца слова у существительных мужского рода (*овощъ, ландышъ, калачъ, плачь*), корневого *ъ* (*сѣра, рѣзба, перемѣна, вѣникъ, мѣра, гнѣвъ*), ряда корней с чередующимися гласными (*мак / мок-, лаг- / лож-, кас- / кос- и зар- / зор-*), суффикса *-щик-* (*каменищикъ, переносчикъ*), префикса *без-* независимо от качества последующего согласного (*безхвостный, безкнижный безчадствую, безсоблазство*). Понимание вслед за М. В. Ломоносовым и В. П. Световым морфологического характера правописания укреплял гнездовой порядок слов. Несмотря на то, что орфографическая система словаря включает палитру вариативных написаний, единство письма осознается в словаре как общенациональная ценность.

4. Неудовлетворительное состояние орфографического вопроса побуждало многие издания принимать свое собственное правописание. Широкую известность получила у современников особая «правопись» В. И. Даля, автора «Толкового словаря живого великорусского языка», аргументировавшего необходимость

ее создания «шаткостью» русского письма из-за отсутствия твердой теоретической опоры («между учеными нашими грамота не устоялась»).

Ситуацию общей неупорядоченности правописания этого периода также отражают вариативные написания словаря объемом в 500 единиц, большинство из которых характеризуются В. И. Далем как равноправные. Единичные запрети-тельные пометы регламентируют варианты с удвоенными согласными в иноязыч-ных словах. Наиболее частотными оказываются такие вариативные написания, как безударные гласные *o* и *a* в корне слова (30%) – *прога(o)рать, ура(o)ждать, пообра(o)внять, отра(o)стать, ла(o)пухъ*; корневые *e* и *ѣ* (11%) *реше(ѣ)тка, ре(ѣ)зчикъ, теле(ѣ)га*; безударные гласных *e* и *и* (10%) – *акомпани(e)ментъ, мач(и)еха* одиночные / удвоенные согласные в заимствованиях (7%) – *масивный (напрасно массивный)*; глухой / звонкий согласный (7 %) – *камбуз(с)ъ, щико-лод(т)ка, з(с)балмашный*; *o* и *e(ѣ)* после шипящих и *ц* (6%) – *же(o)лобъ, сче(o)тъ, изразце(o)вый*.

Индивидуальный опыт нормирования правописания получил у современни-ков неоднозначные оценки, однако ряд далевских постулатов воплотился в орфо-графических словарях конца XIX – начала XX вв., в частности «Справочный ука-затель спорных написаний в русской орфографии» В. Разыграева в 470 случаях ссылается на В. И. Даля. В числе перспективных были признаны предложения учитывать произношение при написании префиксов *без-* и *чрез-* вслед за *из-*, *воз-*, *низ-* и *раз-* (*бескровный, беспечный. чересчуръ* вместо традиционных *безкровный, беспечный, черезчуръ*), избегать чрезмерного удвоения согласных в иноязычных словах и «выжимать» *ѣ* (Я. К. Грот, А. А. Потебня, В. В. Чернышев, В. П. Шереметевский). В последующих изданиях словаря В. И. Даля авторская «правопись» претерпела изменения, связанные с корректировкой фонетических написаний на морфологической основе в соответствии с орфографическими взглядами издателей и редакторов. Распространение словаря с разными орфогра-фиями дополняло общую картину вариативности.

5. В определенную систему письмо конца XIX – начала XX вв. было приве-дено усилиями Я. К. Грота, утверждавшего понимание орфографии как нормы,

самостоятельной научной и практической области, требующей сознательного регулирования в целях достижения единства. Введение руководства «Русское правописание» в качестве обязательного только в школе закономерно привело к коллизии школьной орфографии и печатных изданий, вызвав широкое обсуждение важности единства орфографического стандарта для всех общественных институтов.

В числе основных колебаний современной орфографической практики Я. К. Грот указывает непоследовательное употребление прописной буквы (*Славяне* и *славяне*, *Московскій* и *московскій*), *е* и *о* после шипящих (*уче(о)ный*, *жже(о)шь*, *просвъще(о)нь*, *сче(о)ть*), одиночных и удвоенных согласных в заимствованиях (*коммиссія*, *коммисія*, *комиссія*, *комисія*). «Наибольшую пестроту», по его наблюдениям, представляют написания омонимичных предложно-падежных форм существительных и наречий, которые пишутся «то врознь, то слитно».

Большинство характерных для практики вариативных написаний в орфографическом словаре «Русского правописания» Я. К. Грота получают неодобрительную оценку как *менее предпочтительные* или *неправильные, ошибочные* (86%), в частности, варианты с безударными непроверяемыми гласными *а* и *о* в корне, *е* и *ь*, а также стечениями согласных. Отметим разнообразие запретительных помет в словаре «Русского правописания»: *правильнѣе, нежелли; никак не; нет причины писать; всего ошибочнѣе начертаніе; не должно писаться; а не* и т.п.). Значительно реже встречаются варианты, которые, учитывая выбранный способ их оформления, можно квалифицировать как *равноправные* или *основной / дополнительный* (14%).

Труды Я. К. Грота вызвали острые споры и обвинения автора в исключительной произвольности нормативных установок для многих спорных написаний. Однако в дальнейшем их значительная часть вошла в практику и была окончательно утверждена Правилами 1956. Взвешенная оценка его разысканий и понимание вклада в упорядочение правописания придут в 40-е г. XX в., когда в работах следующего поколения специалистов окончательно утвердятся морфологический взгляд на русское письмо и начнется создание «советского Грота».

6. Неупорядоченность правописания и множественность индивидуальных эталонов характеризовал такой востребованный тип справочного издания, как *указатель орфографического разнобоя*. Подобные руководства представляли собой объемные списки слов, написание которых, согласуясь с авторитетом одного, в то же время противоречило взглядам другого автора. Указатели давали возможность самостоятельно выбирать, в соответствии с чьей рекомендацией писать то или иное слово.

Одним из первых опытов создания такого Руководства стало «Справочное место русского слова» Н. Греча [1836, 2-е изд. 1843]. Наиболее значимым является «Указатель спорных написаний в русской орфографии» В. Разыграева [1887], составленный на основе данных из 23 наиболее авторитетных источников, включая грамматики А. Востокова, Ф. Буслаева, работы Я. К. Грота, словарь В. И. Даля, выпуски «Филологических записок» и «Русского филологического вестника», «Этимологический лексикон» Ф. Рейфа и «Корнеслов русского языка» Ф. Шимкевича. В него вошло более 1000 общеупотребительных и частотных слов, написание которых испытывало колебания. Самую объемную группу составили слитные, дефисные и отдельные написания (25%).

Многочисленные орфографические словари, издававшиеся в порядке частной инициативы, не могли отвечать задаче орфографической нормализации, поскольку «каждый по-своему» пытались следовать за сложившейся практикой, разрешая спорные вопросы по своему усмотрению.

7. Практика нормирования правописания XVIII – начала XX вв. учитывала пять различных типов орфографических вариантов: *равноправные* варианты, *основной / дополнительный* варианты; *более / менее употребительный* варианты, *более / менее предпочтительный* варианты, *правильный / неправильный, ошибочный* варианты. Статус вариантов выражается с помощью наблюдательных («допустимый», «можно и», «последнее употребительнее», «обычное, нежели», (), [], «=«, «,»), рекомендательных («предпочтительнее», «вернее», «лучше») и запретительных помет («а не», «не», «чаще, но неправильно»). Индивидуальные орфографические эталоны авторитетов отражали так называемые «авторские»

пометы: «у Греча», «у Буслаева», «Грот», «Павский». Наиболее частотными в период отсутствия общепринятого орфографического стандарта оказываются наблюдательные пометы.

8. Внутри корпуса вариативных написаний XVIII – начала XX вв. представлены *интра- и экстраварианты*. Первые отражают орфографическую вариативность в пределах конкретного текста, вторые иллюстрирует вариативность в разных источниках, связанную с различным пониманием орфографического эталона и, как следствие, противоречивыми рекомендациями.

Орфографическая вариативность конца XIX – начала XX вв. с учетом общности корпусов интра- и экстравариантности имела следующие пределы (более 1800 вариантов): 1) ядро представляют вариативные написания с безударными гласными *а / о* в корне (23%); 2) околядерную область образуют различные типы слитных, отдельных или дефисных написаний (17%); 3) ближний круг периферийной области (39%) организуют написания с гласными *е / о* после шипящих и *ц* (10%), гласными *ѣ / е* (10%), *ѣ / і* в заимствованных словах (7%), безударными гласными *е / и* (6%) и прописной / строчной (6%); 4) пограничный круг периферийной области (21%) составляют написания с *одиночными / удвоенными согласными* в заимствованных словах (5%), гласными *э / е* в заимствованных словах (5%), *глухими / звонкими* согласными (4%), безударными гласными *е / я* (3%), с *ѣ / ѣ* (как правило, в абсолютном конце слова, 2%), с *ѣ / без ѣ* (2%); согласными *ф / ѳ* (2%).

9. Орфографическая реформа 1917–1918 гг. устранила вариативность таких относительно немногочисленных групп спорных написаний, как гласные *ѣ / е* и согласные *ф / ѳ*, тогда как области активных колебаний оказались вне сферы внимания реформаторов, осознававших первостепенность именно упрощения и исключения отживших написаний, горячо обсуждавшихся на протяжении полутора веков.

10. Историю нормализации орфографии XVIII–XIX вв. можно условно разделить на период до появления орфографических работ Я. К. Грота и собственно гротовский. Для первого характерно наличие не одного, а некоторого множества

разнохарактерных образцов (авторитетные грамматики и словари, периодические издания, практика писателей), отражающих индивидуальное понимание норм орфографии. При этом ни один из образцов не являлся кодексом, а практика пишущего в части разрешения спорных вопросов в этих условиях была лишена определенного постоянства и могла опираться на несколько образцов одновременно.

«Русское правописание» Я. К. Грота объединяет в себе характеристики не обязательного образца, которому, например, печать следовала по желанию, и кодекса-эталона, утвержденного для школьной практики. Для следующего периода нормализации характерно постепенное расширение границ действия кодекса на все сферы государственной и общественной коммуникации.

ГЛАВА 2. ПРАКТИКА ПИСЬМА ДО УТВЕРЖДЕНИЯ «ПРАВИЛ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ И ПУНКТУАЦИИ» 1956 ГОДА

Реформа русской орфографии 1917–1918 гг. в определенной степени способствовала устранению неоправданного орфографического разнообразия, однако многие случаи орфографической двойственности XVIII и XIX столетий остались и даже умножились на раннем этапе советского периода, отразив значительные изменения в словарном составе русского языка новой эпохи¹⁴⁸. С учетом требований реформы переиздают старые пособия, выходят новые, отличающиеся от дореформенных только в той части, которая касалась графики. По существу же их составители, как и до реформы, вынуждены идти каждый «своим путем рецептурных указаний», беря из практики «то, что по вкусу» [Стефанский, 1929, с. 2; Обнорский, 1934, с. 460; Букчина, 1974, с. 223]. Не были последовательными также рекомендации разных изданий одного и того же руководства¹⁴⁹. Как и в дореформенный период, словари, в том числе рекомендованные для школы, отличаются большое количество орфографических вариантов, их разнообразное оформление и непоследовательная характеристика нормативного статуса. В послереформенный период была продолжена и традиция составления указателей спорных написаний тех слов, орфография которых не была твердо установлена¹⁵⁰.

¹⁴⁸ «Даже радикальная графико-орфографическая реформа в начале XX в. не вывела вариантность за пределы нормы... Реформа не снимала проблемы орфографической вариантности. Число параллельных орфографических реализаций было значительным» [Хакимова, 2007, с. 229].

¹⁴⁹ Так, в разных изданиях «Орфографического словарика» И. Н. Шапошникова можно обнаружить следующие примеры несогласованности: *купэ* (1925 г.) – *купэ* и *купе* (1926, 1929 гг.), *канапэ* (1925, 1926 гг.) – *канале*, но *портмонэ* (1929 г.), *грип* (1925, 1926 гг.) – *грипп* (1929 г.), *ершѣвый* и *ежѣвый* (1925, 1926 гг.) – *ершовый*, но *ежѣвый* (1929 г.), *ноган* и *наган* (1925 г.) – *наган* (1926 г.), *безоглядки* (1925 г.) – *без-оглядки* и *безоглядки* (1926, 1929 гг.); *никель* (1925, 1926 гг.) – *никкель* и *никель*, но *никкелевый* (1929 г.), *Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала*, *Народный Комиссар Почт и Телеграфов* (1926 г.) – *Исполнительный комитет коммунистического интернационала*, *Народный комиссар почт и телеграфов* (192 г.9).

¹⁵⁰ Например, «Орфографическая памятка для наборщиков» (1932 г.) и раздел «Список слов, правописание которых твердо не установлено» в «Орфографическом техническом справочнике» (1930 г.)

2.1. Проблема стандартизации орфографии в справочниках А. Б. Шапиро, М. И. Уарова и Н. Н. Филиппова

Орфографическая ситуация послереформенного периода отличалась нестабильностью, многое, как отмечают современники, нередко писалось «по своему разумению, или по привычке, или по прихоти», поэтому «никто не может похвастаться тем, что он пишет точно и уверенно, без всяких колебаний» [Иоаннисянц, 1936, с. 69]. Дело упорядочения русской орфографии «перешло в руки отдельных лиц» [Николаевский, 1937]. Большинство спорных вопросов орфографии решались ими «в полном несогласии», усиливая разнобой «между собой и между печатью в целом, с одной стороны, и школой – с другой»¹⁵¹ [Реформатский, 1937, с. 63–64].

Ярким примером «самостийных попыток» в вопросах регламентации оказались справочник для работников печати А. Б. Шапиро и М. И. Уарова «Орфография, пунктуация и техника корректуры» Государственного издательства легкой промышленности (М., 1933 г.) и «Технико-орфографический словарь-справочник» под редакцией Н. Н. Филиппова Научно-исследовательского института книговедения и Ленинградского областного издательства (Л., 1933 г.) [Докладная записка кафедры русского языка МГПИ Завнаркому просвещения т. Мальцеву о разное в рекомендациях // Ф. 502. Оп. 3. Д. 92. Л. 8]. Каждый из них «ведет свою линию», опирается на разные принципиальные установки, поэтому в части решения спорных вопросов правописания «Москва и Ленинград действуют врозь»:

<...> В ленинградском справочнике признается факт традиционности и историчности орфографической системы, в московском издании отражается догматическая точка зрения на унификацию, столь резкие отличия в исходных установках... должны были в своих результатах обусловить различную трактовку отдельных явлений письма, свидетельствуя о полной неразбе-

¹⁵¹ «Еще хорошо, если в газете есть квалифицированный корректор, и ему молчаливо предоставляется кое-как сглаживать этот разнобой. А если редактор или секретарь окажется «империалистом» в орфографии, тут начинается полный кавардак: написание слов меняется от случая к случаю; идут вечные трения о том, ошибочно или правильно написано данное слово» [Иванович, 1933, с. 31–32].

рихе в правописании и способствуя сгущению тем большего разнобоя в издательской практике в целом [Обнорский 1934, с. 460–461, 479–480].

Противоречивые рекомендации, «нелепые» и «невразумительные формулировки», орфографическая «путаница и неряшливость» указанных справочников вызвали большой общественный резонанс, послужив поводом для многочисленных обращений образовательных учреждений и педагогов в органы власти и печати из опасений, что непродуманные новшества найдут отражение в школьных учебниках [Иванович, 1933; Обнорский, 1934, с. 460; Иоаннисянц, 1936, с. 70; Реформатский, 1937 (№1), с. 64; Николаевский, 1937]:

<...> Одновременный выход в свет двух справочников снова сигнализирует о неблагополучии на фронте орфографии и пунктуации. Минуя Наркомпрос, справочники предлагают корректорам и техредакторам явочным путем внедрять... новую орфографию и пунктуацию, сбивчивую и путаную. Осуществление предлагаемых правил окончательно расшатает существующую орфографию и нанесет непоправимый вред всему делу народного образования» [Докладная записка кафедры русского языка МГПИ завнаркому просвещения т. Мальцеву о разнобое в рекомендациях // Ф. 502. Оп. 3. Д.92. Л.10 об.].

Ситуация со справочниками А. Б. Шапиро, М. И. Уарова и Н. Н. Филиппова была рассмотрена в октябре 1933 г. на специальном заседании коллегии Наркомата просвещения РСФСР (далее – НКП РСФСР)¹⁵², где принимается решение о признании необязательными их требований в части орфографии и пунктуации, а также о немедленном возобновлении прерванной из-за подготовки новой реформы в начале 30-х гг. работы по нормализации правописания [Постановление коллегии Народного комиссариата просвещения РСФСР об организации комиссии по унификации противоречивых написаний (09.10.1933 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 3–4 об.]. В подготовленной к этому заседанию Д. Н. Ушаковым служебной записке подчеркивалось, что одновременный выход одинаковых по назначению, но противоречащих друг другу справочников является «необычайно наглядным случаем», их несогласованные установки «не представляют собой чего-нибудь нового, неожиданного», поскольку подобных несоответствий «можно немало найти», сравнив имеющиеся орфографические словари [Записка Д. Н. Ушакова по поводу орфографических словарей // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103]¹⁵³.

¹⁵² За исключением раздела «Список неопубликованных документальных источников».

¹⁵³ Документ представлен в приложении № 10.

Предметом обсуждения эти справочники окажутся также и на весенней сессии 1934 г. Отделения общественных наук Академии наук СССР (далее – АН СССР)¹⁵⁴, где также отмечается несогласованность предлагаемых решений для спорных вопросов правописания, когда каждый составитель считает «своей обязанностью выводить свои принципы, диктовать свои орфографические нормы» [Обнорский, 1934, с. 460–463]. По итогам сессии принимается решение создать академический справочник по спорным вопросам правописания, включающий небольшой словарь. Кроме того, в сессионном докладе С. П. Обнорского «Русское правописание и язык в практике издательств» утверждается мысль о руководящей роли АН в решении вопросов правописания¹⁵⁵ [Докладная записка С. П. Обнорского по русской орфографии для президента АН СССР // Ф. 456. Оп. 1. Д. 44. Л. 9].

Справочник для работников печати А. Б. Шапиро и М. И. Уарова «Орфография, пунктуация и техника корректуры» был составлен по инициативе бюро секции работников корректуры московского Дома печати и включал орфографический словарь объемом 12000 единиц. Орфографическая часть справочника согласовывалась со специалистами Научно-исследовательского института языкознания и редакции Большой советской энциклопедии. Активное участие в подготовке словаря также принимали С. И. Абакумов и А. М. Пешковский. Ряд чисто корректорских трудностей в нем обойден молчанием; наоборот, временами заметна определенная установка на учащегося (например, при перечислении суффиксов) [Иванович, 1933, с. 31–32].

В свою очередь, «Технико-орфографический словарь-справочник» под редакцией Н. Н. Филиппова являлся результатом работы комиссии по унификации орфографических и технических правил, организованной по инициативе секции корректоров ленинградского Дома печати. В состав комиссии, которая была

¹⁵⁴ За исключением цитат и наименований отдельных документальных источников.

¹⁵⁵ «Академии наук надлежит признать неотложной своей задачей составление орфографического справочника... Все издания ...должны будут исходить из принципов данного академического руководства, обеспечивая тем самым известное единство издательской практики» [Обнорский, 1934, с. 480–481].

утверждена Областным управлением по делам печати, также вошли сотрудники Научно-исследовательского института книговедения и Ленинградского областного государственного издательства. Структура словаря-справочника включает в себя краткий орфографический словарь трудных слов (без указания объема). Рецензирование орфографической и пунктуационной части словаря-справочника было поручено Б. А. Ларину. Относительно «существа» правил ленинградский справочник характеризуется «резким корректорским “практицизмом”» [Иванович, 1933, с. 31–32].

Анализируя сложившееся «положение на орфографическом фронте», А. Б. Шапиро и М. И. Уаров отмечают, во-первых, что «надежды на реформу» в связи с публикацией «Проекта реформы правописания» (1930 г.), подготовленного комиссией по реформе орфографии и пунктуации 1929 г. при Главнауке, значительно «пошатнули» среди работников печати орфографическую дисциплину [Шапиро, Уаров, 1933, с. 3]. Многие издательства в ситуации «затянувшегося» ожидания нового реформирования устремились самостоятельно проводить «ревизию» орфографических правил, тем самым увеличивая «путаницу» в правописании [Там же]. А. Б. Шапиро и М. И. Уаров намеревались решать спорные вопросы правописания с учетом «господствующей» практики, не принимать «ничего», что могло быть воспринято как реформирование [Там же, с. 4]. Несмотря на это заявление, справочник всё же отступает от принятой орфографии, предлагая «огромное количество новшеств»¹⁵⁶ [Докладная записка С. П. Обнорского по русской орфографии для президента АН СССР // Ф. 456. Оп. 1. Д. 44. Л. 9].

В числе таких «неверных рецептов» и «вредных» нововведений рецензенты указывают написания («вопреки» произношению) *жолудевый, чортовщина, жорнова* (мн. ч.) *антена, алея, кпримеру, непопечу, неуместа* вместо принятых *желудевый, чертовщина, жернова* (мн. ч.), *антенна, аллея, к примеру, не по плечу, не*

¹⁵⁶ В числе таких новшеств рецензенты называли предложение справочника А. Б. Шапиро и М. И. Уарова писать бесприставочные отглагольные образования без зависимого слова с одной *н*, при употреблении с зависимым словом – с *нн*, где «Шапиро от унификации идет уже к реформе, затрагивая не только правописание, но и язык»: *раненый боец, крашенный пол, но раненный осколком боец, крашенный маляром пол* [Докладная записка С. П. Обнорского по русской орфографии для президента АН СССР // Ф. 456. Оп. 1. Д. 44. Л. 9 об.].

у места [Докладная записка С. П. Обнорского по русской орфографии для президента АН СССР // Ф. 456. Оп. 1. Д. 44. Л. 9 об.; Обнорский, 1934; Иоаннисянц, 1936, с. 70].

В предисловии второго словаря-справочника под ред. Н. Н. Филиппова особо подчеркивается назревшая потребность «в общих» и обязательных для всех правилах:

<...> Отсутствие определенных норм и твердых правил... приводит к полному разнообразию, когда пишут, правят и набирают по-разному, меняя свою орфографическую установку с каждым новым изданием, а созданные в различных издательствах и типографиях для местного употребления инструкции определяются индивидуальной орфографией авторов этих норм [Филиппов, 1933, с. 9, 5, 8].

При решении спорных вопросов Н. Н. Филиппов считает «важным» не входить «в противоречие» со школьной орфографией, но признает, что «некоторого насилия» ради унификации ему все же не удалось избежать, поскольку, например, в правописании прописных букв, сложных слов, заимствований и наречий его рекомендации идут «дальше того», что предлагается школьными орфографическими руководствами [Там же, с. 10]. Более того, некоторые разделы издания Н. Филиппова оказались построенными на материале неутвержденного Проекта реформы правописания (1930 г.), что вызвало серьезные возражения специалистов:

<...> Что не позволено было сделать Главнауке с ее проектом, то разрешил сам себе коллектив ленинградских корректоров [Докладная записка кафедры русского языка МГПИ завнаркому просвещения т. Мальцеву о разном в рекомендациях // Ф. 502. Оп. 3. Д.92. Л.10 об.].

Принципиально разной в справочниках А. Б. Шапиро и М. И. Уарова, с одной стороны, и Н. Н. Филиппова, с другой стороны, оказывается оценка орфографической вариативности. Так, А. Б. Шапиро и М. И. Уаров в числе особенностей своего справочника указывают отсутствие «двойки» написаний:

<...> Во всех случаях, где существуют двойки написания, указывается только одно, признаваемое более правильным, в качестве обязательного. Двойственность допускается лишь в тех случаях, когда в самом живом языке существуют два факта (например, *наострить* и *наостреть*) [Там же, с. 4].

Спорные вопросы орфографии, будучи вообще «опасными для скороспелого» обсуждения, оказались, по мнению С. П. Обнорского, решены в справочнике

«принципиально ультимативным» образом [Докладная записка С. П. Обнорского по русской орфографии для президента АН СССР// Ф. 456. Оп. 1. Д. 44. Л. 9 об.].

Словарь-справочник под ред. Н. Н. Филиппова, тоже отстаивая принцип единообразия письма, «в противовес» его «узкому» пониманию допускает в ряде случаев вариативные написания:

Ап(н)ендикс (с. 111), *ап(н)етит*, *ап(н)ликация* (с. 111), *ат(т)естат* (с. 111); *буднишний* и *будничный* (с. 116); *ва(о)трушка* (с. 118), *ко(а)ро(а)чун* (с. 147), *ко(а)вычка* (с. 144), *кро(а)тива* (с. 149), *ло(а)коть* (с. 144), *ка(о)ряга* (с. 148); *ма(о)хровый* (с. 155); *ме(э)р* (с. 156), *пе(э)р* (с. 170), *пие(э)тизм* (с. 173), *ле(э)ди* (с. 152), *ле(э)ндлорд* (с. 153), *е(э)врика* (с. 207), *е(э)вкалипт* (с. 207), *Е(Э)вклид* (с. 207), *Е(Э)вминиды* (с. 207), *е(э)вфуизм* (с. 207); *ледя(е)нец* (с. 152), *ме(я)тель* (с. 156); *итти* (*идти*) (с. 139) [Филиппов, 1933].

А. Б. Шапиро и М. И. Уаров рекомендуют в этом случае в качестве нормативного только одно написание, и оно не всегда совпадает с вариантом, который Н. Филипповым указывается в качестве основного: *ко(а)ро(а)чун* (Н. Филиппов) и *карачун* (А. Б. Шапиро, М. И. Уаров), *кро(а)тива* (Н. Филиппов) и *кратива* (А. Б. Шапиро, М. И. Уаров), *ме(э)р* (Н. Филиппов) и *мэр* (А. Б. Шапиро, М. И. Уаров), *ледя(е)нец* (Н. Филиппов) и *леденец* (А. Б. Шапиро, М. И. Уаров)¹⁵⁷.

При выборе нормативного варианта А. Б. Шапиро и М. И. Уаров руководствуются так называемым лексико-грамматическим принципом, основанным на отражении «значимых элементов речи» [Шапиро, Уаров, 1933, с. 7]. В ряде случаев предпочтение может отдаваться и принципу «орфографического уподобления» слова другим словам того же типа¹⁵⁸. Применение указанных принципов иллюстрируется на примере слов *предысторический*, *предыгра*, *обыинтеллигентиться*, которых «даже корректоры боятся» и «не умеют» писать [Там же]. В целях правильного восприятия лексико-грамматического состава следовало бы предложить писать образования этого рода через дефис (*пред-исторический*, *пред-игра*, *об-*

¹⁵⁷ Квалификация вариантов Н. Н. Филипповым не обсуждается. Учитывая особенности подачи, их можно рассматривать по отношению друг к другу как более и менее предпочтительные: статья [*снигирь*] см. *снегирь*, при этом в словарной статье *снегирь* возможность написания *снигирь* не отмечена (с. 195); [*сер*], см. *сэр*, в словарной статье *сэр* возможный вариант *сер* не представлен (с. 194); [*трэдюнион*], см. *тред-юнион*; в статье *тред-юнион* не указано иное написание (с. 199) [Филиппов, 1933].

¹⁵⁸ В. В. Лопатин называет этот прием «орфографический прецедент» [Лопатин, 2009, с. 241].

интеллигентиться) либо через апостроф (*пред'исторический, пред'игра, об'интеллигентиться*)» [Там же]. Затем необходимо перейти к написанию через *ы*, так как написание с *и* может повлиять на произношение: многие начнут произносить их «по писаному» (*пред[и]сторический, пред[и]гра*) [Там же]. Но, учитывая существование устойчивых написаний *обыграть, разыграть, розыгрыш*, целесообразней сразу применять принцип орфографического уподобления, устанавливая написание с *ы* (*предысторический, предыгра, обыинтеллигентиться*), сохраняя *и* только в необрусевших словах типа *субинспектор, панисламизм* [Там же].

Н. Н. Филиппов, наоборот, указывает на нежелательность распространения написаний с *ы* в приставочных образованиях с иноязычной основой или книжным характером (*предысторический, предыгра, обыинтеллигентиться*), регламентируя *безиндукционный, прединтегральный, обизвествленный, безиглый, безидейный, безинерционность, безинтересный* [Филиппов, 1933, с. 6, 113].

Не совпадали рекомендации этих изданий и в области правописания одиночных и удвоенных согласных в иноязычных словах. Для справочника А. Б. Шапиро и М. И. Уарова при наличии колебаний в правописании согласных в заимствованных словах характерно стремление регламентировать употребление одиночной согласной¹⁵⁹:

<...> Ввиду наблюдаемых нами колебаний в употреблении двойных согласных в корнях слов иностранного происхождения следует придерживаться такого правила: во всех случаях, где современная орфографическая практика допускает и две согласных, и одну, писать одну согласную. Например: *аллея* и *алея* – писать *алея*; *терраса* и *тераса* – писать *тераса*; *аллюминий* и *алюминий* – писать *алюминий*; *аккредитив* и *акредитив* – писать *акредитив*; *агрегат* и *агрегат* – писать *агрегат*; *коэффициент* и *коэфициент* – писать *коэффициент*; *официальный* и *официальный* – писать *официальный* [Шапиро, Уаров, 1933, с. 12].

Приведем дополнительные примеры:

Аберация (с. 134), *аглютинация* (с. 134), *агрессивный* (с. 134), *акомпанемент* (с. 135), *акорд* (с. 135), *аксесуар* (с. 135), *акуратный* (с. 135), *алитерация* (с. 135), *анексия* (с. 136), *антена* (с. 136), *апеляция* (с. 136), *апендицит* (с. 136), *асиметрия* (с. 136), *аташе* (с. 137), *атракцион* (с. 137), *афект* (с. 137), *баласт* (с. 137), *балистика* (с. 137), *бароко* (с. 138), *бисектриса* (с. 139), *геморой* (с. 145), *горила* (с. 146), *гуттаперча* (с. 147), *индифферентный* (с. 152), *калиграфия* (с. 154), *либрето* (с. 158), *отоманка* (с. 168), *перон* (с. 171), *писуар* (с. 172), *сурогат*

¹⁵⁹ «Самый простой по своей формулировке и по содержанию самый левый ответ» [Обнорский, 1934, с. 463].

(с. 191), *оперета* (с. 167), *теракотовый* (с. 192), *хлорофил* (с. 200), *целюлоза* (с. 200) и т.д. [Там же].

Однако, как указывают рецензенты, в правописании одиночной или удвоенной согласной в этом справочнике всё же «нельзя найти никакой системы»: *алея*, *агрегат*, *аккумулятор*, *апетит*, но *артиллерия*, *аннулировать*, *аппарат* [Докладная записка кафедры русского языка МГПИ завнаркому просвещения т. Мальцеву о разное в рекомендациях // Ф. 502. Оп. 3. Д.92. Л. 9]. В справочнике Н. Н. Филиппова в этих примерах кодифицированы удвоенные согласные, отражающие оригинальное правописание в языке-источнике:

Агрессивный (с. 109), *аккорд* (с. 109), *аккредитив* (с. 109), *аксессуар* (с. 109), *аллегория* (с. 110), *аллитерация* (с. 110), *аллюр* (с. 110), *антенна* (с. 110), *апробация* (с. 111), *атрибут* (с. 111), *апелляция* (с. 111), *аффект* (с. 112), *баррикада* (с. 112), *балласт* (с. 112), *баллистика* (с. 112), *биссектриса* (с. 115), *гibbonы* (с. 124), *гориллы* (с. 125), *гуммилак* (с. 126), *индифферентный* (с. 136), *каллиграфия* (с. 140), *катар* (с. 142), *либретто* (с. 152), *норманн* (с. 163), *оттоманка* (с. 168), *перрон* (с. 171), *писсуар* (С.172), *сеттльмент* (С.194), *терракота* (с. 198), но *агрегат* (с. 134), *алюминий* (с. 135), *официальный* (с. 169), *агрессивный* (с. 134), *катар* (с. 155), *катаральный* (с. 155)¹⁶⁰.

Как правило, в обнаруженных нами примерах разногласий справочников в выборе одиночной / удвоенной согласной современной практике письма в большей степени соответствуют рекомендации Н. Н. Филиппова.

Справочник А. Б. Шапиро и М. И. Уарова отдает предпочтение написаниям с гласной *а*:

Аляповатый (с. 135), *ватрушка* (с. 141), *калач* (с. 154), *карапуз* (с. 155), *карачун* (с. 155), *карнаухий* (с. 155), *кащей* (с. 155), *каракатица* (с. 155), *камфара* (с. 154), *казак* (с. 154), *кавычка* (с. 154), *махровый* (с. 160), *лапоухий* (с. 158).

В справочнике Н. Н. Филиппова в этом случае, как правило, рекомендуются варианты написаний, но в качестве основного чаще указывается вариант с гласной *о*:

¹⁶⁰ В справочнике рекомендует сохранять двойные согласные в следующих случаях: 1. В начале слова в сочетаниях конечного согласного приставки с начальным согласным основы: *дифференциал*, *агглютинация*, *ассимиляция*; 2. Между гласными в середине слова: *компрессор*, *Хаггард*, *Гарри*, *Муссолини*; 3. В конце слов: *ватт*, *грамм*, *класс*, *пресс*, *прогресс*. Исключение составляют слова с твердо установившимся написанием одиночной согласной: *арест*, *атака*, *батарея*, *грамота*, *канцелярия*, *каreta*, *команда*, *комендант*, *офицер*, *официальный*, *официоз* и т.д. [Филиппов, 1933, с. 78].

[*Аляповатый*], см. *оляповатый* (с. 110), [*ватрушка*], см. *вотрушка* (с. 118), [*карапуз*], см. *коропуз* (с. 141), [*корочун*], см. *карачун* (с. 141), [*карноухий*], см. *корноухий* (с. 141), [*канура*], см. *конура* (с. 141), [*каравай*], см. *коровай* (с. 141), [*каракатица*], см. *корокатица* (с. 141), [*карачки*], см. *корачки* (с. 141), *камфорный* [*камфарный*] (с. 141), [*козак*], см. *казак* (с. 144), [*кащей*], см. *кощей* (с. 142), [*локать*], см. *лакать* (с. 153), [*лохань*], см. *лахань* (с. 153), *могорыч* (с. 157), [*махровый*], см. *мохровый* (с. 155).

А. Б. Шапиро и М. И. Уаров регламентируют *бичева* (с. 139), *восьмиричный* (с. 144), *мачиха* (с. 160), *пискарь* (с. 172), тогда как Н. Н. Филиппов в качестве нормативного закрепляет *бечева* (с. 115), *восьмеричный* (с. 122), *мачеха* (с. 155) и *пескарь* (с. 171).

Не всегда последовательным в справочниках оказывается и выбор гласных *о* / *е* (*ё*) после шипящих под ударением. Так, А. Б. Шапиро и М. И. Уаров, как отмечают рецензенты, «без всякой системы и последовательности» регламентируют *дешовый*, *жолчь*, *шолк*, *ожог*, *жолоб*, *жолудь*, *трущоба*, *решотка*, *чолка*, *чоботы*, *чорт*, *чолка*, но *жесткий*, *разжеванный*, *черный*, *щелок*¹⁶¹ [Иоаннисянц, 1936, с. 70]. Основным критерием унификации, например, существительных, указывается наличие колебаний в корне конкретных слов: в случае таковых А. Б. Шапиро и М. И. Уаров считают необходимым регламентировать в соответствии с произношением гласную *о*¹⁶² [Шапиро, Уаров, 1933, с. 12].

Н. Н. Филиппов стремится учитывать характер слога (вслед за Я. К. Гротом), отдавая предпочтение в открытом слоге гласной *о*: *шопот*, *шорох*, *чопорный*, указывая на исключения: *еще*, *учеба*, *тяжелый*, *жеванный*, *дешевый*, *щелочь*. Однако в позиции закрытого слога находим не только *челка*, *шелк*, но и *чорт*. Отметим и единственный пример факультативного написания в этой группе в справочнике Н. Н. Филиппова: *жолоб* (*желоб*) при гротовском *жолоб* [Филиппов, 1933, с. 130]. В качестве исключений Н. Н. Филиппов рассматривает и правописание суффикса *-енок-* у существительных *зайченок*, *волченок*, но *мышонок* (у Я.К. Грота *зайченок*, *волченок*, *мышонок*) [Там же, с. 67]. Написания *зайченок*, *волченок* отражают мягкость согласного ([ч']), при этом ее графическое обозначение

¹⁶¹ Буква *ё* в словарях не используется.

¹⁶² «В корнях существительных под ударением, где слышится звук *о* и где в современной орфографии после *ж*, *ш*, *щ*, *ч* наблюдаются колебания, следует писать *о*...» [Шапиро, Уаров, 1933, с. 13].

ние в корневой морфеме оказывается незначимым: *чоботы, чорт, чопорный*. В правиле отсутствуют четкие указания, объясняющие предлагаемое Н.Н. Филипповым написание суффиксов прилагательных *грошовый* (С.126), *ежовый* (с. 130) и *камышевый* (с.141) [Там же].

В свою очередь, в справочнике А. Б. Шапиро и М. И. Уарова правописание всех суффиксов существительных подчинено произношению: *лужок, книжонка, корешок, крючок, ручонка, бочонок, галчонок, мышонок, трещотка*, следовательно, *зайчонок, волчонок* [Шапиро, Уаров, 1933, с. 13]. В суффиксах прилагательных первостепенным оказывается уже не произношение, а критерий качества согласного, поэтому под ударением после *ж, ш, щ* пишется *о*, а после *ч, щ* пишется *е*: *грошовый, ежовый*, но *парчевый, холщевый*¹⁶³ [Там же].

Таким образом, в нормативных установках справочников из-за разного основания выбора гласных *о / е (ё)* в написании некоторых корней и именных суффиксов обнаруживается разнобой: *жолоб (желоб), желчь, решетка, челка, дешевый, зайчонок, волчонок* (Н. Н. Филиппов), но *жолоб, жолчь, решотка, чолка, дешовый, зайчонок, волчонок, галчонок* (А. Б. Шапиро и М. И. Уаров).

Принципиально разными оказываются рекомендации справочников относительно правописания сочетаний *пол-* с формами родительного падежа существительных. Н. Н. Филиппов регламентирует в словарики только дефисное написание (в теоретической части справочника правило не обсуждается): *пол-оброта, пол-дюжины, пол-тонны, пол-листа, пол-копейки, пол-лимона, пол-магазина, пол-Москвы, пол-неба* [Филиппов, 1933, с. 178–179]. Рецензенты характеризуют правило как «нелепое» и противоречащее прочно установившимся традициям написания *пол-* со словами, начинающимися с гласных букв и согласной *л*, через дефис, а во всех остальных случаях, кроме имен собственных, слитно [Докладная записка кафедры русского языка МГПИ завнаркому просвещения т. Мальцеву о разное в рекомендациях // Ф. 502. Оп. 3. Д. 92. Л. 8]. А. Б. Шапиро и М. И. Уаровым дефисное написание устанавливается для слов типа *пол-листа*,

¹⁶³ В орфографическом словарики справочника Н. Н. Филиппова прилагательные *парчевый, холщевый* отсутствуют.

пол-лимона, пол-Москвы, пол-аршина, пол-уха, пол-оброта; но *полгода, полдня, полдюжины, полслова, полдоски, полпути* [Шапиро, Уаров, 1933, с. 21]. В этом случае современной орфографической практике соответствуют указания справочника А. Б. Шапиро и М. И. Уарова.

Противоречат друг другу справочники и в правописании отдельных сложных существительных, обозначающих преимущественно должности и звания, а также иностранные названия промежуточных сторон света:

1) А. Б. Шапиро, М. И. Уаров: *кафешантан* (с. 155), *камеробскура* (с. 154), *социалдемократ* (с. 189), *люмпенпролетариат* (с. 159), *вицеконсул* (с. 143), *вицеконсул* (с. 143), *вицепрезидент* (с. 143), *контрадмирал* (с. 157), *лейбгвардия* (с. 158), *лейбмедик* (с. 158), *плацмайор* (с. 172), *оберкондуктор* (с. 165), *оберпрокурор* (с. 165), *оберконтролер* (с. 165), *обермастер* (с. 165), *зюдвест* (с. 151), *зюдост* (с. 151), *нордвест* (с. 165), *нордост* (с. 165), *также* (с. 192) *контрреволюция* (с. 157), *контрпар* (с. 157), *камерколлегия* (с. 154), но *камер-юнкер* (с. 154);

2) Н. Н. Филиппов: *кафе-шантан* (с. 142), *социал-демократ* (с. 196), *камера обскура* (*раздельно*) (с. 140), *люмпен-пролетариат* (с. 153), *вице-адмирал* (с. 120), *вице-консул* (с. 120), *вице-король* (с. 120), *контр-адмирал* (с. 147), *контр-пар* (с. 147); *камер-лакей* (с. 140), *камер-юнкер* (с. 140), *камер-коллегия* (с. 140), *лейб-гусар* (с. 152), *лейб-медик* (с. 152), *лейб-эскадрон* (с. 152), *обер-аудитор* (с. 164), *обер-гофмаршал* (с. 164), *обер-офицер* (с. 164), *обер-прокурор* (с. 164), *зюйд-вест* (с. 133), *зюйд-ост* (с. 133).

Несмотря на то, что в разделе «Слитность и раздельность начертания отдельных слов» справочника Н. Н. Филиппова правописание сложных существительных не обсуждается, его рекомендации относительно дефисного написания таких образований, за исключением примеров *контрреволюция* и *контрпар*, оказываются нормативными и для современной орфографической практики, тогда как в справочнике А. Б. Шапиро и М. И. Уарова предпочтение отдается слитным написаниям данной группы.

Относительно сложных прилагательных, разнобой в правописании которых в послереформенный период также был существенным, следует указать, с одной стороны, на ограниченный объем их корпуса в анализируемых справочниках (особенно у Н. Н. Филиппова), а с другой – на единичность общих примеров¹⁶⁴.

¹⁶⁴ В словарь справочника Н. Н. Филиппова не вошли такие, например, частотные для газетно-публицистических текстов 30-х гг. XX в. прилагательные, как *сталелитейный, вагоно-ремонтный, социал-демократический, марксистско-ленинский, горнозаводской, народнохозяйственный, научноисследовательский, национальноосвободительный, ссудо-сберегательный, западноевропейский, производственно-классовый, опытно-показательный*,

Так, с дефисным написанием их оказалось только три: *машинно-тракторный*, *торгово-промышленный*, *физико-математический*. Слитное написание оба справочника рекомендуют для таких общих примеров, как *железнодорожный*, *рельсопрокатный*, *свеклосахарный*, *военноучебный*, *бледнорозовый*, *темнокрасный*, *левозсеровский*. В качестве опорного критерия для дефисного написания сложных прилагательных оба справочника называют образование от двух или нескольких прилагательных и значение сложного понятия, а для слитного – образование от сочетания существительного и прилагательного или разложение «на сочетание определяемого с определением, например *испаноамериканская литература* (литература американских испанцев)» [Филиппов, 1933, с. 72].

По наблюдениям А. Б. Шапиро и М. И. Уарова, «очень серьезные затруднения» представляло и написание наречий [Шапиро, Уаров, 1933, с. 10]. Сложность их орфографического оформления всегда была связана с тем, что эту группу слов характеризует «живой, непрерывный» процесс перехода падежных форм в наречия или предлоги [Там же]. И если слова *поделом*, *впросак*, *вдребезги*, *набекрень* давно уже осознаются только как наречия, слитное написание *подряд*, *наудалую*, *безумолку* у многих в последнее время тоже «не вызывает возражений», то написания *наглазок*, *современем*, *всилу* (=вследствие), *втечение* (*втечение года*), как отмечается в справочнике, «нередко вызывают изумление и вслед за этим возражение» [Там же]. Составители справочника признают, что «некоторая доля новизны при самом скромном упорядочении написания наречий и предлогов неизбежна» [Там же]. В словаре к справочнику грамматическая помета с указанием принадлежности слова к наречию представлена нерегулярно, однако принцип слитного написания выдержан последовательно:

Врассыпную (наречие), *врозницу* (наречие), *врукопашную* (наречие) *вперебежку* (наречие), *вперевалку*, *впереверстку*, *вперемежку*, *вприглядку*, *вприкуску*, *вприсядку*, *вприскачку*, *впритирку*, *врастяжку*, *всмятку*; *навылет* (наречие), *навынос* (наречие), *навыплату* (наречие), *навырез* (наречие), *напоказ* (наречие), *напрокат* (наречие) и *надыбы*, *навыкат*, *навскачь*, *наперез*, *наперекор*, *наискосок*, *нацыпочках* [Там же, с. 144, 162–164].

технично-производственный, *прогрессивно-сдельный*. Примеры приведены из справочника А. Б. Шапиро и М. И. Уарова в соответствии с указанным там правописанием.

Рецензенты отмечают, что такие слитные написания не всегда соответствуют сложившейся традиции. Предлагаемые без согласования с другими справочниками и словарями, они «расшатывают» орфографическую практику и «дисциплину» [Докладная записка кафедры русского языка МГПИ завнаркому просвещения т. Мальцеву о разное в рекомендациях // Ф. 502. Оп. 3. Д. 92. Л. 9].

В справочнике Н. Н. Филиппова наречия пишутся слитно, отдельно и через дефис (редко):

Воочию, вплотную, вповалку, вполсыта, вперемежку, впорожне, вприпрыжку, впроголодь, врасплах, врассыпную, всмятку, навстречу, навыворот, навывлет, наглаз, наглухо, назавтра, наизнанку, наизусть, на память, напоказ, понапрасну, но без удержу, без устали, впридачу, в разбивку, в одиночку, по здорову, по колено, в брод, в корне, в прах, в пух, в придачу, в разбивку, по преимуществу, на лад, на миг, на четвереньках и по-плечу, во-время, во-всю [Филиппов, 1933, с. 120–123, 138, 160, 179–180].

Часть из оформленных отдельно в справочнике Н. Н. Филиппова подобных слов квалифицируется А. Б. Шапиро и М. И. Уаровым как наречия со слитным написанием:

Впридачу (наречие) (с. 144), *вразбивку* (наречие) (с. 144), *вброд* (наречие) (с. 141), *вкорне* (наречие) (с. 143), *впрах* (наречие) (с. 144), *впух* (наречие) (с. 144), *впридачу* (наречие) (с. 144), *вразбивку* (наречие) (с. 144), *по преимуществу* (наречие) (с. 175).

Таким образом, одновременное издание в 1933 г. справочников А. Б. Шапиро, М. И. Уарова и Н. Н. Филиппова с принципиально разными подходами к нормализации спорных вопросов орфографии и, как следствие, противоречивыми рекомендациями с новой силой вызвало обсуждение вопроса об организации согласованной работы по упорядочению. Установки справочника А. Б. Шапиро, М. И. Уарова найдут отражение в проекте Правил 1936, подготовленного орфографической комиссией НКП РСФСР, а в перспективе и в Правилах 1956. Взгляды Н. Н. Филиппова на урегулирование спорных написаний получают отклик в материалах орфографической комиссии АН СССР и подготовленном в 1936 г. проекте академического «Орфографического справочника».

2.2. Концепция безвариативной нормы в школьном «Орфографическом словаре» Д. Н. Ушакова

Ряд постановлений ЦК ВКП(б) 1931–1933 гг. признал неудовлетворительным состояние программ, методы преподавания и уровень грамотности выпускников школ по русскому языку¹⁶⁵. Повышение культуры речи и орфографической грамотности было обозначено государством в числе важнейших «боевых задач», а русский язык стал характеризоваться как главный учебный предмет, в значительной степени определяющий общую успеваемость учащихся [Бахрин, Истрина, 1934, с. 5]. В публикациях тех лет орфография рассматривается как важная черта характера пишущего:

<...> Хорошая орфография нелегка, она своего рода мастерство, добытое большой работой над собой... орфография есть дело трудовой дисциплины. Без нее, без организованной систематической работы над собой, без постоянных усилий, без воли и навыка в труде не разрешима орфографическая задача [Смирнов, 1936, с. 5–7].

Орфография, характеризуясь как элемент общей системы поведения, связывается с задачей воспитания воли, труда и сознательной активности советских школьников [Там же]. Соответственно и вопросы орфографии считаются не только научными, но и «политическими» [Докладная записка кафедры русского языка МГПИ завнаркому просвещения т. Мальцеву о разном в рекомендациях // Ф. 502. Оп. 3. № 92. Л. 8]. Нормативные документы, обязывающие школу обеспечить мероприятия по «коренному» улучшению грамотности, утверждают введение орфографического режима как одно из важных условий ее повышения [Орфографический режим, 1935, с. 5]. Документами предусматривается создание грамотного окружения в школе: школьные объявления, стенгазеты, лозунги, плакаты и учебные наглядные пособия не должны содержать каких-либо орфографических или пунктуационных ошибок¹⁶⁶ [Там же, с. 17]. Подобные пред-

¹⁶⁵ Постановления ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. «О начальной и средней школе» и от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе», от 13 февраля 1933 г. «Об учебниках для начальной и средней школ».

¹⁶⁶ «Орфография – самый тревожный участок в школьной работе. Русский язык сейчас – главный поставщик школьной неуспеваемости. Важнейшая, насущнейшая задача всей школы, каждого преподавателя русского языка – реализовать все средства наилучшего методического

писания осознавали русскую орфографию как норму-закон, хотя единого орфографического руководства, где были бы урегулированы основные случаи разнобоя, по-прежнему не существовало. Его отсутствие «очень мешало борьбе» за грамотность в школе и затрудняло выполнение требований орфографического режима¹⁶⁷ [Ушаков М. В. 1952: 70]. Спорные написания, как отмечает С. Е. Крючков, подрывают веру учеников в «незыблемость» орфографии, способствуют появлению «анархического» взгляда, будто бы в орфографии «нет ничего твердого» и можно писать «по-всякому», наконец, вызывают споры, часто ставящие учителя в трудное положение, тем самым умаляя его авторитет [Крючков, 1952, с. 13]. В связи с этим Государственное учебно-педагогическое издательство РСФСР обратилось к Д.Н. Ушакову с просьбой подготовить такой словарь для школы, который отвечал бы задаче введения орфографического режима, подразумевающего единство и безусловность требований¹⁶⁸.

Первое издание школьного «Орфографического словаря» Д. Н. Ушакова, вышло в 1934 г. (объем 9 500 ед., тираж 150 тысяч экземпляров)¹⁶⁹. О том, каким образом была организована работа, сохранились воспоминания А. А. Реформатского:

<...> Д. Н. Ушаков постоянно звонил учителям (у него было много знакомых учителей), спрашивал: включать или нет такие-то слова в этот словарик? В таком живом сотворчестве и создавалась эта книга (цит. по: [Панов, 2007, с. 775]).

воздействия для утверждения орфографии, для поднятия грамотности на надлежащую высоту. Надо широко, прочно внедрить в сознание учащихся представление об орфографии как подлинном показателе культуры» [Смирнов., 1936, с. 12].

¹⁶⁷ «Среди многообразных способов и приемов обучения орфографии в школе, рекомендуемых нашими методиками, видное место отводится школьному орфографическому словарю. Мысль об использовании орфографического словаря в школе не нова. Еще в 80-е годы прошлого столетия, когда орфографические словари были у нас явлением редким, составители их рассматривали школьный орфографический словарь не только как справочник, к которому пишущий обращается в затруднительных случаях, но и как необходимое пособие при занятиях по русскому языку» [Грушников, 1957, с. 107].

¹⁶⁸ Науменко С. В. Школьный «Орфографический словарь» Д. Н. Ушакова и упорядочение правописания 1930–1950 гг. (к 85-летию первого издания) // Русский язык в школе. – 2019. – Т. 80. – № 5. – С. 90–99; Науменко С.В Вариативность в русской орфографии (XVIII–XX вв.): монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2019. – 356 с.

¹⁶⁹ «Орфографический словарь для начальной и средней школы вышел 1-м изданием в 1934 г., 41-м – в 1990-м. Это про него сказано: маленький, да удаленький. Д. Н. Ушаков был велик в своей любви к родному языку, в своей преданности научной мысли» [Панов, 2007, с. 775].

В предисловии к словарю Д. Н. Ушаков акцентирует внимание на том, что, в отличие от других составителей справочников подобного типа, он «избегает давать двойкие написания слов» (например, *идти* и *итти*), предлагая из числа существующих написаний (безусловно, грамотных) только одно, которое представляется наиболее распространенным и перспективным в плане его признания в будущем в качестве нормативного¹⁷⁰. Следует сказать, что ранее Д. Н. Ушаков все же допускал возможность временного издания небольших по объему орфографических словарей с ограниченным количеством вариативных написаний [Ушаков Д. Н. Тезисы доклада «Об орфографии»// Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 18].

Единство правописания Д.Н. Ушаков рассматривает как обязательное условие «единства самого национального языка». Неуклонно растущее значение русского языка внутри советского государства как средства межнационального общения и его интернациональная роль делает, подчеркивает он, этот принцип единства все более важным и очевидным [Ушаков, 1936, с. 8–14]. Одно и то же, полагает Д. Н. Ушаков, может писаться по-разному только в том случае, если «в самом языке имеются две формы»: *тракторы* и *трактора*, *условливаться* и *улавливаются*, *мологский* и *моложский*. В этом случае выбор – «дело не орфографии, а орфоэпии и стилистики»¹⁷¹ [Ушаков, 1993, с. 70].

С выходом словаря Д. Н. Ушакова в послереформенном письме впервые оказываются определены четкие орфографические установки. Его утверждение НКП РСФСР в качестве обязательного обеспечивает в школе не только единство и общеобязательность предложенных словарем норм, но и их стабильность, преемственность на всех этапах обучения [Филиппов, 1939, с. 280]. С этого момента

¹⁷⁰ К. И. Былинский, говоря о важности закрепления «в наиболее точных формулировках» правил орфографии, особо подчеркивал, что при унификации спорных написаний «недопустимо регламентирование двойких написаний» [Былинский, 1954, с. 21]. С. Е. Крючков «наболевшей потребностью» называет «создание максимального единообразия на письме» [Крючков, 1952, с. 11]. М. В. Ушаков справедливо замечает, что колебание в орфографическом облике «мешает зрительно-двигательному запоминанию слов с этими написаниями» [Ушаков М. В., 1952, с. 71].

¹⁷¹ Отметим, что первая послереформенная орфографическая комиссия при Главнауке 1929 г., в состав которой входил и Д. Н. Ушаков, также декларировала безвариантное написание всех спорных слов [Проект реформы правописания, 1930, с. 21].

издание каких-либо других школьных орфографических словарей было прекращено в целях исключения возможного разнобоя в рекомендациях¹⁷². Второе (1935 г.), третье (1936 г.), четвертое (1937, 1938 гг.), пятое (1939 г.), шестое (1940 г.) издания орфографического словаря Д.Н. Ушакова выходили без изменений, их суммарный тираж составил более 2,5 (!) миллионов экземпляров. Таким образом, вновь именно школа, как и во времена «Русского правописания» Я. К. Грота, оказывается тем первым общественным институтом, где остро осознаваемая потребность в упорядоченной орфографии находит свое практическое воплощение.

Теоретическая часть словаря, посвященная обсуждению основных правил, включает 74 орфографические рекомендации, объединенные в 12 разделов, например: «Правописание отдельных букв», «Правописание сложных слов», «Правописание приставок», «Правила переноса» и «Правописание существительных», «Правописание прилагательных», «Правописание числительных», «Правописание причастий», «Правописание наречий и частиц» и др.

В части решения спорных случаев правописания одиночной / удвоенной согласной в иноязычных словах нормативные установки Д. Н. Ушакова, как правило, совпадали с рекомендациями «Технико-орфографического справочника» Н. Н. Филиппова (1933 г.): *аккомодация, аккорд, аккуратный, аллегория, аппендицит, асимметрия, горилла, каллиграфия, либретто, целлюлоза, хотя аксесуар, перон, атрибут и катар* (по образцу справочника для работников печати «Орфография, пунктуация и техника корректуры» А. Б. Шапиро и М. И. Уарова (1933 г.)).

В правописании непроверяемых безударных гласных *о* и *а* в корне словарь Д. Н. Ушакова, подобно справочнику А. Б. Шапиро и М. И. Уарова, отдает предпочтение написаниям с *а*: *ватрушка, казак, касатка, крапива, кащей, махровый*. Регламентация *о / е (ё)* после шипящих в корневой морфеме в словаре Д. Н. Ушакова отчасти опирается на рекомендации Я. К. Грота о предпочтитель-

¹⁷² Например, по данным библиографического указателя «Словари, изданные в СССР» (1966 г.), только в 1928 г. одновременно вышли словари для учащихся В. Флерова (9-е изд.), И. В. Устинова (7-е изд.), И. Н. Шапошникова (9-е и 10-е изд.). Примеры разнобоя в рекомендациях разных изданий словаря И.Н. Шапошникова приведены в сноске № 149.

ности написания *o* в открытом слоге, а *e* (*ё*) в закрытом, но в теоретической части это правило отсутствует: *жёлтый*, *жёлчь* (т.к. *жёлтый*), *жёнка*, *жёрдочка*, *жёстрый*, *жолоб* (при *желобок*), *жолудь* (при *желудевый*), *чорт*, *чоботы*, *шорох* (при *шероховатый*), *шопот*, *шёлк*, *щётка*. Однако Д. Н. Ушаков настаивает на правописании *щёлкать* и *жорнов*, тогда как у Я. К. Грота находим *щолкать* и *жёрнов*. Несмотря на существовавшую тогда вариативность в написании гласных после шипящих в суффиксах существительных, Д. Н. Ушаков последовательно обозначает опору на произношение (без учета твердости или мягкости предшествующего согласного): *клячонка*, *волчонок*, *бочонок* (в справочнике Н. Н. Филиппова – *зайченок*, *волчонок*). С другой стороны, в словаре представлены примеры *ежовый*, но *холщёвый*. В этом случае, характер согласного, наоборот, учитывается: *ежовый*, как и *грошовый*, *марганцовый* (под ударением *o* после *ж*, *ш*, *ц*), но *холщёвый*, как и *парчёвый* (под ударением *e* после *ч*, *щ*). Аналогичным образом регламентируется написание *o* / *e* (*ё*) после шипящих в справочнике А. Б. Шапиро и М. И. Уарова. Одинаковыми в руководствах оказываются и рекомендации для слов *мачеха*, *метель*, *пиетет* (в справочнике Н. Н. Филиппова они имеют вариативное написание).

Следует сказать, что нормативные установки школьного орфографического словаря не были обязательными для издательств. Тем не менее Н. Н. Филиппов, автор многочисленных технико-орфографических пособий для издательских работников, говоря о необходимости разработки полного справочника для работников издательской отрасли, подчеркивает, что он в обязательном порядке должен учитывать все указания словаря Д.Н. Ушакова¹⁷³:

<...> Принятие за основу школьной орфографии и словаря Д. Н. Ушакова вызвано тем, что в издательской работе не может быть принципиально допущено расхождений в написании со школьной орфографией [Филиппов, 1939, с. 291].

Это высказывание Н. Н. Филиппова отражает четкое понимание того, что орфографические требования должны быть едиными для школы и печати. Таким

¹⁷³ Н. Н. Филиппов, давая высокую оценку школьному орфографическому словарю Д. Н. Ушакова, высказывает сожаление, что «ограниченные размеры не позволяют использовать его в полной мере в орфографической практике издательств» [Филиппов, 1939, с. 289–290].

образом, хотя орфографический словарь Д. Н. Ушакова был официально утвержден в качестве обязательного только для школы, он осознается в качестве орфографического руководства и для печати (в отличие, например, от ситуации с «Русским правописанием» Я. К. Грота). Так, в предисловии нового «Технико-орфографического справочника для корректора» Н. Н. Филиппова (1939 г.) поясняется, что рекомендации проекта Правил 1936 (2) учитываются «в тех лишь пределах, в которых не наблюдается расхождений их с существующей школьной орфографией» [Там же, с. 290].

В 1944 г. Наркомат просвещения РСФСР утверждает новое издание словаря (на титуле ошибочно указано 6-е издание), вышедшее после смерти Д. Н. Ушакова, где уточняется написание 100 слов, например:

Адекватный, аксессуар, асбест, будничный, изжелтазеленый, иссинячерный, итди, в тупик, в сердцах, гарцевать, глянецвитый, жёрнов, коэффициент, на весу, по трое, северо-восточный, преискуронт, холщовый, чёботы, шёпот, юго-западный, цирюльник и др.

вместо рекомендаций предыдущих изданий

*Адэкуватный, аксесуар, азбест, будничныи, изжелта-зеленый, иссиня-черный, итти, втупик, всердцах, гарцовать, гляцовитый, жорнов, коэффициент, навесу, по-трое, северовосточный, преис-куронт, тенис, холщёвый, чоботы, шопот, югозападный, цырюльник*¹⁷⁴.

Кроме того, новое издание было дополнено рядом новых правил, регламентирующих порядок написания, например, корней с чередующимися гласными *гар-* / *гор-*, *плав-* / *плов-*; *клан-* / *клон-*, *зар-* / *зор-*, *о* / *е* (*ё*) после шипящих в корнях слов, в том числе иноязычных (*шоколад, жокей, шоссе, шовинизм*) и наречий *свежо, горячо, нагишом, ужо*, но *ещё*.

Эти изменения вызвали среди педагогов много «волнений» и разговоров о «новой» и «старой» орфографии», серьезно осложнив работу школы [Былинский, 1954, с. 20]. В связи с этим НКП РСФСР было подготовлено специальное циркулярное письмо, в котором педагогов обязывали вести преподавание «по старой» орфографии (в соответствии с рекомендациями предыдущих изданий. – С. Н.), но не считать за ошибки написания, соответствующие указаниям нового издания [Там же]. Данная ситуация показала, что к упорядочению орфографии следует от-

¹⁷⁴ «Но ушаковская основа все равно оставалась главной и определяющей» [Панов, 2007, с. 775]. Как указывается в предисловии, правописание отдельных слов было уточнено С. П. Обнорским [Орфографический словарь, 1944, с. 2].

носиться «очень осторожно», учитывая существующую практику письма и не меняя «без крайней нужды» даже те написания, которые, как кажется специалистам, не имеют достаточных оснований [Там же]. Далее издание словаря в редакции С. Е. Крючкова продолжит выходить только в Латвии, Литве и Белоруссии: 1945 г. (Рига), 1946 г. и 1947 г. (Каунас), 1948 г. (Рига), 1950 г. (Минск).

Одновременно с шестым изданием школьного словаря вышел «Справочник корректора» К. И. Былинского и М. И. Уарова (1944 г.), чьи рекомендации, как показали наши наблюдения, оказались не вполне согласованными с редакцией С. Е. Крючкова: *безудержу, безустали, бестолку, врозницу, всердцах, позарез, доупаду, заглаза, навесу, насмех, по-двое, по-трое* [Былинский, Уаров, 1944, с.6]. В написании наречий К. И. Былинский и М. И. Уаров учитывали рекомендации прежних изданий орфографического словаря Д.Н. Ушакова, отдавая предпочтение слитному или дефисному оформлению, тогда как в новом 6-м издании для этой группы было установлено раздельное написание: *без удержу, без устали, без толку, в розницу, в сердцах, позарез, до упаду, за глаза, на весу, на смех, по двое, по трое*. Таким образом, рекомендации 6-го издания школьного словаря и «Справочника корректора» К. И. Былинского и М. И. Уарова оказались противоречивыми для одного из самых сложных участков орфографической практики после-реформенного периода, способствуя еще большему усилению вариативности в написании наречий.

Необходимо заметить, что в более позднем «Справочнике по орфографии и пунктуации для работников печати» К. И. Былинского и Н. Н. Никольского (1947 г.) вновь подчеркивается, что, по возможности, справочник «не входил в противоречие» с предыдущими изданиями орфографического словаря Д. Н. Ушакова, поскольку тот оказал «большое влияние на закрепление многих написаний» [Былинский, Никольский, 1947, с. 4]. Отражать изменения, предложенные 6-м изданием словаря С. Е. Крючкова, составители не считают необходимым, так как они не являются «общепризнанными» [Былинский, Никольский, 1949, с. 4].

В 1951 г. по указанию Министерства просвещения РСФСР С. Е. Крючков подготовил 7-е издание орфографического словаря Д. Н. Ушакова, где была проведена замена отдельных написаний первых изданий, переставших соответствовать рекомендациям действующих школьных учебников¹⁷⁵ [Крючков, 1952, с. 33]. Известно, что также словарь опирался на рекомендации проекта Правил 1951, в подготовке которого принимал участие С. Е. Крючков.

Выход нового издания словаря освещал ряд публикаций, где нововведения 1944 г. (6-е изд.) не упоминались, поэтому все изменения в 7-м издании рассматривались относительно первых изданий орфографического словаря Д. Н. Ушакова (1934–1940 гг.) [Ушаков М. В., 1952]. Как правило, издание 1951 г. повторяют изменения 1944 г. (6-е изд.):

*Бомбоньерка, без умолку*¹⁷⁶, *валяный (сапог), ведренный (день), горlinka, гуммиарабик, гуттаперча, деревяшка, деревенеть, жёрнов, до зарезу, йод, индифферентный, каннибал, кощей, мокрядь, Немезида, обезьянничать, обледенеть, русификация, стрептококк*

вместо рекомендаций Д. Н. Ушакова

Бонбоньерка, безумолку, валеный (сапог), ведряный, гумми-арабик, гутаперча, горленка, деревяжка, деревянеть, жорнов, дозарезу, иод, индифферентный, канибал, кащей, мокредь, немезида, обезьянничать, облебянеть, русификация, стрептококк [Крючков, 1952, с. 14–16].

Исключение составят сложные прилагательные с префиксами *ис / из-*, обозначающие оттенки цвета, которые восстановят прежнее дефисное написание: *изжелта-* [*изжелта-зеленый*], *иссиня-* [*иссиня-черный*].

Отличительной особенностью нового издания стали 15 пар с вариантами написаний, включение которых объяснялось тем, что в современной орфографии существует ряд «активных дублетных написаний» и до официального утверждения «трудно» решить, какое написание следует предпочесть [Там же, с. 16]. Как правило, первым в такой паре указывается написание, имеющееся в школьном

¹⁷⁵ В числе нововведений следует также отметить увеличение словника на 2 тысячи единиц: *безинициативный, без спросу, бесполезный, беспроцентно-выигрышный, бета-лучи, бок о бок, бурят-монгольский, вице-президент, в лёт, в меру, в ногу, в накладку, волеизъявление, выкорчёвка, габарит, Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда, двухэлементный, дивизион до свидания, изба-читальня, из-за границы, из-под спуда, коллектив коллектор, коллоквиум, кросс* и т.д.

¹⁷⁶ «В отношении многочисленных наречий, образованных при помощи предлога *без-* и существительного (*без толку, без удержу*), словарь последовательно проводит раздельное написание» [Ушаков М. В., 1952, с. 71].

учебнике, поэтому его предлагается считать рекомендуемым, а второе – допустимым:

Брошюровать (брошировать), жолоб (жёлоб), жолудь (жёлудь), идти (итти), однакож (однако же), однакоже (однако же), параллелограмм (параллелограмм), подмышками (под мышками), подмышкой (под мышкой), скворешня (скворечня), смаху (с маху), то-есть (то есть), цырюльник (цирюльник), чорт (чёрт), шопот (шёпот) [Там же, с. 17].

При этом подчеркивается, что наличие вариантов – это временное явление, после официального утверждения правил «бесплодные» и «вредные для дела» дискуссии о написании того или иного слова прекратятся и останется только один из вариантов [Там же]. В связи с этим замечание Д. Н. Ушакова о том, что он избегает рекомендовать вариативные написания, было исключено из предисловия.

После выхода словаря впервые в практике печати начинает целенаправленно решаться задача приведения всей научной, методической и учебной литературы, выпускавшейся государственными учебно-педагогическим издательством и издательством иностранных и национальных словарей, в соответствие с орфографией школьного словаря. Так, в предисловии к «Словарю русского языка» С. И. Ожегова (2-е изд., 1952 г.) (далее – Словарь Ожегова) сообщается, что он следует правописанию, утвержденному Министерством просвещения РСФСР для школьного орфографического словаря (7-е изд., 1951 г.) [Словарь Ожегова, 1952, с. 8]. Подобное согласование имело большое общественное значение, способствуя упорядочению современной русской орфографии [Крючков, 1952, с. 85].

Школьный орфографический словарь выходил без изменений вплоть до 1956 г. (изд. 8-е (1952 г.); 9-е (1953 г.); 10-е (1954 г.); 11-е (1955 г.); 12-е (1956 г.)). В 1957 г. вышло 13-е издание словаря с учетом утвержденных Правил 1956¹⁷⁷.

¹⁷⁷ «Интерес к орфографическому словарю особенно усилился в текущем учебном году, когда школы приступили к осуществлению единых правил орфографии и пунктуации и когда без орфографического справочника, приведенного в соответствие со сводом этих правил, невозможно обойтись ни учителю, ни ученику. Вот почему выход в свет орфографического словаря проф. Д. Н. Ушакова и проф. С. Е. Крюčkова в новом, переработанном издании является большим событием для нашей школы. Почти четверть века отделяет новое издание орфографического словаря от его первого издания. За это время три раза менялись учебники по русскому языку, но орфографический словарь проф. Д. Н. Ушакова и проф. С. Е. Крюčkова выдержал ис-

С. И. Ожегов подчеркивал, что орфографический словарь Д. Н. Ушакова – неоспоримый «факт культурного и политического значения», что он прочно вошел в школьную практику и с этим предстоит «считаться» при всяком решении о пересмотре рекомендаций [Отзыв о «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1951 г. (проект) // Ф. 1516. Оп. 2. Д. 170. Л. 2].

Таким образом, школьный орфографический словарь Д. Н. Ушакова для начальной, неполной и средней школы (1-е изд., 1934), утвержденный в качестве обязательного, обеспечил в условиях отсутствия официального свода правил не только относительное единство и последовательность орфографических норм, но и их стабильность, преемственность на всех этапах школьного обучения. Авторы различных технико-орфографических справочников и пособий для работников издательской промышленности осознавали важность согласования собственных рекомендаций с нормативными установками школьного орфографического словаря Д. Н. Ушакова. Это в значительной мере способствовало нивелированию противопоставления школьного правописания и орфографии печатных изданий, формировавшегося со времен «Русского правописания» Я. К. Грота и усилившегося к началу 1930-х гг. XX в. Орфография современного русского языка во многом «выросла» из школьного орфографического словаря Д. Н. Ушакова [Отечественные лингвисты XX века, 2003, с. 63].

Первые издания словаря не предусматривали вариативные написания, формируя в течение многих лет у школьников и педагогов представление об орфографической норме как идеале, допускающем только одно правильное написание. В 7-м и последующих изданиях (1951–1956 гг.) в ограниченном количестве были даны собственно орфографические варианты (*идти (итти)*, *жолоб (желоб)*), но с оговоркой об исключительно временном характере их существования до утверждения в будущем в качестве нормативного только одного из вариантов. 13-е

пытание времени и остается пособием, обслуживающим орфографические нужды не только учащихся V–X классов, но и вообще каждого пишущего. Улучшаясь с каждым изданием, словарь в теперешнем его виде является ценным пособием для нашей средней школы, поэтому задача учителя-словесника – максимально использовать его в процессе занятий по русскому языку» [Грушников, 1957, с. 111.]

(1957 г.) и последующие издания школьного орфографического словаря отражали лишь языковые варианты типа *калоша* и *галоша*, *туннель* и *тоннель*, утверждая противопоставление орфографических норм, где вариативность оценивается отрицательно, и языковых, где она рассматривается как органичное отражение возможностей языковой системы.

2.3. Вопросы орфографической нормализации в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова

После октябрьских событий 1917 г. литературный язык «акцентирует разрыв с традицией», своеобразную «революцию языка» [Грановская, 2005, с. 382]. Появляются новые слова, развиваются новые значения, целые категории слов переходят в разряд устарелых, изменяется стилистическая окраска множества слов, стремительно увеличивается количество вариантов: «старые нормы словоупотребления, ударения в слове, написания и произношения резко заколебались, а новые только лишь устанавливались» [Цейтлин, 1958, с. 113–114]. Кроме того, в «мир литературного языка, т.е. в мир языка культуры входили новые широкие слои народа», которые «нуждались в нормативном речевом руководстве»¹⁷⁸ [Панов, 2007, с. 734]. Происходящие в языке и социуме перемены остро обозначили проблему широкого нормирования нового качества литературной речи¹⁷⁹. Прак-

¹⁷⁸ «Пережитая нами социальная революция в качестве весьма серьезной и ответственной проблемы ставит перед русским просвещением задачу усвоения начатков и основ культуры самым широким кругам нашего общества. Но можно ли приобщиться к культуре без языка? Нужно ли здесь напоминать, что только через язык вообще возможна культура?» [Винокур, 1925, с. 4].

¹⁷⁹ «Российские события второго десятилетия XX в. (участие России в Первой мировой войне с ее разрушительными последствиями для страны и народа, буржуазно-демократическая революция в феврале 1917 г., Октябрьский переворот и связанная с ним резкая смена общественно-экономической формации, гражданская война, потрясшая страну изнутри, невиданная миграция населения имели своим ближайшим следствием заметные подвижки в языке. Уже одно это вызывало потребность в словаре, который отразил бы эти лексические перемены переломной эпохи» [Грановская, 2005, с. 276]; «В сложных условиях ломки литературных норм, снижения стиля газетной и разговорной речи, огрубления языка художественной литературы в послеоктябрьской России возникла настоятельная потребность создать нормативно-стилистический словарь. Эта задача вытекала из политической программы партии – сделать народ грамотным» [История русской лексикографии, 2001, с. 346].

тической формой ее разрешения виделся общедоступный толковый словарь, с инициативой создания которого, как известно, в 1920 г. выступил В. И. Ленин, уточнив, что он непременно должен быть по новому правописанию, т.е. учитывать итоги орфографической реформы 1917–1918 гг.¹⁸⁰

В 1922 г. возобновляется издание академического «Словаря русского языка» (Т. III, В. 1, И – Изба), однако оно продолжится в старой орфографии, в нескольких выпусках (1926–1928 гг.) по новой орфографии напечатаны только титульные листы и предисловие, в котором указывалось, что типографский набор выпусков был начат в 1914–1918 гг.¹⁸¹ Таким образом, академический словарь не учитывал не только итоги орфографической реформы, произошедшие изменения в корпусе лексики, стилистической окраске и семантике слов, но и, как следует из иллюстративного материала к словарным статьям, новые общественно-политические реалии:

Как по возвращеніи оттуда въ домъ общественнаго собранія, пушечнымъ выстрѣломъ приглашенные наканунѣ того дня Господа Дворяне и прочія достойныя Особы къ обѣденному столу, которой составленъ былъ купеческимъ издивеніемъ (1922, Т. III, В. 1, с. 210);

Если умремъ во грѣхахъ нашихъ, то будемъ отринуты отъ лица Божія и пойдемъ во тьму (1926, Т. IV, В. 10, с. 2996).

Кроме того, он продолжился по плану А. А. Шахматова, который, выступая против каких-либо нормативных указаний в словаре, в свое время полностью отказался от примечаний редакторского характера [Цейтлин, 1958, с. 103]. Поэтому в словаре в качестве примеров можно встретить диалектные записи: *малеваненькіе каточки* (крашеные колеса), *выбирайтца*, *атпѣтый*, *каторый*, *идеятца*, *пряма*, *ижжать* (визжать), *небельщикъ* (мебельщик), *итить не хочеца ничёво путня*

¹⁸⁰ «Идея нормативного словаря для массового пользования не пропала даром. Через несколько лет она "проросла" толковым словарем русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, а в дальнейшем одготомным словарем русского языка С. И. Ожегова и общим оживлением словарного дела в стране. Поэтому можно с полным основанием считать, что словарный замысел Ленина стал заметной теоретической и практической вехой в истории русской толковой лексикографии» [История русской лексикографии, 2001, с. 349–350].

¹⁸¹ «Продолжавший издаваться в это время академический словарь русского языка в шахматовской редакции был далек от учета новых условий и обстоятельств того времени» [История русской лексикографии, 2001, с. 346].

во, на ёмь, не нада,дохтура, шиоль па диревни, идъяло (одеяло) (1922, Т. III, В. 1; 1927, Т. VIII, В. 1).

В 1928 г. принимается решение изменить план издания словаря, перейти на новую орфографию, повторив ранее вышедшие части¹⁸². Но примеры в старой орфографии без каких-либо комментариев встречаются в переизданных выпусках вплоть до 1936 г., безусловно, затрудняя формирование устойчивого зрительного образа тех слов, чье правописание изменила реформа 1917–1918 гг.

Выпуски академического словаря в новой орфографии начинают выборочно указывать дореформенное правописание, как правило, для слов с корневым *ять*:

Левизна (стар. напис. *лѣвизна*), *левооборотный* (стар. напис. *лѣвооборотный*), *маслодел* (стар. напис. *маслодѣль*), *недоцветок* (стар. напис. *недоцвѣток* (! ь оказался упущен)), *нежѣнка* (стар. напис. *нѣжѣнка*), *обмалеть* (стар. напис. *обмалѣть*), *обмедение* (стар. напис. *обмѣдение*), *обменивать* (стар. напис. *обмѣн-*), *левофланговый* (стар. напис. *лѣвофланговый* и *лѣвофланговый*); *левиафан* (стар. Напис. *лѣвѣѧнѣ*) (1934, Т. XI, В. 3; Т. XII, В. 2; 1935, Т. XIII, В. 4; 1935, Т. XIII, В. 3; 1936, Т. I, В. 4).

Отмечаются случаи колебания в современном правописании:

Левеллер (также с иным написанием *левелер*), *левретка* (с иным напис. (неправ.) *ливретка*), *лѣгенький* (с иным напис. *легинький*), *легеон*, см. *легион*, *без-мала* (*безмала*), *в-мале* (*вмале*), *на-мале* (*на мале*), *по-малу* (*помалу* и *по малу*), *мамона* и *мамона*, *маниак*, см. *маньяк*, *обмакнуть* (в чернила) (с иным напис. *обмокнуть*), *обмежовывание*¹⁸³ (с иным напис. (устар.) *обмежевывание*), *недочѣх* (с иным напис. *недочох*), *нежжѣный* и *нежжѣный* (без разграничения прилаг. и прич.), *нежсоха* (с иным напис. *нежѣха*, стар. напис. *нѣжсоха*), *игриливый*, см. *игреливый*, *игранный* и *игранный*, *неженный* и *неженный* (стар. напис. *нѣ*) *масонство* (с иным напис. *массонство*), *маслюшка* (с иным напис. *маслюжка*), *масляник* (с иным напис. *масленик*), *масляница* (с иным напис. *масленица*), *масляный* (*масленный*), *масштаб* (с иным напис. (устар.) *маштаб*), *матемачиха* (то же, что *мать-и-мачеха*), *анестезия* (с иным напис. *анѣстезия*), *анестетик* (с иным напис. *анѣстетик*), *анигляция*, см. *аннигляция*, *облучѣк*, см. *облучок* и т.д. (1934, Т. XI, В. 3; 1934, Т. XII, В. 2; 1935, Т. XIII, В. 4; Т. XIII, В. 3; 1936, Т. I, В. 4; 1936, Т. XII, В. 3).

¹⁸² Над выпусками работали Е. С. Истрина, С. П. Обнорский, Л. В. Щерба, Н. С. Державин. Издание продолжалось до середины 1937 г. Постепенно принимается план толкового словаря современного языка в историческом развитии. Новые выпуски отличаются подбором более современных отдельных примеров и источников (периодические издания «Правда», «Известия ЦИК», «Печать и революция», «За коммунистическое просвещение», «Большевик», МСЭ, БСЭ), изменением некоторых стилистических помет.

¹⁸³ Далее встречаем *обкорчѣвывать*, *обкорчѣвывание* без указания на устарелость подобных написаний и наличие иных вариантов (1935, Т. 14, В. 4).

Большинство вариантов написаний приводится без оценки и указания на то, что факультативное написание является, например, неправильным, нерегулярным или устаревшим, при этом в предисловии к словарю статус вариантов не комментируется. Не всегда единообразной оказывается и сама подача вариантов: одна часть вариантов оформлена в круглых скобках, другая – с отсылочной пометой «См.», третья – указывается с помощью союза «и»; в одних случаях варианты отмечаются в конце словарной статьи, в других – непосредственно в ее заголовке. Поскольку способы подачи никак не объясняются, оказывается сложно квалифицировать варианты и выбрать наиболее предпочтительный, так как иллюстративный материал включает примеры и с тем, и с другим вариантом написания.

Кроме того, встречается и разнобой между написанием, которое приводится в заголовке словарной статьи, и иллюстративным материалом (как правило, в части слитного и дефисного написания сложных прилагательных):

Леворадикальный (заголовок словарной статьи) и *лево-радикальный* (иллюстративный материал), *левофланговый* (заголовок словарной статьи) и *лево-фланговый* (иллюстративный материал), *левосоциалистический* (заголовок словарной статьи) и *лево-социалистический* (иллюстративный материал), *лево-попутнический* (заголовок словарной статьи) и *лево-попутнический* (заголовок словарной статьи), *легковыпуклый* (заголовок словарной статьи) и *легко-выпуклый* (иллюстративный материал), *легион* (заголовок словарной статьи) и *легион* (!) (иллюстративный материал), *мальчонко* (заголовок словарной статьи) и *мальчѐнко, мальченко* (иллюстративный материал), (1934, Т. 11, В. 3; 1934, Т. 12, В. 2).

Эти особенности не позволяют рассматривать академический «Словарь русского языка» как серьезный нормативный источник для широкого круга читателя, оказавший влияние на упорядочение послереформенного правописания¹⁸⁴. В 1937 г. АН СССР принимает решение о прекращении работы над словарем в шахматовской редакции в связи с его «бесперспективностью» и тем, что современный русский язык не находил в нем «широкого и глубокого отражения» [История русской лексикографии, 2001, с. 378].

¹⁸⁴ «Такой словарь не мог считаться удовлетворительным для выполнения государственных задач по ликвидации неграмотности и созданию новой советской интеллигенции» [Костева, 2014, с. 87].

Возможность приступить к практической реализации идеи создания словаря русского языка «от Пушкина до Горького» появилась только в 1928 г., поскольку до этого момента «сущность новой, становящейся нормы была неясна», тогда как потребность была именно в нормативном руководстве¹⁸⁵ [Ожегов, 1952, с. 88]. Итогом этой многолетней и сложной работы стал «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (далее – Словарь Ушакова)¹⁸⁶. В 1947–1948 гг. «Толковый словарь русского языка» был переиздан без изменений, так как острая потребность в нормативном справочнике не давала времени на подготовку нового издания [Цейтлин, 1958, с. 123]. Д. Н. Ушаков не только осуществлял общее руководство работой, но и был в числе составителей¹⁸⁷.

Словарь отразил один из самых сложных периодов в истории русского литературного языка, когда масштабные социальные сдвиги «перемешали слои, манеры говорения, изменили весь речевой обиход предшествующего времени» [Грановская, 2005, с. 352, 280]. Эта «ломка» старых норм и традиционных правил потребовала сознательного языкового регулирования¹⁸⁸.

¹⁸⁵ «Во второй половине 20-х проявилось стремление языка к упорядоченности и стабилизации. Открылся путь к нормализаторско-языковой политике в рамках лексикографических возможностей» [История русской лексикографии, 2001, с. 349–350].

¹⁸⁶ «После Великой Октябрьской революции, внесшей огромные изменения в литературный язык, перед русскими лингвистами... настоятельно встал вопрос о составлении нового словаря – словаря современного русского литературного языка. Ответом на эту насущную потребность жизни был «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова» [Горецкий, 1949, с. 382].

¹⁸⁷ «Он единственный реалист, который ... обусловит тот шаг вперед русского словарного дела, который понимающими людьми ожидается» [Записка Л. В. Щербы директору Госиздата О. Ю. Шмидту // Ф. 770. Оп. 1. Д.15. Л. 47].

¹⁸⁸ «Говоря о словаре Ушакова, нельзя обойтись без слов "первый", "впервые". Это первый советский толковый словарь, в котором достаточно полно отражена лексика литературного языка. Нормативность словаря обусловлена отбором слов и их значений, указанием правильного произношения, ударения, правописания, уместного употребления (с помощью многочисленных стилистических помет). Впервые словарю предпослан (в 1-м томе) очерк орфоэпии и морфологии. Это первый толковый словарь, зарегистрировавший слова, вошедшие в язык в конце 10 – начале 30-х годов (около тысячи). Впервые наиболее употребительным морфемам посвящены словарные статьи (есть статьи о приставках *анти-*, *без-*, *за-* и нек. др., о первых частях сложных слов *дву-*, *бое-* и т.д.). Впервые в отечественной лексикологии четко сказано об отличии словаря языка от энциклопедического (и это отличие соблюдено в словарных статьях). Ни одному из классиков русской литературы не в обиду было ставшее крылатым выражение: Все мы вышли из гоголевской "Шинели". И ни одному из составителей наших толковых словарей не будет в обиду, если сказать, что все они вышли из ушаковского Словаря» [Ханпира, 1984,

В предисловии к словарю подчеркивается, что составители ставили перед собой задачу придать ему характер «образцового» в том смысле, чтобы он «помогал усвоить образцовый, правильный язык», поэтому особое внимание было уделено нормативному аспекту¹⁸⁹ [Словарь Ушакова, 1935(I), с. 3]. Словарь предлагал емкий материал для правильного и осознанного употребления в речи того или другого слова, выступая в том числе и как авторитетное справочное пособие по послереформенному правописанию [Там же, с. 3]. Нередко орфографические указания включались непосредственно в текст словаря, что стало одним из его достоинств [Редакционная статья, 1941, с. 83]. Приведем пример подобного наставления:

<...> Наречие *мало*, сочетаясь с прилагательным (или причастием), может образовывать сложное прилагательное и тогда пишется вместе: *малодоходный, малодоступный, малообразованный*, см. (*мало*). Вместе с такими сложными прилагательными могут употребляться в речи и на письме и неслившиеся сочетания, особенно при краткой форме прилагательного: *мало образованный*, наряду с *малообразованный*, особенно *он мало образован (он образован мало)* при *он малообразован*» [Словарь Ушакова, 1938 (II), с. 126].

Следует сказать, что в правописании на тот момент сложилась особенно трудная ситуация, поскольку его, по свидетельству современников, в первые послеоктябрьские годы захлестнула «настоящая эпидемия безграмотности»¹⁹⁰ [Суворовский, 1927, с. 8]. Отчасти она оказалась неизбежным следствием реформы

с. 73–75]; «...все значительные словари советской эпохи создавались с оглядкой на ушаковский словарь» [Отечественные лингвисты XX в., 2003, с. 65].

¹⁸⁹ «Принцип нормативности пронизывает словарь на всех его уровнях... В русской лексикографии нет другого толкового словаря, который был бы так проникнут нормализаторскими устремлениями. Словарь отразил новую сложившуюся норму живого языка и, более того, стал не только ее выразителем, но ее опорой. Если в Словаре Академии слова фиксируются в 15 своих параметрах (орфография, ударение, часть речи, род, парадигма словоизменения, глагольный вид, залог, стилистическая характеристика, фразеология, дефиниции, иллюстрации и др.), если в Далевом словаре количество параметров уменьшилось до 12 (за счет сокращения грамматической информации), если в незавершенном академическом «Словаре русского языка» Грота-Шахматова параметров почти столько же, как и в первом академическом (плюс этимология), то в словаре Д. Н. Ушакова их до 40. Степень насыщенности лексикографической информацией в словаре Д. Н. Ушакова намного выше, чем в любом другом прежнем толковом словаре русского языка. И по обилию лексикографических параметров Словарь Ушакова стал в нашей лексикографии эталонным» [История русской лексикографии, 2001, с. 365].

¹⁹⁰ «Учительская газета» приводит следующие примеры «орфографической беспечности, нагло скалящей зубы в афишах, объявлениях, плакатах»: *Запис бальных по живой очерети; Союз пищивиков организует в субботу вечер пения и дикломашии; Пичение, сухар, мендаль и прочие диликатесы; Паисная икра* [Дагайский, 1923]

орфографии 1917–1918 гг., поскольку любое реформирование, как справедливо указывает Л. В. Щерба, разрушает авторитет и престиж орфографии как культурно-социального явления [Щерба, 1927, с. 82–83]. Закономерно, что борьба за орфографическую грамотность, являющуюся, по выражению С. И. Ожегова, «первоэлементом» письменной речи, вскоре начинает декларироваться как часть политической программы советского государства¹⁹¹ [Ожегов С. И. Русская орфография (1956) // Ф. 1516. Оп. 1. Д. 79. Л. 1]. Однако решение этой задачи затрудняла общая неупорядоченность орфографии, сбивчивость и противоречивость многих рекомендаций, которые в силу объективных причин не были устранены орфографической реформой 1917–1918 гг. [О новом правописании, 1930, с. 6]. Издававшиеся самостоятельно и независимо друг от друга ведомственные справочники и словари устремились «кустарно проводить ревизию» правил, что привело к новым фактам разнобоя и путанице [Шапиро, Уаров, 1933, с. 3; Иоаннисянц, 1936, с. 69]. Д. Н. Ушаков писал по этому поводу:

<...> Современное состояние нашего языка таково, что не может быть двух орфографических словарей, которые бы не противоречили друг другу. В одном пишется *ватрушка*, в другом *вотрушка*, в одном *ресурс* с двумя *сс*, в другом с одним *с* и т.д., и т.д. Если вы пройдетесь по издательствам, то увидите, что в них необычайный разнобой [Выступление Д. Н. Ушакова на совещании словесников // Ф. 502. Оп. 3. Д. 69. Л. 12–13].

В связи с этим от толкового словаря ожидали, что его орфография окажет «огромное нормализующее и унифицирующее влияние», став средством, способным вывести школу и печать из того «орфографического хаоса, который сейчас является их бичом» [Переписка. Л. 3 об.; Ушаков Д. Н. Тезисы доклада «Об орфографии»// Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 18 об.]. Это существенно усложнило «и без того трудную задачу создания нормативного справочника» [Цейтлин, 1958, с. 113–114].

Следует сказать, что к проблемам орфографии Д. Н. Ушаков серьезно обратился еще в 1911 г. в работе «Русское правописание. Очерк его происхождения,

¹⁹¹ «Грамотность и культура нам необходимы для социалистического строительства... овладение техникой грамотного письма приобретает большое политическое значение [Ожегов С. И. Русская орфография (1956 г.) // Ф. 1516. Оп. 1. Д. 79. Л. 1; О новом правописании 1930: 6].

отношения его к языку и вопрос о его реформе»¹⁹². С 30-х гг. XX в. он входит в состав нескольких орфографических комиссий, руководит разработкой проектов орфографических и пунктуационных правил, ведет масштабную просветительскую работу в области правописания среди педагогов, обращается в различные ведомства с предложениями о координации работы по упорядочению орфографии, составляет широко известный школьный «Орфографический словарь» (1934). Весь этот опыт орфографической работы, несомненно, был применен им и в толковом словаре, оказавшем «громадное влияние» на стабилизацию орфографической ситуации 30-х гг.»¹⁹³ [Цейтлин, 1958, с. 121].

Словарь стал важным шагом к созданию первого в истории русского правописания орфографического стандарта – Правил 1956. Во-первых, это был первый большой и общедоступный словарь русского языка в соответствии с реформированной орфографией. Во-вторых, здесь были учтены все основные группы разнообразия послереформенного периода, что отвечало задаче их систематизации и постепенной нормализации. В-третьих, стремясь упорядочить вариативность, словарь предложил регламентацию ряда спорных написаний¹⁹⁴.

¹⁹² «Д. Н. Ушаков прочно связал свое имя с научной разработкой вопросов русского правописания. Его книга «Русское правописание» (1911, 2-е изд. 1917), пользующаяся громадной известностью, была в нашей науке первым трудом, в котором с полной обстоятельностью были выяснены взаимоотношения русского письма и произношения с точки зрения сравнительно-исторического языкознания... Д. Н. Ушаков пользуется заслуженной репутацией одного из лучших знатоков вопросов русской орфографии, и ему принадлежит руководящая роль во всех мероприятиях, возникающих в этой области» [Аванесов, Винокур, 1941, с. 92–93].

¹⁹³ Принимавший участие в работе над словарем В. В. Виноградов вспоминал: «...было очень трудно в 20–30-е годы текущего столетия – при происходивших тогда резких изменениях и колебаниях... при огромном количестве новообразований определить устойчивые принципы... оценок разных групп слов» [Виноградов, 1966, с. 20].

¹⁹⁴ Подробно материал изложен Науменко С. В. Орфографическая вариантность в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова // Русский язык сегодня: сборник научных трудов / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М., 2004. – Вып. 3. – С. 75–83 (в соавторстве с Т. М. Григорьевой); Науменко С. В. Вопросы орфографической нормализации в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова // Русский язык в школе. – 2018. – Т. 79. – № 9. – С. 67–74.

Например, в суффиксах существительных можно было встретить *о* после твердых *ж, ш* и, наоборот, *е* после мягкой *ч*: *лужок, горшок, скачек, зрачек; медвежонок, галченек; душонка, книжонка, но девченка, рученка; дружочек, горшочек, но зрачек, сучечек*. Словарь Ушакова в качестве нормативных закрепил в суффиксах существительных написания с гласной *о* под ударением после *ч*, независимо от ее мягкости: *волчонок* (I, 354), *галчонок* (I, 539), *девчон-*

Безусловно, заявленные нормативные задачи были разрешены словарем в той мере, в какой это было возможно в 30-е гг. [Цейтлин, 1958, с. 122]. Орфография Словаря Ушакова отразила колебания и противоречия, которые существовали в правописании до утверждения Правил 1956. Так, 600 единиц имеют в словаре факультативное написание¹⁹⁵:

Ип(п)одром (I, с. 1124), *компрес(с)* (I, с. 1430), *стел(л)аж* (IV, с. 505); *промокательный* (или редко *промакательный*) (III, с. 964), *коровай* (или *каравай*) (I, с. 1472), *коряга* (или *каряга*) (I, с. 1481), *карачки* (или *корачки*) (I, с. 1319), *калач* (или *колач*) (I, с. 1290); *бечева* (или *бичева*) (I, с. 138), *мачеха* (или *мачиха*) (II, с. 165), *печево* (или *печиво*) (III, с. 250), *снегирь* (или *снигирь*) (IV, с. 318), *завалинка* (*заваленка* устар.) (I, с. 895); *жёлудь* (или *жолудь*) (I, с. 855), *решётка* (или *решотка*) (III, с. 1355), *учёба* (или *учоба*) (IV, с. 1036); *дотошный* (или *доточный*) (I, с. 788), *чуточный* (или *чутошный*) (IV, с. 1307); *дощаник* (или *досчаник*) (I, с. 793), *вожжи* (или *возжи*) (I, с. 339); *шоколад* (устар. *шоколат*) (IV, с. 1359), *азбест* (или *асбест*) (I, с. 18); *диета* (или *диета*) (I, с. 708), *бэкон* (или *бекон*) (II, с. 214), *кэб* (или *кеб*) (I, с. 1562), *кэпи* (или *кепи*) (I, с. 1562), *леди* (или *лэди*) (II, с. 38), *миледи* (пишут, но не произносят *милэди*) (II, с. 212), *мэр* (или *мер*) (II, с. 291), *эвкалипт* (или *евкалипт*) (IV, с. 1392).

Однако нормативная позиция Словаря Ушакова четко видна и в этом случае. Как правило, один из орфографических вариантов сопровождается указанием на меньшую употребительность или неправильность, устарелость. Так, в предисловии поясняется, что в тех случаях, когда в практике наблюдается спорное написание, например, *ватрушка* и *вотрушка*, *калач* и *колач*, то в словаре отражаются оба варианта. Если они могут считаться одинаково допустимыми, то тот, который представляется более распространенным, приводится в качестве *основного*, другой указывается в скобках со словом «или» [Словарь Ушакова, 1935(I), с. XXXI]. Отметим, что при этом предпочтительность и правильность именно основного варианта последовательно подчеркивается с помощью шрифта (*оформление примеров в этом фрагменте текста максимально приближено к тому, как они представлены в словаре*):

БЕЧЁВКА (или бичёвка) (I, с. 138), **КАМОРКА** (или коморка) (I, с. 1299), **ПАРОМ** (или пором) (III, с. 51), **РАЩЕНИЕ** (или рощение) (III, с. 1300), **СГОРАТЬ** (или сгарать) (IV, с. 115),

ка (I, 668), *зайчонок* (I, 941), *зрачок* (I, 117), *пиджачок* (III, 255), *сучок* (IV, 603), *сучочек* (IV, 604), *скачок* (IV, 208).

¹⁹⁵ Варианты представлены в приложении № 7 «Орфографическая вариативность послереформенного периода по данным “Толкового словаря русского языка” под ред. Д. Н. Ушакова».

РИТОРИКА (или реторика) (III, с. 1362), ПЕЧЕВО (или печиво) (III, с. 250), БЕЗУДЕРЖУ (или без удержу) (I, с. 116), ВСКОБКУ (или в скобку) (I, с. 404,) (I, с. 117), НАИЗНАНКУ (или на изнанку) (II, с. 358), НАСМАРКУ (или на смарку) (II, с. 428), ПОЧТДИРЕКТОР (или почт-директор) (III, с. 680), ДИЭЗ (или дизель) (I, с. 719), ЛЕДИ (или лэди) (II, с. 38).

Если же распространенный в практике вариант рассматривается как *неправильный* или *устарелый*, то используются пометы «неправ.» или «устар.»:

ВАЛТОРНА (волторна неправ.) (I, с. 353), ИМПРЕСАРИО (импрессарио неправ.) (I, с. 1197), КОРРИГИРОВАТЬ (чаще, но неправ. коррегировать) (I, с. 1478), КОНУРА (или устар. канура) (I, с. 1451), ПОДСТАТЬ (или устар. под статью) (III, с. 445), ПОРЕЙ (или устар. поррей) (III, с. 603).

Дополнительные, устаревшие или неправильные варианты помещаются в словаре на своих местах в алфавитном порядке, но словарная статья разрабатывается только к основному варианту, указывая тем самым пользователю на его большую предпочтительность и правильность:

БОДЯГА, См. бадяга (I, с. 163); ПИГОЛИЦА, См. пигалица (III, с. 254); ПИЕЛИТ, См. пиэлит (III, с. 255); ПИЕМИЯ, См. пиэмия (III, с. 255); ПИЕСА, См. пьеса (III, с. 255).

Необходимо особо подчеркнуть, что все комментарии и иллюстративный материал словарной статьи, содержащей в заголовке орфографический вариант, включают только основной вариант, что способствует еще большему закреплению его как более предпочтительного в сознании пишущих:

ДИСТИЛЛИРОВАТЬ (или дестиллировать), рую, руешь, *сов.* и *несов.*, что [от латин. *distiilo* или *destillo* - капаю] (спец.). Подвергнуть (подвергать) перегонке, очистить (очищать) перегонкой (жидкости). Д. воду. **Дистиллированная** вода (I, с. 717);

МАСШТАБ [*аш*] (или масштаб), а, м. [нем. *Masstab*]. **1.** Отношение уменьшенных расстояний и размеров на карте и чертеже к действительным. *Географическая карта крупного масштаба. М. – 10 верст в дюйме. В десятиверстном масштабе.* **2.** Мера. *В большом, в маленьком масштабе.* // Охват, значение, размах. *В мировом масштабе. Масштабы производства стали гигантскими.* **Масштаб цен** (экон.). – установленное соотношение между денежными единицами различного наименования (II, с. 157);

МАЧЕХА (или мачиха), и, ж. **1.** Жена отца по отношению к детям от прежнего его брака. **2.** *перен.* О ком-н., чем-н. неблагоприятном, враждебном. *...Деревня была для него мачехой, и он готов был бежать из нее...* Сталин (о крестьянине при капитализме) (II, с. 165);

НЯНЧИТЬСЯ (или нянчиться), чусь, чишься, *несов.*, с кем, чем (разг.). **1.** Ухаживать за кем-н., чем-н., пестовать. *Она век свой нянчится с маленькими ребятами.* Даль. **2.** Хлопотать, возиться с кем-н., чем-н., заботиться о ком-н., чем-н. (ирон.). – *Какой он работник без руки? Вот век целый и будешь с ним нянчиться.* Чехов (II, с. 68);

СГОРАЕМОСТЬ (или сгараемость), и, мн. нет, *ж.* (спец.). Способность **сгорать** (см. гореть в 1 и 3 знач.). (IV, с. 115);

ПИГАЛИЦА (или пиголица), *ы, ж.* 1. То же, что и чибис (зоол.). 2. О невзрачном, худощавом и низкорослом человеке (разг.). *Низенькая, коротенькая женщина, которых обыкновенно называют пигалицами.* Гоголь. (III, с. 254) (выд. мной. – С. Н.).

В производных словах факультативность правописания могла сохраняться:

ДИСТИЛЛИРОВАТЬ (или дестиллировать) (I, с. 717), ДИСТИЛЛИРОВАТЬСЯ (или дестиллироваться) (I, с. 717), ДИСТИЛЛЯТОР (или дестиллятор) (I, с. 717), ДИСТИЛЛЯЦИЯ (или дестилляция) (I, с. 717); КАТЕХИЗИС (или катихизис) (I, с. 1335), КАТЕХИЗИЧЕСКИЙ (или катихизический) (I, с. 1335), КВАСЦЕВАТЬ (или квасцовать) (I, с. 1446), КВАСЦЕВАТЬСЯ (или квасцоваться) (I, с. 1447), ПИЕТИЗМ (или пиэтизм) (III, с. 255), ПИЕТИСТ (или пиэтист) (III, с. 255).

В комментариях внутри словарной статьи и иллюстративном материале в этом случае также последовательно используется только основной вариант, например:

ДИСТИЛЛИРОВАТЬ (или дестиллировать), *рую, руешь, сов. и несов.*, что [от латин. *distiilo* или *destillo* - капаю] (спец.). Подвергнуть (подвергать) перегонке, очистить (очищать) перегонкой (жидкости). Д. воду. *Дистиллированная вода* (I, с. 717);

ДИСТИЛЛИРОВАТЬСЯ (или дестиллироваться), *руюсь, руешься несов.* (спец.). Страд. к **дистиллировать** (I, с. 717);

ДИСТИЛЛЯТОР (или дестиллятор), *а, м.* (спец.) Прибор для **дистилляции** (I, с. 717)

ДИСТИЛЛЯЦИЯ (или дестилляция), *и, мн. нет, ж.* (спец.). Действие по глаг. **дистиллировать** (I, с. 717);

КАТЕХИЗИС (или катихизис), *а, м.* [*греч. katechesis*].

1. Начальный курс христианского богословия, изложенный в форме вопросов и ответов (церк.). **К.** *попался мне в руки после Вольтера.* Грцн. // Название популярных руководств, излагающих кратко основы какой-н. науки, ремесла, искусства (книжн.). **К.** *народоведения. Музыкальный к.* 2. Основные тезисы каких-н. убеждений (книжн. устар.). **К.** *декабристов* (I, с. 1335)

КАТЕХИЗИЧЕСКИЙ (или катихизический), *ая, ое* (книжн. церк.). 1. *Прил. к катехизис.* 2. Изложенный в форме вопросов и ответов (устар.) (I, с. 1335);

КАМФОРНЫЙ и камфарный, *ая, ое.* *Прил. к камфора; с камфорой. Камфорное масло* (I, с. 1300);

КОЛОМЯНКА (или каламянка) и каламенка, *и, мн. нет, ж* (спец.) Прочная льняная ткань для одежды (I, с. 1407);

КОЛОМЯНКОВЫЙ (или каламянковый) и каламенковый, *ая, ое* (спец.). *Прил. к коломянка; из коломянки. К. китель* (I, с. 1407) (выд. мной. – С. Н.).

Нередко производные учитывают орфографию только основного нормативного варианта:

БАЯН (или боян), но БАЯНИСТ (I, с. 98); ВАТРУШКА (или вотрушка), но ВАТРУШЕЧНЫЙ (I, с. 228); КАЗАК (или козак) (I, с. 1280), но КАЗАЦКИЙ, КАЗАЧИЙ, КАЗАЧКА,

КАЗАЧОК, КАЗАЧОНОК (I, с. 1281); ПАРОМ (или паром) (III, с. 51), но ПАРОМЩИК (III, с. 51).

Следует отметить, что Правилами 1956 в качестве нормативного в абсолютном большинстве случаев закреплён именно рекомендуемый словарем основной вариант.

Центральную группу спорных написаний составляют иноязычные слова с колебаниями в выборе *одиночной / удвоенной согласной*, составляющие 34 % (205 единиц) всех орфографических вариантов:

АК(К)ОРД (I, с. 21), ДОП(П)ИНГ (I, с. 771), КАТАР(Р)АКТА (I, с. 1333), РЕС(С)УРС (III, с. 1345), КОЭФ(Ф)ИЦИЕНТ (I, с. 1494), КОРАЛ(Л) (I, с. 1464), КОМ(М)ЕРЦИЯ (I, с. 1423), ПОПУР(Р)И (III, с. 596).

По отзывам современников, вопрос об одиночных и удвоенных согласных в иноязычных словах оказался в послереформенной орфографии «самым больным и спорным». Здесь было невозможно «провести никакого единого принципа»: писали *агрегат* и *агредат*, *аллея* и *алея*, *аллюминий* и *алюминий*, *аккредитив* и *акредитив*, *коэффициент* и *коэфициент*, *терраса* и *тераса*, *оффициальный* и *официальный* [Орфографический справочник, 1936, с. 59; Шапиро, Уаров, 1933, с. 12]. Статус вариантов типа АГ(Г)РЕГАТ в предисловии к толковому словарю, несмотря на их многочисленность (205 единиц), никак не поясняется, однако из текста словарной статьи и графических особенностей ее оформления, как правило, можно установить более предпочтительный вариант, который и следует считать основным:

АК(К)ОРД, а, м. [ит. *accordo*] (муз.). Соединение нескольких (не менее трех) одновременно звучащих звуков, образующих гармоническое музыкальное сочетание. *Взять несколько аккордов на рояле*. Заклучительный **аккорд** (книжн.). – *перен.* заклучительное действие, конец. *Крах предприятия был заклучительным **аккордом** бесхозяйственной деятельности акционеров* (I, с. 21);

АК(К)РЕДИТИВ, а, м. [от латин. *accedo* - доверяю]. 1. Денежный документ, содержащий приказ одного кредитного учреждения другому об уплате кому-н определенной суммы единовременно или по частям (банк.). *По **аккредитивам** вклады выплачиваются в любой сберегательной кассе СССР*. 2. Верительная грамота (дипл.); см. верительный (I, с. 21);

КОМ(М)ЕНТИРОВАТЬ, рую, руешь, *сов.* и *несов.*, *кого-что* [от латин. *commento* – объясняю] (книжн.). Дать (давать) **комментарий** к чему-н., толковать, объяснять. *К. Маркса* (I, с. 1423);

СТЕЛ(Л)АЖ, а, м. [нем. Stellage]. 1. Ряд полок в несколько ярусов (спец.). *В библиотеках книги лежат на стеллажах. Стеллажи для сушки кирпича, торфа.* 2. Приспособление для хранения чего-н. в стоячем положении (спец.). *Поставить весла в стеллажи.* 3. В зданиях, строительных лесах: балка, расположенная на двух опорах (архит., плотн.) (IV, с. 505) (выд. мной. – С. Н.).

Как правило, спорный согласный оказывается в предупредительной позиции перед гласным или согласным (реже):

АК(К)ОМОДАЦИЯ (I, с. 21), АК(К)ОМПАНеМЕНТ (I, с. 21), АК(К)УРАТНый (I, с. 22), АЛ(Л)ИГАТОР (I, с. 27), АКСЕС(С)УАР (I, с. 23), АП(П)ЕТИТ (I, с. 51), АП(П)ЕНДИЦИТ (I, с. 51), АТ(Т)ЕСТАТ (I, с. 69), АС(С)ЕНИЗАЦИЯ (I, с. 64), БАР(Р)ИКАДА (I, с. 91), БУФ(Ф)ОНАДА (I, с. 210), ГРАМ(М)ОФОН (I, с. 615), ИНДИФ(Ф)ЕРЕНТНый (I, с. 1203), КАБ(Б)АЛА (I, с. 1273), КАТАР(Р)АКТА (I, с. 1333), КОМ(М)ЕНТИРОВАТЬ (I, с. 1423), КРИСТАЛ(Л)ОГРАФИЧЕСКый (I, с. 1517), КОМ(М)ЕНТАРИЙ (I, с. 1422), КОМ(М)УНИКАЦИЯ (I, с. 1424);

АГ(Г)РЕГАТ (I, с. 12), АК(К)РЕДИТИВ (I, с. 21), АП(П)РОБАЦИЯ (I, с. 51), АП(П)РЕТУРА (I, с. 51), АП(П)РОШ (I, с. 51), АП(П)ЛИКАЦИОННый (I, с. 51), АТ(Т)РИБУТ (I, с. 69).

Широко в орфографических вариантах представлена также позиция конца слова и между гласными перед ударным:

БУФ(Ф) (I, с. 210), БЕЗБОЛ(Л) (I, с. 104), БЕРИЛ(Л) (I, с. 125), БРИТ(Т) (I, с. 88), ГРИП(П) (I, с. 623), ГРОС(С) (I, с. 627), КОМПРЕС(С) (I, с. 1430), КОРАЛ(Л) (I, с. 1464), КРИСТАЛ(Л) (I, с. 1517), КАТАР(Р) (I, с. 1333);

АК(К)ОРД (I, с. 21), АП(П)ЕНДИКС (I, с. 51), АФ(Ф)ЕКТ (I, с. 71), ГЕМОР(Р)ОЙ (I, с. 549), ДИФ(Ф)УЗИЯ (I, с. 719), РЕС(С)УРС (III, с. 1345), ПОПУР(Р)И (III, с. 596), КОМ(М)ЕРЦИЯ (I, с. 1423), МОЛ(Л)ЮСК (II, с. 247), СТЕЛ(Л)АЖ (IV, с. 505).

Варианты с удвоением согласного в заударной позиции перед согласным единичны: ГУН(Н)Ы (I, с. 639), ДОП(П)ИНГ (I, с. 771). Факультативность написания сохраняется у всех однокоренных слов, представляющих отдельные словарные статьи:

АК(К)РЕДИТИВ (I, с. 21), АК(К)РЕДИТИВНый (I, с. 21), АК(К)РЕДИ-ТОВАТЬ (I, с. 21), АК(К)РЕДИТОВАТЬСЯ (I, с. 21);

КОМ(М)УНИКАТИВНый (I, с. 1424), КОМ(М)УНИКАЦИОННый (I, с. 1424), КОМ(М)УНИКАЦИЯ (I, с. 1424);

КОРАЛ(Л) (I, с. 1464), КОРАЛ(Л)ОВЫЙ (I, с. 1464).

Однако внутри самой словарной статьи пояснения, отсылки и иллюстрации уже не содержат орфографических вариантов, указывая пишущему на предпочтительное и более правильное, по мнению составителей словаря, написание. Как

правило, характерная для языка-источника удвоенная согласная сохраняется (подчеркнуто нами – С. Н.):

АК(К)ОМОДАЦИОННЫЙ, ая, ое (спец.) Прил. к. **аккомодация**;

АК(К)ОМОДАЦИЯ, и, ж. [латин. *accomodatio* - приспособление] (опыт). Приноровление глаза к определенному расстоянию посредством изменения выпуклости хрусталика;

АТ(Т)ЕСТАТ, а, м. [от латин. *attestor* - свидетельствую]. 1. Письменное свидетельство об окончании учебного заведения (устар.). 2. Свидетельство о прохождении службы; рекомендация с места прежней службы. При поступлении на новое место от него потребовали представления аттестата. 3. Документ с указанием происхождения породистых животных (спец.). Аттестат зрелости (дореволюц.) – удостоверение об окончании гимназии. Конкурс аттестатов (дореволюц.) – прием в высшие учебные заведения без экзаменов, на основании отметок в аттестатах (I, с. 219);

АТ(Т)ЕСТАЦИОННЫЙ, ая, ое (офиц.). 1. Являющийся аттестацией (во 2 знач.). Аттестационное свидетельство. 2. Занимающийся аттестацией (в 1 знач.). Аттестационная комиссия (I, с. 220);

АТ(Т)ЕСТОВАННЫЙ, ая, ое; ван, а, о (устар.). Прич. страд. прош. вр. от аттестовать в 1 знач (I, с. 219);

АТ(Т)ЕСТОВАТЬСЯ, туюсь, туешься, сов. и несов., кого-что (устар.). 1. Страд. к аттестовать. 2. кем-чем. Представиться (представляться), заявить (заявлять) себя в качестве кого-н. Он аттестовался мне родственником (в качестве родственника) моего приятеля (I, с. 220);

АТ(Т)ЕСТОВАТЬ, тую, туешь, сов. и несов., кого-что (устар.). 1. Дать (давать) отзыв, аттестат, рекомендовать. Его аттестовали с самой лучшей стороны. 2. Себя. Показать (показывать) с какой-н. стороны. Престранно себя аттестует. Ггль (I, с. 219) (выд. мной. – С. Н.).

По нашим наблюдениям, большинство примеров удвоений связаны с буквами **к**¹⁹⁶, **п** и **с**:

КОМПРЕС(С), а, м. [фр. *compresse*] Повязка, смоченная водой или лекарственным составом и накладываемая на больное место с медицинскими целями. *К. от ушиба. Положить к. Согревающий к.* (прикрытый изолирующей от испарения клеенкой, а сверху слоем ваты) (IV, с. 1267);

¹⁹⁶ Укажем и обратный пример:

АК(К)ОМПАНеМЕНТ, а, мн. нет, м. [фр. *accompagnement*]. 1. Музыкальное сопровождение к сольной партии голоса или инструмента, а также к основной теме, мелодии музыкального произведения (муз.) Петь под **а.** гитары. Тему скерцо исполняют деревянные инструменты, **а.** отдан струнным. 2. перен. Действия, события, сопровождающие что-н. совершающееся, создающие обстановку совершающегося (разг., газет.). Приходится заниматься под постоянный **а.** детского плача. Непрерывные крестьянские волнения служили зловещим **акомпанементом** обсуждению земельной реформы в парламенте (I, 21);

АК(К)ОМПАНИАТОР, а, м. Тот, кто **акомпанирует** (I, 21);

АК(К)ОМПАНИАТОРША, и (разг.). Женск. к. **акомпаниатор**(I, 21);

АК(К)ОМПАНИРОВАТЬ, рую, руешь, несов. Исполнять **акомпанемент**. **А.** певцу или пению на рояле (I, 21).

КОМПРЕС(С)НЫЙ, ая, ое (спец.). *Прил. к компресс. Компрессная клеенка* (IV, с. 1267) (выд. мной. – С. Н.).

Заимствованные слова с согласными **р** и **ф** в толковом словаре, наоборот, обычно не сохраняют этимологическое удвоение:

БАР(Р)ИКАДА, ы, ж. [фр. *barricade*]. Заграждение, сооружаемое из различных громоздких предметов и служащее защитой при уличных боях. *Защитники Коммуны стойко умирали на баррикадах под пулями правительственных войск* (I, с. 91);

КАТАР(Р)АКТА, ы, ж. [греч. *katarraktes*] (мед.). Глазное заболевание, угрожающее потерей зрения и обусловленное помутнением хрусталика. *Снять катаракту* (удалить оперативным путем из глаз хрусталик; разг.) (I, с. 1333);

ДИФ(Ф)УЗИЯ и, ж. [латин. *diffusio*] (физ.) Взаимное проникновение друг в друга разнородных тел, приведенных в соприкосновение. *Д. жидкостей* (I, с. 719);

ДИФ(Ф)УЗНЫЙ, ая, ое (науч.). Смешанный, слитный из разнородных частей, элементов, получившийся путем диффузии (I, с. 719);

ДИФ(Ф)УЗОР, а, м. (тех.) Котел, в котором растворяют, подвергают диффузии заключающийся в свекловице сахар (I, с. 719);

ДИФ(Ф)УНДИРОВАТЬ, рую, руешь, сов. и несов. (физ.) Проникнуть (проникать) посредством диффузии (I, с. 719);

ИНДИФ(Ф)ЕРЕНТНЫЙ, ая, ое; тен, тна, тно, к чему или без доп. [латин. *Indifferens*] (книжн.) Безразличный, безучастный, не проявляющий ни к чему интереса. Индифферентное отношение. Он индифферентен к религии (I, с. 1203) (выд. мной. – С. Н.).

Значительную по объему группу составляют в словаре вариативные написания с **а / о** в безударной позиции (18 % – 110 единиц): *бадяга* (или *бодяга*) (I, с. 76), *лодыжка* (или *ладыжка*) (II, с. 83), *ращение* (или *рощение*) (III, с. 1300), *лисанька* (или *лисонька*) (II, с. 68), *кисонька* (или *кисанька*) (I, с. 1360). Орфография вариантов в равной мере подчиняется как фонетическому, так и этимологическому началу: практически в одинаковом количестве случаев на первом месте может следовать вариант и с **о**, и с **а**: *коровай* (или *каравай*) (I, с. 1316), *коряга* (или *каряга*) (I, с. 1481), *карачки* (или *корачки*) (I, с. 1319), *калач* (или *колач*) (I, с. 1290).

Укажем остальные группы вариативных написаний:

1) **е / и** в безударной позиции (35 единиц) – *бечева* (или *бичева*) (I, с. 138), *мачеха* (или *мачиха*) (II, с. 165) *снегирь* (или *снигирь*) (IV, с. 318). Факультативность связана с тождественностью звуковых реализаций фонем <э> и <и> после мягкого согласного в безударном слоге: *лессировать* (или, редко, *лисировать*) (II, с. 49) *завалинка* (*заваленка* устар.) (I, с. 895), *отчихвостить* (или *отчехвостить*) (II, с. 112). В словаре без явного предпочтения фактора произношения или тради-

ции практически с одинаковой частотностью в качестве основных вариантов выступают как написания с *е*, так и с *и*;

2) *слитно / раздельно / через дефис* (32 единицы) – *на вылет* (или *навылет*) (II, с. 319), *Донжуан* (или *дон-жуан*) (I, с. 765), *недоставать* (или, правильнее, *не доставать*) (II, с. 501), однако большинство вариантов – это наречия (21 единица из 35): *безудержу* (или *без удержу*) (I, с. 116), *бестолку* (или *без толку*) (I, с. 135), *вскобку*, (или *в скобку*) (I, с. 404), *назло* (или *на зло*) (II, с. 355), *смаху* (или *с маху*) (IV, с. 292), *сыспокон* (и *с испокон*) (IV, с. 628), *пополудни* (или *по-полудни*) (III, с. 591). Также в эту группу вошли глаголы с отрицательной частицей *не* и сложные существительные: *невзвидеть* (или *не взвидеть*) (II, с. 483), *невзлюбить* (или *не взлюбить*) (II, с. 483), *Донкихот* (или *дон-Кихот*) (I, с. 765), *почтдиректор* (или *почт-директор*) (III, с. 680), *порт-букет* (и *портбукет*) (III, с. 610). Во всех подгруппах слов в качестве основного рекомендуется слитное написание;

3) *непроизносимые согласные* (25 единиц) – *хлѣснутый* (или *хлѣстнутый*) (IV, с. 1152), *хлобыснуть* (или *хлобыстнуть*) (IV, с. 1154), *хлыснуть* (или *хлыстнуть*) (IV, с. 1158). Вариативность отражения на письме непроизносимого согласного иллюстрирует конкуренцию фонетического и морфологического начал (*хлестать*, *хлыстать*, *хлобыстать*);

4) *э / е в иноязычных словах* (20 единиц) – *диѣта* (или *диета*) (I, с. 708), *бѣкон* (или *бекон*) (II, с. 214), *кѣб* (или *кеб*) (I, с. 1562), *кѣпи* (или *кепи*) (I, с. 1562), *лѣди* (или *лэди*) (II, с. 38), *милѣди* (пишут, но не произносят *милэди*) (II, с. 212), *мѣр* (или *мер*) (II, с. 291), *ѣкалитт* (или *евкалитт*) (IV, с. 1392)¹⁹⁷;

5) *глухой / звонкий согласный* как результат ассимиляции или оглушения в позиции абсолютного конца слова (18 единиц) – *отверзтись* (или *отверстись*) (II, с. 901), *сбитень* (*збитень* неправ.) (IV, с. 59), *форштадт* и *форштат* (IV, с. 1107), *шоколад* (устар. *шоколат*) (IV, с. 1359) и др. В качестве основного указывается вариант, который не отражает позиционные изменения;

¹⁹⁷ Причины вариативности в этой группе подробно анализируется в разделе 4.1.1. «Упорядочение правописания гласных и согласных».

7) *а / е* в безударной позиции после шипящих (16 единиц) – *чабрец* (или *чебрец*) (IV, с. 1229), *чакрыжить* или (*чекрыжить*) (IV, с. 1234), *шаромыжник* (или *шеромыжник*) (IV, с. 1321), *шебарша* (или *шабарша*) (IV, с. 1328).

Единичные примеры также иллюстрируют неустойчивое правописание *о / е (ё)* после шипящих – *жолудь* (или *жёлудь*) (I, с. 877), *решётка* (или *решотка*) (III, с. 1355), *учёба* (или *учоба*) (IV, с. 1036); *сч / щ* – *дощаник* (или *досчаник*) (I, с. 793), *дощатый* (или *досчатый*) (I, с. 793), *дощаной* (или *досчаной*) (I, с. 793); *чн / шн* – *дотошный* (и *доточный*) (I, с. 788), *очечник* (или *очешник*) (II, с. 1034), *очечный* (или *очешный*) (II, с. 1034), *чуточный* (и *чүтошный*) (IV, с. 1307)¹⁹⁸; *и / й* – *иог* (или *йог*) (I, с. 1222), *иокшир* (или *йокшир*) (I, с. 1223), *иот* (или *йот*) (I, с. 1222); написание с *ь / без ь* – *кенар* и *кенарь* (I, с. 1350), *кизил* и *кизиль* (I, с. 1352), *нянчить* (или *няньчить*) (II, с. 607); *и / я* в безударной позиции – *намерить* (или *намерять*) (II, с. 382), *недомерить* (или *недомерять*) (II, с. 499), *померить* (встречается также написание *померять*) (III, с. 560); **ассимиляции** по месту образования – *вожжи* (или *возжи*) (I, с. 331), *масштаб* (или *маштаб*) (II, с. 157), *пачули* (или реже *патчули*) (III, с. 74).

Характерное для Д.Н. Ушакова отношение к орфографическим вариантам (выбор – «дело не орфографии») находит свое выражение и в толковом словаре¹⁹⁹. Во-первых, среди них отсутствуют равноправные, один из вариантов обязательно получает характеристику *дополнительный / устарелый / неправильный*. Во-вторых, в тексте словарной статьи (комментарии, иллюстративный материал) последовательно используется именно основной вариант, который осознается как более предпочтительный, следовательно – более правильный и нормативный. Для читателя этот статус основного варианта подчеркивается не только с помощью помет, но и особенностей его графического оформления. В-третьих, оформление производных последовательно также учитывает именно основной вариант. Нако-

¹⁹⁸ Причины вариативности в группах *о / е (ё)* после шипящих, *сч / щ* и *чн / шн* подробно анализируются в разделе 4.1.1. «Упорядочение правописания гласных и согласных».

¹⁹⁹ «Научная деятельность Д.Н. Ушакова была подчинена глубокому пониманию того, что «устойчивая орфография принадлежит к числу культурных ценностей» [Панов, 2004, с. 514]. Подробно в разделе 2.2. «Концепция безвариативной нормы в школьном “Орфографическом словаре”» Д.Н. Ушакова».

нец, орфографические варианты представлены только в позиции заглавного слова, где их отсутствие (при общей неупорядоченности послереформенного правописания) могло бы существенно затруднить поиск конкретного слова, ограничив тем самым функциональные возможности и нормативное влияние словаря на орфографическую практику. Вместе это отвечает представлению, что будущая орфографическая норма не должна предусматривать выбор.

Принципиально важным для упорядочения правописания был и тот факт, что рекомендации Словаря Ушакова и школьного орфографического словаря, как правило, не противоречили друг другу, формируя единое представление об орфографическом эталоне. Так, совпадают рекомендации в части унификации спорных написаний сложных прилагательных-терминов, образованных от двух существительных, и прилагательных со значением оттенка цвета, правописания гласных *o / e (ё)* под ударением после шипящих в суффиксах существительных, *н / нн* у прилагательных и причастий. Во-вторых, основной вариант толкового словаря последовательно указывается в орфографическом словаре в качестве нормативного: *аккорд, аттестат, атрибут, коммерческий, компресс, ватрушка, казак, кавычки, метель, бечева, мачеха, риторика, возжи, свистнуть*. Приведем немногочисленные обратные примеры, связанные с правописанием *э / е* после гласной *и*, одиночных и удвоенных согласных *р* или *ф* в иноязычных словах, безударных непроверяемых гласных *о* и *а*: основной вариант в толковом словаре – *диэ́та, диэ́з, ба́рикада, забарикадировать, диффу́зия, дифференциальный, коэффициент, индифферентизм, индифферентность, ко́ровой, камфо́ра, ко́щей, ма́кать*, тогда как в орфографическом – *диэ́та, диэ́з, ба́ррикада, забаррикадировать, диффу́зия, дифференциальный, коэффи́циент, индифферен́тизм, индифферен́тность; карава́й, камфа́ра, ка́щей, мо́кать*. Следует указать и на пример *гри́позный* (I, с. 623) в толковом словаре, но *гри́пп* в орфографическом словаре. При этом этимологическое удвоенное *пп* в иноязычных словах, как правило, основные варианты в толковом словаре сохраняют: *аппа́рат* (I, с. 50), *аппенди́цит* (I, с. 51), *аппети́т* (I, с. 51), *апплика́ция* (I, с. 51), *аппре́тура* (I, с. 51).

Выход толкового словаря современники называли событием «первостепенной важности», он широко освещался в периодической печати:

<...> Словарь систематически оказывает большую помощь педагогам, являясь необходимым пособием для каждого учителя русского языка, который в повседневной своей работе обращается к этому словарю за справками по семантике и употреблению слов, грамматическим вопросам, по орфоэпии и орфографии, по этимологии иностранных слов, по фразеологии и идиоматике и т.п. [Редакционная статья (РЯШ), 1941, с. 81].

Нормализаторский резонанс Словаря Ушакова был, бесспорно, внушительным. В однотоном «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (1-е изд., 1949 г.) спорные написания уже не нашли отражения²⁰⁰. Как правило, в орфографических рекомендациях С. И. Ожегов ориентируется на школьный орфографический словарь Д. Н. Ушакова и толковый словарь под его редакцией. Исключение составляют отдельные примеры, связанные с написанием *е* (а не *э*) в корне заимствований (*бекон, кеб, кепи*); *ё* (а не *о*) после шипящих в некоторых корнях (*жёлб, жёлудь, жёрнов*), отдельным написанием ряда наречных сочетаний при слитном в толковом словаре (*без удержу, без толку*), сохранением исконных удвоенных согласных *р* и *ф* в заимствованиях (*баррикада, диффузия, дифференциальный, коэффициент, индифферентность*).

Таким образом, Словарь Ушакова во многом задает то направление, по которому в следующее десятилетие пойдет стандартизация правописания:

<...> Орфография современного русского языка выросла не только из школьного «Орфографического словаря» Д. Н. Ушакова (и С. Е. Крючкова) и подготовленного при его активном участии Свода 1956 г., но и особенно из «Толкового словаря русского языка» под его редакцией [Отечественные лингвисты XX в., 2003, с. 63].

Отражая противоречия, существовавшие в правописании своего времени, Словарь Ушакова в то же время ярко обнаруживает движение к стабильной и единой орфографии, необходимость которой была предметом обсуждения множества публикаций, где характерные для послереформенного периода разнобой и неупорядоченность получили отрицательную оценку специалистов, педагогов и рядовых пишущих. Словарь Ушакова оказывается последним лингвистическим источником, иллюстрирующим неупорядоченность русского правописания в та-

²⁰⁰ «В вопросах правописания, как и в вопросах произношения и ударения, автор словаря стремился избежать двойственных указаний» [Цейтлин, 1958, с. 130].

ком объеме. В качестве орфографического идеала представляется четкая и единообразная система правописания, где из двух спорных написаний нормативным может быть признано только одно.

2.4. Вариативные написания

в «Словаре современного русского литературного языка» (1950 – 1965 годы)

Оригинальный опыт издания нормативного характера с элементами историзма в описании не только семантических, синтаксических, грамматических свойств, но и орфографических особенностей лексики послереформенного периода представляет большой академический 17-томный «Словарь современного русского литературного языка» под редакцией В. И. Чернышева, С. П. Обнорского, В. В. Виноградова (1950–1965 гг.). Орфографическая характеристика слова объединяет в словаре два аспекта: синхронический и диахронический. Первый отражает написание, соответствующее установившимся нормам послереформенного правописания, а второй указывает на орфографию слова в прошлом:

1. <...> Являясь... нормативным, настоящий словарь ... характеризует слово со стороны грамматической, включая указания на особенности его произношения и написания..., дает в справочном отделе сведения по истории языка: словообразованию, правописанию, ударению слов;

2. <...> В словаре отмечаются орфографические варианты, наблюдающиеся более или менее последовательно... в изданиях всего охватываемого словарем периода – от Пушкина (а часто и предпушкинской поры), особенно варианты, закрепленные орфографическими словарями и соответствующими учебными пособиями [БАС, 1948(I), с. XVI].

Таким образом, в словаре отражаются следующие орфографические варианты:

– характерные для широкого исторического периода XIX–XX вв.: *па(о)ром*, *пе(и)скарь*, *ра(о)сти*, *леде(я)неть*, *маче(и)ха*; *впросак* и *в просак*, *дотла* и *до тла*, *вмиг* и *в миг*, *вдребезги* и *в дребезги* [БАС, 1950 (I), XVI];

– встречающиеся лишь «у старых авторов XVIII–XIX вв.», передающие этимологию слова или отражающие произношение той эпохи, например: *есть ли (если)*, *несумненно*, *аглицкий*, *сурьезный*, *паипорт* [Там же].

Итак, словарь должен был служить авторитетным справочником по современной орфографии для широкого круга читателей, в том числе работников печати, учителей, студентов, отражая при этом спорные написания, характерные для орфографической практики XIX–XX вв.²⁰¹ [Там же, с. I].

Орфографические варианты описываются в справочном отделе в конце словарной статьи. Для разграничения актуальных для послереформенного периода и исторических вариантов написаний используются соответствующие пометы:

1) »С *иным* *написанием*», «С *иным, раздельным* *написанием*», «С *иным, слитным и раздельным* *написанием*»:

Брудер, с *иным* *написанием* *брудэр* (I, с. 648); *втридешева*, с *иным* *написанием* *в-три-дешева* (II, с. 914); *диффракция*, с *иным* *написанием* *дифракция* (III, с. 816); *галерея*, с *иным* *написанием* *галлерей* (III, с. 22); *катаральный*, с *иным* *написанием* *катарральный* (V, с. 965); *комментарий*, с *иным* *написанием* *коментарий* (V, с. 1240); *коэффициент*, с *иным* *написанием* *коэфициент* (V, с. 1564); *вырождаться*, с *иным* *написанием* *выражаться* (II, с. 1187, 1199); *взраст*, *взраст*, с *иным* *написанием* *вростать*, *врости* (II, с. 793); *кошёлка*, *кошёлочка*, с *иным* *написанием* *кошолка*, *кошолочка* (V, с. 1557); *жёлоб*, с *иным* *написанием* *жолоб* (IV, с. 62); *гобелен*, с *иным* *написанием* *гобелэн* (III, с. 189); *каберне*, с *иным* *написанием* *кабернэ* (V, с. 628); *безидейность*, с *иным* *написанием* *безыдейный*, *безыдейный*, *безыдейность* (I, с. 367); *Григорианский*, с *иным* *написанием*: *грегорианский* (III, с. 380, 400); *Врасплох*, с *иным, раздельным* *написанием* *в расплох* (II, с. 792); *Вдесятеро*, с *иным, раздельным* *написанием* *в десятеро* (II, с. 95); *Вперекор*, с *иным, раздельным* *написанием* *в перекор* (II, с. 759); *Впросак*, с *иным, раздельным* *написанием* *в просак* (II, с. 778); *Вполглаза*, с *иным, дефисным* *написанием* *в-полглаза* (II, с. 770); *Во-свои*, с *иным (слитным и раздельным)* *написанием* *во-свои*, *во свои* (II, с. 691);

2) »С *иным (устар.)* *написанием*», «С *иным, раздельным (устар.)* *написанием*», «С *иным, дефисным (устар.)* *написанием*», «С *иным, раздельным и дефисным (устар.)* *написанием*»:

Аккорд, с *иным (устар.)* *написанием* *акорд* (I, с. 74); *акула*, с *иным (устар.)* *написанием* *аккула* (I, с. 86); *импресарио*, с *иным (устар.)* *написанием*: *импрессарио*, *импрезарио* (V, с. 318); *кассета*, с *иным (устар.)* *написанием*: *касета* (V, с. 854); *вдрызг*, с *иным, раздельным (устар.)* *написанием* *в дрызг* (II, с. 105); *квинтэссенция*, с *иным, дефисным (устар.)* *написанием* *квинт-эссенция* (V, с. 917); *начистоту*, с *иным, раздельным и дефисным (устар.)* *написанием* *на чистоту*, *на-чистоту* (VII, с. 667); *наотрез*, с *иным, раздельным и дефисным (устар.)* *написанием* *на отрез*, *на-отрез* (VII, с. 357); *вожжи*, с *иным (устар.)* *написанием*: *возжи* (II, с. 528); *калач*, с

²⁰¹ «Словарь должен служить авторитетным справочным пособием по современной орфографии и в то же время показывать колебания и противоречия при написании слов за период XIX–XX вв.» [Соловьев, 1978, с. 159].

иным (устар.) написанием: *колач* (V, с. 701); *крапива*, с иным (устар.) написанием: *кропива* (V, с. 1577); *кабаре*, с иным (устар.) написанием: *кабарэ* (V, с. 619).

Следует отметить, что эта группа помет употребляется не всегда последовательно. Так, в справочном отделе словарной статьи нередко приводятся вариативные написания, которые читателю сложно квалифицировать именно как устаревшие, поскольку они не сопровождается специальными пометами:

Гиппология, и, ж. Наука, ставящая своей задачей изучение организма лошади и способов улучшения коневодства. **Гиппологический**, ая, ое. – Даль, Слов.: *гиппология*; Слов. Акад. 1892: гиппология, гиппологический (жирный курсив мой – С. Н.) (III, с. 108);

Иван-да-марья, **Иван-да-марьи**, ж. Однолетнее растение с двойной окраской соцветий: желтые цветки выделяются на фоне фиолетово-синих лепестков; марьянник. *Всюду пестрели голубые грозди журавлиного гороху, золотые чашечки куриной слепоты, наполовину лиловые, наполовину желтые цветы Ивана-да-марьи.* Тург. Касьян с Крас. Мечи. *Иван-да-марья, Цветок двойной... Мне неприятен твой вид в траве: Ряд желтых пятен на синеве.* Брюс. Иван-да-марья. *Наклоняюсь к голубому цветку и с удивлением узнаю в нем Ивана: это один Иван остался от прежнего двойного цветка, всем известного **Ивана-да-Марьи**.* Пришв. Времена года.

– В иной форме: *род. ед.* Ивана-да-марьи (прим. см. выше). – Нордстет, Слов. 1780: *Иван да Марья*; Слов. Акад. 1847: *Иван-да-Марья* (жирный курсив мой. – С. Н.) (V, с. 12);

Кавардачок, чка, м. Уменьш.-ласк. к кавардак (в 1-м знач.). *Пьер подсел к огню и стал есть кавардачок, то кушанье, которое было в котелке.* Л. Толст. Война и мир. – Слов. Акад. 1906–1907: *кавардачѣк* (жирный курсив мой. – С. Н.) (V, с. 635).

Характеризуя исторические написания в словаре, следует сделать два важных замечания. Во-первых, как поясняется в предисловии, варианты, связанные с орфографической реформой 1917–1918 гг., «не принимаются во внимание и не отмечаются» [БАС, 1950(I), XVI]. Редакционной коллегией словаря не аргументируется необходимость указывать одни исторические написания, но не отражать другие. В связи с этим за пределами словаря остаются такие широко обсуждавшиеся в ходе орфографических дискуссий XIX – начала XX вв. группы спорных написаний, как *две(ѣ)нацать*, *зме(ѣ)я*, *сне(ѣ)сь*; *ариф(Ѳ)метика*, *миф(Ѳ)*, *корифе(Ѳ)й*, *скиф(Ѳ)*, *сф(Ѳ)ера*; *ключь(ѣ)*, *врачь(ѣ)*, *плачь(ѣ)*; *вос(з)приятие*, *рас(з)судить*, *черес(з)полосный* и т.д. Во-вторых, академический словарь очень выборочно фиксирует и не связанные с реформой орфографии 1917–1918 гг. ва-

рианты²⁰². В связи с этим корпус спорных написаний русской орфографии XIX–XX вв. получает в словаре фрагментарное отражение, что не в полной мере соответствует заявленному составителями словаря стремлению «показать процесс становления написания слова в течение определенного отрезка времени»²⁰³ [Соловьев, 1978, с. 159]. Избирательность в представлении в словаре устаревших написаний не только отдельных слов, но и целых групп не позволила словарю в полной мере отразить динамику орфографической нормы в исторической перспективе.

Пометы «С иным написанием», «С иным, отдельным написанием», «С иным, слитным и отдельным написанием» характеризуют варианты как допустимые в современной орфографической практике. Допустимый вариант имеет отдельную словарную статью, где приводится отсылка к более предпочтительному (основному) варианту:

Агрегат, См. *Аггрегат* (именно так – С. Н.) (I, с. 41,47); *Жолудь*, См. *Желудь* (IV, с. 182); *В густую*, См. *Взустую* (II, с. 89); *Кабала*, См. *Каббала* (V, с. 631), *Мачиха*, См. *Мачеха* (V, с. 726).

Встречаются в словаре и запретительные пометы «С иным (неправ.) написанием / правописанием», «Неправильно»:

Аркебузировать, с иным (неправ.) правописанием *аркибузировать* (I, с. 185); *асеньки*, с иным (неправ.) правописанием *асиньки* (I, с. 213); *бисировать*, с иным (неправ.) написанием *биссировать* (I, с. 460); *брезжит*, с иным (неправ.) написанием *брезжет* (I, с. 623); *каротель* с иным (неправ.) написанием *коротель* (V, с. 826); *корригировать*, с иным (неправ.) написанием *коррегировать* (V, с. 1476); *компоновать*, с иным (неправ.) написанием *компановать* (V, с. 1265); *компоновка*, с иным (неправ.) написанием *компановка* (V, с. 1265); *демикотонный*, с иным (неправ.) написанием *демикатонный* (III, с. 688), *варежки*, с иным (неправ.) написанием *варешки* (II, с. 52). В качестве равноправных указываются единичные варианты: *аттрибут* и *атрибут* (I, с. 220); *бэкон* и *бекон* (I, с. 370,732); *камфора* и *камфара*, *камфорный* и *камфарный* (V, с. 738).

²⁰² В словаре оказались не представлены, например, *аб(б)ревиатура*, *адрес(с)*, *акс(с)есуар*, *ас(с)игнация*, *ат(т)аше*, *алоэ(е)*, *аф(ф)ёра*, *ба(о)ломут*, *бал(л)аст*, *ба(о)сурман*, *ба(о)храма*, *бут(т)ерброд*, *гаупт(-)вахта*, *гре(в)шо(е)к*, *жё(о)лчь*, *жё(о)сткий*, *жё(о)лтый*, *зелен(ь)щик*, *зая(е)ц*, *ка(о)ра(о)пуз*, *ко(а)выль*, *ко(а)чан*, *клие(э)нт*, *ла(о)пта*, *ло(а)хань*, *пе(и)ликан*, *А(а)вгуст*, *В(е)осток*, *К(к)адетский* и т.д.

²⁰³ В. В. Виноградов отмечал, что «элементы историзма в бессистемном, отрывочном виде выступают в справочном отделе. Справки такого рода нередко очень формальны» [Виноградов, 1966, с. 17].

Методом сплошной выборки в пяти томах академического словаря (А–Б (I), В (II), Г–Е (III), Ж–З (IV), И–К (V)), изданных до утверждения в Правил 1956, нами было обнаружено почти 300 вариантов, которые характеризуются как актуальные для современной орфографической практики.

В числе самых частотных актуальных вариантов словарь отражает следующие группы неустойчивых в послереформенной практике написаний²⁰⁴:

1. Слитно / отдельно / через дефис, где для всей группы в качестве основного, как правило, рекомендуется слитное написание (105 единиц, 34 %):

наречия (70 единиц): *в()долбежку* (II, с. 99), *в()замен* (II, с. 272), *в()зашей* (II, с. 274), *в()конец* (II, с. 417), *в()перегонки* (II, с. 756), *в()перекор* (II, с. 759), *в()перемежку* (II, с. 759), *в()перемешку* (II, с. 759), *в()перерыв* (II, с. 759), *в()перехват* (II, с. 759), *в()полголоса* (II, с. 770), *в()прикуску* (II, с. 776), *в()припрыжку* (II, с. 777), *в()присядку* (II, с. 777), *в()просонках* (II, с. 779), *в()проголодь* (II, с. 778), *в()разброд* (II, с. 788), *в()разбивку* (II, с. 788), *в()развалку* (II, с. 789), *в()раздробь* (II, с. 790), *в()разлад* (II, с. 790), *в()старину* (II, с. 876), *в()десятеро* (II, с. 95), *в()торопях* (II, с. 912), *в(-)полсыта* (II, с. 772), *в(-)праве* (II, с. 775), *в(-)прок* (II, с. 778), *в(-)горячах* (II, с. 88), *в(-)засос* (II, с. 273), *в(-)три(-)дорога* (II, с. 914), *в(-)три(-)дешева* (II, с. 914), *в(-)четвером* (II, с. 934), *в()шестером* (II, с. 934), *до(-)красна* (III, с. 917), *до(-)нельзя* (III, с. 975);

существительные (23 единицы): *волей(-)бол* (II, с. 608), *дизель(-)мотор* (III, с. 782), *бильд(-)аппрат* (I, с. 454), *блан(-)манже* (I, с. 501), *карт(-)блани* (V, с. 830), *камер(-)коллегия* (V, с. 730), *камер(-)лакей* (V, с. 730), *камер(-)паж* (V, с. 731), *киноаппарат* (V, с. 948), *квипро-кво* (V, с. 917), *куклусклан* (V, с. 1802), *крепдешин* (V, с. 1619), *кольчугалюминий* (V, с. 1210), *деми(-)сезон* (III, с. 689), *Донжуан (дон-жуан, дон-Жуан)* (III, с. 975), *Донкихот (дон-кихот, Дон-Кихот)* (III, с. 977, 978);

прилагательные (12 единиц): *густо(-)зеленый* (III, с. 496); *двадцати(-)двухлетний* (III, с. 570), *двух(-)годовой* (III, с. 602, 615), *двух(-)мачтовый* (III, с. 618), *двух(-)оконный* (III, с. 620), *двух(-)пудовый* (III, с. 602, 620), *(-)градусный* (III, с. 356), *до(-)исторический* (III, с. 832, 901), *до(-)петровский* (III, с. 832, 986), *до(-)реформенный* (III, с. 1002, 1003), *кисло(-)сладкий* (V, с. 970).

Из 70 проанализированных наречий на букву **В**, для которых Словарь Ушакова последовательно регламентирует только слитное написание (*вдолбежку* (I, с. 236), *взамен* (I, с. 270), *вконец* (I, с. 305), *вперемешку* (I, с. 385) *вперегонки* (I, с. 385), *вперерыв* (I, с. 385), *впроголодь* (I, с. 390)), в академическом словаре для более 50

²⁰⁴ Подробно материал изложен Науменко С. В. Вариативность в русской орфографии (XVIII–XX вв.): монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2019. – 356 с.

наречий отмечается возможность вариативного дефисного или отдельного написания, иногда даже сразу двух²⁰⁵.

Орфографические варианты в группе сложных прилагательных в Словаре Ушакова вообще не встречаются, среди существительных указывается только пять вариативных пар. Таким образом, Словарь Ушакова в части упорядочения правописания наречий, сложных прилагательных и существительных занимает гораздо более жесткую и последовательную позицию, чем академический словарь, регламентируя в спорных случаях единственное нормативное написание. Подобная несогласованность рекомендаций отрицательно сказывалась на орфографической практике, поскольку, например, допущение столь значительного числа вариативных написаний в области наречий по сравнению с более ранними нормативными источниками в определенной мере дестабилизировало ситуацию и мало отвечало задаче упорядочения, дезориентируя и обычных пишущих, и издательских работников.

2. Одиночная / удвоенная согласная в иноязычных словах (50 единиц, 16 %):

Ак(к)омпанемент (I, с. 74), *ак(к)уратный* (I, с. 76), *ас(с)амблея* (I, с. 206), *ас(с)есор* (I, с. 203), *галл(л)ерея* (III, с. 23), *грас(с)ировать* (III, с. 373), *гросс(с)мейстер* (III, с. 422), *гросс(с)* (III, с. 422), *гут(т)апечча* (III, с. 507, 508), *дагер(р)отипия* (III, с. 536), *дистилл(я)ция* (III, с. 811), *диф(ф)ракция* (III, с. 816), *дрес(с)ировать* (III, с. 1118), *кааб(б)ала* (V, с. 621), *кар(р)арский* (V, с. 827), *каприч(ч)ио* (V, с. 790), *катар(р)* (V, с. 965), *квинтил(л)и(ь)он* (V, с. 917), *кирил(л)ица* (V, с. 962), *кран(н)* (V, с. 1579).

Напомним, что в Словаре Ушакова группа вариантов с одиночной / удвоенной согласной в иноязычных словах, наоборот, была самой многочисленной, включая 205 вариантов с учетом однокоренных. В академическом словаре для большинства слов из этой группы возможность вариативного написания уже не отмечается. Так, в Словаре Ушакова для 31 иноязычного слова (с учетом однокоренных – 74 единицы) на букву **А** указывается вариант, тогда как в академиче-

²⁰⁵ Для таких наречий указываются в качестве допустимого отдельное и дефисное написание одновременно: *век*, с иным (раздельным и дефисным) написанием *в век* и *в-век* (II, 72); *вовнутрь*, с иным (раздельным и дефисным) написанием *во внутрь* и *во-внутрь* (II, 490); *вповалку*, с иным (раздельным и дефисным) написанием *в повалку* и *в-повалку* (II, 770); *в половину* и *в-половину* (II, 772); *вразмах*, с иным (раздельным и дефисным) написанием *в размах* и *в-размах* (II, 790); *дотла*, с иным (раздельным и дефисным) написанием *до тла* и *до-тла* (II, 1058, 1059).

ском словаре вариативность сохраняется только для 6 единиц (как правило, с удвоенной согласной в основном варианте):

Агломерат, с иным написанием *агломерат* (I, с. 41, 44); *агрегат*, с иным написанием *агрегат* (I, с. 41, 47); *аккуратный*, с иным написанием *аккуратный* (I, с. 76); *ассамблея*, с иным написанием *ассамблея* (I, с. 206); *ассессор*, с иным написанием *ассесор*, *ассессор* (I, с. 202); *равноправные* варианты *аттрибут* и *атрибут* (I, с. 220).

Здесь, как и в Словаре Ушакова, спорный согласный, за исключением примера *ассессор*, оказывается в предупредительной позиции перед гласным или согласным. В остальных случаях в качестве нормативного регламентируется только одно написание (при этом наличие вариативности в прошлом зачастую не отмечается), например:

Аккомодация (I, с. 73), *аккредитив* (I, с. 75), *аллигатор* (I, с. 96), *аллилуйный* (I, с. 96), *алло* (I, с. 97), *апликация* (I, с. 171), *апробация* (I, с. 172), *аппарат* (I, с. 168), *аппетит* (I, с. 170), *аппретура* (I, с. 171), *апрош* (I, с. 172), *ассигнация* (I, с. 206), *ассортимент* (I, с. 209), *ассенизация* (I, с. 206), *аксессуары* (I, с. 79), *аттестат* (I, с. 219), *аффект* (I, с. 225), *аккорд*, с иным (устар.) написанием *акорд* (I, с. 74), *акклиматизация*, с иным (устар.) написанием *аклиматизация* (I, с. 73).

Для вариативных написаний рекомендуемые словарем в качестве основных варианты сохраняют этимологическое удвоение согласных: из 50 только для 12 пар в качестве основного указывается написание с одиночной согласной, например:

Дилетант, с иным написанием *диллетант* (III, с. 790); *катар*, с иным написанием *катарр* (V, с. 864); *катаральный*, с иным написанием *катарральный* (V, с. 865); *каре*, с иным (устар.) написанием *карре* (V, с. 815); *крапак*, с иным написанием *краппак* (V, с. 1578)²⁰⁶; *кронглас*, с иным написанием *кронгласс* (V, с. 1699), *дефензива* (устар.), с иным написанием *деффензива* (III, с. 755); *десерт*, с иным написанием *дессерт* (III, с. 738); *гросбух*, с иным написанием *гроссбух* (III, с. 422); *гросмейстер*, с иным написанием *гроссмейстер* (III, с. 422); *брас* (морск., снасть), с иным написанием *брасс* (I, с. 607); *бретёр*, с иным написанием *бреттёр* (I, с. 626).

Отметим, что в Словаре Ушакова слова *брас*, *бретёр*, *дефензива*, *десерт*, *дилетант*, *каре*, *кронглас* не имели вариантов написаний. Таким образом, академический словарь, по возможности, стремится избегать вариативных написаний иноязычных слов, как правило, сохраняя в процессе регламентации исконное

²⁰⁶ В Словаре Ушакова только *краппак* (I, 1497).

удвоение согласных. Значительное по сравнению со Словарем Ушакова уменьшение количества орфографических вариантов, с одной стороны, отражает тенденцию к постепенному упорядочению правописания в целом, с другой стороны, свидетельствует о четкой нормативной стратегии академического словаря в части выбора одиночной / удвоенной согласной иноязычных слов. Отметим, что при этом словарь в ряде случаев рекомендует вариативное написание там, где его ранее не отмечал Словарь Ушакова.

3. Безударные гласные *a* / *o* в корне слова (24 единицы):

Валуй, с иным написанием *волуй* (II, с. 39); *вратать*, *врати*, с иным написанием *вротать*, *вроти* (II, с. 793); *догорать*, с иным написанием *догарать* (III, с. 883); *каравай*, с иным написанием *коровай* (V, с. 797); *карачки*, с иным написанием *корачки* (V, с. 809); *карга*, с иным написанием *корга* (V, с. 813); *карачун*, с иным написанием *корочун* (V, с. 810); *колбасный*, с иным написанием *калбасный* (V, с. 1138); *козонок*, с иным написанием *казанок* (V, с. 1120); *коломянка*, с иным написанием *каламянка* (V, с. 1178); *кондер*, с иным написанием *кандер* (V, с. 1280); *косатка*, с иным написанием *касатка* (V, с. 1498); *кощей*, с иным написанием *кащей* (V, с. 1562); *закорячиться*, с иным написанием *закарячится* (IV, с. 561); *заря*, с иным написанием *зоря* (IV, с. 866); *доха*, с иным написанием *даха* (III, с. 1066).

Содержательно корпус вариантов в академическом словаре и Словаре Ушакова оказывается практически идентичным. В общих для двух источников словах рекомендации в части указания основных вариантов совпадают. Но отдельные дополнительные или неправильные варианты из Словаря Ушакова квалифицируются в академическом словаре уже как неактуальные для орфографической практики и устаревшие:

Валторна, с иным (устар.) написанием *волторна* (II, с. 39); *ватрушка*, с иным (устар.) написанием *вотрушка* (II, с. 62), *калач*, с иным (устар.) написанием *колач* (V, с. 701); *кавычки*, с иным (устар.) написанием *ковычки* (V, с. 689); *каморка*, с иным (устар.) написанием *коморка* (V, с. 785).

Как видим, в целом нормативные установки академического словаря и Словаря Ушакова для этой группы обнаруживают много общего, иллюстрируя тенденцию писать букву *a* в словах с редуцированным звуком в первом предударном слоге (при выборе написания с *o* или *a*) как наиболее соответствующую произношению [Соловьев, 1978, с. 164].

Кроме того, в словаре представлены и такие относительно немногочисленные подгруппы вариативных написаний, как, например:

1) **глухой / звонкий или непроносимый согласный** – *Кобчик*, с иным написанием *копчик* (V, с. 1084); *дивиденд*, с иным написанием *дивидент* (III, с. 778); *захлестнуться*, с иным написанием *захлестуться* (IV, с. 1056); 2) **гласные о / е (ё) после шипящих и ц** – *Ежёвый*, с иным написанием *ежовый* (III, с. 1247); *гороховый*, с иным написанием *горошевый* (III, с. 428); *жёлоб*, с иным написанием *жолоб* (IV, с. 62); *жёлудь*, с иным написанием *жолудь* (IV, с. 70); *глянцевый*, с иным написанием *глянцовый*, *глянцовитый* (III, с. 166); 3) **сочетание чн / ин** – *Городошник* (игрок в городки), с иным написанием *городчник* (III, с. 306); *гречневик*, с иным написанием *грешневик* (III, с. 394, 395); 4) **с мягким знаком и без него** – *вынянчить*, с иным написанием *выняньчить* (II, с. 1129, 1130); *допрежь*, с иным написанием *допреж* (III, с. 996); *банщик*, с иным написанием *баньщик* (I, с. 270); 5) **ы / и на стыке приставки без- и корня с и** – *безынициативный*, с иным написанием *безинициативный* и *безынициативность* (I, с. 368); *безыдейный*, с иным написанием *безыдейный* и *безыдейный*, *безыдейно*, *безыдейность* (I, с. 367); 6) **безударные гласные и / е (20 единиц) в корне и суффиксе (редко)** – *бечева*, с иным написанием *бичева* (I, с. 445); *давеча*, с иным написанием *давича* (III, с. 528, 529) *динарий*, с иным написанием *денарий* (III, с. 793); *дежа*, с иным написанием *дижа* (III, с. 646); *дехкане*, с иным написанием *дихкане* (III, с. 757); *дистилляция*, с иным написанием *дестилляция* (III, 811); *гуленька*, с иным написанием *гулинька* (III, с. 477, 478); *двоечка*, с иным написанием *двоичка* (III, с. 569)²⁰⁷; 7) **э / е в иноязычных словах** – *гобелен*, с иным написанием *гобелэн* (III, с. 189); *джентльмен*, с иным написанием *джентльмэн* (III, с. 763, 764); *денди*, с иным написанием *дэнди* (III, с. 697); *дизе*, с иным написанием *диэз* (III, с. 781); *диета*, с иным написанием *диэта* (III, с. 781)²⁰⁸; 8) **прописная / сточная буквы** – *Купидон*, с иным написанием *купидон* (V, с. 1846); *Каин*, с иным написанием *каин* (V, с. 679); 9) **сочетание сч / щ** – *вощанка*, с иным написанием *восчанка* (II, с. 697); *дощаный*, с иным написанием *досчаный* (III, с. 1022); 10) *войти*, с иным написанием *войди* (II, с. 603, 924); *идти*, с иным написанием *итти* (V, с. 58).

Следует указать, что иллюстративный материал в словарной статье нередко включает в себя как основной, так и дополнительный вариант. Это в определенной степени нивелирует для рядового читателя нормативную градацию имеющих вариативных написаний, поскольку в такой ситуации основной вариант не всегда осознается как более предпочтительный:

²⁰⁷ В соответствии с нормативными указаниями Словаря Ушакова единственно возможными считаются, например, написания *давеча* (I, 646), *дежа* (I, 671), *дехкан* (I, 701), *динарий* (I, 711), *гуленька* (I, 637). Таким образом, академический словарь увеличивает круг слов, в которых допускается вариативность написаний, тем самым усиливая орфографическую неустойчивость этих слов.

²⁰⁸ В Словаре Ушакова и Словаре Ожегова к моменту выхода академического словаря были регламентированы *гобелен*, *джентльмен*, *денди*, *каберне* (Д. Н. Ушаков, С. И. Ожегов), *диета*, *дизе*, *кеб*, *каноз* (С. И. Ожегов). Таким образом, в данной группе спорных написаний академический словарь вновь расширяет пределы вариативных написаний, не учитывая нормативные установки авторитетных лексикографических изданий.

Ассессор, а, мн. ассессор и ассессора, м. *Устар.* заседатель (в казенной палате, в военном суд и др. учреждениях). *Доревол.* коллежский ассессор – гражданский чин 8-го класса Петровской табели о рангах. [Фамусов]: *Безродного пригрел и ввел в мое семейство. Дал чин ассессора и взял в секретари.* Гриб., Горе от ума, д. I, явл. 4. Ассессорша, и, ж. *Доревол.* жена ассессора. [Анна Григорьевна] *является в общество не в «мундире», как какая-нибудь ассессорша, всегда в новом и свежем наряде!* Салт., Помп. и помпадурши, IX. [Фекла:] *Ты, сестрица, будешь майоршею, а я ассессоршею!* Крыл., Урок дочкам, явл. 11. *Ассессорша за мужнину смерть мстит не желала.* Радищ., Путеш. Петерб. в М. (I, с. 213) (I, с. 213);

– С иным написанием: **ассесор**, **ассессор** и под. (пример см. выше). – Нордстет; Слор. 1780: ассесор, ассесорский; Даль, Слов.: асесорша, асесорство, асесорский; Шафиров, Рассужд. о войне с Карлом XII, 1717 г.: ассесор; П. С. 3., 1715 г., № 2928: ассесорский. – Нем. Assessor, лат. assessor – заседатель (I, с. 213);

Вповалку, нареч. Лежать, спать и т. п. вповалку – вместе, один возле другого (о большем числе людей). *Туда же [в построенный дворец] вповалку разместили при ехавших на празднества боярынь с боярышнями.* А. Н. Толст, Петр I, кн. II. гл. III, 1. *Илья Ильич заглянул в людскую: в людской все легли в повалку, по лавкам, по полу и в сенях.* Гонч. Обломов, ч. I, гл. 9. *Далеко за полночь, после обильного ужина, в зале постилались на полу перины, и все спали вповалку.* Салт. Пош. рассказ., I.

– С иным, раздельным и дефисным написанием: **в повалку** и **в-повалку** (примеры см. выше). – Ушак. Толк. слов. 1934 вповалку (II, с. 770);

Каберне, нескл., м. 1. Сорт винограда с темносиним (именно слитное. – С. Н.) ягодами; употребляется для изготовления красного вина. *Пальцы старика скользили по светлокрасным в тени гроздьям муската розового, ласкали фиолетовый мальбек и черносиние толстокожие, похожие на четки, собранные в кулак, ягоды каберне.* Павлен. Счастье. – *По этому склону балки пойдут виноградники. Сорт кабернэ.* Думаем *выжимать на вино и сушить на изюм.* Паустов. Рожд. моря. 2. Красно вино из этого сорта винограда. *Вина было вволю – любительского кабернэ, выдержанного за годы войны.* А. Н. Толст. Сестры. – *Кабернэ хорошим угощу... Она налила ему стакан вина, положила в блюдечко варенья.* Гладк. Энергия.

– С иным напис: **кабернэ** (прим. см. выше). – Слов. Акад. 1906–1907: кабернет; БСЭ (2-е изд.): каберне. – Франц. Cabernet (выд. жирный курсив мной – С. Н.) (V, с. 628).

Учитывая, что характеристика варианта как дополнительного приводится только в справочном отделе, помещенном в конце словарной статьи, рядовой читатель, которому был адресован словарь, встретив иллюстративные примеры с иным написанием без всякого пояснения, мог сделать ошибочный вывод о равноправности фиксируемых словарем вариативных написаний. Функция пометы «С иным написанием», используемой для указания на допустимый вариант, пояснялась лишь в предисловии к первому тому. В предисловии к VI тому редакционная коллегия вынуждена была признать, что «не для всех, пользующихся словарем, ясно назначение той части словарной статьи, которая носит справочный характер», поэтому было принято решение вновь «охарактеризовать этот справочный

отдел» [БАС, 1956 (VI), с. III]. Кроме того, существенно затруднял выбор написания и отмеченный И. Ковтуновой непрямым хронологический порядок иллюстративного материала [Ковтунова, 1956, с. 102].

В Словаре Ушакова в иллюстративном материале, наоборот, последовательно приводится только основной вариант в качестве более предпочтительного, соответственно, правильного и рекомендуемого для использования. В этом случае примеры в словарной статье решают не только собственно иллюстративную задачу, но и нормативно-орфографическую, способствуя формированию устойчивого зрительного образа слова в его правильном написании.

Часто иллюстративный материал академического словаря включал также написание, которое в справочном отделе в конце словарной статьи отмечалось как устаревшее. Указанная рядом ссылка на источник не всегда помогала читателю без обращения к справочному отделу квалифицировать написание как неактуальное для современной практики (в зависимости от объема словарной статьи справочный отдел мог быть расположен на другой странице словаря)²⁰⁹.

Необходимо указать, что позиция академического словаря в части орфографического оформления иллюстративного материала оказывается непоследовательной [Соловьев, 1978, с. 167]. Так, в одной части предисловия подчеркивается, что в редакторском тексте словаря и приводимых в качестве примеров цитат используется только современная система орфографии²¹⁰ [БАС, 1950(I), с. XVI]. В другой части говорится, что характерные и исторически ценные варианты написаний толкуемого слова могут сохраняться в цитате. В этом случае в справочном отделе при указании на данный вариант дается ссылка на приведенную цитату по

²⁰⁹ **Гальванизация** <...> **Гальванизм**, а, м. <...> *Графиня сидела вся желтая, шеvelя отвислыми губами, качаясь направо и налево... можно было бы подумать, что качание страшной старухи происходило не от ее воли, но по действию скрытого гальванизма.* Пушкин. Пик. дама, III <...>

– С иным (устар.) написанием **галванизм** (пример см. выше) <...> (III, 29);

Затанцеваться <...> *Я в сие время и науку запустил. Зарезвился да затанцовался впрах.* Шишкин. Ем. Пугачев <...>

– С иным (устар.) написанием **затанцоваться** (пример см. выше) <...> (IV, 955).

²¹⁰ В Инструкции к словарю также указывается, что «иллюстративный материал словаря, взятый из источников, изданных по старой орфографии, переводится в новую орфографию» [Соловьев, 1978, с. 167].

образцу: (*пример см. выше*) [Там же]. Это привело к нарушению принципа нормативности словаря²¹¹. Последовательное проведение этого принципа оправданно требовало исключения из иллюстративного материала к заглавному слову в современной орфографии всех видов ненормативных и устаревших его написаний с характеристикой их только в справочном отделе статьи [Соловьев, 1978, с. 167].

Принцип нормативности нарушают и самостоятельные словарные статьи для устаревших написаний с отсылочной пометой к основной статье, в справочном отделе которой отмечено, что это написание является историческим, а не актуальным: *калдобина*, см. *колдобина*; *калабашка*, см. *колобашка*; *шолк*, см. *шелк*; *шеколад*, см. *шоколад* (первым указан устаревший вариант – С. Н.). Идентично оказываются оформлены словарные статьи у равноправных, дополнительных и неправильных вариантов написаний, характерных для послереформенной орфографической практики: *камфара*, см. *камфора* (равноправные варианты – С. Н.); *варьянт*, см. *вариант*; *калямянка*, см. *коломянка* (первым указан дополнительный вариант – С. Н.); *коротель*, см. *каротель* (первым указан неправильный вариант – С. Н.). Таким образом, заголовки словарных статей в академическом словаре русского литературного языка, с одной стороны, не всегда репрезентируют современную орфографическую норму, с другой – требуют подготовленного читателя, знающего особенности подачи материала и структуру словарных статей. Это затрудняет использование словаря для быстрых орфографических справок без необходимости искать основную словарную статью и внимательно читать указания ее справочного отдела.

Практически одновременно с большим академическим словарем вышел академический Словарь Ожегова (1-е изд., 1949 г.), где орфографические варианты отсутствуют, поскольку регламентация спорных моментов опиралась в нем на проект Правил 1948, не предусматривавший вариативных написаний. Таким обра-

²¹¹ Ф. П. Филин подчеркивал, что академические словари русского языка служат «пособием, раскрывающим образцовые нормы... русского литературного языка... в их современном состоянии» [Филин, 1963, с. 179]; «Словарь должен быть последовательно нормативным и представлять собой руководство и образцы правильного употребления» [Словарь современного русского литературного языка. Хроника, 1940, с. 138].

зом, два авторитетных и современных словаря противоречили друг другу и в решении принципиального для стандартизации орфографии вопроса о возможности вариативных написаний в пределах нормы, и в части предлагаемых нормативных решений для конкретных спорных случаев. При этом Словарь Ожегова указывается в числе источников академического словаря, что создает определенное ожидание полной согласованности нормативных установок двух изданий АН СССР между собой²¹²:

Аккомпанемент (основной) и *акомпанимент* (дополнительный), в Словаре Ожегова – *аккомпанемент*; *ассессор* (основной) и *ассесор*, *ассессор* (!) (дополнительные), в Словаре Ожегова – *ассессор*, *бечева* (основной) и *бичева* (дополнительный), в Словаре Ожегова – *бечава*; *бэк-он* (основной) и *бекон* (дополнительный), в Словаре Ожегова – *бекон*; *вполголоса* (основной) и *вполголоса* (дополнительный), в Словаре Ожегова – *вполголоса*; *вполглаза* (основной) и *вполглаза* (дополнительный), в Словаре Ожегова – *вполголоса*; *вповалку* (основной) и *вповалку*, *в-повалку* (дополнительные), в Словаре Ожегова – *вповалку*; *взасос* (основной) и *в-засос* (дополнительный), в Словаре Ожегова – *взасос*; *галерея* (основной) и *галерея* (дополнительный), в Словаре Ожегова – *галерея*; *гарцевать* (основной) и *гарцовать* (дополнительный), в Словаре Ожегова – *гарцевать*; *гросмейстер* (основной) и *гроссмейстер* (дополнительный), в Словаре Ожегова – *гроссмейстер*; *каббалистический* (основной) и *кабалистический* (дополнительный), в Словаре Ожегова – *каббалистический*; *каприччио* (основной) и *каприччио* (дополнительный), в Словаре Ожегова – *каприччио*; *киноаппарат* (основной) и *кино-аппарат* (дополнительный), в Словаре Ожегова – *киноаппарат*; *корноухий* (основной) и *карнаухий* (дополнительный), в Словаре Ожегова – *корноухий*; *кошёлка* (основной) и *кошолка* (дополнительный), в Словаре Ожегова – *кошёлка*.

Рецензенты, отмечая факты несогласованного оформления языкового материала в почти одновременно вышедших нормативных пособиях по современному русскому литературному языку, указывали, что подобная противоречивость является «слабой стороной» любого издания, ставящего перед собой нормативные цели, поскольку академический труд должен содержать «твердые законы» и установки, а не порождать у читателей вопросы для дискуссионного обсуждения [Гельгард, 1953, с. 134]. Разнобой в академических словарях «в определениях языковой нормы недопустим», он свидетельствует о том, что «АН СССР еще не обратила должного внимания на координацию материалов в публикуемых трудах, ставящих перед собой нормативные цели» [Там же]. Кроме того, Словарь Ожего-

²¹² Впервые ссылки на орфографические установки Словаря Ожегова появятся только в III томе (Г – Е, 1954).

ва в своих рекомендациях, как правило, учитывает предшествующие Словарь Ушакова и школьный орфографический словарь, сохраняя тем самым определенную преемственность нормативных установок и утверждая авторитет подобных изданий. Академический словарь приводит в числе источников и Словарь Ушакова, но учитывает его рекомендации непоследовательно, увеличивая тем самым круг спорных написаний, получивших в указанных выше словарях устойчивую и единообразную регламентацию:

Гобелен (основной) и *гобелэн* (дополнительный) (III, с. 189), в Словаре Ушакова – *гобелен* (I, с. 581); *бланманже* (основной) и *блан-манже* (дополнительный) (I, с. 501), в Словаре Ушакова правильно – *блан-манже* (I, с. 152); *доисторический* (основной) и *до-исторический* (дополнительный) (III, с. 832, 901), в Словаре Ушакова – *доисторический* (I, с. 745); *лиственница* (основной) и *лиственница* (дополнительный) (VI, 254), в Словаре Ушакова – *лиственница* (II, с. 69); *вдаль*, наречие (основной) и *в даль* (дополнительный) (II, с. 91), в Словаре Ушакова – *вдаль* (I, с. 234); *вовнутрь*, наречие (основной) и *во внутрь*, *во-внутри* (дополнительные) (II, с. 490), в Словаре Ушакова – *вовнутрь* (I, с. 323); *втридешева* (основной) и *в-три-дешева* (дополнительный) (II, с. 914), в Словаре Ушакова – *втридешева* (I, с. 422); *жом* (основной) и *жём* (дополнительный) (IV, с. 182), в Словаре Ушакова – *жом* (I, с. 877).

В 1957 г. выходит очередной VI том словаря, однако нормативные установки Правил 1956 не получают там последовательного отражения. Несмотря на то, что том был подписан к печати 24 августа 1957 г., академический словарь продолжил указывать вариативные написания даже в тех случаях, которые к тому моменту были четко определены пунктами новых правил и включены в прилагаемый к ним орфографический словарь, например:

Леденеть, с иным написанием *ледянеть* (VI, с. 120); *лессировать*, с иным написанием *лесировать* и *лисировать* (VI, с. 260); *лисонька*, с иным написанием *лисанька* (VI, с. 249); *лорд-мэр*, с иным написанием *лорд-мер* (VI, с. 364); *лоточник*, с иным написанием *лотошник* (от лоток – С. Н.) (VI, с. 374); *люмпен-пролетариат*, с иным написанием и произношением *лумпен-пролетариат* (VI, с. 449); *лущёвка*, с иным написанием *лущовка* (VI, с. 408); *масляный*, с иным написанием *масленый* (VI, с. 668); *мезонинный*, с иным написанием *мезанинный* (VI, с. 797); *мезонинчик*, с иным написанием *мезанинчик* (VI, с. 797); *межёвка*, с иным написанием *межовка* (VI, с. 791); *менуэт*, с иным написанием *минуэт* (VI, с. 837); *миледи*, с иным написанием *милэди* (VI, с. 986); *мэтр*, с иным написанием *метр* (VI, с. 1436); *мэр*, с иным написанием и произношением *мер* (VI, с. 1436); *мэрия*, с иным написанием и произношением *мерия* (VI, с. 1436); *мокрядь*, с иным написанием *мокредь* и *мокреть* (VI, с. 1168); *мараковать*, с иным написанием *мороковать* (VI, с. 619); *мачеха*, с иным написанием *мачиха* [Правила, 1956, с. 136–139] (VI, с. 726).

В иллюстративном материале этого тома академического словаря приводятся контексты с ненормативным написанием:

Межѣвка, и, *род. мн. в о к, ж. Разг.* То же, что межевание. – Ну, а как **межовка** пришла, да как он у нас наши навозные земли в господский клин отрезал, злодей, и порешил нас совсем, хоть помирай! Л. Толст. Утро помещ. [Ананий Яковлев]: *Забыли, может, чай, межевку-то, как вы с пьяницей землемером за штоф какой-нибудь водки французской всю вотчину было продали.* Писем. Горьк. судьбина.

– С иным напис: **межовка** (прим. см. выше). – Росс. Целларию 1771, с. 299: межѣвка; Даль, Слов. (2-е изд.): межовка [БАС, 1957(VIII), с. 787] (VI, с. 791);

Мокрядь, и, *ж. Простореч.* 1. Дождливая погода; сырость. *На дворе мокрядь.* 2. Мокрота, влага. *Дора еще пуце сдвигала брови и сердитее смотрела на стоящую в воздухе мокрядь.* Леск. Обойденные. [Самгин] чувствовал тягостный сырой холод в груди, липкую, почти ледяную мокрядь на лице. Горький, Жизнь Кл. Самгина. *Росистые ветки осыпают меня мокретью.* Арамил. В осенн. лесу. 3. О чем-либо мокром, влажном. [Морошко] наказал выбирать только сухое дерево, отбрасывая гнилье и мокрядь. Лаврен. День рождения.

– С иным напис.: **мокреть, мокреть** (прим. см. выше). – Срезневский: мокрядь (болото); Слов. Акад. 1814: мокреть; Слов. Акад. 1847: мокреть и мокреть; Ушак. Толк, слов. 1938: мокреть; Ожегов, Слов. 1949: мокрядь. (выд. жирный курсив мной – С. Н.) [БАС, 1957 (VIII), с. 1163] (VI, с. 1167).

Подобные примеры написаний, несоответствующих рекомендациям Правил 1956, встречаются и в остальных томах²¹³:

Некованый, с иным написанием *некованный* (VII, с. 935); *нетесаный*, с иным написанием *нетесанный* (VII, с. 1215); *нечесаный*, с иным написанием *нечесанный* (VII, с. 1267); *нетопленный*, с иным написанием *нетопленный* (VII, с. 1216); *нетореный*, с иным написанием *неторенный* (VII, с. 1217); *нотабена* и *нотабене*, с иным написанием *нота-бене* (VII, с. 1958); *орангутанг*, с иным написанием *оранг-утанг* (VIII, с. 994); *пиетет*, с иным написанием и произношением *пизтет* (IX, с. 1169); *печево*, с иным написанием *печиво* (IX, с. 1142); *пластилин*, с иным написанием *пластелин* (IX, с. 1322); *пластилиновый*, с иным написанием *пластелиновый*; (IX, с. 1959); *плие*, с иным написанием *плиэ* (IX, с. 1408); *прейскурант*, с иным написанием *прейскурант* (XI, с. 216); *прийти*, с иным написанием и произношением *придти* и *притти* (XI, с. 499); *путаный*, с иным написанием *путанный* (XI, с. 1961); *сальто-мортале*, с иным написанием *сальтомортале* (XIII, с. 1972).

Таким образом, главной отличительной особенностью академического словаря стало совмещение синхронической и диахронической характеристик орфографической нормы в части отражения вариативных написаний. Анализ представленных в словаре актуальных для послереформенного правописания орфографи-

²¹³ «Неукоснительное следование нормам правописания, зафиксированным в Правилах и Орфографическом словаре, – основной принцип графического оформления слова в словаре» [БАС, 1955 (IV), с. XVI].

ческих вариантов выявил две противоположные тенденции. В томах, изданных после утверждения Правил 1956, словарные статьи целого ряда слов по-прежнему отмечают варианты написаний, создавая ошибочное впечатление о вариативности в пределах действующей нормы.

С одной стороны, в группах одиночная / удвоенная согласная в иноязычных словах и безударные непроверяемые гласные *a / o* в корне слова рекомендациями академического словаря устранялась большая часть вариантов, представленных, например, в Словаре Ушакова, что свидетельствовало о достаточно четко выраженном стремлении упорядочить эту часть практики. С другой стороны, в остальных группах (правописание наречий, сложных существительных и некоторых прилагательных, *e / э* в иноязычных словах, безударные гласные *e / и* в корне и суффиксе) нормализаторский потенциал академического словаря не реализуется в полной мере, поскольку здесь оказываются существенно расширены пределы орфографической вариативности, установленные предыдущими нормативными источниками.

Выводы

1. Реформа 1917–1918 гг. в значительной степени преобразовала и рационализировала русскую орфографию, однако она в первую очередь была реформой алфавита, поскольку реформаторы, сознавая тактическую важность именно упрощения, не ставили перед собой задачи упорядочения многочисленных колебаний в написании отдельных и однотипных слов.

Вариативность осознается как негативное наследие старой орфографии. Рост числа книжной и печатной периодической продукции, приобщение к грамотности широких слоев населения с особой остротой обозначили проблему единства правописания. Требовали орфографического оформления и многочисленные новшества лексической системы советского периода. Орфографические варианты характеризуются в этой ситуации как вынужденное и временное явление до утверждения Правил 1956, что находит отражение в

градации вариантов: абсолютное большинство квалифицируются теперь только как дополнительный, формируя двухчленную оппозицию «Правильный – Допустимый, хотя и не совсем желательный». Закономерно, что наиболее частотными оказываются в этот период нормативно-рекомендательные и запретительные пометы (в дореформенных справочниках – наблюдательные).

Содержательно группы орфографических вариантов соответствовали дореформенному периоду с учетом итогов реформы 1917–1918 гг., однако их частотность в конкретном источнике была разной, определяясь нормализаторскими устремлениями составителей. Также меняется позиция орфографических вариантов в общем корпусе вариативности: ядро теперь составляют варианты с *одиночной / удвоенной согласной* в иноязычных словах, связанные с интенсификацией заимствования и употребления в 30–40 гг. годы XX столетия. В дореформенных справочниках эта группа представляла пограничный круг периферийной области. Околоядерную область по-прежнему составляют группы с непроверяемыми безударными гласными *а / о* (по данным Словаря Ушакова) и различные типы слитных, отдельных или дефисных написаний (сложных существительных и прилагательных, наречий) (по данным БАС).

2. Возобновившееся в 1922 г. издание академического толкового «Словаря русского языка» продолжается в дореформенной (!) орфографии, по-новому оформляются только титульные листы и краткая редакционная статья. Словник и иллюстративный материал словаря также отражают старые общественно-политические реалии. В реформированном правописании и с новым содержанием словарь начнет выходить только с 1928 г. В словаре встречаются примеры разнобоя между написанием слова в заголовке словарной статьи и в иллюстративном материале, используется безоценочная подача вариантов и их разное оформление. Вместе с крайне ограниченным тиражом это мало отвечало задаче нормализации практики письма. В 1937 г. издание словаря прекращается.

3. Одновременный выход в 1933 г. специализированных справочников для работников ленинградских (Н. Н. Филиппов) и московских (А. Б. Шапиро,

М. И. Уаров) издательств с принципиально разными подходами к нормализации спорных вопросов вызовет большой общественный резонанс. Оба справочника предлагали неоднозначные нововведения, содержали отступления от привычной практики письма, в том числе школьной (особенно в части написания наречий и согласных в заимствованиях). Справочник Н. Н. Филиппова учитывал положения неутвержденного «Проекта реформы правописания» (1930 г.). Кроме того, они отразили различное понимание характера будущей орфографической нормы: в отдельных случаях компромиссная, допускающая вариативность (Н. Н. Филиппов), в других – предельно жесткая, безвариативная, отвечающая задаче максимальной стандартизации правописания в условиях формирующегося орфографического режима (А. Б. Шапиро и М. И. Уаров).

Справочники стали предметом специального обсуждения на заседаниях коллегии НКП РСФСР и сессий АН СССР, обозначив понимание первостепенной важности согласованной работы по устранению колебаний и выработке единых орфографических правил.

4. В связи с четко обозначенной государством задачей стандартизации учебного материала по русскому языку и введением орфографического режима, подразумевающего единство и безусловность требований к школьному правописанию, в 1934 г. издается «Орфографический словарь» Д. Н. Ушакова, утвержденный Народным комиссариатом просвещения РСФСР в качестве обязательного для школы. С этого момента выпуск других школьных справочников прекращается. К 1956 г. суммарный тираж изданий словаря составит 12 000 млн. экземпляров (с 1944 г. в соавторстве с С. Е. Крючковым). В условиях отсутствия утвержденных правил словарь обеспечил единство и последовательность орфографических норм, их преемственность на всех этапах школьного обучения. Справочники и пособия для работников издательской промышленности стремились к согласованию собственных рекомендаций с нормативными установками школьного орфографического словаря Д. Н. Ушакова, что способствовало упорядочению послереформенного правописания.

С 1-го по 6-е издание школьный орфографический словарь не предусматривает вариативные написания, формируя в течение многих лет у школьников и педагогов представление об орфографической норме как идеале, допускающем только одно правильное написание. Школа оказывается тем первым общественным институтом, где концепция безвариативной нормы получает масштабное практическое воплощение.

В 7-е и последующие издания 1951–1956 гг. включаются 15 вариативных пар с оговоркой об исключительно временном характере их существования до утверждения одного написания в качестве нормативного. С 1951 г. в соответствие с орфографией словаря приводится вся научно-методическая и справочная литература, в том числе «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (2-е изд., 1952 г.).

5. Авторитетным и общедоступным нормативным руководством по русскому языку выступает «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, где впервые учитываются и систематизируются все основные случаи послереформенного разнообразия в целях их последующей кодификации. Корпус орфографических вариантов словаря объемом 600 единиц объективно отражал масштабы неупорядоченности практики, однако даже в этих условиях словарь планомерно осуществлял нормирование.

Варианты в словаре представлены только в позиции заглавного слова (для облегчения поиска слова), один из них обязательно имеет маркировку *основной* в качестве более предпочтительного и правильного, тогда как второй оказывается *дополнительным / устарелым / неправильным*. Предпочтительность основного варианта последовательно подчеркивается с помощью корпуса помет, графических средств (высота и плотность шрифта), употребления в пояснениях и иллюстративном материале словарной статьи, а также орфографии производных слов. Многократный акцент на основном варианте отражает стремление к безвариативной орфографической норме.

Самыми объемными в словаре являются группы вариантов с *одиночной / удвоенной согласной* в заимствованиях (205 единиц, 34 %), а также непроверяе-

мых безударных гласных *a* и *o*, как правило, в корне (в том числе и с чередующимися гласными) (110 единиц, 18 %).

6. Особый взгляд на орфографический эталон представляет академический «Словарь современного русского литературного языка» (1950–1965 гг.), более широко, чем остальные нормативные источники, допускающий вариативность в написании наречий, сложных существительных и прилагательных, безударных гласных *e* / *и* в корне и суффиксе, гласных *э* / *е* в заимствованных словах, что увеличивает пределы орфографической вариативности послереформенного периода. Однако в части правописания одиночной / удвоенной согласной в заимствованиях словарь придерживался более жесткой нормативной позиции, максимально ограничивая вариативность с сохранением этимологического удвоения. Ссылка на Словарь Ушакова оказывается формальной, также не учитываются и рекомендации Словаря Ожегова, что приводит к разнобою рекомендаций в этих двух практически одновременно вышедших академических изданиях.

Самой объемной в словаре является группа вариантов *слитно* / *раздельно* / *через дефис* (105 единиц, 34%), основу которой составляют наречия, для которых в ряде случаев указываются иногда 2 дополнительных варианта написания (раздельное и дефисное написание). Далее следуют группы с *одиночной* / *удвоенной* согласной в иноязычных словах (50 единиц, 16 %; содержание отчасти совпадает с наполнением аналогичной группы в толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова) и непроверяемые безударные гласные *a* / *o* в корне слова (24 единицы, 8%; содержание практически идентично группе в толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова).

Особенностью академического словаря стало совмещение синхронической и диахронической характеристик орфографической нормы. Заявленная дифференциация актуальных вариантов на основные и дополнительные в определенной степени нивелируется последовательным приведением значительного числа контекстов, содержащих дополнительный вариант, что создает у читателя иллюзию равнозначности вариативных написаний. Принцип нормативности нарушает включение в иллюстративный материал цитат с устаревшими написаниями без

каких-либо комментариев, а также приведение устаревших написаний в качестве заглавных слов с отсылкой к статье с нормативным оформлением слова. Диахроническая характеристика орфографической нормы оказывается нерегулярной и не отражает в полной мере динамику вариативности. Орфографический материал V – XIII томов в отдельных случаях не соответствует утвержденным Правилам 1956.

Глава 3. ПРОБЛЕМЫ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ НОРМАЛИЗАЦИИ ПО ДАННЫМ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ И ПЕЧАТИ 1918–1956 ГОДОВ

История орфографического движения послереформенного периода (1918–1956 гг.), получившая в немногочисленных работах общую характеристику²¹⁴, требует внимательного осмысления организационных и содержательных аспектов создания «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г. – первого наиболее полного опыта кодификации русского письма XVIII–XX вв.

На основе анализа 150 неопубликованных документальных источников различных фондов Архива РАН (впервые вводятся в научный оборот 126)²¹⁵ в данной главе последовательно реконструируются важнейшие события, связанные с масштабной нормализацией правописания, сопоставимой по значению с реформой 1917–1918 гг. и завершившей ее, а также работой многочисленных ведомственных и правительственных комиссий, итоги деятельности которых представляют десять разных редакций Правил 1956. Устанавливаются закономерности и особенности этого процесса, его обусловленность не только общественно-политической и культурной ситуацией периода, но и столкновением ведомственных и личных интересов, неоднозначностью выдвигавшихся концепций орфографической нормы. В качестве дополнения привлекаются материалы периодической печати, что придает реконструкции многоаспектный и системный характер.

Особую актуальность необходимость в обстоятельной картине исторического пути русского правописания приобретает в контексте перспектив совершенствования орфографии и выработки непротиворечивых рекомендаций.

²¹⁴ [Бреусова, 2000; Макарова, Шкатова, 1993; Григорьева, 2004].

²¹⁵ Ряд архивных источников в качестве иллюстративного материала представлен в соответствующем разделе приложений (19 ед.).

3.1. Осмысление итогов орфографической реформы 1917–1918 годов

Продолжение²¹⁶ орфографической реформы 1917–1918 гг. стало одной из важнейших и первостепенных задач советской власти и вылилось в масштабную кампанию по приобщению советских рабочих и крестьян к социалистическому и культурному строительству и распространению всеобщей грамотности²¹⁷. Закономерно, что основной темой орфографической полемики послеоктябрьского периода оказалась оценка способности реформированного правописания решить эти задачи в контексте новой политической и социально-экономической ситуации²¹⁸.

3.1.1. Проблема состоятельности реформы в полемике первого послереформенного десятилетия

По мнению большинства участников полемики, даже реформированная орфография сохранила множество правил, которые «ничего не дают ни уму, ни сердцу», но требуют при этом «излишней и бессмысленной траты времени, энергии и материальных средств на изучение и применение» [Теверовская, 1926,

²¹⁶ 17 мая 1917 г. Министерство народного просвещения Временного правительства рассылает во все подведомственные учреждения первый циркуляр о реформе орфографии № 5456, предусматривавший переход школы на новое правописание с 1 сентября. Распоряжение Министерства от 22 июня 1917 г. № 6717 содержало рекомендации по постепенному воплощению реформы на практике. От имени советского правительства появляются Декрет о введении нового правописания от 23 ноября 1917 г. и Декрет о введении новой орфографии от 10 октября 1918 г.

²¹⁷ «Коренная социалистическая переделка народного хозяйства советской страны, небывалые до сих пор темпы социалистического строительства тормозятся недостаточным ростом технических и хозяйственных кадров, нужно добиться поголовной грамотности трудящегося населения» [О новом правописании, 1930, с. 9].

²¹⁸ Подробно материал изложен в: Науменко С. В. Итоги реформы правописания 1917–1918 гг. в общественном сознании 20–50-х гг. XX в. // Русский язык в школе. – 2017. – № 5. – С. 83–90; Науменко С. В. Вопрос о ведущем принципе русского правописания в орфографической полемике послереформенного периода (1917–1956) // Русский язык в школе. – 2017. – № 7. – С. 68–74; Науменко С. В. Упорядочение русской орфографии по данным архивных документов (1918–1956 гг.): монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2017. – 324 с.

с. 54]. Это воспринималось как «вопиющая беспомощность»²¹⁹ [Проект реформы правописания, 1930, с. 6, 52]. В публикациях отмечалось, что миллионам обучающихся по-прежнему «преподносят отупляющую орфографию», вынуждая «убивать на ее усвоение два года драгоценного времени» [Мальцев, 1930, с. 8–9]. Ожидалось, что с реформой 1917–1918 гг. орфографический «молох XX века» и «Гидра о тысяче восьми головах» окажутся «навсегда погребены», но и новое правописание «не оправдало розовых надежд», его трудность осталась «в полной силе»²²⁰ [Каноныкин, 1929, с. 161].

Создавалось впечатление, что, несмотря на недавнюю реформу орфографии, писать стало не легче, а труднее, о чем свидетельствует «единодушный вопль учительства» [Черных, 1930, с. 114]. Все эти аспекты нашли эмоциональное отражение в педагогической печати, констатировавшей, что орфография, как и в дореформенный период, продолжает «стоять в центре внимания всей учебно-воспитательной работы» школы, «заслоняя собой актуальнейшие проблемы создания нового человека, строителя социализма» [Устинов, 1929; Вахтеров, 1923, с. 12]. В связи с этим в научно-педагогической печати реформа 1917–1918 гг. осознается как незавершенная, половинчатая и не оправдавшая ожиданий:

<...> Не подлежит теперь никакому сомнению, что реформа правописания русского языка 1917 г. не доведена до конца. Эта реформа не упростила правописания до предельной возможности. Многие жупелы орфографии оказались целыми, продолжая тиранить учащихся школ всех типов и ступеней... Половинчатость, недоделанность ее привели к тому, что реформа 1917 г. ни в коей мере не удовлетворила ни передовое учительство, ни работников печати [Устинов, 1929];

<...> В нашей орфографии и грамматике остались высокие барьеры из ненужных изощрений и тонкостей. Эти барьеры – следы тех классов, которые стремились сделать знание недоступным для масс» [Довершим реформу в грамматике, 1929];

<...> Широкие круги советской общественности выступили с решительным протестом против орфографии, служащей орудием затемнения масс, и потребовали такой реформы, которая сделала бы орфографию вполне доступной самым отсталым в культурном отношении слоям малограмотных и неграмотных [Мальцев, 1930, с. 88–91];

²¹⁹ «Октябрьская революция сократила срок существования тесного и плохо скроенного орфографического костюма, но и новый был сшит вовсе не в расчете на рост многомиллионного потребителя» [О новом правописании, 1930, с. 15].

²²⁰ «“Молох” вновь требует себе жертв, только теперь в жертву ему избиваются не одни младенцы, а и взрослые» [Каноныкин, 1929, с. 161].

<...> Всем педагогам и общественникам хорошо известно, что реформа русского правописания 1917 г. не доведена до конца [Тропин, 1930, с. 111];

<...> Реформа остановилась на полдороге. Она не упростила нашей орфографии до предельной возможности. Ни широкие трудящиеся массы, ни школы, ни работники печати не были удовлетворены этой половинчатой реформой [Проект реформы правописания, 1930, с. 6–7];

<...> В условиях массовой тяги к просвещению стало очевидно, что реформа не оправдала тех надежд, которые на нее возлагались, поскольку усвоение правописания облегчено лишь только в незначительной степени, главным образом, благодаря изъятию буквы *ять* [Черных, 1930, с. 114];

<...> О том, что орфографическая реформа 1917 г. была половинчатой и ни в какой степени не удовлетворяла предъявленных к ней требований, сейчас уже никто не спорит [Кут, 1929].

Несостоятельность реформы 1917–1918 гг. связывалась с ее подготовкой «в условиях старого режима», вынужденной «компромиссностью и постоянной оглядке на правые националистские круги»²²¹ [Аванесов, Сидоров, 1930, с. 110; Щерба, 1930, с. 126].

Следует отметить, что многие публикации этого периода были также посвящены обсуждению проблемы «настоящей эпидемии безграмотности», причина которой виделась не только в общей «осторожности» положений реформы 1917 г., но и в непродуманности некоторых ее пунктов, «послуживших толчком» к распространению ошибочных написаний²²² [Суворовский, 1927, с. 8]. Так, по наблюдениям А. М. Суворовского, опыт письма по новой орфографии префиксов *из-*, *воз-*, *низ-*, *раз-*, *без-* привел к появлению, «очевидно, под действием аналогии, таких написаний, как *блиский*, *ниский*, *францусский*, *бесграмотный*, процесс идет глубже, в сторону бытового установления письма по произношению вообще всех предлогов-приставок в *зделать*, *здача*,

²²¹ «Русский гражданский алфавит является пережитком классовой графики XVIII–XIX вв. русских феодалов-помещиков и буржуазии, графики самодержавного гнета. Он до сих пор связывает население, читающее по-русски, с национально-буржуазными традициями русской дореволюционной культуры» [Горшков, 1930, с. 44].

²²² «Вопрос стал боевым в педагогической журналистике, ему посвящаются специальные сборники, по поводу него пишутся статьи в тревожно-повышенном тоне, за которым чувствуется опасение за судьбу родного языка» [Суворовский, 1927, с. 8].

«Безграмотность течет широким потоком, захватывает все новые и новые области, проникает всюду, улица пестрит сейчас безграмотными надписями, плакатами, и иногда даже газеты не избегают общей участи» [Малаховский, 1925, с. 98].

поттянуть»²²³ [Там же]. Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров регламентацию правописания этих префиксов считали одним из самых неудовлетворительных пунктов реформы, настоятельно требовавших морфологизации, поскольку он «насилует живое морфологическое чутье» пишущих [Аванесов, Сидоров, 1930, с. 118]. В этом случае, по мнению А. М. Пешковского, произошло «парадоксальное усложнение в качестве упрощения», так как не было учтено, что «абсолютно легкое» фонетическое написание «на фоне определенной системы может оказаться труднее морфологического» [Пешковский, 1930, с. 106]. В результате орфография префиксов *из-*, *воз-*, *низ-*, *раз-*, *без-* явилась «резким фонетическим пятном на наиболее морфологическом участке нашего правописания, выпирающим из системы и потому отнюдь не облегчающим дело, а требующим к себе усиленного внимания» [Там же].

Множество ошибок было связано и с исключением *ера*. В дореформенной орфографии написания с *ъ* и *ь* после шипящих (*ключь* и *печь*) «воспринимались именно как условно-грамматическая примета», тогда как в новой этот знак стал осознаваться как обозначение мягких *ч* и *щ* (*дочь*, *мощь*), что «по аналогии потянуло» распространение таких написаний, как *ночька*, *конечьно*, *мощьный*, *тучь*, *рощь* [Суворовский, 1927, с. 10–11].

Однако снижение грамотности оказалось следствием реформирования, поскольку сам факт реформы разрушил авторитет орфографии. Задуманная для облегчения обучению правописания, она «не сделала орфографию безусловно легкой, но зато в корне подорвала ее престиж» [Щерба, 1927, с. 82–83].

В ходе полемики также обсуждалась непрочность методологической основы реформы 1917–1918 гг., которая привела к таким ее «органическим дефектам»,

²²³ «Как известно, наше правописание – этимологическое; мы пишем *дуб*, *лодка*, *сделать*, потому что словообразующими морфемами здесь являются, наряду с другими, *дуб*, *лод*, *с*, – и где бы и как бы они ни произносились, мы пишем их, не изменяя. В этом есть своя стройная последовательная система, которая легко усваивается. Казалось бы, что этот принцип и нужно было распространить на словообразующие приставки *из*, *воз*, *низ*, *раз*, *без*. Но орфографическая подкомиссия, вероятно, под влиянием членов ее, сторонников фонетического письма и особенно педагогов-практиков, сознание которых было гипнотически засорено путаным правилом старой орфографии об этих приставках, сделала исключение для них в нарушение всей системы» [Суворовский, 1927, с. 8].

как «недостаточность», «непоследовательность» и «противоречивость», объяснявшимся отсутствием у ее разработчиков «принципиальной точки зрения на письменный язык и его соотношение с языком устным», а без решения этого вопроса построение «рациональной орфографии» невозможно [Аванесов, Сидоров, 1930, с. 111]. В числе важных характеристик рационального правописания участниками полемики осознаются внутренняя последовательность и системная организация, при этом послереформенная характеризуется как «трудная и бессистемная» [Фалев, 1925, с. 94], «полная несуразностей» [Кут, 1929, с. 3], «никуда не годная с научной точки зрения» и «искусственно привитая»²²⁴ [Мальцев, 1930, с. 89]. Она «необычайно сложна, пестра и непоследовательна» [О новом правописании, 1930, с. 15], «нелепа» [Малаховский, 1929, с. 60] и потому «не может считаться удовлетворительной ни с научной, ни с практической точки зрения» [Языковеды о реформе орфографии, 1930].

Таким образом, ситуация в послереформенном правописании оценивалась участниками дискуссии как тяжелый кризис, поскольку большинство населения так и не смогло овладеть «законами обязательной для всех гражданской письменности» [Соколов, 1929, с. 77]. Закономерно, что такие неудовлетворительные итоги усилий по приобщению широких масс к образованию оказались одной из причин резкой критики реформы 1917–1918 гг. [Черных, 1930].

3.1.2. Новая «пролетарская» реформа правописания и ее ведущий принцип

Реформа правописания 1917–1918 гг., как подчеркивает М. В. Ушаков, была только «формально» завершена советской властью и «целиком выросла на буржуазно-демократической почве», поэтому нередко называлась «*февральской*

²²⁴ «Наше правописание создавалось искусственно, случайно и не зиждется на национальной основе: оно – чужеземного происхождения... Орфографический покров, в котором щеголял наш дивный язык, шили иноземцы – Кирилл, югославяне, а в позднейшее время – иноземцы Греч, Востоков, Грот» [Евгеньев, 1919, с. 4].

революцией» в орфографии²²⁵ (выд. мной. – С. Н.) [Ушаков М. В. , 1930, с. 109]. По свидетельству Д. Н. Ушакова, многие тогда высказывались, что на место буржуазной реформы 1917–1918 гг. должна «прийти более широкая, более радикальная, пролетарская» [Записка Д. Н. Ушакова по поводу орфографических словарей // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 6]. Послереформенная орфография представляется наследием, оставленным «русскому пролетарию его классовым противником», использовавшим ее как орудие «угнетения и затемнения эксплуатируемых» масс²²⁶ [Мальцев, 1930, с. 4].

Таким образом, орфографический вопрос рассматривался участниками дискуссии как «диктуемая совершенно новыми социальными условиями классовая и политическая проблема», разрешение которой есть «крупный революционный акт» [Проект реформы правописания, 1930, с. 9]. Он, как и накануне реформы правописания 1917–1918 гг., становится передовым в научно-педагогической печати: в «Учительской газете» в 1929 г. появляется рубрика «*За решительную реформу правописания*», а в «Красной газете» – «*Языковеды о реформе орфографии*». Еще более радикальный призыв «*Довершим реформу в грамматике*» выдвинула «Комсомольская правда», потребовавшая не только продолжить реформу орфографии, но и «критически пересмотреть и всемерно упростить грамматику²²⁷» [Довершим реформу в грамматике, 1929 (КП. № 117)]. П. Я. Черных, комментируя эти начинания, замечает, что если предполагаемое реформирование «не произойдет организованно», то непременно «случится как-то стихийно» [Черных, 1930, с. 114].

²²⁵ По словам А. В. Луначарского, советское правительство «прекрасно отдавало себе отчет в том, что в ней (реформе 1917 г. – С. Н.) было (по самой половинчатости своей) что-то, так сказать, «февральское», а не «октябрьское»» [Луначарский, 1930].

²²⁶ Обратную ситуацию наблюдаем в оценке реформы 1917 г. русской эмиграцией. Приверженность дореформенной орфографии становится «пробным камнем идеологической благонадежности, верности белой идее в изгнании» [Грановская, 2005, с. 269]. Подробно о русской орфографии в «изгнании» [Григорьева, 2004. с. 139–146].

²²⁷ «Эта грамматика давным-давно отстала от живого языка и увела с собой от него и нашу орфографию. Представляя злейший анахронизм, грамматика является таким предметом, который уводит ее (орфографию. – С. Н.) от жизни и тянет в дебри схоластики» [Мальцев, 1930, с. 88–91].

Критическое отношение к итогам реформы 1917–1918 гг. определяло и то, что она не коснулась многих случаев орфографической двойственности XIX в., которые в советский период только умножились, приведя к ситуации «правописной анархии»²²⁸ [О новом правописании, 1930, с. 6]. Авторы публикаций эмоционально высказываются о «распаде орфографии» и «орфографическом безначалии», «состоянии брожения» [Суворовский, 1927, с. 8], «разброде» [Кут, 1929], «полной дезорганизованности на орфографическом фронте» [Устинов, 1929]. Причина послереформенного разнобоя виделась в том, что русскую орфографию характеризует множественность принципов²²⁹, поэтому составной частью дискуссии оказывается также обсуждение теоретической базы возможной перестройки орфографической системы²³⁰.

В числе первых полемику о возможных принципах дальнейшего упрощения открывает публикация В. П. Вахтерова с красноречивым названием «Реформа правописания не закончена» (1923 г.), где утверждается необходимость ее продолжения в плане «замены существующего алфавита фонетическим» и «торжества фонетического принципа (пиши, как говоришь)»²³¹ [Вахтеров, 1923, с. 13, 17]. В ответной статье «Чем не закончена реформа правописания?» Д. Н. Ушаков подчеркивает, что не следует «обманываться», полагая, будто бы алфавит станет фонетическим, если буквы окажутся «параллельны звукам», когда каждая соответствует обозначаемому звуку. В этом случае останутся согласные

²²⁸ «Реформа 1917 г. не задавалась другой, более широкой целью – устранить многочисленные отдельные колебания в написании одних и тех же слов (*мачеха* и *мачиха*, *снегирь* и *снигирь*) и разноречивой в написании однородных случаев (например, *глянцевать* при *кольцевать*). Деятели, подготовлявшие в течение долгих лет реформу, не закрывали глаз на эту вторую сторону дела, но сознавали тактическую важность в первую очередь узаконить давно решенное» [Ушаков, 1937, с. 16].

²²⁹ «Русская орфография трудна и плохо усваивается, потому что в ее основе лежат противоречивые принципы» [Малаховский, 1929, с. 60].

²³⁰ «Реформу следует начать с пересмотра той классической теории «принципов» правописания (фонетического, морфологического, исторического)... Новую, наиболее совершенную орфографию нельзя строить на прогнившем фундаменте старых, неприспособленных к практической жизни теорий» [Ушаков М. В., 1930, с. 102, 110]

²³¹ «Разрыв орфографии с живым языком усложняет ее усвоение. Фонетизация письма является признанным научным средством, действительно позволяющим сделать орфографию доступной самым широким массам» [Мальцев, 1930, с. 88–91].

буквы, которые могут обозначать как звонкий, так и глухой звук, например, буква *б* (*хлеба, хлеб*) или *в* (*рва, ров*)» [Ушаков, 1923, с. 23].

Р. Теверовская указывает на незавершенность реформы в части проведения максимального упрощения письма²³² [Теверовская, 1926, с. 54]. В интересах пишущих автор требует «придать планомерность» стихийно проявляющейся в языке тенденции «согласования фонетики с правописанием»: *свадьба* вместо старого *сватьба* (*сват*); *где, здесь, везде* из *къде, съдесь, вьсьде*; *лестница* вместо *лезть* [Там же, с. 59]. Для этого необходимо отказаться от удвоенных согласных в заимствованных и исконно русских словах²³³, писать без мягкого знака *реч, рож, мыш, думаеш, стрижеш, стрич, стереч* (формы глагола 2-го лица и инфинитива), *реж, маж* (формы повелительного наклонения), *красново, гуляющево, серди'ца* и *се'рдица* (вм. *сердиться* и *сердится*)²³⁴. При существующих орфографических правилах фонетика «не направляет руку пишущего, а, наоборот, вводит часто в заблуждение» [Там же, с. 57].

Д. Н. Ушаков поддерживает предложение Р. Теверовской об исключении мягкого знака после шипящих в конце слов и удвоенных согласных в обрусевших заимствованиях, где удвоенные согласные «обыкновенно произносятся как одна», следовательно, писаться тоже должна одна, например, *литература, адрес* [Ушаков, 1926, с. 62–63]. В случаях вариативных написаний он рекомендует «склоняться» к одной: *коридор, тераса, комиссия* [Там же]. Однако в исконно русских словах удвоение согласной часто поддерживается произношением и различает слова, поэтому здесь «игнорировать разницу» нельзя: *вводить*,

²³² «Мы должны максимально совершенствовать, упрощая и отбрасывая, в практическом применении все те замысловатые орфографические завитушки и хитросплетения, которые усложняют “костюм языка”», уподобляясь фикжмам, кринолинам, турнюрам, парикам и прочим атрибутам одежды прошлых столетий. Живому языку должна соответствовать живая орфография» [Теверовская, 1926, с. 59–60].

²³³ «Смысл слова при опущении повторной буквы не изменится, так как звуковое впечатление останется то же самое... проще заменить все 10 правил (регламентирующих удвоение согласных. – С. Н.) (а их, конечно, гораздо больше) одним простым правилом: нигде не удваивать согласных» [Теверовская, 1926, с. 57].

²³⁴ «Никак не могу согласиться с тем, что *-ца* вместо *-тся* и *-ться* ничуть не затруднит понимания глагольных форм. Сравните: *мне не спица* и *последняя спица в колеснице*» [Ушаков, 1926, с. 62].

ввалиться, ссыпать, ссадить и водить, валиться, сыпать, садить. В противном случае это окажется настоящей «медвежьей услугой» просвещению масс [Там же].

С учетом того, какой могла бы быть «фонетико-орфографическая гармония», отвечающая интересам миллионов пишущих, была напечатана статья А. М. Топорова «Долой балласт! (К вопросу об упрощении правописания)»: *отжывший*²³⁵, *нашы, закричатъ, ожыдать, предыдущя, обявить, прогресивного, случяйно, значят, чюжда заметиш, угодиш, обиженным, упрощать, молодеж, чястица*. [Топоров, 1929, с. 96]. В правописании, отмечает автор, «традиция господствует над целесообразностью», многие правила существуют в силу «исконного *обычая*», в действительности в них нет «ни малейшей *жызненной* нужды» [Там же]. Представляет интерес его мотивация написаний *революця, соцыализм*, дающая наглядное представление о духе орфографического радикализма этого периода: «Иностранцы наше **ы** ломают по своему... фамилии *Рыков, Цыганков, Корытов* они читают: *Рикофф, Циганкофф, Коритофф* и т.д. и ничего в этом не видят дурного. В «отместку» мы в их словах букву **и** после **ц** сломаем на **ы**. Око за око!» [Там же].

Расширить область действия фонетического принципа предлагает также и Г. Тропин, рекомендуя писать «по выговору» *чяшка, чюдо, щявель, щюка, большова, синева, шыло, жыр, думаеш* [Тропин, 1930, с. 111–113]. Но Б. В. Томашевский призывает «осмотрительно» относиться «к упрощенскому» принципу, вроде *пиши, как говоришь*, поскольку проведенный последовательно он создаст «невообразимые затруднения»: умение правильно слышать и «отдавать отчет в звуковом составе речи» доступно не многим [Языковеды о реформе языка, 1930]. Поэтому «более жизненным» при реформировании окажется принцип

²³⁵ «Подчиняясь требованиям выговора, мы, при полнейшей незабываемости значения слов, получаем тогда в комбинации *шыпящих* с гласными такое гармоническое сочетание фонетики с начертанием, каких немного сыщешь во всем нашем языке... чего же мы так *дорожым* замшелым правилом орфографии гласных после *шыпящих!*» (орфография источника сохранена. – С. Н.) [Топоров, 1929, с. 93].

«живой морфологии»²³⁶ [Там же]. Важность «систематического» проведения морфологического принципа, который «помогает осознанию самого языка», утверждает и Л. В. Щерба. Фонетическое письмо, подчеркивает он, является «ложно-демократическим», поскольку мы все неизбежно «говорим по-разному»²³⁷ [Щерба, 1931, с. 192–193].

В свою очередь, Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров тоже отмечают своеобразную «асоциальность» фонетического письма. Орфография не должна проводить произношение «последовательно», иначе «неизбежно придется иметь столько орфографических систем, сколько пишущих людей» [Аванесов, Сидоров, 1930, с. 112]. Фонетическому письму «совершенно не по силам» преодолеть звуковое многообразие живой речи [Там же, с. 113]. Задача же литературного письменного языка состоит в том, чтобы устранить языковую разобщенность отдельных диалектов²³⁸. Социальной природе языка, по мысли авторов, отвечает фонологическое письмо, передающее «не звуки в отрыве от их значения, а фонемы», оно основывается на соответствии буквы и фонемы, обеспечивая «единство в написании морфемы»²³⁹ [Там же, с. 115]. В итоге графическое постоянство облика морфемы облегчит не только письмо, но и чтение [Там же].

²³⁶ «Идеальной орфографической системой следует действительно считать такую, которая не расходится с основным строем, системой языка. Русский язык отличается прозрачным морфологическим строением, поэтому одним фонетическим принципом русская графика никак удовлетвориться не может... Невозможно придумать такую орфографическую систему, которая вполне бы соответствовала фонетическому строю языка. Мало того, такие попытки вредны» [Малаховский, 1929, с. 61].

²³⁷ «Воспитывать у учащихся надо не восприятие отдельных звуков и отдельных букв в слове, а восприятие известной морфологической части слова. Определяющим для русского правописания является морфологический принцип. Воспитание навыков воспринимать слово в образующих его значащих частях будет иметь огромное значение для воспитания настоящих навыков правильного письма» [Афанасьев, 1936, с. 8–9].

²³⁸ «Особенно вырастает эта роль литературного языка в наше время, когда он перестает быть достоянием узкого круга «орфоэпически» говорящей интеллигенции, а становится достоянием широких масс рабочих и крестьян, впервые приобщающихся к культуре» [Аванесов, Сидоров, 1930, с. 112].

²³⁹ «При фонологическом письме соответствие между буквой и звуком отсутствует. Фонологическое письмо не стремится изображать каждый звук в том виде, как он реально был произнесен говорящим. Оно передает только те звуковые качества, которые дифференцируют морфемы, отличают одно слово от другого, следовательно – одно значение от другого» [Аванесов, Сидоров, 1930, с. 111].

Таким образом, в представлении авторов, теоретическую базу предстоящей реформы должен обеспечить фонологический принцип.

П. Я. Черных также высказывается о нецелесообразности выбора фонетического принципа как основы реформирования, поскольку при недостаточно твердом произношении орфография «в каждом географическом пункте будет служить» отражению локальных особенностей, а значит, узнавание слов при чтении «неминуемо затруднится» [Черных, 1930, с. 113]. Безусловно, ни одна реформа правописания не может ставить своей задачей только облегчение написания слов, но обязана считаться также с удобствами чтения [Там же]. Поэтому орфография должна представлять собой органичное единство фонетического и морфологического принципов [Там же, с. 115]. Трудность новой реформы заключается в «определении пропорции» фонетических и морфологических написаний, что приведет к «маленькой чистке» привычных написаний: «почему бы не писать *чясто* (при *мясо*), *чюдо* (при *люди*), *ночьной* (при *больной*)?» [Там же, с. 115].

Размышляя об итогах реформы 1917–1918 гг., Д. Н. Ушаков подчеркивает, что она проведена «ради легкости усвоения», но при этом было исключено не все, что составляло для пишущих трудность, а только то, что, будучи сложным, не оправдывалось современным языком [Ушаков, 1923, с. 23]. Послереформенное правописание нуждается не в повторном реформировании, а в «соглашении», способном обеспечить устойчивость орфографии, где накопилось «много неустановленного» и «недоумений»²⁴⁰ [Там же, с. 24]. Анализируя результаты десятилетней апробации реформы, Е. Д. Поливанов указывает, что ее следовало бы признать «удовлетворительной», даже если бы она ограничилась «категорией пунктов» о *ѣ*, *ѐ*, *і*, *ѳ*; *онѣ*, *однѣхъ* и *-ыя*, *-ея*. Остальные положения реформы он также считает «полезными и желательными» [Поливанов, 1927, с. 180].

Следует указать, что в связи с неудовлетворительной оценкой итогов реформы 1917 г. участники полемики предпринимают попытки теоретического

²⁴⁰ «Мысль о законченности реформы правописания – мертвая мысль. Она *чюжда* всему духу современности» (орфография источника сохранена. – С. Н.)» [Топоров, 1929, с. 96].

осмысления подходов к будущему реформированию орфографии. Так, ими разграничиваются понятия *урегулирование* и *упрощение* письма. Под *упрощением* (*реформой*) правописания понимается «дело большого масштаба, больших перспектив и большой ломки». Часто проводить реформы правописания «невыгодно», целесообразней сделать «капитальный ремонт всего орфографического здания» один раз, чем постоянно вносить изменения, нарушая «нормальную жизнь жильцов»²⁴¹ [Пешковский, 1930, с. 93]. Если невозможно при проведении реформы согласовать интересы читающих и пишущих, то предпочтение следует отдавать первым, поскольку большинство образованных людей гораздо больше читают, чем пишут [Дурново, 1930]. В качестве «предела» реформирования выдвигается критерий возможности чтения книг с дореформенной орфографией [Дурново, 1930; Пешковский, 1930]. Обсуждаются и проблемы постепенного проявления результатов реформы, экономической и полиграфической целесообразности упрощения [Ушаков, 1923; Щерба, 1926, 1927; Малаховский, 1929; Соколов, 1929; Дурново, 1930]. *Урегулирование* (*упорядочение*) правописания отличается «мелкий масштаб», «абсолютная срочность» и легкость проведения, оно является задачей «буквально двух недель и нескольких сотен рублей» [Пешковский, 1930, с. 95].

Общий итог орфографической полемики первого послереформенного десятилетия: «реформа 1917 г. не провела всех тех изменений, в которых нуждается наше правописание» [Пешковский, 1930, с. 110]; «в низовой учительской гуще в самых отдаленных и противоположных углах РСФСР назрело одно требование: нужна дальнейшая реформа» [Топоров, 1929, с. 95], о ее необходимости «свидетельствуют вопиющие факты поголовной безграмотности и едва ли не единодушный вопль учительства» [Черных, 1930, с. 114]. Такое критическое отношение научно-педагогической общественности к итогам

²⁴¹ Б. В. Томашевский выступает за «радикализм в орфографии», так как «мелкие поправки, устраняя одни затруднения, создают другие, приходят в противоречие с прочими правилами и являются только ухудшением положения» [Языковеды о реформе орфографии, 1930].

прошедшей реформы приведет к созданию НКП РСФСР при Главнауке в 1929 г. комиссии по реформе орфографии и пунктуации.

Наряду с позицией сторонников повторного реформирования в дискуссии были представлены и «единичные» голоса тех, кто «призывал к умеренности» и говорил о необходимости «повременить с реформой» [О новом правописании, 1930, с. 15]. Отмечается, что применение новой орфографии в печати пока «не сумело в достаточной и твердой степени укрепиться»²⁴² [Агитационный плакат «Правила нового правописания», 1922]. В этих условиях очередная реформа, «еще больше расплеснет волну безграмотности» и «окончательно утопит в море путаницы» правописание [Соколов, 1929, с. 80]. Допустимы только уточнения реформы в части «мелочей орфографии», например нормирования спорных написаний *o / e (ё)* после шипящих [Поливанов, 1927, с. 186]. С позиции последовательного сторонника упорядочения выступает Д. Н. Ушаков, положительно оценивающий итоги реформы 1917–1918 гг., в ходе которой были устранены «главнейшие несовершенства» орфографии, бывшие предметом острого обсуждения в течение полутора веков [Ушаков, 1937, с. 16]. Логичным завершением реформы, считал он, должно было стать устранение разнобоя:

<...> Уже вскоре после 1917 г. стали раздаваться голоса, что реформа не закончена. Не всем и не сразу стало ясно, что дело остается за упорядочением правописания, за составлением и утверждением полного свода правил и стандартизированного орфографического справочника [Там же, с. 17].

Приверженцы проведения новой «пролетарской» реформы назовут Д. Н. Ушакова, неоднократно высказывавшего сомнения в ее «полезности» и необходимости, «ангелом-хранителем старого орфографического тряпья» [Топоров, 1929, с. 96]. Общее увлечение идеей реформирования отодвинуло решение задачи упорядочения правописания на несколько десятилетий.

²⁴² «Нужна ли вообще дальнейшая реформа в орфографии? Не нужна!... За время с 1917 г. мы еще не сумели достаточно твердо установить в своем сознании новых графем, а нам уже снова преподносят новые радикальные изменения»²⁴² [Малаховский, 1929, с. 62]. В архивных документах Д. Н. Ушакова хранятся обложки от ученических тетрадей 1922–1925 гг. с памятками о правилах нового правописания (без названия, систематизации и описи Ф. 502. Оп. 3. Д. 80 (ученическая папка на завязках)).

3.1.3. Признание реформы в официальных публикациях

В публикациях конца 1930–1950 гг. XX в. реформа 1917–1918 гг. начинает определяться как важный этап развития русской орфографии, ее положительная роль в деле рационализации правописания и распространения грамотности постепенно становится общепринятой:

<...> Реформа 1917 г. значительно упростила нашу орфографию и тем облегчила ее усвоение [Солосин, 1937, с. 71].

<...> Реформа 1918 г. была подлинной реформой, ее значение громадно... Положения реформы были тщательно подготовлены и продуманы, объективно являются со всех точек зрения положениями неуязвимыми [Обнорский, 1936, с. 5].

<...> Реформа нашей орфографии 1918 г. была подлинной реформой... Она упростила систему нашего письма, освободив его от давно омертвевших пережитков прошлых времен, сделав тем более удобной для массового усвоения [Обнорский, 1939, с. 5].

<...> Наше правописание в итоге реформы выросло в более простую и более легкую для усвоения систему письма... Орфографическая система, пройдя реформу 1917 г., явилась более удобной и приспособленной для обучения грамоте десятков миллионов детей [Обнорский, 1944, с. 29].

<...> Реформа является прекрасным примером устранения отживших написаний, которые не соответствовали ни фонетической, ни морфологической системе современного русского языка... Эта реформа опиралась на систему русского правописания, сложившуюся столетиями, и улучшала ее. После реформы правописание стало значительно стройнее и лучше [Крючков, 1952, с. 8–10].

Острая потребность в упорядочении объяснялась тем, что реформаторы не ставили своей задачей разрешить спорные написания, которых к этому моменту накопилось множество, а в советское время в связи с ростом словарного состава русского литературного языка к ним прибавились новые случаи орфографической двойственности²⁴³. В качестве основного критерия для правильного решения того или иного спорного орфографического вопроса указывается морфологическая основа русского письма (Д. Н. Ушаков, С. П. Обнорский, П. О. Афанасьев, С. И. Ожегов, А. Б. Шапиро, А. Н. Гвоздев)²⁴⁴. Такое изменение в оценке реформы

²⁴³ «Вся эта сложная цепь больных вопросов нашего правописания и после реформы орфографии 1917 г. осталась тою же цепью неясных вопросов» [Обнорский, 1944, с. 28].

²⁴⁴ «В работе по унифицированию нашего письма следует всегда считаться с основным принципом, на котором построена вся наша орфографическая система. Этот принцип есть морфологический, но не фонетический... А между тем нередки поползновения и отдельные

связано с заседанием Политбюро ЦК ВКП(б) «О «реформе» русского алфавита» (2 июля 1931 г.), где обсуждались итоги Всесоюзного орфографического совещания, упразднившего, например, буквы *э, и, й, ь*, ограничившего употребление *ь* и *я, е, ю*, а также отменившего пункт «Декретов о введении новой орфографии» о правописании приставок, рекомендовавшие написания *разсудить, возстановить, низпадать, возпылать, взпылить* (публикация «Вечерней Москвы» от 29 июня 1931 г.). В выписке из протокола заседания Политбюро ЦК (№ 47) указывается, что подобные попытки реформирования создают «угрозу бесплодной и пустой траты сил и средств государства», поэтому принимается решение «воспретить всякую реформу и дискуссию о реформе» [Выписка из протокола № 47 заседания Политбюро ЦК от 5 июля 1931 «О «реформе» русского алфавита» (2 июля 1931 г.) // АП РФ. Ф.3. Оп.33. Д. 15. Л. 2].

Следует сказать, что стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии 1936 г. (12–17 июня), подтверждают наличие такого запрета, поскольку ее участникам неоднократно рекомендовалось «не заниматься языковой политикой в силу основных установок» и не поднимать в ходе обсуждений «вопрос о том, реформа или не реформа», поскольку «задание дано не реформировать, а упорядочить правила правописания», реформа – «не дело данной комиссии» [Обсуждение доклада А. С. Орлова // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 20].

Таким образом, идея реформирования письма не получила на государственном уровне поддержки как не отвечающая интересам социалистического строительства²⁴⁵. В научно-педагогической печати

предложения – сблизить наше письмо с произношением и, как обычно в таких случаях говорится, «упростить» наше письмо» [Обнорский, 1939, с. 9].

²⁴⁵ «После реформы 1918 г. многие ожидали, что последует продолжение реформы нашего правописания в смысле его «рационализации», его «упрощения» и т.п. В этом направлении было сделано много разнообразнейших предложений самого радикального характера. Однако авторы подобных предложений не хотели считаться с национальным характером нашей культуры, нашего письма, они забывали, что крупная реформа чрезвычайно сложна, так как она разделяет новое поколение от старого, новую литературу от литературы предшествующей поры и т.д. Поэтому коренные реформы, соединенные с большой ломкой, несвоевременны в условиях нашего сегодняшнего социалистического строительства, когда

прекращается полемика по вопросу упрощения правописания и обсуждение «Проекта реформы правописания» (1930 г.), разработанного ведомственной комиссией Главнауки 1929 г. Так, если в 1930 г. и первой половине 1931 г. на эту тему было опубликовано более 40 статей в центральных газетах и профильных изданиях (например, «Журналист», «Русский язык в советской школе», «Учительская газета»), то с июля по декабрь 1931 г. – ни одной [Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии, 1965; Григорьева, 2004]. Вплоть до конца 1950-х гг. содержание и ключевые задачи текущей работы в области правописания, как правило, рассматриваются только в публикациях членов орфографических комиссий, отражая официальную установку на упорядочение и стандартизацию письма.

В связи с декларированием этой идеи с конца 1930-х гг. в общественном сознании, вопреки подлинному следованию событий, постепенно начинает складываться представление о реформе 1917–1918 гг. как крупнейшем культурном и социальном завоевании Октябрьской революции:

<...> Декрет советской власти от 23 декабря 1917 г. «О введении новой орфографии» освободил русское правописание от тех пережитков, которые сохранились в нем по традиции и затрудняли его усвоение. Реформа подготовлялась в течение семнадцати лет... Медленность в проведении реформы объясняется противодействием царского правительства, рассматривавшего «потрясение основ» правописания как «неблагонадежное дело» [Ушаков, 1937, с. 16].

<...> При царской власти реформе не суждено было осуществиться [Обнорский, 1944, с. 29].

<...> Примером устранения пережиточных написаний могут служить декреты Советского правительства от 23 декабря 1917 г. и 10 декабря 1918 г. Этими декретами отменялись явно устаревшие написания, являвшиеся тормозом для овладения трудящимися навыками письма [Крючков, 1951, с. 31].

<...> Как известно, наиболее радикальной за все время существования русской письменности была (после Петровской реформы) реформа правописания, декретированная и проведенная в жизнь Советским правительством в октябре 1918 г. Эта реформа устранила наибольшие трудности... Против них единодушно в течение всего почти XIX в. вела борьбу вся прогрессивная русская общественность [Шапиро, 1956, с. 3].

<...> С 1904 г. начинается многолетняя работа орфографических комиссий Академии

основной задачей нашей является, не замедляя поступательного хода культуры в целом, приобщать к ней возможно более широкие массы народа» (выд. мной – С. Н.) [Обнорский С. П. о задачах Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка (1939 г.) // Ф. 502. Оп. 3. № 156. Л. 5].

наук, направленная на решительное упорядочение и упрощение орфографии... До Великой Октябрьской социалистической революции предложения Академии не осуществились... Лишь постановлениями Советского правительства, принятыми в 1917–1918 гг. было произведено значительное упрощение орфографии, которое освободило ее от многих пережиточных, архаических черт [Ожегов, 1957, с. 30].

<...> Советское правительство в 1917–1918 гг. в целях облегчения народным массам усвоения русской грамоты, поднятия общего образования и освобождения школы от ненужной и непроизводительной траты времени и труда при изучении правил правописания, узаконило целый ряд изменений в русской графике и орфографии, способствовавших их усовершенствованию²⁴⁶ [Виноградов, 1954, с. 35].

Изменение претерпевает и оценка нормализаторской деятельности Я. К. Грота, которая, в отличие от первого послереформенного десятилетия, теперь осознается как важная страница в истории государственной стандартизации русского письма, являющегося «неотъемлемым объектом общей культуры» [Виноградов, 1946, с. 74–75; Обнорский, 1954, с. 17]. Следует отметить общность подходов Я. К. Грота и специалистов конца 1930–50-х гг. к решению важнейших для нормализаторской практики послереформенного периода вопросов²⁴⁷, например: осознание внутренней целостности русской орфографии, понимание бесперспективности ее коренного реформирования²⁴⁸ или преобразования на фонетической основе, а также жизненной важности упорядочения²⁴⁹. Определенное един-

²⁴⁶ Восприятие реформы 1917–1918 гг. как одного из «важных слагаемых программы революционного обновления имело статус официально признанной и единственной оценки» в советское время [Григорьева, 2004, с. 229]. Поэтому не случайно, что переосмысление в 90-е гг. Октябрьских событий привело к широкому обсуждению в обществе вопроса «о правомерности насильственного упрощения русской орфографии большевицкими декретами 1917–1918 гг.» (выд. мной. – С. Н.) [Лопатин, 2007, с. 672]. Современную орфографию тогда нередко называли *большевицской* и даже *сатанинской*, ратуя за возвращение к дореформенному правописанию.

²⁴⁶ Подробно изложено в: Науменко С.В. Орфографические разыскания Я. К. Грота в оценке С. П. Обнорского // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Вып. 2. – М., 2014. – С. 78–87.

²⁴⁸ «В свое время академик Грот... отмечал преимущества нашего письма перед французским, английским, немецким письмом. В этом косвенное указание, что глубокой реформы письма нам производить не надо. Тем более вопрос о реформе должен отпасть после реформы правописания 1917 г.» [Обнорский, 1954, с. 19];

«Практическая задача... не есть реформирование существующей системы письма, а лишь ее унифицирование, корректирование в пунктах неустойчивости. Не следует думать, что общая наша система письма вопиет к реформе, что здесь у нас крайне неблагополучно» [Обнорский, 1939, с. 7].

²⁴⁹ «Упорядочение русского письма для устранения орфографического разноречия становилось насущной задачей общественного и государственного порядка» [Ожегов, 1957, с. 31].

ство и преемственность обнаруживаются также в нормативных установках Я. К. Грота и Правил 1956, где с опорой на рекомендации его «Русского правописания» регламентирована орфография многих вариативных написаний. Словом, специалисты ставили своей задачей «продолжить то, что начал когда-то академик Я. К. Грот» [Былинский, Уаров, 1940, с. 35].

Таким образом, важнейшей орфографической задачей 1930–50-х гг. целенаправленно декларируется не необходимость дальнейшего реформирования, как было в первое послереформенное десятилетие, а потребность в упорядочении, устранении разнобоя и непоследовательности в орфографическом оформлении как отдельных слов, так и целых групп. Для развернувшейся в 1951–1954 гг. по инициативе орфографической комиссии 1947 г. масштабной орфографической дискуссии, где обсуждались проекты Правил 1952 и Правил 1955, характерно единодушное признание итогов реформы 1917–1918 гг. и требование упорядочения, но не дальнейшего упрощения.

Новый этап в обсуждении итогов реформы 1917–1918 гг. откроет в начале 1960-х гг. статья в «Известиях» профессора МГУ им. М. В. Ломоносова А. И. Ефимова «Красноречие и орфография». (1962 г. 23 марта). В ней утверждается, что «по инициативе В. И. Ленина Октябрьская революция в 1917 г. покончила с ятем, фитой, твердым знаком в конце слова, а также некоторыми окончаниями, усложняющими грамматику», но в тех условиях оказалось невозможным осуществить реформу «до конца», следовательно «это нужно сделать сейчас» [Ефимов, 1962, с. 3]. Действующее правописание он эмоционально характеризует как «невероятно и без надобности перегруженное», «предельно изощренное и усложненное» [Там же].

О целесообразности новой реформы правописания также высказывается В. В. Виноградов, председатель организованной в 1963 г. комиссии по усовершенствованию русской орфографии. Реформе 1917–1918 гг., отмечается в одной из его публикаций, не удалось освободить письмо «от вопиющих противоречий и

многих неудобств»²⁵⁰ [Виноградов, 1962]. Правописание отличает «излишняя сложность, противоречивость и мелочная разноречивость», выступающие серьезным «препятствием» не только в распространении высокой грамотности в обществе, но и «помехой» в овладении стилистическим разнообразием литературного языка и культурой речи²⁵¹ [Там же]. Потребность в реформировании стала «совершенно очевидной» при подготовке единых правил, когда «раскрылось орфографическое поле русского языка со всеми противоречиями, неоправданными пережитками, неясностями» [Там же]. Однако в то время, как подчеркивает В. В. Виноградов, на понимание «существа» и «объема» орфографической работы оказали влияние взгляды В. И. Сталина на развитие языка, «искусственно притянутые» к решению вопросов правописания, поэтому в 1956 г. «вынужденно» была проведена не реформа, а «некоторая унификация», не всегда последовательная [Там же].

В подобной характеристике правописания и требования нового реформирования видится определенная политическая ангажированность²⁵², поскольку ранее В. В. Виноградов придерживался противоположной оценки итогов реформы 1917–1918 гг., подчеркивая важность предпринятого устранения архаичных пережитков, сделавших письмо «значительно стройнее, единообразнее и последовательное», и отсутствие какой-либо необходимости его «отменять» или вновь реформировать [Виноградов, 1954, с. 35].

Современные сторонники нового реформирования, критически оценивая итоги реформы 1917–1918 гг., нередко прибегали к тем же аргументам, что и участники орфографической полемики в первые послеоктябрьские годы, отмечая

²⁵⁰ «Почему надо писать *отрасль*, но *поросль*, *заросль*? *Ровный*, но *равнина*? Почему *цинк*, *цифра*, *цитра* и т.п. через *и*, а *цыган*, *цынга*, *цыновка* через *ы*? Таких вопросов можно поставить множество!» [Виноградов, 1962].

²⁵¹ «Реформа 1918 г. не разрешила всех больных вопросов русского правописания... Нужна реформа, которая устранила бы все пережитки и противоречия, освободила бы ...от имеющегося «хлама», отнимающего непроизводительно много времени у учащихся и тормозящего усвоение ими основ знаний» [Биргер, 1962, с. 101].

²⁵² Неудовлетворительная оценка итогов реформы 1917–1918 гг. в публикациях А. И. Ефимова и В. В. Виноградова «должна была стать первым действием в подготовке общества к уже одобренной на государственном уровне орфографической реформе» [Арутюнова, 2015, с. 23].

неполноту реформы вследствие подготовки в условиях старого режима («урезана реакционной профессурой»), сложность и непоследовательность орфографии, ее доминирование в школьном курсе русского языка и необходимость изучения в течение нескольких лет, что представляется нерациональным с экономической точки зрения [Биргер, 1962, с. 101; Варухин, 1962, Виноградов, 1962; Ардентов, 1963]. Вновь прозвучали и предложения приблизить правописание к произношению [Ефимов, 1962; Фигуровский, 1962; Рукавишников, 1962]. Неодобрительная характеристика на этом этапе вновь дается и усилиям Я. К. Грота, который «с немецкой педантичностью и утонченной пунктуальностью» изложил правила, «только по недоразумению» ставшие обязательными в школе [Ефимов, 1962, с. 3]. Но сторонники нового реформирования правописания оказываются уже не в абсолютном большинстве, как, например, в 1920–30 гг.²⁵³.

Реформа правописания 1917–1918 гг., какой бы сложной и противоречивой ни была история принятия ее итогов, «по прошествии многих лет, снявших политическую остроту вопроса», осознается как важнейшее социокультурное событие XX в., ставшее началом «новой «эры» в русском правописании [Лопатин, 2007, с. 673; Григорьева, 2004, с. 150]. Современная орфография успешно обслуживает культурные потребности общества, а потому ее дальнейшее коренное реформирование вряд ли можно считать оправданным и целесообразным.

Принципиально разная оценка итогов реформы правописания в научно-педагогической полемике в 1920–60-е гг. XX в. определялась не столько лингвистическими, сколько экстралингвистическими причинами, оказываясь в прямой зависимости от общественной или официальной установки либо на реформирование орфографии, либо на ее упорядочение.

²⁵³ Приведем красноречивые названия статей противников реформы: 1) Щенников Е. П. Орфография не виновата (Русский язык в школе. 1963. № 4); 2) Саак С. Угроза... новой реформы (Литературная газета. 1964. 26 марта); 3) Скокова Л. И. Несколько слов против ломки орфографии (Русский язык в школе. 1964. № 1); 4) Земцов Ю. В. Нужна упорядоченность, а не ломка (Русский язык в школе. 1964. № 1); 5) Невинская Л. Упорядочение или «революция»? (Учительская газета. 1964. 6 октября) и т.д.

3.2. Стихийность орфографической работы в первое послереформенное десятилетие

Разрешив крупнейшие вопросы по упрощению русского письма, реформа не затронула многих частных вопросов правописания, поэтому в практике «очень скоро» обнаружилось оставшиеся неурегулированными многочисленными противоречивые написания, а также случаи, не регламентируемые никакими правилами [Шапиро, 1956, с. 4]. По мере того, как ширилась кампания по ликвидации безграмотности, росло школьное образование и увеличивалось количество книжных и периодических изданий, эта неупорядоченность стала ощущаться «все острее и глубже» [Там же]:

<...> состояние нашего правописания таково, что нуждается в упорядочении целого ряда сомнительных и спорных случаев. Они отнюдь не являются плодом реформы 1917 г. Реформа, упростившая наше правописание и тем облегчившая его усвоение, коснулась частью основных приемов письма, частью отдельных случаев, но как те, так и другие не принадлежали к числу написаний неустановившихся ... Они остаются до сих пор. Сюда относится двойственность написаний в корнях и суффиксах многих слов, например, *колач* и *калач*, *возжи* и *вожжи*, *жолудь* и *желудь*, *мачеха* и *мачиха*, *Манечька* и *Маничька*, слитное и раздельное написание наречий, вроде *порусски*, *по русски*, *по-русски*, удвоение или неудвоение согласных в иностранных словах и многое другое» [Отзыв Д. Н. Ушакова о новом орфографическом словаре Я. С. Хомутова (1927 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 92. Л. 33].

Социально-экономические преобразования в 1920 – 30-е гг. привели к быстрому увеличению лексического состава языка, что также требовало соответствующего орфографического оформления. Множество нерешенных частных случаев, разнобой в печатной продукции и рекомендациях орфографических руководств, падение общего уровня грамотности практически сразу же после проведения реформы 1917–1918 гг. настойчиво обозначили необходимость продолжения работы в области правописания. И если педагогическая общественность сосредоточила свои усилия на призывах к углублению итогов реформы и разработке новых радикальных проектов упрощения правописания, то печать, руководствуясь производственными и экономическими интересами, решает самостоятельно начать процесс упорядочения.

3.2.1. Техничко-орфографическая комиссия Государственного издательства РСФСР

Для разрешения спорных вопросов правописания в 1924 г. по инициативе Государственного издательства РСФСР «в порядке экономработы» создается технико-орфографическая комиссия²⁵⁴ [Южный, 1928, с. 19]. Ее целью были пересмотр существующей орфографической практики, выработка единых правил правописания для основных случаев разнобоя и представление их на официальное утверждение, что позволило бы обеспечить относительное единообразие печатной продукции в разных издательствах и типографиях [Протокол заседания Комиссии о технико-орфографических правилах Государственного издательства РСФСР от 15.11.1927 // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 19].

Итогом работы издательства в области упорядочения печатной продукции станут опубликованные «Техничко-орфографические правила» (1927 г.). Они унифицировали употребление прописных букв, твердого знака и удвоенных согласных в иноязычных словах, перенос слов, написание наречий и отдельных союзов, оформление сложных прилагательных [Техничко-орфографические правила, 1927]. В ряде случаев орфографические нововведения комиссия аргументировала «денежной экономией» [Там же, с. 10]. Так, серьезный экономический эффект могло дать, по ее мнению, слитное написание наречий и ряда союзов: *попрежнему, постарому, полетнему, помоему, пофранцузски, подружески, сплеча, сразмаха, вволю, вопервых, впору, наряду, подряд, притом, приэтом, причем* [Там же, с. 11, 30]. Помимо «большой материальной экономии», это способствует и «стройности», «ясности» практики [Там же, с. 11]. Сложные имена прилагательные, составляющие единое понятие («между двумя словами нельзя поставить союз *и*») рекомендовалось писать слитно, остальные («между

²⁵⁴ «Упразднение лишней корректуры при отсутствии разнобоя в написании и правке – это удешевление книги, это помощь читателю, массе, государству, это та рационализация и режим разумной экономии, под знаком которых должно строиться наше советское государство во всех областях и деталях» [Южный, 1928, с. 19].

ними можно поставить союз *и*)» – через дефис: *ближневосточный* (*ближний+восток*), *сельскохозяйственный* (*сельский+хозяйство*), *торгово-промышленный* (*торговля и промышленность*) [Там же, с. 26]. Комиссия также не считала нужным сохранять у иноязычных слов удвоенные согласные в том случае, «если одна из согласных выпадает в русском произношении»: *коридор*, *шофер*, *галерея*, *катар*²⁵⁵ [Там же, с. 27]. Правила стремились внести порядок и в употребление твердого знака в разделительной функции перед гласными, в сохранении которого многие «увидели признак отступления назад советской власти», в результате чего он «незаконно, контрабандно» был замещен апострофом [Южный, 1928, с. 22].

АН СССР критически отнеслась к рекомендациям комиссии и потребовала от Государственного издательства (!) «*составить новое руководство и провести его немедленно в жизнь, покончив раз и навсегда с орфографическим хаосом*» (выд. мной. – С. Н.) [Большой вопрос (публикация). 1927) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 26]. В ответ издательство справедливо указало на необходимость «авторитетной ученой проработки» множества орфографических вопросов, поэтому разработка «нового советского Грота» – это «дело ученой академической комиссии»²⁵⁶ [Технико-орфографические правила, 1927, с. 7]. Свою задачу издательство видело в установлении «условного единообразия» в основных линиях разнобоя печатной продукции [Там же].

В фондах архива РАН сохранилось несколько протоколов заседаний технико-орфографической комиссии за 1927 г. с участием Д. Н. Ушакова [Протокол заседания Комиссии о технико-орфографических правилах

²⁵⁵ П. Южный писал в связи с этим: «Ни Грот, никто иной из ученых до наших дней не смел посягнуть на тысячи обруселых слов. А между тем жизнь сама отметала одну лишнюю согласную за другой, не ожидая помощи академиков (*атака, батарея, карета, протокол*). При современном быстром, почти лихорадочном темпе мысли, чувств, речи и письма удвоенные согласные, хотя бы в иностранных словах, – лишняя потеря времени, не говоря уж о том, что слова эти загромождают память, засоряют внимание, мозг, пригодный для другой, более нужной работы. К чему нам заучивать десятки тысяч обруселых слов с удвоенными согласными, когда эти слова отлично могут служить нам и с одной согласной... Сколько ненужной затраты времени, движений, бумаги, чернил, краски, денег!» [Южный, 1928, с. 22].

²⁵⁶ «Поразительно, как медленно спешат ученые учреждения с реформами орфографии, приходится этим заниматься нам, практикам ежедневного живого опыта» [Южный, 1928, с. 21].

Государственного издательства РСФСР от 15.11.1927 г.// Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 17–18 об.]. Так, Заседание от 22 ноября было посвящено обсуждению раздела «О прописных буквах», где основной разнобой был связан с употреблением прописной в составных наименованиях учреждений и в производных прилагательных. Д. Н. Ушаков предложил в таких наименованиях учреждений и организаций, а также наград и знаков отличий писать с прописной буквы только первое слово [Там же]. Последовало дополнение, предусматривающее употребление прописной в каждом слове составных наименований высших советских учреждений (*Центральный Исполнительный Комитет*), тогда как «все отжившие учреждения, независимо от эпохи», необходимо писать со строчной буквы. Представители отдела учебников отметили нарушение «твердости правила», в случае утверждения такой формулировки могут потребоваться дополнительные списки высших советских и упраздненных ранее учреждений самых разных исторических эпох.

В итоговый вариант предложений комиссии вошла все-таки рекомендация Д. Н. Ушакова об употреблении прописной буквы только в первом слове составных наименований, например: *Петровский исполком, Центральный исполнительный комитет СССР*. Ю. П. Южный приводит следующие размышления по этому вопросу Д. Н. Ушакова (в протоколах заседаний полемика не отражена):

<...> Следует максимально ограничить обычай выражать почет и уважение посредством прописных букв, поскольку смысл ее употребления состоит лишь в том, чтобы дать «сигнал» о наличии во фразе имени собственного²⁵⁷ (цит. по: [Южный, 1928, с. 20]).

В ходе обсуждения вопроса о правописании притяжательных прилагательных, как было отмечено Д. Н. Ушаковым, «совсем не с научной точки зрения»

²⁵⁷ «В советском государстве одинаково равноценны и *Петровский волисполком*, и *Центральный исполнительный комитет СССР* как органы рабоче-крестьянской власти, почему и принято решение единообразного написания в этих собственных именах с прописной буквы только первого слова наименования. Таким образом, десятки тысяч подобных названий ныне подчиняются единому принципу написания» [Технико-орфографические правила, 1927, с. 8–9].

«Для орфографии безразлично, какое иерархическое или политическое положение занимает данное учреждение, организация» [Южный, 1928, с. 19].

утверждено решение писать их со строчной буквы, хотя «для учебных целей удобнее» писать с прописной²⁵⁸ [Протокол заседания Комиссии о технико-орфографических правилах Государственного издательства РСФСР от 22.11.1927 // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 19 об.].

Работа технико-орфографической комиссии Государственного издательства оказалась причиной «дезорганизаторских начинаний» других типографий и издательств в части корректировки правил правописания, породив с ее «легкой руки» различные орфографические «стандарты», составители которых нередко шли «гораздо дальше ГИЗа»²⁵⁹ [Кочкин, 1929, с. 26]. Например, «Орфографические правила для наборщиков и корректоров» (1931), разработанные одной из типографий Московского полиграфического комбината, сочли необходимым уточнить рекомендации комиссии Государственного издательства, установив слитное написание всех сложных прилагательных (вместо слитного и дефисного в технико-орфографических правилах).

²⁵⁸ Эта точка зрения Д. Н. Ушакова на правописание притяжательных прилагательных разного типа позже нашла свое отражение в рекомендациях примечания первого проекта Правил 1936, который был составлен под его руководством: *Ванин билет, Далев словарь, Пушкинская квартира, Пушкинская чернильница, Тургеневская семья* [Правила, 1936, с. 61]. Для него характерно при выработке орфографических рекомендаций учитывать их целесообразность в плане обучения русскому языку, что станет причиной неоднократных нареканий со стороны специалистов АН СССР, в частности, Л. В. Щербы и С. П. Обнорского.

²⁵⁹ Приведем названия лишь малой части таких внутренних стандартов различных типографий и учреждений, продолжавших появляться вплоть до 1938 г.: 1) «Орфографические правила для наборщиков и корректоров» (М.–Л., 1929 г.); 2) «Орфографический и технический справочник» типографии «Таганрогская правда» (Таганрог, без г.); 3) «Орфографический и технический справочник» типографии «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» (М., 1930 г.); 4) «Орфографические и технические правила» для редакторов, машинисток, наборщиков и корректоров издательства «Экономическая жизнь» (М., 1931 г.); 5) «Орфографические и технические правила» для редакционных и типографских работников издательства «Огонек» (М., 1931 г.); 6) «Орфографическая памятка наборщика» типографии №2 Севкрайполиграфтреста «Северный печатник» (Вологда, 1932 г.); 7) «Орфография, пунктуация и техника корректуры: справочник для работников печати» А. Б. Шапиро и М. И. Уварова (М., 1933 г.); 8) «Технико-орфографический словарь-справочник» Н. Н. Филиппова (НИИ книговедения; Ленинград, 1933 г.); 9) «Справочник по орфографии» Академии легкой промышленности им. С. М. Кирова (Ленинград, 1933 г.); 10) «Словарь-минимум» для слушателей Академии РККА им. К. Е. Ворошилова (Москва, 1937 г.); 11) «Технико-орфографическая инструкция» для редакционных работников, корректоров и авторов Воронежского областного издательства (Воронеж, 1938 г.); 12) «Орфографический и технический справочник» типографии «Известия Совета депутатов трудящихся СССР» (М., 1938 г.).

В условиях отсутствия стандарта многочисленные орфографические руководства только усугубляли неупорядоченность письма, внося еще «большую сумятицу в практику» [Филиппов, 1931, с. 102]. Их составители нередко шли «своим путем рецептурных указаний» [Обнорский, 1934, с. 460]. То, что в одном орфографическом справочнике называется «белым», в другом именуется «черным»²⁶⁰ [Стефанский, 1929, с. 2].

Результатом оказалась «невообразимая разноголосица» печатных изданий друг с другом, а их вместе – со школьными учебниками [Кальмеер, 1929 (ЛГ. 2.12.29. № 33)]. Это привело к существованию «двух орфографий» – одной для школ, другой – для печати²⁶¹ [Хомутов, 1929, с. 28]. Неорганизованные и несогласованные друг с другом попытки издательств и типографий решить спорные вопросы письма приводят, по мнению современников, к «кустарной революции в орфографии» [Там же].

3.2.2. Инициативы Наркомата просвещения РСФСР, «Учительской газеты» и объединений корректоров

В феврале 1926 г. вопрос о нарастающем в печати разном и настоятельной необходимости издания орфографического словаря русского языка после «предварительного пересмотра всех спорных случаев, оставшихся от старого правописания», был включен в повестку заседания Государственного ученого совета Народного комиссариата просвещения РСФСР [Выписка № 3 (72) из протокола заседания Президиума Государственного ученого совета НКП РСФСР о разработке единого орфографического словаря // Ф. 502. Оп. 3. Д. 80. Л. 1]. Руководить подготовкой словаря было поручено Главнауке при

²⁶⁰ «В условиях «правописного самотека» первых послереформенных лет оказывается «просто невозможно твердо сослаться на хотя бы до некоторой степени наиболее официальную точку зрения» в решении того или иного орфографического вопроса» [Фесенко, 1955, с. 152].

²⁶¹ «Нечего и говорить, что различные орфографические инструкции, исходившие от Госиздата и других издательств, только усугубляли разницей и между собой, и между печатью в целом, с одной стороны, и школой – с другой» [Реформатский, 1937, с. 69].

непосредственном участии П. Н. Сакулина, М. Н. Сперанского, Д. Н. Ушакова и А. М. Пешковского [Записка коллегии Института языковедения и истории литературы Народного комиссариата просвещения РСФСР о подготовке орфографического словаря (16.03.1926г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 92. Л. 2]. В апреле этого же года начались переговоры Д. Н. Ушакова с руководством Главнауки об отпуске средств, необходимых для работ по составлению орфографического словаря [Распоряжение Президиума РАНИОН // Ф. 502. Оп. 3. Д. 92. Л. 4]. Подготовку словника словаря взял на себя А. М. Пешковский²⁶².

По свидетельству ученого секретаря Главнауки Г. К. Костенко, в 1927 г. при Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук также начинает свою работу комиссия, в задачи которой входит изучение поступающих с мест предложений по усовершенствованию русского правописания. Планировалось, что после обобщения и изучения этот материал составит основу полного справочника орфографических правил. Деятельность комиссии оказалась безрезультатной [Проект реформы правописания, 1930, с. 6].

В феврале 1927 г. редакция «Учительской газеты» обращается к Д. Н. Ушакову с просьбой подготовить для читателей материал, посвященный проблеме реформирования [Запрос редакции «Учительской газеты» Д. Н. Ушакову по вопросу о возможности дальнейшего упрощения правописания // Ф. 502. Оп. 1. Д. 68. Л. 11]. В апреле статья «Нужна ли дальнейшая реформа орфографии?» выходит из печати. Ее основу составляют полученные редакцией газеты многочисленные орфографические предложения, высказанные педагогической общественностью, значительная часть которых оказалась «старым, взвешенным и отвергнутым» ранее специалистами материалом [Ушаков, 1927, с. 2]. Так, предложение писать всегда *цы* (*цырк, лекцыя, цытадель, станцыя*), *жы* и *шы* (*жыр, мышы, жыла, сушить*), *-тся* в неопределенной форме глагола и *-ово / ево-* в окончаниях прилагательных, заменить *ъ* на *ь* после приставок (*подъем, объем,*

²⁶² После смерти А. М. Пешковского в 1933 г. по инициативе Д. Н. Ушакова работы над словарем возобновятся, однако из-за споров с правопреемниками А. М. Пешковского словарь останется незавершенным.

сьесть) в свое время входили в проект орфографической комиссии Р. Ф. Брандта, но «не пошли далее». Требование писать *с* вместо *з* в корневой морфеме (*скаска, реска, завяска, замаска*) отличает, как отмечает Д. Н. Ушаков, «странность» и «нелогичная избирательность» в применении фонетического принципа. Пожелание придать прописным буквам ту же форму, что и строчным, склонять заимствованные слова (*пальта, пальту*) не имеет отношения к орфографии, стремление установить написания *йама* и *йуг* вместо *яма* и *юг* предполагает «коренную ломку» графической системы [Там же].

Из всего множества предложений, по его мнению, лишь два заслуживают внимания и, если бы «мы когда-нибудь стали вновь реформировать орфографию, они выступили бы на первый план», поскольку «в свое время были твердо намечены по зрелому обсуждению и не прошли почти случайно» [Там же]. Это отвергнутые на совещании Академии наук по вопросу об упрощении русского правописания 11 мая 1917 г. (вопреки решению орфографической подкомиссии 1912 г.) предложения не писать мягкий знак после шипящих в конце слов (*ноч, поплач, идеш, улечся, сплош*) и писать под ударением после шипящих *о* в соответствии с произношением (*чорный, печот, крючок, свежо, шол, лжот, жолтый*).

Отвечая на вопрос, обозначенный в названии статьи, Д. Н. Ушаков заявляет, что печать и школа в настоящий момент заинтересованы в упорядочении, но не в новой реформе: «Так ли уж болен организм нашей орфографии, чтобы подвергать его столь частым операциям?» [Там же]. Упорядочение необходимо провести путем издания полного орфографического словаря, обязательный статус которого для всех государственных учреждений и организаций, школы, типографий и издательств должен быть узаконен властью [Там же].

В архивных фондах РАН сохранилось несколько обращений авторов и издательств в НКП РСФСР, датированных 1928–30 гг., с целью получения официального утверждения того или иного орфографического словаря:

<...> Госиздату в его работе приходится постоянно сталкиваться с различными недоразумениями в области орфографии... Вышедшие в последнее время орфографические

словари нельзя признать удовлетворительными и, кроме того, ни один из них не санкционирован авторитетным органом... Идя навстречу назревшей потребности, Госиздат дал задание Д. П. Кончаловскому составить орфографический словарь, **который мог бы быть “советским Гротом”**». Госиздат просит Вас организовать авторитетную комиссию для детального рассмотрения этого словаря (выд. мной. – С. Н.) [Обращение Государственного издательства РСФСР об организации комиссии для рассмотрения орфографического словаря Д. П. Кончаловского // Ф. 502. Оп. 3. Д. 92. Л. 2–2об.].

Вполне закономерно, что в условиях отсутствия последовательной и общеобязательной регламентации всех случаев орфографического разнобоя такая рекомендация, по мнению Д.Н. Ушакова, была нецелесообразна:

<...> Печать и школа жаждут того или иного определенного установления колеблющихся случаев. Такое установление должно быть авторитетно и санкционировано учебной властью... До тех пор все орфографические словари лишены всякого авторитета. Безразлично, как писать, например, *аккомпанемент*, *акомпанемент*, *аккомпанимент*, *акомпанимент*... Но надо уговориться и выбрать одно из четырех [Отзыв Д. Н. Ушакова о новом орфографическом словаре Я. С. Хомутова (1927) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 92. Л. 33].

Также сохранились официальные запросы о правильном написании слов в наименованиях организаций. Например, Центральный комитет ЦК Союза работников авиационной промышленности СССР обращается с просьбой дать «письменную справку» о предпочтительном написании слова *авиа(о)работник* в профсоюзных билетах²⁶³ [Запрос ЦК Союза авиаработников // Ф. 502. Оп. 1. Д. 69. Л. 1]. Дирекция московского «Диетического магазина № 2» просила разъяснить, как следует писать в наименовании магазина прилагательное *дие(э)тический*: *диетический* или *диэтический* [Обращения редакции журнала «Большевицкая печать» и дирекции «Диетического магазина № 2» // Ф. 502. Оп. 3. Д. 5. Л. 1–6].

Обсуждение проблемы неупорядоченности правописания и необходимости продолжения реформы 1917–1918 гг. с новой силой разворачивается в 1929 г. В октябре по инициативе Ассоциации корректоров при московском Доме печати

²⁶³ В архивном фонде Д. Н. Ушакова хранятся собранные им вырезки из журналов и газет «Правда», «Известия» за 1937–1939 гг., где отмечены красным карандашом следующие случаи разнобоя: *авиолинии* (без адреса); *азбест* и *асбест* (без адреса; в Словаре Ушакова – *азбест* (или асбест)); *афферист* и *аферист* (без адреса; в Словаре Ушакова – *аферист*), *Баренцево море* («Известия». 1937. № 119) и *Баренцево море* («Правда». 1937. № 139); *завершонный* («Правда». 1937. № 42; в Словаре Ушакова – *завершённый*); *пан-американский* («Известия». 1939. № 223; в Словаре Ушакова – *панамериканский*) [Вырезки из газет и журналов с пометами Д. Н. Ушакова об особенностях написаний слов // Ф. 502. Оп. 1. Д. 69. Л. 2–6, 30, 42, 66, 106].

создается орфографическая комиссия. В информационной заметке «Орфографический хаос», сообщавшей о начале работы комиссии, организаторы так объяснили причины ее создания:

<...> Это (орфографический хаос. – С. Н.) – больной вопрос и для наборщиков, которых заставляют по-разному набирать одно и то же слово, и для корректоров, ломающих копья хотя бы из-за твердого знака, самочинно заменяемого апострофом, и для педагогов, нередко становящихся в тупик перед настойчивыми вопросами недоумевающих школьников, и для многих других. Бесчисленные комиссии по реформе правописания, работающие уже второй десяток лет, до сих пор не дали практических результатов. А пока наша техническая литература наводняется все новыми орфографическими справочниками, выпускаемыми, на свой страх и риск, каждый – по-разному, и Госиздатом, и отдельными издательствами, и даже отдельными типографиями. Орфографический хаос растет. Необходимо, не дожидаясь окончания академических дискуссий, практически уточнить привившиеся правила правописания и безотлагательно опубликовать их в обязательном порядке [Орфографический хаос (публикация) // Ф. 502. Оп. 1. Д. 68. Л. 10].

В публикациях комиссии утверждается мысль о необходимости издания единого орфографического справочника для согласования и приведения к общему стандарту издательской практики: «Каждый справочник рекомендует свое правило... анархия полная!» [Спор о букве (публикация) // Ф. 502. Оп. 1. Д. 68. Л. 16]. Особо подчеркивалось, что справочник должен иметь статус обязательного, т.е. быть «декретирован правительством». По итогам обсуждения доклада, в котором принимали участие М. Н. Петерсон, А. М. Пешковский, Д. Н. Ушаков, В. А. Флеров, И. Н. Шапошников, М. И. Уаров, было решено обратиться с открытым письмом ко всем научным организациям и издательствам с целью координации работы и придания ей открытого характера [Приглашение к участию в работе комиссии // Ф. 502. Оп. 3. Д. 124. Л. 4].

Однако к тому моменту потребность в «новой коренной реформе» большинству участников орфографической дискуссии стала казаться абсолютно очевидной [Фалев, 1925, с. 95]. «Учительская газета» потребовала «со всей серьезностью поставить вопрос о новой реформе» [Редакционная заметка, 1929]. В редакционной статье пренебрежение требованием реформы характеризуется как «преступление против культурной революции»:

<...> Мы категорически настаиваем на скорейшем осуществлении реформы. Русское правописание и пунктуация должны быть освобождены от схоластики и рутины... Незакончен-

ность реформы – сильнейший тормоз для приобщения к культуре широких масс трудящихся [Редакционная заметка, 1929].

Реформаторский почин «Учительской газеты» получил широкое одобрение общественности:

<...> Надо надеяться, что напор советской общественности приведет к тому, что реформа упразднит максимум несуразностей русской орфографии и создаст правила, максимально облегчающие усвоение русской письменности [Кут, 1929];

<...> Ряд диспутов, сотни писем провинциальных и столичных педагогов в «Учительскую газету», смелые проекты реформы этого мало тронутого революцией хаотического участка поставили вопрос: «Не пора ли подумать и об орфографии?» [Уаров, 1930, с. 44];

<...> Словом, не было недостатка в лицах, которым казалось, что реформу 1917 г. следует углубить новыми и новыми коренными преобразованиями. В этом направлении начата была в 1929 г. кампания «Учительской газетой». Это увлечение реформой на несколько лет отодвинуло диктовавшееся жизнью решение задачи упорядочения правописания [Д. Н. Ушаков, 1937 (Большевистская печать), с. 17].

Для обсуждения вопроса в газете создается специальная рубрика «За решительную реформу русского правописания». Первым в рубрике появится материал И. В. Устинова «Реформа русского правописания 1917 г. осталась незавершенной», где утверждалась мысль о необходимости дальнейшего упрощения и рационализации письма, которое по-прежнему «выкачивает силы и энергию» у педагогов, школьников и работников печати.

Главным условием рационального письма И. В. Устинов называет соответствие звукам живого языка. Простота этого принципа, по мнению автора, заключается в том, что от пишущего требуется лишь улавливать «ухом основные звуки слов» и уметь «передавать их по определенной буквенной системе». Допустимым «коррективом» может служить морфологический принцип. Достоинства письма зависят от того, в каком соотношении окажутся «скомбинированы между собой эти два начала» [Там же]. Автор представил проект необходимых орфографических изменений, предусматривавший следующие написания: *ноч, рож, пишеш, реж; об'яснение, Тат'яна; жыр, шыло; ушол, шолк; краснова, синева; апарат, комуна; штобы, што* и т.д. Статья И. В. Устинова получила многочисленные положительные отклики.

В рубрике «За решительную реформу правописания» также выходят заметки М. Петерсона²⁶⁴, А. Ионина, А. М. Пешковского. Например, М. Петерсон для исключения произвола и субъективизма при обсуждении проектов реформирования предлагал учитывать, «удачно ли» они представляют интересы школы и печати, которые самым «ближайшим образом заинтересованы» в упрощении [За решительную реформу русского правописания, 1929, № 127]. Слушателям рабочих курсов грамотности, отмечает А. И. Ионин, «постоянно приходится удивляться», почему в русском языке слова пишутся не так, как произносятся? Их позицию характеризует «классовый подход» к реформированию, когда написание *что* объявляется «интеллигентским», а *што*, *штобы* – «рабочим», «пролетарским» [Там же].

Допуская возможность определенных «рациональных» изменений в правописании, А. М. Пешковский все же главной задачей считает упорядочение, «настойчивую» потребность в котором «не приходится доказывать». В интересах миллионов, уже освоивших грамоту, он высказывает пожелание, чтобы планируемый реформой «сдвиг» получился меньше, чем в 1917–1918 гг. Изменения должны носить «характер не самостоятельной реформы, а лишь завершения» предыдущей [Там же].

Между участниками организованного по инициативе «Учительской газеты» диспута «Что нужно для упрощения правописания и пунктуации?» (25 октября 1929 г.) возникнут серьезные разногласия в вопросе о возможных принципах реформы и ее глубине. Абсолютное большинство выступавших, вслед за И. В. Устиновым, решительно потребовало «дать систему» письма, основанную на фонетическом принципе. Результатом реформы должно было стать соответствие «условного письменного облика» литературного языка звуковому [Вокруг реформы правописания, 1929, с. 170]. Д. Н. Ушаков обратил внимание собравшихся, что далеко не всякая перемена в правописании является «благом», в текущей ситуации «добиваться во что бы то ни стало наибольшей реформы»,

²⁶⁴ Приложение № 9 «М.Н. Петерсон о свойствах русской орфографии».

опирающейся на фонетический принцип, вовсе «не мудро» [Там же]. Любые преобразования письма «должны исходить из жизненно-педагогических задач», между тем быстроту обучения и «легкость пользования» орфографией способны обеспечить именно морфологические ассоциации, свойственные нашей орфографии с момента его развития [Там же]. Современная орфография нуждается в упорядочении, а не в основательной перестройке ее основ.

Итогом инициатив «Учительской газеты», направленных на «организацию внимания вокруг реформы», станет создание в 1929 г. под давлением общественности при Главнауке первой советской официальной Комиссии по реформе орфографии и пунктуации. Начинания Ассоциации корректоров московского Дома печати и НКП РСФСР в части упорядочения правописания в первое послеоктябрьское десятилетие не найдут должного понимания и отклика в обществе.

3.3. Комиссия по реформе орфографии и пунктуации 1929 года

Организованная при Главнауке комиссия по реформе орфографии и пунктуации под руководством ученого секретаря Главнауки К. Г. Костенко стала в советский период первой, имевшей официальный статус²⁶⁵. В нее вошли ученые-специалисты и педагоги, поскольку предлагаемые изменения оценивались не только в системе лингвистических координат (например, свойств русской графики, сложившегося принципа отражения на письме явлений фонетического и морфологического порядка), но и с точки зрения процесса обучения письму и «потребностей школы», стремления «дать учительству в руки средство наиболее

²⁶⁵ В составе комиссии было выделено три подкомиссии: орфографическая подкомиссия (пред. И. В. Устинов), пунктуационная подкомиссия (пред. К. Б. Бахрин), подкомиссия по транскрипции иностранных слов и собственных слов и фамилий (пред. И. В. Устинов). Общий состав комиссии насчитывал 35 человек. Орфографическую подкомиссию представляли П. О. Афанасьев, Д. Н. Введенский, Г. К. Данилов, А. И. Ионин, В. А. Мамонов, Н. М. Петерсон, Н. Н. Никольский, И. Р. Палей, М. И. Уаров, Д. Н. Ушаков, И. Н. Шапошников [Проект реформы правописания, 1930, с. 64].

рационального обучения правописанию» [М. Н. Петерсон о свойствах русской орфографии // Ф. 696. Оп. 1. Д. 29. Л. 20].

Деятельность комиссии была организована таким образом, что орфографическая подкомиссия готовила предложения, учитывая поступавшие от учреждений и отдельных авторов материалы, затем после их обсуждения они выносились на специальные пленарными заседаниями. После утверждения предложения включались в проект [Предложения, принятые на пленарном заседании комиссии Главнауки по реформе правописания (22.12.1929 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 102. Л. 8–13; Проект подкомиссии (комиссия 1929 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 102. Л. 8 об.].

С декабря 1929 г. по март 1930 г. комиссией и подкомиссиями было проведено почти 60 заседаний [Кальм, 1930]. Тем не менее комиссии было высказано замечание, что она «топчется на месте», хотя реформу орфографии было «бурно предложено провести в один месяц» [Там же].

Новые правила орфографии и пунктуации в процессе их подготовки не выносили на обсуждение общественности, поэтому представляет интерес мнение Ю. Олеша, обратившегося через газету к комиссии с открытым письмом²⁶⁶ [Олеша, 1930]. Актуальные вопросы правописания, подчеркнул он, писатели могли бы разрешить даже «лучше, чем кто-либо», сейчас же Федерация писателей вынуждена принять проект «как данное свыше, как нечто предписанное в ведомственном порядке»²⁶⁷ [Там же].

²⁶⁶ К этому моменту основные положения проекта были опубликованы только в журналах «Русский язык в советской школе» (1930. № 1), «Полиграфическое производство» (1930. № 2) и «Учительской газете» (1930. 6 февраля). Член орфографической подкомиссии М. И. Уаров, представив проект в журнале «Полиграфическое производство», отметил, что «с устранением явных противоречий и ненужных условностей в орфографии, с урегулированием и унификацией нашего письма мы освободим полиграфическую промышленность от излишних непроизводительных расходов (разнобой в корректорской правке, *стеснительные правила переноса, злоупотребление прописными*)» (выд. мной. – С. Н.) [Уаров, 1930, с. 46].

²⁶⁷ «Предложения комиссии могут оказаться вполне замечательными с точки зрения фонетики, экономики, но безобразными с писательской, ведь есть еще, кроме всего, известное только организаторам языка (писателям – С. Н.) значение графики слова» [Олеша, 1930].

Основные положения проекта были представлены руководителем Главнауки И. К. Лупполом на заседании коллегии НКП РСФСР 25 марта 1930 г. После их обсуждения коллегия постановила:

<...> Признать установку, на основе которой проделана работа по реформе русской орфографии (сочетание фонетического принципа с морфологическим, максимальная экономия при обучении грамоте, полиграфический эффект, тенденции в развитии языка), правильной [О новом правописании, 1930, с. 63].

В рамках выполнения поручений положения проекта в марте публикуются в центральных периодических изданиях и выходят отдельными брошюрами «Проект реформы правописания» (1930 г.) и «Проект Главнауки о новом правописании» (1930 г.) (общий тираж 18.000 экз.)²⁶⁸. Представляя проект, член комиссии Г. Данилов укажет на крайне сжатые сроки его подготовки:

<...> Проект далек от совершенства. Это бесспорно. Нелепо думать, что за три месяца, в течение которых работала орфографическая комиссия Главнауки, можно было изготовить безукоризненную систему орфографии. Реформа 1917 г. готовилась не один десяток лет, но всё же она оказалась малоудовлетворительной. Важно еще раз подумать, взвесить, обсудить каждый пункт проекта [Данилов, 1930, с. 116].

Во вступительной части проекта поясняются принципы, которыми руководствовалась в своей работе комиссия, обсуждается общественно-политический контекст новой реформы²⁶⁹, ее хозяйственное значение, акцентируется разграничение понятий язык и орфография²⁷⁰ [Проект реформы правописания, 1930, с. 3–10]. Особо подчеркивается недопустимость стихийных попыток усовершенствования правописания, несогласованность технико-

²⁶⁸ Отметим, что далее все разработанные проекты сводов правил издаются в количестве 100–150 экземпляров, что подразумевало их обсуждение только узким кругом специалистов. Исключение составит орфографическая дискуссия 1951 г., когда рекомендации Правительственной орфографической комиссии в части регламентации спорных групп написаний также широко освещаются в печати.

²⁶⁹ Орфографический вопрос рассматривается комиссией не столько как «узко академический или профессиональный», но как диктуемая совершенно новыми социальными условиями «политическая проблема», разрешение которой есть «крупный революционный акт» [Проект реформы правописания, 1930, с. 9–10].

²⁷⁰ Орфография определяется комиссией как письменный «наряд языка», его «одежда», иногда «устарелая и неудобная», а не «тело» [Там же, с. 6]. И если язык изменяется в живой речи «ежечасно», то орфография обычно реформируется «в кои-то веки», поэтому чтобы ее реформирование оказалось успешным, необходимо преодолеть «благоговение» перед буквой и «фетишизм»²⁷⁰ [Там же, с. 6]. К. Б. Бахрин, полагал, что неудобную и устарелую одежду языка «можно безболезненно сбросить и заменить другою» [Бахрин, 1930].

орфографических руководств различных издательств, ставших причиной «практики двойной грамотности» по издательским справочникам и официальной, в том числе школьной [Там же, с. 9]. Новое реформирование должно было бы привести к усилению роли фонетического принципа, обеспечивая заметное упрощение орфографии: «основная задача реформы – приблизить начертание слов к их звучанию»; «реформировать все-таки надо непременно в плане приближения к живой речи» [Там же, с. 6]. Однако это не должно означать, что орфография отдается «во власть сплошного фонетизма»²⁷¹. В качестве необходимого противовеса выступает морфологическое начало, обеспечивающее быстрое осмысление текста за счет сохранения «предварительного зрительного образа слова» во всех его формах²⁷²[Там же, с. 7]. Но решающую роль в выборе того или иного начала должен играть «принцип общественной целесообразности» [Проект реформы правописания, 1930, с. 9–10].

Принципиальное значение для истории стандартизации русского письма имеют два пункта орфографической программы комиссии 1929 г. В первом говорится о том, что после проведения реформы окажется «совершенно необходимым» издание государственного свода правил правописания и большого орфографического словаря. Во втором утверждается концепция безвариативной орфографической нормы:

<...> Установить единое написание слов, и которых допускалось двоякое, напр., *идти* и *идти*, *калач* и *колач*, *мачиха* и *мачеха*, *ватрушка* и *вотрушка*, *январский* и *январьский* [Там же].

В условиях приобщения к грамотности самых широких слоев общества и значительного роста количества печатных изданий, транслировавших государственную идеологию, орфография осознается как социальное

²⁷¹ «Требование *пиши, как говоришь*, представляется в такой же мере странным, как и обратная формула *говори, как пишешь*» [Проект реформы правописания, 1930, с. 7].

«Есть чудачки, полагающие, что задача реформы – выбросить флаг: *Пиши, как хочешь!* Но такая анархия привела бы к невозможности прочесть чужие писания из-за их своеобразия, и алфавит потерял бы значение великой связи между людьми. Нельзя упускать из виду основной социальной стороны письма» [Бахрин, 1930].

²⁷² Вопрос о принципах следует решать не путем «механического подчинения» письма фонетическому или морфологическому началу, но «в правильном их взаимодействии» [Проект реформы правописания, 1930, с. 8]

установление, поэтому норма должна обеспечивать безусловное «единство и общеобязательность орфографической системы для всех составителей учебников, наборщиков, учителей, а также для всех грамотных граждан Советского Союза» [Там же, с. 10]. Вариативность, подчеркивают члены орфографической комиссии, противоречит «здоровому инстинкту охраны орфографии как социального фактора»:

<...> Рабочие массы, все школьники требуют единообразия. Если в рабочей аудитории говорить, что можно писать и так, и так, то говорят, что это за шутка. Это не просто то, что мы внушаем им такое страшное благоговение к букве. Учащиеся не желают этого разнообразия, потому что разнообразие тормозит социальное общение между людьми. Вот почему мы в комиссии должны были считаться с этим требованием: меньше исключений, никаких двоек написаний. И мы шли навстречу этим требованиям [Диспут о новом правописании (1930) // Ф. 358. Оп. 2. Д. 75. Л. 33].

Всего в составе орфографической части проекта были заявлены 20 предложений. Шесть из них уже обсуждались ранее проектами упрощения правописания (например, комиссией Р. Ф. Брандта)²⁷³:

1) мягкий знак в отделительной функции: *конъюнктура, объявление, съезд, субъект, трехъярусный* и *шью, ружье* (пункт № 1 проекта)²⁷⁴;

2) исключение *ь* после шипящих в именах существительных 3-го склонения, формах повелительного наклонения, личных и инфинитива, наречиях: *вещь, доч, рож, реж, режете, моеи, моеишя, стрич, навзнич, настез, сплош* (пункт № 2 проекта)²⁷⁵;

3) под ударением после шипящих *ж, ш, щ, ч* и *ц* – *о*, без ударения – *е*: *пчолка, щоки, шолк, жоны жолтый, чорный, лжот, шол, облицовка*, но *пчела, щека, жена, чернеть, желтет шептать* и т. д. (пункт № 3 проекта)²⁷⁶;

²⁷³ Для иллюстрации образца нового правописания комиссия Р. Ф. Брандта и комиссия 1929 г. выбирают один и тот же текст «Осенние впечатления в деревне».

²⁷⁴ «В качестве отделительных знаков у нас теперь употребляются два: *ь* и *ь*, а если, кроме этих двух узаконенных, считать еще незаконный апостроф (*'*), то – три... Существование нескольких знаков для одной и той же цели усложняет усвоение правописания... Что касается буквы *ь*, то, если она в середине слов выполняет роль отделительного знака независимо от твердости или мягкости предшествующей согласной, то она вполне может выполнить эту роль и в сложных словах тоже уже независимо мягкого произношения» [Проект реформы правописания, 1930, с. 11–12].

²⁷⁵ В этих случаях употребление *ь* не связано с произношением, является лишь «условным признаком» формы, ее «грамматическим сигналом», при этом не представляющим «безусловной необходимости» [Проект реформы правописания, 1930, с. 11–12].

²⁷⁶ Отмечая определенные «невыгоды» этого предложения, связанные с нарушением графического единства слова, комиссия подчеркивает его соответствие произношению. В числе возможных способов упорядочения также обсуждалось употребление ударного *о* только после твердых *ж, ш, ц*, а после мягких *ч* и *щ* – *е*. Это предложение действительно могло бы «ввести

4) **-ово, -ево** вместо **-ого, -его**: *портново, доброво, синево, новово, чево, всево, ево, идуцево, ушедшево* (пункт № 9 проекта)²⁷⁷;

5) **-ьи, -ии** вместо **-ые, -ие**: *добрыи, синии, идуции, портныи, мастеровыи, животныи* (пункт № 10 проекта)²⁷⁸;

б) после **ж, ш** и **ц** писать **ы** вместо **и**: *жырный, кожны, лежыт, шыть, нашы, соцыализм, революцыя, цырк, пишыте* (пункт № 4 проекта)²⁷⁹.

«Предложения по усовершенствованию русской орфографии» 1964 г. сочтут целесообразным вновь вернуться к следующим пунктам проекта:

1) из двух суффиксов **-иц-** (*платьице, именице*) и **-ец-** (*ружьецо*) оставить только один **-ец-** (пункт № 8 проекта);

2) установить дефисное написание **пол-** (половина) с последующим родительным падежом существительного (*пол-магазина, пол-сотни, пол-часа, пол-яблока, пол-лимона, пол-Европы, пол-Москвы*) (пункт № 15 проекта);

3) исключить удвоенные согласные в иноязычных словах: *русский, Одеса, комиссия, искусство, коммунист, класовый, оппозиция, Ана, тона, Мюлер* (пункт № 5 проекта):

<...> Предлагаемое правило устранил колебания теперь и в будущем в правописании иностранных слов. Главным возражением является указание на такие иностранные слова, в которых мы упорно произносим двойную согласную: *Анна, ванна, масса, сумма, касса, тонна, группа* и т. д., и которые по общему правилу придется писать с одной согласной. Это соображение, однако, не может иметь решающего значения. Этот пункт облегчит усвоение орфографии и упразднит целый ряд существующих теперь сложнейших правил... Итак, то радикальное пред-

стройность», но «ценой отказа» от ряда твердо установившихся написаний: *свечей* вм. *свечой*, *плющем* вм. *плющом* при *межой, карандашом, лжот, стережот* при *течет* [Проект реформы правописания, 1930, с. 14].

²⁷⁷ «Написание с *г* условное, историческое. Введение **в** облегчит усвоение правописания, освободит учителя от неубедительных объяснений учащимся, почему нужно писать **-го**, и устранил буквенное выговаривание *г*, что часто замечается у школьников и иногда так и остается, особенно при чтении, если учитель во-время не отучит» [Проект реформы правописания, 1930, с. 14].

²⁷⁸ «Предлагаемое окончание соответствует принятому произношению и своим конечным **и** связывается с *волчыи, нашыи, свои, одни*, а также и с существительными, имеющими в окончании этих падежей **и** (или **ы**), которое также легко ассоциируется с **и** (*соседи, кони, пули, кости* и т.д.) [Проект реформы правописания, 1930, с. 14].

²⁷⁹ «Пишем здесь **и** по традиции, причем после **ц** в своих словах пишем **ы**, например, *концы*, а в иностранных **и**: *цырк*, с колебаниями *цыфра* и *цифра*. Предложение устраняет условность в употреблении то **ы**, то **и** после **ц** и устанавливает написания *жыи, шыи, цыи* согласно с произношением. Едва ли серьезным возражением следует признать указание на неизбежное появление непривычных написаний иностранных слов, вроде *Шылер, Шыльон, жырондисты*» [Проект реформы правописания, 1930, с. 14].

ложение, которое заключается в данном пункте, вызвано пожеланиями возможно большего упрощения, идя даже на явное расхождение с произношением [Там же, с. 16–17].

Правда, «Предложениями по усовершенствованию русской орфографии» 1964 г. планировалось сохранить удвоенные согласные в тех иноязычных словах, где они произносятся четко, например: *Анна, ванна, масса, сумма, касса* [Предложения по усовершенствованию русской орфографии, 1964, с. 13].

Следует также сказать, что несколько предложений «Проекта реформы правописания» 1930 г. полностью или частично войдут в Правила 1956:

1) в форме предложенного падежа ед. числа имен существительных, оканчивающихся на *-ье*, писать *-ье*: *в Поволжье, в ущелье, в ученье* (пункт № 6 проекта)²⁸⁰ [Проект реформы правописания, 1930, с. 17];

2) в окончаниях существительных общего рода писать *а*: *запевала, громила, подпевала* (пункт №8 проекта)²⁸¹;

3) приставки *анти-*, *ультра-*, *контр-* писать слитно: *антиалкогольный, ультрафиолетовый, контрреволюция* (в послереформенной практике были распространены дефисные написания указанных приставок) (пункт № 15 проекта);

4) производные прилагательные от собственных имен существительных писать со строчной буквы при наличии суффикса *-ск-* (пункт №17 проекта): *московские заводы, пушкинские стихи*²⁸².

Рациональным представляется и предложение «Проекта реформы правописания» регламентировать строчную букву в названиях должностей и титулов, а также писать в составных наименованиях учреждений и организаций,

²⁸⁰ «В дореформенной орфографии в словах на *-нье* в этом падеже до- пускалось двоякое окончание: *в ученьѢ* и *в ученье*. С устранением ятя, для отличия от винительного падежа, предпочтительно стали употреблять окончание *-ньи*, которое отсюда стало переноситься и вообще в слова на *-ье* (не только на *-нье*): *в ущельи, в Закавказьи*, чего прежде не допускалось. Необходимо установить единообразие» [Проект реформы правописания, 1930, с. 17].

²⁸¹ «Слова *запевала* и т. п. пишутся то с *о*, то с *а* на конце. Окончание *а* выбрано потому, что эти слова склоняются по женскому склонению: *воевода, староста, купчина, мужчина, Михаила*, и внешний вид им свойственно иметь тот же, что и эти слова; окончание *о* естественно для слов среднего рода: *мотовило, шило, покрывало*, склоняющихся по другому склонению» [Проект реформы правописания, 1930, с. 18].

²⁸² Проект также предусматривал употребление строчной и в контекстах с притяжательными прилагательными типа *ванино письмо*.

независимо от их статуса, с прописной только первое слово (пункт № 17): *комиссар, директор, Союз советских социалистических республик, Совет народных комиссаров, Красная армия, Рязанский отдел народного образования* [Там же, с. 22].

После опубликования проекта было получено более трехсот письменных откликов по вопросам, связанным с обсуждением конкретных предложений и проблемы реформирования письма в целом. Они оказались крайне противоречивыми как в определении необходимой «глубины» реформирования, степени компромисса фонетического и морфологического принципов в правописании, так и в конкретных предложениях проекта Главнауки [Диспут о новом правописании (1930 г.) // Ф. 358. Оп. 2. Д. 75. Л. 3–35]. Проект не смог «удовлетворить ни школу, ни печать, ни широкую общественность», поскольку тем, кто «мечтал» о чисто фонетическом письме, ошибочно считая самым простым и удобным принцип «пиши, как произносишь», он показался «недостаточно радикальным», следовательно, не способным разрешить «политический и научный вопрос о реформе орфографии в интересах масс» [Мальцев, 1930, с. 88; Шапиро, 1956, с. 9]. Другие увидели в нем «несвоевременную, не вызываемую подлинной жизненной потребностью ломку» орфографии, к тому же «научно не оправдываемую» и практически на тот момент «нецелесообразную» [Шапиро, 1956, с. 9].

3.4. Ведомственные орфографические комиссии

Наркомата просвещения РСФСР и Академии наук СССР

Несмотря на то, что проекты реформирования правописания 1930-х гг. были отвергнуты, задача упорядочения русского правописания по-прежнему оставалась актуальной, требовала в силу своей сложности «немало усилий и времени для ее разрешения» и определяла вектор усилий всей последующей орфографической работы вплоть до 1956 г. [Шапиро, 1956, с. 9]. Второе послереформенное десятилетие, как и первое, характеризуется многочисленными попытками крупных издательств и отдельных лиц создать справочник, способный

предложить унификацию всех спорных написаний, установив тем самым относительное единообразие в практике письма и печати²⁸³. Но вся эта работа вновь велась разрозненно и несогласованно, каждый автор «упорно старался провести свою точку зрения», что привело лишь к усилению разнобоя [Там же, с. 10]:

<...> Нам кажется, что в Советском Союзе едва ли можно найти две газеты, два журнала, два учебника и даже два орфографических словаря, правописание которых было бы абсолютно во всем сходно. Так, профессор Ушаков в своем орфографическом словаре для начальной и средней школы предлагает всем школьникам писать *авиазавод, аллея, бечевка, желчь, решетка, шелк, в пух и в прах, в течение времени, не под силу, на лету, итти, за границу, за границей, из-за границы, мачеха, социал-демократ, на днях, на дом, не к спеху, ни гугу, юго-восток*. А. Б. Шапиро в своем справочнике для работников печати рекомендует эти же самые слова писать так: *авиозавод, алея, бичевка, жолчь, решотка, шолк, втечение времени, впух и прах, неподсилу, налету, идти, заграницу, заграницей* (но *из-за границы*), *социалдемократ, мачиха, надом, наднях, некспеху, нигугу, юговосток*... Корректоры «Известий» пишут: *в виде, в виду, на ряду, на ходу, не даром, под ряд, при чем* (раздельно). Корректора журнала «Большевик» изображают их по-своему: *ввиде, ввиду, причем* (слитно) [Иоаннисянц, 1935, с. 38].

Начало нового этапа обсуждения проблем правописания обозначит выход в 1933 г. справочников для работников печати «Орфография, пунктуация и техника корректуры» А. Б. Шапиро и М. И. Уварова (Москва) и «Технико-орфографический словарь-справочник» Н. Н. Филиппова (Ленинград), несогласованные и противоречивые рекомендации которых вызовут множество обращений в НКП РСФСР. Так, в одной из докладных записок выражается крайняя обеспокоенность тем, что «самостийные» попытки орфографической нормализации этих справочников, требующие «явочным порядком внедрять новую орфографию, сбивчивую и путаную», могут найти отражение в стабильных школьных учебниках [Докладная записка кафедры русского языка МГПИ завнаркому просвещения т. Мальцеву о разнобое в рекомендациях // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 8]. Одновременный выход в свет несогласованных друг с другом справочников, отмечается в записке, «сигнализирует о неблагополучии на фронте

²⁸³ В период 1940-х гг. из печати выходит «исключительно большое количество различных орфографических справочников – с различными специальными назначениями (для корректоров, издательств, школ), но вся эта продукция... отличалась несогласованностью между собой и пестротой в разрешении спорных вопросов» [Щенников, 1955, с. 465].

орфографии», «расшатывает» орфографию и «протаскивает» несанкционированные НКП РСФСР и АН СССР «непродуманные новшества» [Там же, Л. 9, 10 об.].

К одному из заседаний коллегии НКП РСФСР Д. Н. Ушакову было поручено подготовить развернутый отзыв о справочниках, где настойчиво повторяется мысль о разное как «зле», от которого давно страдают школа и печать. Справочники А. Б. Шапиро, М. И. Уварова и Н. Н. Филиппова – «новые звенья в цепи» стихийных попыток дать, наконец, авторитетное руководство печати [Там же]. Невозможно найти такие орфографические словари, которые не противоречили бы друг другу, поэтому перечень несовпадений в рекомендациях справочников, может быть «без труда увеличен», если обратится к существующим словарям:

<...> Все выпускаемые сейчас для корректоров словари и другие орфографические пособия с попытками унификации вредят делу, так как они неминуемо должны противоречить друг другу, а выпускаемые без унификации, т.е., например, со всеми тремя возможными написаниями (*придти*, *прийти* и *притти*) делу не помогают [Ушаков Д. Н. Тезисы доклада «Об орфографии» // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 18 об.]

Без организованной под руководством НКП РСФСР работы в этом направлении, подчеркивает Д. Н. Ушаков, издание орфографических пособий приносит обществу «не мир, а меч»²⁸⁴ [Записка Д. Н. Ушакова по поводу орфографических словарей // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 6].

Особое внимание в отзыве акцентируется на «нецелесообразности» орфографической реформы и «неотложной нужде в упорядочении», которое следует осуществить путем официального издания авторитетного орфографического справочника, где все разногласия были бы приведены к единству. Обязательный для всех статус справочника должен быть непременно

²⁸⁴ «Сейчас что город, то норов. Если Вы пройдетесь по издательствам, то увидите, что в них необычайный разноречивой и иногда, как, скажем, в комбинате «Правда», где имеются различные корректорские и разные заведующие этими корректорскими, между ними идет бой, как между двумя какими-нибудь партиями... недавно мне пришлось быть на таком бое... весьма любопытно, как за батюшку аза и матушку ижицу люди могут сражаться... Есть от чего прийти в отчаяние» [Стенограмма доклада Д. Н. Ушакова о состоянии орфографии на совещании словесников 20.04.1939 // Ф. 502. Оп. 3. Д. 106. Л. 14].

«утвержден учено-учебной властью»²⁸⁵ [Там же, Л. 7]. Он считал необходимым закрепить прерогативу решения спорных вопросов непосредственно за НКП РСФСР как ведомством, регулирующим деятельность школ и печати, а потому более других заинтересованном в скорейшем упорядочении. Ранее увлечение академических научных институтов «эффектной идеей новой коренной реформы» привело к появлению радикальных проектов, которые отодвинули задачу упорядочения на второй план, оставив школу и печать «перед разбитым корытом» [Там же, Л. 6]:

<...> Что касается Академии наук, то не ее дело, она не компетентна узаконивать практическое правописание, и если в реформе (1917 г. – С. Н.) она сыграла руководящую роль, то только тем, что взяла на себя инициативу созыва в 1904 г. комиссии из представителей общества для обсуждения возникших (прежде всего в Москве) проектов и по поручению этой комиссии образовала подкомиссию (орфографическую. – С. Н.), опять-таки не из одних академиков, которая и подготовила быстро проект упрощения правописания (выд. мной. – С. Н.) [Ушаков, 1923, с. 24].

Д. Н. Ушаков не приветствует широкое обсуждение орфографических решений, которые нередко оказываются компромиссными, ибо должны «учитывать багаж» традиций, потребности полиграфии и образования²⁸⁶[Там же].

Эти взгляды Д. Н. Ушакова определяют развитие орфографических событий данного периода в формате противостояния *педагогического / методического* подхода к упорядочению правописания (комиссия НКП РСФСР) и *лингвистического / академического* (комиссия АН СССР), пока последний не укрепится окончательно. Закономерно, что созданный комиссией НКП РСФСР под руководством Д. Н. Ушакова «Свод орфографических правил» (1936 г.)

²⁸⁵ Это утверждение, по мнению Д. Н. Ушакова, необходимо, поскольку «все равно, как писать... как-то надо уговориться, как писать – *ватрушка* или *вотрушка*... именно это утверждение учебно-ученой власти необходимо для того, чтобы это было авторитетно» [Стенограмма доклада Д. Н. Ушакова о состоянии орфографии на совещании словесников 20.04.1939 // Ф. 502. Оп. 3. Д. 106. Л. 14]; «Практика школьная, с одной стороны, и практика печатная, с другой стороны, не будут... искать тщетно ответа на вопрос, кем это утверждено и почему я должен так писать, а не иначе [Стенограмма совещания преподавателей русского языка и литературы с участием Д. Н. Ушакова (21.04.1935) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 106. Л. 3].

²⁸⁶ Поскольку «никто не в состоянии доказать, что то, а не иное из разноречивых написаний является наиболее распространенным», утопичной казалась ему и идея создать словарь, способный «удовлетворить вкусам и мнениям всех грамотно пишущих» [Записка Д. Н. Ушакова по поводу орфографических словарей // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 6].

академическая комиссия назовет «специально» сделанным для ликвидации безграмотности²⁸⁷ [Совещание Объединенной комиссии по упорядочению правописания. Стенографический отчет // Ф. 394. Оп. 1. Д. 52. Л. 66].

Важным для истории стандартизации правописания представляется решение коллегии НКП РСФСР от 21 июля 1933 г., где официально признается «острая необходимость именно унификации, но не реформы правописания», о чем «незамедлительно» сообщается всем подведомственным учреждениям [Перечень главнейших моментов в деле об орфографическом словаре (от 20.07.1935) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. Л. 31]. На следующем заседании коллегии 9 октября 1933 г. представляется доклад К. С. Кузьминского «Орфографическая неразбериха», название которого емко характеризует ситуацию в послереформенном письме, а также вырабатываются основные подходы к упорядочению правописания [Материалы к постановлению коллегии НКП РСФСР // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 4 об.].

Во-первых, вариативность в написании одних и тех же слов (*баррикада* и *барикада*, *в старину* и *встарину*, *танцевать* и *танцовать*) признается явлением, «крайне мешающим работе школы и печати» [Постановление коллегии Народного комиссариата просвещения РСФСР об организации комиссии по унификации противоречивых написаний (09.10.1933 г.) // 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 3]. Во-вторых, «установление единообразия» предполагается осуществить «путем издания» большого орфографического справочника, утвержденного НКП РСФСР в качестве общеобязательного. Основу справочника должны были составить материалы словаря А. М. Пешковского, который готовился к изданию

²⁸⁷ Так, Правила 1936 предложила следующую формулировку правописания корневых морфем *-лаг-* и *-лож-*: «Корень *лог* имеет варианты: *лож* и *лаг*. В безударном положении их пишется *а*, когда за ним следует *з*, и пишется *о*, когда за ним *ж*: *предлагать*, *безотлагательно* (хотя *предлог*), но *предложить*, *предположительно*» [Правила, 1936, с. 7–8]. По поводу этой формулировки член ленинградской академической комиссии Л. П. Щерба заметит: «Тут очень остроумно сказано, когда *з*, когда *ж*, все это внешне правильно, очень остроумно... .. но мне кажется, что тут это не должно **быть** и нужно взять другие формы... **это для широкой массы**, а я считаю, что это кодекс, изданный правительством... нужно было его перередактировать иначе» (выд. мной. – С. Н.) [Совещание Объединенной комиссии по упорядочению правописания. Стенографический отчет // Ф. 394. Оп. 1. Д. 52. Л. 66].

государственным словарно-энциклопедическим издательством «Советская энциклопедия». В-третьих, регламентация спорных написаний поручается специальной комиссии в составе Д. Н. Ушакова (как члена Ученого комитета НКП РСФСР), К. С. Кузьминского, В. Н. Сидорова и А. Б. Шапиро, которую прикрепляют к издательству «Советская энциклопедия»²⁸⁸. Перед комиссией также поставили задачу дополнить словарь основными правилами орфографии и пунктуации [Там же, Л. 4 об.]. В-четвертых, коллегия НКП РСФСР, признает необязательными рекомендации справочников А. Б. Шапиро, М. И. Уварова и Н. Н. Филиппова и в целях предупреждения разнобоя устанавливает запрет на издание любых орфографических справочников «в несогласованном виде» с решениями комиссии по упорядочению спорных написаний [Там же].

В начале 1934 г. в связи со сменой руководства издательство по собственной инициативе приостанавливает деятельность орфографической комиссии

<...> Издательство высказало свое недовольство работой комиссии, считая ее неправильной [Автограф Д. Н. Ушакова // Ф. 502. Оп. 3. Д. 117. Л. 2];

<...> Работа комиссии... с переменой руководства в отделе словарей стала встречать несочувственное к себе отношение. Мне, занятому сверх меры редакцией другого толкового словаря русского языка, было не под силу бороться с новыми настроениями издательства [Краткий меморандум по орфографическому вопросу от 12.07.1934 // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 17].

В марте 1934 г. Московский съезд работников полиграфической промышленности направляет НКП РСФСР резолюцию с требованием принять срочные меры «к устранению этого зла» – разнобоя. Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б), куда также поступают многочисленные жалобы «на ненормальное положение», создаваемое противоречивыми рекомендациями в орфографических словарях, потребует от Д. Н. Ушакова незамедлительно сообщить о работах по унификации орфографии [Краткий меморандум по орфографическому вопросу от 12.07. 1934. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 17, 17 об.].

²⁸⁸ В архивных документах и периодической печати в зависимости от ведомственного или территориального критерия комиссия называется по-разному: *(орфографическая) комиссия Наркомпроса, московская (орфографическая) комиссия, наркомпросовская (орфографическая) комиссия.*

Необходимость упорядочения орфографической практики обсуждается и в центральной печати. Как отмечает автор одной из публикаций с красноречивым названием «Привести к одному знаменателю», современные словари и справочники отличает «совершенно неряшливое» правописание. Из-за этого «винегрета» и «хаоса» многие смотрят на письмо слишком «вольно», руководствуясь правилом «пиши, кому как слышится». Ответственность за разработку «разумно обоснованного» и «твердого» руководства, которое бы разрешило все «орфографические казусы» возлагается на НКП РСФСР [Ионин, 1934].

Вопрос о разном в декабре 1933 г. обсуждается и на сессии Отделения общественных наук АН СССР (Ленинград), где также принимается решение организовать при кабинете славянских языков Института языка и мышления орфографическую комиссию для разработки правил унификации печатной практики под руководством А. С. Орлова. В ее состав вошли Б. М. Ляпунов, С. П. Обнорский, Л. В. Щерба, В. И. Чернышев, Е. С. Истрина, С. Г. Бархударов, Н. Н. Филиппов (составитель «Технико-орфографического словаря-справочника», 1933 г.), Л. С. Ляпунов [Объяснительная записка, 1937, с. 10].

Поводом для обсуждения орфографического вопроса стали заявления сотрудников АН СССР о произвольной и непоследовательной правке корректорскими службами их рукописей. Д. Н. Ушаков с некоторой долей раздражения заметил случайный характер этого внимания к орфографии, совершенно не связанного с практическими нуждами образования и печати:

<...> Академия наук обратила по случайному поводу внимание на состояние нашей орфографии и со своей стороны образовала комиссию [Ушаков Д. Н. Тезисы доклада «Об орфографии» // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 18 об.].

Уже в самом начале своей работы комиссия констатировала «большие разногласия» в нормах правописания, которые приняты в издательствах [Докладная записка для Совета НК СССР президента АН СССР акад. В. Л. Комарова // Ф. 456. Оп. 2. Д. 44. Л. 15–16]. Свою задачу она видела в том, чтобы составить сборник с «развитыми статьями», посвященный обсуждению

спорных вопросов правописания, «с объяснениями» и «экскурсами» в историю и небольшой орфографический «словарик» [Там же]. Сборник должен был продолжить традицию «Спорных вопросов русского правописания» Я. К. Грота. Д. Н. Ушаков справедливо заметил, что такой сборник не способен «удовлетворить нужду школы и печати» [Перечень главнейших моментов в деле об орфографическом словаре (от 20.07.1935 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. Л. 31]. Специально приглашенный на эту сессию, он отказался войти в состав академической комиссии, поскольку к этому моменту возглавлял орфографическую комиссию НКП РСФСР при издательстве «Советская энциклопедия» [Докладная записка для СНК о состоянии хода работы по составлению орфографического свода, справочника и словаря русского языка // Ф. 456. Оп. 1. Д. 44. Л. 9].

В апреле 1934 г. вопросы нормирования орфографии вновь оказываются в центре внимания АН СССР, где на очередной сессии Отделения общественных наук с обстоятельным докладом «Русское правописание и язык в практике издательств» выступает С. П. Обнорский²⁸⁹ [Обнорский, 1934, с. 455–483]. Основную причину орфографического разнобоя он видит в том, что в послереформенный период АН СССР осталась «в стороне от активного, руководящего участия» в решении орфографических вопросов, поэтому за дело взялись издательства «сами по себе, по своей силе и по разумению» [Там же]. Московский издательский концерн «ведет свою линию, Ленинградский – «свою», региональные типографии тоже нередко «руководствуются своими

²⁸⁹ Видимо, с этого момента и начинается системная работа по унификации правописания в АН СССР, поскольку С. П. Обнорский последовательно называет именно 1934 год как год создания академической орфографической комиссии: «В 1934 г. на сессии Академии наук по Отделению общественных наук был возбужден вопрос о неустойчивости в правописании и было постановлено создать орфографическую комиссию и поручить ей подготовить справочник по орфографии с небольшим при нем словарем» [Докладная записка С. П. Обнорского по русской орфографии для президента АН СССР // Ф. 456. Оп. 1. Д. 44. Л. 9].

²⁸⁹ В 1933 г. вышел «Словарь иностранных слов», где «предлагалось с одной согласной писать, например, *коммунизм, класс*. К счастью, этот словарь был скоро изъят из обращения. Во втором издании 1937 г. орфографические извращения первого были ликвидированы... Халтурные и вредительские творения бездарных грамотеев дезориентировали педагогов» [Косых, Устинов, 1938]. Пора устранить разнобой в русском правописании // Правда. 1938. № 269 от 29 сентября.

индивидуальными принципами»²⁹⁰. Вместе они свидетельствуют «о крайнем разное, о полной неразберихе» издательской практики [Там же, с. 460]. В докладе утверждается мысль о возможности взвешенного решения проблемы разнobia «только высокой ученой организацией по специальности и по авторитету, только Академией наук» [Там же, с. 478]. Присутствовавший на сессии Д. Н. Ушаков признал «целесообразным» объединить работу НКП РСФСР и АН СССР с целью создания полного свода правил. В этом случае отпадает надобность «предварительного одобрения» АН СССР, следовательно, он «быстрее окажется» у печати и школы [Ушаков Д. Н. Тезисы доклада «Об орфографии» // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 18]. Хроника орфографических событий этого периода находит свое отражение в «Кратком меморандуме по орфографическому вопросу» Д. Н. Ушакова [Краткий меморандум по орфографическому вопросу от 12.07. 1934 г. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 17, 17 об.].

Орфографическая комиссия, прикрепленная ранее к издательству «Советская энциклопедия», в результате настойчивых просьб Д. Н. Ушакова (председатель) в сентябре 1934 г. переходит в подчинение Ученого комитета литературы и языка НКП РСФСР²⁹¹. При этом перед комиссией поставлены более широкие задачи, чем подготовка большого орфографического словаря. Руководитель комитета М. В. Сергиевский укажет на первоочередность разработки свода правил, которому после утверждения должны следовать любые орфографические словари²⁹² [Заключение по вопросу об издании единого орфографического словаря (1934 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 26]. Это в корне

²⁹⁰ «Москва и Ленинград действуют врозь» в деле рекомендаций, «одним словом, что город – то норы, что деревня – то обычай [Обнорский, 1934]

²⁹¹ Состав комиссии при этом был существенно обновлен. Из прежнего остались только Д. Н. Ушаков (председатель) и А. Б. Шапиро. Были включены новые члены: А. М. Сухотин, А. А. Реформатский (секретарь комиссии) и М. В. Сергиевский, который, как видно из протоколов заседаний комиссии, присутствовал на заседаниях комиссии крайне нерегулярно [Краткий меморандум по орфографическому вопросу от 12.07.1934 // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 17 об.].

²⁹² Напомним, что комиссия Главнауки 1929 г. (куда в свое время входил и Д. Н. Ушаков) также считала «совершенно необходимым издание государственного орфографического свода» как важнейшего инструмента организованной орфографической работы, планируя приступить к его составлению после завершения реформы [Проект реформы правописания, 1930, с. 10].

меняло сложившееся представление о порядке упорядочения письма: если прежде итоговым инструментом унификации орфографической практики мыслится словарь, то теперь таковым становится свод правил. Словарь в этом случае выступает необходимым продолжением и углублением работы над сводом²⁹³. Задание «второй очереди – составление свода правил пунктуации» [Перечень главнейших моментов в деле об орфографическом словаре (от 20.07.1935 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 31].

По распоряжению НКП РСФСР Д. Н. Ушаков готовит текст официального информационного сообщения для центральной печати, где подробно разъясняется отличие проводимого упорядочения от реформы [Протокол № 7 заседания орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы НКП РСФСР от 10.12.1934 г. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. Л. 7]. Оно четко отражает позицию государственных органов власти: «Целью работы комиссии является не реформа, а лишь упорядочение правописания» [Разной в правописании будет устранен, 1934]. Следует сказать, что Д. Н. Ушаков на протяжении всей своей работы над сводом регулярно выступает на совещаниях, собраниях и педагогических конференциях, опровергая «разговоры о подготавливающейся будто бы реформе правописания» [Стенограмма совещания преподавателей русского языка и литературы с участием Д. Н. Ушакова (21.04.1935 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 106. Л. 1]. Работа специалистов, подчеркивает он, дабы «не повторить ошибки» радикальных проектов (1930–1931 гг.), «не должна ломать» существующих норм и «создавать реформу»:

<...> Что в практике и в предшествующих кодификациях правил правописания решалось единообразно... должно быть сохранено, даже если это вызывает некоторые теоретические возражения [Там же, Л. 2–2 об.].

Первое заседание орфографической комиссии Д. Н. Ушакова после ее перевода из издательства в НКП РСФСР состоялось 22 октября 1934 г. В

²⁹³ «Неотъемлемой частью свода должен стать большой орфографический справочник (чем больше, тем лучше), который является очень ценным для конкретной иллюстрации» [Стенограммы заседаний орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 18 об.–19].

протоколе № 1 представлен поддержанный всеми членами комиссии порядок ее работы²⁹⁴:

<...> В первую очередь проработать собственно орфографические вопросы, во вторую – вопросы пунктуации [Протокол № 1 заседания орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы Народного комиссариата РСФСР от 22.10.1934 г. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. Л. 1].

Отметим две характерные особенности организации деятельности комиссии. Во-первых, протоколы заседаний не содержат записи каких-либо прений или обсуждений формулировок правил, образцов иллюстративного материала, а только повестку и принятые решения, поэтому некоторые из протоколов занимают буквально половину печатного листа²⁹⁵. Во-вторых, решения о порядке регламентации принимаются ограниченным составом (абсолютное большинство протоколов – Д. Н. Ушаков, А. Б. Шапиро, А. М. Сухотин и А. А. Реформатский):

<...> Я всегда считал: ведь вот уже 36 лет, как я занимаюсь этими делами и знаю, чем обширнее заседание, тем оно менее продуктивно, большие обсуждения превращаются в утопию. Я считаю вредным вести обсуждения в многочленном собрании ... нужно в небольшом количестве вести эту работу²⁹⁶ [Обсуждение доклада А. С. Орлова // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 10].

За каждым членом комиссии на первом заседании были закреплены разделы. Так, А. Б. Шапиро готовил материал о правописании согласных и слитных, раздельных, дефисных написаниях; А. А. Реформатский – об аббревиатурах и прописных буквах; А. М. Сухотин – о правописании гласных и заимствований, употреблении *ъ* и *ь* [Протокол № 1 заседания орфографической комиссии при Ученом Комитете языка и литературы НКП РСФСР от 22.10.1934 г. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. Л. 1]. Наиболее спорные и сложные разделы

²⁹⁴ Протоколы комиссии при Ученом комитете литературы и языка НКП РСФСР являются составной частью книги, где сшиты протоколы заседаний со сквозной нумерацией вплоть до января 1937 г. (62 протокола). Причины перерыва в работе комиссии с 23 июня 1935 г. (дата предпоследнего в 1935 г. заседания) по 16 декабря 1935 г. – завершение работы над Сводом орфографических правил и «ожидание инструкций в связи с дальнейшим ходом дела по утверждению Свода» [Записка замнаркому «Перечень главнейших моментов в деле об орфографическом словаре» от 20.07.1935 // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. Л. 31].

²⁹⁵ Документ представлен в приложении № 12.

²⁹⁶ Состав орфографической комиссии 1939 г. включает 15 человек, 1947 г. – 12 человек.

(о написании иноязычных слов и прописных букв, слитных, отдельных и дефисных написаниях) могли проходить до трех редакций [Протокол № 20 заседания орфографической комиссии при Ученом Комитете языка и литературы НКП РСФСР от 28.03.1935 г. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. Л. 18]. Представляет интерес замечание комиссии о необходимости при упорядочении непроверяемых безударных гласных «придерживаться» написания *a* (а не *o*) и *e* (а не *u*) [Протокол № 11 заседания орфографической комиссии при Ученом Комитете языка и литературы НКП РСФСР 07.01.1935 г. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. Л. 11].

После ряда настойчивых просьб и обращений Д. Н. Ушакова в декабре 1934 г. АН СССР делегирует С. П. Обнорского для участия в совместном заседании [Протокол № 8 заседания орфографической комиссии при Ученом Комитете языка и литературы НКП РСФСР от 18.12.1934 // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. Л. 8]²⁹⁷. Членам обеих орфографических комиссий впервые представилась возможность уточнить подходы к организации работы:

1) **характер проводимой работы** (унификация, но не реформа – обе комиссии);

2) **объем регламентируемого материала** (только орфография у комиссии АН СССР; орфография и пунктуация у комиссии НКП РСФСР);

3) **формат итогового документа и его адресат** (сборник статей для специалистов, посвященный спорным вопросам послереформенного правописания, с историческим комментарием и параллелями из славянских языков у комиссии АН СССР и полный свод правил у комиссии НКП РСФСР для широкого круга пишущих). В связи с этим представляют интерес мнения членов комиссии АН СССР о своде:

<...> В отличие от справочника с развитыми статьями по разным вопросам правописания, с объяснениями, историческими экскурсами, орфографические правила комиссии НКП содержат «сухие, без каких бы то ни было объяснений», нормы написания (С. П. Обнорский) [Докладная записка С. П. Обнорского по русской орфографии для президента АН СССР // Ф. 456. Оп. 1. Д. 44. Л. 9].

²⁹⁷ Документ представлен в приложении № 14.

<...> Мне представляется, что как документ... он по форме не совсем подходит... эта работа имеет ликбезовский характер, то есть очень кратко и в максимально популярном виде для людей, не требующих никаких резонов, дает эти правила (Л. В. Щерба) [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 214];

4) *принцип вариативности* (комиссия АН СССР считала ее возможной при условии рекомендации основного варианта, тогда как комиссия НКП РСФСР выступала категорически против) [Там же].

В ответ на предложение «взаимного ознакомления» с рабочими материалами для согласования предварительных результатов, С. П. Обнорский сообщил, что академическая комиссия считает возможным обсуждать этот вопрос только после того, как «выполнит свои задачи» так, как она их видит [Там же].

Орфографическая комиссия НКП РСФСР под руководством Д. Н. Ушакова в начале января 1935 г. завершила предварительное обсуждение всех разделов свода правил. Ее материалы были официально переданы академической комиссии для «учета», однако та вновь указала на невозможность их согласования [Перечень главнейших моментов в деле об орфографическом словаре (от 20.07.1935) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. Л. 31]. Работы над сборником статей комиссия АН СССР закончит к маю 1935 г. [Записка по вопросу о работах по орфографии русского языка в СНК СССР // Ф. 2. Оп. 1. Д. 183. Л. 17]. Таким образом, обе комиссии независимо друг от друга завершили свою деятельность: «Дело, начатое здесь и там, было доведено здесь и там самостоятельно до конца» [Докладная записка С. П. Обнорского по русской орфографии для президента АН СССР // Ф. 456. Оп. 1. Д. 44. Л. 10].

Следует сказать, что определенное противостояние НКП РСФСР и АН СССР на этом этапе выразилось не только в оспаривании главенства в решении орфографических вопросов, создании отдельных комиссий и несогласованности теоретических и практических установок, отсутствии координации работы, но и в настойчивом уклонении академической комиссии от совместного обсуждения рекомендаций. Д. Н. Ушаков вынужден признать, что «все делавшиеся со стороны» его комиссии попытки объединить работу «не удались» [Проект

обращения Д. Н. Ушакова в Совет Народных комиссаров СССР (1935) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 39 об.].

Этот этап работы ведомственных комиссий НКП РСФСР и АН СССР отражает характерное для истории орфографического движения наличие таких двух векторов его развития, как педагогический (комиссия НКП РСФСР) и академический (комиссия АН СССР) В XIX – начале XX вв. это движение носило «преимущественно педагогический характер» и было связано с идеями упрощения обучения правописанию и просвещения «народных масс передовыми слоями интеллигенции» [Шапиро, 1951, с. 192]. Постепенно его «новым фактором» становится ведущая роль АН СССР при решении орфографического вопроса» [Шапиро, 1951, с. 192]. Своеобразное перемещение «центра тяжести» в орфографической работе от АН СССР к НКП РСФСР (Министерству просвещения РСФСР) и обратно наблюдается вплоть до конца 50-х гг.

Ситуация ведомственного противостояния стала предметом саркастического обсуждения в статье М. Бочкарева «Про белого бычка» с едким эпиграфом «Лыко да мочало – начинай сначала», опубликованной «Комсомольской правдой». Всю вину за сложившееся положение дел автор попытался возложить только на комиссию НКП РСФСР, хотя именно она была инициатором всех совместных заседаний и неоднократно обращалась в АН СССР с просьбой предоставить материалы работы академической комиссии [Бочкарев, 1936].

Согласование результатов работы ведомственных комиссий, необходимое для завершения работы над сводом, поручается новой Правительственной комиссии по упорядочению русского правописания, учрежденной 15 декабря 1935 г. Постановлением Совета народных комиссаров СССР [Объяснительная записка к сводам // Ф. 503. Оп. 1. Д. 76а. Л. 25; Перечень разногласий орфографических комиссий АН СССР (1933) и Народного комиссариата просвещения РСФСР (при Ученом комитете языка и литературы) (1933) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 109. Л. 3–7]. Упорядочение орфографии осознается государством в первую очередь как необходимое условие обеспечения эффективной работы

такого важного социального института, как школа, поэтому председателем комиссии назначается нарком просвещения А. С. Бубнов, призванный обеспечить «ту оперативность, которая необходима для скорейшего проведения всего дела» [Докладная записка о состоянии хода работ по составлению орфографического свода // Ф. 2. Оп. 1. Д. 183. Л. 10].

К началу нового этапа орфографической работы ряд периодических изданий (например, «За коммунистическое воспитание», «Коммунистическое просвещение») публикует серию материалов, ставящих под сомнение способность НКП РСФСР эффективно решать задачи упорядочения правописания²⁹⁸. Они поддерживают позицию АН СССР, стремившуюся к утверждению главенства в решении орфографических вопросов.

В новую комиссию из состава прежней академической были включены только А. С. Орлов и С. П. Обнорский, тогда как НКП РСФСР представляли Д. Н. Ушаков, А. А. Реформатский, А. М. Сухотин, А. Б. Шапиро, Р. И. Аванесов и др. [Отчет непременно секретарю АН СССР Н. П. Горбунову об итогах работы Правительственной комиссии по орфографии // Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. Л. 8].

Нумерация книги протоколов заседаний предыдущей орфографической комиссии НКП РСФСР продолжена далее, круг ранее намеченных к обсуждению вопросов, несмотря на создание Правительственной комиссии, также остается прежним. К июню 1936 г. С. П. Обнорский присутствует только на двух заседаниях новой комиссии [Обсуждение доклада А. С. Орлова // Ф. 394. Оп. 1 (1936). № 52. Л. 10].

На первом заседании с участием С. П. Обнорского принимается решение о создании в рамках новой Правительственной комиссии специальной объединенной орфографической комиссии для организации обсуждения

²⁹⁸ Погорельский А. Дело за Академией наук // Коммунистическое просвещение. 1936. № 66; Когда же будет издан орфографический справочник? (редакционная статья) // За коммунистическое воспитание. 1936. Вып. от 18.02.

материалов обеих комиссий в формате орфографической конференции с участием специалистов и педагогов-практиков,²⁹⁹:

<...> Ввиду разногласий между решениями обеих комиссий есть необходимость пересмотреть ...пункты расхождений на предмет их согласования, а общие итоги вынести на специальное рассмотрение широкой конференции с участием представителей педагогов (выд. мной. – С. Н.) [Докладная записка президента АН СССР акад. В. Л. Комарова // Ф. 456. Оп. 2. Д. 44. Л. 15–16; Обращение с просьбой о созыве объединенной (расширенной) орфографической комиссии при АН СССР (04.06.1936 г.) //Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. Л. 53–54].

Проведение конференции объединенной орфографической комиссии было назначено на июнь 1936 г. в АН СССР [Протокол заседания комиссии по упорядочению правописания русского языка от 7 мая 1936 г. // Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. Л. 61; Докладная записка в секретариат АН СССР об организации работы объединенной (расширенной) орфографической комиссии (19.05.1936 г.) // Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. Л. 55–59]. В рамках подготовки к ней была проведена определенная работа по согласованию позиции обеих комиссий [Итоги предварительного соглашения по унификации спорных написаний орфографических комиссий Народного комиссариата просвещения РСФСР и АН СССР (подготовка к заседаниям объединенной орфографической комиссии 1936 г.) //Ф. 502. Оп. 1. Д. 68а. Л. 4–14].

3.5. Орфографическая конференция

в Академии наук СССР об упорядочении вариативных написаний

Дальнейшее обсуждение вопросов нормирования проходило в формате конференции, на время проведения которой в рамках Правительственной комиссии по упорядочению русского правописания 1935 г. под пред. А. С. Бубнова была организована работа объединенной орфографической комиссии в расширенном составе (пред. А. С. Орлов, заместители пред. С. П. Обнорский и Д. Н. Ушаков,

²⁹⁹ В архивных документах она иногда может называться *расширенной орфографической комиссией* [Телефонограмма Непременному секретарю АН СССР Н. П. Горбунову от 04.06.1936 // Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. Л. 53] или *конференцией* [Докладная записка президента АН СССР акад. В. Л. Комарова // Ф. 456. Оп. 2. Д. 44. Л. 15–16], *объединенной орфографической комиссией* [Протокол заседания комиссии по упорядочению правописания русского языка от 7 мая 1936 г. // Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. Л. 61].

общая координация А. С. Бубнов). Конференция состоялась 12–17 июня 1936 г. в АН СССР (Ленинград), всего было проведено 11 дневных и вечерних заседаний [Отчет председателя объединенной орфографической комиссии А. С. Орлова неперемемному секретарю АН СССР Н. П. Горбунову (12–17 июня 1936) // Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. Л. 35].

Д. Н. Ушаковым к началу работы объединенной комиссии составляется записка «О характере предполагаемого упорядочения», в которой четко формулируется тезис о том, что предпринимаемое упорядочение правописания не является реформой, а заключается в точной регламентации общих орфографических правил и установлении правописания отдельных слов, а также в унификации противоречивых написаний в аналогичных случаях. Особо подчеркивается важность разработки орфографического словаря как необходимого дополнения свода:

<...> Словарь является перечнем всех слов, о правописании которых трактуют материалы свода, а также таких слов, правописание которых можно установить только в словарном порядке или которые массовому потребителю свода нелегко будет подвести безошибочно под определенное правило [Докладная записка Д. Н. Ушакова о характере предлагаемого упорядочения правописания для объединенной орфографической комиссии при АН СССР 12–17 июня 1936 г. // Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. Л. 38–39]³⁰⁰.

По поручению А. С. Бубнова эта записка рассылается всем участникам объединенной комиссии [Сопроводительное письмо к докладной записке Д. Н. Ушакова о характере предполагаемого упорядочения для объединенной орфографической комиссии при АН СССР 12–17 июня 1936 г. // Ф. 502. Оп. 1. Д. 68а. Л. 1]. К записке прилагается «Особое мнение об устранении буквы ъ» профессора Л. И. Жиркова, где он выступает с предложением «совершенно» отказаться от употребления твердого знака, заменив его в роли разделительного знака мягким знаком (*разъезд*, а не *разъезд* и не *раз'езд*) [Особое мнение Л. И. Жиркова об исключении твердого знака для объединенной орфографической комиссии при АН СССР 12–17 июня 1936 г.]³⁰¹.

Работу конференции открыл краткий установочный доклад академика А. С. Орлова с пояснением, что ее основная цель – «объединить, унифицировать»

³⁰⁰ Документ представлен в приложении № 15.

³⁰¹ Документ представлен в приложении № 16.

и привести «к окончательному единству» результаты работы ведомственных орфографических комиссий НКП РСФСР и АН СССР. Итогом конференции должен стать согласованный документ, из которого «вытекали бы какие-нибудь правила для школы» [Обсуждение доклада А. С. Орлова // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 22]. К обсуждению комиссия НКП РСФСР представляет Правила 1936, а комиссия АН СССР орфографический справочник. Участники конференции подчеркивают, что различие документов «не только в оформлении, а в совершенно другом подходе». В справочнике «мнение» о правильном написании «сделано в виде рассуждения», тогда как в Правилах 1936 оно в виде требования, поэтому «в самом обосновании» он является «более педагогичным» в том смысле, что содержит четкие нормативные указания. В связи с этим приняли решение работать далее именно с текстом Правил 1936 «параграф за параграфом» [Там же, Л. 21 об.].

В ходе работы комиссии прозвучало много суждений, но остановиться следует на тех моментах, которые вызвали наибольшую полемику (подробная характеристика вариативных написаний послереформенного периода представлена в разделе 4.2. «Предложения проектов по упорядочению вариативных написаний в послереформенной практике»):

1. *Порядок регламентации употребления э / е в корне иноязычных слов после согласных*³⁰². Правила 1936 предусматривали в этом случае написание только *е* без каких-либо исключений (*бекон, пенсне, кафе, адекватный, леди*). Выбранный порядок регламентации не учитывает фактор нестабильного в этой позиции произношения, однако именно это и вызывает серьезные возражения Л. В. Щербы: «Говорить *гет[э]ра*, а писать *гетера* – зачем это делать?» Орфография в случае с иноязычными словами должна «учить людей правильно говорить», а «не держать в кармане секрет»: пишется *е*, но произносится [э]. В таком виде правило, по его мнению, «урезает» значение *э* и утверждает, что в русском языке «вообще нет твердых согласных» и буква *э* «является лишней». Он

³⁰² Д. Н. Ушаков предположил, что здесь «придется задержаться», поскольку в ходе предварительного согласования позиций ленинградской и московской комиссий «расхождения были крупные» [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 40].

«потребовал вынести решение» на специальную орфоэпическую конференцию, чтобы написание *e* и *э* в иноязычных словах объективно отражало твердое или мягкое произношение [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 44 об.]. А. А. Реформатский в связи с этим заметил, что следует избегать стремления «превратить орфографию в фонетическую транскрипцию», однако идею созвать «большую конференцию принципиального порядка» для выяснения того, твердое или мягкое произношение согласного характерно для заимствованных слов, поддержал³⁰³ [Там же, Л. 44 об.].

С другой стороны, А. М. Сухотин обращает внимание на тенденцию орфографического оформления этой группы слов в печати, где последовательно «вытравливают» *э* после согласных, предпочитая написания с *e*, несмотря на возможное расхождение между произношением и написанием [Там же, Л. 42]. Поддерживая в целом порядок регламентации, представленный в проекте Правил 1936, М. В. Сергиевский и С. П. Обнорский указали на необходимость исключений, которых «не наберется и десятка слов»: *пэр, мэр, сэр, кэб, турнэ, портомонэ, кабарэ*.³⁰⁴ [Там же, Л. 44]. Основания и принцип формирования списка исключений в дискуссии не уточняется, но в дальнейшем, как правило, специалистами обсуждалась возможность написания *э* в односложных слова типа *мэр, сэр, пэр*.

Б. М. Ляпунов также считает целесообразным предложение писать в «обрусевших» нарицательных именах *e*, не учитывая произношения, для которого характерны регулярные колебания. Так, слова *протекция, гетера, консервы* «нередко один произносит так, а другой иначе». В перспективе введение *e*, подчеркивает он, приведет к не только к упорядочиванию написания, но и

³⁰³ А. А. Реформатский обратил внимание на то, что «если для нормально пишущих и говорящих по-русски это не вызывает сомнений, то вопрос стоит о тех нацкадрах, которые осваивают язык», подобные мелочи «нужно признать значительными с политической точки зрения» [Там же, Л. 48]. Д. Н. Ушаков, наоборот, при решении орфографических вопросов предлагал чуть «меньше думать о казаках, а побольше о русской школе» [Там же, Л. 56].

³⁰⁴ С. П. Обнорский: «Я присоединяюсь к предложению Д. Н. Ушакова... этот пункт (§ 1 об употреблении буквы *-э-*. - С. Н.) хорош, если согласиться на дополнение, т.е. включить примечание, что в иностранных словах *э* обратное допускается. И можно даже не перечислять эти *пэр, мэр, сэр* и т.д., а указать, что в словарном порядке» [Там же, Л. 40 об.].

произношения тоже [Там же, Л. 43]. В именах собственных, напротив, твердое произношение следует обязательно указывать при помощи *э*, даже если это приведет к изменению уже устоявшихся написаний:

<...> Чтобы люди с первого раза не искажали иностранных фамилий, всюду обязательно писать *э* оборотное. И нечего бояться того, что мы привыкли писать *Гете*, а произносим *Гет[э]* [Там же, Л. 42 об.].

Однако в новых заимствованиях утверждается необходимость *после зубных* согласных *т, д, з, с* и *н* «всё-таки» писать *э*, а после *губных* – *е*. Таким образом, основания для написания *е* или *э* после согласных в заимствованных словах у Б.М. Ляпунова оказываются разными: для нарицательных существительных в зависимости от степени давности вхождения, у новых заимствований – от качества согласного по месту образования. Комментируя это предложение, Д. Н. Ушаков заметил, что задача любого правила «дать какое-то твердое основание», а не оставлять пишущих «в недоумении», как это сделал Б. М. Ляпунов [Там же, Л. 44 об.].

2. *Порядок регламентации употребления -и / -ы- на стыке приставки на твердую согласную и корня*³⁰⁵. Рекомендации комиссии НКП РСФСР оказались непоследовательными для разных групп приставок и к тому же зависящими от этимологии корневой морфемы³⁰⁶. Практика применения правила требовала знать полные списки приставок для каждой группы рекомендаций, этимологию

³⁰⁵ Д. Н. Ушакова с сожалением заметил, что обсуждение этого материала «разбредило старые раны», над этим правилом члены комиссии Народного комиссариата просвещения РСФСР «безрезультатно просиживали целые вечера» [Там же, Л. 53].

³⁰⁶ Приведем формулировку Правил 1936:

«На стыке приставки и корня или другой приставки, начинающихся с *и*, вместо этого *и* пишется *ы*: *безыглый, возыметь (но взимать), взыскательный, изыскивать, обывтеллегентиться, отыгаться, подытожить, предыдущий, розыск, сыскать, сызнава*.

Примечание 1. Правило это не распространяется на приставки, оканчивающиеся теми согласными, после которых *ы* не пишется: *межинститутский, сверхимпериализм*.

Примечание 2. Правило это не распространяется также и на иноязычные приставки *контр-, пан-, суб-, транс-*: *контригра, панисламизм, субинспектор, Трансиордания*.

Примечание 3. После приставки *над-, под-, перед-* и *с-* обязательно сохранение начального и иноязычных слов: *наиндивидуальный, надисторичный, подинтегральный, предистория, предиюльский, симитировать*.

Примечание 4. Правописание слов, сложных из приставки *без-* и иноязычного корня, см. в словаре, так как одни из них пишутся с *и*, напр. *безиндукционный*, другие с *ы*, напр. *безыдейный, безынтересный*».

конкретных префиксальных и корневых морфем, ограничения графики на определенные сочетания букв, однако в пятой группе всё равно остается необходимость обращаться к орфографическому словарю:

Группа 1. Приставки, после которых, независимо от происхождения корня, всегда пишется **-ы-** (*воз-, вз-, из-, об-, от-, роз-*);

Группа 2. Приставки, после которых, независимо от происхождения корня, всегда пишется **-и-**, так как они оканчиваются на те согласные, после которых **-ы-** не пишется (*меж-, сверх-*);

Группа 3. Иноязычные приставки, после которых, независимо от происхождения корня, всегда пишется **-и-** (*контр-, пан-, суб-, транс-*);

Группа 4. Приставки *над-, под-, пред-, с-*, после которых требовалось писать **-ы-** (русский корень) и **-и-** (иноязычный корень): *предыдущий, сыскать*, но *предиюльский, симпровизировать*;

Группа 5. Приставка *без-*, после которой *иноязычный* корень мог писаться и с **-ы-**, и с **-и-** (*безиндукционный*, но *безыдейный*) (словарный порядок); русский корень только с **-ы-** (*безыглый*) [Правила, 1936, с. 4–5].

Возражения участников конференции вызвали «случайный характер» рекомендаций, «неубедительность» иллюстраций, «искусственность», использование в качестве примеров «неходовых» и «ужасных» слов (*обынтеллигентиться, безыглый*) [Там же, Л. 51, 53]. Было принято решение установить после приставки *без-* в словах терминологического характера написание *и* (независимо от этимологии корневой морфемы). Итоги обсуждения найдут свое отражение во новой редакции проекта Правил 1936 (2): *безиглый* (слово-термин с русским корнем), *безидейный* и *безиндукционный* (слово-термин с иноязычным корнем) [Правила, 1936 (2), с. 4].

Отметим, что именно для этого правила поиск наиболее рациональной и последовательной формулировки окажется особенно долгим: рекомендации меняются от одного проекта правил к другому (подробнее в разделе 4.2.)

3. *Порядок регламентации употребления о / е (ё) после шипящих и ц.* Предваряя обсуждение этого вопроса, Д. Н. Ушаков замечает, что специалисты «давно уже так в этом вопросе», с ним всегда «столько мучений», что, наконец, «нужно применить какую-нибудь унификацию»³⁰⁷ [Там же, Л. 57].

³⁰⁷ Проекты орфографических комиссий (1900, 1904, 1912 гг.) последовательно предусматривали под ударением после шипящих *ж, ш, ч, ц* и *ц* написание *о*, без ударения *е*:

Было предложено пересмотреть согласованное ранее членами комиссии НКП РСФСР и АН СССР решение о правописании после *ц* под ударением *о*, а без ударения *е* в глаголах. Л. В. Щерба, ссылаясь на рекомендации академического «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 г. и работы Я. К. Грота, Л. В. Щерба настаивал на утверждении написания *танцовать*, где «искусственно» вдруг появилось *е* «из-за миллионов начинающих» писать. Комментарий Д. Н. Ушакова свидетельствует о сложности решения вопроса по причине множественности узуса:

<...> У нас не только люди, недавно пришедшие к письму, говорят *танцевать*, но часто и известные филологи. Я помню одно заседание в коллегии и такую жанровую сценку: я спрашиваю Бубнова (народный комиссар просвещения. – С. Н.) – как Вы пишете слово *танцевать*? Он говорит, что пишет так, потому что оно оканчивается на *-овать*. А другой член коллегии тут же сказал, что он пишет *танцевать*. Очевидно, что все пишут по-разному [Там же, Л. 57].

Участники заседания объединенной комиссии не поддержали требование Л. В. Щербы и оставили рекомендации проекта Правил 1936 без изменений.

Три варианта кодификации *-о / е (ё)*- после шипящих, которые были выработаны в ходе майского согласования, снова были представлены для обсуждению:

<...> Первый вариант – писать после шипящих под ударением и без ударения *о*, всюду без исключения. Второй вариант – писать *о* под ударением и *е* без ударения, исключением является то, что говорится в §8³⁰⁸. Третий вариант, который исходит из Ленинграда, заключается в том, что прибавляется еще несколько исключений к тем, которые у нас имеются в §8, а именно: сохраняется *е* в страдательных причастиях прошедшего времени, например, *отягченный* [Там же, Л. 59].

крючок, пчолка, чорный, мешок, печот, печонка, щолк, ещо, жорнов, жолтый, лжот, свежо, шол, шолк, шопот, яйцо, лицо и пчела, чернослив, вышел, желток, жернова, сердце, немцев. Постановление совещания при Академии наук под пред. А. А. Шахматова (11.05.1917 г.), вопреки предложениям комиссии, сохранило без изменений существовавший порядок написаний, который к тому моменту уже давно «не представлял желательного однообразия» [Постановления Орфографической подкомиссии, 1912, с. 6].

³⁰⁸ «В исключение из правила предыдущего параграфа после *-ж/ ш/ ч-* под ударением пишется *-е(ё)*-, а не *-о-*: в глагольных формах: *сжег (сжег и т.п.), шел (пришел и т.п.)*; в глагольных окончаниях: *-ешь, -ет, -ем, -ете: лжешь, лжет и т.п.; печешь, печет и т.п.*; в косвенных падежах местоимения *что (о чем, на чем и в сложных производных от них (никчемный, почем, причем))*» [Правил, 1936, с. 6].

В обосновании возможности исключений в причастиях было отмечено, что от рекомендуемых комиссией НКП РСФСР в проекте Правил 1936 написаний *напряженный, сокрушон, совершонный, печоный, точоный, отягчонный, польцион* (вариант № 2) складывалось «фактически ощущение как от реформы» (С. П. Обнорский):

<...> Слишком большая получилась бы разница сравнительно с тем, что было до сих пор. Исключения позволят сохранить написание по произношению и по старой традиции для этой категории слов, которые очень часты в речи и от которых много производных [Там же, Л. 61].

Участники конференции также уделили внимание трудностям школьного усвоения орфографии слов, которые в соответствии с вариантами упорядочения № 2 и № 3 в формах ед. и мн. числа пишутся «разно». В связи с этим предлагается для частотных слов предусмотреть единое написание «соответственно начальному слову, не изменяя его» в формах, в противном случае правило (*жена*, но *жены*) вызовет в практике обучения правописанию «чрезвычайное затруднение» и начнет «смущать» учащихся [Там же, Л. 59]. Учитывая, что написание *жены* противоречило «зрительной привычке», С. П. Обнорский допустил возможность расширить перечень исключений за счет форм множественного числа и производных от слов *жена* и *пчелка* [Там же, Л. 62]. Однако комиссия приняла решение не увеличивать круг исключений и принять за основу академический вариант унификации (вариант № 3).

4. *Порядок регламентации употребления безударных гласных в корне.* При обсуждении правописания безударных гласных в корне слова было высказано пожелание уточнить, что они сохраняют то же написание, как и в слоге под ударением, но шипящие «меняют свои позиции» (Е. С. Истрина и Н. Н. Филиппов) [Там же, Л. 66]. В Правилах 1936 (2) подобное указание, конкретизирующее пределы действия общего принципа правописания безударных гласных в корневой морфеме, появится³⁰⁹.

³⁰⁹ «Этому правилу не подчиняется написание *-о/е-* после шипящих и *ц*» [Правила, 1936 (2), с. 6].

В начале дискуссии спор развернулся вокруг слова *заря*. Предлагалось писать это слово через *о*, т.е. *зоря* (Д. Н. Ушаков), в то время как в академическом справочнике С. П. Обнорского «по морфологическим соображениям» допускалась факультативность *за(о)ря*, поскольку, с одной стороны, есть *заревое*, *зарница*, *лучезарный* и даже *зарь* (у А. А. Шахматова), а с другой – *зорька*, *зоренька*, *зорюшка*. В связи с этим форму *зоря*, по его мнению, «невозможно установить как единую» для ед. числа, следовательно, можно писать и *зоря*, и *заря*. [Л. 64]. Л. В. Щерба поддержал написание *зоря*, отметив нежелательность вариативного написания в слове, которое выступает в качестве военного термина:

<...> Как на такую факультативность т. Ворошилов будет смотреть... это военное слово, у них бьют *зори* [Там же, Л. 65].

Проекты Правил 1936 (2), Правил 1939 и Правил 1939 (2)³¹⁰ рекомендовали написание *зоря*. Написание *заря* впервые окончательно утвердилось в Правилах 1940. Вероятно, был учтен и тот факт, что в СССР выходило не менее десяти газет республиканского и областного значения, носящих название «Заря» [Замечания к «Правилам единой орфографии и пунктуации» (2-я редакция) // Ф. 502. Оп. 1. Д. 76а. Л. 2].

Основную часть полемики по этому разделу составило обсуждение правописания корневых морфем с чередованием гласных *-о / а-*, ставшего к тому моменту «чисто буквенным, не отражающим никаких живых языковых явлений» [Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.), 1965, с. 218]. О необходимости устранения этого чередования и подчинения подобных случаев общему принципу правописания безударных гласных в корне в свое время настаивали Р. Ф. Брандт, К. Г. Житомирский, А. М. Сухотин и др. [Там же, с. 222].

³¹⁰ При обсуждении Правил 1939 (2) написание *зоря* вызвало единодушное неприятие. Так, общее собрание рабочих Вологодской областной газеты «Крайний Север» заметило, что «говорить и писать *зоря* столь же нелепо, как говорить и писать *сверкнула зорница, лицо его озорилось улыбкою*» [Замечания к «Правилам единой орфографии и пунктуации» (2-я редакция) // Ф. 502. Оп. 1. Д. 76а. Л. 2].

Д. Н. Ушаков и С. П. Обнорский отметили здесь «большое расхождение мнений», комиссии НКП РСФСР и АН СССР в решении этого вопроса не считали «возможным друг другу уступить» [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 67].

Приведем рекомендации комиссии НКП РСФСР в Правилах 1936, вызвавшие столь категоричное неприятие С. П. Обнорского:

<...> Примечание 4. Корень *-рост-* имеет варианты: *-раст-*, *-рос-*, *-роsl-*, *-ращ-*, *-рощ-*, а именно: если в корне есть *-ст-*, то, как правило, пишется *-а-*: *расти, расту, вырасту, вырастать, растить, растение, растительный, возраст, возрастить* и т.п. Если в корне одно *-с-* (без *-т-*) или *-сл-* пишется *-о-*: *вырос, выросла, выросший, водоросль, поросль, заросль, недоросль*. Исключение *отрасль*. Если в корне есть *-щ-*, то в безударном положении пишется *-а-*: *возвращать, ращение, сращение* [Правила, 1936, с. 7–8].

Важно подчеркнуть, что данное примечание, как указал А. А. Реформатский, «фиксирует практику письма, существующую в настоящее время» [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 68].

Сложность унификации этого типа написаний заключалась в том, что на письме «издавна» и «довольно безнадежно» смешались традиционная церковно-книжная форма глагола *расти* и «живая чисто русская» *рости*, заставляющие путаться пишущих как в этих словах, так и в их многочисленных производных³¹¹ [Орфографический справочник, 1936, с. 16]. Параллельное существование двух форм объясняет сложившуюся непоследовательность письма, когда употребляются то формы с *-о-* под ударением (*рос, зарос, подрос, вырос*), то с *-а-* без ударения (*расти, зарости, подрасти, вырасти*)³¹² [Там же].

³¹¹ Практически все «академические словари издавна дают место обеим формам, книжной и русской: *расту* и *росту, рости* (1794 г.), *расти* и *рости* (1822 г.), *расти, расту, растешь* (в примерах: *растет, растут*) и *рости* (1847 г.)» [Орфографический справочник, 1936, с. 16].

³¹² «Современное правописание совсем странно. Пишут *вырасти, вырасту*, но *вырос*, как будто бы это образования от разных глаголов» [Орфографический справочник, 1936, с. 17].

Д. Н. Ушаков считал, что «полезнее» утвердить здесь написание с *-o-* (*рости, ростение, возраст, отрости*)³¹³:

<...> Глагол *рости* вызывал много разговоров... научная совесть многим не позволяла принять *-o-*, смущались тем, что это болгаризм. Но некоторые «бессовестные» люди смотрели на это спокойно [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 67 об.].

Написание *рости* были «готовы лично поприветствовать» педагоги курсов грамотности для рабочих, поскольку слова *расти* при *росла, вырос* вызывают «больше всего затруднений и неясностей» из-за отражения сложившегося чередования гласных при формообразовании и в производных [Там же, Л. 68].

С. П. Обнорский соглашается, что было бы «желательно» объединить ударные формы (*рос*) с безударными и писать *рости, вырости, зарости, подрости*, оставив в числе исключений лишь заимствованные из болгарского языка *растение, растительный, растительность* [Там же, Л. 66]. Однако при этом у глаголов признается необходимым вернуть «их настоящую форму» и «проводить» орфографию, отражающую историческое чередование гласных *-o-* (соверш. вид (однократность)) и *-a-* (несов. вид (многократность)): *вырости, зарости, подрости* и *вырастать, зарастать, подрастать, обрастать*. По его мнению, это чередование имеет «особое основание», хотя современные справочники, «следуя за Гротом, смешавшим эти разные образования»,³¹⁴ и опираясь на форму *расти*, в качестве правильных рекомендуют написания *зарастить, подрастить, отрастить* вместо «изначально» верных здесь *заростить, подростить, отростить*, тем самым «сливая в один ряд формы разного грамматического порядка» [Орфографический справочник, 1936, с. 17].

³¹³ Предложения 1964 г. предусматривали устранение чередований *-o / a-* и правописание гласной в безударном положении в соответствии с ее написанием под ударением, например: *рости, ростение, возраст (рост)*, как и считал целесообразным Д. Н. Ушаков.

³¹⁴ «Неударяемая гласная *-o-* и *-a-* в произношении так тождественны, что строгое различение их на письме представляет большія трудности; поэтому въ словахъ сомнительнаго происхожденія двоякое начертаніе неизбежно... различное правописание встрѣчается во многихъ глаголахъ; одни пишутъ: *расти, возрасть, возрастить*, другіе *рости, возрасть, возрастить*... Въ нынѣшнемъ языкѣ все подобныя глаголы для единообразія, лучше писать съ *o*, исключая тѣ случаи, гдѣ *a* сохранилось сообразно съ древнимъ обычаемъ, именно въ... *расти, растеніе, возрастъ, отрасль, водорасль*» [Грот, 1899, с. 713 – 714].

В качестве аргумента С. П. Обнорский ссылается на академический «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г., который, по его словам, не допускал подобного «безразличия», показывая *вырастать* и *выростить*, *подрастать* и *подрости* [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 67 об.].

Предложение С. П. Обнорского о порядке унификации слов с корнем *-ро(а)ст-* было полностью поддержано Б. М. Ляпуновым и В. И. Чернышевым [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 68 об.; Замечание С. П. Обнорского, Б. М. Ляпунова, В. И. Чернышева о правописании слов с корнем *-ро(а)ст-* (по итогам заседаний объединенной орфографической комиссии 12–17 июня 1936 г.)// Ф. 502. Оп. 3. Д. 110. Л. 18–18 об.]³¹⁵.

С другой стороны, Д. Н. Ушаков справедливо замечает, что при нормализации спорных написаний сегодняшнего дня следует считаться «с современным положением вещей», а не опираться на словарь, «который был 100 лет тому назад», поскольку в правописании произошли «новшества большие» [Там же]. Ранее, на одном из совместных заседаний комиссий НКП РСФСР и АН СССР, Д. Н. Ушаков призывал С. П. Обнорского не увлекаться «реставрацией, неоправданной ни современной орфографической практикой, ни языком» [Протокол № 22 заседания орфографической комиссии при Ученом Комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР от 14.05.1935 г. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. Л. 22]. Е. С. Истрина также сочла неубедительной для сознания пишущих ссылку на исторические написания [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 69 об.].

Найти разумный компромиссный вариант («лучше всего» утвердить *о*, где «только возможно», в том числе в глаголе *рости*, сохранив *-а-* только там, где «нельзя поступить иначе») для унифицирования «беспорядочной практики»

³¹⁵ Документ представлен в приложении № 21.

[Там же, Л. 69 об.] – предложение, которое нашло поддержку у председателя конференции А. С. Орлова (за исключением написания с *o* глагола *рости*):

<...> Я считаю, что слово *расти* настолько утвердилось, что каждому бросается в глаза, и, несмотря на то, что это маленькое слово, если мы начнем его писать через *-o-*, это будет большое новшество [Там же].

С. П. Обнорский высказал категорическое несогласие с «жесткой» формулировкой «возродить букву *-o-*, где только возможно» [Там же]. В новом проекте Правил 1936 (2) в числе исключений указываются *возраст, растение, растительный, отрасль* (и их производные), во всех остальных случаях, в том числе и в глаголах на *-ать*, рекомендуется писать *-o-*:

Рости, ростешь, вырости, выростешь, подрости, подростешь, ростить, растишь, выростить, вырасту, вырастишь, выростать, вырастаю, подростать; росток, водоросль, рощение, нарощение, сращение [Правила, 1936 (2), с. 6–7].

Старую книжную орфографию С. П. Обнорский считал нужным сохранить и в других глагольных образованиях на *-ать* с чередующимися гласными, предлагая писать, например, *раждать, сгарать*. Однако это стремление тоже не встретило понимания. Так, Д. Н. Ушаков отметил, что не видит «большой вины от возрождения старика (*раждать*. – С. Н.), но поскольку полный ряд подобных вещей остается не восстановленным, то вряд ли для практики это ценная вещь» [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 67 об.]. По мнению М. В. Сергиевского, предложения относительно *гореть* и *сгарать, родить* и *раждать* излишне «увлекают вглубь прошлого», их реализация на практике может «вызывать затруднения» [Там же, Л. 69].

Приведем примеры обсуждения слова *остов*, о написании которого велась речь в этой части заседания. Так, академическая комиссия предлагала писать *остав корабля* (так как корень *став-*), М. В. Сергиевский обратил внимание на то, что *остов* является известным техническим термином, поэтому здесь следует сохранить привычное написание, несмотря на его этимологию. Это пожелание было принято объединенной комиссией.

5. Порядок регламентации *-н-* и *-нн-* в отглагольных прилагательных и причастиях. Предваряя обсуждение этого вопроса, А. М. Сухотин назвал его

одним «из самых безнадежных» пунктов русской орфографии [Там же, Л. 159]. Аналогичную характеристику этому правилу дал и А. А. Реформатский: «Очень путаный и сложный» [Там же, Л. 166]. М. В. Сергиевский отметил, что «мы имеем налицо два факта» оформления прилагательных с *-н-* и *-нн-*, между тем «попытки» найти обоснование, когда можно писать одно, а когда два, «до сих пор не увенчались успехом». Он предложил «перенести в словарный порядок» этот вопрос [Там же, Л. 165]. В связи с этим А. Б. Шапиро заметил, что его «страшит то, что мы не будем знать, как писать».

Приведем формулировку этого правила в составленном комиссией НКП РСФСР в Правилах 1936 § 60:

<...> Двойное *-н-* пишется во всех страдательных причастиях прошедшего времени как с приставками, так и без приставок (а также в образованных от них наречиях). Примеры: *израненный зверь, раненный пулей зверь, закопченное стекло, копченная на зиму колбаса, удивленно, взволнованно*. Примечание 1. Формы на ***-ный*** без приставок, употребляющиеся в значении прилагательных и существительных, пишутся с одним *-н-* (*сеяная мука, копченая рыба, вагон для раненых, советский ученый*). Примечание 2. Прилагательные на ***-ованный***, как с приставками, так и без приставок, пишутся с двойным *-н-* (*сфальцованный лист, образованный человек, ергеевскквалифицированный рабочий, рискованный шаг*) (выд. мной. – С. Н.) [Правила, 1936, с. 29–30].

Комиссия приводит следующие аргументы в пользу такого решения³¹⁶:

<...> 1) оно дает возможность легко и быстро разрешать вопрос, как следует писать то или иное слово; 2) оно относительно верно отражает и существо дела, так как образования без приставок фактически чаще являются прилагательными, а образования с приставками – причастиями; 3) оно в минимальной степени меняет установившуюся практику [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 67].

С. П. Обнорский категорически не принял возможность написания отглагольных образований с *-н-* и *-нн-* в зависимости от критерия наличия или отсутствия у него префикса³¹⁷:

³¹⁶ Д. Н. Ушаков, сказав о трудности поиска здесь оптимальной рекомендации, отметил, что действительно получается все «как-то надуманно немного, но мы уже несколько месяцев находимся все в таком несчастном положении, когда читаем и ничего не понимаем, кроме букв». Он также заметил, что мы все-таки не всегда пишем причастие с *-нн-*, например, «обычно в практике *барки, груженные лесом*» [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 157 об., 163 об.].

³¹⁷ С. П. Обнорский: «С орфографической стороны была и сохраняется бесспорно категория страдательных причастий прошлого времени, которые писались и должны писаться с

<...>Неправильным и искусственным было бы (что предлагает московская орфографическая комиссия в своде) допущение написаний с одиночным *-н-* лишь в бесприставочных образованиях (например, только в *соленый, копченый, печеный и т.д.*), но проведение двойного *-нн-* всюду в образованиях от осложненных приставками... такого рода проекты были бы теоретическими, нарушили бы прочно сложившуюся традицию нашего письма, явились бы прямым покушением во имя отвлеченных и орфографических принципов механической унификации письма на самый язык [О написании одиночного и двойного *-нн-* в страдательных причастиях и образованных от них прилагательных. С. П. Обнорский (по итогам заседаний объединенной орфографической комиссии 12–17 июня 1936 г.) // Ф. 502. Оп. 1. Д. 76. Л. 58–61]³¹⁸.

Как подчеркивает С. П. Обнорский, для языка характерно постоянное ослабление глагольности в отдельных группах страдательных причастий, в результате которого они становятся прилагательными:

<...> В первом ряде таких новых сложившихся прилагательных из причастий мы обычно имеем формы на одиночное *-н-*, вторая группа новообразованных прилагательных прочно держится в написаниях с двойным *-нн-*. С одной стороны, прилагательные типа *печеный, копченый* (*копченая колбаса*), *закопченный* (*закопченное стекло*), *вощенный, званый* (*обед*), *поношенный* (*поношеное пальто*), *подержанный* (*подержанные книги*), *смышленный* (*человек*), *негашеный* (*негашеная известь*), *ученый, посаженный* (*отец*)... С другой стороны, употребительные преимущественно в литературном языке высокого стиля прилагательные из причастий, пишущиеся с двойным *-нн-*: *взволнованный, возбужденный, возвышенный, выдержанный, вымышленный, доверенный, избранный, изможденный, изысканный, отвлеченный, призванный, рассеянный* и т.д. Всякое взаимное выравнивание было бы искусственным и насилующим язык, как и сложившуюся практику письма... Язык не справляется, что в данном случае глагол осложнен или не осложнен приставками, и мы имеем как сложившиеся правописные нормы с одиночным *-н-* и прилагательные вроде *копченый, печеный* и т.д., и прилагательные *закопченный, поношенный, смышленный* и т.д. (выд. мной. – С. Н.) [Там же].

Возражение А. Б. Шапиро вызвала непоследовательность формулировки С. П. Обнорского, допускающая в приставочных прилагательных написание *-н-* и *-нн-* (*избранный* и *закопченный*):

<...> Это сразу сулит очень большие затруднения. Было бы последовательнее, если бы мы так поставили вопрос, чтобы всегда различать прилагательные и причастия, всегда в прилагательных писать одно *-н-*, а в причастиях два, независимо от приставки. Тогда бы осталась

двойным *-нн-* в образованиях от любого глагола (и бесприставочного, и осложненного приставкою), напр. от *делать* – *деланный*, от *держать* – *держанный*, равным образом *выдержанный, задержанный, издержанный, передержанный, подержанный* и т.д. [О написании одиночного и двойного *-нн-* в страдательных причастиях и образованных от них прилагательных. С. П. Обнорский (по итогам заседаний объединенной орфографической комиссии 12–17 июня 1936 г.) // Ф. 502. Оп. 1. Д. 76. Л. 58].

³¹⁸ Документ представлен в приложении № 19.

только одна трудность, трудность различения прилагательного и причастия» [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 163].

Предложение С. П. Обнорского, как указывает Д.Н. Ушаков, к существующей трудности разграничения прилагательного и причастия «добавляет» еще и необходимость выяснять, когда прилагательное с приставкой следует писать с двумя *-нн-*, а когда с одним *-н-*. Разрешение этой задачи окажется «совершенно не под силу» обычному человеку:

<...> Всякий раз при встрече с таким словом пишущий должен будет обращаться к орфографическому словарю [Об употреблении одного или двух *-н-* в отглагольных образованиях на *-ный*. Мнение членов орфографической комиссии НКП РСФСР // Ф. 502. Оп. 1. Д. 76. Л. 68]³¹⁹.

Участники конференции сошлись во мнении, что С. П. Обнорскому «объяснить не удастся», почему в *рассеянный* все-таки им допускается *-нн-*, а *поношенный*, несмотря на четкое долгое произношение согласного, должно, по его мнению, писаться с *-н-(поношенный)* [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 158]. В случае принятия предложения С. П. Обнорского, по мнению А. Б. Шапиро, «произойдет целая революция»³²⁰ [Там же, Л. 163].

А. М. Сухотин настаивал на поиске компромиссного варианта, основу которого могли бы составить несколько направлений классификация языкового материала:

<...> Можно делить так: на прилагательные и причастия. Это одна линия раздела. Другая линия – на приставочные и бесприставочные³²¹... Я думаю, что есть еще возможность

³¹⁹ Документ представлен в приложении № 20.

³²⁰ С. П. Обнорский: «Вы меня упрекаете в ломке, а у меня ничего нового нет. Я только стараюсь зарегистрировать формулами для меня приемлемыми то, что есть. Я ничего не делаю, чтобы отклониться от правописных норм. Мы брали вещи не из головы, а пользовались своей картотекой» [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 167].

А. Б. Шапиро: «Очень хотелось бы принять то, что предлагает С. П. Обнорский с тем, чтобы все строить на причастиях и прилагательных. Но сейчас это сделать нельзя, потому что это не так... Без большой ломки нельзя провести то, что предлагает С. П. Обнорский» [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 166 об.].

³²¹ Несмотря на то, что хранящиеся в архиве листы стенограммы заседаний объединенной комиссии содержат следы многочисленных правок, прилагательное *бесприставочный* по-

указать, что и в причастиях действует закон приставочности, т.е. *копченый* писать с одним *-н-*, если это даже причастие. А если *закопченный*, то писать *-нн-* [Там же, Л. 159].

Возможный способ разграничения прилагательных и причастий виделся в критерии пояснительного слова: *груженые лесом барки*, но *груженные барки*³²². При этом возникал ряд новых трудностей, связанных с тем, что по существу не всякое пояснительное слово означает глагольный характер образования. Например, наречия, обозначающие степень и встречающиеся обычно при качественных прилагательных, не придают образованиям глагольного характера: *тяжело раненый солдат*, *очень путаные мысли* и т.п. [Об употреблении одного или двух *-н-* в отглагольных образованиях на *-ный*. Мнение членов орфографической комиссии НКП РСФСР // Ф. 502. Оп. 1. Д. 76. Л. 66]. В связи с этим С. П. Обнорский указал, что категории причастия и прилагательного «четки не по формальным признакам, а по другим сложным мотивам синтаксического и всякого другого характера», поэтому нельзя «так узко» смотреть, что пояснительное слово – единственный критерий для причастия, а отсутствие пояснительного слова – критерий для прилагательного. Где причастие, а где прилагательное пишущему «должна подсказать культура речи» [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 157]. Но, как заметил Л. В. Щерба, чтобы верно разграничивать причастия и прилагательные, «надо иметь много различных знаний», а так «не следует ставить вопрос для десятков миллионов пишущих»³²³ [Там же, Л. 167].

Однако А. Б. Шапиро рекомендовал «различать только приставочные и бесприставочные» образования [Там же, Л. 163 об.]. С. П. Обнорский категорично заметил, что «такой внешний формальный момент», как наличие префикса или

следовательно встречается с приставкой *без-* (как своеобразный рецидив дореформенной орфографии) без исправления: *безприставочный* [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 159, 163, 163 об., 165].

³²² А. Б. Шапиро: «Без наличия объяснительного слова ничего решить невозможно» [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 166 об.].

³²³ О сложности разграничения форм причастия и прилагательного даже специалистами свидетельствует следующая реплика А. Б. Шапиро: «Все-таки будет лучше, если мы будем писать *огурцы соленые впрок* с одним *-н-*, хотя это и причастие» [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 166 об.].

его отсутствие, не имеет принципиального значения, чтобы на его основе строить правило [Там же, Л, 164]. Предложение А. А. Реформатского – опираться на ударение:

<...> Ударение тоже играет очень большую роль. Действительно, там, где ударение падает на первое *-н-*, там должно быть одно *-н-*, там, где ударение падает на корень или даже на префикс, там тенденция к *-нн-* [Там же, Л. 166 об.].

В ответ С.П. Обнорский указал на «двойственность» и сложность «момента ударения» в русском языке: «может быть, в десяти случаях все это будет прекрасно, но в каких-нибудь пяти случаях, которых мы учесть не сможем, это будет не так» [Там же].

Объединенная комиссия решила рекомендовать Правительственной комиссии вернуться к правилу орфографической комиссии НКП РСФСР, где остается «очень немного случаев», о которых можно было бы «поспорить, остальное все очень хорошо укладывается» [Там же, Л. 166 об.].

6. *Порядок регламентации употребления прописной буквы в составных наименованиях официальных партийных и правительственных учреждений.* Комиссия НКП РСФСР в проекте Правил 1936 предусматривала в этом случае прописную букву только первом слове [Правила, 1936, с. 70–71]. Правило обеспечивало простоту и ясность оформления этой группы наименований (С. Г. Бархударов) [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 170]. Рекомендация вызвала возражения С. П. Обнорского, считавшего необходимым все *существенные слова* в подобных наименованиях писать с прописной буквы:

<...> В наименованиях учреждений все существенные слова должна писаться с большой буквы, а не так, как здесь. Я не мыслю себе, как можно привыкнуть к модусу написания *Совет Народных Комиссаров* в таком виде, как он пишется сейчас в своде – *Совет народных комиссаров*. Я не могу себе представить, чтобы у *Министерства Внутренних Дел* можно было писать только *Министерство* с большой буквы [Там же Л. 169 об.].

Участники конференции указали на неопределенность критерия установления *существенных слов* в составных наименованиях и связанные с этим трудности применения правила на практике (А. Б. Шапиро, С. Г. Бархударов).

В частности, осталось неясным, какие слова в составном наименовании *Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем и преступлениями по должности* являются существенными и должны писаться с прописной буквы.

С. П. Обнорский, указав, что в данном наименовании следует считать *существенными* только два первых слова, предложил следующее написание: *Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем и преступлениями по должности* [Там же, Л. 170].

А. Б. Шапиро обратил внимание на распространенную практику написания в этом наименовании трех первых слов с прописной буквы, еще раз подчеркнув сложность и субъективность выделения существенных слов: *Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем и преступлениями по должности*. Большое количество прописных в составных наименованиях воспринималось А. Б. Шапиро как избыточное, усложняющее восприятие текста:

<...> Если же прописных букв слишком много, то это затрудняет, а не облегчает чтение [Там же].

С. П. Обнорский, наоборот, полагал, что прописные буквы, выделяя определенные слова, «зрительно очень выгодны», поэтому незачем от «этого отступать» в практике:

<...> То, что большие буквы очень четки, это очень существенное обстоятельство (С. П. Обнорский) [Там же].

Приняв в целом формулировку Правил 1936, участники конференции допустили в качестве исключения возможность в отдельных случаях писать с прописной каждое слово в наименовании особо статусных учреждений и организаций:

<...> Указать, что в полных наименованиях высших советских учреждений и партийных организаций (по особому списку) каждое слово пишется с прописной буквы [Изменения

(наиболее крупные), внесенные в свод на заседаниях объединенной орфографической комиссии при АН в Ленинграде (12–17 июня) // Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. Л. 16–23]³²⁴.

Представляет интерес мнение А. А. Реформатского, высказавшего несогласие с правилом об употреблении прописной буквы в целом, основу которого, по его мнению, составил «лингвистически посторонний признак тематики». По этой причине правило не обладает «необходимой степенью обобщенности», «удобоваримой краткостью» из-за многочисленных «оговорок» и «лингвистической адекватностью» в части выражения соответствия обозначаемого и обозначающего, указывая на несуществующие в языке классы географических и исторических наименований. Применение «неправильного» правила всегда связано с «трудностями» [Особое мнение А. А. Реформатского о прописных буквах (приложение к протоколу № 20 от 20.03.1935 г. заседания орфографической комиссии Народного комиссариата просвещения РСФСР) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. Л. 19–19 об.]³²⁵.

7. *Порядок регламентации употребления удвоенных согласных в иноязычных словах.* Основная дискуссия развернулась вокруг возможного принципа регламентации: традиционный (в формате правила) или словарный. Невозможность выработки универсальных рекомендаций, которые могли бы составить основу удобного в применении правила, участники конференции объясняли исключительной непоследовательностью традиции: правописание «само часто не знало, как писать». [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 174]. А. М. Сухотин, напротив, считал, что для иноязычных слов правил в словарном порядке не следует устанавливать, так как они «все время лежат на языке», т.е. регулярно

³²⁴ Подобный принцип разграничения на высшие партийные, правительственные и профсоюзные учреждения и организации впервые реализуется в проекте Правил 1939 (2): *Народный Комиссариат Иностранных Дел, Народный Комиссариат Зерновых и Животноводческих Советов, Комитет по Делах Высшей Школы, Комиссия Партийного Контроля, Комиссия Советского Контроля* [Правила 1939 (2): 66]. Следующим проектам Правил 1940, Правил 1947, Правил 1948, Правил 1951, Правил 1955, Правил 1956 предстояло уточнить круг учреждений и организаций, которые следует считать высшими и поэтому в их наименовании необходимо все слова писать с прописной буквы.

³²⁵ Документ представлен в приложении № 13.

обогащают наш язык. В связи с этим возникает необходимость дать «какие-то указания» специалистам, которые «вводят» эти слова. Он высказывает мысль о том, что надо «относиться бережнее» к научным и техническим терминам греческого и латинского происхождения, составляющим «великое завоевание человечества», интернациональный фонд лексики [Там же, Л. 180 об.]. Обсуждение в качестве возможной опоры правила критерия *язык-источник* вызвало справедливые возражения педагогов-практиков и было признано «неудачным» (Г. Левченко):

<...> Разделение слов по происхождению – греческие, латинские – вряд ли жизненно и доступно. Многие греческие и латинские слова пришли к нам с Запада, разыскивать, как они туда попали, немислимо³²⁶ [Там же].

Не нашло поддержки и спорное предложение учитывать оригинальную орфографию иноязычного слова (Л. В. Щерба), что потребовало бы для ряда слов «восстановления» ранее утраченных удвоенных согласных [Там же, с. 180]. Большинство участников полемики выразили мнение, что всё должно «решаться словарем», в правиле необходимо указать «двойная согласная пишется – перечислить много слов», все знают, что «речь идет о традиции» (с мест, без указания выступающего) [Там же]. Л. В. Щерба выразил согласие с общей позицией, что «все это разрешается в словарном порядке»³²⁷:

<...> Не нужно придумывать какие-то правила, всё равно всё индивидуально, как свыклись, так и нужно писать, а эти правила никому не нужны [Там же, Л. 180].

Председатель конференции А. С. Орлов предлагает вернуться к этому вопросу уже Правительственной комиссии, которая должна подготовить полные списки слов с одиночной и удвоенной согласными³²⁸ [Там же].

³²⁶ Правило предусматривало написание удвоенных согласных в научных и технических терминах греческого происхождения, а также на стыке приставки и корня в словах латинского происхождения [Правила, 1936, с. 54].

³²⁷ Примечание к правилу о написании двойных согласных в Правилах 1936 также указывало, что «вследствие затруднительности в применении изложенных здесь правил и наличия исключений (в силу прочно утвердившейся практики), приходится вообще о написании иноязычных слов справляться в словаре» [Правила, 1936, с. 54].

³²⁸ Составленный список иноязычных слов с удвоенной согласной насчитывал 592 нарицательных и собственных имени (*Боттичелли, Варавва, Кассиопея, Мессалина, Мопассан*), включая такую специальную лексику, как *варрант, гибеллин, диффамация, иннервация, лакко-*

8. *Порядок регламентации написания наречий.* А. М. Сухотин, открывая прения, назвал вопрос о правописании наречий, образованных из предложно-падежных именных форм (*вконец, наотмашь поневоле, сбоку, спросонок*), одним «из самых страшных явлений русской орфографии» [Там же, Л. 207]. Комиссия АН СССР предусматривала для этой группы наречий целых четыре способа написания: 1) слитно; 2) раздельно; 3) через дефис; 4) факультативно (слитно или раздельно). Комиссия НКП РСФСР руководствовалась тем, что «факультативность не допускается», поэтому рассматривала только слитное или раздельное написание³²⁹ [Там же]. В целом же у комиссии НКП РСФСР, как отметили участники конференции, «тенденция побольше писать врозь» [Там же, Л. 208]. Поскольку обе комиссии приводили только «несомненные» в плане написания наречия, было принято отложить обсуждение до подготовки полного списка всех наречий этой спорной и вариативной в практике группы³³⁰.

9. *Полемика об устранении твердого знака.* Д. Н. Ушаков напомнил комиссии, что неосуществленный проект реформы орфографии 1904 г. тоже предусматривал исключение твердого знака:

<...> Это был один из пунктов, который имелся еще в старой реформе, а эта старая реформа была гораздо радикальнее (т.е. первый ее проект 1904 г.), чем та, что была осуществлена в 1917 г.. Но реакция 1907 г. наложила такой отпечаток, что провести эту первую реформу не удалось. Проект орфографической комиссии 1912 г. гораздо более умеренный, там отсутствует безусловное исключение **ъ** [Там же, Л. 18 об. – 19].

А. М. Сухотин подчеркнул важность обсуждения этого вопроса, поскольку в печати давно уже существует неоправданный «разнобой в отношении твердого знака», который в целом ряде изданий самовольно давно заменили апострофом:

лит. Нам удалось обнаружить только два слова, отличных от современного написания в этом объемном перечне: *агрегат, суффражистка* [Двойные согласные в заимствованиях (список) // Ф. 502. Оп. 1. Д. 75. Л. 30–41].

³²⁹ «Писать или слитно, или писать раздельно» [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 207].

³³⁰ В приложении № 18 представлен документ «Особое мнение С. П. Обнорского о правописании наречий».

<...> Этот разноречивый чрезвычайно печальный... Газеты пишут разное. Это запрещалось много раз, но все-таки апостроф пишут в «Правде» и в «Известиях», мотивируя это тем, что невозможно менять типографские условия [Там же, Л. 27–27 об.].

Дискуссия развернулась вокруг трех аргументов исключения твердого знака: лингвистического (произношение), методического (облегчение обучения) и технического (удобство полиграфического производства). Участниками конференции предлагалось два решения: оставить только один разделительный знак – **ь** или же узаконить активное использование вместо **ь** апострофа. За исключение твердого знака высказались Д. Н. Ушаков и Б. М. Ляпунов, за сохранение – В. И. Чернышев, А. М. Сухотин, С. П. Обнорский, Н. Н. Петрова (учитель) и И. А. Попова (учитель). В случае принятия резолюции об исключении **ь** большинством голосов Л. В. Щерба был готов согласиться только на введение апострофа, но никак не на передачу функций твердого знака мягкому:

<...> Решающая основная функция **ь** – мягкость, и никак с точки зрения правильного построения алфавита нельзя приветствовать, чтобы один и тот же знак употреблялся в разных смыслах. Если бы на то пошло, то я бы не возражал, чтобы ввести апостроф как специальный разделительный знак... Я бы имел гораздо меньше возражений против этого, чем против введения **ь** как разделительного. Для громадного большинства говорящих все-таки существует четкое различие произношения слов *подъём* и *бадьа*, и если кто сейчас говорит по[д']ем, то я это воспринимаю как ошибку произношения [Там же, Л. 26 об.].

А. М. Сухотин также указал на совершенно разное произношение слов типа *подъём* и *побъём*. Его поддержал и В. И. Чернышев, подчеркнувший, что для владеющих литературным языком различие твердого и мягкого произношения «слишком очевидно» и не принимать его в расчет – значит «идти против фактов» [Там же, Л. 31 об.]. Д. Н. Ушаков отметил, что при решении этого вопроса сразу же заходит разговор о твердом и мягком произношении, но это не имеет «никакого значения», поэтому **ь** «вполне можно» заменить мягким знаком, так что «с этой точки зрения нет никаких затруднений». Вопрос только в том, «нужно это нам или нет» [Там же, Л. 26]. Б. М. Ляпунов подчеркнул, что сейчас мягкий знак не служит сигналом мягкости во многих случаях, например, после шипящих на конце слов: «А то, что он был оставлен в глаголе во втором лице – это была грубейшая ошибка» [Там же, Л. 26 об.].

С. П. Обнорский увидел в обсуждении этого вопроса реформистские настроения:

<...> Мы стоим на такой точке зрения, что реформы давать нельзя, а здесь уже будет реформа, изменение существующего правописания привело бы к порче произношения. Я уже не буду ссылаться на то, что таким образом мы прививали бы начинающим обучаться грамоте неправильное произношение [Там же, Л.28–29].

А. А. Реформатский увидел в исключении **ѣ** возможные преимущества с точки зрения методики:

<...> Если бы устранили **ѣ**, мы бы педагогически облегчили наше правописание [Там же, Л. 33 об.].

Однако представители педагогической общественности заверили, что **ѣ** не представляет для учащихся никаких затруднений: не было случая, когда слова были бы написаны «с **ѣ** вместо **ь** (или наоборот)» [Там же, Л. 35 об.]. По мнению педагогов, в школьной практике как раз «желательно» сохранить твердый знак, поскольку он указывает на границы значимых частей слова:

<...> Обучение орфографическим правилам обосновываем на морфологическом построении слов, поэтому различие приставок и корня слов важно с педагогической и образной точек зрения, так как это расширяет кругозор учащихся, которым дается возможность вдумчиво подойти к внутреннему построению архитектоники слова, а не безразлично [Там же].

Подводя итог дискуссии об исключении твердого знака, А. С. Орлов заметил, что «это очень и очень важное заявление» и оно «чрезвычайно увеличивает возможность» сохранения такого «архаизма, как **ѣ**», хотя весьма было бы «желательно, чтобы **ѣ** просто сам погиб»³³¹ [Там же, Л. 36 об.].

Представляет интерес и обсуждение общих принципов орфографической нормализации, высказанных участниками конференции:

1. Обеспечить возможность применения правил без необходимости постоянного обращения в обычной практике к орфографическому словарю:

<...> Если мы скажем, что надо руководствоваться словарем, то это будет как бы выходом, но не окончательным, потому что в словаре нельзя всего перечислить (Д. Н. Ушаков)

³³¹ К обсуждению этого вопроса вновь вернутся на одном из декабрьских заседаний Правительственной комиссии (1935 г.), однако окончательное решение об исключении твердого знака так и не принимается.

[Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 44];

<...> Меня смущает перенесение отдельных случаев в словарь. Тут громадное затруднение. Во-первых, очень трудно их уловить, а, во-вторых, не всегда практик будет знать, надо ему справляться в словаре или нет (Д. Н. Ушаков) [Там же, Л. 165 об.];

<...> Дать разумное правило. Так, чтобы каждый человек, имеющий дело с исправлением текста в орфографическом отношении, мог знать, что нужно делать. Словарный порядок ничего не может дать (А. А. Реформатский) [Там же, Л. 44 об.];

<...> Самое неприемлемое из предложений – это словарный порядок. Это то, чего мы не должны делать (А. А. Реформатский) [Там же, Л. 166];

<...> Заставлять смотреть словарь – это просто мука мученическая (Л. В. Щерба) [Там же, Л. 167].

2. Избегать исключений из правил:

<...> Всякое правило, которое допускает очень много исключений, всегда правило плохое (А. М. Сухотин) [Там же, Л. 180 об.].

3. Учитывать сложившуюся практику и орфографические привычки пишущих, пусть это и противоречит представлению специалистов о том, какой должна быть регламентация, чтобы, по словам Л. В. Щербы, «не смущать чересчур грамотных людей», а «принять компромиссный путь» [Там же, Л. 43]:

<...> Нельзя изменить, потому что давно приято (С. П. Обнорский) [Там же, Л. 42 об.];

<...> Мы стоим на такой точке зрения, что в старых словах ничего не менять (Л. В. Щерба) [Там же, Л. 43];

<...> Очевидно, что мы не должны производить резкого поворота. Мы можем остаться на тех же позициях, на которых сейчас, только несколько урегулировав их (Л. В. Щерба) [Там же, Л. 163 об.];

<...> Мы просто не рискуем. В наше время, после того как школа целые десятки лет утвердила *подписчик, извозчик*, трудно писать другое³³² (Д. Н. Ушаков);

<...> Все стали очень бережно относиться к тому, что существует в настоящее время на письме и в языке. Нужно добиться того, чтобы ничего не изуродовать и не изнашивать³³³ (А. А. Реформатский) [Там же, Л. 166].

³³² Б. М. Ляпунов: «Почему в слове *помещик* буква *-щ-*, а в других словах *-ч-*? Не лучше ли ввести в этих словах *-щ-*, как, например, *перебещик?*» [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 130].

³³³ Это высказывание А. А. Реформатского свидетельствует о важных изменениях в общественном сознании пишущих, еще несколько лет назад требовавших в условиях «величайшей социалистической стройки... удалить гнилые зубы» старой орфографии [Устинов, 1929, с. 3]. Утверждалось осмысление правописания как культурного достояния, требующего вдумчивого и осторожного отношения.

4. Не реставрировать в ходе орфографической нормализации семантические и словообразовательные связи, ставшие неактуальными и неосознаваемыми большинством пишущих³³⁴:

<...> По любви я бы писала *a*, мне ясна этимология *наваждения*³³⁵, но я не могу не признать, что в общественном сознании, даже интеллигентных людей, эта этимология давно устарела... значение '*вадить*' – это уже неживое значение... Вводить же эти слова в орфографию – сомнительный путь. Мы должны поставить вопрос, какое современное правописание. Я замечаю, что слово *наваждение* сейчас всегда пишется через букву *o* (Е. С. Истрина) [Там же, Л. 71 об.].

<...> Сейчас *наваждение* может связываться с глаголом *водить*: *навел тоску, наводит на мысль*. Поэтому объяснить, почему именно писать через букву *a* невозможно (М. В. Сергиевский)³³⁶ [Там же, Л. 71].

<...> Относительно слова *сбруя*. Все, что сказал С. П. Обнорский, совершенно верно (он настаивал на правописании *збруя* – С. Н.). Это слово польского происхождения, и это правописание, несмотря на происхождение, колебалось, потому что ложная этимология влекла к букве *c*. Так колебалось в XIX веке, а в XX, пожалуй, колебаний нет, и *c* утвердилась. Мне кажется, что *c* мы все сейчас пишем (Д. Н. Ушаков) [Там же, Л. 124].

5. Соизмерять формулировки правила с сугубо практической функцией правила как инструмента упорядочения, отсюда должно быть стремление к ее максимальной доступности и отражению в ней не вообще любых наблюдений, а только необходимых для определения правильного написания:

³³⁴ Большинство разногласий между участниками орфографической полемики связано с решением вопроса, следует ли исправлять «неправильные» с исторической точки зрения написания, возникшие вследствие утраты тех или иных языковых связей, например: частотные для послереформенной практики написания *сбруя*, *вырастить*, *зарастить*, *рождать*, *сгорать*, *наваждение* вместо исходных *збруя*, *выростить*, *заростить*, *раждать*, *сгарать*, *наваждение*.

³³⁵ В русской орфографии, как замечает Н. Д. Голев, «принцип синхронной мотивации регулярно подавляется противоположной тенденцией, в соответствии с которой орфография требует консервировать былые состояния структуры слова... тем самым создается ситуация осложненной орфограммы, требующей особого подхода: *закавыка* и *заковырка*, *тиснение* и *тесный*, *варешка* и *поварешка*, *вперемежку* и *вперемешку*, *отречение* и *отрицание*, *даль* и *долина*» [Голев, 2004, с. 35–36].

³³⁶ Б. М. Ляпунов и С. П. Обнорский выразили категорическое несогласие с этим решением, подчеркнув, «что никакого научного сомнения в написании слова с *a* нет, его и не было: все старые академические словари, Даль, Грот дают одну правописную норму с *a*» [Особое мнение С. П. Обнорского, Б. М. Ляпунова, В. И. Чернышева о правописании слова *наваждение* (по итогам заседаний объединенной орфографической комиссии 12–17 июня 1936 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 110. Л. 4–4 об.]. Документ представлен в приложении № 17.

<...> Что касается формулировки, то она меня несколько пугает, даже не сама формулировка, а ее появление в таком своде для широкого употребления. Мне кажется, просто для читателя будет непонятно то, что тут говорится (Д. Н. Ушаков) [Там же, Л. 40–41 об.].

<...> Когда бывает трудный случай, то чем меньше мы оставим поле для размышления, тем лучше (реплика с места) [Там же, Л. 158].

6. Понимать, что невозможно предложить правила «навсегда», в будущем могут появиться случаи, не регламентированные ими, что закономерно потребует уточнений и корректировки:

<...> Мы не можем устанавливать норм правописания на основании тех слов, которые могли когда-либо возникнуть, а мы оперируем только теми словами, которые существуют в нашем языке (С. П. Обнорский) [Там же, Л. 41 об.].

Корректировка участниками конференции орфографического материала Правил 1936 включала следующие виды уточнений:

1) введение в содержание свода новых пунктов для большей системности нормализации. Например, пункты о слитном написании сложных количественных числительных, последний элемент которых является множителем, если он не выражен словом *тысяча, миллион, миллиард (пятьдесят, триста, семьсот)*, а также наречий, образованных от собирательных числительных и предлогов *в* и *на* (*вдвое, втрое, надвое, натрое*) при раздельном написании *по двое, по трое* [Правила 1936 (2), с. 43–44];

2) введение новых примечаний к уже существующему правилу для детализации границ его действия. Например, участники конференции разработали примечание о сохранении безударного *-о-* после шипящих в иноязычных словах (*шоколад, жокей, палаццо*) [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 203].

3) введение нового иллюстративного материала (нередко списком), что позволяет конкретизировать правило и обеспечить его устойчивость в сознании пишущих. При этом исключение примеров носило единичный характер. Иногда оно могло быть связано с политической ситуацией, как произошло, например, с исключенной в связи с периодом нормализации торгово-экономических и дипломатических связей с Германией иллюстрацией *гитлеровщина*, вместо которой появились *макдональдщина* и *деникинщина*. С. П. Обнорский справедливо настаивал

на введении в этом случае примера *чертовщина*, который полностью соответствовал содержанию правила и являлся нейтральным по отношению к возможным социально-экономическим и политическим событиям [Протокол № 57 заседания орфографической комиссии при Ученом комитете Наркомпроса совместно с Президиумом Орфографической комиссии АН СССР от 28.09.1936 // Ф. 502. Оп. 3. Д. 106 Л. 59].

При обсуждении Правил 1939 также будут звучать предложения о необходимости «дать больше места для слов с уничижительными именами, подчеркивающих оценку политических реалий (*кияндеры (каяндеры), бухарины, маннергеймеры*)» и широко проиллюстрировать употребление слова *Сталинский* (с прописной) [Замечания к «Правилам единой орфографии и пунктуации» (2-я ред.) // Ф. 502. Оп. 1. Д. 76а. Л. 38–39]. Применительно к иллюстративному материалу можно говорить о постепенном формировании тенденции подчинить характер примеров не экстралингвистическим факторам, а собственно языковым, когда правила рассматриваются сугубо как инструмент нормализации орфографической практики;

4) перегруппировка исходного орфографического материала в целях оптимизации структуры. Так, например, полностью исключается часть «Раздельно пишутся», а материал ее девяти параграфов становится примечаниями к частям «Через дефис пишутся» и «Слитно пишутся»:

<...> Все первое подразделение этой главы «Раздельно пишутся» несколько излишне в том смысле, что вообще все слова пишутся раздельно друг от друга, если это разные слова. Поэтому предлагается этот раздел раскассировать. Это будет только два отдела, один отдел «Пишутся через дефис», другой «Пишутся слитно». А если имеются похожие случаи, которые пишутся раздельно, они будут оговариваться при соответствующем параграфе в примечании [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 198];

5) изменения нормативных рекомендаций, которые коснулись, например, написания *э* после согласных в иноязычных словах за счет расширения списка исключений (*нэр, мэр, сэр*), а также написания *е* после шипящих в суффиксах причастий, их производных и глагольных форм прошедшего времени (*прочел, учел, отвлеченный, отвлеченность*), написания *росту, расти, вырастать* (вместо *рас-*

ти, расту, вырастать) [Изменения (наиболее крупные), внесенные в свод на заседаниях объединенной орфографической комиссии при АН в Ленинграде (12–17 июня) // Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. Л. 16–23].

Президиум АН СССР выразил свое полное согласие с теми общими и частными нормативными установками, к которым «пришла конференция» [Выписка из протокола заседания Президиума АН СССР об итогах работы объединенной орфографической комиссии 1936 г. (05.07.1936 г.)// Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. Л. 13].

В конце сентября Правительственная комиссия по упорядочению русского правописания после перерыва, связанного с подготовкой и проведением орфографической конференции объединенной комиссии в АН СССР (Ленинград), вновь приступила к работе³³⁷ [Там же, Л. 8]. На ее очередном заседании 1 октября 1936 г. были еще раз обсуждены некоторые спорные пункты, требовавшие решения для издания 2-й редакции проекта правил:

<...> В отношении большинства пунктов состоялось постановление об их одобрении комиссией: 1) написание *жо, шо* и др. под ударением; 2) *рости, растуть*; 3) различие у прилагательных от географических названий суффиксов *-енский* и *-инский*; 4) творительный падеж ед. ч. у существительных типа *Кировом* (город); 5) предложный падеж ед. ч. типа *в Закавказье*;

б) суффиксы *-оньк-* и *-еньк-* в словах типа *березонька, заенька*; 7) написания слов с элементом *пол-* с дефисом; 8) написание *январьский*; 9) выдержанное установление на письме *-чн-* в *прачечная, Саввична* [Протокол № 57 заседания орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы НКП РСФСР и Президиума орфографической комиссии АН СССР от 30.09. 1936 // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. Л. 62–62 об.].

В июле текст был утвержден Правительственной комиссией, которая распорядилась напечатать Правила 1936 (2) в количестве 100 экземпляров для рассылки специалистам, московским и ленинградским педагогам русского языка и литературы, чьи отзывы планировалось использовать при повторном

³³⁷ Накануне сентябрьского заседания Правительственной комиссии в «Комсомольской правде» появляется острая заметка преподавателя одного из педагогических техникумов Ленинградской области «Так или сяк?», который очень эмоционально описывает последствия ситуации разнобоя в рекомендациях многочисленных орфографических справочников: «Учащиеся, да и учителя, не знают, какому словарю верить, а какому нет... Все эти противоречия в правописании дезориентируют не только учащихся, но и учителей-практиков, подрывают авторитет науки о языке и способствуют сохранению левацкого отношения к укреплению грамотности. Нельзя же без конца отделяться никого не удовлетворяющей «мудростью» – «пиши так и сяк». Пора уж избавиться от этого вредного трюизма и заменить его твердым уверенным: пиши так, а не иначе!» [Олейников, 1936 (2.09.1936)].

обсуждении его основных положений, намеченном на декабрь [Выписка из протокола заседания Президиума АН СССР об итогах работы объединенной орфографической комиссии 1936 г. (05.07.1936 г.) // Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. Л. 8–9]. Как следует из архивных документов, с 10 ноября начинается совместная с государственными органами работа по согласованию орфографии проекта новой Конституции РСФСР с Правилами 1936 (2) [Протокол № 58 (10.11.1936) заседания орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы НКП РСФСР // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. Л. 63].

В декабре с учетом полученных с мест отзывов начинается новый этап обсуждения Правил 1936 (2), в котором принимают участие заместитель Наркома просвещения РСФСР Б. М. Волин и академик Н. С. Державин. Его результаты представлены в «Объяснительной записке к сводам орфографических и пунктуационных правил», изданной отдельной брошюрой в 1937 г., где и были отражены осуществленные «путем баллотирования» содержательные правки Правил 1936 (2) [Отчет С. П. Обнорского об итогах заседаний Правительственной комиссии по орфографии для неперменного секретаря АН СССР Н. П. Горбунова в декабре 1936 г. (14.12.1936 г.) // Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. Л. 3–5].

Так были, например, изменены следующие рекомендации Правил 1936 (2):

1. Правописание после шипящих *ж, ч, ш, щ* под ударением *е*, а не *о* в глагольных окончаниях *-ешь, -ет, -ем, -ете*: *лжешь, лжет* и т.д., *печешь, печет* и т.д. как исключение из основного правила. Новая рекомендация записки: *лжошь, лжот, печошь, печот* [Объяснительная записка к сводам, 1937, с. 1];

2. Правописание после шипящих *ж, ч, ш, щ* под ударением *е*, а не *о* в суффиксе причастий страдательного залога и производных от них образований: *напряжен, напряженный, напряженно, напряженность* (как исключение из основного правила). Новая рекомендация записки: *напряжон, напряжонный, напряжонно, напряжонность* [Там же];

3. Правописание *а* в производных образованиях от корня *рост-* как исключение в некоторых словах книжного происхождения в соответствии с

церковнославянской традицией: *возраст, растение, растительный, отрасль* и их производные *возрастной, отраслевой* и т.п. Новая рекомендация записки: *возрост, ростение, ростительный, отросль* и их производные *возростной, отрослевой* [Там же, с. 3];

4. Правописание *збруя* в ряду исключений *здение, здоровье, здрав, зги* и производных *здешний, здоровый* и т.п. Новая рекомендация записки: *сбруя* [Там же, с. 6];

5. Правописание прилагательного *крупичатый* как исключения из ряда *черепитчатый, таблитчатый*. Новая рекомендация записки: *крупитчатый* по образцу *черепитчатый, таблитчатый* [Там же, с. 7];

6. Правописание прилагательного *ветренный* с суффиксом *-ен-* как исключения из ряда *соломенный, клюквенный, свойственный*. Новая рекомендация записки: *ветренный* по образцу *соломенный, клюквенный, свойственный* [Там же, с. 8.];

7. Правописание *паиенька* как исключение из ряда *Петенька, Леленька, Сереженька, заенька, душенька, Зоенька, папенька, маменька*. Новая рекомендация записки: *паенька* по образцу *Петенька, Лёленька, Сереженька, заенька, душенька, Зоенька, папенька, маменька* [Там же, с. 10].

Как видим, изменение орфографических рекомендаций оказалось связано со стремлением уменьшить количество исключений в рамках действия конкретного правила, сделав его более универсальным и применимым к большему количеству слов. Технические корректировки, как правило, были связаны с исправлением опечаток или уточнением формулировок правил, дополнением иллюстративного ряда³³⁸.

³³⁸ Например, была исправлена опечатка Правил 1936 (2) в наречии *наизусть* (было *наизуст*) (§ 111), дополнен иллюстративный ряд наречий за счет включения примера *сверху вниз* (§ 111), добавлены указания «вместо слова *основы* читать слово *корня*» (§ 55), «после слова *прилагательных* вставить *образованных от существительных*» (§ 57), расширен перечень приставок, на стыке которых и корня после согласного пишется *-э-* за счет *пост-, супер-* (§ 1), уточнена редакция примечания о правописании *-ь-* после иноязычных приставок: было *-ь-* пишется после иноязычных приставок *аб-, ад-, диз-, ин-, интер-, кон-, об-, суб-*; изменено на *-ь-* пишется в иноязычных словах после латинских приставок *аб-, ад-, диз-, ин-, интер-, кон-, об-, суб-* (§ 66) и т.п.

В начале 1937 г. в журнале «Большеви́стская печать» выходит статья Д. Н. Ушакова «О современном русском правописании», где сообщается о скором представлении орфографических и пунктуационных правил на утверждение в Совет народных комиссаров СССР. Он еще раз акцентирует внимание на том, что комиссией под председательством А. С. Бубнова впервые в истории русского письма был выработан «свод всех правил правописания», где «намечена не реформа, а упорядочение», что подразумевает точное нормирование как общих правил, так и регламентацию конкретных слов для устранения разнобоя [Ушаков, 1937 (Большеви́стская печать), с. 18]. Кроме того, подчеркивается, что вариативность, не оправданная языком (*снегирь / снигирь*, наречие *в дали / вдали*) «принципиально отвергается». Д. Н. Ушаков характеризует ее как «неполезную» и «вредящую устойчивости» письма [Там же].

К середине ноября 1937 г. тексты орфографических и пунктуационных правил, по свидетельству С. П. Обнорского, были приняты для представления в ЦК ВКП (б) и СНК СССР для утверждения [Докладная записка С. П. Обнорского по русской орфографии для президента АН СССР// Ф. 456. Оп. 1. Д. 44. Л. 11]. Однако «ни утверждения этих итогов работы», ни вообще какого бы то ни было «движения этого дела далее не было» [Там же].

3.6. Декларация Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации 1939 года

На протяжении всего 1938 г. АН СССР неоднократно ставится вопрос о продолжении работы по упорядочению орфографии, поскольку от этого зависит завершение академических «корневых предприятий» – грамматики и различных словарей³³⁹ [Там же, Л. 12]:

³³⁹ С этого момента практически вся инициатива в организации упорядочения принадлежит АН СССР.

<...> Предпринимались шаги к тому, чтобы в какой-то мере при Наркомпросе вновь было организовано что-либо с функциями новой Правительственной комиссии для доведения орфографического дела до конца [Там же].

В обращениях президента АН СССР В. Л. Комарова в Совет народных комиссаров подчеркивается «чрезвычайная важность» работы над орфографическими правилами в качестве необходимой «базы нашей правописной системы» [Обращение президента АН СССР к председателю Совета Народных комиссаров СССР В. М. Молотову // Ф. 2. Оп. 1. Д. 183. Л. 37–38]. Разрешения орфографических вопросов также ждали Украинская и Белорусская Академии наук, которые, пересматривая нормы своего национального правописания, желали «иметь опору» в утвержденных орфографических нормах русского письма [В Совет НК СССР // Ф. 456. Оп. 1. Д. 44. Л. 14–15]. В сентябре 1938 г. в «Правде» появляется заметка «Пора устранить разнобой в русском правописании», где от имени общественности звучит требование «ускорить разрешение» вопроса об упорядочении орфографии, поскольку существующая система с «многочисленными неустойчивыми написаниями создает серьезные осложнения» в педагогической работе и издательской практике:

<...> Советское учительство, работники периодической печати и издательств много раз ставили вопрос об упорядочении русской орфографии, но по-прежнему учащиеся, овладевающие грамотой, нередко продолжают теряться, встречая в одной книге *перон*, *коэффициент*, *артиллерия*, а в другой – *перрон*, *коэффициент*, *артиллерия* [Косых, Устинов, 1938].

Авторами утверждается мысль о необходимости «серьезной доработки» пока не утвержденных Правил 1936 (2), так как те «разрабатывались келейно», без широкого участия педагогов, издательских работников и представителей общественности» [Там же].

10 июля 1939 г. Совет народных комиссаров принимает решение о создании новой Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка (пред. П. А. Тюркин, пред. орфографической комиссии С. П. Обнорский)³⁴⁰ [Постановление № 1019 СНК СССР о создании Правитель-

³⁴⁰ В состав комиссии также вошли депутаты Верховного Совета СССР О. Ф. Леонова, М. А. Шолохов, А. Н. Толстой, а также И. И. Мещанинов, А. С. Орлов, Д. Н. Ушаков, В. И. Чернышев, Л. В. Щерба, С. Г. Бархударов, А. М. Сухотин, А. Б. Шапиро, Л. А. Железнов,

ственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка (10.07.1939 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 156 Л. 1]. Впервые в состав комиссии вошли представители депутатского и писательского корпуса (О. Ф. Леонова, М. А. Шолохов, А. Н. Толстой).

С. П. Обнорский подчеркивает важность этого события в свете идеологической роли русского языка как «ведущего орудия» социалистического строительства [Обнорский С. П. о задачах Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка (14.10.1939 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 156. Л. 2]. Утверждение правил должно стать «рычагом» мощного культурного строительства и «беспримерным явлением» в истории орфографии [Там же, Л. 11]. «Особенно значимой» в контексте «неудачной» практики ограничения действия «Русского правописания» Я. К. Грота только школой представляется общеобязательность будущих правил [Там же, Л. 2].

Новая комиссия подтвердила свое намерение следовать принципам, выработанным орфографическими комиссиями АН СССР (1933 г.) и НКП РСФСР (1933 г.), в декабре 1935 г. объединенных в одну комиссию для согласования итогов работы: разноречивый должен быть устранен не путем каких-либо коренных преобразований основ орфографии, а путем возможной унификации однородных случаев и регламентации наиболее «целесообразных» из тех вариантов, которые бытуют в современной практике³⁴¹ [Тезисы к докладу С. П. Обнорского «Основ-

Н. Т. Садчиков, Е. В. Корневский [Постановление № 1019 СНК Союза ССР «О создании Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка» // Ф. 502. Оп. 3. Д. 156. Л. 1]. Кроме того, было также решено привлечь к участию в работе подкомиссии от Наркомата просвещения РСФСР А. А. Реформатского, Р. И. Аванесова, а от АН СССР – Е. С. Истрину, Л. С. Ляпунову и Н. Н. Филиппова [Протокол № 1 заседания Правительственной комиссии по выработке единой орфографии и пунктуации // Ф. 502. Оп. 3. Д. 156. Л. 15].

³⁴¹ Информационные заметки о начале и первых итогах работы Правительственной комиссии опубликовали такие ведущие центральные и республиканские газеты, как «Правда» (№ 279 от 08.10. 1939), «Вечерняя Москва» (№ 209 от 5.10.1939; 237 от 15.10.1939), «Учительская газета» (№ 139 от 11.10.1939, №150 от 5.11.1939, № 160 от 27.11.1939), «Известия» (№ 229 от 3.10.1939, № 240 от 16.10.1939, № 244 от 20.10. 1939), «Новая Заря» (№ 269), «Ферганская Правда» (30.10.1939) и т.д. Также в архиве РАН представлены публикации «Единая русская орфография», «Единая орфография и пунктуация» [Публикации // Ф. 502. Оп. 3. Д. 157. Л. 2, 6]. Основной тезис всех заметок – реформа (1917) значительно упростила орфографию, устранив отжившие элементы, которые были серьезным препятствием в усвоении

ные принципы орфографической нормализации» (07.10.1939 г.)// Ф. 502. Оп. 3. Д. 156 Л. 18]³⁴²:

<...> Разнобой в условиях плановости на всех участках советского строительства как помеха культурному росту недопустим. Обогащение нашего языка, идущее быстрым темпом в связи с техническим и культурным ростом, ставит перед школой и печатью все новые и новые орфографические задачи и вызывает необходимость создания твердой почвы для разрешения этих задач [Сообщение для ТАСС // Ф. 502. Оп. 1. Д. 77а. Л. 5].

К 15 октября работы над текстом Правил 1939 были завершены [Свод орфографических правил // Вечерняя Москва. 15.10.1939. № 237]. Они издаются ограниченным тиражом для обсуждения на пленарных заседаниях Правительственной комиссии, итогом которого становится новая редакция Правил 1939 (2) [Стенограмма собрания отделения литературы и языка АН СССР по вопросу об основных принципах построения свода орфографических правил и орфографического словаря русского языка (27.11.1939 г.) // Ф. 456. Оп. 1. Д. 25. Л. 21].

27 ноября 1939 г. состоялось расширенное собрание Отделения литературы и языка АН СССР, где С. П. Обнорский представил принципы нормализации, названные им «отправной базой» всей орфографической работы над текстом Правил 1939 (2)³⁴³ [Там же, с. 8]. Это своеобразная орфографическая декларация, где впервые в истории орфографического движения XX в. была представлена четкая и обоснованная система взаимосвязанных теоретических подходов, обеспечивающих решение практической задачи упорядочения основных линий разнобоя. Безусловно, некоторые из этих постулатов озвучивались и ранее, но они

правописания на протяжении полутора веков, но вот цель разрешения всех спорных вопросов она не ставила, поэтому задача созданной комиссии заключается вовсе не в подготовке очередного проекта реформы, а только в исключении накопившегося разнобоя для достижения единства письма.

³⁴² Документ представлен в приложении № 24.

³⁴³ На собрание были приглашены представители радио, центральных газет, ТАСС, республиканских филиалов АН СССР, Московского института востоковедения, Института языка и письменности и т.д. В общей сложности присутствовало более 40 человек [Стенограмма собрания отделения литературы и языка АН СССР по вопросу об основных принципах построения свода орфографических правил и орфографического словаря русского языка (27.11.1939 г.) // Ф. 456. Оп. 1. Д. 25. Л. 2].

не были заявлены как органичные составляющие единой и последовательной программа действий³⁴⁴.

Приведем основные положения, которыми руководствовалась в своей работе Правительственная комиссия по выработке единой орфографии и пунктуации 1939 г.:

1. Система русского письма является органичной и сбалансированной:

<...> Она по-своему выдержанная, весьма экономичная, внутренне целостная и несколько не хуже каких-нибудь соседственных с нами европейских систем письма, а много их лучше, поэтому видеть в реформе правописания коренную, перманентно висящую над нами задачу, конечно, совершенно неправильно. Можно, естественно, в порядке теоретических суждений, строить всяческие предположения о реформировании нашего письма, в частности, о реформировании графической системы нашего правописания, но все это не оправдывалось бы непосредственными жизненными требованиями сегодняшнего дня. Напротив, унифицирование письма, создание единой, без разнобоя системы орфографии и пунктуации есть давно наболевшая и для всех нас одинаково острая потребность как основной залог успехов нашего общего культурного строительства [Там же, Л. 11].

2. Задача текущего дня – установление единой орфографии и пунктуации в тех линиях, где должного единства нет:

<...> Снятие того пласта в нашем правописании, который, в достаточной мере доставший от старины, выступает в нем раздваивающим, а потому осложняющим практику письма элементом. Мне не нужно говорить, как в этом отношении пестра практика нашей орфографии и пунктуации, и она пестра не только сейчас. Пестра она была еще в догротовскую пору, что и вызвало собственно деятельность Грота, стремившегося своими попытками внести упорядочение в области нашей орфографии, имела безусловный успех, но этот успех был временным. Позднее же недочеты принципиального характера в работе Грота привели к той же пестроте правописания, из десятилетия в десятилетие еще более возрастающей в связи с естественным общим ростом языка. Таковой была бы характеристика и на данный момент нашей орфографической и пунктуационной системы, страдающей в разных линиях большой неустойчивостью» [Там же, Л. 8].

<...> Не должно ли переступить эти грани работы, поставив одновременно и цели реформирования письма в продолжение и углубление той реформы его, которая декретирована была постановлением советского правительства в 1918 г.? Представляется, что эта задача – задача иного порядка и не должна переkreщивать и осложнять тех, и без того больших по охвату материала и конкретных, непосредственных заданий по унифицированию письма, которые вот уже десятками лет ожидают своего разрешения [Там же].

³⁴⁴ Заявленные принципы «есть прямое продолжение и дальнейшее развитие принципов деятельности академика Я. К. Грота применительно к новым условиям» [Щенников, 1955, с. 469].

3. Текущая нормализация должна учитывать итоги реформы правописания 1917–1918 гг.:

<...> Весь наш свод должен быть построен на базе декрета 1918 г. [Там же, Л. 54];

4. Принципиальное значение имеет вопрос о фактической базе как основе предстоящей унификации. Такой базой нельзя считать индивидуальные орфографические и пунктуационные навыки специалистов:

<...> Нам надо забыть свои собственные привычки и вкусы, отвлечься от них и опереться на какую-то более твердую и объективную почву. Этой почвой должен выступать непосредственный письменный наш язык, взятый на широком фоне непосредственных его носителей – писателей всех жанров, а не только свидетельства наших орфографических словарей, вообще мало самостоятельных, причем язык, взятый... в отрезке достаточно широком, приблизительно за период последнего пятидесятилетия [Там же, Л. 19].

5. Всегда должен быть «четким» отправной момент в орфографической работе: наличие в практике письма неустойчивого правописания отдельных слов или групп [Там же, Л. 12]. Именно этот факт, а не теоретические мысли о желаемой орфографической или пунктуационной норме для того или иного случая и должен определять непосредственную работу по упорядочению:

<...> Теоретизирование над вопросами реформы письма, не наводимое непосредственными фактами колеблющихся написаний, было бы нерациональным и отвело бы нас от решения непосредственных, стоящих перед нами вопросов унификации правописания [Там же, Л. 14].

6. При решении любого орфографического вопроса следует всегда считаться с тем, что основным принципом, на котором зиждется орфографическая система русского языка, является морфологический³⁴⁵:

³⁴⁵ С. П. Обнорский характеризует морфологический принцип как «главную основу», «здоровый социальный» и «национальный» принципа русского правописания, объединяющего всех говорящих по-русски независимо от их произношения [Обнорский С. П. о задачах Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка // Ф. 502. Оп. 3. Д. 156. Л.8–9].

«Эта грамматичность нашей орфографии сделала то, что орфография в течение веков успешно обслуживала весь народ, несмотря на различия в произношении. Дело в том, что характер грамматического строения слов был общим и для общенародного языка и для местных говоров... Наша современная грамматическая орфография построена, как называют языковеды, на морфологическом принципе. Это значит, что каждая морфологически выделяемая часть слова как грамматического строения – корень слова, приставка, суффикс, окончание – сохраняет единообразное написание во всех случаях, независимо от их произношения в разных положениях в слове... Почти все правила русского письма ориентированы на этот принцип. Исключе-

<...> Морфологический, но не фонетический... Морфологическая основа нашего правописания составляет безусловную положительную его общую черту.... Отсюда основное положение для нас в работе по унифицированию письма – всегда считаться с морфологической его базой и без необходимости ее не нарушать... Русская орфографическая система базируется на морфологическом принципе, чем меньше в ней было бы отражений каких-либо иных принципов, тем в правописании было бы меньше «исключений», тем сама система являлась бы более цельной, прозрачной, легкой [Там же, Л. 14–15].

7. Внимание к морфологическому принципу в практической работе по упорядочению письма предполагает известный учет прошлого языка, его исторических написаний:

<...> Прошлое языка, исторические его написания могут облегчить правильную оценку известных современных правописных фактов, могут дать критерий для правильного разрешения того или другого вопроса с двоящимся современным правописанием. Так, колебание современных написаний слова *мачеха* (пишется и с *е*, и с *и*) должно быть устранено выравниванием их по типу написания с *е*, так как в этой форме слово известно как старому русскому и славянскому языку, так и современным живым славянским языкам. Или слово *ка(о)лач*, которое пишется то с *о*, то с *а*, в корне должно быть унифицировано в написании с *о* (*колач*), учитывая морфологическую связь этого слова с *коло*, *колесо* [Там же, Л. 16];

8. Следует учитывать, что узувальные орфографические нормы подвижны:

<...> Если старейшая форма слова *порутчик* с *-тч-*, известная в употреблении в источниках XVIII в. и даже начала XIX в., позднее сменилась прочно укоренившейся в правописании формой *поручик* с *-ч-*, у нас нет, конечно, оснований вспоминать о старейшем (пусть даже более правильном этимологически) варианте написания слова. Если старейшие написания таких слов, как *адресс*, *аттака*, *коммиссия* позднее прочно сменились иными вариантами их написаний (с одиночными согласными), то эти последние и должны естественно входить в единую современную нашу правописную норму [Там же, Л. 16].

9. Основная установка в работе комиссии – устранение во всех случаях двойственных, вариативных написаний³⁴⁶. Так, если практиковались написания

ния, возникающие в разное время как отражение произношения, немногочисленны» [Ожегов С. И. Русская орфография (1956) // Ф. 1516. Оп. 1. Д. 79. Л. 4–5].

³⁴⁶ О полной унификации С. П. Обнорский говорил только применительно к вариативным написаниям «в подлинно орфографическом смысле»: «В действительности есть у нас двойственные написания отдельных слов или отдельных форм слов, отражающие наличность известной дифференцированности, известного разнобоя в самом нашем языке. Это орфографическое разнообразие, сплетающееся с разнообразием языковым, конечно, не является показателем двойственности письма, и соответственных фактов правописания в направлении их сглаживания, естественно, касаться нельзя. Нельзя, например, выравнивать под единую норму «написания» дублетов *удвоивать* и *удваивать*, *затрогивать* и *затрагивать* и под., так как это дифференцированные языковые формы. Или такие дублетные формы языка, как существительные *зал* и *зала*, им. мн. числа *возы* и *воза*, предл. ед.ч. *в забытыи* и *в забытье*, прилагательное в кратной форме *естественен* и *естествен*, глагол *канонизировать* и

идти и *итти*, *зоря* и *заря*, *скворешник* и *скворечник*, *эксплоатация* и *эксплуатация*, *Йорк* и *Йорк*, *коэффициент* и *коэффициент*, *в конце-концов* и *в конце концов*, *на лицо* и *налицо*, *народно-хозяйственный* и *народнохозяйственный*, *Красная Армия* и *Красная армия*, то во всех этих случаях подлежит установлению «единая, без разнобоя» норма. Единые нормы правописания являют собой «беспримечательное явление» в истории русского письма³⁴⁷ [Там же, Л.6]:

<...> Разнобой в условиях плановости на всех участках советского строительства... как помеха культурному росту недопустима... обогащение нашего языка, идущее быстрым темпом в связи с техническим и культурным ростом, ставит перед школой и печатью все новые и новые орфографические задачи и вызывает необходимость создания твердой почвы для разрешения этих задач [Там же, Л. 5].

Именно этот пункт декларации комиссии вызвал возражение профессора И. И. Мещанинова, полагавшего, что комиссия заходит «слишком далеко», поскольку вопрос о выборе нормативного варианта для спорных случаев должны решать не специалисты, а именно «те люди, которые говорят и пишут», т.е. рядовые носители языка:

<...> Жизнь решит, жизнь выработает, в конце концов, и сделает господствующим то или иное написание, которое и можно будет затем узаконить. В противном случае можно помешать дальнейшему развитию массового творчества, массовой работы в этой области³⁴⁸ [Там же, Л. 61–62].

канонизовать и т.д. Во всех подобных случаях перед нами наличие языкового многообразия, и в предстоящей работе по унифицированию письма соответственного материала естественно затрагивать не следует» [Стенограмма собрания отделения литературы и языка АН СССР по вопросу об основных принципах построения свода орфографических правил и орфографического словаря русского языка (27.11.1939 г.) // Ф. 456. Оп. 1. Д. 25. Л. 18].

³⁴⁷ Говоря в целом о сводах, С. П. Обнорский подчеркивал, что все разделы в них «разработаны... детально», поэтому они смогут обеспечить «такое единство письма, которое никогда в прежние времена не бывало» [Стенограмма собрания отделения литературы и языка АН СССР по вопросу об основных принципах построения свода орфографических правил и орфографического словаря русского языка (27.11.1939 г.) // Ф. 456. Оп. 1. Д. 25. Л. 42].

³⁴⁸ И. И. Мещанинов: «Надо предоставить этот вопрос решить жизни. Пусть здесь скажется творчество масс. Я считаю, что это развитие никак не должно происходить таким образом, чтобы мы все это регламентировали... Мне кажется, что здесь не надо обязательно какие-то нормы вводить. Мне думается, что в этом отношении надо предоставить некоторую свободу» [Стенограмма собрания отделения литературы и языка АН СССР по вопросу об основных принципах построения свода орфографических правил и орфографического словаря русского языка (27.11.1939 г.) // Ф. 456. Оп. 1. Д. 25. Л. 61–62].

Профессор М. А. Цявловский, напротив, характеризуя разноречивую как «величайшее зло», «вредительство культурное» и «болезнь», называет «невозможным» существующее положение, когда значительная категория слов «совершенно не нормализована»:

<...> Нужно категорично и строго проводить эту нормализацию. В известной степени нужно проводить такое, грубо говоря, насилие. В правилах правописания надо свести до минимума эти «или / или», добиться надо такого положения, чтобы этих «или / или» было бы возможно меньше [Там же, Л. 71].

М. А. Цявловского поддержал академик Н. Л. Мещеряков, подчеркнувший, что от специалистов ждут точности, поэтому комиссии следует «высказывать решительно, без колебаний» рекомендации, чтобы, наконец, предложить школе и печати «что-то твердое» и окончательное [Там же, Л. 97].

По поручению Правительственной комиссии Правила 1939 (2) были представлены М. Петерсоном на специальном совещании педагогов русского языка г. Москвы. Общий итог обсуждения – разработка единых правил правописания «очень нужное» и «своевременное» начинание, однако их текст оказался «обременен исключениями», поэтому его необходимо «коренным образом переработать»:

<...> В нем оказалось больше 218 правил, т.е. 218 параграфов, в каждом параграфе одно или несколько правил и 271 исключение или больше, т.к. в каждом примечании одно или несколько исключений; ожидали облегчения, а, пожалуй, даже станет труднее работать... обременен исключениями [Правила единой орфографии и пунктуации. Сводка мнений учителей различных районов города Москвы // Ф. 696. Оп. 1. Д. 29. Л. 44, 36].

Педагогами были высказаны замечания к формулировкам отдельных правил, результатам кодификации, используемым терминам, иллюстративному материалу. Так, например, в числе излишне усложненных и громоздких были указаны формулировки § 14 о правописании суффиксов прилагательных *-ян (ан)-* и *-ен-*; § 28 о правописании *-ы / и-* после *-ц-*; § 30 о правописании *-ы / и-* после приставок³⁴⁹; § 58 о *-н / нн-* в причастиях и отглагольных прилагательных. Остались «не

³⁴⁹ При сочетании приставки с корнем или другой приставкой, которые начинаются с *и*, если произносится *ы*, то и пишется *ы*, например: *безыглый, безыскусственный, безыдейный, безынициативный, возыметь, изымать* (но *взимать*, где произносится *и*), *обызвествление, изыскивать, отыгаться, подытожить, предыдущий, розыск, сыскать, сызнава*.

удовлетворены все» и формулировкой § 82 о написании наречий, образованных от предложно-падежной формы существительного [Там же, Л. 37, 38, 39, 41].

Нецелесообразными были признаны исключения *растение, возраст, растительный*³⁵⁰, как «неправильные» оценены написания *Лизонька, лисонька, ровный* при *равный*³⁵¹, *костенеть* при *костяной, отрешенный, жжженный, лжет, желудь*³⁵², *бессребренник, повидимому, симпровизировать*. Педагоги были «удивлены» написанием таких слов, как *коровай, кумонек, коурый, корокатица, коропуз, корочун, косатка, колач, близ-близь, могорыч*. Рекомендации *программка, группка* встретили «категорическое возражение». Как «противоречие» они охарактеризовали написания *Всесоюзная Коммунистическая партия*³⁵³, *Верховный Суд* [Там же, Л. 37–44].

Кроме того, педагоги указали на наличие в тексте Правил 1939 (2) терминов и формулировок, которые отсутствуют в традиционной методике обучения орфографии, например: *сложный суффикс, элементы основы; равноправность, соотносительность* и *подчинение* смысловых частей у сложных прилагательных. Избыточными назвали они и наличие в иллюстративном материале слов, которые большинством «никогда» не употребляются: *ницкикий, пфальцский, констанцский*.

Примечание. Правило это не распространяется:

1) на слова с приставками *меж-* (согласно § 28) и *сверх-* (где по общему правилу после *x* пишется *и*), например *межинститутский, сверхиндивидуальный*;

2) на образования из иноязычных приставок *контр-, пан-, суб-, транс-* в сочетании со словами как иноязычного, так и русского происхождения, например: *контригра, панисламизм*;

3) на сочетания приставки с иноязычными словами, например: *симпровизировать*;

4) на некоторые, устанавливаемые в словарном порядке образования характера научных терминов, в которых вторая часть является словом иноязычного происхождения, например: *наиндивидуальный, подинтегральный, предистория* [Правила, 1939 (2), с. 24].

³⁵⁰ Преподаватели предложили комиссии «езде унифицировать *о*»: *ростение, возрост, отрость, возростной, отростевой, ростительный* [Правила единой орфографии и пунктуации. Сводка мнений учителей различных районов города Москвы, подготовленная М. Н. Петерсоном (1939) // Ф. 696. Оп. 1. Д. 29. Л. 39].

³⁵¹ «Желательно установить единообразное написание... учитывая, что дифференциация по смыслу не всегда выдерживается, например: *ровный, но равнина; равный, но ровесник*»).

³⁵² Педагогами было высказано предложение под ударением всегда писать *о*, а без ударения *е* [Правила единой орфографии и пунктуации. Сводка мнений учителей различных районов города Москвы, подготовленная М. Н. Петерсоном (1939) // Ф. 696. Оп. 1. Д. 29. Л. 40].

³⁵³ «Слово *партия* должно писаться «во всех случаях с большой буквы» [Правила единой орфографии и пунктуации. Сводка мнений учителей различных районов города Москвы, подготовленная М. Н. Петерсоном (1939) // Ф. 696. Оп. 1. Д. 29. Л. 44].

Также были получены многочисленные отклики от учреждений (издательства, типографии, исследовательские институты и педагогические вузы) и специалистов (К. И. Былинский, Н. Н. Никольский, С. Е. Крючков, М. В. Ушаков, Г. О. Винокур, Б. М. Ляпунов, С. И. Абакумов). Представим их краткий обзор.

1. В разделе «Безударные гласные в суффиксах» замечания оказались связаны либо с неоправданной рекомендацией написаний, не соответствующих устойчивой практике последних десятилетий, либо с сохранением параллельных образований и, соответственно, наличием в правилах двух вариантов написаний. Так, возражения вызвала рекомендация писать *вариво* и *куруво* при *зариво*, *мариво*, *кружево*. Прозвучали пожелания «предпочесть более употребительные и общепринятые» написания *вариво* и *куруво*, поскольку иначе получается «ничем не оправданная ломка» традиции. (Московский областной педагогический институт, бригада работников ленинградских издательств, К. И. Былинский, В. Гаршунг). Участники обсуждения также указали на необходимость определять написание этих суффиксов не в словарном порядке, как это предусматривали правила, а обосновать их «морфологически» [Замечания к «Правилам единой орфографии и пунктуации» (2-я ред.) // Ф. 502. Оп. 1. Д. 76а. Л. 4–5]³⁵⁴.

Непонимание вызвало предложение писать *пензинский* и *преснинский*, к которым «трудно» привыкнуть (Б. М. Ляпунов, В. Семенов-Тянь-Шанский, Госполитиздат). Орфографической комиссии было рекомендовано «лучше взять по Гроту» традиционные *пензенский* и *пресненский* (Н. Н. Никольский) [Там же, Л. 8].

Категорические возражения вызвала рекомендация писать *застрявать* при привычном для практики *застревать*, поскольку, во-первых, здесь вообще никогда не было колебаний, во-вторых, уже у В. И. Даля справедливо указывается, что *застревать* образовано от *застреха* (Институт школ, Госполитиздат, Г. О. Винокур, К. И. Былинский, С. Е. Крючков, С. И. Абакумов) [Там же, Л. 10].

³⁵⁴ Документ представлен в приложении № 25.

Установить единообразное написание потребовали и в суффиксах *-оньк / еньк-* у прилагательных с основой на заднеязычные *г / к / х*, тогда как в правилах в этом случае допускались двойкие написания *легонький* и *легенький*, *тихонький* и *тихенький*. Нецелесообразным посчитали участники дискуссии и сохранение в правилах двух вариантов написаний *кошачий* и *кошечий*, *лягушачий* и *лягушечий* (Институт школ, Госполитиздат, издательство «Правда», А. Б. Шапиро, Н. Е. Кулик, Н. Н. Никольский) [Там же, Л. 9].

2. В разделе «Правописание сочетаний согласных с гласными» участники дискуссии предлагали, например, в корне после *-ц-* оставить везде *-и-*, сохранив *-ы-* только в суффиксах прилагательных и флексиях существительных (Институт ЦК ИТР Народного Комиссариата электропромышленности, Институт школ, Тер-Аганянц (учитель)) [Там же, Л. 11]. Правило о написании *-о / е (ё)-* после шипящих «ничего» не упорядочивает (Медгиз), оно «непоследовательно» и по-прежнему остается «труднейшим» для изучения (М. В. Ушаков), поскольку «ничего четкого» у комиссии «не получилось» (Вологодский ГПИ). При этом пожелания нередко звучали прямо противоположно, в частности, под ударением в корне предлагали писать *ё* (*жёлб, жёлудь, счёл, всё* (Б. М. Ляпунов)), *е* (*желтый, черный, шелк* (Н. Н. Никольский, С. И. Абакумов)) и *о* (*чорт, решетка, чобот, жолудь, шопот* (Институт школ, Г. О. Винокур, К. И. Былинский)) [Там же, Л. 13–16].

3. При обсуждении раздела «Правописание согласных» практически единодушно комиссии рекомендовали «вспомнить доводы» академика Я. К. Грота» и «признать правильной» форму *итти* вместо утвержденной правилами *идти* [Там же, Л. 18].

4. В разделе «Слитные и дефисные написания» большинство замечаний относится к наречиям. Во-первых, указывается на необходимость дать «самокритическую классификацию» наречий (К. И. Былинский) и привести их «максимальное число» в иллюстративном материале, «выбросив несомненные случаи» (С. И. Абакумов, Н. Е. Кулик), поскольку в правилах даны «совершенно недостаточные сведения» и примеры (Институт ЦК ИТР Народного Комиссариата элек-

тропромышленности). Во-вторых, сама формулировка рекомендаций такова, что трудно понять принципы», которыми руководствуется комиссия при определении слитного или раздельного написания (Вологодский пединститут). «Существующее изложение» сейчас не удовлетворяет даже специалистов (Н. Н. Никольский), комиссия «ударилась в крайность», предложив писать раздельно *в смятку, в про-сак, в догонку* (Госполитиздат). В итоге получается «усложнение правил», когда новые рекомендации типа *в тихомолку* нарушают имеющий «большое педагогическое значение» принцип, в соответствии с которым не следует писать несуществующих слов³⁵⁵ (М. В. Ушаков) [Там же, Л. 21–29].

Комиссия в очередной раз приступила к корректировке материала. Итогом этой работы стали новые Правила 1940. В феврале они передаются на утверждение Совету народных комиссаров СССР [Справка о работах в области орфографии и пунктуации для Совета Народных комиссаров СССР (к утверждению свода, сентябрь, 1940г.) // Ф. 2. Оп. 1 (1938). Д. 183. Л. 3]. Весной руководство Отделения литературы и языка обращается в Президиум АН СССР с просьбой «ускорить прохождение» процедуры утверждения Правил 1940 [Обращение Отделения литературы и языка в Президиум АН СССР (17.05.1940 г.)// Ф. 2. Оп. 1 (1938). Д. 183. Л. 5].

Специальное совещание у заместителя председателя СНК СССР Р. С. Землячки с участием народного комиссара просвещения РСФСР В. П. Потемкина, председателя Всесоюзного комитета по делам высшей школы С. В. Кафтanova приходит к выводу, что представленные для утверждения Правила 1940 являются «лишь материалом» для дальнейшего обсуждения и «в таком виде не могут быть приняты». Для их доработки утверждается состав новой орфографической комиссии: С. П. Обнорский (пред.), А. Б. Шапиро, С. Г. Бархударов, Д. Н. Ушаков, Л. В. Щерба и Е. И. Кореневский, сотрудник Научно-

³⁵⁵ Такое же замечание вновь повторит уже по отношению к Правилам 1951 заведующая кафедрой русского языка педагогического института Ростова-на-Дону Г. Валимова: «Дается раздельное написание *без устали, до упаду, на ошупь, под мышкой, без умолку*. Разве в современном русском языке есть существительные *усталь, умолк, упад, ошупь, мышка?*» [Валимова, 1954].

исследовательского института школ НКП РСФСР [Протокол №1 совещания у тов. Р. С. Землячки о «Правилах единой орфографии и пунктуации русского языка» (Народный комиссариат просвещения РСФСР, 25.04.1941 г.) // Ф. 2. Оп. 1 (1941). Д. 21. Л. 2].

К моменту начала Великой Отечественной войны проект Правил 1941 был одобрен Народным комиссаром просвещения В. П. Потемкиным [Шапиро, 1956, с. 10]. Известно, что следующие Правила 1947 и Правила 1948 были составлены на основе подготовленной орфографической комиссией С. П. Обнорского редакции Правил 1941 [Правила, 1947, с. 4; Правила, 1948, с. 4].

3.7. Орфографическая работа в период Великой Отечественной войны

Работа над упорядочением правописания не прекращается даже в годы войны. Издательская практика в разрешении спорных вопросов правописания по-прежнему искала опоры, поэтому в 1942 г. выходят адресованные слушателям центральных газетных курсов при ЦК ВКП(б) «Трудные случаи орфографии и пунктуации» К. И. Былинского и Н.Н. Никольского (М., изд-во «Правда»). В 1944 г. появляется авторитетный «Справочник корректора» К. И. Былинского и М. В. Уарова (М.–Л., ГИЗ легкой промышленности). Важно, что эти издания отличались полнотой, рассматривали действительно сложные и спорные вопросы правописания, а также декларировали одинаковые нормативные установки. Они не только оказали серьезную методическую помощь военным корреспондентам, коллективам фронтовых газет, авторам «боевых листов», но и сыграли положительную роль в упорядочении оформления многих слов [Шапиро, 1956].

В условиях военного времени вопрос о единообразном написании остро встал и в служебной переписке, что и вызвало необходимость издания, такого справочника, как «Правила правописания и произношения некоторых слов и вы-

ражений, принятых в военно-морском языке»³⁵⁶ (М., 1944). В справочнике, например, разъясняется слитное и дефисное написание отдельных сложных прилагательных (*двухкилометровый*, а не *двух-километровый*), употребление прописной и строчной (*Одесская военно-морская база*, но *одесское направление*), выбор флексии в той или иной предложно-падежной форме. Правила были согласованы с Институтом языка и письменности АН СССР (в лице С. П. Обнорского), при этом «для решения сомнительных вопросов» правописания общеупотребительных слов рекомендовался Словарь Ушакова [Правила правописания, 1944, с. 3].

В 1944 г. в журнале «Советская педагогика» появляется статья С. П. Обнорского «Вопросы современной русской орфографии», где вновь отмечается, что все положения реформы 1917–1918 гг. с точки зрения практической целесообразности следует признать «жизненными и правильными». Благодаря ей русское правописание «выросло» в более простую и легкую для обучения систему:

<...> Остается лишь потребность в регулировании и нормировании нашего правописания по частным вопросам орфографии, которые издавна, еще до Грота, отягощали письмо, которые сам Грот пытался урегулировать, но без особого успеха, которые дожили до наших дней [Обнорский, 1944, с. 30].

Подчеркивается, что в настоящее время состояние орфографии «более устойчивое», чем оно было лет десять назад. Причины этого и в общем внимании к этому элементу культуры, и в стремлении к созданию «прочной» системы правописания, и в продолжающейся в АН СССР орфографической работе, в которую «втягиваются» самые широкие слои – учительство, работники печати, ученые [Обнорский, 1944, с. 28–35].

³⁵⁶ В циркуляре начальника Главного морского штаба ВМФ в связи с изданием данных правил указывалось следующее: «В служебной переписке и в различных печатных изданиях Народного Комиссариата **Военно-Морского Флота** нет единств... для прекращения разнобоя и соблюдения чистоты военно-морского языка предлагается:

1. Принять к руководству Правила правописания и произношения некоторых слов и выражений, принятых в военно-морском языке;

2. Правила изучить всем офицерам **военно-морского флота** и руководствоваться ими как в литературной работе, так и в повседневной служебной переписке (донесения, отчеты, приказы).

3. Ввести изучение Правил в военно-морских учебных заведениях всех ступеней и разрядов, в которых читается курс русского языка и литературы» (выд. мной. – С. Н.) [Правила правописания, 1944, с. 2].

3.8. Итоги работы по нормализации правописания: комиссия 1947 года и «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 года

3.8.1. Редакции Правил 1947–1948 годов

После окончания войны работа над текстом сводов возобновляется. В 1947 г. по инициативе Института русского языка АН СССР, директором которого в 1944 г. был назначен С. П. Обнорский, и президента АН СССР С. И. Вавилова Совет министров СССР 1 марта вновь организует орфографическую комиссию³⁵⁷. В ее состав вошли министр просвещения РСФСР А. Г. Калашников (председатель комиссии), академики В. В. Виноградов и С. П. Обнорский, президент Академии педагогических наук РСФСР профессор И. А. Каиров, члены-корреспонденты АН СССР С. Г. Бархударов и Е. С. Истрина, профессора С. И. Абакумов, А. Б. Шапиро, доценты К. И. Былинский, С. Е. Крючков, писатель А. А. Фадеев и Е. И. Кореневский (секретарь комиссии) [Копия постановления Совета министров СССР // Ф. 456. Оп. 1. Д. 168а. Л. 121]. Перед комиссией была поставлена задача пересмотреть редакцию Правил 1941 с целью дополнения и уточнения не только самих нормативных формулировок, но и обновления иллюстративного материала. Кроме того, было рекомендовано включить в будущую редакцию более обширный орфографический словарь, в который должны были войти все слова, встречающиеся в тексте, а также те, чье написание издавна является предметом

³⁵⁷ «С переходом на мирное строительство работа над унификацией орфографии и пунктуации возобновилась... Работа по унификации велась на следующих основаниях:

1) из двух или нескольких написаний одного и того же слова выбирается одно, например: из написаний *деревяжка* и *деревяшка* выбирается второе;

2) выбор написания того или иного слова определяется в основном не теоретическими соображениями о его происхождении, а русской правописной традицией за последние пятьдесят лет, например: из написаний *конфорка* и *комфорка* выбирается первое, несмотря на то, что в языке-первоисточнике это слово пишется с буквой *-m-* (голландское *komfoor* – прибор для разведения огня);

3) в случае колебаний в традиции следует выбирать написание, соответствующее морфологическому принципу, например: из написаний *жёрнов* и *жорнов* выбирается первое, с буквой *-ё-* (или *-е-*), потому что тогда корень единообразно пишется в формах: *жёрнов* – *жернова* – *жерновой* (ср. *жёлтый* – *желтизна* – *желтеть*)» [Крючков, 1952, с. 11–12].

разногласий и источником разнобоя в печати – прежде всего наречий [Переписка о комиссии по составлению «Правил единой орфографии и пунктуации русского языка». Постановление // Ф. 2. Оп. 1 (1947). Д. 67. Л. 1–5].

Итогом работы комиссии стали «Правила русской орфографии и пунктуации», опубликованные в июне 1947 г. в количестве 120 экземпляров. Впервые на титульном листе издания было указано не только Министерство просвещения РСФСР (ранее НКП РСФСР), но и АН СССР как равноправная организация-разработчик³⁵⁸.

В январе 1948 г. А. Г. Калашников был снят с поста министра просвещения по обвинению в непартийном поведении и политической близорукости³⁵⁹. Новый министр просвещения РСФСР А. А. Вознесенский потребовал тщательно пересмотреть проект Правил 1947. В новую редакцию проекта Правил 1948, опубликованную в мае тиражом 140 экземпляров, было внесено, как указано в предисловии к изданию, «много существенных исправлений, дополнений и уточнений» [Правила, 1948, с. 4]. Удалось установить, что нововведения оказались формальными (изменение нумерации единичных параграфов и в некоторых случаях иллюстративного материала), поскольку содержание раздела «Основные предложения по упорядочению современного русского правописания», являвшегося составной частью двух проектов, осталось прежним. В 1949 г. уже А. А. Вознесенский был арестован по обвинению в измене Родине и участии в контрреволюционной организации и антисоветской агитации (так называемое «Ленинградское дело»), поэтому новый вариант проекта Правил 1948 тоже не был утвержден.

Однако, как следует из архивных источников, на основании именно этой редакции правил была осуществлена вся орфографическая и пунктуационная

³⁵⁸ В предисловии к этому изданию Правил 1947 подчеркивается, что они «являются результатом многолетней работы, начавшейся в 1933 г. и проводившейся объединенными усилиями Министерства просвещения РСФСР (Народного комиссариата просвещения) и АН СССР» [Правила, 1947, с. 6].

³⁵⁹ Причиной этого обвинения стала его активная помощь З. Н. Гинзбург, освободившейся накануне из Акмолинского лагеря жен изменников Родины, которую он хорошо знал по совместной работе в Институте политехнического образования [Козненко, 2012, с. 140–148].

работа с текстом однотомного «Словаря русского языка» С. И. Ожегова, вышедшего из печати в начале 1949 г. [Записка президенту АН СССР «О положении в русской орфографии» № 28-6 от 15.10.1949г. // Ф. 456. Оп. 1. Д. 251. Л. 1]³⁶⁰. Сделано это было без согласования Президиума АН СССР, только в конце 1949 г. М. В. Сергиевский и И. И. Мещанинов пишут служебную записку «О положении дел в русской орфографии» на имя президента АН СССР академика С. И. Вавилова, сообщая ему о ситуации со словарем С. И. Ожегова и ходатайствуя о завершении работы орфографической комиссии, образованной 1 марта 1947 г., а также о передаче проекта Правил 1948 в Президиум АН СССР для утверждения [Там же, Л. 1].

Авторы указали, что в начале 1930-х гг., когда культура письма впервые стала достоянием широких масс, задача упорядочения правописания с устранением всех случаев колебаний, накопившихся после реформы 1917–1918 гг., получила значение «важнейшего общественного дела» [Там же, Л. 3]. Нерешенность ряда орфографических вопросов снижала качество школьного преподавания и создавала крайний разнобой в печати. Подготовленный проект, отмечается в записке, представляет собой результат длительной работы по упорядочению, которая началась еще в 1933 г., в нем учтены все пожелания широкой учительской и литературной общественности. Однако правила не могут быть внедрены в массовую практику, поскольку не имеют авторитетного утверждения органов официальной власти, следствием чего является всё увеличивающийся разнобой в печати и всё возрастающие трудности для школы. Таким образом, утверждение проекта Правил 1948 имеет «существенное и важнейшее» значение для практики печати и школы [Там же].

Регламентация, подчеркивает И. И. Мещанинов и М. В. Сергиевский, позволит не только завершить большую научную работу Института русского языка АН СССР над «Полным орфографическим словарем» под ред. академика С. П. Обнорского, но и уточнить орфографическую сторону БАС. В начале 1949 г.

³⁶⁰ Документ представлен в приложении № 26.

вышел одготомный Словарь Ожегова, где спорные вопросы были решены в соответствии с Правилами 1948, которые показали «всю жизненность» [Там же].

Утверждается, что Правила 1948 не является «ни в какой степени» реформой правописания, не производят никакой «ломки» существующих норм правописания. Они лишь систематизируют на основе реформы 1917–1918 гг. все правила правописания с целью уточнить и упорядочить письмо, устранить колебания, которые создают затруднения и разнобой в печати и преподавании [Там же, Л. 4].

Специалисты представляют следующую классификацию орфографического материала Правил 1948:

1) правила, давно утвердившиеся в русской письменности и не вызывающие при своем применении никаких колебаний. Они представлены «в простых и систематичных» формулировках: правописание согласных в конце слов (*дуб, рукав*) и перед другими согласными (*ложка, низкий*), групп согласных (*грустный, праздный*), соединительных гласных в сложных словах (*водопровод, земледелие*), некоторых гласных после шипящих (*чудо, час, жир, жить*) и др. [Там же];

2) правила, достаточно прочно утвердившиеся в русской письменности, но их практическое применение вызывает затруднения из-за отсутствия точного определения. Здесь впервые даются для них «простые и ясные» формулировки: правописание *не* и *ни*, двойных согласных в разных типах слов, сложных и сложносокращенных слов, а также слитные или дефисные написания слов с приставками, отчасти употребление прописных букв [Там же];

3) правила, прежде «допускавшие многие отступления» в их применении к отдельным словам, что с течением времени увеличивало количество слов с непоследовательным написанием, приводя правописание к разнобою. Унификация правописания в этих случаях предполагает выбор из существующих вариантов написаний наиболее рационального. Это касается, например: установления строгих норм слитного или отдельного написания наречий с составлением их полного списка; уточнения правил правописания *-е-* или *-о-* после шипящих под ударением и подведения под эти правила всех колеблющихся

слов; определения списка слов, в которых пишется *-и-* или *-ы-* после приставок (*безидейный*, но *безысходный*); регламентации в корнях *-ы-* или *-и-* после *-ц-*; правописания отдельных слов с непроверяемыми безударными гласными [Там же].

Также И. И. Мещанинов и М. В. Сергиевский пытаются ответить на вопрос, авторитета какого государственного или научного органа достаточно для утверждения проекта правил правописания? Для этого они обращаются к истории регламентации русского правописания, где известны две «коренные» реформы письма и орфографии, являвшиеся «не узко техническими» нововведениями, а реформами «широкого политического и государственного значения». Это, во-первых, реформа Петра Первого 1708 г., которая создала гражданскую азбуку, содействовала освобождению от «церковной идеологии средневековья» и вывела русскую науку, литературу и просвещение на новый путь развития [Там же, Л. 5].

Во-вторых, реформа 1917–1918 гг. коренными изменениями не только упростила русское правописание, но и вместе с тем устранила из него все «пережитки феодальной письменности» и «символы реакции». Последовавшие после реформы Петра изменения в письменности в той или иной степени важные, но уже «не коренные», регламентировались обычно Академией наук. Таковы уточнения, произведенные Академией наук в 1735 и 1758 г.³⁶¹, такова грамматика М. В. Ломоносова и последовавшие за нею академические грамматики. В 1885 г. академик Я. К. Грот упорядочил орфографию, устранив накопившиеся в практике колебания. Это «исторически большое» дело было распространено на школу, а затем постепенно вошло в жизнь [Там же]. По мысли авторов записки, проект Правил 1948 является начинанием, аналогичным работам М. В. Ломоносова и Я. К. Грота, а потому вполне может быть утвержден только на уровне АН СССР [Там же, Л. 6].

³⁶¹ В 1735 г. Академия наук исключила две буквы: во-первых, букву *кси*, которую, как отмечал Р. Ф. Брандт, Петр I оставил «на недосмотре», поскольку во время петровских преобразований азбуки она уже была лишней, во-вторых, букву *зело*, давно ставшую дублетом буквы *земля* (з) В 1758 г. Российским собранием при Академии была утверждена новая азбука для издания светских книг, получившая название *гражданицы* [Григорьева, 2004. с. 8–12].

В связи с обращением М. В. Сергиевского и И. И. Мещанинова в ноябре 1949 г. выходит Постановление Президиума АН СССР «О нормализации русской орфографии», в котором орфографической комиссии было поручено оформить правила, предоставив их на утверждение Президиуму АН СССР к 1 февраля 1950 г., а к 1 сентября 1950 г. сдать в печать орфографический словарь С. П. Обнорского. При этом Президиум АН СССР посчитал «достаточным» утвердить правила только «на своем уровне», рассчитывая затем «просить» Министерство просвещения РСФСР и Совет министров СССР «внедрить их в жизнь»³⁶² [Постановление Президиума АН СССР «О нормализации русской орфографии» от 22.11.1949. // Ф. 456. Оп. 1. Д. 251. Л. 22].

3.8.2. Апробация редакции Правил 1951 года

20 июня 1950 г. в газете «Правда» выходит статья И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», где подводятся итоги дискуссии об учении Н. Я. Марра. Ее выход потребовал новой редакции правил, как поясняется в предисловии к следующим Правилам 1951, в контексте «стройной теории марксистской науки о языке» и намеченного В. И. Сталиным «пути решения основных вопросов языковой практики» [Правила, 1951, с. 3]. Опираясь на основные тезисы работы И. В. Сталина, в Правилах 1951 обосновывается идея того, что орфографические и пунктуационные изменения должны отражать развитие и совершенствование структуры языка:

<...> И. В. Сталин указал на то, что в отличие от словарного состава языка, наиболее чувствительного к изменениям и находящегося в состоянии почти непрерывного изменения, основа языка, сущность его специфики – грамматический строй и основной словарный фонд – живут очень долго, в продолжение веков, и обнаруживают большую устойчивость. Они являются общенародными и обуславливают единство языка в его историческом развитии.

Именно с состоянием и законами развития грамматического строя языка и его основного словарного фонда теснее всего связаны правила орфографии и пунктуации... А это развитие

³⁶² Е. И. Щенников: «Такого рода поправки, связанные с улучшением системы правописания путем изменений в написании частных случаев, могут проводиться без правительственного вмешательства, от лица авторитетных комиссий и учреждений, например от лица Академии наук» [Щенников, 1959, с. 464].

происходит не путем уничтожения существующего языка и построения нового, а путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка. Переход от одного качества языка к другому происходит путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества. Орфография и должна постепенно приспосабливаться к этому развитию и совершенствованию структуры языка. Она тоже должна совершенствоваться, улучшать и уточнять свои правила, обогащаться новыми правилами [Там же].

За исключением предисловия, содержание основной части текста проекта Правил 1951 остается прежним, лишь пункт Правил 1947 и Правил 1948 о дефисном написании сочетания существительного с отрицанием *не*, например: *не-член, не-русский*³⁶³ [Правила, 1947, с. 123; Правила, 148, с. 129]. В архивных фондах сохранился отзыв С. И. Ожегова, в котором он указывает, что правила, «вырабатывавшиеся в течение более чем 15 лет и в последний раз пересмотренные после опубликования трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, оформились в процессе длительного анализа правил письма и существующих колебаний как «с точки зрения лингвистической, так и с методико-педагогической стороны» [Отзыв С. И. Ожегова о «Правилах орфографии и пунктуации» 1951 г. // Ф. 1516. Оп. 1. Д. 170. Л. 1]³⁶⁴.

Естественно, что такой долгий срок их подготовки позволил разработчикам тщательно продумать как основные принципы правописания, так и отдельные конкретные случаи разнобоя, взвесив «все возможности рационального усовершенствования письма» с учетом традиции и современной практики [Там же]. С. И. Ожегов приветствует установку комиссии при выборе вариантов для унификации двигаться «в направлении укрепления основного принципа русской орфографии – морфологического», например: в части правила о правописании *-о / е (ё)*- после шипящих, слитного или отдельного написания наречий [Там же]. По его мнению, все предложения комиссии «безболезненно» и «органически» войдут структуру русского правописания, составят основу орфографической

³⁶³ В качестве приложения к правилам был включен орфографический словарь объемом 2395 слов.

³⁶⁴ Документ представлен в приложении № 27.

практики школы и печати. Особо подчеркивает он и нежелательность повторного пересмотра правил, которое в очередной раз задержит их утверждение:

<...> Правила в том виде, в каком они есть, должны быть сохранены как наиболее рациональное разрешение всех существовавших орфографических споров. Дальнейший коренной пересмотр правил приведет лишь опять к откладыванию в дальний ящик всего дела [Там же, Л. 2].

В качестве рекомендации при массовом издании проекта Правил 1951 он предложил исправить вкравшиеся опечатки (*дурачливый* вм. *дурашливый*) и уточнить формулировки отдельных пунктов³⁶⁵.

Представив проект Правил 1951 на страницах журнала «Русский язык в школе» (1952 г.), С. Е. Крючков уверенно говорит, что «к настоящему времени работа над унификацией русской орфографии и пунктуации закончена» [Крючков, 1952 (РЯШ), с. 32]. Утверждение же унифицированных правил и их введение практику работы всех издательств и государственных учреждений, создание соответствующих пособий – всё это, как указывает автор, потребует довольно длительного времени. По указанию Министерства просвещения, опережая официальное утверждение Правил 1951, на их основе к новому учебному году выходит 7-е издание «Орфографического словаря» Д. Н. Ушакова и С. Е. Крюčkова, суммарный тираж которого составит 5 миллионов. Корректировка материала словаря также учитывала результаты работ советских лингвистов в области правописания [Крючков, 1952, с. 15].

Уточнение написаний предыдущего шестого издания словаря коснулось более 80 слов, например: *адекватный* (вм. *адэкуатный*), *врозницу* (вм. *в розницу*), *будничный* (вм. *буднишний*), *безыдейный* (вм. *безидейный*), *кошолка* (вм. *кошёлка*), *холщёвый* (вм. *холщовый*), *югозападный* (*юго-западный*), *по-пустому* (вм. *попустому*), *прейс-курант* (вм. *прейскурант*) и др. [Там же].

С помощью орфографического словаря Министерство просвещения РСФСР рассчитывает внести «известный порядок» в целый ряд изданий [Там же]. В

³⁶⁵ Так, по мнению С. И. Ожегова, формулировка в параграфе № 1 исключений в написании гласных после шипящих производит такое впечатление, что этих исключений очень много, между тем, кроме слов *жюри*, *парашют*, из активно употребляющихся слов так пишутся еще только *брошюра* и совсем устаревшее *пиют* [Отзыв о «Правилах орфографии и пунктуации» 1951 г. // Ф. 1516. Оп. 1. Д. 170. Л. 2].

соответствие с ним начинает постепенно приводится орфография всей учебно-методической продукции Учебно-педагогического издательства и Государственного издательства иностранных и национальных словарей. С. И. Ожегов в связи с выходом нового издания «Орфографического словаря» Д. Н. Ушакова и С. Е. Крючкова подчеркивает, что это «факт культурного и политического значения», с ним, изданным многомиллионным тиражом и «вошедшим» в школьную практику, теперь «нужно считаться при всяком решении о пересмотре настоящих правил» (выд. мной. – С. Н.) [Отзыв С. И. Ожегова о «Правилах орфографии и пунктуации» 1951 г. // Ф. 1516. Оп. 1. Д. 170. Л. 2].

После выхода этого издания редакция «Учительской газеты» обратилась в АН СССР с просьбой прокомментировать полученные ею критические рецензии на словарь. Газета планировала разместить одну из них и ответ академического Института языкознания АН СССР в ближайшем выпуске. Претензии к словарю были связаны как с составом словника, отсутствием толкования значений непонятных слов, так и с правилами переноса и правописанием предлогов, а также регламентацией написания ряда спорных слов. С. И. Ожегов согласился, что седьмое издание словаря, безусловно, нуждается в серьезном критическом анализе и оценке с точки зрения содержащихся в нем достоинств и недостатков, но составителям мог бы помочь «глубокий критический анализ, а не выпады» и «неоправданная передержка» [В редакцию «Учительской газеты». Отдел критики // Ф. 1516. Оп. 1. Д. 139. Л. 167]. С. И. Ожегов заметил, что нередко такие рецензии поверхностны, полны «демагогическими приемами» и «случайным материалом, обличающим незнание в целом с орфографическими проблемами». Он напоминает «Учительской газете», что орфографический словарь имеет «многолетнюю репутацию», утвержден Министерством просвещения, поэтому его критика должна быть серьезной, обоснованной и аргументированной научно. Не отвечающая этим требованиям рецензия, будучи помещена в таком авторитетном органе, как «Учительская газета», принесет «вред» школе и «дезориентирует» педагогов [Там же, Л. 169].

Таким образом, орфографические установки проекта Правил 1951 (идентичные проектам Правил 1947, Правил 1948), не будучи утвержденными, получили практическую апробацию и оказали влияние на устранение разнобоя в орфографии» через такие «многотиражные работы», как Словарь Ожегова (1949; 1952 гг.) и школьный орфографический словарь Д. Н. Ушакова и С. Е. Крюčkова (7-е изд. 1951 г., тираж 5 млн. и 8-е изд. 1953 г., тираж 3 млн.) которые в собственной орфографии и в орфографических рекомендациях исходят из проекта Правил 1951, не считая незначительных расхождений, где до «официального признания» свода разработчики не считают возможным взять на себя окончательное решение спорных вопросов³⁶⁶ [Былинский, 1954, с. 21].

Особо отметим, что для введения проекта Правил 1951 была вновь выбрана та же тактика, что и в случае с «Русским правописанием» Я. К. Грота и циркуляром о реформе русской орфографии от 17 мая 1917 г. министра просвещения А. Майнулова, когда именно школа оказывается тем первым общественным институтом, где новые правила получают статус обязательности³⁶⁷. В связи с этим в 1956 г. С. И. Ожегов укажет:

<...> Школа уже вводит новую упорядоченную орфографию. Но этого мало³⁶⁸. Укреплению орфографии должны содействовать все формы общественной письменной

³⁶⁶ «Преподаватель должен знать все случаи колеблющихся написаний, но останавливаться на них с учащимися не следует. Надо отсылать учащихся к орфографическому словарю седьмого-восьмого изданий» [Крючков, 1952, 1954, с. 53]. Эта публикация К. И. Былинского, члена действующей на тот момент орфографической комиссии 1947 г., в журнале «Русский язык в школе» 1954 г. (№ 5) имеет красноречивое название «Правила русской орфографии и пунктуации в действии».

³⁶⁷ Как вспоминает А. Евгеньев, «ярый сторонник реформы правописания» (1917) П. Н. Сакулин неоднократно заявлял, что «новое правописание не должно вводиться насильственно, посредством репрессивных мер сверху, его надо вводить снизу, начав со школ грамоты, тем более что возникла-то мысль о новом правописании в недрах школы» [Евгеньев, 1919, с. 4].

³⁶⁸ В 1954 г. С. И. Ожегов констатирует, что, «по сути дела, правила уже вошли в жизнь» школы, им следует и школьный орфографический словарь Д. Н. Ушакова и С. Е. Крюčkова, и стабильный учебник С. Г. Бархударова. Если же говорить о печати, то сейчас лишь ее центральные органы «переключаются на принятые сводом правила» [Ожегов, 1954, с. 43]. В. А. Добромыслов, член-корреспондент АПН РСФСР, также указывает, что «подавляющая часть рекомендаций свода уже реализована в учебных и справочных пособиях по русскому языку. Многие предложения комиссии, осуществленные в практике письма, несомненно, способствовали облегчению работы над изучением правописания» (УГ. 1954. № 69).

речи: газеты и журналы, книги, документы учреждений, торговые объявления и т.д. (выд. мной. – С. Н.) [Ожегов С. И. Русская орфография (1956) // Ф. 1516. Оп. 1. Д. 79. Л. 9].

Издание новой редакции Правил 1951 впервые в практике создания проектов правил сопровождается выходом большого количества работ (их авторами выступают члены орфографической комиссии), где разъясняются особенности русской графики, принципы правописания, приводятся примеры орфографической неустойчивости и обосновываются рекомендуемые для вариативных групп написания. Укажем, например, работы следующих авторов:

1) *С. Е. Крючков:* «Актуальные вопросы современной русской орфографии» («Начальная школа», 1951 г., № 8), «О спорных вопросах современной русской орфографии» (1952 г. и 1954 г, 2-е изд.), «Спорные написания в современной русской орфографии» (РЯШ, 1952 г. № 1), «Унификация орфографии и школа» (РЯШ, 1954 г., № 5);

2) *А. Б. Шапиро:* «О проекте единого орфографического свода» («Известия АПН РСФСР», 1951 г., Вып. № 39), «Русское правописание» (1951 г.), «Орфография и графика русского языка» (в «Современный русский язык: курс лекций» / под ред. В. В. Виноградова, 1952 г.), «О проекте правил русской орфографии и пунктуации» (РЯШ, 1954 , № 4);

3) *В. В. Виноградов:* «К вопросу об упорядочении современного русского правописания» (РЯШ, 1954 г., № 4), «О реформе и упорядочении современного русского правописания» (УГ, 1954 г., 21 августа);

4) *С. П. Обнорский:* «Задачи орфографической комиссии» (РЯШ. 1954. № 6), «Правописание наречий и наречных сочетаний» (РЯШ. 1954. № 5);

5) *К. И. Былинский:* «Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати» (соавтор Н. Н. Никольский; М., 1952 г.), «Правила русской орфографии и пунктуации в действии» (РЯШ, 1954 г., № 6).

Следует подчеркнуть, что издания, где были опубликованы эти работы, ориентируются на разные группы специалистов: периодические издания «Советская книга» (работники издательской промышленности), «Начальная школа», «Русский язык в школе», «Учительская газета» (педагоги), «Известия АН СССР», «Известия АПН РСФСР» (научная интеллигенция), учебник для филологических вузов (будущие педагоги русского языка). Это, безусловно,

придавало деятельности комиссии не свойственный прежде в таких масштабах характер открытости, публичности и системности.

Анализируя в 1954 г. первые итоги апробации Правил 1951, орфографическая комиссия отметит следующее:

<...> Если судить по откликам работников печати, науки и школы на новые издания словарей и справочников, находящиеся под влиянием «Правил», то можно уверенно сказать... решения по трудным и спорным случаям орфографии и пунктуации правильны, никаких разговоров о ломке орфографии, о необходимости переучиваться не вызывают... удачно разрешены такие трудные проблемы, как нормализация правописания *-o / e (ë)*- после шипящих, употребления *-э-*, правописания суффиксов существительных, «общее признание» нашел даже отказ от прежде «привычных исключений»: слитного написания отрицания *не* с глаголом *хватает* (новая рекомендация *не хватает*); старого написания *-o-* после *-ц-* в словах *гарцевать, танцевать, глянецвитый*. Многие написания уже вошли в обиход издательств и газет [Былинский, 1954, с. 21].

Однако обнаружилось в результате применения Правил на практике и их «недочеты». Так, вызывает «возражение и не прививается» на практике часть правил, связанная с правописанием согласных в иноязычных словах (§ 68), слитного и раздельного написания наречий (§ 83), правописания *-н / нн-* в причастиях и отглагольных прилагательных, где наличие пар *раненый* и *раненный, жареный* и *жаренный* и т. п. «очень затрудняет пишущих» (§ 62, 63), прописных букв в названиях учреждений и организаций, партий (§ 105, 106, 107). По наблюдениям К. И. Былинского, возражения, как правило, вызывают пункты, недостаточно учитывающие «живую» практику письма при решении спорных вопросов правописания:

<...> В сомнительных случаях комиссия стремилась исходить из правописания слова в языке-источнике, поэтому и рекомендовала писать *аксессуар, дифференциация, индифферентный, коэффициент, каннибал* с удвоенной согласной, **хотя эти слова вошли в практику правописания с одной согласной в соответствии с произношением.**

Трудно серьезно обосновать необходимость раздельного написания наречий *в сердцах, в складчину, за глаза, в половину*, которые давно уже пишутся слитно, поэтому перечень наречий, которые «Правила» **без достаточного учета живой практики рекомендуют писать раздельно**, необходимо еще раз пересмотреть, так как теперь пишущим, в том числе и автору настоящей статьи, приходится слишком уж часто следовать совету «Правил»: «В случае затруднений в правописании наречий, образованных соединением предлога с именем существительным, следует обращаться к орфографическому словарю» (выд. мной. – С. Н.) [Былинский, 1954, с.22–23].

Выход указанных выше работ К. И. Былинского, В. В. Виноградова, С. Е. Крючкова, С. П. Обнорского, А. Б. Шапиро и апробация школой и отдельными изданиями рекомендаций Правил 1951 привели к их широкому обсуждению, появилось множество публикаций, представляющих мнения педагогической и научной общественности по разным аспектам предпринятой унификации орфографии и пунктуации. На страницах «Учительской газеты» публиковались редакционные обзоры писем читателей, например: «На какой основе проводить унификацию: Обзор писем читателей» (УГ, 1954 г., 22 сентября), «Упорядочить правописание наречий: Обзор писем читателей» (УГ, 1954 г., 11 декабря).

Как показала дискуссия, большинство ее участников, «недостаточно разбираясь» в вопросах правописания, говорили о правилах орфографии «довольно сбивчиво». В редакционных статьях, обобщающих итоги полемики, было невозможно дать окончательных выводов относительно большинства конкретных случаев написаний, т.е. «неясное осталось неясным и требовало дальнейшего специального изучения»³⁶⁹ [Щенников, 1955, с. 471].

3.8.3. Редакция Правил 1955 года

Результатом обсуждения проекта Правил 1951 стало появление новых Правил 1955, в которые «были внесены уточнения, исправления и дополнения» [Правила, 1955, с. 3]. В предисловии к ним отмечается, что удалось учесть все существенные замечания и пожелания, сделанные учеными-языковедами и школьными педагогами в ходе орфографической дискуссии 1954 г.³⁷⁰ [Там же].

³⁶⁹ «Конечно, в этом вопросе каждый пишущий имеет свой законный голос. Но будем искренними и признаемся, что огромное большинство не обладает ясным представлением о научных основах правописания, что люди, в других отношениях вполне образованные, здесь обнаруживают полную неосведомленность. Казалось бы, это обязывает их к известной осторожности суждений. Но, к сожалению, очень часто мы видим совершенно обратное явление: человек смело кладет свое мнение на весы против мнения авторитетнейших специалистов» [Сакулин, 1917]. Русские ведомости 30 июня № 147.

³⁷⁰ Укажем, что из предисловия исчезли все ссылки на работу И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», открывавшие текст предыдущей редакции Правил 1951.

Также в предисловии указывается, что на этапе окончательной подготовки правил к работе были привлечены член-корреспондент Академии педагогических наук РСФСР В. А. Добромыслов, заведующий сектором культуры речи Института языкознания АН СССР С. И. Ожегов и заместитель главного редактора журнала «Русский язык в школе» Д. Э. Розенталь. В частности, В. А. Добромыслов, как в свое время и Д. Н. Ушаков, считал, что орфографическая комиссия не должна подходить к решению трудных вопросов «чисто академически»:

<...> При чтении свода правил создается впечатление, что задача облегчить усвоение орфографии и пунктуации школьниками в школе... не всегда рассматривалась авторами свода как главная задача. Между тем, несомненно, нашу общественность, особенно учителей, интересует вопрос, насколько облегчено будет изучение правописания в школе в результате многолетней работы орфографической комиссии [Добромыслов, 1954] (публикация в «Учительской газете»)

<...> Если все время иметь в виду интересы школы, думать о том, как эти многочисленные правила и исключения будут усваиваться миллионами наших учащихся, – можно многое улучшить, облегчить, исправить, уточнить [Добромыслов, 1954, с. 33].

В числе недочетов предыдущих Правил 1951 В. А. Добромыслов указывает «тяготение» к сложным рекомендациям, которые требуют «механического запоминания», что «постоянно путает и сбивает учащихся» [Там же, с. 36]. Обобщающие правила нередко даются «в исключительной раздробленности» и «случайности», когда «никакой общности уже не видно» (как, например, в правиле написания *-о-* или *-е-* после шипящих). Текст изобилует подпунктами, они «здесь сводятся чуть ли не к одному или двум словам» (отдельный подпункт для слова *княжон*). Особое возражение у него вызывает «педагогически нецелесообразная слитная подача многобуквенных слов, четко членимых в своих элементах» (*световодолечебница, аэрофотосъемка*), где он рекомендует «принятое многими» дефисное написание *свето-водо-лечебница, аэро-фото-съемка* [Там же].

Сравнительный анализ редакций проектов Правил 1951 и Правил 1955 показал, что орфографической комиссией были сделаны следующие изменения:

1) установлено последовательное без исключений написание *-и-* в корне после *-ц-*: *цибик, циновка, цимбалы, цинк, медицина, ципленок, циц* (междометие),

на *цыпочках* (Правила 1951 в качестве исключений предусматривали *цыбик, цыбуля, цыган, цыгарка, цыкать, цынга, цынга, цыновка, цыпка, на цыпочках, цыпленок цыц, панцырь, цымлянское*);

2) установлено написание *-ы-* на стыке приставки, оканчивающейся на твердый согласный, и иноязычного корня: *безыдейный, безынициативный, безынтересный, симпровизировать, надындивидуальный, предыстория* (Правила 1951 в этом случае предлагали писать *-и-*);

3) отменено написание мягкого знака после конечных шипящих у наречий: *сплош, вскач, настезж, невтерпеж* (в Правилах 1951 *сплошь, вскачь, настезжь* с исключениями *замуж, невтерпеж*);

4) отменено написание мягкого знака после конечных шипящих у частиц: *лиш, биш, виш* (в Правилах 1951 *лишь, бишь, вишь*);

5) отменено дефисное написание артиклей и частиц, входящих в иноязычные фамилии, например, *фон Бисмарк, Леонардо да Винчи, Лопе де Вега* (в Правилах 1951 *фон-Бисмарк, да-Винчи, де-Вега*);

6) введено раздельное написание географических названий, выраженных сочетанием имени и фамилии, имени и отчества: *станции Лев Толстой и Ерофей Павлович* (в Правилах 1951 *станции Лев-Толстой и Ерофей-Павлович*);

7) установлено последовательное без исключений дефисное написание частицы *пол-* с последующим нарицательным существительным в форме родительного падежа: *пол-часа, пол-листа, пол-яблока, пол-метра, пол-комнаты, пол-училища* (Правила 1951 предусматривали дефисное написание только в том случае, если нарицательное существительное начиналось с гласной или согласной *-л-*, поэтому *пол-лимона, пол-листа, пол-оборота, пол-яблока*, но *полчаса, полкомнаты, полметра*);

8) введено последовательное дефисное написание всех сложных прилагательных, обозначающих оттенки цвета: *желто-красный, темно-русый, черно-бурый, золотисто-желтый, бледно-розовый, бутылочно-зеленый, пепельно-черный, изжелта-красный* (Правила 1951 регламентировали дефисное

написание названий оттенков цвета только в том случае, если их первая часть имела суффикс *-оват/еват-*, *-ист-*, *-ов/ев-*, приставку *-из/ис-* или была образована от имени существительного: *золотисто-желтый*, *изжелта-красный*, *бутылочно-зеленый*, но *яркозеленый*, *темнорусый*, *чернобурый*, *бледнорозовый*). В. А. Добромыслов заметил в связи с этим предложением, что учебник школьной грамматики под ред. С. Г. Бархударова (с 1944 г.) «создавал в течение более десятка лет совсем другую традицию», регламентируя слитное написание сложных прилагательных с соединительными гласными, обозначающими цвет: *бледнолиловый*, *сероватоголубой*, *темноголубой*, *сероватозеленый* [Добромыслов, 1954, с. 30];

9) установлено дефисное написание наречий *по-видимому*, *по-прежнему*, *по-пустому* и слитное написание наречия *вовремя* (Правила 1951 регламентировали слитное написание *попустому*, *попрежнему*, *повидимому* как исключений и дефисное написание *во-время*);

10) изменено написание в словаре ряда слов:

– заимствований с тенденцией замены удвоенных согласных на одиночные, например, *аббревиатура* (1951, с. 134) на *абрeвиатура* (1955, с. 130); *геморрой* (1951, с. 141) на *геморой* (1955, с. 138); *гроссмейстер* (1951, с. 142) на *гросмейстер* (1955, с. 140); *гроссбух* (1951, с. 142) на *гросбух* (1955, с. 139); *каббалистика* (1951, с. 147) на *кабалистика* (1955, с. 146); *поэтесса* (1951, с. 162) на *поэтеса* (1955, с. 164); *маммона* (1951, с. 151) на *мамона* (1955, с. 151);

– *наречий* с тенденцией замены отдельных написаний на слитные, например: *в накладе* (1951, с. 139) на *внакладе* (1955, с. 135); *в лёт* (1951, с. 138) на *влёт* (1955, с. 135); *в половину* (1951, с. 140) на *вполовину* (1955, с. 137); *на дыбы* (1951, с. 153) на *надыбы* (1955, с. 154); *на износ* (1951, с. 153) на *наизнос* (1955, с. 153);

– *прочие слова*: *бессеребренник* (1951, с. 136) на *бессеребреник* (1955, с. 132); *ветренный человек, день* (1951, с. 138) на *ветренный человек, день* (1955, с. 135); *бомбоньерка* (1951, с. 137) на *бонбоньерка* (1955, с. 133); *дрочёна* (1951, с. 144) на *дрочона* (1955, с. 142); *камфора* (1951, с. 147) на *камфара* (1955, с. 146)

крупичатый (1951, с. 150) на *крупитчатый* (1955, с. 149); *экзаминатор* (1951, с. 174) на *экзаменатор* (1955, с. 179); *потчевать* (1951, с. 162) на *потчивать* (1955, с. 164); *январский* (1951, с. 174) на *январьский* (1955, с. 180).

Предпринятые изменения, как правило, направлены на последовательное уменьшение количества исключений и подчинения их общим правилам написания идентичной группы слов.

Правила 1955, как и следовало ожидать, вновь стали предметом оживленного обсуждения³⁷¹. Однако показательно, что при этом, как и в ходе дискуссии 1954 г., не нашлось «ни одного орфографического вопроса из числа затронутых в дискуссии, по которому участники ее выступили бы с единодушным проектом его разрешения» [К итогам дискуссии, 1955, с. 32–34]. Нередко вносимые предложения оказываются «диаметрально противоположны», различны «по своей направленности или степени радикальности» [Там же].

3.8.4. Утверждение редакции Правил 1956 года

В новую редакцию Правил 1956 вновь вносятся изменения, практически полностью восстанавливающие написания предыдущих Правил 1951, что было закономерно, учитывая многомиллионные тиражи школьного орфографического словаря Д. Н. Ушакова и С. Е. Крючкова, отвечающего рекомендациям именно данной редакции³⁷²:

1) в качестве исключения из правила о написании *-и-* в корне после *-ц-* восстановлены слова *цыган*, *цыпленок*, *на цыпочках*, *цыц* (редакция 1955 г. предусматривала последовательное без исключений написание *-и-* в корне после -

³⁷¹ Укажем материалы, обобщающие предложения, которые обсуждались в ходе дискуссии: «К итогам обсуждения вопросов правописания» (УГ. 1955. 9 апреля), «К итогам дискуссии по вопросам правописания» (РЯШ. 1955. № 5), «Обзор поступивших в редакцию корреспонденций по вопросам правописания» (РЯШ. 1955. № 2), «О правописании двойных согласных: Обзор писем читателей» (УГ. 1955. 16 февраля), «Упорядочить правописание наречий: Обзор писем читателей» (УГ. 1955. 11 февраля), «О правописании частиц *не* и *ни*: Обзор писем читателей» (УГ. 1955. 5 января).

³⁷² К 1956 г. вышло уже 6 изданий словаря (7–12 ред.), соответствующих рекомендациям редакции 1951 г., и с этим, конечно, орфографической комиссии приходилось считаться.

ц-: *цибик, циновка, цимбалы, цинк, ципленок, циц* (междометие), *на ципочках*; редакция 1951 г. в качестве исключений предусматривала *цыбик, цыбуля, цыган, цыгарка, цыкать, цынга, цынга, цыновка, цыпка, на цыпочках, цыпленок циц, панцырь, цымлянское*);

2) восстановлено написание мягкого знака после конечных шипящих *-ш-* и *-ч-* у наречий: *сплошь, вскачь, настезь* (редакция 1955 г. предусматривала отмену мягкого знака после конечных шипящих *-ш-* и *-ч-* у наречий: *сплош, вскач, настез, невтерпеж*);

3) восстановлено написание мягкого знака после конечных шипящих у частиц: *лишь, бишь, вишь* (редакция 1955 г. предусматривала *лиш, биш, виш*);

4) восстановлено дефисное написание элемента **пол-** с нарицательным существительным в форме родительного падежа, если оно начинается с гласной или согласной *-л-*, поэтому *пол-лимона, пол-листа, пол-оборота, пол-яблока, полчаса, полкомнаты, полметра* (редакция 1955 г. предусматривала последовательное без исключений дефисное написание частицы *пол-* с последующим нарицательным существительным в форме родительного падежа: *пол-часа, пол-листа, пол-яблока, пол-метра, пол-комнаты, пол-училища*).

Также вновь меняется и написание отдельных слов, например, заимствований с тенденцией замены одиночных согласных на удвоенные: *абривиатура* (1955, с. 130) на *аббревиатура* (1956, с. 115); *геморой* (1955, с. 138) на *геморрой* (с. 124); *гросмейстер* (1955, с. 140) на *гроссмейстер* (с. 125).

Правила 1956 были сданы в набор 9 мая текущего года, подписаны в печать 19 июля и вышли в августе тиражом 500 тысяч экземпляров³⁷³. 26 мая в «Учительской газете» выходит статья С. Е. Крючкова «Единый свод правил орфографии и пунктуации», где официально сообщается, что к моменту выхода публикации Правила 1956 утвержден АН СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. К. И. Былинский

³⁷³ Тираж «Правил орфографии и пунктуации» составил 1 миллион 100 тысяч экземпляров [Правила, 1956, с. 176], дополнительный тираж 1957 г. – 200 тысяч экземпляров [Правила 1957, с. 176].

указывает, что это утверждение состоялось еще в начале марта 1956 г. [Былинский, 1956, с. 9].

Несмотря на всю заинтересованность общественности в установлении единой орфографии, в центральной печати отсутствует упоминание об этом важнейшем факте для миллионов пишущих, хотя прежде до ее сведения всегда доводилась официальная информация не только, например, о создании той или иной орфографической комиссии, но и текущих итогах их заседаний. Не упоминаются в связи с этим какие-либо конкретные распоряжения или постановления органов государственной власти. Отсутствуют сведения и в публикациях членов орфографической комиссии, уточнявших детали введения новых правил в практику печати и школы, а также в работах, посвященных различным аспектам орфографической нормализации послереформенного периода.

Правила 1956 не были опубликованы как проект в ограниченном количестве для обсуждения специалистами, а сразу вышли массовым тиражом, хотя они не идентичны предыдущей редакции 1955 г.³⁷⁴. Нам не удалось обнаружить соответствующее постановление об утверждении Правил 1956 АН СССР ни в 1955 г., ни в 1956 г. в архивном фонде № 2 (опись 6, дела 183–234), где хранятся протоколы заседаний Президиума АН СССР и материалы к ним. Отсутствуют и сведения о переписке канцелярии АН СССР с Министерством высшего образования СССР и Министерства просвещения РСФСР, Советом министров СССР о подготовке такого совместного утверждения (фонд № 2, опись 1 (1955), дела 1–150; опись 1 (1956), дела 1–175). Таким образом, на сегодняшний день не

³⁷⁴ Эти изменения никак не оговаривались в предисловии к тексту Правил 1956. В архивном фонде РАН не представлены документы, поясняющие, кто и по какой причине был инициатором принятия нововведений в редакцию Правил 1956, а также подготовки к их утверждению (фонд № 679 «Институт языкознания Академии наук СССР», описи 1–2; фонд № 456 «Отделение литературы и языка РАН», описи 1 и 4).

С. Е. Крючков и Д. Э. Розенталь сообщают, что «перед утверждением он (свод «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г. – С. Н.) широко обсуждался на страницах «Учительской газеты» и журнала «Русский язык»» [Крючков, Розенталь, 1956, с. 47]. Очевидно, что в данном случае речь идет именно о редакции Правил 1951, поскольку характер и причины последующих изменений в редакциях Правил 1955 и Правил 1956 в печати не освещались.

представляется возможным назвать конкретный нормативный документ (и дату его появления), закрепивший в законодательном порядке обязательность Правил для всех сфер функционирования письменного языка.

При этом 25 мая (за один день до выхода статьи С. Е. Крючкова) состоялось заседание Президиума АН СССР, где одним из пунктов повестки оказался вопрос о проблемном плане научно-исследовательских работ Отделения литературы и языка на 1956–1960 гг.³⁷⁵ [Стенограмма заседания Президиума АН от 25.05.1956 // Ф. 2. Оп. 6. Д. 219]. В ходе обсуждения доклада В. В. Виноградова на эту тему член Президиума академик М. Н. Тихомиров высказал пожелание, чтобы работы Отделения литературы и языка в области нормативного регулирования языка были связаны с вопросами разработки теории орфографии. В. В. Виноградов на это сообщил, что данное направление «не входит в тематику пятилетнего плана», поскольку к настоящему моменту Правила «утверждены президентом АН СССР и Министерством просвещения», следовательно, теоретическую и практическую деятельность в области орфографии на данный момент можно считать завершённой³⁷⁶ [Там же, Л. 147]. Пожелание академика М. Н. Тихомирова косвенно подтверждает, что на заседаниях Президиума РАН «Правила орфографии и пунктуации» в редакции 1955 г. или 1956 г. действительно не обсуждались (подробно об этом заседании [Арутюнова, 2015]).

В качестве мер поддержки перехода школы и печати на унифицированные Правила 1956 в центральной печати анонсируется публикация работ, разъясняющих особенности утвержденного свода³⁷⁷, подготовка Министерством просвещения РСФСР подробной инструкции для подведомственных учреждений

³⁷⁵ Тема «Проект дальнейшего упорядочения русской орфографии и пунктуации» появится в перечне исследовательских направлений в 1961 г., то есть буквально через пять лет после утверждения «Правил русской орфографии и пунктуации» в 1956 г. [Стенограмма заседания Президиума АН от 25.05.1956 // Ф. 2. Оп. 6. Д. 219; Перспективный план на 1961–1965 гг. // Ф. 456. Оп. 1. Д. 678].

³⁷⁶ Пост президента АН СССР тогда занимал химик А. Н. Несмеянов, но в его именном архивном фонде № 1647 нам не удалось найти документы, позволяющие прояснить детали этого события.

³⁷⁷ Основная задача такой информационно-разъяснительной работы заключалась в том, чтобы «помочь продуманно и осторожно провести в жизнь мероприятие большой государственной важности» [Крючков, Розенталь, 1956 (РЯШ), с. 48].

и издание полного академического орфографического³⁷⁸. Также указывается на необходимость «поставить доклады» об упорядочении орфографии на традиционных педагогических совещаниях перед началом нового учебного года [Крючков, 1956, с. 1] (публикация «Учительской газеты»).

Особое внимание С. Е. Крючков обратил на то, что «излишняя поспешность и непродуманность могут дискредитировать» новые правила, поэтому вводить их необходимо «постепенно», с учетом знаний учащихся, программного материала и сроков появления учебников и словарей с унифицированными написаниями [Там же]. При этом многие написания утвержденных Правил 1956, подчеркивает он, уже прочно «вошли в практику школы» через изданные учебники и словари (например, *танцевать, гарцевать, жёлоб, черт, холицовый, остекленеть, коэффициент, без устали, без умолку*)», теперь же они становятся обязательными и для всех издательств тоже [Там же].

Собственно новыми (по сравнению с редакцией проекта Правил 1951, которая апробировалась в школе в течение последних пяти лет) для учащихся оказываются, как пишет С. Е. Крючков, только четыре правила:

- 1) правописание *-и / -ы-* после *-ц-* в корне слова (*цибуля, циновка, цинга, цигарка* в м. *цыбуля, цыновка, цынга, цыгарка*),
- 2) правописании *-и / -ы-* в корне после приставки на согласную (*безыдейный, безынициативный* в м. *безидейный, безинициативный*);
- 3) правописание сложных прилагательных, обозначающих оттенки цвета;
- 4) дефисном и слитном написании отдельных наречий.

Что касается изменений некоторых словарных написаний (главным образом, наречий и заимствованных слов), то их рекомендовалось вводить

³⁷⁸ С. И. Ожегов: «Как бы полны ни были правила, они не могут удовлетворить всех запросов орфографической практики. Как писать отдельное слово, которое пишущему трудно подвести под какое-нибудь правило? Как пишутся некоторые слова или сочетания слов, не попадающие под известные правила? «Панацеей от всех зол» в этих случаях является орфографический словарь. Он должен дать ответ на всякий вопрос о том, как писать то или иное слово без обращения к правилам. Новый орфографический словарь, в котором свыше 110 тысяч слов, и призван служить такой «панацеей». В нем нет вариантов написаний. Принято единое, правильное написание, соответствующее новым правилам и рациональным традициям русского письма» [Ожегов С. И. Русская орфография (1956) // Ф. 1516. Оп. 1. Д. 79. Л. 8].

«практическим путем» при выполнении различных видов письменных работ [Там же]. Для полного перехода школ на утвержденные Правила 1956 был установлен трехгодичный срок до 1959 г. включительно, но все школьные учебники и справочники планировалось перевести на новые правила уже к началу следующего 1957/58 учебного года³⁷⁹. В течение всего переходного периода педагог должен исправлять старые написания на новые, но не считать их за ошибку, например: *безидейный, цыновка, панцырь, цыгарка, светлосерый, чернобелый* вм. новых *безыдейный, циновка, панцирь, цигарка, светло-серый, черно-белый*

В заключение С. Е. Крючков приводит список с основными случаями унифицированных написаний, включающий 168 слов. При этом более сорока из них оказались наречиями:

*Асбест, аэрофотосъемка, атрибут, без удержу, без умолку, балльный (пятибалльный), бильярд, в тупик, в розницу, валяный, ведренный, восвоеси, вволю, вброд, внакладе, деревяшка, деревенеть, дешевый, диета, дифференциация, до зарезу, желудь, жернов, коэффициент, катар, леденеть, нянчить, ночевка, парчовый, пенсне, пескарь, печенка, по трое, пресс-папье, сеттер, ягдташ, яхт-клуб*³⁸⁰.

В фонде архива РАН сохранились материалы С. И. Ожегова, где он, говоря об утвержденных Правилах 1956, подчеркивает, что теперь они – «общественный закон», поэтому «нарушение его по сути дела не отличается от нарушения любого другого закона» [Ожегов С. И. Русская орфография (1956) // Ф. 1516. Оп. 1. Д. 79. Л. 1]. В школе – это ошибка, которая ведет к снижению оценки, в практике взрослых – «признание недостаточной грамотности человека» [Там же]. Как и

³⁷⁹ Однако позже уже рекомендуется выделить отдельный урок в начале 1957/58 учебного года для «исправления правил и отдельных написаний в учебниках». Это, во-первых, «сразу познакомит учеников с новыми формулировками правил и новыми написаниями», во-вторых, «небольшие исправления позволят сохранить для употребления сотни тысяч книг, т.е. сэкономить для страны миллионы рублей, нужных для развития промышленности и сельского хозяйства» [Крючков, 1957, с. 59].

³⁸⁰ В официальных публикациях необходимость знания педагогом всего списка этих слов объясняется тем, что отдельные из них «могут встретиться в личной практике учителя, не связанной с работой в классе (в отчетах, в заметке в газету и т.п.)» [Крючков, Розенталь, 1956 (Начальная школа), с. 49].

другие общественные законы, орфографические правила «обязательны, но могут быть изменяемы и совершенствуемы»³⁸¹ [Там же].

В новых правилах, как отмечает С. И. Ожегов, оказались впервые охвачены все стороны русской орфографии, в них «внесена ясность» в написание гласных после шипящих в корнях слов и некоторых разрядов иноязычных слов («на вывесках магазинов мы и теперь еще можем видеть написания *диетический* и *диэтический*»), частиц *не* и *ни*, «наведен порядок» в слитном и раздельном написании наречий, слитном или дефисном написании сложных прилагательных, употреблении прописных букв [Там же, Л. 2]. Признавая в целом издание правил и словаря «после многих лет разнобоя в орфографии, споров по поводу написания отдельных слов, колебаний в применении правил, иногда неясно сформулированных, важным этапом в развитии культуры письменной речи»³⁸², тем не менее уже в 1957 г. он констатирует тот факт, что «принятые теперь правила во многих случаях еще далеки от полного совершенства», поэтому над их дальнейшим улучшением и совершенствованием продолжают работать языковеды [Там же, Л. 3].

Научная тема «Проект дальнейшего упорядочения русской орфографии и пунктуации» в 1961 г. появится в перечне исследовательских направлений Института русского языка, т.е. буквально через пять лет после утверждения Правил 1956 [Перспективный план на 1961–1965 гг. // Ф. 456. Оп. 1. Д. 678].

Материалы новой полемики 1962–1964 гг., по мнению А. Б. Шапиро, отражали «справедливую неудовлетворенность общественности» в отношении таких случаев, как непоследовательное применение морфологического принципа

³⁸¹ С. Е. Крючков необходимость такого обновления объяснял тем, что «орфографические нормы всегда отстают от непрерывно развивающегося языка», что и вызывает «пережиточные написания, не соответствующие фонетической и грамматической системе современного русского языка, и колебания», называя их «орфографическими вариантами» [Крючков, 1956].

³⁸² «Работа по упорядочению орфографии все время привлекала внимание нашей общественности, школы, печати. И это понятно. Ведь упорядоченность орфографии, этого первоэлемента письменной речи, расценивается как важный показатель высокой культуры. Вот почему забота общественности о повышении культуры письменной речи направляется именно на орфографию» [Ожегов С. И. Русская орфография (1956) // Ф. 1516. Оп. 1. Д. 79. Л. 1].

(правописание *-а/о-* в корневой морфеме *-ро(а)с(т-)*, «ненужность многих правил» употребления двойных согласных, правописания наречий и сложных прилагательных [Шапиро, 1962, с. 468].

Таким образом, подобно тому, как после реформы правописания 1917–1918 гг. «стали раздаваться голоса о ее незавершенности», так и после издания Правил 1956 «сразу началось и все время усиливается недовольство» по поводу «недостаточности» и даже «полной неудовлетворительности» ими [Шапиро, 1962, с. 465]. Общественно-политические потрясения рубежа XX–XIX веков с новой силой «возбудили волну орфографических дискуссий», вновь обозначив вопрос о совершенствовании «неработающих» Правил 1956 [Осипов, 2010, с. 200, 205]. В середине 1990-х гг. орфографическая комиссия Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН приступает к их обновлению.

Выводы

1. Реформа 1917–1918 гг. является переломным событием в истории русского письма, обозначив начало перехода от стихийно-индивидуальной нормализации правописания к организованной, государственной, завершившейся утверждением общеобязательных «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г. – первого наиболее полного и официального опыта кодификации за всю историю русского орфографического движения XVIII–XX вв. Усилия различных структур и ведомств находят отражение во множестве документальных источников (стенограммы и протоколы заседаний коллегий Народного комиссариата просвещения, сессии АН СССР, ведомственные и правительственные орфографические комиссии, распоряжения и постановления, служебные и докладные записки, сметы, официальные письма и информационные сообщения в центральной печати), последовательно реконструирующих основные этапы масштабного государственного орфографического строительства в послереформенный период.

2. Изменения в оценке итогов реформы правописания 1917–1918 гг. напрямую определяет выбор приоритетного направления послереформенной орфогра-

фической работы: новая «пролетарская» реформа или упорядочение, устранение неоправданной вариативности. На *первом этапе* полемики (первое послереформенное десятилетие) утверждается идея о политической и методологической несостоятельности реформы. Такой взгляд аргументируется «буржуазным происхождением» и значительными трудностями обучения реформированному правописанию в рамках государственной кампании по ликвидации безграмотности.

В печати начинает широко обсуждаться вопрос о новой «коренной» и «пролетарской» реформе на фонетической основе, а также революционной «чистке букв». В блоке *неореформаторов* представлены позиции *ультрареформаторов* (В. П. Вахтеров, Д. Рязанцевский, А. Топоров, Р. Теверовская, И. Стефанский, И. В. Устинов, И. Фалев) и *приверженцев умеренного реформирования* (Р. И. Аванесов, Н. Н. Дурново, А. М. Пешковский, В. Н. Сидоров, Б. В. Томашевский, Г. Тропин, В. П. Черных). Ультрареформаторы рассматривали орфографический вопрос как классовую проблему, исходя из представлений о языке как надстройке, поэтому были убеждены в необходимости глубокого разрыва правописания с прежней капиталистической основой и его перевода на «фонетические рельсы». Умеренные реформаторы в качестве разумного предела нового реформирования выдвигали критерий возможности читать тексты в дореформенных орфографиях с целью сохранения книжной и культурной традиции. Они считали необходимым добиваться органичной связи фонетического и морфологического начала. Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров уточняют, что единство в написании морфемы (благодаря соответствию буквы и фонемы) обеспечивает фонологическое письмо, отвечающее социальной природе языка. Последовательно выступавший *против скоропалительного реформирования* Д. Н. Ушаков вместе с немногочисленными единомышленниками (В. А. Малаховский, Е. Д. Поливанов, Л. Соколов) подчеркивал неотложность задачи упорядочения правописания.

3. Решающую роль в формировании общественного мнения в поддержку требования нового реформирования сыграют многочисленные публикации и диспуты «Учительской газеты». В 1929 г. под сильным давлением общественности для подготовки реформы НКП РСФСР при Главнауке создается первая послере-

форменная орфографическая комиссия – комиссия по реформе орфографии и пунктуации (пред. К. Г. Костенко). Проект комиссии не получает у сторонников «пролетарской ломки» правописания поддержки в силу недостаточной радикальности и революционности. Ряд его пунктов повторяет отвергнутые ранее предложения комиссии Р. Ф. Брандта (исключение *ь* в отделительной функции и *ь* после шипящих, написания *жолтый, чорный* при *желтеть, чернеть* и *цырк, кожны, лежыт, соцыализм, революцыя*).

«Предложения по усовершенствованию русской орфографии» 1964 г. вместе с этими пунктами сочтут необходимым вернуться к вопросу об исключении удвоенных согласных и суффикса *-иц-* (*платьице*), дефисному написанию элемента *пол-*, также заявлявшимся проектом реформы. Орфографическая практика признает состоятельными такие положения проекта реформы, как регламентация написаний *в Поволжье, в ущелье, в ученье* (пункт № 6), *запевала, громила, подпевала* (пункт № 8 проекта), *антиалкогольный, ультрафиолетовый, контрреволюция* (вм. дефисного) (пункт № 15), *пушкинские стихи* (вм. *Пушкинские*) (пункт № 17).

Принципиально важное значение для идеологии упорядочения послереформенного правописания имеют заявления комиссии о необходимости разработки общеобязательного государственного стандарта правил и большого орфографического словаря, а также ценности безвариативной орфографической нормы.

4. Поворотным моментом в обсуждении вопроса о реформировании становится опубликованная в центральной печати скороспелая резолюция Всесоюзного орфографического совещания (29.06.1931 г.) об исключении целого ряда букв, введении новых и отмене пункта декретов «О введении новой орфографии» НКП РСФСР и СНК СССР о написании приставок с требованием восстановить их до-реформенное написание. На срочном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) «О “реформе” русского алфавита» (02.07.1931 г.) принимается решение «воспретить всякую реформу» как не отвечающую интересам социалистического строительства и прекратить в печати любые дискуссии по этому вопросу.

5. На *втором этапе* полемики, с конца 1930-х гг., в официальных публикациях Д. Н. Ушакова (НКП РСФСР) и С. П. Обнорского (АН СССР) орфографическая реформа 1917–1918 гг. начинает определяться как крупнейшее социальное завоевание Октября, ее положительная роль в деле рационализации правописания и распространения грамотности постепенно становится общепризнанной. Русская орфография, со ссылкой на авторитет Я. К. Грота, характеризуется как внутренне целостная и рациональная. Первоочередной государственной задачей, как укажет специальное заседание коллегии НКП РСФСР (1933 г.), является унификация и устранение вариативности, но не реформирование. В качестве обязательного условия упорядочения называется необходимость сохранения всех итогов реформы правописания 1917–1918 гг. Основой упорядочения указывается морфологический принцип (Д. Н. Ушаков, С. П. Обнорский, П. О. Афанасьев, С. И. Ожегов, А. Б. Шапиро, А. Н. Гвоздев). Материалы орфографической дискуссии 1951–1954 гг. подтвердили полное единодушие в этом вопросе специалистов и рядовых пишущих.

6. *Третий этап* критического обсуждения итогов реформы связан с орфографической дискуссией 1960-х гг., однако здесь требование нового реформирования, высказанное в центральной печати В. В. Виноградовым и А. И. Ефимовым, в определенной степени было политически ангажированным. Сторонники реформирования прибегали к тем же аргументам, что и участники дискуссии в первое послереформенное десятилетие: неполнота реформы 1917–1918 гг., подготовка реакционной профессурой в условиях царского режима, нерациональная с экономической точки зрения сложность изучения правописания и его доминирование в школьном курсе русского языка. Однако широкой поддержки в обществе эта идея не находит.

7. Орфографическая реформа 1917–1918 гг., упростив и рационализировав русское правописание путем частичного изменения состава азбуки и устранения ряда искусственных исторических написаний, не коснулась множества частных и спорных вопросов правописания, разрешение которых потребовало значительных усилий и времени. Поэтому параллельно с обсуждением вопроса о реформе раз-

ворачивается процесс ее упорядочения. На *первом этапе упорядочения* (1917–1930 гг.) превалирует фактор стихийности и неорганизованности, основные его участники – центральные и региональные издательства и типографии, которые в стремлении установить хотя бы относительное единообразие в печатной продукции утверждают несогласованные между собой собственные локальные стандарты правописания. Итогом этих несогласованных усилий, как эмоционально отмечается во множестве публикаций, становится не только правописная «анархия» и «невообразимая» разноголосица, но и крайне нежелательное сосуществование двух орфографий – одной для школ, другой – для печати. Стихийная «кустарная революция» в орфографии, проблемы разнобоя, пренебрежительного и «анархистского» взгляда на правописание, безграмотность оказываются в центре общественного внимания. Орфография объявляется самым тревожным участком советского культурного строительства и школьной работы.

8. Ряд постановлений ЦК ВКП(б) 1931–1933 гг. утверждает в качестве важнейшей государственной задачи повышение общей и орфографической грамотности. Образовательным учреждениям предписывается соблюдение орфографического режима, обеспечивающего единство правописания во всей учебно-методической документации, наглядных материалах, агитационной продукции и работах учеников. Орфография декларируется как подлинный показатель культуры, выражение трудовой дисциплины и сознательности советского человека. Необходимость упорядочения, но не реформирования правописания разъясняется широким массам со страниц центральной печати Д. Н. Ушаковым и С. П. Обнорским. Идея стандартизации правописания получает живой отклик в обращениях граждан в различные ведомства. Создание «твердого шаблона» языка и письма становится частью государственной кампании по стандартизации различных сфер общественной и производственной жизни в 1930-е гг. (С. П. Обнорский).

В связи с этим остро ставится вопрос о том, какое государственное ведомство должно взять на себя ответственность за упорядочение правописания. *Второй этап упорядочения* (1933 – первая половина 1936 гг.) связан с межведом-

ственным противостоянием НКП РСФСР и АН СССР и организацией в 1933 г. независимых друг от друга ведомственных орфографических комиссий. В событиях этого периода широкое отражение найдут противоположные позиции Д. Н. Ушакова (НКП РСФСР) и С. П. Обнорского (АН СССР) относительно организационных моментов упорядочения. Первый полагал, что прерогатива решения спорных вопросов правописания принадлежит только НКП РСФСР, регулирующему деятельность системы образования и издательств, поскольку орфографические решения должны учитывать потребности печати и школы. С другой стороны, С. П. Обнорский был твердо убежден, что право «по специальности и авторитету» решать сложные орфографические вопросы на научной основе есть только у АН СССР. Д. Н. Ушаков свой взгляд на упорядочение разъясняет в ключевом документе этого периода – «Кратком меморандуме по орфографическому вопросу» [Краткий меморандум по орфографическому вопросу от 12.07.1934 // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103]³⁸³.

Обе комиссии исходили из необходимости упорядочения правописания на морфологической основе. Итоги работы московской комиссии представляет полный «Свод орфографических правил» (1936 г.), тогда как комиссия АН СССР, продолжая традиции Я. К. Грота, считает необходимым сосредоточиться на разработке сборника статей «Орфографический справочник» (1936 г.), посвященного спорным вопросам правописания.

Московская комиссия подчеркивала абсолютную недопустимость факультативных написаний, нежелательность этимологизирования, неоправданного современным состоянием русского языка, при упорядочении застарелых колебаний типа *ка(о)лач*, *ка(о)сатка*, *ка(о)ропуз*, *ка(о)ра(о)катица* отдавала предпочтение гласной *а*. В свою очередь, комиссия АН СССР считала необходимым учитывать традиционные исключения, в ряде случаев допускала вариативные написания с рекомендацией основного варианта и, наоборот, настаивала на «восстановлении» исторического *о* в *колач* (т.к. *коло*, *колесо*), *корокатица*, *коропуз*, *косатка*.

³⁸³ Документ представлен в приложении № 11. См. также Приложение № 22 «Тезисы к докладу Д.Н. Ушакова “Важнейшие моменты истории орфографической нормализации”»

9. Вопросы согласования итогов работы ведомственных орфографических комиссий в декабре 1935 г. были поручены Правительственной комиссии по упорядочению русского правописания (пред А. С. Бубнов, нарком просвещения РСФСР). Определяющим событием *третьего этапа упорядочения* (вторая половина 1936–1937 г.) выступит конференция 12–17 июня 1936 г., организованная объединенной орфографической комиссией, где достигается понимание того, что единство письма может быть обеспечено только полным и системным изложением правил в формате свода, как это предлагает комиссия НКП РСФСР (Д. Н. Ушаков). Комиссия АН СССР утверждает, что адресатом правил должен стать специалист, их следует «обращать» не к широкой публике, а к тем лицам, которые их вводят. Комиссия НКП РСФСР исходит из интересов пишущих, поэтому Правила 1936 оказываются в оценке АН СССР «ликбезовскими» и излишне «педагогичными» (Л. В. Щерба, С. П. Обнорский).

Кроме того, здесь впервые прозвучат не оформленные пока в единую программу общие подходы к нормализаторской деятельности, в частности:

1. Учитывать сложившуюся практику и орфографические привычки пишущих, пусть это и противоречат представлению специалистов о том, каким должен быть эталон регламентации.

2. Не реставрировать семантические и словообразовательные связи, ставшие неактуальными для большинства пишущих.

3. Обеспечивать возможность применения правила без необходимости постоянного обращения к орфографическому словарю: формулировка правила должна отвечать его сугубо практической функции, отражать только необходимое для определения нормативного написания и не содержать исключений.

Наиболее крупные разногласия в ходе совместного обсуждения итогов работы комиссий НКП РСФСР и АН СССР вызвал возможный порядок регламентации правописания *одиночных / удвоенных согласных* и гласных *э / е* в иноязычных словах, гласных *е / о* после шипящих и *ц*, корня с чередующимися гласными *раст- / рост-*, гласных *ы / и* на стыке приставки на твердую согласную и корня, *н / нн* в прилагательных и причастия, *прописной* и *строчной* в названиях партий-

ных и правительственных организаций, а также *наречий*. Результаты обсуждений и корректировок Правил 1936, разработанных комиссией НКП РСФСР под руководством Д. Н. Ушакова, отражены Правилах 1936 (2) и «Объяснительной записке к сводам орфографических правил и пунктуационных правил» (1936 г.).

10. *Четвертый этап упорядочения* (1938–1945 гг.) отражает стремление АН СССР заявить о себе как единственной организации, способной предложить научное обоснование решения вопросов упорядочения и унификации. Позицию АН СССР поддерживают публикации в центральной печати, общий посыл которых заключается в том, что задача урегулирования правописания ранее безуспешно ставилась перед НКП РСФСР. Особо подчеркивается важность такой характеристики будущих правил, как общеобязательность, поэтому становится устойчивым их сравнение с законом, нарушение которого не отличается от нарушения любого другого кодекса. Единство правил характеризуется как «беспримерное» явление в истории орфографического движения XVIII–XX вв. (С. П. Обнорский).

Корректировка текста правил в этот период осуществлялась правительственными комиссиями по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка 1939 г. (пред. нарком просвещения РСФСР П. А. Тюркин) и 1941 г. (пред. С. П. Обнорский). Основу орфографической декларации комиссии 1939 г. составили заявления об органичности и сбалансированности системы русского письма, необходимости установления единства в тех его линиях, где нет должной устойчивости, исключении всех двойственных написаний, морфологической основе как национальном принципе русской орфографии, первостепенном значении реформы 1917–1918 гг. и важности преемственности итогов комиссий предыдущего этапа. Эти положения в определенной мере явились развитием принципов деятельности академика Я. К. Грота «применительно к новым условиям» (Е. П. Щенников).

Результаты работы комиссий представляют проекты «Своды орфографических и пунктуационных правил» (1-я ред., 1939 г.), «Правила единой орфографии и пунктуации» (2-я ред., 1939 г.); «Правила единой орфографии и пунктуации» (1940 г.), «Правила единой орфографии и пунктуации» (1941 г.). В военные годы

в центре внимания специалистов оказывается унификация печатной практики и служебной переписки.

11. На заключительном *пятом этапе упорядочения* (1946–1956 гг.) вся содержательная и организационная работа по доработке и апробации правил сосредотачивается в АН СССР. Его введение рассматривается как важное, но «не коренное», подобно орфографическим реформам Петра I и 1917–1918 гг. событие, поэтому для утверждения Правил 1956 в качестве общеобязательного документа представляется достаточным авторитета АН СССР. В определении возможной стратегии апробации правил указывается опыт «Русское правописание» Я. К. Грота, которое первоначально было введено в школу, а затем постепенно вошло в жизнь.

По инициативе АН СССР в 1947 г. создается первая послевоенная орфографическая комиссия, итоги работы которой отражены в Правилах 1947, Правилах 1948, Правилах 1951, Правилах 1955 и итоговых Правилах 1956. В основе формальной корректировки редакций Правил 1947, Правил 1948, Правил 1951 (изменения в предисловии, нумерации единичных параграфов, иллюстративного материала) лежали сугубо политические причины, в частности обвинения председателей орфографической комиссии А. Г. Калашникова и А. А. Вознесенского в политической близорукости, а также выход работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», потребовавшей новой редакции в контексте «стройной теории марксистской науки о языке» [Правила, 1951, с. 3]. Комиссия руководствовалась следующими принципами: орфографические варианты должны быть исключены; рекомендация должна учитывать традицию в течение 50 лет; в случае неустойчивой практики выбирать написание, более других соответствующее морфологической основе, обеспечивая тем самым единство написания морфем.

Не будучи официально утвержденными, орфографические установки редакций Правил 1948 и Правил 1951 получают практическую апробацию в таких массовых изданиях, как «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (1949 и 1952 гг.), школьный «Орфографический словарь» Д. Н. Ушакова и С. Е. Крючкова (1951 г., 7-е изд. и след), общим тиражом более семи миллионов экземпляров. Таким обра-

зом, именно школа оказывается тем первым общественным институтом, где новые правила получали статус обязательных. Вся учебно-методическая продукция Учебно-педагогического издательства и Государственного издательства иностранных и национальных словарей постепенно приводится в соответствие с новым изданием школьного орфографического словаря. Кроме того, впервые в практике представления проектов редакция Правил 1951 сопровождается выходом большого количества публикаций, в которых членами комиссии подробно обосновываются выбранные написания для спорных групп. Это придавало деятельности орфографической комиссии несвойственный прежде в таких масштабах характер публичности.

Результаты предварительного обсуждения Правил 1951 представлены в новой редакции Правил 1955, где был обновлен целый ряд рекомендаций. Однако в итоговых Правилах 1956 большинство рекомендаций прежней редакции восстанавливаются, за исключением правописания гласных *и / ы* после *ц* в корне слова, гласных *и / ы* в корне после приставки на согласную, сложных прилагательных, обозначающих оттенки цвета, дефисного и слитного написания отдельных наречий. Таким образом, нормативные установки Правил 1956 еще до официального утверждения де-факто вошли в практику школы через учебно-методическую литературу.

26 мая 1956 г. в «Учительской газете» выходит публикация С. Е. Крючкова «Единый Свод правил орфографии и пунктуации», где официально сообщается, что Правила 1956 утверждены АН СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР и вводятся в школе с нового учебного года. Особое внимание С. Е. Крючков обратил на то, что «излишняя поспешность» и непродуманность могут дискредитировать мероприятие большой государственной важности, поэтому для полного перехода школ на утвержденные правила был установлен переходный период на три года, в течение которого старые написания должны были исправляться, но не считаться ошибочными. Вопрос об утверждении правил вошел в обязательную повестку августовских педагогических совещаний.

По свидетельствам В. В. Виноградова, К. И. Былинского и данным архивных документов, Правила 1956 не рассматривались коллегиально на заседаниях Президиума АН СССР в 1955–1956 гг., а были утверждены, предположительно, в марте 1956 г. Отчасти это можно объяснить тем, что широкое общественное обсуждение Правил 1951 и Правил 1955 оказалось безрезультатным, поскольку не было ни одного вопроса, в решении которого участники дискуссии проявили единство, а их предложения нередко оказывались диаметрально противоположными. Очередное обсуждение привело бы, как указал С. И. Ожегов, к «откладыванию в дальний ящик всего дела» упорядочения правописания [Отзыв С. И. Ожегова о «Правилах орфографии и пунктуации» 1951 г. // Ф. 1516. Оп. 1. Д. 170. Л. 2]. В качестве меры, поддерживающей введение правил, в 1956 г. выйдет академический «Орфографический словарь русского языка» под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро. Научная тема «Проект дальнейшего упорядочения русской орфографии и пунктуации» появится в перечне исследовательских направлений Института русского языка АН СССР в 1961 г.

ГЛАВА 4. СВОД ПРАВИЛ КАК ИНСТРУМЕНТ НОРМАЛИЗАЦИИ ОРФОГРАФИИ

4.1. Концепция заглавия и организация орфографического материала

Структура «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г., не считая основного текста (часть I «Орфография» и часть II «Пунктуация»), включает в себя еще такие компоненты, как содержание, предисловие, приложение (словарь). Все вместе они выполняют организующую роль, придавая документу характер целостности и завершенности, формируют общее представление о структуре и содержании издания.

Правила содержат, как следует из их названия, орфографическую и пунктуационную части, обеспечивая тем самым возможность органичного единства нормативного употребления основных средств русского письма. Подобная традиция обсуждения пунктуационных правил вместе с орфографическими рекомендациями отчетливо видна в различных нормативных изданиях уже XVIII в., в частности «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (1755 г.) – наставление второе «О чтении и правописании российском» (§ 127–131). Аналогичным образом построены, например, работы А. П. Сумарокова «О правописании» (1771–1773 гг.), В. П. Светова «Опыт нового российского правописания» (1773 г., 2-е изд. 1787 г.), «Письмовник» Н. Г. Курганова (1793 г.). Итоги развития пунктуационной системы XIX в. обобщены в «Русском правописании» Я. К. Грота (1885 г.).

Традицию объединения орфографических и пунктуационных рекомендаций в рамках одного нормативного источника нарушают проекты первой и второй редакций «Свода орфографических правил» 1936 г., состоящие, как следует из названия, только из орфографической части. Возможно, что издание отдельными брошюрами орфографического материала в указанных проектах отражает фокус

общественного интереса именно к орфографии и понимание составителями первоочередности ее нормализации для школы и печати³⁸⁴.

Объединение орфографического и пунктуационного материала осуществляется в «Своде орфографических и пунктуационных правил» 1939 г. и сохраняется далее во всех последующих проектах. Единство орфографии и пунктуации при нормировании правописания отражает сквозная нумерация параграфов в соответствующих частях проектов. Это восстанавливает сложившуюся еще в XVIII в. практику комплексной разработки вопросов правописания, хотя внимание общества, как показывают материалы дискуссии 1960-х и 2000-х гг., по-прежнему сосредоточено на обсуждении именно орфографических предложений³⁸⁵.

Заглавия проектов можно условно разделить на две хронологически сменяющие друг друга группы. В первую войдут названия с ключевым определением *свод*, которые относятся к периоду 1936–1939 гг.:

«Свод орфографических правил» (1936 г.); «Свод орфографических правил» (1936 г., 2-я ред.); «Своды орфографических и пунктуационных правил» (1939 г.).

Вторую группу представляют проекты 1939–1956 гг., где ключевым становится уже определение *правила*:

«Правила единой русской орфографии и пунктуации» (1939 г., 2-я ред.); «Правила единой русской орфографии и пунктуации» (1940 г.); «Правила русской орфографии и пунктуации» (1947 г.); «Правила русской орфографии и пунктуации» (1948 г.); «Правила русской орфографии и пунктуации» (1951 г.); «Правила русской орфографии и пунктуации» (1955 г.); «Правила русской орфографии и пунктуации» (1956 г.).

Несмотря на изменение в 1939 г. ключевой характеристики в названиях (*свод* → *правила*), в предисловиях к проектам по-прежнему продолжает активно

³⁸⁴ Следует отметить, что в ходе обсуждения предложений «Проекта реформы правописания» (1930) отзывы по вопросам пунктуации составили только 2,5–3% всего полученного материала [Проект реформы правописания, 1930, с. 51].

³⁸⁵ Как правило, обсуждение выдвигаемых специалистами предложений по усовершенствованию и упорядочению пунктуации «трудно назвать дискуссией, так как острого столкновения мнений, противостояния сторон мы здесь не находим. Очевидно, что пунктуация казалась делом второстепенным, гораздо менее важным, чем орфография. Писатели и поэты, составлявшие наиболее активный критический лагерь в орфографической полемике, пунктуационных вопросов избегали» [Арутюнова, 2015, с. 122]

употребляется дефиниция *свод*³⁸⁶. Таким же синонимичным оказывается употребление характеристик *свод* и *правила* в орфографической дискуссии и в обобщающих работах, исследованиях вплоть до сегодняшнего дня. Во второй группе с дефиницией *правила* в названии ряда проектов присутствует такая дополнительная характеристика, как *единая*: вторая редакция «Правил единой русской орфографии и пунктуации» 1939 г. и «Правила единой русской орфографии и пунктуации» 1940 г. Впервые же традиционное название «Правила русской орфографии и пунктуации» появится в проекте 1947 г. и далее останется неизменным.

Характеристика *единая* из названий исключается в связи с ее смысловой избыточностью, поскольку в ходе полемики неоднократно высказывалось понимание того, что орфографические и пунктуационные нормы должны быть едиными для всех издательств и обязательными для всех пишущих и изучающих русский язык [Кожин, 1955, с. 41–42]. Необходимость обязательности правил и их последовательного единства выражается, например, в таком ожидаемом к ним требовании Л. В. Щербы, принимавшем деятельное участие в работе над академическими проектами разных лет, как быть «кодексом, изданным правительством» [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936) Д. 52. Л. 66]. Мысль, что свод получит статус «правописного и пунктуационного кодекса», «орфографического закона», которым «должен руководствоваться каждый культурный человек и который должен быть обязательным для любого печатного издания», повторяется и в более

³⁸⁶ «Основной, прямой задачей, определившей характер и рамки работы, является нормализация существующего правописания. С этой целью здесь дается полный свод всех правил нашей орфографии и пунктуации» [Правила, 1939 (2), с. 11];

«Цель настоящего издания – дать полный свод всех правил русской орфографии и пунктуации. Такой полный свод появляется впервые» [Правила, 1947, с. 5];

«Необходимо уточнить и пополнить существующие правила, регламентировать наиболее целесообразные из встречающихся вариантов написаний, установить в словарном порядке написания слов, не подходящие ни под какие правила. Эти задачи и разрешаются полным сводом правил русского правописания» [Правила, 1948, с. 5];

«В процессе подготовки этого свода были уточнены и дополнены существующие правила» [Правила, 1956, с. 3].

поздних дискуссиях, в том числе в связи с орфографической дискуссией рубежа XX–XXI [Гепнер, 1955, с. 39; Еськова, 2000].

Важнейшими элементами организации орфографического материала в основном тексте проектов правил являются *раздел*, *подраздел* и *параграф*, позволяющие детализировать содержание и достаточно быстро найти нужное правило благодаря четкой и понятной рубрикации в оглавлении³⁸⁷. С другой стороны, подобная композиция отражает системный характер правописания.

Самым крупным элементом текстовой части проектов является *раздел*. Количество и наименование разделов не были постоянными, но, как правило, изменения были связаны не столько с новым содержанием, сколько с поиском составителями оптимальной и оправданной композиции за счет перегруппировки нормируемого материала. Разделы в проектах отражают основные группы правил: *правила* буквенной передачи фонемного состава слова; *правила* слитного, дефисного и раздельного написания; *правила* употребления прописных и строчных букв; *правила* переноса; *правила* употребления небуквенных знаков (знак ударения). Также учитывается характер буквы (гласная, согласная, твердый и мягкий знак) и слова (иноязычное, аббревиатура и сложносокращенное). Первые проекты Правил 1936, Правил 1936 (2), Правил 1939, Правил 1936 (2) включали девять разделов:

- 1) правописание гласных; 2) правописание согласных, 3) буквы *ъ* и *ь*;
- 4) раздельные, дефисные и слитные написания³⁸⁸; 5) правописание иноязычных слов; 6) прописные буквы; 7) аббревиатуры и сложносокращенные слова³⁸⁹; 8) переносы; 9) знак ударения и буква *ѣ*³⁹⁰.

³⁸⁷ Раздел «Правописание гласных», подраздел «Неударяемые гласные в суффиксах», параграфы «Суффиксы *-ец-* и *-иц-*», «Суффиксы *-ечк-* и *-ичк-*», «Суффиксы *-ев-* и *-ив-*», «Суффиксы *-ян-(-ан-)* и *-енн-*», «Суффиксы причастий настоящего времени», «*Е* в суффиксах степеней сравнения», «Глаголы на *-енеть*» и т.д. [Правила, 1951, с. 175–176].

³⁸⁸ Часть «Раздельно пишутся» в следующем проекте Правил 1936 (2) исключается, в результате чего меняется название раздела «Дефисные и слитные написания». В проекте Правил 1947 предлагается новое название раздела, которое сохранится во всех последующих проектах «Написания слитные и через дефис (черточку)».

³⁸⁹ В следующем проекте Правил 1936 (2) название раздела уточняется: «Буквенные аббревиатуры, сложносокращенные слова и графические сокращения».

В проектах Правил 1940, Правил 1947 оказывается уже восемь разделов, поскольку материал о правописании иноязычных слов, оформленный прежде в отдельный раздел, был включен в разделы «Правописание гласных»³⁹¹, «Правописание согласных»³⁹² и «Буквы ъ и ь»³⁹³. Далее проекты Правил 1948, Правил 1951, Правил 1955 и Правил 1956 исключают раздел «Знак ударения и буква ё», представив материал о букве ё в отдельном одноименном подразделе, вошедшем в раздел «Правописание гласных».

Таким образом, из первоначальных девяти разделов в итоговом проекте Правил 1956 представлено семь разделов: «Правописание гласных»; «Правописание согласных»; «Буквы ъ и ь»; «Написания слитные и через дефис (черточку)»; «Прописные буквы»; «Буквенные аббревиатуры, сложносокращенные слова и графические сокращения», «Правила переносов». Эта структура отражает традиционное членение русской орфографической системы на разделы³⁹⁴.

Далее разделы в проектах делятся на подразделы, которые состоят из определенного количества параграфов, представляющих отдельное правило. Характерная для проектов тенденция к постепенному уменьшению общего числа параграфов отражает стремление составителей к более четкой и структурированной организации орфографического материала:

³⁹⁰ В проекте Правил 1936 раздел не включал материал о букве ё, поэтому назывался «Знак ударения».

³⁹¹ Параграфы о сочетании согласных с гласными и «Э в иноязычных словах». В проекте Правил 1947 появляется также параграф «Йе в некоторых иноязычных словах».

³⁹² Параграфы «Двойные согласные в иноязычных слов», «Двойные согласные в производных образованиях от иноязычных слов».

³⁹³ Параграфы «Употребление буквы ъ», «Ь перед и, е, ю, и я».

³⁹⁴ «Русская орфография как система распадается на пять разделов: 1) правила передачи звуков (фонем) буквами в составе слов и морфем; правила о слитных, полуслитных (дефисных) и отдельных написаниях слов; 3) правила употребления прописных (больших) и строчных (малых) букв; 4) правила переноса слов с одной строки на другую; 5) правила графического сокращения слов... Каждый из разделов представляет собой систему правил, покоящуюся на определенных принципах» [Иванова, 1991, с. 77–78]. Некоторые специалисты считают подобную композицию «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г. неудачной и несколько нерациональной, говоря о необходимости в большей степени учитывать «морфологичность нашего правописания», поэтому в перспективе им представляется «желательной поморфемная перегруппировка правил» [Бреусова, 2000, с. 67].

Правила 1936 – 174 параграфа, Правила 1936 (2) – 168 параграфов, Правила 1939 – 164 параграфа, Правила 1939 (2) – 154 параграфа, Правила 1940 – 156 параграфов, Правила 1947 – 129 параграфов³⁹⁵, Правила 1948 – 125 параграфов, Правила 1951, Правила 1955 и Правила 1956 – 124 параграфа.

Количество параграфов в разделах «Правописание гласных» и «Правописание согласных» оставалось примерно одинаковым: правописание гласных представляли в среднем 48 параграфов, согласных – 20 параграфов.

4.2. Проблематика Предисловия

Устойчивым компонентом структуры анализируемых проектов является Предисловие, количество содержательных компонентов которого оказывается разным и зависит от того, находится ли оно внутри или за пределами текста конкретного проекта. Например, проекты Правил 1936 и Правил 1936 (2) не имеют в своей структуре вводной части, однако их дополняет «Объяснительная записка к сводам орфографических и пунктуационных правил» (отдельное издание) объемом 13 страниц, более подробно и глубоко освещающая причины создания и различные аспекты сводов, чем это делают остальные проекты, где Предисловие обычно не превышает двух страниц. Рассмотрим наиболее значимые аспекты его проблематики:

1. Цель и задачи создания сводов правил:

1.1. <...> Проект свода орфографических правил... имеет целью установить твердую орфографическую систему и положить конец разнобою, который в значительной степени имеется в настоящее время в нашем правописании [Объяснительная записка к сводам орфографических и пунктуационных правил // Ф. 503. Оп. 1. Д. 76. Л. 18];

³⁹⁵ Наибольшее сокращение количества параграфов произошло в разделе о слитных и дефисных написаниях в связи с тем, что проектом Правил 1947 была осуществлена полная реорганизация структуры раздела, позволившая объединить правила, посвященные одной части речи вместе, в результате чего слитное и дефисное написания, например, прилагательных, вместо нескольких параграфов стали регламентировать только два: § 80 «Слитные написания» и § 81 «Написания через дефис».

1.2. <...> Дается полное, систематическое изложение правил нашей орфографии и пунктуации, которые обеспечили бы действительное единство в системе нашего письма [Правила, 1939, с. 3];

1.3. <...> Назначение сводов – дать основные положения, которые должны обеспечить единство нашей орфографической и пунктуационной системам [Правила, 1939 (2), с. 3];

1.4. <...> Цель настоящего издания состоит в том, чтобы дать полный свод Правил русской орфографии и пунктуации. Такой полный свод появляется впервые [Правила, 1951, с. 4];

1.5. <...> Издание полного свода правил русской орфографии и пунктуации должно содействовать устранению разнобоя и упорядочению русского письма [Правила, 1956, с. 3];

2. Характер работы в области орфографии (реформирование или унификация?):

2.1. <...> Предлагаемое упорядочение правописания не является реформой: существующий разнобой предлагается устранить не путем каких-либо коренных преобразований, которые изменили бы принципы нашей орфографии, а путем возможной унификации однородных случаев и путем выбора и регламентации наиболее целесообразных из тех вариантов, которые бытуют в современной практике. Намечена не реформа, а упорядочение правописания. [Объяснительная записка к сводам орфографических и пунктуационных правил // Ф. 503. Оп. 1. Д. 76. Л. 18, 26];

2.2. <...> Современное русское правописание, подвергшееся усовершенствованию в 1918 г. (когда были устранены в нем архаические пережитки) нельзя рассматривать как устарелое и отсталое в своих основах или во всех своих частях. Поэтому нет необходимости ни отменять его, ни реформировать [Правила, 1951, с. 4];

3. Разнобой в правописании и средства его устранения:

3.1. <...> И во времена Добролюбова, и позже в рассуждениях о правописании стояли на первом плане вопросы, теперь уже в основном решенные реформой правописания. Они же составляли и содержание проектов реформы правописания. Другая же масса колебаний, исстари известных, но не связанных с этими важнейшими сторонами правописания, оставалась, естественно, в тени и не изжита и по сей час. С небывалым ростом при советской власти грамотности и школьного образования, с одной стороны, и с широчайшим распространением печатного слова, с другой стороны, вопрос о второй стороне дела – об упорядочении правописания – встал с небывалой остротой [Объяснительная записка к сводам орфографических и пунктуационных правил // Ф. 503. Оп. 1. Д. 76. Л. 19, 25];

3.2. <...> В русском правописании XIX и начала XX в. накопилось большое количество колебаний и противоречий. Орфографическая реформа 1918 г. по самому характеру своему не могла их устранить, а после нее, в связи с изменениями в русском литературном языке советской эпохи, появились новые случаи орфографической двойственности. Основным средством борьбы с этим разнобоем является издание полного свода правил русской орфографии и пунктуации [Правила, 1947, с. 5];

4. Вариативность орфографической нормы:

4.1. <...> Что касается допущения факультативных написаний отдельных слов, не оправданных языком, то такая факультативность (*снегирь* / *снигирь*, наречие *в дали* / *вдали*) принципиальности отвергается как не только не полезная ни для печати, ни для школы, но и вредящая

устойчивости письма [Объяснительная записка к сводам орфографических и пунктуационных правил // Ф. 503. Оп. 1. Д. 76. Л. 27];

4.2. <...> Факультативность написаний отдельных ли слов, пунктуационных ли знаков там, где она не оправдывалась бы языком, смысловыми различиями, принципиально отвергается сводами как начало, противоречащее задаче унифицирования письма [Правила, 1939, с. 3];

5. Общеобязательность правил:

5.1. <...> Многочисленные проекты их устранения, появляющиеся с XVIII в., лишенные санкции правительственной власти, не сделали русского правописания строго устойчивой системой во всех деталях... Известна еще правительственная полумера – ведомственное распоряжение Министерства народного просвещения в 1886 г. о введении в школы правописания Я. К. Грота. В декрете советской власти о реформе правописания важна его обязательность не только для школы, но и для печати, и для делопроизводства. Этим успех его не ставился в зависимость от сочувствия или несочувствия отдельных авторов, редакций и издательств [Объяснительная записка к сводам орфографических и пунктуационных правил // Ф. 503. Оп. 1. Д. 76. Л. 23];

5.2. <...> Настоящие Правила должны служить основным источником для всех составителей учебников, словарей русского языка как общих, так и специальных. Они должны быть необходимым практическим руководством для каждого [Правила, 1955, с. 2];

6. Значение орфографического словаря:

<...> Упорядочивая и регламентируя современное правописание, Правила, естественно, не могут охватить и исчерпать все изолированные, единичные случаи спорного или двойственного написания. Знание правил не исключает необходимости обращаться за отдельными справками к орфографическому словарю» [Правила, 1948, с. 10];

7. Правила правописания и язык:

7.1. <...> В задачу сводов не входит задача нормализации языка, т. е. своды ограничиваются установлением правил правописания и не затрагивают ни правил произношения (орфоэпия), ни правил грамматики, ни стилистики. Эти, не менее важные, вопросы не входят в задачу установления единой орфографии и пунктуации [Правила, 1939 (2), с. 11];

7.2. <...> Правила орфографии и пунктуации тесно связаны с состоянием и законами развития грамматического строя языка и его основного словарного фонда. Орфографические и пунктуационные изменения должны в известной мере отражать развитие структуры языка. А это развитие, как установлено в советском языкознании, происходит путем постепенного развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка [Правила, 1955, с. 2];

8. Необходимость корректировки орфографических правил:

Орфография должна постепенно приспособляться к... развитию и совершенствованию структуры языка. Она тоже должна совершенствоваться, улучшать и уточнять свои правила, обогащаться новыми правилами [Правила, 1951, с. 4];

9. Свод правил и обучение правописанию в школе:

9.1. <...>Своды не должны рассматриваться как учебники для школы [Правила, 1939, с. 4];

9.2. <...> Свод отнюдь не должен рассматриваться как учебное пособие для школьного изучения орфографии и пунктуации: как объем, так и характер изложения правил в своде <...> не могут соответствовать ни тому количеству сведений, ни тому методу обучения письму, которые установлены для школьного преподавания [Правила, 1939 (2), с. 12].

Следует указать, что лаконичный вариант предисловия проекта Правил 1947 стал основой для вступительной части всех последующих проектов Правил 1948, Правил 1951, Правил 1955 и Правил 1956, где его текстовая часть воспроизводится практически дословно. Общая же концепция предисловия была выработана уже в проекте Правил 1939. В центре его внимания оказываются вопросы назначения свода (максимальная систематизация правил, устранение разнобоя), общеобязательность устанавливаемых им норм, характер проведенной нормализации (упорядочение, но не реформирование), отрицательная оценка возможной вариативности в правописании, а также необходимость регулярного уточнения действующих правил в будущем.

4.3. Организация ссылок и проблема перекодификации в орфографических словарях проектов Правил

Проекты Правил 1939 (2), Правил 1940, Правил 1951, Правил 1955 и Правил 1956 в качестве дополнительного источника орфографического материала включают в свой состав небольшие по объему словари. В проектах Правил 1939 (2), Правил 1940 и Правил 1951 они насчитывают более 2 300 слов, в проектах Правил 1955 и Правил 1956 – более 4000 слов³⁹⁶. В проекте Правил 1940 орфографический словарь предваряет пояснение, где уточняется характер словника: с одной стороны, слова, которые «не имели устойчивого написания», с

³⁹⁶ Объем словарей проектов Правил 1936 (2) – 2346 единиц; 1940 – 2405 единиц; 1951 – 2395 единиц; 1955 – 4217 единиц; 1956 – 4119 единиц.

другой – слова, «иллюстрирующие изложенные правила»³⁹⁷ [Правила, 1940, с. 117].

Особенностью словарей в отдельных проектах является наличие ссылок на соответствующие параграфы, регламентирующие написание конкретного слова, что обеспечивает единство свода как нормативного документа, иллюстрирует практическое применение правил и системность кодификационных установок, существенно дополняет корпус примеров, значительно повышая информативность текста.

В орфографическом словаре проекта Правил 1939 (2) какие-либо ссылки отсутствуют. Впервые они появляются в словаре проекта Правил 1940, сопровождая почти 500 слов, что составляет 20 % от общего словника: «В необходимых случаях даны в скобках указания на соответствующий параграф правил» [Правила, 1940, с. 117]. Символ параграф (§) составителями проекта в этом случае не используется:

Абревиатура (71), *авианосец*, *авиозавод* (79), *адекватный* (40), *вариво* (7), *веснушчатый* (56), *дорасти* (3), *кафе-ресторан* (89) [Там же: 117–150]³⁹⁸.

Для слов, правописание которых подчиняется нескольким правилам, могут использоваться двойные и даже тройные ссылки:

Опрометчивый (16, 57), *кожаный* (17, 64), *соломенный* (17, 64), *серебрянный* (17, 64), *жесткий*, *жестче* (38, 56), *день-деньской* (74, 100) и *лестница* (9, 10, 54)³⁹⁹ [Там же].

Ссылки указывают на 60 различных параграфов (всего в орфографической части проекта 156 параграфов)⁴⁰⁰. Чаще всего это § 71, упорядочивающий выбор

³⁹⁷ «В словарь включены важнейшие слова из разных областей литературного языка, науки и техники» [Правила, 1940, с. 117].

³⁹⁸ В этом фрагменте текста, посвященном проблеме организации ссылок указываются страницы словаря в целом (с учетом алфавитного порядка слов). Для спорных случаев отдельно отмечаются страницы.

³⁹⁹ Например, *опротметчивый* (§ 16 о правописании суффикса *-ив-* и § 57 о *дч* и *тч* на границе составных частей слова) и *лестница* (§ 9 о суффиксах *-ец-* и *-иц-*, § 10 о суффиксах *-ечк* и *-ичк-* (*лестница* – *лестничка*), §54 об определении согласной в конце слова и перед другой согласной).

⁴⁰⁰ *Обложить* (2), *обрасти* (3), *каравай* (4), *призреть* (6), *пастбище* (7), *пальтецо* (9), *соломинка* (11), *паенька* (12), *соловушка* (13), *масляный* (о краске) (17), *охтинский* (22), *намереваться* (26), *оцепенеть* (28), *обессилеть* (лишиться сил) (29), *парашют* (31), *панцырь* (32) (С. 137), *цыновка* (32) (С. 148), *безинтересный* (35), *подинтегральный* (35), *безыглый* (35)

удвоенной согласной в иноязычных словах (более 80 указаний) и § 86, регламентирующий правописание наречий (более 50 указаний):

Аннулировать (71), *ассоциация* (71), *атрибут* (71), *балл (отметка)* (71), *баллотировка* (71), *гиппопотам* (71), *грамматика* (71), *граммофон* (71); *вдобавок* (86), *вдоволь* (86), *взапуски* (86), *вконец* (86), *вкось* (86), *в обмен* (86), *в обрез* (86)⁴⁰¹ [Там же].

Ссылки на параграфы в словах, относящихся к одному правилу, приводятся выборочно:

Шоколад (37), *жокей* (37) (с. 126), но *шоссе*, *шофер* (о не под ударением после шипящих в корнях иноязычных слов); *затушовывать* (38), но *выкорчовывать*, *отмежовывать*, *оттушовывать*, *растушовывать* [Там же].

Следующий проект Правил 1951 не учитывает опыт проекта Правил 1940 в организации ссылок. Во-первых, в новом проекте их число в три раза сокращается в три раза. Теперь ссылки сопровождают только 165 слов (7 % от общего словника), иллюстрируя 26 параграфов из 124 в орфографической части проекта:

Автомобильно-тракторный (§ 81, п. 2), *адамово яблоко* (§ 99, п. 3), *ампер* (§ 95), *баснописец* (§ 37), *батальон* (§ 71), *безидейный* (§7), *брошенный* (§ 62), *великий пост* (§ 103), *вечнозелёный* (как термин) (§ 80, п. 3), *маршал* (§ 95), *остекленеть* (§ 35), *пушкинский стиль* (§ 99, п. 3), *по-социалдемократически* (§ 84), *приамударьинский* (§ 81, п. 1), *Реформация* (§ 102, п. 1), *январский* (§ 74, п.1) [Правила, 1951, с. 134–174].

Во-вторых, основная часть ссылок в словаре проекта Правил 1951 содержит указание на § 29 (пункт 2), определяющий написание производных прилагательных с суффиксами *-енск* и *-инск* от географических наименований, и § 88, устанавливающий слитное написание *не-* с различными частями речи:

Борзинский (от Борзя), *брединский* (от Бреды), *гагринский* (от Гагры и Гагри), *гатчинский* (от Гатчина), *глубокинский* (от Глубокая), *гремяченский* (от Гремячье), *гродненский* (от Гродно), *грозненский* (от Грозно), *грязинский* (от Грязи), *замостенский* (от Замостье), *зареченский* (от Заречье), *инзенский* (от Инза), *керченский* (от Керчь), *коломенский* (от Коломна), *крапивенский* (от Крапивна).

(С. 119), *ночовка* (38), *пиетет* (40), *свадьба* (54), *притча* (57), *большевистский* (58), *перечница* (60), *оловянный* (64) (С. 136), *бессребренник* (66), *мозжечок* (68), *рассорить* (70), *нянчить* (74), *подъячий* (75), *световодолечебница* (79), *сальто-мортале* (85), *наугад* (86), *на подобие* (87), *нетронь-меня* (93), *приамударьинский* (96), *пол-часа* (98), *на-гора* (тех.) (100) (С. 133), *оберкондуктор* (105), *невпопад* (111), *не доставать* (113) и т.д. [Правила, 1940, с. 117–150].

⁴⁰¹ Следует отметить, что такие общие ссылки без указания конкретного пункта §86 оказываются для пишущих малоинформативными, поскольку параграф состоит из 5 пунктов, семи подпунктов и трех примечаний.

Невозможный (п. 3), *недовыполнить* (п. 7), *недосмотреть* (п. 7), *недоставать* (п. 7), *недосыпать* (п. 7), *нездоровый* (п. 3), *нелюбимый* (п. 4), *немедленно* (п. 3), *нескончаемый* (п. 4), *неприятель* (п. 3), *нераспустившийся* (п. 4), *нержавеющий* (п. 4), *неспокойно* (п. 3), *несчастье* (п. 2), *нечисто* (п. 3) (этом случае в круглых скобках указывается конкретный пункт правила).

При этом в словаре отсутствуют ссылки на параграфы, регламентирующие такие гораздо более частотные в практике и не менее сложные для пишущих написания, к тому же отличавшиеся заметной неустойчивостью в послереформенной орфографии, как, например, *о* и *е* после шипящих в корне, *и* и *ы* после *ц* в корне, чередующиеся гласные в корнях *раст-/рост-*, *равн-/ровн-*, *мак-/мок-*, наречия и т.д. Ссылки для слов, подчиняющихся одному правилу, приводятся выборочно:

Безидейный (§ 7), *безинициативный* (§ 7), *безинтересный* (§ 7), но *безызвестный*, *безыскусственный*, *безысходный*, *предистория*, *смпровизировать* [Там же].

В словарях проектов Правил 1955 и Правил 1956 ссылки становятся важным элементом справочно-разъяснительного характера, отражая системность правописания и подчеркивая его упорядоченность. Они сопровождают почти 2.500 слов, что составляет 60 % словника. И если в проекте Правил 1940 ссылки указывали на 60 параграфов, то в этих проектах – на 80 параграфов. Например, более 320 ссылок указывают на параграф, регламентирующий в проектах *слитное* написание наречий (75 %) и *раздельное* сочетаний, которые, как указывается в проектах, оказываются близкими по значению к наречиям (25 %). В отличие от проекта Правил 1940 здесь уточняются пункты, части (А и Б) и подпункты («а», «в») правила:

Вверх (§ 83, п. 5, в), *вдобавок* (§ 83, п. 5, б), *взаимы* (§ 83, п. 5, а), *взятяжку* (§ 83, п. 5, б), *вмиг* (§ 83, п. 5, б) [Правила, 1955, с. 130–180]; *внаймы* (§ 83, п. 5, а), *в насмешку* (§ 83, п. 6, а, в), *до отвала* (§ 83, п. 6, б, в), *до отказа* (§ 83, п. 6, б, в), *на авось* (§ 83, п. 1), *на глаз* (§ 83, п. 6, б, а), *на рысях* (§ 83, п. 6, б, з) [Правила, 1956, с. 115–168].

Значительное число ссылок в словаре относятся и к параграфу, нормирующему написание гласных *о* и *е* (ё) под ударением после шипящих (более 100 примеров), причем отмечаются случаи, традиционно представляющие определенную сложность для пишущих (корневые морфемы, разграничение существительных типа *квашонка* и *ночёвка*, имена собственные, заимствования).

Существенную часть ссылок в словарях проектов Правил 1955 и Правил 1956 также составляют указания на § 100, определяющий порядок написания названий астрономических, географических и других объектов (более 100 ед.)⁴⁰², § 13 о чередующихся гласных *a* и *o* в корнях (более 50 ед.), § 80 о слитном написании сложных прилагательных (более 30 ед.) и § 81 о дефисном написании сложных прилагательных (более 40 ед.), § 102 о написании названий исторических событий, эпох, документов, произведений искусства (более 40 ед.), а также § 9 об *э* в иноязычных словах (более 35 ед.). Однако на § 8, посвященный написанию одиночной и удвоенной согласной, в словаре проекта Правил 1955 представлено только девять ссылок: *афиша, ирригация, кассация, коррозия, литера, официальный, офорт, рапорт, эксцесс*. Напомним, что в проекте Правил 1940 эта группа ссылок была одной из самых частотных⁴⁰³.

В части нормирования в проектах орфографических словарей спорных написаний послереформенного периода следует говорить об их **первичной кодификации** (слово впервые включается в орфографический словарь проекта), итог которой может оцениваться как положительный⁴⁰⁴. В этом случае в следующих проектах написание слова более не корректируется. Если же результат первичной кодификации признается неудачным, то осуществляется повторная кодификация с изменением исходных нормативных установок, или **перекодификация**⁴⁰⁵. Как правило, решение о перекодификации принимается специалистами с учетом наблюдений за реальной практикой функционирования слова в узусе. Очевидно, что в нашем случае составители проектов правил, предлагая новый вариант кодификации, в силу объективных причин (в том числе

⁴⁰² Ссылки на параграфы раздела «Прописные буквы» появляются впервые.

⁴⁰³ Отметим и единичные ссылки на § 29 о написании суффиксов *инск-* и *енск-* в прилагательных, образованных от географических наименований, где представлены только *грозненский, грязинский* и *коломенский* [Правила, 1956, с. 139, 140, 147]. В проекте Правил 1951 они были регулярными.

⁴⁰⁴ Описание спорных групп написаний и оснований их упорядочения представлены в следующих параграфах данной главы.

⁴⁰⁵ Примеры перекодификации в орфографических словарях: *визига* (1956 г.) → *вязига* (1999 г.), *зорянка* (1956 г.) → *зарянка* (1974 г.), *на изготровку* (1956 г.) → *наизготровку* (1963 г.) → *на изготровку* (1974 г.), *хепенинг* (1974 г.) → *хеппенинг* (1999 г.) [Иванова, 2018, с. 93].

и в силу общей неупорядоченности правописания) возможность учитывать такую практику не имели, а руководствовались, например, стремлением усилить системный фактор письма или избежать исключений⁴⁰⁶.

Для более точной характеристики явления перекодификации в проектах правил предлагается разграничивать **однократную перекодификацию**, когда написание только единожды уточняется относительно результата первичной кодификации⁴⁰⁷:

Алигатор (1939 (2), 1940) и *аллигатор* (1951), *анэстезия* (1939 (2)) и *анестезия* (1940), *в брод*, *в растяжку*, *в развалку*, *в разбивку* (1939) и *вброд*, *врастяжку*, *вразвалку*, *вразбивку* (1940), *в накладе* (1951) и *внакладе* (1955), *VELO-мотогонки* (1955) и *веломотогонки* (1955), *впротивовес* (1955) и *в противовес* (1956), *набалдачник* (1939) и *набалдашник* (1940), *навождение* (1940) и *наваждение* (1951), *пловучий* (1951) и *плавучий* (1955); *косатка*, *коровай*, *корока-тица*, *корочун* (1939 (2)) и *касатка*, *каравай*, *каракавица*, *карачун* (1940); *збруя* (1939 (2), 1940) и *сбруя* (1951).

В ситуации же **многократной**, или **обратной**, перекодификации происходит возврат к уже предлагавшемуся когда-то написанию, т.е. восстанавливаются рекомендации одного из хронологически более ранних проектов, отвергнутые на каком-то этапе, причем это может делаться неоднократно (как правило, удвоенные согласные в заимствованиях и наречия, а также традиционные исключения):

1) проект Правил 1939 (2) *аббревиатура* (первичная кодификация) – проект Правил 1940 *аббревиатура* (однократная перекодификация) – проект Правил 1951 *аббревиатура* (обратная перекодификация по образцу проекта Правил 1939 (2)) – проект Правил 1955 *аббревиатура* (обратная перекодификация по образцу проекта Правил 1940) – проект Правил 1956 *аббревиатура* (обратная перекодификация по образцу проектов Правил 1939 (2) и Правил 1951);

2) проекты Правил 1939 (2), Правил 1940 *диаррея* (первичная кодификация) – проект Правил 1951 *диаррея* (однократная перекодификация) – проект Правил 1955 *диаррея* (обратная перекодификация по образцу проектов Правил 1939 (2), Правил 1940) – проект Правил 1956 *диаррея* (обратная перекодификация по образцу проекта Правил 1951);

3) проекты Правил 1939 (2) и Правил 1940 *гросбух*, *гросмейстер* (первичная кодификация) – проект Правил 1951 *гросбух*, *гросмейстер* (однократная перекодификация) –

⁴⁰⁶ Описание спорных групп написаний и основания их упорядочения представлены в следующих параграфах данной главы.

⁴⁰⁷ В нашем случае это условно орфографический словарь проекта Правил 1939 (2), поскольку в предыдущие проекты словари не включались.

проект Правил 1955 *гросбух, гросмейстер* (обратная перекодификация по образцу проектов Правил 1939 (2) и Правил 1940) – проект Правил 1956 *гроссбух, гроссмейстер* (обратная перекодификация по образцу проекта Правил 1951);

4) проект Правил 1939 (2) *в насмешку* (первичная кодификация) – проект Правил 1940 *внасмешку* (однократная перекодификация) – проект Правил 1951 *в насмешку* (обратная перекодификация по образцу проекта Правил 1939 (2));

5) проект Правил 1951 *на износ* (первичная кодификация) – проект Правил 1955 *наизнос* (однократная перекодификация) – проект Правил 1956 *на износ* (обратная перекодификация по образцу проекта Правил 1951);

6) проекты Правил 1939 (2) и Правил 1940 *на дыбы* (первичная кодификация) – проект Правил 1955 *надыбы* (однократная перекодификация) – проект Правил 1956 *на дыбы* (обратная перекодификация по образцу проектов Правил 1939 (2) и Правил 1940);

7) проект Правил 1939 (2) *на изготовку* (первичная кодификация) – проект Правил 1940 *наизготовку* (однократная перекодификация) – проект Правил 1951 *на изготовку* (обратная перекодификация по образцу проекта Правил 1939 (2));

8) проект Правил 1939 (2) *январьский* (первичная кодификация) – проекты Правил 1940 и Правил 1951 *январский* (однократная перекодификация) – проект Правил 1955 *январьский* (обратная перекодификация по образцу проектов Правил 1939 (2) и Правил 1940) – проект Правил 1956 *январский* (обратная перекодификация по образцу проектов Правил 1940 и Правил 1951).

Перекодификация свидетельствует о том, насколько специалистам бывает «трудно нащупать верный путь» в своих рекомендациях [Иванова, 2018, с. 94].

4.4. Предложения проектов по упорядочению вариативных написаний послереформенной практики

В параграфе дана общая характеристика колебаний (30 групп) в практике письма, а также систематизированы предложения основных проектов Правил 1936 (2), Правил 1947, Правил 1948, Правил 1951, Правил 1955, Правил 1956 по их упорядочению⁴⁰⁸, обсуждавшиеся в орфографической дискуссии послереформенного периода специалистами, принимавшими участие в создании разных редакций свода (Д. Н. Ушаков, С. П. Обнорский, А. А. Реформатский,

⁴⁰⁸ В случае необходимости для сопоставления привлекаются также материалы проектов Правил 1936, Правил 1939, Правил 1939 (2). Полное наименование проектов приводится в разделе «Список сокращений и условных обозначений».

А. Б. Шапиро, С. Е. Крючков, К. И. Былинский, М. И. Уаров и др.). Варианты кодификации, предлагавшиеся в редакциях, указываются в хронологическом порядке, что позволяет отразить этапы утверждения нормы для конкретного написания. Со ссылками на соответствующие проекты правил приводятся краткие обоснования написаний (в формулировке комиссий), рекомендованные в качестве нормативных.

В подпункте 4.4.1. «Упорядочение правописания гласных и согласных» данного параграфа рассматриваются следующие спорные написания: 1) гласные *о* и *е* (*ё*) после шипящих под ударением; 2) гласные *о* и *е* после *ц*; 3) гласные *и* и *ы* после *ц*; 4) гласные *ы* и *и* после приставок; 5) непроверяемые безударные гласные *о* и *а*, *е* и *и*; 6) гласные *а* и *о* в корнях с чередующимися гласными *ро(а)ст-*, *ра(о)вн*, *га(о)р-*; 7) буква *э* в иноязычных словах; 8) суффикс *-оньк-* в уменьшительно-ласкательных существительных; 9) суффиксы *-инск-* и *-енск-* в прилагательных, образованных от географических наименований; 10) глаголы на *-енеть*; 11) суффиксы *-ив-* и *-ев-* в отглагольных существительных; 12) гласная в окончаниях предложного падежа существительных среднего рода на *-ье*; 13) окончания *-ым* и *-ом* в творительном падеже единственного числа фамилий и названий населенных пунктов; 14) суффиксы *-чн-* и *-шн-* в словах, образованных от основ на *к*, *ч*, *ц*; 15) буква *щ* в прилагательном *дощатый* и его производных; 16) прилагательные, образованные от иноязычных географических наименований на *-ц*; 17) прилагательное *веснушчатый*; 18) двойные согласные в иноязычных словах. Характеристика отдельных наиболее частотных и объемных групп спорных написаний дополняется исторической справкой.

Подпункт 4.4.2. «Упорядочение слитных и дефисных написаний» характеризует следующие спорные написания: 1) иноязычные приставки *контр-* и *ультра-*; 2) составные названия политических партий, направлений, а также их сторонников; 3) названия промежуточных стран света и соответствующих прилагательных; 4) сложные единицы измерения; 5) географические названия, состоящие из существительного и последующего прилагательного; 6) прилагательные, образованные от составных географических названий;

7) географические названия, представляющие собой сочетания имени и фамилии, имени и отчества; 8) географические названия, выраженные сочетанием существительных, соединенных при помощи предлога; 9) сложные прилагательные со значением оттенков цвета; 10) сложные прилагательные с разными смысловыми отношениями компонентов; 11) наречия, образованные из сочетания существительного с предлогом; 12) первая часть *пол-* (*половина*) с последующим существительным в родительном падеже. Характеристика отдельных наиболее частотных спорных написаний этой группы дополняется исторической справкой.

В числе вариативных написаний, характерных для послереформенной практики, отметим также следующие: *кухон(ь)ка*, *январ(ь)ский*, *нян(ь)чить*, *барышен(ь)*, *гул(ь)ливый*, *ветрен(н)ый* (*день*, *человек*), *прийти* и *прит(д)ти*, *дервяж(ш)ка*, *ас(з)бест*, *брыж(ж)ейка*, *мокре(я)дь*, *подержан(н)ый*, *поношен(н)ый*, *П(н)ушкинская чернильница* и др., дальнейшее изучение которых составляет перспективу исследования послереформенного правописания.

4.4.1. Упорядочение правописания гласных и согласных

1. Гласные *о* и *е* (ё) после шипящих под ударением: *же(о)лудь*, *же(о)лоб*, *же(о)рнов*, *ше(о)пот*, *че(о)ло*, *че(орный)*, *ше(о)лк*, *реше(о)тка*, *уче(о)ба*, *волче(о)нок*, *девче(о)нка*, *руче(о)нка*, *холще(о)вый*, *парче(о)вый*⁴⁰⁹, *соверше(о)нный*, *заверше(о)н*, *реше(о)нный*, *напряже(о)нный*, *сокраще(о)нный*⁴¹⁰.

Этот «запутанный вопрос» решается послереформенными орфографическими руководствами и печатью «в полном несогласии», поэтому

⁴⁰⁹ Наблюдалось определенное тяготение к *о* после твердых *ж*, *ш* и, наоборот, к *е* после мягких *ч* и *щ* в: *лужокъ*, *горшок*, но *скачек*, *зрачек*; *медвеженок*, но *галченок*; *душонка*, *книжонка*, но *девченка*, *рученка*; *дружочек*, *горшочек*, но *зрачек*, *сучечек*; *грушовка*, *Чижов*, *ножовый*, *дешовый*, но *бечевка*, *Сущево*, *парчевый*, *холщевый* [Проект реформы правописания, 1930, с. 13].

⁴¹⁰ «Написания с *о* после шипящих издавна были в русском письме передовым отрядом, пробивающим дорогу фонематическому принципу в отношении различения на письме <о> и <э> после мягких и шипящих согласных» [Еськова, 1964, с. 153].

пишущий нередко «наталкивается на очевидный разнобой»⁴¹¹ [Реформатский, 1937(№1), с. 66].

Написание в ударной позиции *о* вместо этимологического *е* стало возможным в результате процесса лабиализации гласного переднего ряда *е* в гласный заднего ряда *о* перед твердыми согласными, которая и «породила наклонность вмѣсто *жѣ, шѣ, чѣ, щѣ* писать *жо, шо, чо, що*, и уже в памятниках XII в. или, по крайней мѣрѣ, XIII в. мы находимъ *жонъ, шоль, крѣщонъ*»⁴¹² [Грот, 1894, с. 42]. Таким образом, через историю нашего письма шло постепенное вытеснение традиционных книжных написаний *же, ше, ще, че* «своими, диктуемыми произношением ударными» *жо, шо, що, чо* [Проект реформы правописания, 1930, с. 15]. В результате, как отмечает С. П. Обнорский, в этом «очень сложном пункте» нашей орфографии «нет выдержанности в написании большой по численности категории слов»⁴¹³ [Обнорский, 1944, с. 32].

«Справочный указатель спорных написаний в русской орфографии» В. Разыграева (1887 г.) фиксирует многочисленные примеры вариативного написания гласных *о* и *ѣ* (*е*) в ударной позиции после шипящих:

Же(о)лобъ, же(о)лудь, же(о)чь, же(о)ны, же(о)сткій, Пече(о)ры, че(о)боты, че(о)лнъ, че(о)порный, че(о)рный, че(о)рствый, че(о)ртъ, ше(о)въ, ше(о)лкъ, ше(о)потъ, ше(о)рохъ, ще(о)лкать; боche(о)нокъ, гребеше(о)къ, грѣше(о)къ, друже(о)къ, дружече(о)къ, деньже(о)нки, ключе(о)къ, луже(о)къ, утонче(о)нный, суше(о)нный, пше(о)нный и даже (!) *ключе(о)мъ, мяче(о)мъ, ноже(о)мъ, образце(о)мъ, писце(о)въ* (более 60 единиц) [Разыграев, 1887, с. 20–23].

В «Русском правописании» Я. К. Грота проблема выбора гласных *о* и *ѣ* (*е*) после шипящих характеризуется как «одно из главных затруднений нашей

⁴¹¹ «Существующий разнобой – следствие многовекового вытеснения *е* с заменой его на *о*. Разнобой касается как разного написания одних и тех же слов, так и различного написания однородных категорий слов, формулировке в виде правила не поддается» [Таблицы к сводам, 1937, с. 3].

⁴¹² Буква *ѣ* в иллюстративном материале употребляется в соответствии с источниками, откуда приводятся примеры.

⁴¹³ «Практика, по некоторой неразборчивости фонетических свойств различных согласных, смешивала в один ряд всегда мягкие аффрикаты *ч* и *щ* с всегда твердыми согласными *ж* и *ш* установились сочетания *чо, що* под ударением в корнях некоторых слов и особенно окончаниях: *чоботы, чокаться, чопорный, чорт, чечотка* (рядом *челка, челн, черный, черствый или чолка, чолн*), *плечо, вечер, бычок, жучок, значок, крючок, девчонка, лавчонка, шапчонка*. Относительно сочетания *щ* и старого *е* практика гораздо более сдержанна: *що* имеем лишь в некоторых словах (*трещотка, трущоба*)» [Орфографический справочник, 1936, с. 40].

орфографіи», подающее «поводъ къ наибольшему въ ней разнорѣчію» [Грот, 1885, с. 38]. Рекомендации Я. К. Грота относительно правописания *о* в ударной и *е* (*ѣ*) в безударной позиции после шипящих относительно твердо установились только в окончаниях существительных и прилагательных, тогда как написание суффиксальных морфем существительных по-прежнему отличает непоследовательность и многие колебания. Здесь наблюдается «большее тяготение» к *о* после *ж* и *ш* (как обозначающих твердый согласный) и *е* после *щ* и *ч*: *лужок, горшок, но лучек, зрачек, девченка, галченок, рученка, холщевый* [Проект реформы правописания, 1930, с. 13]. В значительной степени вариативность была присуща и корневым морфемам, для которых гротовское правило оказалось «трудным для усвоения, нестройным и запутанным», его указание руководствоваться открытым или закрытым характером слога не имеет «никакого отношения к орфографии и только напрасно смущает» создателей орфографических руководств, поскольку «не может быть практически проведено в правописании без серьезных затруднений»⁴¹⁴ [Орфографический справочник, 1936, с. 34].

Например, в «Технико-орфографическом справочнике для работников печати» Н. Филиппова в ударных открытых слогах (в которых, как поясняет автор, за гласным не следует согласный) рекомендуется писать *о*: *шопот, чопорный, шорох, жолудь, жолоб, чечотка, чоботы*. В число исключений с открытым слогом у автора попали примеры *учеба, тяжелый, жеванный, дешевый, щелочь* и др. В закрытых слогах в справочнике рекомендуется писать *е*: *челка, челн, шелк, желчь*. Наряду с написанием *жолудь* Н. Н. Филиппов допускает вариативные написания *жолоб* и *желоб* (тоже с открытым слогом) [Филиппов, 1933, с. 67, 130, 131]. При этом Я. К. Грот рекомендовал писать

⁴¹⁴ В открытых слогах в начале или середине слова рекомендуется *о*: *шо-потъ, шо-рохъ, об-жо-ра, чо-порный, тру-що-ба* (но *еще*, а не *ещо*), «обыкновенно» также пишется *шовъ*. В закрытом слоге «неупотребительно» писать *о*: *елкъ, счетъ, щетка, четки*, а не *жосткій, шолкъ* [Грот, 1885, с. 43].

только *жолоб* [Грот, 1894, X]⁴¹⁵. Однако справочник А. Б. Шапиро и М. И. Уарова, независимо от характера слога, рекомендует во всех случаях спорных написаний, выбирать вариант с гласной *о*, например: *чолка*, *жолчь*, *жорнов*, *шолк*, *шопот*, *шорох*, *чорт*, *трущоба* [Шапиро, Уаров, 1933, с. 12]. Все это привело к путанице, стали нередко писать *о* там, где во времена Я. К. Грота его не было, и *е* в тех случаях, где он «как бы допускал *о*» [Проект реформы правописания, 1930, с. 14].

«Школьный орфографический словарь» Д. Н. Ушакова, как и справочник Н. Н. Филиппова, учитывает рекомендации Я. К. Грота для выбора гласных *о* и *е* (*ё*) в корне после шипящих, хотя свою формулировку правила не предлагает⁴¹⁶: *жолоб*, *жолудь*, *жорнов*, *чорт*, *шопот*, *шорох*, но *чёлка*, *чёлн*, *шёлк*. В шестом же издании словаря, дополненном Е. С. Крючковым в 1944г., уже в соответствии с помещенным здесь правилом регламентируется *жёлоб*, *жёлудь*, *жёрнов*, *чёрт*, *шёпот*, *чёботы* [Ушаков, Крючков, 1944, с. 8]. Кроме того, также было изменено и правописание прилагательного *холщёвый* на *холщовый*. Однако в седьмом издании словаря 1951 г. для четырех корней приводятся дублетные написания, при этом вариант с *о* Е. С. Крючковым квалифицируется как основной, тогда как с *ё* приводится в качестве допустимого: *жолоб* (*жёлоб*), *жолудь* (*жёлудь*), *чорт* (*чёрт*) и *шопот* (*шёпот*) [Крючков, 1952, с. 16].

Рекомендации Словаря Ушакова относительно корневых морфем также часто отличались от других источников. В одних случаях в словаре устанавливалось *е* или *о*, в других – предлагалось вариантное написание: например: *жёлчь*, *жёлчность*, *жжжшь*, *чечётка*, *чёлн*, *шёлк*, *щёголь*, *щёкот*, *щёлка*, но *чолка*, *чорт*, *чортов*, *чобот*, *шопот*, *шопотный* и *жёнка* (или *жонка*), *жёнушка* (или *жонушка*), *шорстка* (см. *шёрстка*), *жолоб* (см. *жёлоб*), *жолудь*

⁴¹⁵ В этом выпуске «Русского правописания» нумерация страниц в филологическом указателе дана римскими цифрами.

⁴¹⁶ Д. Н. Ушаков приводит только рекомендации по правописанию *о* и *ё* после шипящих в окончаниях и суффиксах существительных и окончаниях прилагательных, суффиксах причастий, однако они не объединены в общее правило, а находятся в разных отделах справочника, предваряющего словарь. Какие-либо указания на правописание гласных после шипящих в суффиксах прилагательных, отглагольных существительных и окончаний глаголов, как и корневых морфем, отсутствуют.

(или *жёлудь*), *жорнов* (или *жёрнов*) [Словаря Ушакова, 1934–1940]. Словарные статьи в качестве основных сопровождают варианты *жёнка*, *жёнушка*, но *шорстка*, *жолоб*, *жолудь*, *жорнов*.

В первом издании Словаря Ожегова 1949 г. варианты отсутствуют, поэтому находим только, например: *жёлоб*, *жёлудь*, *жёрнов*, *шёрстка*, тогда как во втором издании 1952 г. в этом случае появляются варианты: *жёлоб* (*жолоб*), *жёлудь* (*жолудь*), *жёрнов* (или *жорнов*) [Словарь Ожегова, 1949, 1952].

До и после выхода орфографического руководства Я. К. Грота предпринимались индивидуальные попытки унифицировать правописание гласных *о* и *е* (*ё*) после шипящих в ином ключе, например И. А. Бодуэн де Куртенэ при подготовке третьего издания словаря В. И. Даля последовательно провел фонетические написания с *о*, например: *бережонный*, *снабжонь*, *счоть*, *очомь*, *шолкъ*, *шолковый*, *жонь*, *щотка*⁴¹⁷ [Словарь Даля, 1903–1909, VIII].

Орфографическая комиссия Р. Ф. Брандта, подкомиссии 1904 г. и 1912 г., стремясь достигнуть столь «желательного однообразия» в этом вопросе, предлагали в ударной позиции писать *о*, а в безударной – *е* (*ё*): *крючок*, *пчолка*, *чорный*, *печот*, *печонка*, *шолк*, *жорнов*, *жолтый*, *лжот*, *свежо*, *мешок*, *шопот*, *лицо*, но *пчела*, *чертог*, *щенок*, *топорщице*, *вышел*, *выше*, *желток*, *жернова*, *сердце* [Предварительное сообщение, 1904, с. 3; Постановление орфографической подкомиссии, 1912, с. 8]. Однако при обсуждении на общем заседании комиссии 11 мая 1917 г. это предложение не получило необходимой поддержки. В. И. Чернышев вспоминал, что председатель заседания А. А. Шахматов, «удивленный результатом голосования», вынужден был с горечью констатировать, что правописание данного раздела и далее останется в «прежнем беспорядке» (цит. по: [Орфографический справочник, 1936, с. 39]).

⁴¹⁷ Таким же образом регламентировал правописание этой группы И. И. Лажечников в первом издании своего романа «Басурман» (1838 г.): *чорный*, *шолковый*, *въ чомь*, *вошелъ*, *отягчонный* [Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.), 1965, с. 142]. При этом Я. К. Грот указывал, что правописание с *о* «неохотно принимается» узусом [Грот, 1894, с. 42].

По мнению С. П. Обнорского, «простым и легким разрешением всей проблемы, которая у нас так запутана» было бы введение в качестве обязательных написаний с *ѣ*:

<...> Чередующиеся этимологически корневые *e* и *o*, первое под ударением, второе в безударном положении, писались бы в виде *ѣ* и *e*, т.е. зрительно были бы объединены в написании *жѣлоб* (мн.ч. *жѣлоба*), *жѣлудь* и *жѣлудей*, *щѣлок* и *щѣлочной* [Обнорский, 1944, с. 32].

С другой стороны, утверждается, что буква *ѣ*, выступая «замаскированным *o*», в этом типе написаний «нежелательна», поскольку, с одной стороны, «затрудняет» письмо и печать больше, чем *o*, вызывает неоправданное представление о мягком произношении твердых шипящих *жс* и *шс*, наконец, при обязательном употреблении буква *ѣ* окажется для современных школьников «своего рода ятем»: если над *ѣ* в слове *жѣлтый* не поставлены две точки, то это окажется ошибкой [Орфографический справочник, 1936, с. 38].

А. А. Реформатский указывал на два возможных «полюса унификации»: под ударением всегда последовательно писать *ѣ* в корнях и суффиксах либо, наоборот, *o*. В этом вопросе выбор *ѣ*, по его мнению, был бы не только «отказом от всего завоеванного в течение 100 лет», «возвратом к догротовским временам», но и нарушал основное правило русской орфографии (под ударением пишется та гласная, которая слышится), создавая «целый ряд ребусов»⁴¹⁸. Кроме того, в суффиксах и окончаниях пишущим пришлось бы «коренным образом переучиваться» и привыкать к написаниям *мешѣк*, *рожѣк*, *межѣй*, *ножѣм*, *большѣго*, *плечѣ* [Реформатский, 1937(№1), с. 66–67]. Выбор же гласной *o*, как полагает автор, «изживает все исключения», не нарушает основной принцип русской орфографии»⁴¹⁹ [Там же]. Все остальные возможности располагаются «между этими двумя полюсами, и ни одна из них не может принести хорошие результаты: утвердить корни с *ѣ*, а суффиксы и окончания с *o* – значит тормозить

⁴¹⁸ А. А. Реформатский рассматривает следующие примеры: *вечер*, *ты помнишь*, *вьюга злилась* (следует читать *вечор*); *уже я приду* (следует читать *ужо*), *чехом*, *шев* (чохом, шов) [Реформатский, 1937(№1), с. 66–67].

⁴¹⁹ Написание с *o* «завершает то, что следовало бы закрепить еще во времена Грота»: *жолтый*, *шолк*, *пчолы*, *кочовка*, *лжосшь*, *шол*, *завершонный*, *сжог*, *при чом*, *ещо* [Таблицы к орфографическим и пунктуационным сводам, 1937, с. 3]

все более распространяющееся написание с *o* и даже обращать кое-что вспять; да и сам принцип неоднородного написания однородных случаев в корне и суффиксах не выдерживает критики» [Там же]. Любой компромиссный вариант «нежелателен, так как связан с исключениями» [Таблицы к орфографическим и пунктуационным сводам, 1937, с. 3].

Предложения⁴²⁰

1. Проект Правил 1936 (2) (§ 6, § 7) устанавливает общее правило о написании под ударением *o*, без ударения *e* (буква *ё* в формулировке правила и иллюстративном материале не употребляется):

Жолудь (желудей), жорнов (жернова), чолн (челны), чорт (чертовщина), Чорное море (черноморский), шолк (шелка), жолоб, жолчь, жолтый, жосткий, чолка, чорт, счот, почот, чорствый, шолк, щотка, шопот, кошолка, решотка, пчолы, щоки, пощочина, бечовка, печонка, шорстка, учоба, ночовка, кочовка, отчотливый, разжовывать, причосывать, подчоркивать, причосывать, жованный, дирижор, акушор, княжон, кишок, галчонок, девчонка, борцок, парчовый, холицовый (без учета мягкости согласного звука, обозначаемого буквами *ч* и *щ*)⁴²¹.

В безударной позиции *o* после шипящих может писаться только в иноязычных словах *жокей, шокировать, шоколад, шомпола*.

В числе исключений из правила указаны следующие случаи: *лжет, печет, печешь* (глагольные окончания), *напряжен, напряженный, напряженно, напряженность, жженный, жженка, сушенный, толченный* (суффиксы причастий страдательного залога и их производные), *жег, шел* (формы прошедшего времени), *затушевывать, перекочевывать* (глагольный суффикс), *о чем, на чем, никчемный, причем, почем* (формы местоимения *что* и производные), *еще* (наречие) [Правила, 1936 (2), с. 4–6]. Сделанное для глагола и его форм исключение специалисты объясняли тем, что «как бы ни была сама по себе

⁴²⁰ Подробно материал изложен в: Науменко С. В. Этапы кодификации правописания *o/e* после шипящих в академических проектах правил орфографии и пунктуации 30–50 гг. XX века // Вопросы культуры речи / отв. ред. А. Д. Шмелев; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М., 2011. – С.170–175. Также обзор предлагавшихся правил в: Еськова Н. А. Передача фонемы <o> после шипящих и <ц> // Проблемы современного русского правописания. – М.: Наука, 1964. – С.141–157

⁴²¹ Нарушение графического единства в словах *пчела – пчолы, жена – жены, жонка, щетка – щоки, щочки* осознается сторонниками подобных написаний как «некоторая невыгода», сознательная уступка в пользу последовательности и простоты написаний *o* и *e* после шипящих [Проект реформы правописания, 1930, с. 14].

желательна» здесь *о*, «в фактическом своем проведении» она явилась бы «значительным новшеством» для нашей системы письма⁴²² [Орфографический справочник, 1936, с. 39].

2. «Объяснительная записка к сводам орфографических и пунктуационных правил» (1937 г.), уточняющая предложения проекта Правил 1936 (2), снимает все исключения и последовательно в ударной позиции закрепляет написание *о*: после *ж, ч, ш, щ* под ударением, если произносится *о*, пишется *о*, а не *е*; без ударения в тех же корнях, суффиксах и окончаниях пишется *е*, а не *о*, например: *лжошь, лжот, печошь, печот, напряжон, напряжонный, напряжонно, напряжонность, сокрушон, сокрушонный, печон, печоный, отягчонный, польшон, укрошонный, но вышел, режем, пишем* [Объяснительная записка к сводам орфографических и пунктуационных правил, 1937, с. 1]. Такое радикальное решение в свое время предлагали орфографическая комиссия Р. Ф. Брандта, подкомиссии 1904 г. и 1912 г., орфографическая комиссия 1929 г. в своем «Проекте реформы правописания» (1930 г.). В этом случае возникновение «новых графических» окончаний глагола, по мнению членов орфографической комиссии 1929 г., во-первых, поддерживается системой именного склонения, где уже давно установилось чередование: *межой* и *кожей* [Правила, 1930, с. 14]. Во-вторых, в целом, как утверждает комиссия, количество подобных глаголов невелико, например: на *-шошь* нет ни одного, на *-жошь*, по-видимому, окажется только три (*лжошь, бережошь, стережошь*)⁴²³, на *-чошь* «наберется несколько больше» (*течошь, влечошь, толчошь* и др.), поэтому изменения не столь значительны.

3. Проекты Правил 1947 (§ 4, § 5), Правил 1948 (§ 4, § 5), Правил 195 (§ 4, § 5), Правил 1955 (§ 4, § 5), Правил 1956 (§ 6, § 7) принципиально меняют

⁴²² Следует сказать, что первоначальная редакция Правил 1936 распространяла употребление буквы *о* на суффиксы глаголов и отглагольные слова: *перекошовывать, размежовывать, напряжонный, сокрушон, совершонный, отягчонный, печоный, точоный, польшон* [Правила, 1936, с. 6]. Этот вариант кодификации обеспечил бы графически единообразную передачу аффиксальных морфем для значительно большего круга слов и сократил перечень исключений «из правила предыдущего параграфа», т.е. его основной формулировки [Там же].

⁴²³ Дополним ряд примерами *стрижешь, жжешь*.

стратегию нормирования написания тех слов, где под ударением произносится *о*, чередующееся в однокоренных слова или формах этого же слова с *е* (буква *ё* в формулировке правила и иллюстративном материале не употребляется): *желтый* (*желтеть*, *желтизна*), *жесткий* (*жестковатый*), *жернов* (*жернова*), *желудь* (*желудей*), *жердочка* (*жердей*), *дешевый*, *дешевка* (*дешеветь*), *шерстка* (*шерстяной*), *решетка*, *решетчатый* (*решето*), *черный* (*чернота*), *печенка* (*печень*) и т.д.⁴²⁴ [Правила, 1947, с. 9–10; Правила, 1948, с. 9–10; Правила, 1951, с. 9–10, Правила, 1955, с. 7–8; Правила, 1956, с. 9–10]. При выборе рекомендации опираются на написание, «соответствующее морфологическому принципу» и обеспечивающее «однообразное» оформление корневой морфемы в формах и однокоренных словах, например: *жернов* – *жернова* – *жерновой* и *желтый* – *желтизна* – *желтеть* [Крючков, 1952. с. 12].

Таким образом, правило требует, чтобы выбор соответствующей буквы определялся не ударным положением гласного звука, который она обозначает, т.е. сильной позицией, а безударной. В связи с этим М. В. Панов замечает, что в этой части правило противоречит «всем правописным привычкам» [Панов, 2004, с. 526]. Оно «антифонематично в первом и основном пункте», поскольку предлагает последовательно не различать <о> и <э> после шипящих в сильном положении [Еськова, 1964, с. 149] / Более того, букву *о* в ударном слоге оказывается возможным написать только после того, как пишущий «перебрал» все однокоренные слова и удостоверился, что чередования нет. «Разумеется, уверенности в том, что учтены все однокоренные слова, у пишущего в процессе письма не может возникнуть, если он не пользуется словарем» [Панов, 2004, с. 526].

Остальные рекомендации проекта Правил 1936 (2) сохраняются для таких типов написаний, как:

Княжон, мышонок, бочонок, ручонка, рубашонка, грошовый, парчовый, рожок, зрачок, петушок, обжора, крыжовник., трещотка, трущоба, чащоба, чокаться, чопорный, Печора,

⁴²⁴ Такое соотношение, по данным академического справочника «Правила русской орфографии и пунктуации» (2006) охватывает более 40 корневых морфем.

шов, шорох, жолкнуть, жох, вечер (вчера вечером), чох, чохом, ожог, поджог (существительные) и исключений *лжет, печешь напряжен, напряженный, напряженно, напряженность, сушеный, жег, шел, затушевывать, перекочевывать, о чем, на чем, никчемный, причем, почему, еще*.

Отличным от проекта Правил 1936 (2) становится написание именных суффиксов *-ер* и *-евк-*, например: *ретушер, стажер, дирижер, ухажер* – (*перекочевка, размежевка*).

В качестве отдельного параграфа оформлено уточнение, что в русских словах в безударном слоге после шипящих *ж, ш, ч, щ* буква *о* не пишется. В этой позиции она употребляется только в иноязычных словах.

Основание

<...> В корнях слов, в которых под ударением после шипящих *ж, ч, ш, щ* про износится *о*, пишется *е*, если в родственных словах не под ударением произносится *е*, например: *шелк* (потому что *шелка*), *щеки* (потому что *щека*), *жены* (потому что *жена*), *желуди* (потому что *желудей*), *черт* (потому что *чертей*), *челка* (потому что *чело*), *шепот* (потому что *шептать*), сюда же *дешевый* (потому что *дешеветь*) [Правила, 1951, с. 124].

Таким образом, выбор написания в итоговом варианте правила опирается на следующие характеристики:

1) ударная или безударная позиция; 2) тип морфемы (корень, суффикс, окончание, т.е. подразумевается необходимость понимать морфемный состав слова); 3) постоянство или непостоянство фонемного облика морфемы (установить это в корневой морфеме требуется путем подбора однокоренных слов, в том числе учитывая исторические связи (*челка*, так как *чело, чеботы, чеботарь*); 4) происхождение слова (русское или иноязычное); 5) частеречная принадлежность слова (в правиле перечисляются имена существительные, прилагательные, наречия, глаголы, местоимения); 6) тип формы (дополняет частеречную характеристику слова), например: родительный падеж множественного числа имени существительного, предложный падеж местоимения, форма страдательного залога причастия; 7) частеречная принадлежность производящего (*грушовка, алычовка, пушировка и ночевка*); 9) имя собственное или нарицательное (имя собственное *Печера* в иллюстративном материале, Примечание, указывающее, что правило не распространяется на фамилии); 10) областное и просторечное слов (*зажор, жолкнуть, ужо, чох, чохом*); 11) перечень отдельных слов (*шов, шорох, чащоба, трущоба, трещотка, крыжовник* и т.д.); 12) грамматическая омонимия (*ожог руки, поджог дома и ожег руку, поджег дом*).

Нередко пишущий должен учитывать не одну, а несколько характеристик, которые «непредсказуемо пересекаются, <...> не образуя никакой последовательной системы детерминации языком» [Голев, 2004, с. 103].

«Предложения по усовершенствованию русской орфографии» 1964 г. планировали утвердить *о* после шипящих под ударением, а *е* – без ударения, что соответствовало неоднократно высказанной ранее специалистами идее. «Проект изменений некоторых правил русского правописания» 1973 г. не обсуждает необходимость корректировок правила. Оценка действующего правила оказывается исключительно противоречивой⁴²⁵.

2. Гласные *о* и *е* после *ц*: *танце(о)вать, гарце(о)вать, вальце(о)вать, спринце(о)вать, лице(о)вать, кольцо(о)вать, фальце(о)вать, лупце(о)вать; вальцо(е)ванный, молодец(о)ватый, танце(о)вальный, глянце(о)витый, глянце(о)вый*⁴²⁶ (спорный гласный в безударной позиции).

В «Русском правописании» Я. К. Грота отмечается, что после *ц* «нѣтъ причины чуждаться *о*, которое и ставится... всякій разъ, когда, при первоначальномъ *е* на этотъ слогъ падаетъ удареніе, например: *лицо, кольцомъ, купцовъ*. Въ противномъ случаѣ, т.е. при отсутствіи надъ этимъ слогомъ ударенія, пишутъ *е*, напр., *зеркальце, перцемъ, иностранцевъ, улицую, лицевать*» [Грот, 1894, с. 44]. В качестве исключений он приводит глаголы *танцовать, гарцовать, шприцевать*. И дополнительно в «Справочном филологическом указателе» встречается также прилагательное *глянцовитый* [Там же, с. 896].

⁴²⁵ «Правило это во всех отношениях неудачно. Оно нефонематично: одна и та же фонема <о> в одной и той же позиции передается двумя буквами: *о* и *ѣ* (*е*). <...> Как могло появиться такое многосторонне неудачное правило? Это – плата за теоретическую упрощенность, за незаконное отождествление фонематического принципа с морфологическим. Морфологический принцип формулируется обычно так: одну и ту же морфему надо писать всегда одинаково. В словах *жена, желтеть, дешеветь, шептать* неизбежно написание *же, ше* (буквенные знаки *жо, шо* для безударных слогов требуют чтения [*жо, шо*] или [*жа, ша*]; ср. *жокей, шоссе* и пр.). Следовательно, чтобы сохранить единый буквенный облик слова, надо писать *жѣны, жѣлтый, дешѣвый, шѣпот*. На самом деле наше письмо вовсе не стремится к неизменной передаче облика морфемы; оно не передает только собственно позиционные изменения (чередования) в морфеме» [Панов, 2004, с. 526–527]; «Проблема создания непротиворечивого, адекватного и полного правила о написании *о* или *ѣ* после шипящих остается одной из самых сложных проблем среди буквенных орфограмм... Использование сразу нескольких критериев приводит к логической противоречивости некоторых формулировок правила» (выд. мной – С. В.) [Бешенкова, Иванова, 2011, с. 74]; «Логика этого правила очевидна и потому снимает вопрос о чрезмерной сложности системы правил выбора букв *о* и *ѣ* после шипящих под ударением, о возможном их упрощении» [Лопатин, 2009, с. 27].

⁴²⁶ «В суффиксах прилагательных тоже разноречиво: все сходится на написании *ситцевый, кварцевый, лицевой, молодеватый*, но в то же время мы находим *глянцовый, глянцовитый и глянцевый, глянцевитый*» [Шапиро, 1951, с. 45].

В. И. Чернышев считал «довольно неожиданным» стремление придерживаться написания *ц*о под ударением и сохранять при этом *гарцовать*, *танцовать*, *глянцовитый*, *танцевальный*, где это же сочетание пишется в безударной позиции. Такое написание, противоречащее основному правилу, по его мнению, «поддерживается только не критическим отношением» к «Русскому правописанию» Я. К. Грота и вызывает «нежелательное подражание»: если писать с *о* приведенные выше глаголы, то «почему же (к увеличению орфографической неурядицы) не писать *спринцовать*, *фальцовать* (так, действительно, некоторые и пишут), *молодцоватый*?» [Орфографический справочник, 1936, с. 20]⁴²⁷. Как указывает Е. С. Крючков, утвержденные Я. К. Гротом исключения оказались для пишущих «очень неудобны», поэтому в до- и послереформенной практике там «постоянно вместо *о* встречалось *е*» [Крючков, 1952, с. 12].

Неупорядоченность в правописании этой группы слов могла быть устранена в двух различных направлениях: последовательная реализация морфологического принципа или его ослабление за счет полного распространения правила писать под ударением *о*, без ударения *е*. В первом случае это привело бы к довольно значительным новшествам, особенно в написании падежных окончаний существительных и суффиксов прилагательных, например: *молодцоватый*, *лицевой*, *ситцовой* (как *холщовой*), *солнцом*, *полотенцом* (как *яйцом*, *кузнецом*) [Крючков, 1952, с. 46]. Во втором случае необходимость писать *е* в безударной позиции, например: *глянцевый*, *танцевальный*, *вальцевать*, *гарцевать*, *фальцевать*, *кольцевание*, вызовет «значительно меньше изменений» в существующей практике письма [Там же].

Предложение

Проекты Правил 1936 (2) (§ 5), Правил 1947 (§ 6), Правил 1948 (§ 6), Правил 1951 (§ 6), Правил 1955 (§ 6), Правил 1956, (§ 6): *молодцеватый*, *танцевать*, *гарцевать*. Написание *е* после *ц* подчиняется произношению и твердой традиции выбора *е* в безударной позиции, а *о* – в ударной, например:

⁴²⁷ Раздел «Правописание гласных» в академическом «Орфографическом справочнике» 1936 г. был составлен В. И. Чернышевым, общая редакция осуществлялась С. П. Обнорским.

пальцем, но *купцом*; *сердце*, но *лицо*; *куцего*, но *отцовский* [Правила, 1936 (2), с. 4; Правила, 1947, с. 117; Правила, 1948, с. 123; Правила, 1951, с. 123, Правила, 1955, с. 120; Правила, 1956, с. 9].

Основание

<...> После *ц* не под ударением согласно произношению должно писаться *е* (ср. *пальцем*, но *купцом*; *сердце*, но *лицо*) [Правила, 1947, с. 117].

3. Гласные *и* и *ы* после *ц*: *ци(ы)буля*, *ци(ы)гарка*, *ци(ы)бик*, *цы(и)дулька*, *ци(ы)млянское*, *ци(ы)нга*, *ци(ы)фра*, *ц(и)ытварное*, *ци(ы)фирь панци(ы)рь*.

Я. К. Грот считал необходимым соблюдать различие между заимствованиями, «удерживающими у нас свой первоначальный вид» в соответствии с их оригинальным правописанием, и теми, которые «издавна переделаны на русский лад или взяты с польского»: *цикорий*, *цилиндръ*, *цитадель*, *медицины*, но *цыбикъ*, *цыганъ*, *цынга*, *цырюльникъ*, *цыфирь* [Грот, 1894, с. 45]. В «Справочном филологическом указателе» им также приводятся не указанные в правиле исключения *цыновка* и *цыпленок* [Там же, с. 932]. Колебания *ци* и *цы* оказываются «неизбежны» из-за трудности определения «точной разделительной грани» между этими двумя группами слов, что находит регулярное отражение в нормативных источниках XVIII – первой половины XX вв.⁴²⁸ [Орфографический справочник, 1936, с. 42].

Итогом орфографических дискуссий первого десятилетия послереформенного периода стал новый «Проект реформы правописания» 1930 г., предусматривавший в соответствии с произношением написание *социализм*, *революция*, *цырк*:

<...> Пишем здесь *и* по традиции, причем после *ц* в своих словах пишем *ы*: *концы*, а в иностранных – *и*, например, *цырк*, с колебаниями *цифра* и *цыфра*. Предложение устраняет условность в употреблении то *ы*, то *и* после *ц* и устанавливает единообразные написания *цы* согласно с произношением⁴²⁹ [Проект реформы правописания, 1930, с. 34].

⁴²⁸ «Очень многие слова, заимствованные некогда из других языков, настолько освоены русским языком, что отнесение их к числу иноязычных вызывает вполне законное недоумение. Таковы, например, слова *цырк*, *цифра*, *цырюльник*, *станция*» [Шапиро, 1956, с. 12].

⁴²⁹ М. И. Уаров, один из разработчиков проекта, писал, что «пункт о фонетическом начертании гласных после *ц* вызвал большие дискуссии среди профессоров комиссии. Одни высказывались за *ы*, другие – за *и* (*циркуль*, *цыган*, *цифра*). На двух пленумах победила точка зрения сторонников *ы*» [Уаров, 1930, с. 44]. В изданиях тех лет в порядке эксперимента материалы печатались с *компетенция*, *провинция*, *операциями* [Топоров, 1929, с. 94].

В случае принятия «Проекта реформы правописания» реализация этого предложения привела бы к изменению написания множества слов, например: *ме-дицына, интервенцыя, станцыя, электрификацыя*.

Предложения

1. Проект Правил 1936 (2) (§ 3): *цыбик, цынга, цыновка, цытварный, цыбуля, панцирь, цыган, цыкать, цыпка, цыпленок* (10 исключений), но *цирюльник, цифра, цикорий, цимбалы, цинк*⁴³⁰ [Правила, 1936 (2), с. 4];

2. Проекты Правил 1947 (§ 2), Правил 1948 (§ 2), Правил 1951 (§ 2): *цыбик, цыбуля, цыгарка, цынга, цыновка, цымлянское, панцирь, цыган, цыкать, цыпка, на цыпочках, цыпленок, цыц* (13 исключений), но *цирюльник, цифра, цикорий, цимбалы, цинк* и т.д.⁴³¹ [Правила, 1947, с. 9; Правила, 1948, с. 9; Правила, 1951, с. 9];

3. Проект Правил 1955, (§ 2): *цибик, цибуля, цигарка, цинга, циновка, цимбалы, панцирь, циган, цикать, ципка, на ципочках, ципленок, циц, цирюльник, цифра, цикорий, цинк* (Исключений нет)⁴³² [Правила, 1955, с. 7, 119].

Основание

<...> Устанавливается общее правило о правописании буквы *и* после *ц* (за исключением окончаний и суффикса *-ын*: *птицы, овцы, огурцы, белолицый, сестрицын*) [Правила, 1955, с. 119].

По проекту Правил 1955 (§ 2) написание слов *циган, ципленок, цикать, на ципочках, циц* войдет не только в «Предложения по усовершенствованию русской

⁴³⁰ Орфографическая комиссия, образованная при АН СССР (Ленинград) в 1933 г. (председатель А. С. Орлов), настаивала на вариативном написании слов *цытварный/цитварный, цыбуля/цибуля, цымбалы/цимбалы, цифра/цифра* с основным первым вариантом через *ы* [Протокол № 22 заседания орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР от 14.05.1935 // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. Л. 21].

⁴³¹ Проект академического «Орфографического справочника» (1936) рекомендует *цыбик, цыбуля, цыган, цынга, цымбалы, цыновка, цыпленок, на цыпочках, цирюльник, цытварное семя, панцирь* «ввиду того, что в данном ряду мы видим слова сильно обруселые и общеизвестные» [Орфографический справочник, 1936, с. 42].

⁴³² «Написание *и* после *ц* более целесообразно, поскольку *ц* – звук всегда твердый (не имеющий парного мягкого), нет никакой нужды буквой для гласного звука отмечать качество предшествующего согласного (буква *ы* после согласной обычно указывает на то, что данный согласный имеет парный мягкий)» [Шапиро, 1951, с. 44]. Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров считали целесообразным «распространить» написание *и* не только на корень, но и флексии: *ципленок, кузнеци* [Аванесов, Сидоров, 1930, с. 116].

орфографии» 1964 г., но и в «Проект изменений некоторых правил русского правописания» орфографической комиссии 1973 г. (пред. В. И. Борковский), которая считала «целесообразным ликвидировать существующие исключения и во всех корнях писать после *ц* только *и*» [Объяснительная записка к проекту изменений некоторых правил русской орфографии // Ф. 1781. Оп. 1. Д. 116. Л. 40]. Правописание окончаний и суффиксов оставалось прежним [Там же].

4. Проект Правил 1956 (§ 2): *цыган, цыпленок, на цыпочках, цыц* (4 исключения). Написание *ы* сохранено в словах междометного происхождения и в слове *цыган*, которое имеет в русской культуре особое значение⁴³³ [Правила, 1956, с. 10].

Решая в будущем вопрос о корректировке написания *и, ы* после *ц*, необходимо учитывать, что в именных окончаниях и суффиксе *-ын* сочетание *цы* частотно, его изменение окажется «непривычно» для читающих, поэтому вряд ли повторное предложение о написании *ци* в этих морфемах, как показала орфографическая дискуссия 1962–1964 гг., получит общественную поддержку [О современной русской орфографии, 1964, с. 159]. В группе традиционных исключений *цыган, цыц, цыпленок, на цыпочках* не было случая, чтобы автор, машинистка или наборщик допустили ошибку в написании этих слов. В связи с этим Н. Г. Кучеренко задает вопрос: «Зачем же ломать то, что не вызывает затруднений?» (цит. по: [Букчина, Калакуцкая, Чельцова, 1969, с. 68]).

4. Гласные *ы* и *и* после приставок: *безы(и)дейный, безы(и)нициативный, безы(и)скусственный, безы(и)глый, обезы(и)ствление, преды(и)стория, поды(и)тожить, нады(и)ндивидуальный, сы(и)мпровизировать*⁴³⁴.

⁴³³ Многие были уверены, что название поэмы А. С. Пушкина «Цигане» звучит «кошунственно, издевательски» (цит. по: [Букчина, Калакуцкая, Чельцова, 1969, с. 60]).

⁴³⁴ По мнению А. Б. Шапиро вопрос о написании *и* или *ы* в словах данного типа имеет большое значение для правильного литературного произношения. Такие написания, как *предистория, безидейный, контригра*, «как это можно довольно часто наблюдать, вызывают в устной речи смягчение согласного звука приставки», поэтому ошибочно произносят *без[и]дейный, пред[и]стория, контр и]гра*, а не *без[ы]дейный, пред[ы]стория, контр[ы]гра*. Произносить *без[и]дейный, пред[и]стория, контр[и]гра* так же неправильно, как произносить *роз[и]грыш, об[и]ск, под[и]тожить* [Шапиро, 1951, с. 47].

Вариативность была характерна для терминов и сочетаний русской приставки с иноязычным корнем. Колебания объяснялись «отсутствием четкого и исчерпывающего все случаи правила» [Крючков, 1952, с. 23].

Унификация с *ы* впервые была предложена В. Я. Стоюниным на заседаниях орфографической комиссии 1862 г., которая единогласно его поддержала в этом вопросе [Первое совещание, 1862, с. 265–269]. Я. К. Грот также выбрал из двух написаний *ы*, объясняя это тем, что «звукъ *ы*, вообще являющійся только послѣ согласных, и всегда не что иное, как *ь+и*, но для краткости придуманъ знакъ *ы*, имъ и надобно всегда пользоваться, тѣмъ болѣе, что в некоторыхъ словахъ употребленіе его уже безспорно установилось; никто не напишетъ *взысканіе*, *сыщикъ*, *объискъ*, *подымать*». Он назвал «орфографическими предрассудками» представление о неправильности написаний *возыметь*, *безыменный*⁴³⁵ [Грот, 1894, с. 55–56]. Эта рекомендация, как указывает Н. А. Еськова, носила самый общий характер, Я. К. Грот «не представлял себе всего круга слов», на которые должно было распространяться правило, также он «специально не ставил вопроса о том, как передавать на письме образования от корней иноязычного происхождения»⁴³⁶ [Еськова, 1964, с. 7]. Рекомендованные Я. К. Гротом написания с гласной *ы* «прочно утвердились» лишь в образованиях от русских корней в употребительных словах (*-игр-* и *-иск-*) [Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.), 1965, с. 153].

Написание слов этой группы окажется «особой орфографической проблемой» в послереформенный период в связи с ее активным ростом [Еськова, 1964, с. 7]. Так, С. П. Обнорский отмечал, что орфографические справочники

⁴³⁵ «Все дѣло въ приученіи глаза къ послѣдовательнымъ начертаніямъ. Желая обойти спорный вопросъ, нѣкоторые стали писать, например, *безыменный*, но это не годится, потому что несогласно съ выговоромъ» [Грот, 1894, с. 55–56]. К. Г. Житомирский полагал, что Я. К. Грот не смог уловить различие в произношении, скрывавшееся за написаниями *ьи* и *ы* [Житомирский, 1915, с. 73–74].

⁴³⁶ А. Б. Шапиро считает показательным для понимания взглядов Я. К. Грота на этот вопрос отражение в первых выпусках академического «Словаря русского языка» (1891), вышедших под его редакцией, написания *безынтересный* [Шапиро, 1951, с. 45]. Однако иноязычный характер этого корня «ощущается мало» [Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.), 1965, с. 153].

1930-х г. нередко рекомендовали написания, обеспечивающие неизменность графического облика иноязычного корня или редко употребляемого и не вполне привычного слова: *безиндукционный, надиндивидуальный, обизвествленный, подинтегральный, обиностраниться* [Обнорский, 1934, с. 468]. Е. С. Крючков полагал, что именно такие написания, как *безидейный, безинициативный* и даже *безинтересный*, несмотря на прочно установившуюся традицию написания *безынтересный*, оказываются более правильными [Крючков, 1952, с. 14]. Но в орфографическом справочнике А. Б. Шапиро и М. Уарова, наоборот, указывается на необходимость, независимо от этимологии корня и сферы употребления слова, последовательного написания гласной **ы**: *предыстория, безыдейный, безинициативный, безызвестковый, безынтересный, обындеветь, обыноземиться, обыностраниться, обынтеллигентиться* [Шапиро, Уаров, 1933, с. 14, 139, 165].

Предложения⁴³⁷

1. Проекты Правил 1936 (2) (§ 4), Правил 1947 (§ 7), Правил 1948 (§ 7), Правил 1951 (§ 7): *безидейный, безинициативный, безискусственный, безиглый, обезиствление, предистория, подитожить, надиндивидуальный, симпровизировать*. Регламентация и аргументировалась более прочной традицией ее написания в словах с корнями иноязычного происхождения и терминах (где особенно важно «узнавать» корень) в отличие от слов с русскими корнями, где утвердилось написание *ы* (*безызвестный, розыгрыш, подытожить, сызнова*) [Таблицы к сводам, 1937, с. 2; Правила, 1947, с. 117; Правила, 1948, с. 123; Правила, 1951, с. 123]. Написания с иноязычным корнем *безидейный, безинициативный* «соответствуют морфологическому принципу русской орфографии» [Крючков, 1952, с. 23].

⁴³⁷ История регламентации подробно изложена в Науменко С. В. Этапы кодификации правописания *и / ы* в корне после приставок в проектах правил орфографии и пунктуации 40–60 гг. XX в. // Лингвистика и школа – IV. К 90-летию со дня рождения Михаила Викторовича Панова (1920–2001): материалы Всероссийской научно-практической конференции; под ред. Л. Б. Парубченко / Алтайский государственный университет – Барнаул, 2011. – С.117–123.

2. Проект Правил 1955 (§ 7): *безыдейный, безынициативный, безыскусственный, предыстория, подытожить, надындивидуальный, симпровизировать*. Выбор *ы* учитывает произношение, пишущему нет необходимости в словах с приставками *без-, обез-, над-, пред-, под-, с-* знать происхождение корня. Однако в примечании уточняется, что в терминах, образованных соединением русской приставки на согласный и иноязычного корня с начальным *и*, может сохраняться написание с *и* после приставки «при общеупотребительности данного термина в соответствующей области» (примеры отсутствуют) [Правила, 1955, с. 10].

Основание

<...> Устанавливается общее правило о написании согласно с произношением буквы *ы* при сочетании приставки, оканчивающейся на согласный, с корнем русских и иноязычных слов или другой приставкой, которые начинаются на *и* [Правила, 1955, с. 120];

3. Проект Правил 1956 (§ 7) исключил примечание о возможности сохранения написания и в научных терминах, подчинив их общему правилу, следовательно, в соответствии с произношением *безыглый, обезыствление* [Правила, 1956, с. 10].

Как показывает анализ проектов, особенно непоследовательными окажутся предложения о правописании гласной в корне после префиксов *без-*: *безиндукционный*, но *безынтересный, безыдейный* (Правила 1936), *безиглый, безидейный* (Правила 1936 (2)), *безыглый, безыдейный* (Правила 1939 (2)), *безынициативный, безиглый, безидейный, безискусственный* (Правила 1940, Правила 1947, Правила 1948, Правила 1951); *безыглый, безынициативный, безыдейный* (Правила 1955, Правила 1956)⁴³⁸.

Спустя несколько лет после утверждения Правил 1956 в печати все еще «наблюдаются отступления», свидетельствующие о том, что применение правила

⁴³⁸ А. Б. Шапиро отмечал, что введенное правило вызвало серьезные возражения из-за непривычности написаний *безыдейный* и *безынтересный*, однако «возражающие в данном случае обычно не замечают, что новым правилом только устраняется разнобой в существующей практике и что в написаниях *безыдейный, безынтересный* и им подобных нет ничего нового и особенного по сравнению с многочисленными и для всех привычными написаниями типа *обыскать, разыграть, возыметь, подытожить, предыдущий*» [Шапиро, 1956, с. 14].

«наталкивается на некоторое противодействие» пишущих, особенно «неподатливыми оказываются термины», когда даже профессиональный лингвист «не решается написать по правилам с *ы* терминологическое образование *безинтерфиксный*»⁴³⁹ [Еськова, 1964, с. 10–11].

Рассматривая вопрос о возможности изменения действующего правила, специалисты говорят о том, что должно быть «решительно отвергнуто» стремление достигнуть единообразия за счет распространения на все случаи написания с *и*, так как в этом случае остается необозначенной твердость согласной [Там же, с. 9]. Не могут стать едиными и написания с *ы*, распространение которых на образования с иноязычными префиксами и сложносокращенные слова вряд ли целесообразно. По мнению автора, в перспективе следует «стремиться к более точному письменному отражению образований», в которых представлены на морфологическом стыке написания *согласная+и*, используя для этой цели, например, дефисные написания: *контр-игра, пост-импрессионизм, спорт-инвентарь, сверх-изысканный* [Там же, с. 16].

Одним из способов, сохраняющим неизменность графического облика корневой морфемы и указание на твердость согласной, могло бы стать отвергнутое в свое время Я. К. Гротом буквенное сочетание *ъи*: *разъиграть, безъисходный, предъинфарктный, постъинфарктный, педъинститут, госьиздат, сверхъизыщный*. Уместным такое написание считал, например, А. Н. Гвоздев, полагавший, что «последовательнее всего было бы употреблять после приставок разделительный знак (*отъиграть, съиграть*)» [Гвоздев, 1951, с. 98]. Е. А. Еськова справедливо указала, что принятие этого предложения «потребовало бы значительной ломки» прочно установившихся и частотных написаний. Кроме того, они вернули бы правописание к догротовскому состоянию, будучи «движением вспять с точки зрения реальной истории русской орфографии» [Еськова, 1964, с. 14].

⁴³⁹ Поисковые системы отражают явное преобладание в узусе вариантов с *и* в таких, например, словах, как *безипотечное, безиновационный, безинъекционный, безинструментальный*.

Следует отметить, что «Предложения по усовершенствованию русской орфографии» 1964 г. допускали для префиксальных образований с иноязычными корнями вариативность написаний: *преды(и)сторический*, *преды(и)нфарктный*, *безы(и)ндукционный*, аргументируя это тем, что «на практике правило не выполнялось», потому что «написания с *ы* не соответствовали морфологическому принципу»⁴⁴⁰ [Предложения по усовершенствованию русской орфографии, 1964, с. 107].

5. Гласные *a* и *o* в корнях с чередующимися гласными: *ро(а)ст-*, *ра(о)вн-* *га(о)р-*: *заро(а)сль*, *ра(о)сти*, *ро(а)щение*, *ро(а)весник*, *ра(о)внина*, *ро(а)внять*, *уго(а)рать*, *заго(а)рать*, *го(а)реть*.

Колебания в существующих написаниях «не оправданы ни значением, ни историей образования слов» [Таблицы к сводам, 1937, с. 4]. Для русского языка издавна были характерны чередования гласных *a* и *o* в корне различных глагольных форм и их производных, связанные с лексическими дублетами древнерусского и старославянского языков (например, *ро(а)ст-*, *за(о)р-*, *ра(о)вн*⁴⁴¹) или отражающие актуальную прежде принадлежность глаголов к различным видам и подвидам (например, *загарать*, *полагать*, *касаться* и *загореть*, *положить*, *коснуться*), где, как поясняет Я. К. Грот, при образовании приставочных глаголов многократного вида (современный несовершенный вид) корневое *o* регулярно «подвергалось подъему вь *a*» [Грот, 1894, с. 24]. Вследствие аканья в литературном произношении эти чередования не могли сохраниться, но их отчетливые следы по-прежнему видны в правописании, например: *возлагать*, *излагать*, *налагать*, *облагать*, *перелagать*, *полагать*, *предлагать*, *прилагать*, *пролагать*, *слагать* (несовершенный вид), но *изложитъ*, *наложитъ*, *предложитъ*, *проложитъ* (совершенный вид). Соответственно и производные

⁴⁴⁰ «Это предложение своего рода эксперимент: какое написание восторжествует» [Предложения по усовершенствованию русской орфографии, 1964, с. 107].

⁴⁴¹ «Орфография корней *-равн-* и *-ровн-* имеет опору не в том только, что объясняет различие значений, «ее оправдание в самой истории слов одного и другого ряда – с одной стороны болгаризмов с *ра-*, с другой стороны (формы с *ро-*)», элементов исконно русского происхождения» [Орфографический справочник, 1936, с. 18].

безотлагательно, прилагательное, слагаемое, касательная, касание, но изложение, положение, предложение, сложение, прикосновение.

Традиционная орфографическая передача корней на протяжении XVIII – XIX вв. в целом сохранялась, но параллельно в узусе возникали новые написания, морфологически более единообразные, например: *загорать, поклоняться* вместо исторического *загарать, поклоняться* (несовершенный вид). Так, уже в первом толковом словаре русского языка «Словарь Академии Российской» (1789–1794 гг.) находим регулярные колебания в выборе гласной корня *-гар / гор-*: несовершенный вид (при историческом *а*) *выгорать, загорать нагорать, сгораю, угораю* и совершенный вид (при историческом *о*): *догарѣть изгарѣть* (II, с. 271–272).

Отметим также примеры отсутствия в словаре четкой корреляции между гласной и значением корня *ра(о)вн-*⁴⁴², поскольку в заглавии словарной статьи могут быть указаны сразу оба варианта корня: словарные статьи *Равняю* и *Ровняю* – ‘дѣлаю равнымъ, гладкимъ, такъже подобнымъ другому в количествѣ, величинѣ, состояніи’ (*ровнять землю, дорогу, верхи деревьев*); *Равность* и *Ровность* – ‘гладкость, одинаковость, подобность’ (*равность мѣста, равность состояній*); *Равнина* и *Ровнина* – ‘равная гладкая поверхность’ (V, с. 13–16). В одних случаях выбор гласной диктует фактор вида и ударения, поэтому написание в формах одного и того же глагола оказывается вариативным, т.е. его значение ‘на некоторомъ пространствѣ земли бугры сбиваю и ямины заваливаю’ (*разровнять поле, разровнять землю*) оказывается выраженным одновременно *равн-* и *ровн-*: словарная статья *Разра'вниваю*, но *разровня'ль, разровня'ть, разра'внивать, разро'вняю* (в безударной позиции в форме совершенного вида – *о*). В других случаях единство написания подчеркивает единство значения,

⁴⁴² «Со славянским вариантом корня *равн-* связано более книжное, более абстрактное значение слов (*равновеликий, сравнение, уравнение*). С русским вариантом корня *ровн-* связано более конкретное и менее книжное значение (*ровня, уровень*). Это положение справедливо только в основном. Фактически в русской орфографии оба варианта корня сильно смешались, поэтому вариант *равн-* встречается в словах с очень конкретным значением (*равнина*), в словах разговорно-бытовых (*всё равно*). В результате создалось много колебаний в словах с вариантами корня *равн – ровн*: *равнение – ровнение, равняйсь – ровняйсь, равнясь – ровнясь, поравнялся – поровнялся*» [Крючков, 1952, с. 28].

объединяющего смысловые компоненты 'ровный, гладкий', 'сравнение, уподобление' и 'равенство, тождественность, одинаковость', независимо от ударения и видовой характеристики глагола: словарная статья *Сравниваю, сравниль, сравнию, сравниать, сравнивать* (в безударной позиции форм совершенного и несовершенного вида – *a*)⁴⁴³ [Там же]. Без какой-либо дифференциации употребляются в словаре и слова с корнем *po(a)ст-*: *растущій* (I, с. 286, 289, 353, 368, 409, 820) и *ростущая* (I, с. 259, 720), *врастаю, обростаю, отростаю, переростаю, прирастаю* и *проростаю, нарастаю, вырастаю, израстаю, выращаю* и *выращаюсь* (I, с. 73–86).

По наблюдениям Я. К. Грота, к концу XIX столетия во всем корпусе корней с чередующимися гласными относительно устойчивым окажется правописание только трех: *полагать* (при корнѣ *лог-* и форме *положить*), *макать* (при корнѣ *мак-* и форме *мокнуть*), *касаться* (при корнѣ *кос-* и форме *коснуться*) [Гротъ, 1899, с. 714; Грот, 1894, с. 24]. При этом «особенно сомнительно» было написание префиксальных глаголов. Он считает, что «для единообразія» подобные глаголы «лучше писать с *o*» в соответствии с «первообразными глаголами *родить, клонить, горѣть, глотать*», оставляя в качестве исключений только *полагать, касаться, макать* и *расти*, а также такие его производные, как *растение, возраст, отрасль, водорасль* [Гротъ, 1899, с. 714]. В формах прошедшего времени *росла, росло, выросъ, выросій* им рекомендуется писать *o* в соответствии с общим правилом о безударных гласных, так как *росъ* [Грот, 1894, с. 24].

Таким образом, данная группа глаголов, включая производные, представляет собой настолько «пеструю орфографическую картину», что найти единое теоретическое основание, чтобы каким-то образом обосновать «эту пестроту» оказывается «невозможно»⁴⁴⁴ [Шапиро, 1951, с. 57]. А. М. Пешковский

⁴⁴³ Слово характеризуется как многозначное: 'дѣлаю гладкимъ, равнымъ, то, что было неравно, гористо'; 'примѣняю, сличаю, сношу одну вещь с другою для узнаванія между ними сходства или разности'; 'дѣлаю кого равнымъ кому въ количествѣ, величинѣ, состояніи'; 'уподобляю, показываю нѣкоторое сходство между двумя разнородными вещами' (V, 19).

⁴⁴⁴ «Написание *a* в *расти, растение, отрасль* приходится рассматривать как укрепившееся в нашем правописании ничем не оправданное нарушение основного орфографического принципа, к тому же и не выдерживаемое до конца, так как наряду с *растение* мы пишем *ро-*

назвал корни с чередующимися гласными *a* и *o* «совершенно иррациональными», поскольку они «двойко определяются ударными фактами (*скакать* при *скок* и *вскачь*)»⁴⁴⁵ [Пешковский, 1930, с. 106]. По причине этой двойственности они являются «самым зловредным из всего», что есть сложного в нашем правописании, одно из его «самых узких мест» [Там же].

Вариативность корней с чередующимися гласными *a* и *o* находит отражение и в Словаре Ушакова:

Сгораемость (или *сгараемость*), *сгорание* (или *сгорание*), *сгорать* (или *сгарать*); *ращение* (или *рощение*), *сращение* (или *срощение*); *обмакнуть* (или редко *обмокнуть*), *помакать* (или редко *помокать*), *помакнуть* (или редко *помокнуть*), *примакнуть* (или *примокнуть*), *промакательный*⁴⁴⁶ (или редко *промакательный*), *промакать* (или редко *промокать*), *промакаться* (или редко *промокаться*), *промакашка* (или редко *промокашка*).

Отмечает словарь и недостаточно четкое различия узусом семантики корня *ра(о)вн-*: *равнять* (в правописании часто смешиваются с *ровнять*), *сровнять* (в правописании часто смешивается с *сравнять*, тем более что в просторечии *равный* может означать то же, что *ровный*).

сток (в обоих словах первый слог неударяем), а наряду с *поросль*, *заросль* пишем *отрасль* (во всех трех словах второй слог неударяем). Было бы вполне последовательно, если бы в образованиях от данного корня писалось *a* только в тех словах, в которых этот гласный находится в ударяемом слоге» [Шапиро, 1951, с. 57].

⁴⁴⁵ «В корнях слов сопоставление гласных в ударяемом и неударяемом положениях в некоторых случаях затруднено тем, что под ударением может оказаться не один гласный, а – в различных образованиях – различные гласные, и тогда пишущий оказывается перед необходимостью выбирать один из возможных вариантов, часто не зная, на каких основаниях... В практике обучения правописанию обычно выделяются в одну группу образования с гласным *a(я)* после корня (в таких глаголах корневая часть пишется с *a*) и в другую группу образования без такого гласного (и пишущиеся с *o* в корне): *полагать*, *предлагать*, *слагать*, *безотлагательно*, *касаться*, *прикасаться*, *макать*, но *заложить*, *предложение*, *сложение*, *прикоснуться*, *прикосновение*, *мочить* и т.п. Но это – чисто практический прием, не вскрывающий по-настоящему сути дела, да и прием не вполне обеспечивающий правильное написание всех без исключения образований, ср., например, *поклоняться*, *намокать*, которые пишутся с *o*, хотя в соответствии с указанным правилом, как имеющие после корня *a(я)*, они должны были бы писаться с *a* в корне [Шапиро, 1951, с. 55–57].

⁴⁴⁶ С. Е. Крючков ошибочным считал написание этих слов с корнем *-мак-*: «Имеются колебания... *промакательная бумага* (*промокашка*) – *промакательная бумага* (*промакашка*). Более правильным является первое написание (с корнем *мок*). *Промакательная бумага* (*промокашка*) – это бумага, которая легко пропускает влагу, легко пропитывается влагой. Это написание соответствует и русской правописной традиции. Написание *промакательная бумага* (с корнем *мак*) пытаются объяснить тем, что это бумага, которую опускают в чернила с целью напитать ее чернилами. Это объяснение натянутое и неверное» [Крючков, 1952, с. 16].

Орфографические словари послереформенного периода стремились следовать рекомендациям Я. К. Грота, утвердившего написания *сгорать*, *рождать*, *поклоняться* (в соответствии с первообразными глаголами *гореть*, *клонить*, *родить*) вместо исторических *сгарать*, *раждать*, *покланяться* и сохранившего традиционные чередования в корнях *-лаг / лож-*, *-кас / кос-*, *-мак / мок-*, *-раст / рост-* (также *растение*, *возраст*, *отрасль*). Однако составители академического «Орфографического справочника» 1936 г. утверждали, что «потребность в формах с *a* очевидна» в таких книжных выражениях, как *покланяться идолам*, *сгарать страстью*, *сгарать жаждою*, *праздность раждает пороки* («форма *рождает* была бы довольно неуместной») [Орфографический справочник, 1936, с. 15–16]. Поэтому они предлагали, «не считаясь с необоснованной» практикой, учитывающей рекомендации Я. К. Грота, «держаться научного правописания» старых академических словарей, например академического «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 г. (!), установить «полную последовательность», восстановив написания, связанные в прошлом с видовыми различиями, т.е. с *a* в формах несовершенного вида и *o* – совершенного: *раждать* и *родить*, *догорать*, *сгорать* при *догореть*, *сгореть*; *зарастать*, *подрастать* при *зарости*, *подрости*» [Там же, с. 18].

Анализ материалов «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 г. показывает, что написание корней *га(о)р-*, *ро(а)ст-*, *ра(о)вн-* в нем не всегда непоследовательно и не может служить твердой опорой:

Ростить, то же, что *растить* (IV, 72); *выростать*, то же, что *вырастать*; *выращать*, то же, что *вырощать*; *выращаться*, то же, что *вырощаться*; *выращивание* и *вырощивание* (I, 223); *раждать*, *зараждать*, см. *зарождать* (словарная статья к варианту *зарождать*) (II, 51); *сгорать*, то же, что *сгарать* (словарная статья к варианту *сгарать*) (IV, 113); *выгарать*, то же, что *выгорать* (словарная статья к варианту *выгорать*) (I, 196 и 198); *ровнина*, то же, что *равнина* (IV, 66).

Таким образом, вариативность в правописании корней с чередующимися гласными *a* и *o* широко отражается уже в первом толковом «Словаре Академии Российской» (1789–1794 гг.). Максимальную амплитуду колебаний, которая

сохраниться вплоть до утверждения Правил 1956, обнаруживают корни *га(о)р-*, *ро(а)ст-*, *ра(о)вн-*.

Предложения

1. Проект Правил 1936 (2) (§ 8) из группы корней с чередующимися гласными *а* и *о* устанавливает только написание *о* в словах с корнем *ро(а)ст-*:

1) во всех глагольных формах: *рости, расту, растешь, вырасти, вырасту, вырастешь, подрости, подросту, подростешь, растут, роцу, растишь, вырастить, выращу, вырастишь, вырастать, вырастаю, подрастать* и т.д.;

2) в существительных: *росток, водоросль, заросль, недоросль, поросль, рощение, нарощение, сращение*.

3) в некоторых словах «книжного происхождения сохраняется церковнославянское написание через *а*: *возраст, растение, растительный, отрасль* и их производные *возрастный, отраслевой* [Правила, 1936 (2), с. 7].

В результате корректировки рекомендаций уточняется, что написание *о* «опирается на ударный вариант корня в слове *рост* (как это было до Грота)», сохранившиеся же церковнославянские написания с *а* признаются «нежелательными исключениями», в связи с чем предлагается их «упразднить», унифицировав написание всех слов с корнем *рост-* через *о*: *возрост, ростение, ростительный, отрость* и т.д. [Таблицы к сводам, 1937, с. 4].

Для остальных случаев чередования гласных в корнях (*скакать* и *выскочить, макать* и *мочить, касаться* и *коснуться, предлагать* и *предложить, кланяться* и *поклониться* и др.) написание определяется в словарном порядке [Правила, 1936 (2), с. 7]. Вероятно, корни *ра(о)вн-* и *га(о)р-* входят в эту группу, поскольку отдельно их написание не рассматривается.

2. Проекты Правил 1939 (§ 8), Правил 1939 (2) (§ 1) регламентируют написание слов с корнем *ро(а)ст-* «в соответствии с законами русского чередования гласных» [Правила, 1939, с. 10; Правила, 1939, с. 15]. В формулировке правила не уточняется видовая характеристика глаголов, однако в

формах совершенного вида и производных от таких глаголов встречаем написание с гласной *o*, в несовершенного вида – *a*:

(*рости*) *врости, вырости, возрости, дорости, зарости* и *вратать, вырастать, дорастать, наращать, возвращать, выращивать, доращивать; рощение, нарощение, приращение, сращение и вращение, возращение, обращение.*

В существительных пишется гласная *o*: *росток, выросток, недоросток, подросток, заросли, поросль, недоросль*. В качестве исключений «в немногих словах книжного происхождения сохраняется старое славянское их написание»: *возраст, отрасль, растение, производные возрастнѣй, отраслевѣй, растителѣнѣй* [Там же]. Таким образом, в проекте предпринимается попытка восстановить неактуальные к тому моменту исторические чередования гласных, учитывающие вид глагола⁴⁴⁷.

Указание на словарный порядок нормирования других корней с чередующимися гласными *a* и *o* сохраняется.

3. Проекты Правил 1940 (§ 3), Правил 1947 (§ 18), Правил 1948 (§ 13), Правил 1951 (§ 13), Правил 1955 (§ 13), Правил 1956 (§ 13):

– корень *рас(т)*- пишется в глаголах и образованных от них словах: *расти, растить, вырастать, наращать, растение, произрастание, ращение, сращение, возраст, отрасль*; корень *рос(т)*-, в формах прошедшего времени, например: *рос, росла, росло, росший, вырос, выросший*, а также в словах *заросль, поросль, недоросль, росток* и в образованных от них. Традиционно указываемый в качестве исключений *ростовщик* представлен только в словаре без отсылки к соответствующему параграфу, *Ростов, Ростислав* в связи с этим правилом в словаре не упоминаются. В орфографических и методических руководствах это правило нередко строится на основе учета предшествующего согласного, что позволяет алгоритмизировать его применение⁴⁴⁸;

⁴⁴⁷ Б. З. Букчина полагала, что подобное восстановление исторических чередований «противоречило бы всему ходу развивающейся орфографической тенденции», к тому же «возращение к глубокой истории не может упростить и облегчить наше письмо, а, наоборот, практически вызовет только затруднения» [Букчина, 1964, с. 90].

⁴⁴⁸ « На месте безударного гласного пишется: **а**) перед *с* (без последующего *т*) – буква *o*: *росла́, росли́, вы́рос, вы́росший, за́росль, по́росль, во́доросль, не́доросль*; исключение – *о́трасль* и производные от него (*отраслево́й, межотраслево́й, многоотраслево́й*); **б**) перед *ст* – буква *a*,

– корень *равн-* пишется в словах, которые связывают с *равный* («одинаковый»), например, *равномерный, равнозначный, сравнить, равенство, равняться, поравняться, все равно*; корень *ровн-* пишется в словах, которые связывают с *ровный* («гладкий, прямой»): *ровнять, сровнять, уровень, ровня, но равнина*⁴⁴⁹;

– корень *гар-* пишется под ударением, например: *загар, нагар*, а также *изгарь, выгарки* (безударная позиция); корень *гор-* пишется во всех остальных случаях, например: *загорелый, нагореть*;

– корень *плов-* пишется в словах *пловец*;

– корень *плав-* пишется в остальных случаях: *поплавок, плавник плавунец, плавун* (но *пльвун* – сырой грунт). Эта часть правила впервые включается в проект Правил 1948, далее в проекте Правил 1955 устанавливается написание с буквой *о* слов *пловец* и *пловчиха*;

– корень *зар-* пишется в словах *заря, заряница, озарять* (под ударением – *заревое, лучезарный*) и во всех образованных от них (*озарение*); корень *зор-* пишется под ударением в отдельных падежах слова *заря*: *зори, зорь, зорю* (*бить, играть зорю*) и в словах *зорька, зоренька, зорюшка*⁴⁵⁰;

напр.: *расти́, расту́, расти́ть, подрасти́, выра́сти, выра́стить, выра́сту, выраста́ть, прорасти́ть, произраста́ть, нараста́ть, возрасти́, возраста́ть, во́зраст, расте́ние, расте́льность, дикорасту́щий*; исключения: *росто́к, ростово́й, ростови́щк, вы́рост, вы́ростной, вы́росток, за́росток, про́рость, подро́стко́вый* (наряду с вариантом *подро́стковый*); **в**) перед *иц* всегда *а*, напр.: *раи́цу, вы́раицу, вы́раице́нный, прираи́ца́ть, нараи́чение, сраи́чение*. Под ударением перед *с* (с последующим *т* и без него) – только *о*, напр.: *ро́ст, наро́ст, отро́сток, подро́сток, переро́сток, ро́с, заро́с, подро́сший, ро́слый, дикоро́сы* [Правила русской орфографии и пунктуации, 2006, с. 45].

⁴⁴⁹ «Неоднократно предлагалось унифицировать написание корней *равн – ровн* и в безударных положениях ... писать либо *о*, либо *а*. *Ровн-* и *равн-* – это, несомненно, разные корни и в современном языке они имеют различный фонемный состав и различное значение. Следовательно, это чередование не буквенное и оно не может быть отменено. Речь может только идти об устранении немотивированных написаний *равнина* и *ровесник* (следовало бы *ровнина* и *равесник*). Но связь этих слов со словами, имеющими корень *ровн – ровн* уже распалась в современном сознании и не связывается с корнями *ровный – ровнина* и *равный – равесник*» [Букчина, 1964, с. 95].

⁴⁵⁰ Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова приводят любопытные примеры перекодификации специалистами слов *заревать, зарянка, заревой* в течение последних десятилетий. С 1999 г. в академическом орфографическом словаре (РОС) дается слово *заревать*. До 1974 г. словари рекомендовали писать слово *зорянка* с корнем *-зор-*. «Орфографический словарь русского языка» в 13-м издании 1974 г. утвердил в качестве нормативного написание *зарянка*, которое

– чередования *а* и *о* находим также в глаголах *скакать* и *выскочить*, *кланяться* и *поклониться*, *касаться* и *коснуться*, *предлагать* и *предложить*, *излагать* и *изложить*, *макать* и *мочить*, а также и в образованных от них словах, например: *скакун* и *выскачка*, *касательство* и *прикосновение*, *облагание* и *обложение* [Правила, 1940, с. 14; Правила, 1947, с. 15; Правила, 1948, с. 14–15; Правила, 1951, с. 14–15; Правила, 1951, с. 12–13; Правила, 1956, с. 12–13]. Таким образом, выбор порядка нормирования этой специфической группы корней установился в проекте Правил 1940 и далее не менялся.

«Предложения по усовершенствованию русской орфографии» 1964 г. предусматривали отмену ряда чередований в отдельных корнях, устанавливая в безударном положении написание гласной в «соответствии с ее написанием под ударением», например: *зоря*, *зоряница*, *зоровой (зори)*, *рости*, *ростение*, *возрост (рост)*, *мокать (мок)*, *предлагать*, *предпологать (предлог)*, *плавец*, *плавчиха (плавать)*, *загарелый (загар)* [Предложения по усовершенствованию русской орфографии, 1964, с. 11]. Это позволило бы подчинить «трудный для усвоения» раздел свода основному правилу русского письма: безударный гласный проверять ударением: *расту – рос*, *плавец – плавать*, *загарать – загар* [Там же, с. 12].

6. Непроверяемые безударные гласные *о* и *а* и *е* и *и*: *ка(о)ра(о)вай*, *ка(о)ра(о)катица*, *ка(о)ра(о)пуз*, *ка(о)сатка* *кра(о)пива*, *ма(о)га(о)рыч*, *ма(о)хровый*, *па(о)ром*; *абони(е)ментъ*, *ак(к)омпани(е)ментъ*, *бе(и)чева*, *маче(и)ха*, *пе(и)скаръ*, *ри(е)торика*, *сни(е)гирь*, *пласти(е)лин*, *хри(е)стоматия*, *экза́ме(и)натор*.

было дано еще в словаре В. И. Даля и представлено в БСЭ. Слово *заревой* с 1991 г. рекомендуют писать только с корнем *-зар-*, хотя в орфографическом словаре 1974 г. приводились оба варианта, а в 1956 г. было только *зоровой*, в словаре Д. Н. Ушакова *заревой*. Как имя собственное закрепилось название *Зоревая пушка* (в Петербурге), хотя в общем случае пишется *заревая пушка*. В качестве примера можно привести название рассказа В. Шукшина, которое до сих пор пишется то «*Заревой дождь*», то «*Зоровой дождь*» [Бешенкова, Иванова, 2011, с. 89].

Этот тип разнобоя Е. С. Крючков относит к числу одного из самых «активных» в послереформенной орфографии⁴⁵¹. По наблюдениям А. М. Пешковского, считавшего данную категорию написаний «абсолютно трудной», непроверяемых ударением случаев приблизительно столько же, сколько и проверяемых⁴⁵² [Пешковский, 1930, с. 103–104]. Сложность нормирования орфографии подобных слов связана с тем, что в литературном произношении эти гласные оказываются нейтрализованы, реализации ⟨о⟩ совпадают с ⟨а⟩, ⟨э⟩ с ⟨и⟩ [Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.), 1965, с. 197]. Кроме того, при их написании не представляется возможным ориентироваться и на этимологию, поскольку нередко в таких словах устанавливалась не соответствующая исконной орфография [Шапиро, 1951, с. 55]. Например, с развитием акающего произношения, которое, как указывает Г. О. Винокур, «создавало неуверенность в этимологии слова», в узусе, наряду, например, с написаниями *коровай*, *поромь*, отражающими полногласие, появились *каравай*, *паромь* [Винокур, 1959, с. 164]. С. П. Обнорский также отмечает, что здесь «издавна» наблюдались колебания «вследствие утраты сознания этимологического их состава», однако «доминировавшим было все же

⁴⁵¹ С. П. Обнорский: «Мы имеем комплексы слов, с давних пор неустойчиво пишущихся в отношении безударных гласных то с *а*, то с *о*, то с *е*, то с *и*. Это большие вопросы нашего правописания еще со времен Я. К. Грота» [Обнорский, 1934, с. 461].

⁴⁵² А. М. Пешковский: «Так, можно было бы принять правило, что безударные *а* и *и*, а также так называемый «иррациональный гласный» корня, не определяемые произношением аналогичных слов (за полным отсутствием таковых в современном языке), пишутся однообразно, т.е. примерно: а) *арбуз*, *актер*, *авес*, *авин*, *адин*, *ануча*, *армяк*, *паталок*, *батаника*, *батвинья*, *балагур*, *яблоко*, *патака*, *пугавица*, *сациализм*, *ананас*, *сабака*, *баррикада*; б) *диван*, *пирог*, *писок*, *пичать*, *риволуция*, *интелигент*, *дифиринцировать*, *бирлога*, *билет*, *внизанный*, *директор* или а) *орбуз*, *октер*, *овес*, *овин*, *один*, *онуча*, *ормяк*, *потолок*, *ботаника*, *ботвинья*, *бологур*, *яблоко*, *потока*, *пуговица*, *социализм*, *ононас*, *собака*, *боррикада*; б) *деван*, *перог*, *песок*, *печать*, *революция*, *ентелегент*, *дефференцировать*, *берлога*, *белет*, *внезапный*, *деректор*. Какой именно из двух вариантов здесь выбрать – представляется нам не столь существенным, но, конечно, и тут нельзя решать с плеча, а надо подсчитать, в скольких случаях сейчас пишется *и* и *а* и в скольких *е* и *о*, какой из вариантов, следовательно, меньше сломает наши орфографические привычки. Кроме того, надо как-то учесть и сбалансировать два противоположных момента: а) упорную склонность учащихся, обнаруженную всеми последними под счетными работами, писать в сомнительных случаях не по произношению, а против произношения, б) полезность воздействия литературного произношения путем правописания (т.е. самым верным и надежным путем) на областное произношение. Наконец, надо, конечно, решать оба случая в одном направлении, т. е. либо *а* и *и*, либо *о* и *е* [Пешковский, 1930, с. 103–104].

написание не *о*, как требовала история языка, а *а* », поэтому именно «этот вариант и должен быть регламентирован» [Обнорский, 1944, с. 32].

О трудности выбора непроверяемых гласных *а* и *о* в безударной позиции в свое время говорил и Я. К. Грот: «Неударяемые гласные *а* и *о* въ произношеніи такъ тождественны, что строгое различіе ихъ на письмѣ представляет большія трудности, поэтому въ словахъ сомнительнаго происхожденія двойное начертаніе неизбѣжно; такъ одни пишутъ *тварогъ*, *тароватый*, *казакъ*, *калачъ*, *каравай*, *касатка*, *грамата*, другіе *творогъ*, *тороватый козакъ*, *колачъ*, *коровай*, *косатка*, *грамота*» [Грот, 1899, с. 713]. В частности, он отметил, что слово *калачъ*, явно происходящее от *коло* (круглый хлеб), правильнее писать с гласною *о* в первомъ слоге, т.е. *колачъ* [Грот, 1894, с. 25].

Однако подобные «попытки восстановления старины» не имели успеха, хотя этимологические связи в данных случаях очевидны для людей грамматически образованных: слово *колач* родственно со словами *около*, *колесо*; *кропива* родственно с *укроп*; *паром* – полногласная форма *оро* [Орфографический справочник, 1936, с. 12]. В справочном указателе к «Русскому правописанию» слова этой группы нередко даются Я. К. Гротом в вариативном написании, например: *косатка* [*касатка*], *лохань* [*лахань*], *ковыль* [*кавыль*], *конура* [*канура*], *ладонь* [*лодонь*], *казакъ* [*козакъ*], *кропива* [*крапива*], *орава* [*арава*], *паромъ* [*поромъ*], *пастила* [*постила*] [Грот 1894: I–XXXVIII].

В послереформенный период вариативность непроверяемых гласных *а* и *о* широко отражает Словарь Ушакова, включающий более 100 таких единиц с разной градацией написаний: *ватрушка* (или *вотрушка*), *валторна* (*волторна*), *доха* (или *даха*), *казак* (*козак* устаревшее), *калач* (или *колач*), *карачки* (или *корачки*), *кавычки* (*ковычки* неправильно), *каморка* (или *коморка*), *кощей* (или *кащей*), *ладанка* (*ладонка* неправильно), *коротель* (*каратель* неправильно), *ладыга* (или *лодыга*), *магарыч* (или *могарыч*), *конура* (*канура* устаревшее), *камфорка* (или *комфорка*) и (*просторечное*) *канфорка* (или *конфорка*)⁴⁵³.

⁴⁵³ Подробно в соответствующем параграфе настоящей работы.

В школьном «Орфографическом словаре» Д. Н. Ушакова в данном случае не предусматриваются вариативные написания, выбор всегда делается в пользу одного из двух спорных написаний, чаще всего с *a*, например: *ватрушка*, *калач*, *каракатица*, *конура*, *каморка*, *камфара*, *коурый*, *махровый*, *тормоз* [Ушаков (словарь), 1935, с. 37, 66–75]. Аналогичная нормализаторская позиция характерна и для орфографического справочника А. Б. Шапиро и М. И. Уарова (Москва, 1933): *ватрушка*, *калач*, *карачун*, *каурый*, *конура*, *каракатица*, *махровый*, *тормоз* [Шапиро, Уаров, 1933, с. 141, 155–158, 193]. В большинстве случаев, как и в Словаре Ушакова, в этих изданиях в качестве нормативного рекомендуется вариант с гласной *a*, соответствующий произношению.

Но в «Технико-орфографическом словаре» под редакцией Н. Н. Филиппова (Ленинград, 1933) в этой группе спорных написаний предпочтение, как правило, отдается варианту с гласной *o*:

Вотрушка [*ватрушка*], *коломянка* [*каламянка*], *камфора* [*камфара*]⁴⁵⁴, *конура* [*канура*], *коровай* [*каравай*], *колач* [*калач*], *корокатица* [*каракатица*], *коропуз* [*карапуз*], *корочун* [*карачун*], *коряга* [*каряга*], *мохровый* [*махровый*], *тормоз* [*тормаз*], но *крапать* [*кропать*], *крапива* [*кропива*], *каурий* [*коурый*], *казак* [*козак*], *понамарь* [*пономарь*] [Филиппов, 1933, с. 122, 140–143, 158, 180].

В подобном ключе решается задача унификации разнобоя и в «Академическом орфографическом справочнике» (Ленинград), в котором авторы считают необходимым «поддерживать этимологическое правописание» и последовательно регламентируют написание слов в данной группе через гласную *o*, например:

Колач, *косатка*, *кропива*, *пором*, *тороватый*, *тороторить*, *корочун*, *корокатица*, *коровай*, *мороковатъ*, *поломя*, *мохровый*, *ковыль*, *корачки*, *корнатъ*, *коурый*, *лопух*, *лохань*, *пономарь* и т.д. [Орфографический справочник, 1936, с. 12].

Исключение составляли только случаи «этимологически темные для большинства пишущих», где «традиционная практика сгладила следы

⁴⁵⁴ Как отмечает Е. С. Крючков, написание *камфора* с гласной *o* объясняется орфографией первоисточника: греческое *kamphora*. Оно принято во всей медицинской литературе. Написание *камфара* возникло под влиянием русской формы прилагательного *камфарный*. Это написание вошло во многие орфографические справочники и стало довольно распространенным, но именно написание с *o* «имеет больше основания» [Крючков, 1952, с. 15].

исторических написаний»: *баламутить, басурман, ватрушка, галдеть, каламянка, паскудный*⁴⁵⁵, *суматоха, епанча* [Там же]. Таким образом, ленинградские источники чаще регламентируют написание с *о*, соответствующее историческому написанию.

Орфографические словари рубежа XIX–XX вв. тоже отражают вариативность написаний с непроверяемыми гласными *е* и *и* в безударной позиции, но уже в значительно меньшем объеме, чем гласных *а* и *о*: *абони(е)менть, ак(к)омпани(е)менть, ди(е)нарий, кале(и)ка, Капи(е)толина, маче(и)ха, пе(и)скарь*⁴⁵⁶, *ри(е)торика, сн(е)токъ, сн(е)гирь*⁴⁵⁷, *пе(и)ликань, пласти(е)линь, хри(е)стоматія, экзаме(и)наторъ*. В данном случае вариативность вновь обусловлена тождественностью звуковых реализаций фонем <э> и <и> после мягкого согласного в безударном слоге, когда допускается любой знак в соответствии с возможностями ряда.

Нормативные издания послереформенного периода представляют разную оценку подобных вариативных написаний. Так, в Словаре Ушакова, как правило, по отношению друг к другу они выступают в качестве равноправных:

*Бечева (или бичева), бечёвка (или бичёвка), бечёвочный (или бечёвочный), дистиллировать*⁴⁵⁸ (или *дестиллировать*), *дистиллироваться (или дестиллироваться) дистиллятор (или дестиллятор), дистилляция (или дестилляция) корригировать (чаще, но неправильно коррегирировать), лессировать (или, редко, лисировать), мачеха (или мачиха), пепермент*⁴⁵⁹ (или *пипер-*

⁴⁵⁵ В справочнике под редакцией Н. Н. Филиппова *паскудный* [Филиппов, 1933, с. 181].

⁴⁵⁶ Написание *пискарь* соответствует этимологии слова (латинское *piscis* – рыба, украинское *пыскарь*, сербо-хорватское *пйскор*, чешское *piskor*), тогда как вариант *пескарь* с гласной *е* может быть объяснен народной этимологией, связавшей это слово со словом *песок* [Крючков, 1952, с. 15]. Вариативность в этом случае допускает и Я. К. Грот, однако первым указывает написание с гласной *е*, соотнося его со словом *песок*: *пескарь [пискарь]* [Грот, 1894, XXIV].

⁴⁵⁷ Следует отметить, что примеры, когда вместо этимологического Ъ пишется гласная *и*, в нашем правописании немногочисленны: *сидеть, свидетель, вития, мизинец, свирепый*. Можно предположить, что отчасти «по неполной ясности этимологии» написание *снѣгирь (снегирь)* «перебивается фонетическим написанием с *и*» [Орфографический справочник, 1936, с. 26]. Я. К. Грот приводит оба варианта, первым помещая *снѣгирь [снигирь]* (прилетающий со снѣгомъ), производное *снѣгирька* [Грот, 1894, с. XXXI].

⁴⁵⁸ От латинского *distillo* или *destillo* – капаю [Словарь Ушакова, 1935 (I), с. 717]. Я. К. Грот допускал только *дистиллировать* [Грот, 1894, с. IX].

⁴⁵⁹ *Пепермент, пеперминт* и *пипермент* [английское *peppermint* от латинского *piper* – перец и *menthe* – мята]. Средство от кашля [Словарь Ушакова, 1940 (III), с. 86].

мент), *пластилин* (или *пластелин*), *пластилиновый* (или *пластелиновый*), *риторика*⁴⁶⁰ (или *реторика*), *риторический* (или *реторический*), *снегирь* (или *снигирь*), *стрекулист* (или *стрикулист*)⁴⁶¹, *хрестоматия* (или *христоматия*)⁴⁶², *эликсир* и *элексир*⁴⁶³.

Справочник А. Б. Шапиро и М. И. Уарова (Москва, 1933 г.), вероятно, учитывая фактор произношения, отдает предпочтение написаниям с буквой *и*, например: *бичева*, *пискарь*, *снигирь*, *мачиха*, *экзаменатор*. В справочнике Н. Н. Филиппова (Ленинград, 1933 г.), наоборот, обычно представлена *е*, например: *экзаменатор*⁴⁶⁴, *снегирь*, *снеток*, *пескарь*, *бечева* [*бичева*], *дестиллировать* [*дистиллировать*], *дестилляция*, *мачеха* [*мачиха*], но *риторика* [*реторика*].

Таким образом, вариативность непроверяемых *е* и *и* в безударной позиции связана с отражением двух противоположных тенденций, с одной стороны, стремлением сохранить исторические написания, с другой – влиянием живого произношения. В некоторых случаях причиной колебаний оказывалось переосмысление узусом исконных словообразовательных связей, как в случае со словами *пескарь*, *экзаменатор*.

Предложения

1. Проект Правил 1939 (2), куда впервые вошел краткий орфографический словарь, в качестве нормативных закрепляет написания с *о*, соответствующие этимологии: *коровай* *корокатица* *коропуз* *корочун* *косатка* *кропива*, *могорыч*, *мохры*, *мохровый*, *мороковать*, *пором*, *на корачки* [Правила, 1939 (2), с. 119, 121, 122, 127].

⁴⁶⁰ От греческого *rhētorika* [Словарь Ушакова, 1940 (III), с. 1362]. Я. К. Грот рекомендовал *риторика* [Грот, 1894, с. 923].

⁴⁶¹ *Стрекулист* (или *стрикулист*) и правильное *строкулист* (или *стракулист*) (просторечное). Мелкий чиновник, приказная строка [Словаря Ушакова, 1940 (IV), с. 553].

⁴⁶² Отметим, что справочник А. Б. Шапиро и М. И. Уарова, а также словарь Н. Н. Филиппова рекомендуют только *хрестоматия*. Однако ранее Я. К. Грот допускал оба варианта *хрестоматия* [*христоматия*], хотя и указывал на предпочтительность варианта с гласной *е* как согласного «съ общепринятымъ в нынѣшнее время произношеніемъ греческихъ словъ» [Грот, 1894, с. XXXVI].

⁴⁶³ Французское слово *elixir* [Словарь Ушакова, 1940 (IV), с. 1417].

⁴⁶⁴ Я. К. Грот указывал, что именно написание *экзаменаторь* является правильным, тогда как широко распространенное (и нормативное сегодня) написание *экзаменаторъ* ошибочно, поскольку оно не «образовано от имени *экзамень* (как и глагола *экзаменовать*), а перешло къ намъ уже готовое и должно сохранить свою латинскую форму» [Грот, 1894, с. 38].

2. Орфографические словари проектов Правил 1940, Правил 1951, Правил 1955, Правил 1956, учитывая произношение, устанавливают написания с *а*: *каравай каракатица карапуз карачун касатка крапива, магарыч, махры, махровый, мараковать, паром* [Правила, 1940, с. 129, 131, 132, 137; Правила, 1955, с. 146, 151, 154, 161].

3. Орфографические словари проектов Правил 1939 (2), 1940, 1951, 1955, 1956) последовательно регламентируют *абонемент, аккомпанемент, бечева, мачеха, пескарь, риторика, снегирь, пластилин, хрестоматия, экзаменатор*.

7. Буква э в иноязычных словах: *бе(э)кон, бе(э)моль, гобеле(э)н, джентльме(э)н, де(э)нди, ке(э)б, ке(э)пи, ле(э)ди, мэ(е)р, сэ(е)р, пэ(е)р, тре(э)д(-)юнион* и т.д.; *купе(э), кафе(э), пенсне(э), каберне(э), койне(э); дие(э)з, дие(э)та, пие(э)тет, пие(э)тизм, пие(э)лит, пие(э)мия, плие(э), прое(э)кт, буе(э)р, ингредие(э)нт, прое(э)кт, пие(э)мия, ингриди(э)нт*.

Существовавшее в послереформенном письме оформление этой группы слов «разнобойно» и «не поддается изложению в виде правила, традиция в большинстве случаев неустойчива, обращение к словарю не всегда может помочь пишущему»⁴⁶⁵ [Таблицы к сводам, 1937, с. 1].

Причины такой орфографической непоследовательности заключались в том, что при передаче заимствованной лексики на письме в одних случаях могло учитываться их написание в языке-источнике, в других – произношение, которое было неустойчиво [Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.), 1965, с. 409]. Вполне закономерно, что это приводило к орфографическому разнобою. Вариативность употребления букв *э* и *е* в заимствованных словах была задана изначально, поскольку в русской фонетико-орфографической системе отсутствует оппозиция «*твердый согласный + буква э*» и «*мягкий согласный + буква е*»: *тема, театр, депутат, медицина, но темп, шоссе, реквием, купе, индекс* [Нечаева, 2009].

⁴⁶⁵ «У нас теперь нет твердого правила относительно употребления *е* и *э*... нет единообразия» [Шапиро, 1951, с. 49]; «При употреблении *е* и *э* в заимствованных словах наблюдается целый ряд колебаний... употребление букв связано с орфоэпией и не регулировалось правилами» [Крючков, 1952, с. 18].

Буква *э* в русской азбуке утвердилась в начале XVIII в. для обозначения нейотированного звука [э] в противоположность букве *е* в немногочисленных русских словах (*этот, поэтому, эк, эх*), в неприкрытом слоге заимствованных слов (*экзамен, этаж, поэма*) и при транскрипции иноязычных имен собственных (*Эдисон, Суэц*)⁴⁶⁶. Как указывает Я. К. Грот, она «более столетия была предметом незаслуженной вражды», например, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков считали ее «безобразной» и лишней. Известно, что *э* не употребляли Г. Р. Державин и И. А. Крылов [Грот, 1899, с. 740]. В конце XVIII – начале XIX вв. такой «пренебрежительный» взгляд на *э* привел к ее параллельному употреблению с *е* после гласных, например: *рее(э)стр, пие (э)са, алое(э), э(е)нергия, поэ(е)т, дие(э)та, прое(э)кт, мие(э)лит, э(е)лемент, клие(э)нт, гигие(э)на, ало(э)е, генуэ(е)зский* [Греч, 1827, с. 142; Разыграев, 1887, с. 29; Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.), 1965, с. 409]. В последние десятилетия XIX в. буква *э* начинает широко употребляться и после согласных для более точного указания на твердое произношение, что тоже становится причиной разнобоя: *бе(э)моль, каф(э)е, нэ(е)р, мэ(е)р, дэ(е)мпинг, аде(э)кватный, сэ(е)р, те(э)ма* и т.д.⁴⁶⁷ [Там же]:

<...> Правила такого употреблѣнія нигдѣ не высказано, но изъ практики ясно, что такъ пишутъ для изображенія иностраннаго открытаго звука и для означенія, что предыдущая согласная должна произноситься без умягченія» [Грот, 1899, с. 741].

В послереформенный период разноголосица, связанная с правописанием *э* и *е* в нормативных источниках, продолжилась. Так, ленинградский «Технико-орфографический словарь-справочник» Н. Н. Филиппова устанавливает написание *пиэмия, пуэбло* и как «упрочившиеся» *буер, проекция, проект, траектория* и др. После согласных рекомендуется писать *е* (*септицемия, пенсне, тред-юнион*),

⁴⁶⁶ Я. К. Грот считал, что введение буквы *э* «совершенно основательно: она отвѣчаетъ весьма положительному и неоспоримому условію полноты всякой азбуки, что каждый особый звукъ долженъ быть изображаемъ и особымъ знакомъ, что одному и тому же начертанію не следуетъ давать двойного звукового значенія. Изъ этого правила само собой вытекает, что буква *е*, выражающая звукъ *йэ*, не должна служить и для простаго *е*» [Грот, 1899, с. 740].

⁴⁶⁷ Несмотря на то, что «написанием буквы *э* читателю подсказывается правильное произношение слова... однако строить правило на произношении согласных трудно, потому что в произношении заимствованных слов существуют колебания. Кроме того, по мере обрусения заимствованных слов твердые согласные могут заменяться мягким» [Букчина, 1988, с. 7].

но *мэр*, *пэр*⁴⁶⁸, *сэр* [Филиппов, 1933, с.77]. В московском справочнике «Орфография, пунктуация и техника корректуры» (М., 1933) А. Б. Шапиро и М. И. Уарова во всех случаях, где есть колебания *э* и *е*, «в целях установления возможного единообразия» рекомендуется писать *е*, следовательно, только *мер*, *кафе*, *купе*, *диез*, *диета*, *Лакме* и т.д. [Шапиро, Уаров, 1933, с. 11]. В Словаре Ушакова – *мэ(е)р*. Также в Словаре Ушакова регламентируется *дие(э)та*, *дие(э)з*. В связи с этим составители академического «Орфографического справочника» 1936 г., замечают, что за возможным *диэ*та и *диэ*з «не только надо писать *гигиэна*, *гиэна*, как впрочем, часто и пишут, но и *абитуриэнт*, *ингридиэнт*, *аудиэ́нция*» [Орфографический справочник, 1936, с. 59]. Справочник считает необходимым писать *аде́кватный*⁴⁶⁹, *дэ́нди*, *буэ́р*, «где произношение является сигналом иностранного слова» [Там же, с. 63]. В свою очередь, Словарь Ушакова рекомендует *аде́кватный*, но *буе́р*, *де́нди*, *дже́нтельмен* (Т. I, с. 17, 199, 687).

Широкий разницей в рекомендациях относительно правописания иноязычных слов с *э* / *е*, который иллюстрировали нормативные источники, объяснялся тем, что они в разной степени и непоследовательно учитывали иноязычный характер слова, особенности его произношения, традицию оформления, этимологическую членимость, ближайший буквенный контекст (после гласной, после согласной)⁴⁷⁰.

Предложения

1. Проект Правил 1936 (2) допускает букву *э* после согласных только в сложных словах для указания слогораздела: *квинтэссенция*, *панэллинизм*. В

⁴⁶⁸ «Иногда в иноязычных словах можно употреблять *э* для избежания двусмыслия, например: в слове *пэр* (анг. *peer*), косвенные падежи которого иначе были бы тождественны с такими же падежами существительного *перо*» [Грот, 1899, с. 77].

⁴⁶⁹ «Буква *э* пишется внутри слов в тех случаях, когда к слову, начинающемуся с этой буквы, присоединяется приставка ... *аде́кватный* (латинская приставка и основа), *анэ́лектрон*» [Шапиро, 1951, с. 50–51]. Но «слова с иноязычными приставками и корнями, оканчивающимися звуком *э*, пишутся, в зависимости от установившейся традиции, также и с буквой *е*, например: *анестезия*, *анемия*, *синергия*» [Там же, с. 51].

⁴⁷⁰ «Трудность учета всех этих факторов привела к орфографическому разнобою. Вплоть до середины XX в. можно было встретить вариативные написания: *проект* и *проэкт*, *диета* и *диэ́та*, *миелит* и *миэ́лит* и др.» [Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.), 1965, с. 409].

качестве исключений она возможна в «некоторых отдельных словах с прочно укоренившейся традицией»: *мэр, сэр, нэр* и др. В остальных случаях *э* должна «заменяться на *е*»: *бекон, леди, кафе* (§ 122). После гласной, как правило, пишется буква *э*: *поэзия, алоэ, маэстро, дуэнья, пиэмия* (§ 1). Как «отступление от общего правила» написание *э* после гласных: пишется *е* в словах на *-иент, -иенция: ингредиент, аудиенция* (§ 122). Также сохраняется она в некоторых словах с устойчивой традицией: *гигиена*. Во всех случаях сомнений читателю рекомендуется «справляться в словаре» [Правила, 1936 (2), с. 3, 53]. Указание в каждом параграфе на наличие устоявшихся написаний, противоречащих заявленным рекомендациям, и отсылка к словарю нивелируют нормативную ценность правила.

2. Проект Правил 1939 уточняет, что написание *э* после согласных допускается не только для слогораздела (*квинтэссенция, панэллинизм*), но и «в отдельных словах (определяемых в словарном порядке) с прочно укоренившейся традицией написания, особенно после зубных согласных (*сэр, пенснэ*)»⁴⁷¹ (выд. мной – С. Н.) [Правила, 1939, с. 45]. Иллюстративный ряд отсутствует.

Необходимо отметить, что при сложившемся разном в рекомендациях было достаточно сложно установить устойчивую традицию для некоторых слов, в том числе и для указанного Правилами 1939 в качестве исключения заимствованного из французского языка *пенснэ*. Так, в дореволюционных «Полном русском орфографическом словаре» А. П. Ромашкевича (1912 г.) рекомендуется *пенснэ*, тогда как в «Словарике орфографическом и справочном» А. М. Ильина (1912 г.), наоборот, *пенсне*. «Новый орфографический словарь» М. А. Вольпера (1923 г.) и «Новый орфографический справочник» И. В. Устинов (1924 г.) нормируют *пенснэ*, справочник Г. Г. Тумима «Как пишется?» (1925 г.) и «Орфографический словарь» И. Н. Шапошникова (1928 г.) допускают в качестве равноправных оба

⁴⁷¹ Н. А. Еськова указывает на такую произносительную закономерность, как твердое произношение в неизменяемых заимствованных словах в абсолютном конце слова предшествующих губных, зубных и [р]: *варьете, кабаре, кафе, кашне, портмоне, реноме, шимпанзе, эссе* и др. Задненебные согласные и [л], наоборот, произносятся мягко: *тенге, удэге, коммюнике, пике, чухче, букле, дефиле, реле* и др. [Еськова, 2004, с. 49–50].

написания: *пенснэ* и *пенсне*. Школьный «орфографический словарь» Д. Н. Ушакова (2-е изд., 1935 г.) рекомендует *пенсне*, а Словарь Ушакова – *пенснэ*.

3. В проекте Правил 1939 (2) указывается необходимость при выборе написания после гласного учитывать наличие или отсутствие при произношении йота, т.е. <јэ> передается с помощью *е*, а <э> – *э*: *экономиа*, *диэта*⁴⁷², *дуэнья*, *маэстро*, *пиэмия*, *поэзия* [Правила, 1939 (2), с. 56]. Формулировка правила требует от пишущего четкого понимания фонемного состава иноязычного слова, между тем его «практическое определение представляет трудности даже для лингвиста» [Максимова, 1964, с. 35].

Предложение передавать <јэ> как *е*, а <э> как *э* также обсуждается участниками орфографической дискуссии 1962–1964 гг. Это правило «теоретически безупречно», однако «практически установление фонемного состава заимствованных слов представляет большие трудности». Учитывая возможные колебания в произношении даже в сильной позиции, «правило не получается простым и легким» [Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.), 1965, с. 414].

После согласных Правила 1939 (2) сохраняют написания с *э* в отдельных словах с прочно укоренившейся традицией, особенно после зубных согласных (выд. мной – С. Н.) (*адэкватный*, *сэр*). Орфографический словарь Правил 1939 (2) включал также следующие примеры с *э* после согласного: *анэстезия*, *мэр*, *мэрия*, *надэспань*, *пэр* [Правила, 1939 (2), с. 45].

4. Проекты Правил 1947 (§ 9), Правил 1948 (§ 9): *кеб*, *бекон*, *бемоль*, *проект*, *эвкалипт*, *эфес*, *диэта*, *пиэмия*, *адэкватный*. Устанавливается правило о написании в иноязычных корнях после губных согласных *б*, *п*, *м*, *в*, *ф* и заднеязычных согласных *г*, *к*, *х* буквы *е*, за исключением собственных имен и слов

⁴⁷² Наблюдения Л. К. Максимовой позже подтвердят, что 68 % информантов в данном слове не произносят [j], тогда как 32 % – произносят. «Какое бы написание этого слова (*диэта* и *диета* – С. Н.) мы не приняли, оно будет затруднять какую-то группу людей, т.к. не будет соответствовать произношению, следовательно, и фонемному составу слова для некоторых пишущих» [Максимова, 1964, с. 37]; «Произносительные варианты в сильной позиции означают и варианты фонемного состава слова, а если так, то нужно признать возможность двояких написаний: *диета* и *диэта*» [Максимова, 1964, с. 36].

пэр, мэр, сэр. Опора на качество согласного сохраняется, однако вместо указанных ранее проектами Правил 1939, Правил 1936 (2) зубных согласных, появляются группы губных и заднеязычных согласных⁴⁷³. После остальных согласных написание *e* или *э* определяется в словарном порядке: *адекватный, анестезия, кашне, пенсне*.

Основание (для *кеб, бекон, бемоль*)

<...>Устанавливается общее правило о написании после *б, п, м, в, ф, и г, к, х* только *e* (не *э*), за исключением собственных имен⁴⁷⁴ [Правила, 1947, с. 118].

После гласной *и* написание *e* или *э* определяется в словарном порядке: *диета, пиэмия*, но *гигиена*. После гласных (кроме *и*) пишется преимущественно *э*, в отдельных случаях, определяемых в словарном порядке, может писаться *e*: *статуэтка, поэзия, маэстро*, но *проект, проекция, траектория*. [Правила, 1947, с. 12–13, 118; 1948, с. 13, 124]. В написании *э* и *e* после гласных проекты Правил предлагают учитывать либо буквенный контекст и словарный порядок (после гласных, кроме *и*), либо только словарный порядок (после гласной *и*).

5. Проекты Правил 1951 (§9), 1955 (§9), Правил 1956 (§9): *кеб, бекон, бемоль, леди, кафе, адекватный, анестезия, кашне, эвкалипт, эфес, диета, пиэмия*. После согласных (независимо от их качества) устанавливается написание *e*, за исключением *пэр, мэр, сэр*⁴⁷⁵ и некоторых имен собственных (*Улан-Удэ*).

⁴⁷³ Следует отметить, что правило отчасти соотносится с наблюдениями Р. И. Аванесова, экспериментальным путем установившего, что «не все согласные в равной мере оказываются способными к твердому произношению перед *e*. Здесь выделяются прежде всего задненебные [к], [г], [х], которые в словах иноязычного происхождения, как и во всяких других словах, перед *e* смягчаются... Мало способны к твердому произношению перед *e* губные согласные» (выд. мной – С. Н.) [Аванесов, 1954, с. 13]. Именно после этих двух групп согласных Правила 1947 рекомендуют написание *e*. С другой стороны, «случаи произношения твердых согласных перед [e] в словах иноязычного происхождения падают, главным образом, на зубные согласные (кроме *л*) и *р*, а именно на согласные *т, д, с, з, н, р*» [Там же].

⁴⁷⁴ «Оговорку относительно написания через *э* некоторых имен собственных нужно исключить, т.к. она, в сущности, сводит на нет все правило» [Шубов, 1964, с. 44]. Н. А. Еськова замечает, что написание *э* в именах собственных всегда останется «лазейкой» для проникновения этих орфограмм и в нарицательные имена [Еськова, 1964, с. 47].

⁴⁷⁵ «Только желание избежать омонимии заставляет сохранять *э* в словах *мер, пэр, сэр* (а разве так уж страшно писать *мер, пер, сер?*)» [Максимова, 1965, с. 85]. Ср.: «Написание через *э* слов *мэр, пэр, сэр* может быть сохранено. Оно принято как традиционное во всей литературе, издаваемой на русском языке» [Шубов, 1964, с. 44].

После гласной *и* пишется *е*, например: *диета, пиемия, гигиена*. После гласных (кроме *и*) пишется преимущественно *э*, в отдельных случаях, определяемых в словарном порядке, может быть *е*: *статуэтка, поэзия, маэстро*, но *проект, проекция, траектория*. [Правила, 1951, с. 13, 124; Правила, 1955, с. 11, 120; Правила, 1956, с. 10].

Регламентация правописания *э* и *е* в заимствованных словах как относящихся к особой подсистеме языка первоначально рассматривалась в анализируемых проектах сразу в двух разных разделах: «Правописание гласных», где обсуждались общие принципы употребления буквы *э* с приведением в иллюстративном материале иноязычных слов, и в разделе «Правописание иноязычных слов», который уточнял и детализировал рекомендации раздела «Правописание гласных», определяя случаи, когда в иноязычных словах, в отступление от общего правила написания *э*, пишется *е* (Правила 1936, Правила 1936 (2), Правила 1939). Проект Правил 1939 (2)) объединил рекомендации в специальном разделе «Правописание иноязычных слов». Следующие Правила 1940, Правила 1947, Правила 1948, Правила 1951, Правила 1955 и Правила 1956 рассматривают их в разделе «Правописание гласных», следуя общему принципу организации правил: от употребления буквы – к правописанию слова.

Нестабильность написаний *э* / *е* после согласных (не в начале корня) стала очевидной практически сразу же после утверждения Правил 1956, несмотря на ясность правила и точный перечень исключений. «Можно назвать десятки нарушений этого четкого правила, встречающихся не только в периодической печати, но и в словарях» [Букчина, 1974, с. 117; Букчина, 1988]. Печать употребляет букву *э* шире, чем это предусматривается правилом [Шубов, 1964, с. 41]. Колебания возникают потому, что «работники издательств, (а иногда и составители словарей, энциклопедий) применяют то *е*, то *э* при передаче одних и тех же звуков, морфологических элементов, слов или имен» [Букчина, 1974, с. 117; Букчина, 1988, с. 6; Шубов, 1964, с. 41].

В «Предложениях по усовершенствованию русской орфографии» 1964 г. и «Проекте изменений некоторых правил русского правописания» 1973 г. пункты,

связанные с корректировкой порядка регламентации написания *э* и *е* после согласных и гласных, не заявлены.

8. Суффикс -оньк- в уменьшительно-ласкательных существительных:

полосо(ы)нька, волосо(ы)ньки, косо(ы)ньки, кисо(а)нька, березо(ы)нька, лисо(а)нька, рыбо(а)нька, Лизо(а)нька.

Как отмечает А. Б. Шапиро, никаких оснований для употребления вместо суффикса *-оньк* после твердого согласного основы (соответствующего суффиксу *-еньк* после мягкого согласного, йота и шипящего) *-ыньк* или *-аньк* «привести невозможно», поэтому «чем скорее здесь будет устранен разнобой, тем лучше себя будут чувствовать пишущие и читающие» [Шапиро, 1951, с. 63].

Предложение

Проекты Правил 1936 (2) (§ 17), Правил 1947 (§ 36), Правил 1948 (§ 21), Правил 1951 (§ 21), Правил 1955 (§ 21), Правил 1956 (§ 21): *полосонька, волосоньки, лисонька, березонька, липонька, Лизонька.* Устанавливается единообразное написание суффикса *-оньк-* после твердых согласных в соответствии с *-еньк-* после мягких согласных и шипящих, например: *маменька, душенька, Катенька* [Таблицы к сводам, 1937, с. 6; Проект 1947:118; 1948: 124; Правила, 1951, с. 124, Правила, 1955, с. 120; Правила, 1956, с. 33].

Основание

<...> Устанавливается единообразное написание суффикса *-оньк-* после твердых согласных в соответствии с *-еньк-* после мягких согласных и шипящих (*березонька, липонька, Лизонька*, ср. *маменька, душенька, Катенька*) [Правила, 1955, с. 120].

9. Суффиксы -инск- и -енск- в прилагательных, образованных от географических наименований: *зарече(и)нский, мытищи(е)нский, охти(е)нский, пресне(и)нский, пензе(и)нский прохладне(и)нский.*

Существующий «разнобой ничем не обоснован и препятствует формулировке правила, заставляя обращаться к словарю» [Таблицы к сводам, 1937, с. 7]. Вопрос о написании *-инск-* и *-енск-* в географических наименованиях особую «остроту» приобрел во время Великой Отечественной войны [Обнорский, 1944, с. 32].

А. Б. Шапиро правописание *-инск-* и *-енск-* относил к одному из самых трудных разделов нашего письма, поскольку, во-первых, с течением времени их изначально сложный характер (этимологически в обоих притяжательный суффикс *-ин + -ск*) перестал осознаваться и в новые образования он стал включаться как единая морфема. Во-вторых, если суффикс *-инск* может быть ударным и безударным, то *-енск* в прилагательных всегда безударный, соответственно при соблюдении основного принципа письма для него «места не оказалось бы вовсе», однако слов с ним «в действительности очень много»⁴⁷⁶ [Шапиро, 1951, с. 69]. В-третьих, в одинаковых по типу образованиях можно было встретить то *-инск*, то *-енск-*: *Ялта – ялтинский*, *Жиздра – жиздринский*, но *Пресня – пресненский*, *Пенза – пензенский*. Причина разнобоя заключается в том, что эта область правописания «никем не регулировалась»⁴⁷⁷. В условиях активной хозяйственно-экономической деятельности и связанного с ней процесса образования новых населенных пунктов, «безусловно, требуются твердые правила» [Там же].

Для дальнейшей кодификации был выбран вариант установить правила, стремясь «сохранить» наиболее утвердившиеся написания «без изменений или с очень незначительными изменениями», поскольку последовательное упорядочение этого типа написаний привело бы к радикальному решению «вовсе упразднить» суффикс *-енск*, оставив только один *-инск* [Там же].

Предложения

1. Проект Правил 1936 (2) (§ 27) устанавливает написание суффикса *-инск-* в производных от географических наименований на *-а (-я)* и от несклоняемых на *-и*: *жиздринский* (Жиздра), *преснинский* (Пресня), *пензинский* (Пенза), *ялтинский*

⁴⁷⁶ К. И. Былинский и Н. Н. Никольский отмечают, что во многих случаях выбор суффикса «определяется традицией», поэтому в спорных случаях, наоборот, рекомендуют «предпочесть *-енский*» [Былинский, Никольский, 1949, с. 27].

⁴⁷⁷ «Грот в свое время коснулся вопроса о правописании прилагательных с суффиксами *-инск* и *-енск*. Но, как и во многих других случаях, он не только не предложил какого-либо усовершенствованного правила, написания таких прилагательных, но и даже не исчерпал всех случаев разнобоя, а лишь ограничился описанием наиболее резких из существующих расхождений, оставив читателя лицом к лицу с создавшимся трудным положением. За период, прошедший со времен Грота, количество прилагательных, о которых идет речь, выросло во много раз, следовательно, значительно увеличились и затруднения в их написании» [Шапиро, 1951, с. 71].

(Ялта), *охтинский* (Охта), *сочинский* (Сочи), но *зареченский*, ***мытищенский***, *грозненский*, *фрунзенский* [Правила, 1936 (2), с. 14].

2. Проект Правил 1947 (§ 29) регламентируют написание суффикса ***-инск-*** в производных от географических наименований в следующих случаях:

- а) на *-ин*, *-ина*, *-ино*, *-инск* (*гатчинский* (Гатчина), *оленинский* (Оленино));
- б) на *-а* (*-я*), если перед ним нет сочетания согласных с *н* (*ялтинский* (Ялта), *жиздринский* (Жиздра), *охтинский* (Охта), *лодзинский* (Лодзя));
- в) на *-и* и *-ы* (склоняемые и несклоняемые): ***мытищинский*** (Мытищи), *сочинский* (Сочи), *гагринский* (Гагры));
- г) с основой на *к*, *г*, *х* (*птухинский* (Птуха), *ронгинский* (Ронга), *глубокинский* (Глубокий и Глубокая).

Во всех остальных случаях пишется суффикс ***-енск-***: (*пресненский* (Пресня, на *-а* (*-я*), но перед ним есть сочетание согласных с *н*), *пензенский* (Пенза), *тосненский* (Тосня), *прохладненский* (Прохладная). С учетом суффикса прилагательного устанавливается и написание образованных от них существительных: *Ялта* – *ялтинский* – *ялтинец*, *Пенза* – *пензенский* – *пензенец* [Правила, 1947, с. 21].

Уточнение оснований выбора суффикса приводит к изменениям рекомендаций для следующих слов:

1) ***преснинский*** (Пресня), ***пензинский*** (Пенза) по Правилам 1936 (2) пишутся с суффиксом ***-инск-***, т.к. образованы от географических наименований на *-а* (*-я*), но по Правилам 1947 – ***пресненский*** (Пресня), ***пензенский*** (Пенза), т.к. перед ним есть сочетание согласных с *н*);

2) ***мытищенский*** по Правилам 1936 (2) пишутся с суффиксом ***-енск-***, т.к. не подходит под условия выбора суффикса ***-инск-*** (на *-и*, но склоняемое), но по Правилам 1947 – ***мытищинский*** (Мытищи), т.к. образовано от склоняемого географического наименования на *-и*.

3. В проекте Правил 1948, (§ 34), Правил 1951 (§ 29) появляется уточнение, что возможны написания, вопреки правилу с суффиксом ***-инск-*** вместо ***-енск-***:

ельнинский (Ельня, хотя *пресненский* (Пресня), *баландинский* (Баланда), *икрянинский* (Икряное) [Правила, 1948, с. 22; Правила, 1951, с. 22].

4. В проектах Правил 1955 (§ 29), Правил 1956 (§ 29) порядок регламентации сохраняется, но формулировка правила становится более компактной, ограничивая рекомендации выбора суффикса *-инск-* двумя тезисами: от географических наименований на *-и* и *-ы* (склоняемые и несклоняемые): *мытищинский* (Мытищи), *сочинский* (Сочи), *гагринский* (Гагры), *топкинский* (Топки); на *-а* (*-я*) в отличие от предыдущих проектов без учета, есть или нет сочетание согласных с н: *ялтинский* (Ялта), *жиздринский* (Жиздра), *охтинский* (Охта), *лодзинский* (Лодзя), *ронгинский* (Ронга), *ельнинский* (Ельня), *дубнинский* (Дубна). Однако уточняется, что некоторые прилагательные, образованные от существительных на *-а* (*-я*), в соответствии с прочно установившейся традицией, сохраняют написание суффикса *-енск-*: *пресненский*, *пензенский*⁴⁷⁸ [Правила, 1955, с. 18; Правила, 1956, с. 18]. Таким образом, проекты не упорядочивают, а всего лишь пытаются описать непоследовательную практику, обосновывая выбор суффиксов характером основы (на гласный, на согласный (кроме заднеязычного), на заднеязычный согласный), на склоняемостью / несклоняемостью производящего существительного (географическое наименование), наконец, наличием сочетаний согласных с *н*.

В «Предложениях по усовершенствованию русской орфографии» 1964 г. во всех прилагательных, образованных от географических наименований, обсуждается написание суффикса *-инск-*: *пензинский*, *преснинский*, *фрунзинский*. Написание с *-енск-* возможно тогда, когда часть *-ен-* не входит в этот суффикс: *коломенский*, *ровенский*, *песоченский* (*Коломна*, *Ровно*, *Песочня*). Отмечается, что «для двойкой орфографической передачи» суффикса нет оснований, поскольку под ударением он выступает только в виде *-инск-*: *карагандинский*, *алма-тинский*, *туапсинский*. Разграничение суффиксов *-инск-* и *-енск-* не более, чем

⁴⁷⁸ Академический «Орфографический справочник» отмечал, что «неправильны написания *Пензенский*, *Пресненский*» (в издании с прописной) [Орфографический справочник, 1936, с. 27].

«дань традиции» и весьма непоследовательной привычке [Предложения по усовершенствованию русской орфографии, 1964, с. 13].

10. Глаголы на -енеть со значением изменения состояния:

дереве(я)неть, косте(я)неть, обледе(я)неть, остекл е(я)неть, окрове(я)нить, но только *цепенеть, остолбенеть, остервенеть*.

В существующей практике «царит неоправданный разницей», следует подчинить «все подобные глаголы одному правилу»⁴⁷⁹ [Таблицы к сводам, 1937, с. 8]. Написания с буквой *я* возникли под влиянием прилагательных *деревянный* и *ледяной, костяной, стеклянный*. Однако эти глаголы «правильнее» сближать с глаголами *оцепенеть, остолбенеть* [Орфографический справочник, 1936, с. 31]. По мнению С. П. Обнорского, было бы «естественно» эти глаголы «объединить правописно» как образования на *-енеть* [Обнорский, 1944, с. 32].

Я. К. Грот в указателе к «Русскому правописанию» приводит эти глаголы с буквой *я*: *деревянный, деревяжка и деревянеть; ледяной и ледянеть* [Грот, 1894, с. 898, 907].

Предложение

Проекты Правил 1936 (2) (§ 33), Правил 1947 (§ 40), Правил 1948 (§ 35), Правил 1951 (§ 35), Правил 1955 (§ 35), Правил 1956 (§ 35): *деревенеть, костенеть, окровенить* с учетом «преобладающих написаний» (ср. *остолбенеть, оцепенеть, остервенеть*). Для переходных глаголов установлено написание на *-енить*, например: *леденить, окровенить* [Таблицы к сводам, 1937, с. 8; Правила, 1947, с. 23; Правила, 1948, с. 23; Правила, 1951, с. 23; 1955, с. 20; Правила, 1956, с. 20].

Основание

⁴⁷⁹ «До настоящего времени приходится встречать двойное написание в этой группе глаголов <...> Явная необходимость установления единообразного написания приводит к выбору варианта с *е*: дело в том, что написания *обледенеть, окостенеть, одеревенеть* и производные от них (*обледенелый, одеревенелый, окостенелый*) встречаются чаще, чем написания с *я*, между тем как написаний *цепянеть, остолбенять, остервянеть* встретить нельзя» [Шапиро, 1951, с. 78].

<...> Устанавливается написание суффикса *-енеть (-енить)* ввиду преобладающих написаний с *e* в аналогичных глагольных образованиях (ср. *леденеть, леденить, остолбенеть* и др.) [Правила, 1951, с. 125].

11. Суффиксы -ив- и -ев- в отглагольных существительных: *варе(и)во, меси(е)во, кроше(и)во, куре(и)во, жары(е)во* и *круже(и)во*⁴⁸⁰.

Как правило, колебания касались существительных, образованных от глаголов второго спряжения» (*варить, месить, крошить*) или уже утративших связь с глаголом [Таблицы к сводам, 1937, с. 5].

Предложения

1. Проекты Правил 1936 (2) (§12): *вариво, крошиво, месиво*. Существительные от глаголов второго спряжения пишутся с суффиксом *-ив-*, все прочие, в том числе и те, где связь с глаголом утрачена, пишутся с суффиксом *-ев-* (*печево* (первое спряжение), *кружево, зарево* (для пишущих утрачена связь с глаголом))⁴⁸¹.

2. Проекты Правил 1947, Правил 1948 не обсуждают написание этих слов, в проектах Правил 1951, Правил 1955, Правил 1956 они отнесены к словарным словам и включены в словарь без отсылки к параграфу: *варево, крошево, курево, кружево*. Фактор спряжения не учитывается [Правила, 1956, с. 119, 135, 136, 138].

12. Гласная в окончаниях предложного падежа существительных среднего рода на -ье: *в устье(и), в ущелье(и), в Приморье(и), в Закавказье (и), о счастье(и)*.

В послереформенной практике в этом вопросе «царит разнобой», написание *-ьи* «вступает в противоречие с написаниями других слов среднего рода (*в поле, в училище*)» [Таблицы к сводам, 1937, с. 9]. В качестве обоснования выбора *-ьи* в этой позиции руководствами указывается, во-первых, наличие гласной *и* в окончании аналогичного падежа существительных на *-ие* (*о заседании, о здании, о*

⁴⁸⁰ Орфографическая комиссия, образованная при АН (Ленинград) в 1933 г. (председатель А. С. Орлов), допускала вариативное написание *круже(и)во* [Протокол № 22 заседания орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР от 14.05.1935 // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. Л. 23].

⁴⁸¹ «Непонятно, зачем нужно вводить *куруво, вариво*, хотя рядом остается *кружево, марево*, причем правописание всех этих слов определяется не каким-либо правилом, а словарем» [Былинский, Уаров, 1940, с. 35].

расширении)⁴⁸², во-вторых, возможность разграничивать предложный и винительный падежи, употребляющиеся с одинаковыми предлогами *в* и *на*: вин.п. *в ущелье, в счастье*, но пред. п. *в ущельи, в счастье*. А. Б. Шапиро отмечал, что подобные «мотивы» не могут быть убедительными, поскольку, например, у существительных среднего рода *питье, ружье, тряпье, сырье* в предложном падеже прочно утвердилось *е*: *в ружье, в тряпье, в питье, в сырье*. Следовательно, нет необходимости противопоставлять написание безударных окончаний предложного падежа ударным в одном только типе существительных среднего рода, тем более, что подобной практики не знают остальные типы этого рода, в частности, *в корыте, в мясе, в кресле* и *в решетке, на весле, на колесе* [Шапиро, 1951, с. 81].

Предложение

1. Проекты Правил 1936 (2) (§ 33), Правил 1947 (§ 45), Правил 1948 (§ 40), Правил 1951 (§ 40), Правил 1955 (§ 35), Правил 1956 (§ 35) устанавливают правило о написании *е* в предложном падеже ед. ч. у существительных на *-ье*: *в устье, в ущелье, в Приморье, в Закавказье, о счастье* [Таблицы к сводам, 1937, с. 9; Правила, 1947, с. 25; Правила, 1948, с. 25; Правила, 1951, с. 25; 1955, с. 20; Правила, 1956, с. 20].

Основание

<...> «Предпочесть окончание *-ьи*, как отличающее предложный падеж от винительного, мешает ясно слышимое *е* в ударяемых случаях: *в белье, в платье*» [Проект реформы правописания, 1930, с. 17];

<...> Устанавливается общее правило о написании в предл. пад. ед. ч. окончания *-ье* от существительных на *-ье* (ср. *в белье, в платье, на взморье*) [Правила, 1951, с. 124].

⁴⁸² Следует уточнить, что *-ьи* в дореформенной орфографии в группе *в ущелье, в Поволжье, в устье* прежде «не допускалось», оно стало «переноситься» по аналогии из группы слов на *-нье* (*ученье*), где ранее в предложном падеже существовали варианты *въ ученьѢ* и *въ ученьи*. С исключением *Ѣ* для отличия предложного и винительного падежей для первого постепенно утверждается написание *-нии*: тяжело *в ученьи* (*учении*), но *верить в ученье* (*учение*) [Проект реформы правописания, 1930, с. 17].

13. Окончания -ым и -ом в творительном падеже единственного числа

фамилий и названий населенных пунктов: *городом Калинином(ым), Кировом(ым), Колпином(ым), селом Марьином(ым), Михайловом(ым).*

В практике названия одних населенных пунктов писались только с *-ом* (*Псковом, Саратовом*), тогда как других – либо с *-ом*, либо с *-ым*. Очевидно, что вариативность объяснялась стремлением отразить различия между географическим наименованием и фамилией [Шапиро, 1951, с. 84]. Традиция и школьные учебники «предпочитают окончание *-ым*» (*тов. Калининым, городом Калининым*), новые орфографические справочники рекомендуют окончание *-ом* (*городом Калинином*), очевидно, что последняя форма является «продуктивной и постепенно войдет в практику» [Крючков, 1952, с. 33].

Предложение

1. Проекты Правил 1936 (2) (§ 39), Правил 1947 (§ 47), Правил 1948 (§ 43), Правил 1951 (§ 43), Правил 1955 (§ 43), Правил 1956 (§ 43) закрепляют с ***-ым*** написание фамилий, а с ***-ом*** названий населенных пунктов в творительном падеже мужского рода на *-ин (-ын), -ов (-ев)* и среднего рода на *-ино (-ыно), -ово (-ево)*: *городом Калинином (с тов. Калининым), Кировом (с тов. Кировым), Колпином, селом Марьином, Михайловом* [Таблицы к сводам, 1937, с. 10; Правила, 1947, с. 25; Правила, 1948, с. 26; Правила, 1951, с. 26; 1955, с. 22; Правила, 1956, с. 22].

Основание

<...>Устанавливается правило о единообразном написании окончания твор. пад. *-ом* в названиях населенных пунктов мужского рода на *-ин (-ын), -ов (-ев)* и среднего рода на *-ино (-ыно), -ово (-ево)* (ср. *Псковом, Львовом, Тихвином, Львовом, Тихвином, Марфином, Болдином*) [Правила 1951:125].

14. Сочетания -чн- и -ин- в словах, образованных от основ на к, ч, ц:

скворечн(ин)ик⁴⁸³, прачечн(ин)ая, пустьячн(ин)ый, горчицн(ин)ый, Саввичн(ин)а, Ильиничн(ин)а.

⁴⁸³ С. Е. Крючков указывал, что в частотном написании слова *скворешня* буква *ш* подчеркивает «просторечность формы, следует «признать желательным» написание *скворечня* [Крючков, 1952, с. 31].

Колебания практики «не позволяют сформулировать правило и затрудняют пишущего» [Таблицы к сводам, 1937, с. 13]. Например, в «Технико-орфографическом справочнике» Н. Филиппова допускается вариативное написание *будничный* и в соответствии с произношением *буднишний*, тогда как для *прачечной*, которое, как отмечает С. П. Обнорский, «в произношении слышно только с *шн*», устанавливается написание с *чн* [Обнорский, 1934, с. 463].

Следует сказать, что изначально литературный язык формы с *шн* знал как норму, поскольку они были «органичны» для московского наречия: «Можно было бы со всею последовательностью ожидать появление из всякого исконного русского *чн* на московской и, в частности, на литературной почве *шн*» [Обнорский, 1960, с. 249]. Однако большой пласт книжной лексики «в устах грамотеев» долго сохранялся (в значительной мере сохраняется и до настоящего времени) «в старом своем виде, с *чн*», чему «не могла не содействовать сама письменность», где написания соответствующих слов «держались по старине с *чн*»⁴⁸⁴. Таким образом, возникло определенное противопоставление книжной лексики и прочей с *шн*, «жившей по нормам московского произношения». В этих условиях произношение «грамотных книжников» и традиционное написание с *чн*, поддерживавшиеся литературной средой, стали оказывать влияние и на круг слов, «ранее нормально произносившейся с *шн*». В результате чего у последних стало «зарождаться произношение с *чн*» [Там же]. К концу XIX в. складывается относительно устойчивая норма написания подобных слов с *чн* [Там же, с. 249].

⁴⁸⁴ «Принимая во внимание, что в церковнославянских словах держится исключительно *чн* (*млечный, мрачный, вечный*), можно думать, что вообще *чн* – это книжное, церковное произношение, а *шн* – это русское, народное» [Шахматов, 2017, с. 44]; «Согласно с историей русского языка звуко сочетание *чн* в русском языке нового, исторической поры, происхождения. *Чн* предполагает древнейшее сочетание *чьн* с *ь*, который объясняет возникновение самого *ч* в порядке палатализации перед гласным переднего ряда, образовавшегося из *к*. К XII–XIII векам относится процесс исчезновения редуцированных. Исчезновение редуцированных между двумя согласными не в позициях абсолютного конца и абсолютного конца слова вызвало появление в русском языке впервые рядов новых групп согласных, таких, которые до этой поры в языке не существовали. Таким новым звуко сочетанием было *чн* <...> В единоголосном утверждении историков русского языка из сочетания *чн* на русской почве получилось *шн*, которое засвидетельствовано в памятниках уже в XIV–XV веках (*клюшник, опришными, опришне*)» [Обнорский, 1960, с. 234].

В «Русском правописании» Я. К. Грота отмечается, что согласный [ч] перед суффиксом, начинающимся с *н* «часто произносится как *ш*», поскольку «в артикуляции звуков переход к *н* от *ч* труднее, чем от *ш*». Однако, как подчеркивает формулировка правила, в орфографии эта особенность произношения не должна отражаться [Грот, 1894, с. 50]. Следует писать *скучно*, *нарочно*, *баשמачник*, *табачный*, *молочный*, *копеечный*, «хотя произносят *скушно*, *нарошно* и проч.». Равным образом должны писаться *пряничный*, *прачечная*, *пустячный*, *горничная* и отчества *Ильинична*, *Кузьминична*, *Фоминична*, *Никитична* [Там же].

Предложение

Проекты Правил 1936 (2) (§ 52), Правил 1947 (§ 59), Правил 1948 (§ 56), Правил 1951 (§ 59), Правил 1955 (§ 59), Правил 1956 (§ 56) в производных от основ на *-к*, *-ц*, *-ч* перед суффиксами, начинающимися с *н*, устанавливают написание с *ч*. Это правило распространяется и на отчества *Саввична*, *Ильинична* [Таблицы к сводам 1937, с. 13; Правила, 1947, с. 25; Правила, 1948, с. 29; Правила, 1951, с. 33; Правила, 1955, с. 29, 142; Правила, 1956, с. 29].

Отдельные проекты отмечают характерное для разговорной речи произношение сочетания *чн*: «в некоторых из этих слов произносится *ш*» [Правила, 1955, с. 32; Правила, 1956, с. 22]. Перечень исключений формируется в проектах не сразу: *двурушник*, *набалдашник* (Правила 1948); только *двурушник* (*двурушничать*, *двурушничество*) (Правила 1951, Правила 1955); *двурушник* (*двурушничать*, *двурушничество*), *городошник* (Правила 1956).

Основание

<...> Устанавливается общее правило о написании по словопроизводству *ч* в группах *чн* и *чл*, хотя в разговорной речи иногда здесь слышится *ш* (ср. *конечно* и *конечный*, *Никитична* и *Никитич*) [Правила, 1955, с. 121].

15. Написание прилагательного *веснушчатый*: *веснушч(щ)атый*.

В литературном московском произношении буква *щ* передает фонему, которой соответствует долгий мягкий звук [ш̄'] (в ленинградском произношении ему соответствует вариант [ш'ч']). Кроме буквы *щ* (щель, щука) это произношение

в правописании может передавать целый ряд буквенных сочетаний: *сч* (*счастье, расчет, песчаный, брусчатка, заносчивый, разносчик*), *зч* (*навязчивый, резчик*), *стч* (*жестче, хлестче*), *здч* (*бороздчатый, звездчатый*), *жч* (*перебежчик, мужчина*), *шч* (*веснушчатый*). Таким образом, на основании произношения определить выбор *щ* или одного из этих буквосочетаний не представляется возможным, поэтому приходится опираться на морфологические сопоставления и анализ чередований, например, *щ* как результат чередований в пределах одной морфемы с *ст* и *ск* (*густой* и *гуще, искать* и *ищу, доска* и *дощатый*) или *ск* и *ч* в разных морфемах (*брус-к-и* и *брус-ч-атка*). Кроме того, пределах одной морфемы может быть также представлено соотношение *ск* и *сч*, а не стандартное *ск* и *шч*: *пески, песчаный*. Если предположить в этом случае влияние беглой гласной, то тогда должно было быть *досчечка, досчатый* (*доска, досок*) и *плосче* (*плоский, плосок*), а не закрепившееся *дощатый, дощечка* и *плосче* [Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.), 1965, с. 76].

Подобная сложность (и не бесспорность) соответствий между *щ* и различными буквенными сочетаниями находила отражение в многочисленных колебаниях: *мужчина, мущина и мужщина* в «Словаре Академии Российской» (1789–1794, I, 166; III, IV, 324), у Н. Греча *мущина* и *мушчина* [Греч, 1843, с. 141–142], в справочном указателе «Русского правописания» Я. К. Грота *мужчина* и *мущина* [Грот, 1894, с. XVIII]; *доносчик* и *донощик, извозчик* и *извощик, счастье* и *щастье* [Разыграев, 1887]. Регулярно подобные колебания встречаются и у В.И. Даля: *вмещ(сч)ивый, износч(щ)ик, допросч(щ)иков, песч(щ)аник, песч(щ)анка, песч(щ)анный, песч(щ)истый, запесч(щ)анеть* (Словарь Даля). Одними из них были написания *веснушчатый* и *веснущатый*.

Академический «Орфографический справочник» (1936 г.) регламентирует написание *веснушчатый*, указывая в качестве аналогичных написаний производные от *лепешка* и *кошка* – *лепешчатый* и *кошчонка* (уничжительное) [Орфографический справочник, 1936, с. 55]. Рекомендацию *веснушчатый* также дают «Школьный орфографический словарь» Д. Н. Ушакова и справочник А. Б. Шапиро и М. И. Уарова [Ушаков, 1935, с. 39; Шапиро, Уаров, 1933, с. 142].

С другой стороны, не менее авторитетные Словарь Ушакова и справочники М. Вольпера, И. Н. Шапошникова, Н. Н. Филиппова в качестве нормативного указывают написание *веснущатый* [Словарь Ушакова, 1935 (I), с. 260; Вольпер, 1922, с. 34; Шапошников, 1928, с. 25; Филиппов, 1933, с. 119].

В указатель к «Русскому правописанию» Я. К. Грота слово не вошло, однако ряд дореформенных орфографических словарей рекомендуют написание *веснущатый* [Ромашкевич, 1898, с. 15; Ильин, 1912, с. 35]. Таким образом, более частотным в практике кодификации оказывается написание этого слова с буквой *щ*. Следует также отметить, что проект Правил 1947 отражает еще один возможный вариант написания слова с буквенным сочетанием *сч*: *веснусчатый* [Правила, 1947, с. 120].

Предложение

Проекты Правил 1947 (§ 57), Правил 1948 (§ 54), Правил 1951 (§ 54), Правил 1955 (§ 54), Правил 1956 (§ 43): *веснушчатый*. Написание *веснушчатый* соответствует общему правилу о написании *шч*, *жч*, *сч*, *зч*, *стч* и *здч* на стыке основ, оканчивающихся на *шк*, *жк*, *ск*, *зк*, *стк*, *зк* и суффикса: *резче* (резкий), *хлестче* (*хлесткий*), *веснушчатый* (*веснушки*) [Правила, 1947, с. 29; Правила, 1948, с. 32; Правила, 1951, с. 32; 1955, с. 29; Правила, 1956, с. 28]⁴⁸⁵.

Основание

<...> Написание *веснушчатый* соответствует общему правилу о написании *шч* в словах, образованных от основ на *ш-к*: *веснуш-ка*, поэтому *весну-ш-чатый* [Правила, 1951, с. 126].

16. Написание *щ* в прилагательном *дощатый* и его производных:

дощ(сч)атый, дощ(сч)аник.

Вероятно, колебание возникло под влиянием ряда *песок* (*пески, песка*) и *песчинка, песчаный, песчаник* (а не *пещаный, пещинка*) [Орфографический справочник, 1936, с. 55]. Первый толковый словарь русского языка «Словарь Академии Российской» указывает только одно возможное написание: *дощатый, дощаный, дощаник, дощан* (II, с. 781), Словарь Даля фиксирует два возможных

⁴⁸⁵ В более ранних редакциях проектов этот вопрос не обсуждался.

написания, отдавая предпочтение варианту с *сч* как основному: *досчаник*, *дощаник* (I, с. 495). И. А. Бодуэн де Куртенэ при подготовке третьего издания словаря В. И. Даля расширил ряд вариативных написаний, рекомендовав в качестве основного уже вариант с *щ*: *дощ(сч)аной*, *дощ(сч)атый*, *дощ(сч)ан*, *дощ(сч)аник* (I, с. 1185). Дореформенные орфографические словари начала XX в., как правило, тоже включали оба варианта написания с разной градацией: равноправные *дощатый* и *досчатый*, *дощаникъ* и *досчаникъ* (П. А. Ромашкевич, И. Н. Шапошников) либо основной и дополнительный *дощатый* [*досчатый*] (М. Ильин) [Ромашкевич, 1898, с. 33; Шапошников, 1915, с. 78; Ильин, 1912, с. 86].

Вариативность написания в послереформенный период также отмечает Словарь Ушакова: основной и дополнительный *дощаник* (или *досчаник*), *дощаной* (или *досчаной*), *дощатый* (или *досчатый*) (I, с. 793). Школьные орфографические словари И. Н. Шапошникова и Д. Н. Ушакова рекомендуют только *дощаник*, *дощатый*, *дощечка* [Шапошников, 1928, с. 57; Ушаков, 1935, с. 55]. Но справочник Н. Филиппова, наоборот, указывает *досчаник*, *досчатый* [Филиппов, 1933, с. 129]. Таким образом, большинство словарей иллюстрируют постепенное укрепление в качестве нормативного варианта написание *дощатый*, которое в вариативной паре получает статус основного и предпочтительного либо вообще указывается как единственно возможное.

Предложения

1. Проекты Правил 1947 (§ 57), Правил 1948 (§ 54), Правил 1951 (§ 54), Правил 1955 (§ 54), Правил 1956 (§ 43): *дощатый*, *дощаник* [Правила, 1947, с. 29; Правила, 1948, с. 26; Правила, 1951, с. 32; 1955, с. 28; Правила, 1956, с. 28]⁴⁸⁶.

Написание *досчатый*, *досчаник* не соответствовало правилу о написании *щ* в словах, образованных от основ на *-ск* (чередование *ск / щ*), например: *лощенный* (*лоск*), *вощенный* (*воск*), *плосце* (*плоский*), *площадь* (*плоский*), *пищать* (*писк*), *сыщик* (*сыск*), *ищейка* (*искать*).

⁴⁸⁶ В более ранних редакциях проектов этот вопрос не обсуждался.

Основание

<...> Написание *досчатый*, *досчаник* противоречит общему правилу о написании *ц* в словах, образованных от корней, оканчивающихся на *-ск* (*воск – воцаной*, *доска – доцатый*, как в *ищу* при *искать* и т. п.) [Правила, 1955, с. 122].

17. Написание прилагательных, образованных от иноязычных географических наименований на -ц: *констанц(с)кий* (Констанца), *пфальц(с)кий* (Пфальц), *грац(с)кий* (Грац), *суэц(с)кий* (Суэц).

С. П. Обнорский написания *пфальцкий*, *грацкий*, *костанцкий*, *суэцкий* считал неоправданными, возникшими по влиянием «старых» написаний *ткацкий*, *кулацкий*, *немецкий*, где произошла трансформация группы *-чск* в *-цк*. В производных же от географических наименований с основой на *-ц* имеется суффикс *-ск-*, поэтому в них, как он полагал, обязательно написание *-цск* [Обнорский, 1934, с. 462]. С другой стороны, А. Б. Шапиро был уверен, что подобные написания должны подчиняться общему правилу (*пфальцкий*, как и *ткацкий*), а не регулироваться отдельными формулировками [Шапиро, 1951, с. 101]. В «Технико-орфографическом справочнике» Н. Филиппова также рекомендуются *немецкий*, *ткацкий* и *констанцкий*, *пфальцкий* [Филиппов, 1933, с. 84].

Предложения

1. Проекты Правил 1936 (2) (§ 50), Правил 1947 (§ 55) устанавливают правило о написании *с* в суффиксе *-ск-* в прилагательных от иноязычных географических названий с основой на *-ц*, т.е. *констанцкий*, *пфальцкий*, *грацкий*. Правило также определяет и написание *суэцкий* [Правила, 1936 (2), 27; Правила, 1947, с. 28, 120].

2. Проект Правил 1948 (§ 52) уточняет рекомендации, разграничивая прилагательные, образованные от иноязычных географических названий с основой на *-ц* с предшествующей согласной (пишется *-ц-ский*) и гласной (пишется *-ц-кий*): *констанцкий*, *пфальцкий*, ***ницкий*** и *горицкий* (*Горица*), *суэцкий*, *дворжецкий* (*Дворжец*) [Правила, 1948, с. 31].

3. Проекты Правил 1951 (§ 53), Правил 1955 (§ 52), Правил 1956 (§ 52) пересматривают рекомендации для прилагательных, образованных от основ на *-цц-*, устанавливая написание *-цкий* вместо прежнего *-цкий*: *ницкий, абруцкий (Абруццо)*. [Правила, 1951, с. 31; Правила, 1955, 28; Правила, 1956, с. 27]. Рекомендации для *суцкий, горицкий, дворжецкий* сохранены.

Основание

<...> Устанавливается общее правило о написании *с* (в суффиксе *-ск-*) в прилагательных от иноязычных географических названий с основой на *ц*, которому не предшествует гласная или *цц* (*Грац*, поэтому *грацкий*; *Пфальц*, поэтому *пфальцкий* и т. п.; по этому правилу от *Суэц* – *суэцкий, Ницца* – *ницкий*) [Правила, 1955, с. 122].

Отметим указанное в этом обосновании написание прилагательного *грацкий*, которое в проектах Правил 1936 (2) и Правил 1947 первоначально рекомендовалось писать *грацкий*. Проекты Правил 1948, Правил 1951, Правил 1955 и Правил 1956 исключают его из иллюстративного материала, указывая только в основании правила уже в написании *грацкий*, так как *ц* в основе предшествует гласный (как *горицкий, дворжецкий*).

Полный академический справочник «Правила русской орфографии и пунктуации» указывает иное написание – *грацкий (Грац)*. Обновленная рекомендация правила в справочнике отчасти опирается на проекты Правил 1936 (2) и Правил 1947, предусматривая написание суффикса *-ск-* в производных прилагательных от иноязычных имен собственных (географических наименований) с основой на *ц* (кроме *-иц* и *-цц*): *грацкий, майнский, констанцкий*. В числе исключений упоминается *суэцкий* [Правила русской орфографии и пунктуации, 2006, с. 94].

18. Написание двойных согласных в иноязычных словах: *катар(р), сур(р)огат, эф(ф)ект, бел(л)етристика, дол(л)ар, либрет(т)о, бар(р)икада.*

Согласные в иноязычных словах представляют одну из самых объемных и сложно кодифицируемых групп орфографического разнообразия в истории русского правописания, находившую различное решение в лингвистических и лексикографических источниках XVIII–XX вв.⁴⁸⁷. В сложившейся практике было

⁴⁸⁷ Подробно материал изложен в: Науменко С. В. Вопросы нормализации правописания двойных согласных в заимствованных словах в проектах усовершенствования и стандартизации

«нельзя найти никакой системы» и единства [Докладная записка кафедры русского языка МГПИ Завнаркому просвещения т. Мальцеву о разное в рекомендациях // Ф. 502. Оп. 3. Д.92. Л. 9]. Я. К. Грот причину такого разноречия видел в разном понимании условий графического оформления заимствованных слов в русском письме [Грот, 1894, с. 86–89]. Вопрос относился к числу «особенно не урегулированных», согласные каждый раз передаются «по-своему», создавая «пестроту» и «путаницу», которая «остро ощущается» всеми пишущими [Проект реформы правописания, 1930, с. 37].

Предложения

1. «Проект реформы правописания» 1930 г. предусматривал полный отказ от удвоенных согласных в иноязычных словах в целях полного упорядочения (пункт № 5): *комисия, искусство, комунист, класовый, опозиция, тона*:

<...> Радикальное предложение отражает общее направление эволюции правописания иностранных слов в русском письме – по мере обрусения иностранного слова мы перестаем произносить двойную согласную (точнее, долгую согласную). Такова история произношения и правописания слов *литература, атака, адрес* и мн.др. слов... предлагаемое правило устранил колебания теперь и в будущем [Там же, с. 16–17].

В стремлении «возможно большего упрощения» реформаторы были готовы идти «даже на явное расхождение» с произношением и писать *Ана, вана, каса, сума, маса, тона, группа*, где пока «упорно» произносится долгий согласный [Проект реформы правописания, 1930, с. 16–17].

2. Проекты Правил 1936, Правил 1936 (2), Правил 1939, Правил 1939 (2), Правил 1940, Правил 1947 предпринимают попытку регламентации двойных согласных в формате традиционного правила, которое предваряет указание на обязательные условия написания двойных согласных:

- 1) наличие удвоенных согласных в оригинальной орфографии;
- 2) широкое интернациональное распространение слова и наличие связи между двойной согласной и составом слова;

3) нахождение двойной согласной в такой позиции, в которой облегчено ее длительное произношение [Правила, 1936, с. 54; Правила, 1940, с. 37; Правила, 1947, с. 32].

Правило описывает разные подгруппы заимствованных слов с учетом сложного взаимодействия этимологического, тематического, грамматического, орфоэпического или структурного факторов. Отмечается, что «вследствие затруднительности в применении изложенных правил и наличия исключений (в силу прочно установившейся практики) приходится вообще о написании иноязычных слов справляться в словаре»⁴⁸⁸ [Правила, 1939 (2), с. 57].

С удвоенными согласными рекомендовалось писать:

1) научные и технические термины греческого происхождения:

Аллегория, аллопатия, гиппопотам, грамматика (но грамота), граммофон, ипподром, каллиграфия, катарр, коллодий, коралл, кристалл, металл, параллель, симметрия, филлоксера, хлорофилл, эллипсис [Правила, 1936 (2), с. 54];

2) слова латинского происхождения при сочетании латинской приставки и корня:

Аббревиатура, акклиматизация, аннулировать, ассоциация, аппарат, диссертация, дифференциация, иллюминация, иллюзия, имманентный, иммиграция, интеллигент, иррациональный, ирригация, коллектив, коллизия, коммерция (и коммерсант), коммунизм, коммуникация (и коммюнике), корреспондент, коррозия, коэффициент, оккупация, оппозиция, оппортунизм, суррогат, суффикс, эффект [Правила, 1936, с. 55];

3) слова (независимо от их происхождения), где согласные находятся в интервокальном заударном положении или положении после гласной в абсолютном конце слова, включая производные:

Балл (также баллотировать), бацилла, ванна, вилла, грипп, (также группировать), доллар, касса (также кассета, кассир), класс (также классификация, классический), колонна (также колоннада), комиссия (также комиссар), компромисс, конгресс, либретто (также либреттист), масса (также массивный, массовик), миссия (также миссионер), прогресс (также прогрессируют, прогрессивный), пропеллер, профессия (также профессиональный), процесс (также процессуальный), сессия, сумма (также суммарный), тонна (и тоннаж), труппа, шиллинг, эксцесс, эллинг [Правила, 1947, с. 33];

4) имена собственные (и образованные от них нарицательные имена), названия народов, слова из тех языков, где удвоение согласной оказывается связанным с грамматическим значением:

⁴⁸⁸ Например, в более раннем проекте Правил 1936 (2) уточняется, что пункты правил, «требующие для своего применения специальных филологических знаний и допускающие к тому же ряд исключений, предназначены в первую очередь для составителей специальных словарей (орфографических, терминологических), а также для лиц, впервые вводящих в русскую речь термины из других языков» [Правила, 1936 (2), с. 54]. Остальным рекомендуется «обращаться во всех сомнительных случаях к орфографическому словарю» [Правила, 1936 (2), с. 54].

Аввакум, Аполлон, Виссарион, Голландия, готтентот, Пруссия (и пруссак), Россия (слово заимствовано в этой форме из греческого языка), *Руссо, финн* (но Финляндия), *бессмер, цепеллин, галлицизм* (от галл), *аллах, муэzzин* [Правила, 1939, с. 47];

5) слова, не подходящие под вышеприведенные подгруппы, но с прочно установившейся традицией написания удвоенных согласных, устанавливаемой в словарном порядке:

Баррикада, кассация, миллиметр, миллион, (но мильон), пассив, территория, террор, эссенция.

Следует отметить, что проекты Правил 1936 и Правил 1940 попытались также перечислить случаи, когда удвоенные согласные, несмотря на их наличие в языке-источнике, на письме не принято отражать:

<...> В случаях, не подходящих под пункты предыдущего параграфа (§ «Двойные согласные пишутся» – С. Н.), со значительными, однако, исключениями в отношении некоторых слов с прочно установившейся традицией написания двойных согласных: *артиллерия, асамблея, баласт, баррикада, бассейн, бюлетень, васал, галерея, конкуренция, коридор, попури, ренесанс, ресора, ресурс, тераса, территория, троллейбус, шофер* и др., но: *кассация, миллиметр, пассив, террор, эссенция* и т.п. [Правила, 1936, с. 55–56; Правила 1940, с. 68–69].

Представляет интерес рекомендация Правил 1940 одиночной согласной в слове *аббревиатура* (с. 133), тогда как в названии раздела «Буквенные аббревиатуры, сложносокращенные слова и графические сокращения» и его параграфов (§ 134–156) в тексте правил в этом слове последовательно употребляется удвоенная согласная [Правила, 1940, с. 7, 68, 133].

3. Проекты с правилом словарного типа Правил 1948, Правил 1951, Правил 1955, Правил 1956 указывают, что «написание двойных согласных в иноязычных словах определяется в словарном порядке, например: *ирригация, коррозия, кассация, эксцесс, эссенция, но афиша, литера, официальный, офорт, рапорт*»⁴⁸⁹ [Правила, 1948, с. 36]. Правило состоит буквально из строчки-указания с отсылкой к словарю.

В этом случае проекты исходят из того, что в написании двойных согласных не может быть общего принципа – правил, которые бы охарактеризовали все типы слов и предложили относительно универсальный инструмент для определения их

⁴⁸⁹ «Как известно, удвоенные согласные в корнях... иноязычных заимствований – проблема исключительно словарная» [Лингвистические основы кодификации русской орфографии, 2009, с. 47].

правильного написания. Не случайно при обсуждении возможной тактики устранения разнобоя в написании двойных согласных Л. Б. Щерба заметил, что поскольку специалистам настоятельно было рекомендовано «не производить резкого поворота» в правописании и «остаться на тех же позициях, на которых сейчас, только несколько урегулировав их», то «нет необходимости придумывать какие-то правила. Всё равно всё индивидуально, как свыклись, так и нужно писать, а эти правила никому не нужны. Всё это разрешается в словарном порядке» [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // АРАН. Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. Л. 163 об., 185].

Таким образом, послереформенные проекты усовершенствования и стандартизации орфографии обсуждали три возможных варианта нормализации правописания согласных в заимствованиях: радикальный отказ от двойных согласных без учета фактора произношения («Проект реформы орфографии», 1930), традиционное правило-предписание с разнохарактерным перечнем оснований (проекты Правил 1936, Правил 1936 (2), Правил 1939, Правил 1939 (2), Правил 1940 и Правил 1947) и словарный порядок (проекты Правил 1948, Правил 1951, Правил 1955 и Правил 1956).

«Предложения по усовершенствованию русской орфографии» 1964 г. вернулись к требованию «Проекта реформы правописания» 1930 г. об отмене двойных согласных, правда, в менее жесткой форме:

<...> В иноязычных словах двойные согласные не пишутся, например: *иригация, коррозия, дисимилиция, ассимиляция, теннис*. Удвоенные согласные пишутся только в словах *ванна, сумма, гамма* (список слов уточняется) [Предложения по усовершенствованию русской орфографии, 1964, с. 13].

В «Проекте изменений некоторых правил русского правописания», подготовленном орфографической комиссией 1973 г. вопрос об изменении порядка регламентации употребления согласных в иноязычных словах уже не рассматривался [Объяснительная записка к Проекту изменений некоторых правил русского правописания // Ф. 1781. Оп. 1. Д. 116. Л. 49–61].

Проблема кодификации согласных в заимствованиях остается по-прежнему актуальной, что подтверждают примеры устойчивых вариативных написаний уже в современном узусе [Нечаева, 2011].

4.4.2. Упорядочение слитных и дефисных написаний

1. Иноязычные приставки *контр*⁴⁹⁰ и *ультра*⁴⁹¹: *контр(-)атака*, *контр(-)переворот*, *ультра(-)правый*.

Колебания в этой группе отмечал «Проект реформы правописания» 1930 г., указывая на необходимость «писать вместе со словами» приставки *анти-*, *ультра-*, *контр-*: *антиалкогольный*, *ультрафиолетовый*, *контрреволюция* [Проект реформы правописания, 1930, с. 21]. Слитные написания *контрреволюция*, *контрассигнация*, *ультразвуковой*, *ультрацентризм*, *ультрафиолетовый*, *ультраконсерватор* представлены в справочнике А. Б. Шапиро и М. И. Уарова [Шапиро, Уаров, 1933, с. 157, 195].

«Технико-орфографический справочник» Н. Филиппова приставку *ультра-* также рекомендует «набирать вместе со словами» [Филиппов, 1933, с. 201]. Слитное написание устанавливается в справочнике и для приставки *контр-*, однако в тексте встречается не только *контрагент*, *контрфорс*, но и *контрассигновка*, *контр-миноносец*, *контр-революция*, *контр-пар* [Там же, с. 147]. Дефисное написание *контр-революция* представлено в школьном орфографическом словаре И. Н. Шапошникова [Шапошников, 1928, с. 89]. В Словаре Ушакова написание приставки *контр-* не всегда последовательно: *контрассигнация*, *контратака*, *контрпар*, *контрнаступление*, *контрразведка*,

⁴⁹⁰ «Регулярная и продуктивная (особенно в научно-технической и военной терминологии)» словообразовательная единица со значением «ответный, встречный или противоположный» по отношению к тому, что называет производящая основа [Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка, 2005, с. 248]

⁴⁹¹ «Достаточно регулярная и продуктивная (особенно в научной терминологии) единица», образующая имена прилагательные со значением признака, который характеризуется «крайней, чрезмерной степенью проявления качества» по отношению к тому, что называет производящая основа [Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка, 2005, с. 484].

контрпретензия, контрреволюционер, контрреволюция, контрфорс, но *контрудар* (I, с. 1449, 1450, 1451). Слова с приставкой *ультра-* пишутся в словаре только слитно: *ультраимпериализм, ультрароялист, ультралевый, ультрамикроскоп, ультракрасный, ультрафиолетовый* (IV, с. с. 935). Таким образом, если для приставки *ультра-* в послереформенный период утвердилось слитное написание, то рекомендации нормативных руководств в части написания приставки *контр-* не всегда последовательны.

Предложение

Проекты Правил 1936 (2), (§ 99), Правил 1947 (§ 76), Правил 1948 (§ 76), Правил 1951 (§ 76), Правил 1955 (§ 76), Правил 1956 (§ 76) последовательно регламентируют в соответствии с общим правилом о слитном написании приставок (независимо от их происхождения) *контратака, контрудар, контрмеры, контрпропаганда, контрнаступление, ультраправый, ультрареакционный, ультрарадикальный* [Правила, 1936 (2), с. 41; Правила, 1947, с. 36; Правила, 1948, с. 39; Правила, 1951, с. 39; Правила, 1955, с. 35; Правила, 1956, с. 35].

Основание

<...> Написание *контратака, ультраправый* соответствует общему правилу о слитном написании слов как с русскими, так и с иноязычными приставками [Правила, 1951, с. 126].

2. Существительные, образованные при помощи соединительной гласной: *электро(-)свето(-)водо(-)лечебница, свето(-)водо(-)лечебница, аэро(-)фото(-)съемка.*

По мнению современников, колебания в этих случаях были вызваны значительной длиной слов, несколько затруднявшей их восприятие⁴⁹². Дефисное

⁴⁹² «Встречаются написания через дефис, преимущественно в тех случаях, когда при слитном написании получается длинное слово, например электропромышленность. Однако последнее обстоятельство не может быть основанием для отступления от общего правила, тем более что в русском языке довольно часто встречаются длинные сложные слова, такие, как человеконенавистничество, семидесятилетие, рабовладельчество, удобопроизносимость, слабохарактерность, водонепроницаемость. Слова этого типа, несмотря на их многосложность, воспринимаются как на слух, так и зрительно без особого труда, благодаря

написание позволяло более отчетливо выделить образующие их части, тем самым облегчив осмысление сложного слова. Но дефисное написание противоречило общему правилу о слитном написании сложных существительных с соединительными гласными, в соответствии с которым устойчиво писались *паровоз, пароход, золотопромышленность* и т.д.

В справочнике «Орфография, пунктуация и техника корректуры» А. Б. Шапиро и М. И. Уарова проблема написания слов, состоящих из нескольких компонентов, для связи которых используются две соединительные гласные, не обсуждается. В тексте представлены слова, включающие две части и, соответственно, одну соединительную гласную: *водолечебница, светолечение, фотолечение* и т.д. [Шапиро, Уаров, 1933, с. 196, 265]. В Словаре Ушакова оказались включены тоже только слова типа *водолечебница, грязелечебница, киносъёмка* (I, с. 326, 633, 1335). В «Технико-орфографическом словаре-справочнике» Н. Филиппова обнаружен единичный пример *аэрофотосъёмка* [Филиппов, 1933, с. 112].

Нормативные руководства не содержали четких указаний относительно написания многокомпонентных слов с двумя и более соединительными гласными и частями *аэро-, фото-, электро-, гидро-, кино-* и т.д., поскольку подобные образования были достаточно новыми для лексической системы русского языка этого периода, но, безусловно, образующимися по востребованной модели.

Предложения

1. Проект Правил 1936 (2) (§ 110) устанавливает слитное написание сложных существительных, образованных при помощи соединительной гласной: *водопровод, земледелец, льнозаготовки, шарикоподшипник, хлебозавод, паровозоремонт, Нижнеднепровск, англосакс* [Правила, 1936 (2), с. 42]⁴⁹³.

отчетливости тех приемов, посредством которых осуществляется суффиксальное словообразование в русском языке» [Шапиро, 1951, с. 123].

⁴⁹³ В конце параграфа содержится отсылка к § 79, регламентирующему дефисное написание названий политических партий и направлений, сторонников, также образованных при помощи соединительной гласной: *анархо-синдикализм* [Правила, 1936, с. 38].

2. Проект Правил 1947 (§ 78) уточняет формулировку правила, особо акцентируя внимание на том, что требование слитного написания также распространяется на «все образования с *аэро-*, *фото-*, *кино-* и т.д.». В числе примеров появляются *световодолечебница*, *кинотеатр*, *аэрофотосъемка* [Правила, 1947, с. 38]. Проекты Правил 1948 (§ 78), Правил 1951 (§ 78) включают в ряд компонентов *радио-*, дополняя примеры словом *радиостанция* [Правила, 1948, с. 40; Правила, 1951, с. 41].

Основание

<...> Написание *световодолечебница*, *аэрофотосъемка* и т.п. соответствует общему правилу о слитном написании существительных, образованных при помощи соединительных гласных (ср. *водопровод*, *паровозоремонт*, *кинотеатр*) [Правила, 1951, с. 127].

3. Проект Правил 1955, (§ 78) кардинально меняет модель кодификации этой группы слов, устанавливая дефисное написание всех частей сложного слова, кроме двух последних с одной соединительной гласной (*аэро-фотосъемка*, *электро-свето-водолечебница*):

<...> Сложные имена существительные, образованные при помощи соединительных гласных, включая все образования с *аэро-*, *авиа-*, *мото-*, *кино-*, *фото-*, *стерео-*, *метео-*, *электро-*, *гидро-*, *агро-*, *зоо-*, *био-*, *микро-*, *макро-*, *нео-*, например: *водопровод*, *земледелец*, *льнозаготовки*, *паровозоремонт*, *аэропорт*, *авиамамка*, *автопробег*, *мотогонки*, *велодром*, *кинорежиссер*, *фоторепортаж*, *стереотруба*, *метеосводки*, *электродвигатель*, *гидросооружения*, *агротехника*, *зоотехник*, *биостанция*, *микроснижение*, *макромир*, *неоламаркизм*.

Примечание. В существительных, содержащих в себе две или более составных частей указанного типа, эти составные части, кроме последней (которая пишется слитно), присоединяются при помощи дефиса: *VELO-мотогонки*, *электро-свето-водолечебница*, *кино-фото-фонодокумент*, *аэро-фотосъемка* [Правила, 1955, с. 37].

Основание

<...> Устанавливается написание сложных слов данного типа через дефис, кроме последних двух частей, пишущихся слитно) для наглядного выделения составных частей сложного слова: *электро-свето-водолечебница*, *аэро-фотосъемка* [Правила, 1955, с. 122].

Подобный вариант кодификации был также ранее представлен в справочнике для работников печати К. И. Былинского и Н. Н. Никольского, где рекомендовалось сложные существительные и прилагательные, имеющие перед последней, присоединенной к существительному, частью еще одну или несколько основ того же типа, писать через дефис: *свето-водо-электрoлечебница*,

гидро-метеорология, гидро-метеорологический [Былинский, Никольский, 1947, с. 48].

4. Проект Правил 1956 (§ 78) исключает примечание о дефисном написании частей сложного существительного, утверждая в качестве итоговой формулировку о слитном написании всех частей сложного существительного независимо от их количества: *веломотогонки, аэрофотосъемка* и т.д. (перечень примеров повторяет иллюстративный ряд проекта Правил 1956. Отсылка к параграфу, регламентирующему дефисное написание составных названий политических партий и направлений (*анархо-синдикализм*), впервые обозначенная проектом Правил 1936 (2), сохранена [Правила, 1956, с. 37].

3. Написание составных названий политических партий, направлений,

а также их сторонников: *анархо(-)синдикализм анархо(-)синдикалистский, анархо(-)синдикалист, социал(-)демократия, социал(-)демократ, социал(-)демократический.*

«Технико-орфографический словарь-справочник» Н. Н. Филиппова рекомендует дефисное написание существительного *социал-демократ*, но слитное для прилагательного *социалдемократический* [Филиппов, 1933, 196; 194]. В справочнике А. Б. Шапиро и М. И. Уарова «Орфография, пунктуация и техника корректуры» представлено слитное написание существительных *социалреволюционер, социалдемократ, социалфашист* [Шапиро, Уаров, 1933, с. 38, 189]. В Словаре Ушакова регламентируется дефисное написание существительных этого ряда и соответствующих прилагательных: *социал-нацифист, социал-нацифистский, социал-соглашатель, социал-соглашательский, социал-предатель, социал-предательский, социал-фашист, социал-фашистский; социал-империалист, социал-империалистический; социал-демократ, социал-демократический* [Словарь Ушакова, 1940 (IV), с. 412–416]. «Русское правописание» А. Б. Шапиро нормирует дефисное написание существительных данной тематической группы и образованных от них прилагательных (*анархо-синдикалистский,*

тред-юнионистский), однако прилагательные с приставкой рекомендуется писать слитно: *антисоциалдемократический* [Шапиро, 1951, с. 125, 130].

Предложение

1. Проекты Правил 1936 (2) (§ 71), Правил 1947 (§ 79), Правил 1948 (§ 79), Правил 1951 (§ 79), Правил 1955 (§ 79), Правил 1956 (§ 79) устанавливают написание через дефис составных названий политических партий, направлений и их сторонников, независимо от того, что первый элемент «не образует самостоятельного слова или же связан с последующим при помощи соединительной гласной» (ср. *марксизм-ленинизм, социалист-революционер*). Дефисное написание распространяется и на соответствующие прилагательные⁴⁹⁴: *анархо-синдикализм, анархо-синдикалистский, анархо-синдикалист, социал-демократия, социал-демократ, национал-социалист, национал-социализм, национал-социалистический* [Правила, 1936 (2)⁴⁹⁵, с. 35; Правила, 1947, с. 38; Правила, 1948, с. 41; Правила, 1951, с. 41; Правила 1955, с. 38; Правила, 1956, с. 37].

Основание

<...> Устанавливается общее правило о единообразном написании через дефис названий политических партий и направлений (также их сторонников), если эти названия выражены словами, состоящими из двух элементов (ср. *социалист-революционер, социал-демократия*). Так же пишутся и прилагательные, образованные от этих существительных [Правила, 1955, с. 123].

4. Написание названий промежуточных стран света и соответствующих прилагательных: *юго(-)запад, юго(-)западный, северо(-)восток, северо(-)восточный, норд(-)ост, норд(-)остовский*.

Авторитетные нормативные издания послереформенного периода придерживались разного написания. В справочнике для работников печати А. Б. Шапиро и М. И. Уарова рекомендуется слитное написание существительных

⁴⁹⁴ Но *по-социалдемократически* (дефис пишется только после *по-*) [Правила, 1956, с. 47]. Полный академический справочник «Правила русской орфографии и пунктуации» 2006 г. регламентирует *по-социал-демократически* [Правила, 2006, с. 146].

⁴⁹⁵ В Правилах 1936 (2) представлены примеры *социал-предатель, социал-предательский* [Правила, 1936 (2), с. 35].

северовосток, югозапад (т.к. есть соединительная гласная) и прилагательных типа *северовосточный, северозападный, югозаданный*, но *южно-восточный* (т.к. состоит из двух прилагательных) [Шапиро, Уаров, 1933, с. 40, 185]. Словарь Ушакова устанавливает дефисное написание существительных *северо-восток, северо-запад*. Соответствующие прилагательные *северовосточный* и *северозападный* при этом пишутся слитно [Словарь Ушакова, 1940, (IV), с. 125].

В справочнике Н. Н. Филиппова также регламентируется дефисное написание существительных *северо-восток, северо-запад*, сохраняют его и соответствующие прилагательные: *северо-восточный* и *северо-западный* [Филиппов, 1933, с. 196, 194].

Предложение

Проекты Правил 1936 (2) (§ 73), Правил 1947 (§ 79), Правил 1948 (§ 79), Правил 1951 (§ 79), Правил 1955 (§ 79), Правил 1956 (§ 79) регламентируют дефисное написание русских и иноязычных названий промежуточных частей света, а также соответствующих прилагательных: *юго-запад, юго-западный, северо-восток, северо-восточный, норд-ост, норд-остовый* [Правила, 1936 (2), с. 35; Правила, 1947, с. 39; Правила, 1948, с. 41; Правила, 1951, с. 42; Правила, 1955, с. 38; Правила, 1956, с. 37].

Основание

<...> Устанавливается общее правило о написании через дефис названий промежуточных стран света и соответствующих прилагательных [Правила, 1947, с. 121].

Регламентация дефисного написания у существительных «правильна», поскольку «обе части равноправны», а в этом случае «в русском письме принято писать через дефис» [Таблицы к сводам, 1937, с. 17]. А. Б. Шапиро тоже указывает, что дефисное написание *юго-запад* «целесообразнее», поскольку оно способствует «более отчетливому восприятию двойственного характера» этих слов, где обе части «одинаково существенны для значения слова в целом» [Шапиро, 1951, с. 123]. В то же время от существительных «не должно отрываться» и орфографическое оформление прилагательных [Таблицы к сводам, 1937, с. 17]. По мнению А. А. Реформатского, «исходя из отношения сочинения

равноправных элементов» *норд-ост* и *норд-остовский*, *северо-восток* и *северо-восточный* следует писать через дефис [Реформатский, 1937, с. 80]. С. И. Крючков тоже считает дефисное написание прилагательных типа *северо-восточный* «более удачным», чем слитное [Крючков, 1952, с. 23].

5. Написание сложных единиц измерения: *тонна(-)километр*, *киловатт(-)час*, *человеко(-)день*, *пудо(-)верста*, *койко(-)день*.

Единицы измерения, образованные при помощи соединительной гласной, чаще писались слитно (*человекодень*), тогда как *тонна-километр*, где нет соединительной гласной, как правило, можно было встретить в дефисном написании. В связи с этим А. А. Реформатский замечает, что наличие или отсутствие соединительных гласных, будучи «внешним показателем», не может играть определяющей роли при выборе написания: «это чисто технический способ», который не должен иметь «решающего смыслового значения» [Реформатский, 1937, с. 80]. Не следует руководствоваться «внешним признаком», эти примеры «однотипны», поэтому их нужно «унифицировать в дефисных написаниях» [Там же].

Академический орфографический справочник, учитывая характер смысловых отношений между частями этого слова, регламентирует дефисное написание такой единицы измерения, как *человеко-день*⁴⁹⁶ [Орфографический справочник, 1936, с. 69]. Справочник А. Б. Шапиро и М. И. Уарова, опираясь на формальные критерии отсутствия соединительной гласной и согласования «в падеже со второй частью» при самостоятельном употреблении, наоборот, рекомендует слитное написание *киловаттчас* (в формулировке правила), но в словнике *киловат*, *киловатчас* (в словнике)⁴⁹⁷ [Шапиро, Уаров, 1933, с. 38, 201].

⁴⁹⁶ «Сложные слова, образованные от двух тем, связанных отношениями смежности, противоположности или отношениями части к целому (обычно обе темы составляют основы именные – существительные и прилагательные), пишутся через дефис» [Орфографический справочник, 1936, с. 69].

⁴⁹⁷ «Пишутся слитно существительные и образованные от них другие части речи, у которых первая часть при отсутствии соединительной гласной не употребляется как самостоятельное слово или если и употребляется, то не согласуется в падеже со второй частью: *киловаттчас*» [Шапиро, Уаров, 1933, с. 38].

В словнике также в слитном написании представлено образованное при помощи соединительной гласной слово *человекодень* [Там же, с. 156].

В «Русском правописании» А. Б. Шапиро устанавливается написание через дефис всей тематической группы, независимо от наличия или отсутствия соединительной гласной: *пудо-верста*, *человеко-день*, *тонна-километр*, *киловатт-час* [Шапиро, 1951, с. 125]. Такой же вариант кодификации представлен в справочнике К. И. Былинского и Н. Н. Никольского, но с исключением для слова *килограмметр*, для которого установлено слитное написание [Былинский, Никольский, 1947, с. 43].

Предложение

Проекты Правил 1936 (2) (§ 73), Правил 1947 (§ 79), Правил 1948 (§ 79), Правил 1951 (§ 79), Правил 1955 (§ 79), Правил 1956 (§ 79) последовательно регламентируют дефисное написание сложных единиц измерения, независимо от того, образованы они с помощью соединительной гласной или нет: *человеко-день*, *пудо-верста*, *тонна-километр*⁴⁹⁸, *киловатт-час*. Примечание устанавливает слитное написание слова *трудодень*⁴⁹⁹ [Правила, 1936 (2), с. 35; Правила, 1947, с. 38; Правила, 1948, с. 41; Правила, 1951, с. 41; Правила, 1955, с. 38; Правила, 1956, с. 37]. Дефисное написание «более правильно», так как в этих случаях имеется сочетание «двух равноправных единиц, что принято в русском письме выражать написанием через дефис» [Таблицы к сводам, 1937, с.16].

Основание

<...> Устанавливается общее правило о написании через дефис сложных единиц измерения [Правила, 1948, с. 127].

6. Написание географических названий, состоящих из существительного и последующего прилагательного: *Могилев(-)Подольский*,
Юрьев(-)Польский, *Москва(-)Товарная*, *Ростов(-)Ярославский*,
Гусь(-)Хрустальный, *Ленинград(-)Пассажирский*.

⁴⁹⁸ Орфографический академический ресурс «Академос» рекомендует *тонно-километр*.

⁴⁹⁹ «Образования этого типа обозначают, что речь идет об умножении числа единиц одного измерения на число единиц другого измерения. Поэтому сюда не подходит такое слово, как *трудодень*» [Шапиро, 1951, с. 125].

Колебания охватывали те случаи, где прилагательное находилось в постпозиции к существительному. Раздельное написание противоречило «твердо» пишущимся через дефис географическим названиям, в состав которых входили «бывшие прилагательные в краткой форме (*Брест-Литовск*)» [Таблицы к сводам, 1937, с. 20]. А. А. Реформатский указывает, что не следует «эти два случая писать по-разному»⁵⁰⁰ [Реформатский, 1937, с. 82].

Предложение

Проекты Правил 1936 (2) (§ 77), Правил 1947 (§ 79), Правил 1948 (§ 79), Правил 1951 (§ 79), Правил 1955 (§ 79), Правил 1956 (§ 79) устанавливают дефисное написание географических названий, состоящих из существительного и последующего прилагательного: *Могилев-Подольский, Юрьев-Польский, Москва-Товарная, Ростов-Ярославский, Гусь-Хрустальный, Ленинград-Пассажирский* [Правила, 1936 (2), 36; Правила, 1947, с. 39; Правила, 1948, с. 42; Правила, 1951, с. 42; Правила, 1955, с. 39; Правила, 1956, с. 38]. Написание через дефис «приводит к единообразию» написание таких однотипных географических названий, как *Орехово-Зуево, Новгород-Северск* и *Юрьев-Польский*, где первый компонент представлен существительным [Таблицы к сводам, 1937, с. 20]. Подобные названия рассматриваются в рамках общего параграфа.

Основание

<...> Устанавливается общее правило о написании через дефис географических названий, состоящих из существительного и последующего прилагательного» [Правила, 1947, с. 122].

7. Написание прилагательных, образованных от составных географических названий: *орехово(-)зуевский, брест(-)литовский, эльзас(-)лотарингский.*

Написание через дефис «правильнее», чем слитное, поскольку «подчеркивает связь данных прилагательных с соответствующими существительными», которые пишутся через дефис [Таблицы к сводам, 1937, с. 20]. А. А. Реформатский утверждает, что написание через дефис для таких

⁵⁰⁰ «В географических собственных именах разнобоя тоже немало. Одни склонны писать без дефисов *Юрьев Польский* <...> другие, наоборот, пишут через дефис даже *Вышний-Волочок*» [Реформатский, 1937, с.82].

прилагательных «правильно», поскольку при их образовании значение «входящих в них корней» и отношение «сочинения равноправных элементов» не меняется [Реформатский, 1937, с. 80]. Однако справочник А. Б. Шапиро и М. И. Уарова, наоборот, устанавливает слитное написание прилагательных *ореховозуевский, китайгородский, чехословацкий* (Чехо-Словакия в рекомендации составителей справочника) [Шапиро, Уаров, 1933, с. 39].

Предложение

Проекты Правил 1936 (2) (§ 77), Правил 1947 (§ 81), Правил 1948 (§ 81), Правил 1951 (§ 81), Правил 1955 (§ 81), Правил 1956 (§ 81) регламентируют дефисное написание соответствующих прилагательных: *орехово-зуевский, брест-литовский, эльзас-лотарингский, алма-атинский, усть-каменский, соль-илецкий* [Правила, 1936 (2), с. 35; Правила, 1947, с. 43; Правила, 1948, с. 41; Правила, 1951, с. 41; Правила, 1955, с. 42; Правила, 1956, с. 41].

8. Написание географических названий, представляющих собой сочетания имени и фамилии, имени и отчества: станции *Лев(-)Толстой, Ерофей(-)Павлович*, остров *Фернандо(-)По*.

Как указывает А. А. Реформатский, дефис в этом случае «требуется именно потому, что соответствующие названия будут иметь иную грамматическую судьбу» [Реформатский, 1937, с. 83]. Подобные географические наименования не склоняются: *был у писателя Льва Толстого, но был на станции Лев-Толстой; видел учителя Ерофея Павловича, но видел станцию Ерофей-Павлович*⁵⁰¹.

Предложения

1. Проекты Правил 1936 (2) (§ 78), Правил 1947 (§ 79), Правил 1948 (§ 79), Правил 1951 (§ 79) регламентируют дефисное написание таких географических названий [Правила, 1936 (2), с. 36; Правила, 1947, с. 40; Правила, 1948, с. 44; Правила, 1951, с. 43].

Основание

⁵⁰¹ А. А. Реформатский отмечает, что в просторечии возможны формы со склоняемым вторым компонентом: *на Лев-Толстом был пожар, на Ерофей-Павловиче грузили вагоны*. Первый компонент в этом случае все равно не склоняется [Реформатский, 1937, с. 83].

<..> Устанавливается общее правило о написании через дефис географических название, выраженных сочетанием имени и фамилии, имени и отчества [Правила, 1951, с. 128].

2. Проекты Правил 1955 (§ 79), Правил 1956 (§ 79) нормируют отдельное написание всех компонентов: станции *Лев Толстой*, *Ерофей Павлович* [Правила, 1955, с. 39; Правила, 1956, с. 39]. В соответствии с этим правилом должно писаться также отсутствующее в иллюстративном ряду географическое название *остров Фернандо По*⁵⁰².

Основание

<...> Устанавливается общее правило о отдельном написании географических названий, выраженных сочетанием имени и фамилии, имени и отчества [Правила, 1955, с. 124].

9. Написание географических названий, выраженных сочетанием существительных, соединенных при помощи предлога:

Ростов(-)на(-)Дону, Владимир(-)на(-)Клязьме, Могилев(-)на(-)Днепре, Комсомольск(-)на(-)Амуре, Франкфурт(-)на(-)Майне.

А. А. Реформатский придерживается мнения, что географические наименования, представляющие собой сочетания с предлогами, «независимо от того, связывают ли эти предлоги имена русские (*Ростов на Дону*) или иноязычные (*Франкфурт на Майне*), должны писаться слитно» [Реформатский, 1937, с. 83]. Академический «Орфографический справочник», справочник А. Б. Шапиро и М. И. Уарова вопрос о написании этой группы географических наименований не обсуждают, однако в текстах разделов о прописных буквах обнаружен пример *Ростов на Дону* [Орфографический справочник, 1936, с. 91; Шапиро, Уаров, 1933, с. 39].

Предложения

1. Проекты Правил 1936 (2) (§ 70), Правил 1947 (§ 79), Правил 1948 (§ 79) регламентируют отдельное написание подобных географических наименований:

⁵⁰² В «Словаре имен собственных» Ф. Л. Агеенко [2011], электронная версия которого представлена на справочно-информационном портале «Грамота.ру», рекомендуется *остров Фернандо-По*, см. *Биоко*.

Ростов на Дону, Владимир на Клязьме, Могилев на Днепре, Петропавловск на Камчатке [Правила, 1936 (2), с. 34; Правила, 1947, с. 39; Правила, 1948, с. 42].

Основание

<...> Устанавливается общее правило о раздельном написании географических названий, выраженных сочетанием существительных, соединенных при помощи предлога (*Владимир на Клязьме, Никольское на острове Беринга*) [Правила, 1948, с. 128].

2. Проекты Правил 1951 (§ 78), Правил 1955 (§ 79), Правил 1956 (§ 79) устанавливает дефисное написание для этой группы географических наименований: *Ростов-на-Дону, Владимир-на-Клязьме, Могилев-на-Днепре, Петропавловск-на-Камчатке* [Правила, 1951, с. 42; Правила, 1955, с. 38; Правила, 1956, с. 38]. Группа рассматривается в общем пункте параграфа вместе с сочетаниями слов, имеющими значение существительных, в состав которых входят личные формы глагола или союзы: *не-тронь-меня, любишь-не-любишь, иван-да-марья* (растения).

Основание

<...> Устанавливается общее правило о написании через дефис географических названий, выраженных сочетанием существительных, соединенных при помощи предлога [Правила, 1951, с. 124].

10. Сложные прилагательные со значением оттенков цвета:

*красно(-)белый, сине(-)бело(-)красный, бледно(-)розовый, темно(-)коричневый, бледновато(-)розовый, темновато(-)коричневый, изжелта(-)красный*⁵⁰³.

С. П. Обнорский регламентировал слитное написание прилагательных, обозначающих оттенки цвета, где один компонент подчинен другому, но дефисное с равноправным отношением компонентов: *бледнорозовый, бледноваторозовый, иссинячерный, сине-бело-красный* [Обнорский, 1944, с. 34]. Однако А. Б. Шапиро для прилагательных, называющих оттенки цвета, наряду со слитным написанием, также рекомендует и дефисное написание, учитывая

⁵⁰³ С. И. Крючков: «В именах прилагательных имеется целая группа колеблющихся написаний. Это прилагательные, обозначающие оттенки цветов. Колебания здесь поддерживаются... разными правилами» [Крючков, 1952, с. 22].

наличие определенных суффиксов и приставки: *ясноголубой, светлоричный, бледнорозовый, яркокрасный, но синевато-голубой, матово-бледный, золотисто-рыжий, иссиня-черный*⁵⁰⁴ [Шапиро, 1951, с. 130]. Справочник А. Б. Шапиро и М. И. Уарова тоже устанавливает дефисное написание прилагательных типа *изжелта-красный* и *иссиня-черный* [Шапиро, Уаров, 1933, с. 40].

Академический «Орфографический справочник» последовательно устанавливает для прилагательных *темно-бурый, ярко-оранжевый, бледно-зеленый* дефисное написание [Орфографический справочник, 1936, с. 70]. В Словаре Ушакова круг сложных прилагательных, обозначающих оттенки цвета, ограничен образованиями с компонентами *светло-* и *темно-*, которые, наоборот, рекомендуется писать слитно: *темносиний, темнорусый, светлолиловый, светлогнедой* [Словарь Ушакова, 1940, (IV), с. 85, 476]. В первых изданиях школьного орфографического словаря Д. Н. Ушакова последовательно регламентировалось слитное написание, за исключением тех случаев, когда один из компонентов оказывался наречием: *темнокрасный, синезеленый, но изжелта-красный* [Ушаков, 1935, с. 7]. В издании словаря 1944 г., дополненном С. И. Крючковым, независимо от частеречной характеристики компонентов, рекомендуется только слитное написание: *светложелтый, грязносерый, густолиловый, серебристобелый, синеватозеленый, изжелтакрасный, иссинячерный* [Ушаков, Крючков, 1944, с. 11].

В более поздних работах при наличии ряда формальных признаков, например, суффиксов *-оват / еват-*, *-ист-* *-ов / ев-* и префикса *из / ис-*, соотнесенности первой части с существительным, С.Е. Крючковым устанавливается дефисное написание как «наиболее точно отражающее и

⁵⁰⁴ «Через дефис пишутся сложные прилагательные, «обозначающие оттенки цветов, если первая основа имеет в своем составе суффикс, кроме *н* и *л*, или если первая основа начинается приставкой *из(ис)-*, например: *темновато-красный, синевато-голубой, матово-бледный, золотисто-рыжий, изжелта-красный, иссиня-черный*» [Шапиро, 1951, с. 130].

«Слитно пишутся сложные прилагательные, обозначающие оттенки цветов, если первая основа не имеет перед соединительной гласной *о* суффикса, посредством которого образована эта основа, или имеет суффикс *н, л*, а также если первая основа не имеет приставки *из(ис)-*, например, *яркокрасный, ясноголубой, бледнорозовый, мутнозеленый, светлоричный, грязносерый, густосиний, нежнофиолетовый, мяголиловый*» [Шапиро, 1951, с. 128].

традиции в правописании, и существующую практику»: *чернобурый, бледнорозовый, яркозеленый, но синевато-серый бледновато-розовый, золотисто-желтый, изжелта-красный, бутылочно-зеленый, пепельно-серый* (первые компоненты от существительных *бутылка* и *пепел*) [Крючков, 1952, с. 22].

Предложения

1. Проект Правил 1936 (2), (§ 82) последовательно регламентирует дефисное написание таких групп прилагательных, как *красно-белый, сине-бело-красный, бледно-розовый, темно-коричневый, бледновато-розовый, темновато-коричневый, изжелта-красный* [Правила, 1936 (2), с. 38]. Подобная унификация «облегчает составление правила и практику пишущих» [Таблицы к сводам, 1937, с. 21].

2. Проекты Правил 1947 (§ 80, 81), Правил 1948 (§ 81), Правил 1951 (§ 81) в случае отсутствия в первом компоненте сложного прилагательного суффиксов *-оват-* (*-еват*), *-ист-*, *-ов-* (*-ев-*) или приставки *из-* (*ис-*) устанавливает слитное написание: *чернобурый, темнорусый, бледнорозовый, яркозеленый*. Если же в первом компоненте имеются указанные суффиксы или приставка, то нормируется дефисное написание: *бледновато-розовый, синевато-серый, серебристо-серый, золотисто-желтый, изжелта-красный*. Дефисное написание регламентируется и для прилагательных, у которых первая часть образована от имени существительного: *бутылочно-зеленый, медно-красный, лимонно-желтый*. Дефисное написание нормируется также для прилагательных, образованных от двух и более основ, обозначающих равнозначные понятия: *сине-бело-красный флаг* [Правила, 1947, с. 42–43; Правила, 1948, с. 46; Правила, 1951, с. 46].

3. Проекты Правил 1955 (§ 81), Правил 1956 (§ 81) возвращаются к предложениям проекта Правил 1936 (2) и регламентируют дефисное написание всех прилагательных со значением оттенков цвета: *сине-бело-красный флаг, бледно-розовый, ярко-синий, темно-русый, черно-бурый, синевато-голубой, золотисто-желтый, пепельно-серый, бутылочно-зеленый, лимонно-желтый, изжелта-красный* [Правила, 1955, с. 42; Правила, 1956, с. 42]. А. Б. Шапиро

указывает, что в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г. остановились на дефисном написании, поскольку слитное привело бы к появлению значительного числа «длинных слов» типа *темноватокрасный, золотистожелтый, иссинячерный*, вызывающих явное «неудобство при чтении» [Шапиро, 1956, с. 23].

11. Сложные прилагательные, образованные из сочетания слов с разными смысловыми отношениями компонентов: *естественно(-)исторический, народно(-)хозяйственный, плано(-)хозяйственный, диалект-тико(-)материалистический, материалистическо(-)философский⁵⁰⁵, экспериментально(-)психологический, научно(-)исследовательский, рельсо(-)прокатный, беспроцентно(-)выигрышный, партийно(-)ком-сомольский, выпукло(-)вогнутый, мясо(-)молочный, садово(-)огородный, ссудо(-)сберегательный⁵⁰⁶, литературно(-)художественный, агитационно(-)массовый, культурно(-)просветительский, военно(-)корреспондентский, производственно(-)технический.*

С. П. Обнорский среди всего корпуса слитных и дефисных написаний «наиболее трудными вопросами» с точки зрения нормирования называет правописание сложных прилагательных, поскольку нет понимания их

⁵⁰⁵ А. Б. Шапиро считал подобные слова «очень длинными», поэтому рекомендовал их дефисное написание: *диалектико-материалистический, материалистическо-философский, военно-корреспондентский, производственно-технический, естественно-исторический, государственно-правовой* [Шапиро, 1956, с. 23]. Дефисное написание «слишком длинных» сложных прилагательных предусматривалось и проектом академического «Орфографического справочника» [Орфографический справочник, 1936, с. 70]. А. А. Реформатский называл подобную «боязнь длинных слов» несерьезной и противоречащей идее унификации, рекомендуя в соответствии с общей тенденцией слитное написание сложных прилагательных, образованных из сочетания прилагательного и существительного: *диалектикоматериалистический (диалектический материализм), материалистическофилософский (материалистическая философия), военнокорреспондентский (военный корреспондент)* [Реформатский, 1937, с. 81].

⁵⁰⁶ В Словаре Ушакова приводится прилагательное *ссудосберегательный*, содержание словарной статьи которого позволяет предположить равноправность компонентов (кредитные операции *по ссудам и сберегательному делу*), однако его слитное написание указывает на подчинительный характер отношений между компонентами. При этом принятое в справочнике А. Б. Шапиро и М. И. Уварова дефисное написание *ссудо-сберегательный* указывает на равноправность компонентов данного прилагательного [Словарь Ушакова, 1940 (IV), с. 471; Шапиро, Уаров, 1933, с. 193, 9].

многогранной природы «в четком и полном виде», соответственно, не были намечены и теоретические основания их регламентации⁵⁰⁷ [Обнорский, 1944, с. 34]. Так, сложные прилагательные вообще не упоминаются в работе Я. К. Грота «Русское правописание», в результате чего они «в настоящее время наиболее разнообразны» в написании. По своему усмотрению «разрешением этого вопроса занялась печать», что вызвало просто «невероятный разнобой, который мы наблюдаем на каждом шагу в этой области» [Реформатский, 1937, (№6), с. 76]. С. П. Обнорский отмечает и «особенную пестроту» рекомендаций нормативных изданий:

<...> Каждый справочник предлагает свою (подчас очень сложную) формулировку для регулирования соответствующих написаний, и в результате, не говоря уже о разноголосице выставляемых справочниками норм, в иллюстрационном фактическом материале внутри самых справочников оказывается та же картина полного разнобоя [Обнорский, 1934, с. 465–466].

Предложение

Вопрос о правописании сложных слов необходимо решать, учитывая «соотношения слагаемых». Если это сочинение «двух или более равноправных элементов, то слитность противопоказана», если, наоборот, речь идет о подчинении, «должно иметь место слитное написание» [Реформатский, 1937, с. 80]. Таким образом, регламентация сложных прилагательных должна исходить «из общего положения о слитном написании тех слов, где части сложения неравноправны» [Таблицы к сводам, 1937, с. 24]

⁵⁰⁷ «Одним из самых трудных и, надо с самого начала сказать, не поддающихся радикальному разрешению является вопрос о слитном, полуслитном (через дефис) и раздельном написании слов. Вопрос этот существует и почти непрерывно подвергается обсуждению с тех самых пор, как существует русская грамматическая наука и методика русского правописания» [Шапиро, 1962, с. 470].

«Вопрос этот принадлежал к числу труднейших уже в течение всего XIX столетия <...> после декрета 1918 г. <...> встал во весь рост и сделался одним из самых трудных и запутанных во всей русской орфографии» [Шапиро 1956, с. 20; 1964, с. 5].

«Ни одна орфографическая проблема не вызывает таких затруднений, как раздел орфографии о слитных, дефисных и раздельных написаниях. В словарях и орфографических пособиях часто можно встретить противоречащие друг другу и действующим правилам написания сложных слов» [Букчина, Калакуцкая, 1974, с. 5].

«Конечно, тот факт, что слитные, дефисные и раздельные написания в современной русской орфографии регулируются в значительной мере словарным порядком, создает множество неудобств и порождает один из самых распространенных и самых заслуженных упреков в адрес специалистов по орфографии» [Осипов, 2010, с. 265].

Проекты Правил 1936 (2), (§ 81, 101, 102), Правил 1947 (§ 80, 81), Правил 1948 (§ 80, 81), Правил 1951 (§ 80, 81), Правил 1955 (§ 80, 81), Правил 1956 (§ 80, 81) руководствуются семантико-синтаксическим принципом: пишутся *слитно* сложные прилагательные, образованные из сочетаний слов, в которых компоненты оказываются *подчинены* один другому по своему значению, и *через дефис* при обозначении равноправных понятий: *железнодорожный* (железная дорога), *народнохозяйственный* (народное хозяйство), *естественнонаучный* (естественная наука), *сложноподчиненное* (сложное по способу подчинения), *рельсопрокатный* (прокатывающий рельсы), *общенародный* (общий для народа), *полеззащитный* (образующий защиту полей), *металлорежущий* (режущий металл), *свеклосахарный* (относящийся к производству сахара из свеклы), *засухоустойчивый* (устойчивый к засухе), *болеутоляющий* (утоляющий боль) и *административно-хозяйственный*, *жилищно-строительный*, *беспроцентно-выигрышный*, *выпукло-вогнутый*, *партийно-комсомольский*, *садово-огородный*, *мясо-молочный*, *англо-японский*⁵⁰⁸ [Правила, 1936 (2), с. 41–43; Правила, 1947, с. 42–43; Правила, 1951, с. 44–47; Правила, 1955, с. 41–42; Правила, 1956, с. 41–42].

Следует уточнить, что сложные прилагательные типа *железнодорожный* (железная дорога) и *народнохозяйственный* (народное хозяйство) рассматривались проектами Правил 1936 (2), Правил 1947, Правил 1948 и Правил 1951 в отдельном пункте правила о слитном написании, формулировка которого учитывала не смысловую, а только частеречную характеристику компонентов: *производные от сочетания существительного и прилагательного*.

⁵⁰⁸ «Действующие правила не только не регламентируют многих вопросов слитного / дефисного написания сложных прилагательных, но даже их и не ставят. <...> Поскольку Правила 1956. недостаточно информировали пользователей о написании сложных прилагательных, задачу кодификации взяли на себя авторы многочисленных орфографических справочников и пособий. <...> В справочниках, по существу, проводится словарная работа. В частности, в пособиях Д. Э. Розенталя появляются списки первых частей сложных прилагательных, пишущихся всегда слитно (*глубоко-*, *низко-*, *мелко-*, *трудно-*, *верхне-*, *нижне-*, *ранне-*, *средне-* и др.) или через дефис (*военно-*, *массово-* *научно-* и др.). Авторы справочников прибегают также к перечислению некоторых суффиксов или других конечных частей первой основы сложного прилагательного, после которых ставится дефис как в соответствии с общим правилом, так и вопреки ему» [Русское правописание сегодня, 2006, с. 35].

В соответствии с этим проект Правил 1947 рекомендовал, например, слитное написание *экспериментальнопсихологический* (экспериментальная психология) и *диалектикоматериалистический* (диалектический материализм). Проект Правил 1951 в качестве исключения устанавливал для них дефисное написание, аргументируя тем, что первый компонент образован от иноязычной основы и содержит элемент *-ико, -ально*⁵⁰⁹.

Кроме того, отдельным примечанием в проекте Правил 1936 (2) устанавливалось дефисное написание прилагательных с перестановкой компонентов, например: *литературно-художественный* (художественная литература), *словарно-технический* (технический словарь) [Правила, 1936 (2), с.42]. В проекте Правил 1947 *литературно-художественный, словарно-технический* и новое прилагательное *политико-массовая* рассматриваются как «не подходящие под правила» [Правила, 1947, с. 43]. В проекте Правил 1955 иллюстративный ряд пополняют примеры *рыхло-комковато-пылеватый, удлиненно-ланцетовидный, подзолотисто-болотный* [Правила, 1955, с. 43]. Итоговый вариант Правил 1956 сохраняет данное уточнение.

Следует отметить, что самый первый проект Правил 1936 в примечании поясняет, что для «решения вопроса, подходит ли то или иное сложное прилагательное под правило, нужно точно установить его значение» [Правила, 1936, с. 44–45]. Например, *испано-американская война* пишется через дефис, потому что речь идет о войне между Испанией и Америкой. Тогда как это же прилагательное в сочетании *испаноамериканская литература* следует писать уже слитно, поскольку речь идет о литературе на испанском языке в Америке. Таким образом, по условиям примечания написание одного и того же прилагательного оказывается разным в зависимости от контекста. Если же установление смысловых отношений затруднено и возможно «двойное понимание», то проект

⁵⁰⁹ Выделение этого элемента с теоретической точки зрения «вряд ли можно считать удачным», поскольку *ико-* нередко оказывается не суффиксом, а частью корня, но «оно практически оказалось весьма удобным и целесообразным на письме, потому что заменяло смысловой и синтаксический анализ компонентов... структурным [Букчина, Калакуцкая, 1974, с. 25].

Правил 1936 рекомендовал написание через дефис, например: *пище-вкусовая промышленность, научно-исследовательский институт*. Представляется, что подобные указания обесценивают правило, требуя тщательного анализа контекста и подразумевая возможность вариативного написания (слитно и через дефис) большого массива сложных прилагательных, а также оставляя на усмотрение пишущих выбор дефиса там, где характеристика отношений компонентов затруднена. В следующем проекте Правил 1936 (2) примечания исключены.

Сложность и неоднозначность отношений компонентов сложного прилагательного практически «сразу же вызвала споры»⁵¹⁰ [Бешенкова, Иванова, 2011, с. 191]. Как замечают М. М. Копыленко и Я. И. Шуба, модели образования сложных прилагательных настолько разнообразны и их количество так велико, что эти обстоятельства делают невозможной полную регламентацию написания сложных слов с учетом только двух типов связи между компонентами. Кроме того, нередко «искусственно восстанавливаемая» связь между компонентами, образующими сложное слово, оказывается «весьма условной»⁵¹¹ [Копыленко, Шуба, 1964, с.142]. Правило «при всей его кажущейся простоте, никогда последовательно» практикой не соблюдалось⁵¹² [Лопатин, 2007, с. 682]. С. М. Кузьмина уточняет, что «уже в момент выработки и принятия Свода 1956 г.

⁵¹⁰ «Понятия сочинительная или подчинительная связь, равноправность и неравноправность компонентов не дают ясного критерия в руки пишущему» [Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.), 1965, с. 300].

⁵¹¹ «Правила, построенные на смысловых отношениях, трудны: для того, чтобы знать, в каких синтаксических отношениях находятся компоненты сложного слова, необходимо иметь конкретные знания о данном предмете или явлении. Семантический, смысловой критерий сложен и потому, что он не имеет формального выражения: структурно одинаковые части могут находиться и в подчинительной связи, и в сочинительной. <...> Можно ли определить тип связи компонентов (подчинительный или сочинительный) в следующих словах: *социально-нравственный* (ценность), *сюжетно-композиционный* (задача), *композиционно-пространственный* (решение), *социально-философский* (смысл), *жанрово-повествовательный* (картина), *декоративно-плоскостной* (изображение)? [Букчина, 1988, с. 34].

⁵¹² В качестве примера «массовых отступлений» можно привести такой авторитетный источник, как БСЭ (3 изд-е, 1969–1978 гг.), где дефисные написания, вопреки требованиям слитного оформления, представлены достаточно широко: *безусловно-рефлекторный, бумажно-денжный, влажно-субтропический, водноспортивный, геолого-разведочный, горно-технический, древесно-слоистый, древесно-стружечный, естественно-исторический, естественно-научный, квантово-механический, конно-спортивный, костно-пластический, медно-литейный, минно-артиллерийский, минно-подрывной, молочно-консервный, нервно-рефлекторный, церковно-приходской* [Букчина, 1988, с. 34].

правила стали нарушаться», в частности, в орфографическом словаре, изданном в 1956 г. и «призванном иллюстрировать новый свод, те же авторы, что участвовали в его разработке, дают написания, нарушающие правила»: *жилищно-кооперативный* (жилищный кооператив), *парашютно-десантный* (парашютный десант), *сравнительно-исторический* (сравнительная история), *уголовно-процессуальный* (уголовный процесс), *удельно-вечевой* (удельное вече)⁵¹³ [Кузьмина, 2008, с. 400]. С каждым последующим изданием академического «Орфографического словаря» количество написаний, не соответствующих Правилам 1956, увеличивалось. При наличии нескольких десятков слов, «не подчиняющихся сформулированному правилу, нельзя не признать, что правило это не действует»⁵¹⁴ [Лопатин, 2007, с. 682]. В академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации» (2006 г.) отмечается, что, несмотря на подчинительный характер отношений между компонентами прилагательного, требующий слитного написания выбор дефиса оказывается частотным в случае наличия в первом компоненте суффиксов *-н-*, *-енн-*, *-ов-*, *-ск-* [Правила, 2006, с. 138; Лопатин, 2007, с. 681–683].

Результатом многолетних наблюдений Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой за «массовыми отступлениями» и «упорным сопротивлением» требованиям⁵¹⁵ Правил 1956 стало правописание сложных прилагательных в соответствии с формально-грамматическим принципом, получившее отражение в словаре-

⁵¹³ В рецензии К. И. Былинского и Д. Э. Розенталя на «Орфографический словарь» 1956 г. указывались как несоответствующие требованиям «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г. дефисные написания следующих сложных прилагательных: *водно-моторный*, *горизонтально-высадочный*, *горизонтально-ковочный*, *горизонтально-сверлильный*, *горизонтально-фрезерный*, *жилищно-бытовой*, *жилищно-строительный* и т.д. [Былинский, Розенталь, 1957, с. 141–145].

⁵¹⁴ Таковы, например, написания 13-го издания «Орфографического словаря» 1974 г.: *буржуазно-демократический*, *военно-исторический*, *парашютно-десантный*, *жилищно-кооперативный*, *государственно-монополистический*, *научно-исследовательский*, *научно-фантастический*, *ракетно-технический*, *гражданско-правовой*, *врачебно-консультационный*, *молочно-животноводческий*, *стрелково-спортивный*, *экспериментально-психологический*, *ядерно-энергетический*. В 29-м издании словаря 1991 г. *патолого-анатомический*, *древесно-стружечный*, *естественно-научный*, *минно-заградительный*, *народно-поэтический*, *народно-хозяйственный*, *первобытно-общинный*, *условно-рефлекторный* (и *безусловно-рефлекторный*), *церковно-приходский* и др. [Лопатин, 2007, с. 681].

⁵¹⁵ Подробно [Букчина, Калакуцкая, 1974; Букчина, 1988].

справочнике «Слитно или раздельно?» (1972, 1-е изд.)⁵¹⁶. Этот принцип учитывает словообразовательную структуру первого компонента сложных прилагательных (отсутствие или наличие суффикса), порядок компонентов в сложном слове и словосочетании, их склоняемость или несклоняемость, категорию качественности или относительности прилагательных и др. Однако, как показал опыт сопоставления разных изданий этого справочника, данный принцип тоже не является универсальным и далеко не всегда приводит к устойчивой и последовательной рекомендации, поэтому нередко встречаются случаи корректировки написания ряда сложных прилагательных:

Водноспротивный, воднобалансовый, воднотранспортный, горноклиматический, горнолыжный, горнорудный (1972 г.) и

Водно-спротивный, водно-балансовый, водно-транспортный, горно-климатический, горно-лыжный, горно-рудный (1985, 1998 гг.);

Восточноафриканский, восточноуральский, западнокарельский, северновеликорусский, южноморавский, южноплодовый (1972 г.) и

Восточно-африканский, восточно-уральский, западно-карельский, северновеликорусский, южно-моравский, южно-плодовый (1985, 1998 гг.);

Минновибрационный, миннозаградительный, миннозаместительный, минноразыскной, минносетевой, молочнокислый, молочнопромышленный (1972 г.) и

Минно-вибрационный, минно-заградительный, минно-заместительный, минно-разыскной, минно-сетевой, молочно-кислый, молочно-промышленный (1985, 1998 гг.);

Индивидуально-связанный, линейно-падающий, однородно-ориентировочный (1972 г.) и
Индивидуально-связанный, линейно-падающий, однородно-ориентировочный (1985, 1998 гг.) [Каунова, 2009].

Работы по орфографии, посвященные проблеме написания сложных прилагательных, выявили, что практика их написания, наряду с факторами семантического соотношения основ, наличия или отсутствия суффикса в первой части, учитывает также и совпадение первого компонента с наречием, длину слова в целом и первого компонента, измеряемую в количестве слогов, частотность слова (принадлежность к общеупотребительной или

⁵¹⁶ «Нередко наличие суффикса в первой основе становится не дополнительным, подсобным средством, а основным критерием. Соответственно, отсутствие такого суффикса определяет слитное написание сложного прилагательного. В этом авторы словаря видят путь к разрешению рассматриваемой орфографической проблемы. Наблюдения над современной практикой печати показывают, что формальный принцип соблюдается далеко не всегда. Прежде всего, это относится к сложным прилагательным с бессуффиксальной первой частью и семантически равноправными однородными основами: *мясо-молочный, звуко-буквенный, фарфоро-фаянсовый, прихода-расходный, спуско-подъемный, зерно-травяной, свето-воздушный, пухо-перовой, товаро-пассажирский*» [Русское правописание сегодня, 2006, с. 36].

узкотерминологической лексике), производность от имени существительного [Борунова, 2009; Бешенкова, Иванова, 2011]⁵¹⁷.

М. В. Панов предлагает установить дефисное написание сложных прилагательных, поскольку разграничение народнохозяйственный, малоупотребительный, естественнонаучный и беспроцентно-выигрышный, светло-зеленый, русско-немецкий «в языковом отношении, фонематически это разграничение ни на чем не основано» [Панов, 2004, с. 537].

Таким образом, проблема правописания сложных прилагательных, как и до утверждения Правил 1956, относится сегодня «к горячим точкам» современной русской орфографии, оставаясь «неразрешимой»⁵¹⁸ [Зайцева, 1998, с. 1]. Безусловно, она должна быть теоретически осмыслена, но «не так, как это часто делается», когда выбор написания связывают с такими лингвистическими «тонкостями, анализ которых, может быть, и делает честь филологическим способностям», но не всегда «под силу рядовому пишущему, которому специалист адресует свои рекомендации» [Осипов, 2010, с. 266].

12. Наречия, образованные из сочетания существительного с предлогом

(слитно / отдельно / через дефис): *в(-)/()старину, в(-)/()просак, в(-)/()головах, в(-)/()зачет, в(-)/()лет, в(-)/()накладе, в(-)/()розницу, в(-)/()складчину, в(-)/()тупик, в(-)/()придачу, за(-)/()границу, за(-)/()границей, за(-)/()панибрата, за(-)/()глаза, за(-)/()полночь, бес(-)/()просвета, без(-)/()устали, без(-)/()умолку, без(-)/()удержу, до(-)/()упаду, до(-)/()зарезу, с(-)/()плеча, с(-)/()маху, со(-)/()временем, на(-)/()вылет, на(-)/()чеку, на(-)/()ощупь, на(-)/()память, на(-)/()половину, под(-)/()мышками, под(-)/()мышкой, под(-)/()мышку,*

⁵¹⁷ «Предстоит выбрать — писать ли в обоих случаях такие прилагательные слитно или все через дефис. Вероятно, последнее предпочтительнее, так как многобуквенные нерасчленимые образования, как показывают наблюдения психологов, могут затруднить чтение. Таким образом, все вопросы современной орфографической теории должны получить свое решение на основе фонематической теории; эти решения являются наиболее оправданными и с практической точки» [Панов, 2004, с. 537].

⁵¹⁸ «Сложные прилагательные — область письма, наиболее противоречиво кодифицируемая и в правилах, и в словарях, имеющая значительную долю вариативного написания в современных текстах» [Бешенкова, Иванова, 2011, с. 191]; «По-видимому, вопрос о написании сложных прилагательных может быть решен в полной мере только в словарном порядке» [Борунова, 2009, с. 91].

под(-)/()ряд и *в(-)/()сердцах*⁵¹⁹, *во(-)/()свои*, *на(-)/()бок*, *на(-)/()руку*, *на(-)/()удачу*, *со(-)/()временем*, *во(-)/()время*, *по(-)/()середке*⁵²⁰.

Самые «большие трудности» и «больше всего недовольства» в орфографической практике послереформенного периода, наряду с колебаниями в написании сложных прилагательных, вызвала неупорядоченность наречий [Шапиро, 1951, с. 136]. Существующий разнобой «коренится» в том, что «трудно установить», какие сочетания «стали наречиями», а какие – нет [Таблицы к сводам, 1937, с. 26]. А. М. Сухотин назвал вопрос о правописании подобных сочетаний одним «из самых страшных явлений русской орфографии» [Стенограмма заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936) Д. 52. Л. 207]. Встречающиеся в практике «многочисленные» дефисные написания «следует объяснять желанием как-то выйти из трудного положения, когда неизвестно, как писать – слитно или отдельно» [Реформатский, 1937, с. 77].

Наречие относится к тому грамматическому разряду слов, который регулярно пополняется за счет разных форм других частей речи, в том числе предложно-падежных форм существительных. Их переход в наречие начался давно и продолжается непрерывно, при этом и предлог, и существительное утрачивают свои прямые значения, в результате чего на месте сочетания двух слов (служебного и знаменательного) появляется одно цельное слово с единым значением. Безусловно, образование наречий из предложно-падежных форм существительных – процесс длительный, поэтому в языке в любой момент можно встретить сочетания, чей переход уже завершен, и те, которые находятся в его различных фазах, когда «путь превращения в одну лексическую единицу» еще не

⁵¹⁹ Встречающиеся сейчас многочисленные написания через дефис <...> следует объяснять желанием как-то выйти из трудного положения, когда неизвестно, как писать – слитно или отдельно» [Реформатский, 1937, с. 77].

⁵²⁰ С. Е. Крючков отмечает, что колебания в написании наречий, в состав которых входили, например, полные и краткие прилагательные, практически не встречались: *вкрутую*, *вплотную*, *влево*, *замертво* [Крючков, 1952, с. 33]. Наши наблюдения за справочниками А. Б. Шапиро, М. И. Уарова, Н. Н. Филиппова, Л. И. Служивова, Словарем Ушакова и рядом других подтверждают эту особенность послереформенной практики: *вплотную*, *врукопашную*, *вчистую*, *вхолостую*, *вправо*, *заподлинно*.

дошел «до полного слияния в одно слово» [Реформатский, 1937(№6), с. 77]. По существу, выбор написания для наречия является в большей степени лексическим, нежели собственно орфографическим вопросом [Шапиро, 1951, с. 120]. На первый взгляд здесь можно было бы руководствоваться общим принципом – писать слитно то, что является отдельным словом, обладающим смысловой цельностью, а раздельно – самостоятельные слова или их сочетания.

Однако попытка применения этого простого принципа к наречиям неизбежно наталкивается на противоречия, свойственные языку в движении [Реформатский, 1937 (№ 6), с. 77]. «Скажите, что наречие, а что не наречие, – писал А. Б. Шапиро, – и тогда все будет просто и легко. Но именно на этот вопрос часто бывает очень трудно дать прямой и убедительный ответ» [Шапиро, 1956, с. 26]. Между тем правописание здесь не может быть условным или произвольным, оно должно «отражать языковые отношения» [Реформатский, 1937 (№ 6), с. 77].

Я. К. Грот тоже замечает, что наречия производят в нашем письме более всего «пестроты и путаницы». Стремление писать наречия слитно «совершенно законно и правильно», когда оба слова «теряют» свое самостоятельное значение, выражая одно понятие: *вверх, вверху, вместе, вовек, вперед, врознь, вслед, втайне, вдали*. [Грот, 1899, с. 780]. Также «естественно» писать слитно, когда последнее «нельзя принимать» за самостоятельное слово:

Вдоволь, взапуски, внутри, вплавь, вновь, встарь, вкось, вкривь, впрямь, врознь, врозь, вопреки, взаперти, вблизи, впотьмах, впоныхах, второпях, набекрень, навыворот, навзрыд, навзничь, назади, наземь, наперекор, наверняка, напрямки, напрямик, наружу, снаружи, наяву, оземь, исстари, искони, поодаль, позади поодиночке, сзади, спереди, сплошь [Там же].

Кроме того, подчеркивает он, слитное написание «вошло в обычай» и во многих других случаях, которые объяснить «точными правилами невозможно» [Там же]. Однако Я. К. Грот был весьма сдержан в оценке все более набирающего силу «усиленного обычая сливать два слова в одно», полагая, что «нет надобности беспрестанно распространять» слитные написания в целях разграничения наречий и сочетаний существительного с предлогом, «лучше» прибегать к раздельному написанию: *с разу, с размаху, в старину, за граница, за границей, со временем, в*

пору. Несмотря на эти рекомендации в тексте «Русского правописания», в словаре-указателе оказываются представлены слитные написания наречий *сразу* и *встарину (встарь)* [Там же, с. 894, 927].

Он обосновывает необходимость отдельного написания наречий тем, что, во-первых, в случае слитного оформления они должны занимать отдельное место в словаре, а это «обременяет» словник «множеством лишних слов», что «неразумно в научном смысле» и «неудобно на практике»⁵²¹.

Во-вторых, это может «вредить ясности речи», приводя к «двусмыслию». Например, слитно оформленное наречие *наряду* можно ошибочно принять за форму дательного падежа существительного *наряд*. Поэтому подобное написание допустимо тогда, когда «беспрекословно утверждено общим сознанием», а в случае сомнений следует отдавать предпочтение отдельному написанию, т.е. «врознь» [Там же, с. 781]. По мысли Я. К. Грота, в области правописания наречий «руководителем» должен выступать «установившийся обычай», и чем он старше, тем более имеет «права» на то, чтобы с ним считались [Там же]. Таким образом, рекомендации Я. К. Грота ограничивались списками наречий в тексте параграфа и филологическом указателе, а также самыми общими рекомендациями и указанием на предпочтительность отдельного написания.

Участники совещания при Академии наук по вопросу упрощения реформы от 11 мая 1917 г. предложили установить слитное и отдельное написание наречий: *встороне и в стороне, сверху и сверху, вдвое и в двое*. Декрет Народного комиссариата просвещения РСФСР о введении нового правописания от 23 декабря 1917 г. сохранил этот пункт реформы правописания, однако следующий Декрет Совета народных комиссаров о введении новой орфографии от 10 октября 1918 г. его исключил⁵²². Тем не менее вариативное написание

⁵²¹ Ср.: «Усиленное слияние в одно слово различных сочетаний повлечет за собой искусственное увеличение словарного состава языка, с одной стороны, а с другой – не будучи во многих случаях подкреплено логикой, создаст затруднения в школьной практике» [Орфографический справочник, 1936, с. 67].

⁵²² «В написании наречий исконный разнобой был закреплен параграфом Декрета о введении правописания 1917 г., где было сказано допустить слитное и отдельное написание в наречиях. <...> Правда, из повторной публикации Декрета о введении новой орфографии от

наречий встречаем, например, в «Орфографическом словаре» И. Н. Шапошникова, который имел многотысячные тиражи и вплоть до появления «Орфографического словаря» Д. Н. Ушакова оставался основным школьным справочником: *вволю* и *в волю*, *вразрез* и *в разрез*, *вразбивку* и *в разбивку* [Шапошников, 1925, с. 22, 35]. «Проект реформы правописания» 1930 г. предусматривал оформление «в одно слово без черточки» всех типов наречий в целях достижения единообразия, поскольку правило, позволяющее их писать «в одно слово или врозь», было бы «нецелесообразно ни для школы, ни для печати» [Проект реформы правописания, 1930, с. 19].

В ожидании скорого утверждения проекта печать стала активно внедрять этот пункт. И если рост слитных написаний на рубеже XIX–XX вв., как отмечает С. П. Обнорский, был «скромным и почти незаметным», то он «сильно подался вперед в революционную пору» [Обнорский, 1944, с. 35]. Теперь любое сочетание, которое «сколь-нибудь можно осмыслить как приближающееся к наречию», начали писать слитно. Это привело к появлению таких, по выражению С. П. Обнорского, «чудовищных для прежней орфографической традиции» написаний, как *досмерти* (устал), *присмерти* (лежать), *впух и впрах* (разбить), *донеузнаваемости*. Этот «непомерно выросший контингент слитных написаний», как он указывает, «ничем не оправдывается» и «таит в себе опасность» распространения на всё новые сочетания, а «их можно было бы насчитать до 400 слов». Поскольку «осмыслить необходимость» слитного написания данных слов «очень трудно», их пришлось бы запоминать подобно тому, как когда-то «приходилось заучивать *напамять* (слитно в статье – С. Н.) несколько десятков слов-корней, в которых писалась буква ять» [Там же].

С. Е. Крючков в числе основных причин колебаний называл не только частотность «переходных» случаев в силу того, что образование наречий – «живой и активный процесс», но и некоторую консервативность орфографии,

10 октября 1918 г. этот пункт был изъят. Но ведь далеко не всем это известно. К тому же во второй редакции так и не было сказано, как писать наречия этого типа» [Реформатский, 1937(№ 6), с. 77].

когда по традиции возможны отдельные написания уже давно устоявшихся наречий, например: *без умолку, в обтяжку, в одиночку* [Крючков, 1952, с. 23]. Кроме того, именно в этом разделе рекомендации различных руководств, по его наблюдениям, чаще всего оказывались изменчивыми и противоречивыми, что тоже увеличивало колебания [Там же].

Например, в справочнике А. Б. Шапиро и М. И. Уарова приведено слитное написание в тех случаях, когда сочетания, образованные на основе предложно-падежных форм существительных, получают характеристику *наречие*:

*Безумолку, вволю, врозницу, вподбор, вподъем, вправде, вправо, вразрез, вразмах, вразбивку, враздвижку, втайне, втупик, впрах, впух, запазухой, заграницу, заграницей, понутру, навьлет, навьнос, навстречу, навыворот, наглаз, на славу, наполовину, наруку, накарачках, напоказ, наперерез, нацыпочках, непоплечу, непопути, подряд, подстать, подшумок, поочереди, сплеча, сразмаху, современным*⁵²³ [Шапиро, Уаров, 1933, с. 144–145, 150, 162–164, 175].

Составители справочника признавали, что даже при «самом скромном» упорядочении написания наречий «некоторая доля новизны неизбежна»⁵²⁴ [Шапиро, Уаров, 1933, с. 10]. Раздельное написание допускается только для слов, которые, по мнению составителей, ошибочно рассматриваются как наречия, но не являются таковыми: *в обнимку, в одиночку, в обрез, в обтяжку, в обхват* [Шапиро, Уаров, 1933, с. 142–143].

В справочнике Н. Н. Филиппова при общей обратной тенденции принцип раздельного написания наречий выдержан не так последовательно, а его рекомендации нередко оказываются отличными от справочника А. Б. Шапиро и М. И. Уарова, например: *в прах, в пух, в разбивку в придачу, на славу, на карачках, по преимуществу, по-плечу, по-временам* [Филиппов, 1933, с. 122, 160, 180].

⁵²³ Дефисное написание в справочнике устанавливалось для таких групп наречий, как *по-новому, по-домашнему, по-иному, по-моему, по-большевицки, по-немецки, по-волчьи, во-первых, во-вторых, в-третьих*, но *попрежнему, повидимому* [Шапиро, Уаров, 1933, с. 32]. Академический справочник дефисное написание предлагает еще и для сочетаний *за-глаза, во-время, во-вне, до-нельзя, на-авось, на-днях, по-полудни, по-полуночи* [Орфографический справочник, 1936, с. 72].

⁵²⁴ Рецензенты отмечали, что предлагаемые справочником слитные написания «часто не соответствуют установившейся традиции», хотя это нововведение «не противоречит языку, но данное без согласования с другими справочниками и словарями расшатывает орфографическую дисциплину» [Докладная записка кафедры русского языка МГПИ Завнаркому просвещения т. Мальцеву // Ф. 502. Оп. 3. Д.92. Л. 9].

Академический справочник акцентирует внимание на написании сочетаний, которые находятся «на пути к полному их слиянию в смысле наречий», а и «присвоение» им какой-либо «одной орфографической формы явилось бы насилием над языком», поэтому здесь «следует признать допустимым двойное написание»:

В брод (вброд), в волю (вволю), в наем (внаем), в старину (встарину), за границей (заграницей), за границу (заграницу), на лицо (налицо), на повал (наповал), на половину (наполовину), на ряду (наряду), на угад (наугад), под ложечкой (подложечкой), под ложечку (подложечку), под мышками (подмышками), под мышки (подмышки), под мышкой (подмышкой), под мышку (подмышку), под спуд (подспуд), под спудом (подспудом), в перевалку (вперевалку), в припрыжку (вприпрыжку), в присядку (вприсядку), в разбивку (вразбивку), в развалку (вразвалку), на смарку (насмарку), на распаху (нараспаху)⁵²⁵ [Орфографический справочник, 1936, с. 72–73].

Таким образом, орфографические руководства отличала «очень большая пестрота в рецептуре» написаний наречий⁵²⁶ [Обнорский, 1934, с. 460]. Сложность нормирования наречий заключалась не только в выборе наиболее правильного варианта при наличии колеблющихся написаний, но и в необходимости каким-то образом обосновать ставшие уже традиционными написания.

Предложения

1. Проект Правил 1936 (2) (§ 111) обсуждает только примеры слитного написания наречий, образованных из предложно-падежных форм существительных. Они рассматриваются в подразделе «Слитно пишутся» раздела «Дефисные и слитные написания». Параграф представляет собой перечисление наречий, включающих приставки *в, до, за, к, на, о, по, с* и *не*, с пояснением, что их список уточнится при составлении орфографического словаря. Наречия с

⁵²⁵ См. далее о концепции вариативного написания наречий в работах М. В. Панова.

⁵²⁶ «Как же можно провести унификацию в этом случае? Учитывая задачи упорядочения и регламентации, а не реформы правописания, следует учесть традицию, но в то же время изжить в этом вопросе факультативность. Единственная возможность добиться этого состоит в том, чтобы: 1) запретить по возможности дефисные написания наречий, и в первую голову для тех, которые образованы соединением предлогов с существительными; 2) сохранить применение дефиса только в тех случаях, где совсем или почти не было иных написаний (*во-первых, по-русски, мало-помалу*); 3) полноценные для современного русского языка наречия, т.е. до конца лексикализовавшиеся и онаречившиеся сочетания утвердить в слитном написании, выработав точный список (*вдребезги, дотла, книзу, набекрень, начеку, невдомек*); 4) остальные писать раздельно (*в старину, навывлет, в сердцах*)» [Реформатский, 1937(№ 6), с. 79–80].

приставкой *без* отсутствуют в этом перечне, вопрос об их написании в проекте остается открытым (*без()*толку, *без()*умолку, *без()*разбору). Примечание к параграфу говорит о необходимости разграничения наречий и предложно-падежных форм существительных, однако возможный способ такой дифференциации не оговаривается, иллюстративный материал содержит только контексты с существительными без какого-либо сопоставления с примерами наречий: *в даль степей, в дали голубой, на верх горы, с начала учебного года*.

Кроме того, какая-либо классификация иллюстративного материала или его комментариев в правиле отсутствуют. С одной стороны, правило исходит из требования слитного написания наречий и отдельного оформления сочетаний существительного с предлогом, что должно было бы обеспечить в идеале простоту его применения. С другой стороны, отсутствие в правиле критерия разграничения наречий и предложно-падежной форм существительных, а также трудности квалификации даже специалистами подобных примеров, поскольку они нередко «в самом языке стоят на границе между тем и этим», делают невозможным использование правила [Панов, 2004, с. 533]. В этом случае список из 147 наречий, дополняющий правило, ориентирует пишущих на его запоминание, впрочем, как и указание, что их более полный перечень можно найти в словаре⁵²⁷. Таким образом, проект предлагает словарный принцип нормирования наречий:

Вблизи, век, вверх, ввечеру, вглубь, вглубь, вдали, вдаль, вдобавок, вдоволь, вдогонку, вдоль, вдосталь, вдребезги, вдрызг, взаимы, взаперти, взаправду, взапуски, вчасос, вчасей, вкось, вкривь, вкруг, вкупе, вместе, внаймы, вначале, вниз, внизу, вновь, внутри, внутрь, вкруг, воочию, восвояси, вослед, вперегонки, вперегонку, вперед, впереди, вплавь, вплоть, впопыхах, впопыхах, впоследствии, впотьмах, вправду, впредь, впроголодь, впрок, впросак, впросонках, впрямь, враз, врасплох, вровень, врознь, врозь, вскачь, всерьез, вскок, вскользь, вслед, вслух, всмятку, вспячь, встарь, втайне, втихомолку, второпях, въявь, доверху, донизу, дотла, замуж, замужем, зараз, испокон, кверху, книзу, кстати, набекрень, наверх, наверху, навзрыд, навстречу, назад, назади, наземь, наизусть, наискосок, наискось, накануне, наконец, накрест, наобум, наоборот, наотмашь, наотрез, наперегонки, наперед, наперед, наперекор, наперерыв, напоказ, напоследок, например, напролет, напролом, напрямик, напрямки, нараспев, нарасхват, настороже, натошак, наугад, наутек, начеку, наяву, невдомек, невдогад, невпопад, оземь, поверх, по-

⁵²⁷ Это единственное в проекте правило с таким количеством примеров.

верху, подряд, подчас, поневоле, поодаль, посередине, посреди, поутру, сбоку, сверху, сзади, слишком, смаху, снаружи, сначала, снизу, первоначально, спереди, спозаранку, спокон, спросонок, спросонья, сразу, сродни [Правила, 1936 (2), с. 45]⁵²⁸.

Предложения к проекту Правил 1936 (2) разрабатывались ленинградскими и московскими специалистами. Первые (в том числе С. П. Обнорский) обсуждали для наречий типа *вконец, вовремя, наотмашь, поневоле, сбоку, спросонок* четыре возможных способа регламентации:

- 1) слитно: *вконец, вовремя, наотмашь поневоле, сбоку, спросонок*;
- 2) отдельно: *в конец, во время, на отмашь по неволе, с боку, с просонок*;
- 3) через дефис: *в-конец, во-время, на-отмашь по-неволе, с-боку, с-просонок*;
- 4) факультативно (слитно или отдельно): *вконец и в конец, вовремя и во время, наотмашь и на отмашь, поневоле и по неволе, сбоку и с боку, спросонок и с просонок*.

Московские специалисты, в число которых входил и Д. Н. Ушаков, полагали, что «факультативность не допускается», поэтому рассматривали только два возможных способа написания наречий: «писать или слитно, или писать отдельно». Однако, как указывает А. М. Сухотин, все же придерживались идеи «побольше писать врозь», хотя Д. Н. Ушаков и замечал, что иногда ему так «хочется писать через дефис», например *во-время* [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936) Д. 52. Л. 208].

2. «Таблицы к сводам орфографических и пунктуационных правил» устанавливают отдельное написание тех наречий, которые еще сохраняют «частично значение существительных»: *в старину, на вылет, в сердцах, на руку, со временем*. Сочетания существительного с предлогом, «окончательно ставшие наречиями», по-прежнему требуется писать слитно, например: *вблизи, вверх, вдребезги, замуж, навстречу, впросак, наперекор, начеку, смаху* [Таблицы, 1937, с. 25]. Основным критерием выбора слитного или отдельного написания наречия

⁵²⁸ На одном из совместных заседаний московских и ленинградских специалистов, принимавших участие в создании проекта Правил 1936 (2), этот список был назван «несомненными». Подготовка его полного варианта была поручена А. М. Сухотину и Л. С. Ляпуновой [Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936) Д. 52. Л. 207].

оказывается значение как отражение полного или только частичного перехода предложно-падежной формы существительного в наречие;

3. Проекты Правил 1947 (§ 83), Правил 1948 (§ 84), Правил 1951 (§ 83), Правил 1955 (§ 83), Правил 1956 (§ 84) детализируют формально-грамматические характеристики, с учетом которых устанавливается слитное или раздельное написание наречий и близких к ним по значению сочетаний существительных с предлогом.

Так, **слитное написание** наречий устанавливается в следующих случаях:

1) выражение временных отношений: *сначала, навек, навеки, накануне, подчас*;

2) выражение пространственных отношений и наличие в составе существительных *верх, низ, перед, зад, высь, глубь, даль, ширь, круг, ряд, земля: наверху, вдалеке, вокруг, оземь*;

3) неупотребительность в современном русском языке представленной в составе падежной формы существительного: *вдоволь, вкось, вкупе, впотьмах, вповалку, вплоть, встарь, дотла, навзничь, начеку, спервоначала, спросонок*;

4) невозможность без изменения смысла вставить определяющее прилагательное, числительное, местоимение: *вконец (измучился вконец), вместе, вразрез, налицо, навстречу, наотрез, напоказ, наголову (разбить наголову), нарасхват, поневоле, слишком*.

Раздельное написание предлагается для случаев, когда существительное с предлогом является обстоятельством и имеет близкое к наречию значение:

1) употребление в переносном (метафорическом) смысле: *попал в тупик, это мне на руку, ты в корне неправ*⁵²⁹;

2) употребление в качестве обстоятельства (места или образа действия, меры и степени): *учился за границей, вернулся из-за границы, соскочил на ходу*,

⁵²⁹ «В тупик решено писать отдельно, чтобы подновить метафоричность. Затея напрасная: орфографическими средствами нельзя подновить семантику слова, когда она в языке закономерно изменилась» [Панов, 2004, с. 533].

взял без спросу, работает без устали, изменился до неузнаваемости, плясали до упаду, нужен до зарезу.

Также написание «в два слова» рекомендуется для наречий, «состоящих из предлога *в* и существительных, начинающихся с гласной буквы»: *в обмен, в обтяжку, в обрез, в отместку, в охапку, в упор* [Правила, 1951, с. 49]. В последующих проектах этот тип сочетаний относится к предложно-падежной форме существительного, иллюстративный ряд сохраниться полностью. Это изменение еще раз актуализирует проблему разграничения наречий и сочетаний существительного с предлогом. Также сохранится примечание к параграфу с указанием на необходимость отличать наречие и существительное с предлогом [Правила, 1947, с. 45–49; Правила, 1948, с. 48–49; Правила, 1951, с. 48–49; Правила, 1955, с. 44–47; Правила, 1956, с. 43–46].

Текст параграфа в проектах Правил 1947, Правил 1948 и Правил 1951 дополняют объемные списки наречий «Писать слитно» и «Писать раздельно». Список слитно пишущихся наречий пополнили почти 50 единиц, большую часть из них составили примеры, иллюстрирующие пункты параграфа (ранее они не включались в список), что позволяет, не обращаясь непосредственно к тексту правила, уточнять написание:

Вприсядку, вразвалку, вскорости, всухомятку, вчуже, вишьрь, задаром, запанибрата, исстари, исподтишка, испокон, исполу, исподволь, исподлобья, насмерть, наверняка, навзничь, навыворот, навывнос, навывлет, наповал, наперечет, наперебой, наперевес, напрокат, напролом, нараспашку, насилиу, намарку, настезжь, настороже, начистоту, наружу, наискосок, наудачу, обок, отроду, отчасти, поперек, пополам, пополудни, пополуночи.

Представлены случаи перекодификации: *смаху* (проект Правил 1936 (2)) и *смаху* (проекты Правил 1948, Правил 1951 и далее); *подмышкой, подмышками, подмышки* (проект Правил 1947) и *под мышкой, под мышками, под мышки* (проекты Правил 1948, Правил 1951 и далее)⁵³⁰.

⁵³⁰ «Очень своеобразными являются сочетания: *под мышку, под мышкой, под мышками, из-под мышек, под мышки*. Слово *мышка* в этих сочетаниях употреблено в значении – мышца, мускул. Теперь слово *мышка* в этом значении не употребляется. Но оно, как видно из приве-

Список раздельно пишущихся сочетаний насчитывает 70 единиц, из них 34 % (25 ед.) составляют примеры с предлогом *на*, 22 % (16 ед.) – предлогом *в*, 14 % (10 ед.) – предлогами *по* и *под*, 10 % (7 ед.) – предлогом *без*:

На бегу, на боку, на весу, на виду, на вкус, на глаз, на грех, на диво, на днях, на дом, на дыбы, на корточках, на отлете, на ощупь, на редкость, на руку, на славу, на четвереньках, в зачет, в лет, в накладе, в насмешку, в ногу, в обнимку, в обхват, в розницу, в сердцах, в складчину, в упор, по боку, по временам, по одиночке, по очереди и под гору, под конец, под ложечкой, под стать, без оглядки, без разбору, без просыпу, без толку, без устали, без удержу, без умолку.

В числе единичных представлены примеры с предлогами *до-* и *с-*: *до отвала, до отказа, до упаду, до смерти, за глаза, с разбегу, с размаху.*

В проектах Правил 1955 и Правил 1956 эти списки разбиваются на части и включаются в качестве иллюстративного материала к многочисленным пунктам параграфа, что существенно затрудняет поиск рекомендации о написании конкретного наречия или сочетания. Следует указать, что какие-либо пояснения относительно выбора написания отсутствуют, поэтому пишущие, не всегда понимая, почему тот или иной пример оказался в конкретной группе, по-прежнему вынуждены запоминать написание, так как для значительной части раздельных написаний необходимость такого оформления просто констатируется: «раздельно пишутся также некоторые близкие по значению к наречиям сочетания существительных с предлогами» [Правила, 1955, с. 46].

Наречиями в тексте правил указанной группы проектов последовательно называются только оформленные слитно единицы, тогда как раздельно оформленные трактуются в качестве близких по значению к наречиям сочетаний предлогов с существительными. Следовательно, в основе систематизации и организации материала правила лежит представление о наречии только как о графически цельнооформленном слове.

Кроме того, проблема сопоставления слитного и раздельного написаний в тексте Правил 1956 структурно оказалась не обозначена, поскольку оба типа

денных примеров, изменяется по падежам и по числам, поэтому отнести сочетания *под мышку, под мышкой, под мышками* и т. п. к наречиям нельзя, так как тогда получится, что наречия склоняются и изменяются по числам... наиболее приемлемыми являются раздельные написания: *под мышку, под мышкой* и т. д.» [Крючков, 1952, с. 28].

рассматриваются хотя и в разных пунктах (№ 5 и 6), но одного общего параграфа, причем только в проекте Правил 1955 материал о отдельном написании представлен как самостоятельный пункт. В проектах Правил 1947, Правил 1948 и Правил 1951 этот материал включается как дополнение, корректирующее содержание пункта № 5 о слитном написании с указанием, что далеко «не всякое сочетание предлога с существительным, близкое по значению к наречию, пишется слитно» [Правила, 1951, с. 43; Иванова, 2009, с. 135].

При регламентации этой группы наречий и сочетаний существительного с предлогом специалисты, во-первых, в целом стремятся «не злоупотреблять слитными написаниями» (вслед за Я. К. Гротом), во-вторых, выбирают отдельное написание, если существительное в составе сочетания частично сохраняло признаки склонения (*бегают без толку, говори толком, делает с толком*) или между предлогом и существительным можно без изменения смысла добавить определение (*без ведома и без твоего ведома, на миг и на один миг, на скаку и на всем скаку*) [Крючков, 1952, с. 25]. Отдельное написание также устанавливалось для образных сочетаний, в том числе идиоматического характера, поскольку слитные написания «обедняют их значения»: *это мне на руку, попал в тупик, разбить врага в пух и прах, пришел на взводе* [Там же].

Сложность в целом вопроса о написании наречий, образованных из предложно-падежной формы существительного, наличие традиционных написаний, «невозможность производить при быстром письме сложный и тонкий семантико-грамматический анализ» для разграничения наречий и наречных сочетаний привели к особой методике обучения правописанию наречий, основу которой составляют «зрительные образы». Кроме того, подчеркивается, что «не следует глубоко останавливаться» на способах разграничения наречий и сочетаний существительного с предлогом, поскольку «граница зыбкая, имеется много переходных случаев», а принятое написание «не всегда точно отражает языковые факты» [Крючков, 1952, с. 47]. Различие рекомендуется показывать только «на четких примерах»: *Лошадь медленно поднималась в крутую гору и Яйцо сварили вкрутую*. Также педагогу предписывается «иметь список наречий и

полунаречных сочетаний, в состав которых входят предлоги», регулярно включая их в письменные работы и списки трудных слов. Наконец, указывается на необходимость систематической работы с орфографическим словарем [Там же, с. 48].

Следует подчеркнуть, что основу нормативных рекомендаций для написания наречий и наречных сочетаний составили далеко «не безысключительно» действующие формально-грамматические и семантические требования (вопреки традиционному ожиданию от орфографического правила)⁵³¹ [Иванова, 2009, с. 111]. Кроме того, Правила 1956 оказываются построены на выделении преимущественных, но далеко «не абсолютных по своему применению» типов написания наречий и сочетаний [Там же]. Более того, правило не отмечает «многочисленные случаи орфографического несоответствия» заявленным требованиям и разного написания структурно одинаковых типов единиц (*всерьез – в шутку, вдобавок – в придачу, второях – в сердцах, начистоту – на редкость, отчасти – от души, поневоле – по злобе, попеременно – по злобе с плеча – с кандачка*). Все это «запутывает дело» и создает впечатление «хаоса, царящего в правилах» правописания наречий⁵³² [Там же]. Утверждается даже, что в современном правописании вообще «отсутствует как таковая система правил», а имеется лишь условная попытка «обобщить узуса» [Друговейко-Должанская, 2003, с. 69].

В дальнейшем вопросы создания непротиворечивых орфографических норм для наречий, возможных направлений корректировки и алгоритмизации действующих рекомендаций, разграничения наречий и предложно-падежных форм существительных обсуждались в работах Н. Н. Алгазиной, Л. Н. Булатовой, О. Е. Ивановой, О. А. Крыловой, М. В. Панова, Н. М. Шанского, А. Б. Шапиро и

⁵³¹ Ср.: «Сильные орфографические правила характеризуются следующими признаками: они 1) не имеют исключений, 2) нетрудно опознаются пишущими с формальной стороны и 3) безусловно выполняются в текстах, прошедших редактуру и корректуру» [Иванова, 2009, с. 111].

⁵³² «Раздел о слитных и раздельных написаниях наречий в Правилах 1956 построен на пестрой и разноречивой разноголосице правил. Некоторые из них совершенно искусственны» [Панов, 2004, с. 533].

др. Например, М. В. Панов предлагал учитывать, «насколько сдвинуто, несвободно значение составляющих частей такого образования» [Панов, 2004, с. 531]. Так, следует писать слитно *вобррез, вотместку, вобтяжку, водиночку, вохапку, вупор, насовесть, внасмешку*, поскольку значение приставки и корня «не стандартизовано (сужено, расширено, сдвинуто)», т.е. оно «не равно тому, которое встречается в бесконечном ряду свободных сочетаний» [Там же]. Для тех случаев, где трудно установить факт такого сдвига, норма должна быть «двухступенчатой», включающей «рекомендуемое и допустимое», поскольку орфографии не под силу «решить, слова это или сочетания слов, так как в самом языке они стоят на границе между тем и этим». Вариативность здесь «отражает промежуточные, неустойчивые явления в языке» [Там же, с. 533]. По подсчетам М. В. Панова конструкций, которые еще не полностью «окаменели в адвербиальности», около 200 единиц [Панов, 1964, с. 119]. Идею вариативности написания наречий, где не всегда представляется возможным «найти идеальное» нормативное решение, поддерживает и С. М. Кузьмина [Кузьмина, 2001, с. 408].

Концепция вариативной нормы нашла отражение в «Предложениях по усовершенствованию орфографии» 1964 г.: «писать двояко (слитно и отдельно) наречные единицы, которые представляют переходный тип между наречиями и предложно-падежными конструкциями»: *до смерти и досмерти, в струнку и в струнку, в охапку и вохапку, в общем и вобщем, за глаза и за глаза* [Предложения по усовершенствованию русской орфографии, 1964, с. 25].

13. Написание пол (половина) с последующим существительным в родительном падеже: *пол(-)версты, пол(-)часа, пол(-)яблока пол(-)оборота, пол(-)литра, пол(-)листа.*

Написание подобных слов «разнобойно», вынуждает «придумывать очень сложное правило со многими исключениями», тогда как унификация, например, через дефис «дает простое правило» [Таблицы к сводам, 1937, с. 22].

Я. К. Грот в «Русском правописании» рекомендует «писать *пол* с черточкою» перед существительным с начальным гласным (*поль-имѣнія, поль-оборота*) и перед согласным *л* (*поль-листа*), поскольку написание *поллиста*

могло бы привести, по его мнению, к развитию ассимиляции по мягкости (как в примерах *аллея* и *миллион*) [Грот, 1894, с. 94]. В указателе к «Русскому правописанию» также представлены *поль-аршина*, *поль-осьмухи* [Там же, с. 25]. В остальных случаях устанавливается слитное написание: *полгода*, *полмесяца*.

Одни нормативные руководства послереформенного периода, например «Справочник корректора» Л. И. Служивова, сохраняют гротовскую рекомендацию: *пол-аршина*, *пол-листа*, но *полдома*, *полгода* [Служивов, 1932, с. 75]. А. Б. Шапиро и М. И. Уваров дополняют ее указанием на необходимость дефисного написания сочетания *пол* с именами собственными: *пол-Москвы*, *пол-Казани* [Шапиро, Уваров, 1933, с. 37]. Другие издания, в частности «Технико-орфографический словарь-справочник» Н. Н. Филиппова и академический «Орфографический справочник», стремясь к полной унификации, во всех случаях рекомендуют дефисное написание сочетаний с *пол*: *пол-бутылки*, *пол-литра*, *пол-аршина*, *пол-оборота*, *пол-часа*⁵³³ [Филиппов, 1933, с. 86; Орфографический справочник, 1936, с. 71]. Исключение составляют *полночь*, *полдень*, *полдюжины*.

Предложения

1. Проект Правил 1936 (2) (§ 83) независимо от буквенного контекста устанавливает дефисное написание сочетания *пол-* (половина) с последующим родительным падежом существительного: *пол-версты*, *пол-литра*, *пол-часа*, *пол-комнаты*, *пол-оборота*, *пол-яблока*, *пол-Москвы*. Примечание уточняет, что через дефис пишутся также и производные образования: *пол-литровый*, *пол-литровка* (малоупотребительны, предпочтительнее *полулитровый*, *полулитровка*) [Правила, 1936 (2), с. 38].

2. Проекты Правил 1947 (§ 79), Правил 1948 (§ 79), Правил 1951 (§ 79) регламентируют дефисное написание, если существительное начинается с гласной или согласной *л* или является именем собственным: *пол-оборота*, *пол-*

⁵³³ «Слова эти являются как бы переходной ступенью от свободного сочетания *половина оборота* к полному слиянию, которое мы наблюдаем в словах *полсапожки*, *полдень*. Что значение слова *пол* сознается вполне отчетливо, можно заключить из того, что зависящий от него родительный падеж сохраняется даже в таких оборотах, где все сочетания являются подлежащим или прямым дополнением: *пол-года пролетели незаметно*, *выпил пол-кружки пива*» [Орфографический справочник, 1936, с. 71].

яблока, пол-лимона, пол-Москвы, пол-Европы. В остальных случаях устанавливается слитное написание: *полметра, полчаса, полкомнаты.* Особо оговаривается слитное написание слов, начинающихся с *полу*: *в полуверсте от города, полустанок, полукруг.* Примечание о написании производных исключено [Правила, 1947, с. 41; Правила, 1948, с. 43; Правила, 1951, с. 43].

3. Проект Правил 1955 (§ 79) возвращается к формулировке, предложенной Правилами 1936 (2), вновь устанавливая дефисное написание сочетаний *пол-* с последующим родительным падежом существительного без учета характера буквы: *пол-часа, пол-метра, пол-комнаты, пол-листа, пол-училища, пол-яблока, пол-Европы, пол-Москвы.* Указание о слитном написании слов *полушарие, полустанок, в полуверсте, получаса* сохраняется [Правила, 1955, с. 40].

4. Проект Правил 1956 (§ 79) восстанавливает рекомендации Правил 1947 (§ 79), Правил 1948 (§ 79), Правил 1951 (§ 79) относительно слитного и дефисного написания сочетаний *пол-* с последующим родительным падежом существительного [Правила, 1956, с. 39].

За пределами правила оказываются слова со второй частью, не совпадающей с формами родительного падежа, например: *полночь, полдень, полдневный, полнощный.* Они отсутствуют и в орфографическом словаре, включенном в Правила 1956. Также правилом не обсуждается написание производных слов типа *пол-литровый*⁵³⁴.

«Предложения по усовершенствованию русской орфографии» 1964 г. предусматривали дефисное написание сочетаний *пол-* (*половина*) с последующим родительным падежом существительного или числительного: *пол-лимона, пол-очка, пол-Москвы, пол-восьмого, пол-одинадцатого.* Отмечалось, что существующее правило «сложно» и искусственно, тогда как новое «унифицирует все случаи написания с *пол-*»⁵³⁵ [Предложения по усовершенствованию русской

⁵³⁴ Прилагательное *пол-литровый* встречается в дефисном написании в «Русском орфографическом словаре» и слитном *поллитровый* в «Грамматическом словаре» А. А. Зализняка [Бешенкова, Иванова, 2011, с. 171].

⁵³⁵ Ср. точку зрения М. В. Панова: «Числительное *пол* предлагается писать отдельно: *пол страницы, пол яблока, пол Москвы, пол столовой ложки, пол лимонной дольки.* Основание

орфографии 1964, с. 15]. Эта рекомендация повторяет предложение проектов Правил 1936 (2), Правил 1955. В «Проекте изменений некоторых правил русского правописания» 1973 г. необходимость корректировки данного правила не обсуждалась.

При подготовке проекта полного академического справочника «Правила русской орфографии и пунктуации» вновь прозвучало предложение специалистов унифицировать написание слов с *пол-* через дефис: *пол-листа*, *пол-лимона*, *пол-апельсина*, *пол-яблока*, *пол-Москвы*, *пол-дома*, *пол-километра*, *пол-мандарина*, *пол-первого*, *пол-одинадцатого*, *пол-двенадцатого*. Это, как отмечает В. В. Лопатин, «продиктовано не только лингвистическими соображениями (известной самостоятельностью компонента *пол-*, близкого к отдельному слову), но и простым здравым смыслом» [Лопатин, 2007, с. 683]. Однако в итоговом варианте справочника правило представлено в прежнем виде (с включением в его границы действия порядковых числительных в функции существительных (§119 и §120)): *пол-ёлки*, *пол-узла*, *пол-экрана*, *пол-юрты*, но *полбутылки*, *полчаса*, *полведра*, *полшестого*, *полдесятого* [Правила русской орфографии и пунктуации, 2006, с. 122, 125].

Таким образом, основные усилия специалистов были сосредоточены на таких «узловых пунктах» орфографии с целью «обеспечить единство и твердость» письма, как употребление гласных и согласных букв, а также слитное и дефисное написание, представлявших основную массу колебаний послереформенного периода [Обнорский, 1944, с. 35].

понятно: это отдельное слово, такое же, как *два*, *три* и т. д. Вызывает опасение омонимичность *пол-* с другими словами; ср. *Застеклили пол комнаты – Настелили пол комнаты*. Надо определить путем анализа большого количества текстов, насколько реальна эта опасность. Если она существует, то придется остановиться на дефисном написании этого слова» [Панов, 2004, с. 537].

4.5. Вариативность в практике современного письма

«Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. и первое издание «Орфографического словаря» Института русского языка АН СССР 1956 г. устранили случаи неустойчивого письма и утвердили норму безвариантного правописания в ее максимальном единообразии⁵³⁶. Именно такой орфографический пафос был отражен в работах исследователей: «всякое упорядочение орфографии стремится... к полному устранению орфографических дублетов», колебания рассматриваются исключительно с точки зрения «устранения... выбора обязательного варианта» [Винокур, 1959, с. 466; Букчина, 1969, с. 209]. Однако принятый стандарт не освободил письмо от вариантов, а «проблема орфографической вариантности не утратила своей актуальности»⁵³⁷ [Хакимова, 2007, с. 230].

В орфографической практике «достаточно скоро» стали обнаруживаться несоответствия рекомендациям Правил 1956 и орфографического словаря, последовательные «ошибки» и колебания в периодических изданиях, словарях и энциклопедиях⁵³⁸ [Букчина, 1974; Букчина, 1981; Букчина, 1988; см. также Букчина, Калакуцкая, 1974; Иванова, 1991; Лопатин, 2007; Каверина, 2008; Кузьмина, 2008; Осипов, 2010; Нечаева, 2011; Бешенкова, Иванова, 2016]⁵³⁹. Вариативность со-

⁵³⁶ После утверждения общеобязательных правил наступил период, который часто называют «периодом орфографической диктатуры». В свою очередь, на рубеже XX–XXI вв. встал вопрос о более «либеральном» отношении к кодификации [Григорьева, 2004; Кузьмина, 2000, 2001, 2004; Нечаева 2009, 2011].

⁵³⁷ «В настоящее время в осмыслении данного вопроса лингвисты занимают разные позиции. Согласно первой точке зрения, вариантность является недостатком орфографии... При другом подходе орфографическая вариантность рассматривается как результат самонастраивания языка на некие внутренние детерминанты письменной деятельности» [Хакимова, 2007, с. 230].

⁵³⁸ «Регулярное игнорирование правила – вернейший сигнал его бездействия и, следовательно, неблагополучия. Когда ошибка становится массовой, она перестает быть ошибкой, и тогда приходится констатировать победу узуса над нормой, следовательно, признать необходимость пересмотра и уточнения правописной нормы» [Кузьмина, 2008, с. 400].

⁵³⁹ Итогам осмысления трудностей применения утвержденных правил и примеров регулярных расхождений между их рекомендациями и орфографической практикой, а также обсуждению возможных корректировок рекомендаций посвящены сборники «Вопросы русской орфографии» [1964]; «О современной русской орфографии» [1964]; «Проблемы современного русского правописания» [1964]; «Нерешенные вопросы русского правописания» [1964].

временного периода отражает наиболее трудные вопросы орфографии и обусловлена несовершенством и неоднозначностью действующих правил, их неполнотой или необходимостью пересмотра лингвистических обоснований отдельных нормативных установок [Букчина, 1988, с. 3]. Ее изучение позволяет обнаружить «слабые места», вызванные «несовместимостью» правил и практики [Букчина, 1974, с. 116]. В числе актуальных проблем современного нормирования, порождающих орфографические варианты, представлены следующие группы написаний:

1) слитное / дефисное / раздельное оформление сложных существительных или сочетаний с приложением или несклоняемым определением⁵⁴⁰; 2) сложные прилагательные, в том числе с первой наречной частью на *о*, *е*, или сочетания прилагательных с наречием⁵⁴¹; 3) слова с отрицанием *не* (не в очевидных контекстах); 4) новейшие заимствования; 5) обозначения <*и*> после приставки на согласную; 6) употребление прописной⁵⁴². Приведем следующие примеры⁵⁴³:

⁵⁴⁰ «Сложные существительные русского языка – это одна из самых неблагополучных областей русского письма, которая имеет противоречивые варианты кодификаций и в словарной форме, и в форме правил» [Бешенкова, Иванова, 2016, с. 157].

⁵⁴¹ «Правило слитного-дефисного написания сложных прилагательных можно назвать самым бездействующим из действующих правил русского правописания. Его бездействие проявляется, с одной стороны, в расхождении между рекомендациями правил и орфографической практикой (то есть в несоблюдении правил), а с другой – в разноречивости рекомендаций разных словарей и пособий» [Кузьмина, 2008, с. 400].

⁵⁴² «В употреблении прописных букв действующие правила отягощены старыми идеологическими и политическими установками. Естественно, что от них сейчас все стихийно отошли, но в отсутствие новых единых правил в этих написаниях царит полная анархия» [Молдаван, 2001, с. 43].

⁵⁴³ Иллюстративный материал приводится нами из следующих словарей: 1) Большой орфографический словарь русского языка / под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцова. – М., 2003–1152 с.; 2) Новый орфографический словарь-справочник русского языка / отв. ред. В. В. Бурцева. М., 2005; 3) Орфографический словарь русского языка. М., 1991; 4) Орфографический словарь русского языка / отв. ред. В. В. Бурцева. М., 2004; 5) Русский орфографический словарь / отв. ред. В. В. Лопатин. 1-е изд. М., 1999; 6) Русский орфографический словарь / отв. ред. В. В. Лопатин. 2-е изд. М., 2005; 5) Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь русского языка. М., 1996; 6) Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова, СПб., 2014. Также были привлечены материалы Академического орфографического ресурса Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН [Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС»: [сайт]. URL: <http://orfo.ruslang.ru/>]; данные С. М. Кузьминой [2008]; И. В. Нечаевой [2011]; Е. В. Бешенковой, О. Е. Ивановой [2016].

Шипдерево и шип-дерево, шприц(-)машина и шприц-машина, электронвольт и электрон-вольт, человекодень и человеко-день, тонномля и тонно-мля, станкочас и станко-час, самолетовылет и самолето-вылет; эхо()взвесь, эхо()пеленгатор, шляпа-сомбреро и шляпа сомбреро, морковь каротель, морковь-каротель, морковь Каротель, морковь «Каротель»; древесностружечный и древесно-стружечный, бессрочноотпускной и бессрочно-отпускной, водноспортивный и водно-спортивный, воднотранспортный и водно-транспортный, перистосложный и перисто-сложный, горнодобывающий и горно-добывающий, горнотехнический и горно-технический, кишечнососудистый и кишечно-сосудистый, конногвардейский и конно-гвардейский⁵⁴⁴; не()выгодно, не()безнадежно, не()безопасно, не()больно, не()известно, не()мудрено, не()очевидно; апгрейд и апгрэйд, тренд и трэнд, дедлайн и дэдлайн, дед(-)лайн; имейл и и-мейл, е-мейл, фастфуд и фаст-фуд, итрихкод и итрих-код; капучино и капучино, оффшор и офшор, топлесс и топлес; клип/ппер, гибберел/ллин, фил/ллокактус, штек/ккер, флик/ккер-эффект; безы/иллюзорный, безы/индукционный, безы/инъекционный, безы/ипотечный⁵⁴⁵, преды/ипотечный⁵⁴⁶, Государственная Д(д)ума, Т(т)ретье Т(т)ранспортное К(к)ольцо и т.п.

Нередко авторитетные словари, например, академический «Русский орфографический словарь» 2005 г. и опыт словаря-справочника «Слитно или отдельно?» 2006 г. Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой, в ряде случаев «дают взаимоисключающие рекомендации»: орфографический словарь предлагает норму, соответствующую Правилам 1956, тогда как справочник ориентируется на формально-грамматический подход и предлагает вариант, учитывающий сложившуюся

⁵⁴⁴ В части сложных прилагательных, по наблюдениям Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой, орфографическая практика (реальные написания слов в периодике и книгах, разъяснения справочников, ГОСТы) «опережала» содержащиеся в правилах теоретические обоснования их слитного, или дефисного написания: «Наблюдения за написанием большой массы сложных прилагательных и анализ орфографических рекомендаций разных пособий и справочников показали определенную орфографическую тенденцию. Эта тенденция строится на сугубо формальном признаке – на грамматической оформленности первой части сложных прилагательных – на наличии или отсутствии суффикса: есть суффикс в первой части, прилагательное предпочитает дефисное написание, нет суффикса – слитное. Это правило и следует узаконить. Оно не производит ломки, а только наводит порядок в написаниях» [Букчина, 1988, с. 3, 36].

⁵⁴⁵ Возможность четкого осмысления заимствованного слова или термина достигалась утверждением морфологического принципа в проектах Правил 1936 (2), Правил 1947, Правил 1948, Правил 1951: *безинициативный, предистория, симпровизировать, безиглый, обезизвестление*. Переподчинение написания слов терминологического характера по фонетическому принципу вслед за *сыграть, безызвестный, подытожить* в проекте Правил 1956 привело к устойчивой вариативности в узусе написаний некоторых их них (*безипотечный, безинъекционный, беиндукционный*).

⁵⁴⁶ С. М. Кузьмина приводит пример написания *транс-изомеры*, где пишущий прибегает к дефису, возможно, чтобы не написать *ы* [Кузьмина, 2008, с. 405].

практику. При этом оба источника делают это непоследовательно⁵⁴⁷ [Кузьмина, 2008, с. 402; Копыленко, Шуба, 1964; Букчина, Калакуцкая, 1974; Кочубей, 1991; Панов, 2004; Лопатин, 2007; Каунова, 2009; Борунова, 2009; Осипов, 2010].

Неоднократно обсуждали специалисты и необходимость пересмотра правила о написании *е* и *э* после согласных в заимствованных словах, поскольку практика применения орфограммы *согласная + э* не ограничивалась тремя исключениями *мэр, сэр, нэр*⁵⁴⁸. Неоднозначность кодификации *е* и *э* в иноязычных словах заключается в том, что твердое произношение согласного оказывается исторически изменчивым. Однако переход к мягкому варианту, как отмечается в исследованиях, происходит неравномерно, определяясь качеством согласного, его положением в слове, частотой употребления, степенью грамматической освоенности, существующей традицией кодификации аналогичных слов с учетом возможной противоречивости прецедентов, этимологической членимостью и стремлением к дифференциации омонимов [Еськова, 1964; Шубов, 1964; Максимова, 1964; Букчина, 1974; Букчина, 1988; Калакуцкая, 1988; Лопатин, 2007; Нечаева, 2009; Нечаева, 2011].

Предусмотреть в правиле взаимодействие этих факторов для множества слов (в том числе и для тех, которые появятся в будущем), конечно же, крайне проблематично. В настоящий момент применительно к постконсонантной позиции *э* внутри морфемы можно говорить о словарном порядке нормирования написания *э* и *е* в новых заимствованиях, несмотря на наличие правила, допускающего *э* только в трех словах. Собственно этими исключениями «как бы решается вопрос о принципиальной допустимости орфограмм *согласная + э* не на стыке мор-

⁵⁴⁷ «Сложные прилагательные – область письма, наиболее противоречиво кодифицируемая и в правилах, и в словарях, имеющая значительную долю вариативного написания в современных текстах» [Бешенкова, Иванова, 2011, с.191].

⁵⁴⁸ «Правило 1956 г., конечно же, должно быть изменено. Следует увеличить количество исключений – написаний с *э* после согласных, а также разрешить писать таким образом новые заимствования, для которых не существует правописной нормы, рекомендуемой орфографическим словарем» [Еськова, 1991, с. 67].

«Список исключений не может быть ограничен каким-то определенным количеством слов. Следовательно, написание *э – е* после согласных должно определяться в словарном порядке» [Букчина, 1988, с. 7].

фем в нарицательных именах⁵⁴⁹ [Еськова, 1964, с. 46].

С помощью противопоставления букв *е* и *э* практика стремится отразить различия в произношении согласного, предшествующего фонеме <э>», хотя противопоставление *е* – *э* не выражено так последовательно, как, например, *я* – *а*, *ю* – *у*, *ё* – *о* [Шубов, 1964, с. 41]. Вопрос о передаче твердого произношения согласного в заимствованных словах в лингвистической литературе остается спорным. Л. В. Щерба полагал, что написания с *э* поддерживают правильное произношение заимствований и «преступно не пользоваться всеми возможными в русской графике средствами для указания правильного произношения»⁵⁵⁰ [Щерба, 1958, с. 158]. В то же время он признает, что заметным «оправданием» *е* вместо *э* в нарицательных заимствованных словах является постоянно протекающий процесс освоения, по мере которого у многих из них устанавливается мягкое произношение [Щерба, 1983, с. 69–70].

В ходе орфографической дискуссии (1962–1964 гг.) звучало предложение последовательно употреблять *э* при обозначении сочетания *твердый согласный* + *э*: *кашнэ, дэнди, кэб, мэтр, сэр, пэр, бэмоль, стэк, шосс э* и т.д. Однако в этом случае, чтобы написать слово, пишущему «надо знать, как его следует литературно произнести», иначе при существующих колебаниях в произношении заимствованных слов употребление *э* окажется предоставлено «произволу» пишущего⁵⁵¹

⁵⁴⁹ Ср.: «Сохранение хотя бы нескольких слов-исключений делает возможным появление *э* в других словах, например, часто встречается написание *мэтр* вместо *метр* (в значении 'учитель'), *сэт* (партия игры в теннис), *кэмпинг* (недавнее заимствование)» [Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.), 1965, с. 414]. По мнению И. В. Нечаевой, устойчивому написанию *э* в «коротких» односложных новых заимствованиях типа *гэл, грэй, дэв, крэк, кэл* отчасти способствует «бессознательная аналогия с утвердившимися в языке словами-исключениями, также имеющими односложную основу» [Нечаева, 2011, с. 70–72].

⁵⁵⁰ «Во многих заимствованных словах утвердилось твердое произношение согласных перед гласным *э*, и сказать *сер*, вм. *сэр*, *пенсне*, вм. *пенснэ*, *тесты*, вм. *тэсты*, *Доде*, вм. *Додэ*, *Тен*, вм. *Тэн* и т.д. прямо-таки смешно. И едва ли правильно маскировать литературное произношение многих слов, которые узнаются лишь из книг и газет, а не устным путем. Во всяком случае как ни решать вопросы правописания заимствованных слов, нет никаких оснований обеднять средства русского алфавита и лишать его возможности в случае надобности выразить твердость согласного перед гласным *э*» [Щерба, 1983, с. 69–70].

⁵⁵¹ Например, отмечается твердое и мягкое произношение согласных перед [э]: *глинтв[вэ]йн* и *глинт[в'э]йн*, *с[пэ]ктр* и *с[п'э]ктр*, *ки[нэ]ма* и *ки[н'э]ма*, *[нэ]одарвинизм* и

[Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.), 1965, с. 413]. Я. И. Шубов в связи с этим замечает, что смягчение согласных в заимствованных словах – это живой и активный процесс, поэтому попытка регламентировать различное произношение букв *э* и *е* является «просто утопией»⁵⁵² [Шубов, 1964, с. 42]. Наоборот, последовательный выбор именно *е*, во-первых, учитывает тенденцию русификации произношения, во-вторых, дает пишущим ясное и простое правило, в то же время оставляя свободу для того, сохранить или изменить произношение [Там же].

В конце XX в. практика «буквально взрывает» это правило, следуя «общему духу транскрипционной передачи» заимствований [Иванова, 1991, с. 72–73]. Специалисты «дрогнули под напором» заимствований, включив в «Русский орфографический словарь» (2005 г.) 104 нарицательных существительных с *э* после согласной внутри морфемы⁵⁵³ [Нечаева, 2009, с. 64]:

Блэкаут, бэк-граунд, бэк-вокалист, бэрбоут-чартер, гэл, грэй, дэв, крэк, кэп, кэндо, кэти, лэптоп, манхэттенски, маоцзэдуновский, мэм, мэн, мэотический, мэриленды, мэство, мэтр, нэцке, рэлей, сэндвич, сэнсей, сэссон, тэн, тэнно, тэндай, тайбэйцы, удэге, удэгейский, уланудэнский, уланудэнцы, фэн-шуй, хэнд, шэн и т.д.⁵⁵⁴

В части правописания *э* и *е* после согласных в конце слова и гласных орфографические словари и справочники не учитывают немногочисленные узусальные колебания, следуя сложившейся традиции регламентации.

[*н'э*]одарвинизм, со[*нэ*]т и со[*н'э*]т, [*дэ*]мобилизация и [*д'э*]мобилизация [Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.), 1965, с. 413].

⁵⁵² «Проблема правописания постконсонантной *э* наглядно иллюстрирует антиномию двух принципов орфографической кодификации заимствований: 1) максимально возможное соответствие русского эквивалента этимологическому источнику, показ своеобразия иноязычного слова и 2) соответствие полученной графической записи общепринятым нормам и традициям русского письма» [Нечаева, 2011, с. 83].

⁵⁵³ «Разумеется, 104 слова по сравнению со 180 000 (словник РОСа) – это немного, но по сравнению с тремя (*мэр, нэр, сэр* – С. Н.) – уже существенно» [Нечаева, 2011, с. 70–72]. Отметим в их числе преобладание написания с *э* после губных [б], [м], зубных [д], [с], [т], заднеязычного [к] и небного [р].

⁵⁵⁴ «Тенденция к фиксации на письме “нерусскости” произношения весьма значительна (ср.: *истеблишмент* – *истэблишмент*; *регтайм* – *рэгтайм*; *плейер* – *плэйер* и др.)» [Тимофеева, 1995, с. 36]. Однако, по мнению И. В. Нечаевой, «количество написаний с буквой *э* после согласного у большинства заимствований по мере освоения слов последовательно сокращается», поэтому «кардинального пересмотра правила правописания в пользу употребления буквы *э* в новой языковой ситуации, вопреки мнению и наблюдениям некоторых лингвистов, не требуется» [Нечаева, 2011, с. 97–98].

Проблема употребления буквы э в заимствованиях по-прежнему остается актуальной. Разнообразие источников заимствований, сложность передачи звукового или буквенного состава графическими средствами русского языка делают, по мнению Я. И. Шубова, практически «невозможной полную регламентацию их написания» в привычном ключе [Шубов, 1964, с. 40].

Противоречивыми в части написания отдельных слов оказываются рекомендации размещенных вместе на одном справочно-информационном портале «Грамота. Ру – русский язык для всех» научно-информационного орфографического академического ресурса «Академос»⁵⁵⁵ Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН и «Большого толкового словаря русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (СПб., 2014 г.), например:

ресурс *Первобытно-общинном, остро-пряный, остро-кислый, древесно-стружечный, мелочовка, плащовка, форс-мажор, форс-мажорный, на изготовку, мало-мальский, Интернет и интернет, киднеппинг, на изготовку;*

словарь *Первобытнообщинном, остропряный, острокислый, древесно-стружечный, мелочёвка, плащёвка, форс-мажор, форс-мажорный и формажор, формажорный, наизготовку, маломальский, Интернет, киднепинг, наизготовку* (дата обращения 06.10.2020).

Следует отметить, что на данном портале (как, впрочем, и в других поисковых системах) отсутствует возможность уточнить написание по «Орфографическому словарю русского языка» под ред. Б. З. Букчиной, И. К. Сазоновой, Л. К. Чельцовой (2008 г.), хотя именно он был утвержден Министерством образования и науки РФ в качестве нормативного⁵⁵⁶. Это, по мнению В. И. Беликова, может стать причиной «дестабилизации» орфографической практики, поскольку

⁵⁵⁵ Научно-информационный ресурс содержит нормативное написание более чем 200 тыс. единиц русского языка – слов, первых частей слов, неоднословных нарицательных единиц, собственных имен. В пояснении указывается, что написание соответствует нормам академического «Русского орфографического словаря» (2012). Отметим, что там учтены и изменения исправленного и дополненного 4-го издания академического «Русского орфографического словаря» (2016).

⁵⁵⁶ Приказ Министерства образования и науки РФ от 08.06.2009 № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации».

такому «естественному» желанию ориентироваться» на академический «Русский орфографический словарь»⁵⁵⁷ и составленный на его основе электронный орфографический ресурс «препятствует простое соображение: раз в качестве нормативного утверждён иной словарь, значит, РОС "чем-то плох"»⁵⁵⁸.

Неопределённый статус орфографических изданий Института русского языка им. В. В. Виноградова (словаря-справочника «Правила русской орфографии и пунктуации» (2006 г.), электронного орфографического ресурса «Академос») ведёт к тому, что «авторы, издатели, редакторы, корректоры не всегда придерживаются» предлагающейся в них кодификации. Так, в первом издании «Русского орфографического словаря» (1999 г.) относительно предыдущего издания «Орфографического словаря русского языка (1991 г.) было изменено написание более 150 слов⁵⁵⁹. Несмотря на изменение рекомендаций, в «Большом орфографическом словаре» под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко и Л. И. Скворцова (2003 г.) во многих случаях сохранены традиционные написания 1991 г.⁵⁶⁰. Свою позицию

⁵⁵⁷ Отметим, что новые издания «Орфографического словаря русского языка» под ред. Б. З. Букчиной, И. К. Сазоновой, Л. К. Чельцовой (6-е изд., 2016 г.) и академического «Русского орфографического словаря» (4-е изд., 2016 г.) вышли в одном и том же издательстве «АСТ-пресс», при этом Л. К. Чельцова указана в числе составителей академического словаря.

⁵⁵⁸ Беликов В. И. «О словарях, "содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации"» [Электронный ресурс] // Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ: [сайт]. [2000]. URL: <http://gramota.ru/biblio/research/slovari-norm/> (дата обращения: 10.01.2021).

⁵⁵⁹ Словарь 1991 г. рекомендовал: *алеманы, биллон, буденовка, вальтер-скоттовский, гиперядро, горнолыжный, горнопересеченный, графито-водный, дурак дураком, естественнонаучный, звуко-буквенный, каратэ, койко-место, контрассигнация, крахмалопаточный, лиро-эпический, мелочёвка, меннонит, миннозаградительный, монголо-татарский, угро-финны, шприц-машина, электрон-вольт*, тогда как словарь 1999 г. *алеманны, билон, буденновка, вальтер-скоттовский, гиперъядро, горно-лыжный, горно-пересеченный, графитоводный, дурак-дураком, естественно-научный, звукобуквенный, карате, койкоместо, контрасигнация, крахмалопаточный, лироэпический, мелочовка, менонит, миннозаградительный, угрофинны, монголотатарский, шприцмашина, электронвольт*.

⁵⁶⁰ *Бессрочноотпускной, вечёрошный, в наклон, водноэнергетический, впору (по мерке), визига, геенский, горноартиллерийский, горнотранспортный, гуляй-город, динамо-машина, древесностружечный, кишечнососудистый, костномозговой, мясо-молочный, носослезный, перекаати-поле, пушёнка, ссудно-сберегательный, товаро-пассажирский, станко-час, финно-угры, чепе, чисто ржаной, шипдерево* вопреки рекомендуемым словарем 1999 г. *бессрочноотпускной, , внаклон, водноэнергетический, впору (по мерке), вязига, геенский, горноартиллерийский, горно-транспортный, гуляйгород, динамомашина, древесно-стружечный, кишечно-сосудистый, костно-мозговой, мясомолочный, носослезный, перекаатиполе, пушёнка,*

составители словаря аргументировали тем, что «главным в словарной орфографической практике является закрепление устоявшихся написаний (с опорой на принцип историзма) и отказ от радикальных перемен или попыток разного рода "упорядочений" и "усовершенствований", чем бы эти попытки ни объяснялись» [Большой орфографический словарь, 2003, с. 5]. Не следует рекомендациям «Русского орфографического словаря» (1999 г.) и «Орфографический словарь» Н. В. Соловьёва (2002 г., РАН ИЛИ), хотя оба издания имеют академический гриф: *мясо-молочный, перекаати-поле, пол-литра, попугаячий, хиханьки, человеко-час, честь честью* вместо рекомендуемых «Русским орфографическим словарем» (1999 г.) *мясомолочный, перекаатиполе, попучаичий, поллитровый, хихоньки, человеко-час, честь-честью*.

Во втором издании «Русского орфографического словаря» (2005 г.) составители сочли нужным вернуться к «целесообразным» традиционным написаниям, отказавшись «от опережающих практику письма рекомендаций», например, в части слитных / дефисных и раздельных написаний сложных прилагательных, а также удвоенных согласных:

*Вальтер-скоттовский, воднолыжный, водноспортивный, воднотранспортный*⁵⁶¹, *водноэнергетический, горноспасательный, горнорудный, горнострелковый, горнотехнический, горнотранспортный, горнозаводской, горнодобывающий, желчнокаменный, конноспортивнй, соединительнотканнный; силлабо-тонический, спуско-подъемный, ссудо-сберегательный, товаро-пассажирский; винновка, биллон*⁵⁶², *киднеппинг* вместо прежних рекомендаций (1999 г.)

ссудносберегательный, товаропассажирский, станкочас, финноугры, чепэ, чисторжаной, шип-дерево.

⁵⁶¹ Однако теперь эти написания академического словаря противоречат «Новому орфографическому словарю-справочнику русского языка» под ред. В. В. Бурцевой (2005 г.), который, предпочитая формально-грамматический способ написания сложных слов, рекомендует дефисные написания *водно-транспортный, горно-лыжный, горно-добывающий, горно-заводской* и т.п. при слитном написании 2-го издания «Русского орфографического словаря» РАН. В 2010 г. вышло 8-е стереотипное издание этого словаря. Ср.: «Из кризисной ситуации (правописания сложных прилагательных. – С. Н.) пока не найден выход. По нашему мнению, именно в таких переходных, промежуточных, трудноразграничиваемых явлениях, допускающих разную трактовку, следовало бы разрешить вариативные (факультативные) написания» [Кузьмина, 2008, с. 404].

⁵⁶² В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (2014) и «Толковом словаре иностранных слов» Л. П. Крысина (2000) допускается *биллон, билон* (в словаре Л. П. Крысина в качестве основного указывается вариант *биллон*, а у А. Кузнецова – *билон*).

бессрочно-отпускной, вальтер-скоттовский, водно-лыжный, водно-спортивный, водно-транспортный, водно-энергетический, горно-спасательный, горно-рудный, горно-стрелковый, горно-технический, горно-транспортный, желчно-каменный, горно-завадской, горно-добывающий конно-спортивный, соединительно-тканый; силлаботонический, спускоподъемный, ссудосберегательный, товаропассажирский; виновка, билон, киднепинг.

Корректировка написаний отмечается и в последующих изданиях «Русского орфографического словаря», например:

*В полбревна, в пол-лица, в полнеба, в пол-обхвата, в полроста, коронавирус, особо одаренный, особо охраняемый, сенсей, стабильно декоративный, стабильно тяжелый (2016 г.) и вполбревна, вполлица, вполнеба, вполобхвата, вполроста, освобожденный, корона-вирус, особо охраняемый, сэнсей, стабильно-декоративный, стабильно-тяжелый (2012 г.)*⁵⁶³.

Следует указать, что подобное непостоянство регламентаций оказывается «нежелательно» для рядовых пользователей любого академического словаря, приобретающих его по привычке «с перспективой на долгие годы», тем более что у пишущих не всегда есть возможность своевременно узнавать о выходе нового издания⁵⁶⁴ [Бешенкова, Иванова, 2016, с. 258]. Эта ситуация приводит к неизбежному сосуществованию в узусе вариативных написаний по старой и новой «академической» норме.

Непостоянство нормативных рекомендаций авторитетных словарей, никем не контролируемое массовое⁵⁶⁵ издание орфографических словарей без соответствующей экспертизы, по мнению специалистов, создают «потенциальную конфликтность» современной письменной коммуникации и в некоторой степени

⁵⁶³ Изменения отражены в электронном научно-информационном орфографическом академическом ресурсе «Академос» на сайте ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН

⁵⁶⁴ Об определенном консерватизме пишущих свидетельствуют и «горький опыт предшествующих попыток упорядочения орфографии» 1960–70-х гг., и «бурная общественная реакция на попытку провести некоторое обновление действующего с 1956 г. свода» сейчас. Действующей орфографической комиссии «под давлением общественности на данном этапе пришлось отказаться от предложенных изменений». Существенную роль в этом неприятии изменений играют и социально-психологические факторы. Так, недовольство постоянными реформами в общественно-политической и экономической сферах выливается в итоге «в отталкивание» любых изменений и в орфографии [Кузьмина, 2008, с. 407–410].

⁵⁶⁵ Два современных сетевых книжных магазина «Лабиринт» и «Озон» предлагают пишущим более 260 (!) наименований орфографических словарей. У академического орфографического словаря «кардинально изменились и условия бытования», теперь он «не является единственным» и «существует в среде множества» других орфографических словарей [Бешенкова, Иванова, 2016, с. 257].

снижают доверие к орфографическому словарю как экспликтору безусловной нормы⁵⁶⁶ [Руднев, Садова, 2017, с. 5; Бешенкова, Иванова, 2016].

Более широко, чем это было прежде, допускают сегодня варианты написаний и современные словари. Так, в «Русский орфографический словарь» (2005, 2012, 2016 гг.) в единичном количестве включены, например, варианты *Интернет и интернет, загс и ЗАГС, Боян и Баян, Содом и Гоморра / содом и гоморра, окей и о'кей, по-будничному и по-буднишному*. В «Большом орфографическом словаре русского языка» под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко и Л. И. Скворцова (2003 г.) варианты могут указываться с корректирующими узус пометами: *он-лайн и онлайн (при оф-лайн), офшор и офф-шор, оффшорный и офшорный, оффшор-компания и офшор-компания, пин-код и пинкод, карате и каратэ, однозначный (вместо одно-означный), йогатерапия (вместо йога-терапия), зэк и зек, зэковский и зековский, секонд-хэнд и секонд-хенд* [Большой орфографический словарь, 2003, с. 5]. В предисловии к словарю отмечается, что «стаж их употребления в практике массовой печати, в конце концов, все расставит по местам» и в будущем позволит кодификаторам сделать «правильный выбор» в пользу единственного нормативного написания [Там же].

Наряду с орфографическими вариантами, возникающими по причине неудачно сформулированных правил и несогласованных рекомендаций словарей и справочников, существует также и вариативность при вхождении в язык нового иноязычного слова, когда оказывается несколько системных возможностей для его графического оформления и при этом выбор не всегда оказывается однозначным: *чабат(т)а, снэ(е)к, и()мейл, вай(-)фай* [Бешенкова, Иванова, 2016, с. 73–76; Нечаева, 2011]. В настоящее время такой тип колебаний имеет высокую частоту из-за активности процесса заимствования.

⁵⁶⁶ «В письменной речи встречается достаточно много слов, написание которых не нормализовано современными орфографическими пособиями. Отсутствие единого написания у таких слов при их графическом оформлении в словаре способно породить противоречия, что, естественно, не может не сказаться на престиже всего лексикографического издания» [Соловьев, 1978, с. 161]; «Современная языковая ситуация «характеризуется пренебрежительным (если не сказать презрительным) отношением к норме... То, что норма, по сути, игнорируется, означает размывание границ литературного языка, разрушение языка культуры. Письмо вне нормы немислимо» [Кузьмина, 2008, с. 412].

Таким образом, современной орфографии оказывается не чужда вариативность в определенных точках системы, в том числе из-за невозможности в ряде случаев выработать перспективную, внутренне непротиворечивую и функциональную норму. Это приводит некоторых специалистов к утверждению идеи о возможности принятия в лингвистически обоснованных пределах вариативности там, где нет однозначных решений [Кузьмина, 2001; Нечаева, 2011; Нечаева, Перцов, 2020].

Выводы

1. Вопросы орфографии и пунктуации с XVIII в. традиционно рассматриваются вместе в грамматических и иных руководствах, освещающих проблемные аспекты правописания. (М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, В. П. Светов, Я. К. Грот, Н. Греч, Н. Курганов). Это позволяет обеспечить системность нормативного употребления основных средств русского письма. Проекты Правил 1936 и 1936 (2) не включали пунктуационные правила. Они утвердятся в первой редакции Правил 1939, что подчеркнет важность комплексной разработки вопросов правописания.

2. Заглавия первых проектов Правил 1936, Правил 1936 (2), Правил 1939 (1) включают в качестве ведущего компонента определение *свод*, в последующих проектах им становится определение *правила* (Правила русской орфографии и пунктуации). Несмотря на это, в предисловиях к проектам, разъясняющих назначение документа, дефиниция *свод* продолжает широко употребляться. Концепция заглавия окончательно оформится в проекте «Правил русской орфографии и пунктуации» 1947 г., когда исключается избыточная для идеи стандартизирующего документа характеристика *единая*, представленная в проектах «Правил единой русской орфографии и пунктуации» 1939 г. (2-я ред.) и «Правил единой русской орфографии и пунктуации» 1940 г.

3. Орфографический материал в проектах последовательно структурируется и упорядочивается с помощью таких текстовых элементов, как *раздел*, *подраздел*

и *параграф*. Разделы представляют основные группы правил в соответствии с традиционным членением русской орфографической системы. В первом проекте Правил 1936 представлено девять разделов, Правила 1956 включают семь: 1) правописание гласных; 2) правописание согласных; 3) буквы *ъ* и *ь*; 4) написания слитные и через дефис (черточку); 5) прописные буквы; 6) буквенные аббревиатуры, сложносокращенные слова и графические сокращения; 7) правила переносов. Исключение разделов «Правописание иноязычных слов» в проекте Правил 1940 и «Знак ударения и буква *ё*» в проекте Правил 1948 связано с частичным перераспределением материала в разделы «Правописание гласных» и «Правописание согласных».

Материал раздела в проектах группируется в подразделы, а затем детализируется в параграфах, представляющих правила. Самым объемным традиционно оказывается раздел «Правописание гласных», включающий на разных этапах работы над проектами от 9 до 13 подразделов, где обсуждаются общие правила употребления ряда гласных букв и правила их написания в префиксах, корнях, суффиксах и флексиях слов той или иной части речи. Для проектов характерна тенденция к постепенному уменьшению количества параграфов, отражающая стремление составителей к большей структурированности орфографического материала (при сохранении его объема): проект Правил 1936 – 174 параграфа и проекты Правил 1951, Правил 1955 и Правил 1956 – 124 параграфа.

Внутреннее единство и информативность текста правил обеспечивает представление в содержании не только уровня раздела или подраздела, но и параграфа. Предисловия проектов обсуждают такие важные содержательные характеристики, как значение правил для упорядочения письма и устранения разнобоя, безвариативность и общеобязательность устанавливаемых норм.

4. В качестве дополнительного источника орфографического материала и иллюстрации рекомендаций ряд проектов включает небольшие по объему словари: Правила 1939, Правила 1940, Правила 1951 – более 2. 300 слов, Правила 1955 и Правил 1956 – более 4.000 слов. Ссылки в таких словарях способны выполнять не только справочную функцию, но и отражать системность и упорядоченность

нормативных установок, дополнять корпус примеров, обеспечивая высокую информативность текста. Такое понимание ссылок представлено только в двух поздних проектах Правил 1955 и Правил 1956, где они охватывают 60 % словника, указывая на 80 из 124 параграфов орфографической части свода.

Ссылки регулярно отмечают наиболее сложные и частотные правила: слитное и раздельное написание наречий (320 ед.), употребление прописной буквы в названиях астрономических, географических и других объектов, а также исторических событий, эпох, документов, произведений искусства (более 140 ед.), написание гласных *о* и *е* (*ё*) под ударением после шипящих (более 100 ед.), написание сложных прилагательных (более 70 ед.), чередующихся гласных *а* и *о* в корнях (более 50 ед.) и *э* в иноязычных словах (более 35 ед.).

В словаре проекта Правил 1939 ссылки отсутствуют. В проекте Правил 1940 ссылки встречаются у 20 % слов, дополняя правило о написании согласных в иноязычных словах и наречий. В проекте Правил 1951 ссылки охватывают только 7 % словника, в большинстве случаев указывая на правило, регламентирующее написание производных прилагательных от географических наименований с суффиксами *-енск* и *-инск* и слитное написание *не-* с различными частями речи.

5. Сложность выработки лингвистически обоснованной и непротиворечивой рекомендации в полной мере отражает особенности кодификации в орфографических словарях проектов спорных написаний послереформенного периода. Следует говорить о первичной кодификации, итог которой оценивается как положительный, поэтому в следующих проектах написание слова не уточняется. В обратном случае осуществляется повторная кодификация с изменением исходных нормативных установок, или *перекодификация*. Она может быть *однократной* (написание единожды уточняется относительно результата первичной кодификации) и *многократной*, или *обратной* (возвращение к предлагавшемуся ранее написанию).

6. Нормативные установки проектов Правил в части упорядочения вариативных написаний с гласными отличает динамика. Неизменными окажутся рекомендации только для такой малой части вариантов, как, например: *о / е* после

ц, именного суффикса *-оньк-*, суффикса *-ен-* в глаголах на *-енеть*, флексии предложного падежа *-е* сущ. среднего рода на *-ье*, порядок нормирования которых определялся в первом проекте Правил 1936. Наибольшие трудности вызовет упорядочение гласных *о / е (ё)* после шипящих под ударением (норма утвердилась в формулировке Правил 1947, *ы / и* после приставок (норма утвердилась в формулировке Правил 1956), *а / о* в корнях с чередующимися гласными (прежде всего *ро(а)ст-*) (норма утвердилась в формулировке Правил 1940), *э* в иноязычных словах (норма утвердилась в формулировке Правил 1951) и суффиксов *-инск- / -енск-* в производных от географических наименований прилагательных (норма утвердилась в формулировке проекта Правил 1955). Для правила об употреблении гласных *и / ы* после *ц* таковым окажется только четвертый вариант нормирования, предложенный проектом Правил 1956.

В одних случаях эти корректировки были связаны с пониманием бесперспективности закрепления немотивированных современным состоянием языка исторических написаний, в частности: *вырости* и *вырастать* на основе глагольного вида: *о* – сов. в., *а* – несов. вид (проекты Правил 1939 и Правил 1939 (2)). В других случаях усилия направлялись на сокращение круга исключений, например, в правиле о написании *ы / и* после *ц* в корне, где проектами Правил 1947, Правил 1948, Правил 1951 обсуждалось 13 исключений (*цыбик, цыбуля, цыгарка, цынга, цыновка, цымлянское, панцырь, цыган, цыкать, цыпка, на цыпочках, цыпленок, цыц*). Наконец, изменение первоначально выбранного порядка нормирования могло отражать представление о целесообразности упорядочения на основе произношения или сохранения единства облика морфемы.

Одни из самых частотных в послереформенной практике колебания в написании непроверяемых безударных гласных *а* и *о* в словах с редуцированным звуком в первом предударном слоге (*валторна, вотрушка, кавычки, каморка, паром, крапива, калач*) упорядочиваются с написанием *а*, которое соответствовало произношению (предложение проекта Правил 1940).

7. Колебания в выборе согласных в дореформенный период не входили в зону активной вариативности (*женид(т)ьба, чернед(т)ь, ломбард(т)ь,*

сч(щ)астье, захлес(т)нутый, коп(б)чик), в послереформенной практике многие из них приобретают устойчивость. Нормативные установки проектов Правил оказываются последовательными и исходят из необходимости подчинить вариативные написания так называемым «общими правилам» оформления аналогичных морфем с одинаковыми или подобными группами согласных, например: *дощатый, дощаник (доска) как лощеный (лоск), вощенный (воск); веснушчатый (веснушка) как хлестче (хлесткий)*.

Значительные трудности представляла кодификация вариативных написаний с удвоенными согласными в заимствованных словах. Попытки проектов Правил 1936, Правил 1936 (2), Правил 1939, Правил 1939 (2), Правил 1940 систематизировать множество непоследовательных написаний средствами традиционного правила признаются несостоятельными. Различные редакции Правил предлагают учитывать множество факторов, например: язык-источник, наличие связи между двойной согласной и составом слова (стык корня и префикса, стык двух корней), нахождение двойной согласной в такой позиции (с учетом парадигмы всех форм), в которой облегчено ее долгое произношение (например, интервокальная позиция в заударном положении), удвоение, связанное в языке-источнике с определенным грамматическим значением. Проектом 1947 был утвержден словарный принцип кодификации.

8. В области слитных и дефисных написаний изменение порядка нормирования коснулось следующих написаний: 1) существительных, образованных при помощи соединительной гласной (*электросветоводолечебница*) (норма окончательно утвердилась в формулировке Правил 1956); 2) сложных прилагательных со значением оттенка цвета (Правила 1955); 3) компонента *пол (половина)* с последующим существительным в родительном падеже (Правила 1956); 4) географических названий, представляющих собой сочетания имени и фамилии, имени и отчества – поселок *Лев Толстой* (Правила 1955); 6) географических названий типа *Ростов-на-Дону*, выраженных сочетанием соединенных при помощи предлога (Правила 1951).

Несмотря на то, что модели кодификации сложных прилагательных со слитным и дефисным написанием компонентов и наречий оставались неизменными с момента создания Правил 1936 (2), их практическая реализация оказалась исключительно сложной и неэффективной.

Единая норма безвариантного письма была утверждена Правилами 1956 и орфографическим словарем. Несмотря на это, варианты продолжили свое существование, но уже в принципиально новых условиях – условиях действия общеобязательного орфографического стандарта, являясь следствием неполноты или неоднозначности кодификации для объективно трудных участков орфографии: слитное или дефисное написание сложных слов, употребление в отдельных случаях прописной буквы или наличие нескольких системных возможностей для графического оформления заимствований, вошедших в русский язык в течение последних десятилетий.

«Предложения по усовершенствованию русской орфографии» 1964 г. и «Проект изменений некоторых правил русского правописания» 1973 г. не содержали в части рассмотренных здесь написаний новшеств, как правило, повторяя нереализованные предложения проектов Правил 1936 (2) и Правил 1955.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате исследования изучены материалы тридцати лексикографических источников XVIII–I половины XX вв., десяти редакций «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г., созданных в разные годы, картотеки орфографических вариантов и неопубликованных документальных источников Архива РАН о деятельности стихийных ведомственных и организованных государственных орфографических комиссий, было установлено тесное взаимодействие стратегических задач в процессе преодоления орфографической вариативности на разных этапах становления единой нормы.

Русская орфография от вариативности к единой норме прошла долгий путь в трудном преодолении неупорядоченности и разнобоя.

1. Орфографическая вариативность с XVIII в. отражает сложную практику формирования общенациональной правописной нормы, рождавшуюся в столкновении церковнославянской письменности и русской живой речи, орфографических теорий сторонников фонетического и морфологического начала, в непоследовательном воплощении выдвигаемых авторитетами постулатов и, как следствие, во множестве правописных образцов. В орфографии доминирует фактор индивидуального начала: «Я Ея отдаю на волю каждому писателю, да і самъ себѣ подобныя жь прошу вольности» (В. К. Тредиаковский). С другой стороны, постепенно укрепляется и понимание ценности единства орфографии: «Правописание должно быть общее» (А. П. Сумароков).

Грамматика М. В. Ломоносова, пусть не в системе частных орфографических правил, но в утверждении морфологического характера правописания выражает идею общности письма, хотя собственную практику ученого отличают вариативность и «промахи» (Е. Ф. Будде), связанные с употреблением ъ и отражением ассимиляции в области согласных: *зерькало, отверьгають, сверькають, церьквахъ, нискими, блиская, рукоядка, збери* и др.

2. Особое место в истории регламентации письма XVIII в. занимает «*Опыт нового российского правописания*» В. П. Светова, уточнивший и закрепивший в

форме правил концепцию М. В. Ломоносова. С одной стороны, в нем находят отражение целый ряд дискуссионных аспектов орфографической теории и практики: 1) главенство морфологического начала; 2) порядок употребления ъ; 3) избыточность удвоенных согласных в иноязычных словах; 4) чрезмерное употребление («пестрота») прописной буквы; 5) разграничение групп приставок, подчиняющихся фонетическому и морфологическому началам, 6) ошибочность дефисного написания предлогов; 7) непоследовательность ъ после шипящих у существительных мужского рода (*ключь*, вм. *ключь*). С другой стороны, в работе указываются два таких важных момента орфографической деятельности, как необходимость разработки «непременных» и «твердых» правил с обязательной опорой на реальный узус и создание полного орфографического словаря. «Опыт» стал первым в истории русского письма сводом правил, построенным по принципу современных нормативных изданий (вопросы графики, орфографии и пунктуации), с кратким словариком, содержащим отсылки к параграфам основной части. Его новаторский характер проявляется и в нетипичном для этого периода отсутствии вариативности как в самом тексте, так и в установках, иллюстрациях. И это дает основание считать его первым глашатаем безвариативной орфографической нормы.

3. Задачи регламентации письменного языка XVIII в. решал и «*Словарь Академии Российской*», тоже утверждающий морфологическое начало письма. Нормативный фокус для разных частей словаря оказывается неодинаковым. Указатели слов к выпускам словаря практически не включают варианты написаний, несмотря на их наличие в корпусе словаря. Они немногочисленны также и в заглавных словах, что отражает не только осознание единства письма как общенациональной ценности, но и стремление (вслед за В. П. Световым) к его безвариативному эталону. Но за пределами этих частей орфографию одних и тех же слов в иллюстративном материале внутри одного и разных выпусков словаря отличает значительная вариативность. Типы орфографических вариантов, представленные в словаре, находят регулярное отражение в источниках вплоть до утверждения в 1956 г. «Правил русской орфографии и пунктуации».

4. На протяжении XIX в. неупорядоченность правописания в обществе осознается как один из самых серьезных недостатков орфографии и настойчиво высказывается мысль о необходимости разработки единого «уложения о русском правописании» (П. Гильтебрандт). Многочисленные руководства не отвечают задаче нормализации, являясь, по выражению современников, «рассадниками» противоречий и колебаний (М. Малорошвиллов), так как их составители решают спорные вопросы орфографии каждый по-своему. Это индивидуальное начало обуславливает появление особого типа справочника – указателя орфографического разнобоя, помогающего читателю самостоятельно выбрать наиболее предпочтительный, на его взгляд, вариант из встречающихся у разных «авторитетов». В *«Указателе спорных написаний в русской орфографии»* В. Разыграева, безоценочно приводится более тысячи вариативных написаний, включая самую значительную группу «Слитные, дефисные и отдельные написания» (всего 15 групп).

Орфографические словари стремятся установить качественную градацию и выделить варианты: 1) равноправные, 2) основной и дополнительный, 3) более / менее употребительный, 4) более / менее предпочтительный, 5) правильный / неправильный (ошибочный). Большинство вариантов отмечаются как *равноправные*. Характеристика осуществляется разнообразными 1) наблюдательными, 2) рекомендательными, 3) запретительными пометами. В корпусе наблюдательных особую группу составляют так называемые «авторские» пометы, характеризующие роль индивидуального начала в орфографии: «у Греча», «у Буслаева», «Грот пишет», «как писал М.В. Ломоносов» и др. В ряде нормативных руководств отражается представление об орфографической норме как безальтернативной регламентации, в связи с чем наблюдается отчетливая тенденция существенно ограничить (не более 25 ед.) или полностью исключить варианты написаний в пределах одного источника, несмотря на их широкое употребление в узусе.

5. Индивидуальный опыт упорядочения практики письма XIX в. представляет собой «правопись» *«Толкового словаря живого великорусского языка»* В. И. Даля, необходимость создания которой автор объясняет как вынужденную

меру в условиях общей неустойчивости и противоречивости орфографической практики. Помимо этого, словарь представляет корпус равноправных орфографических вариантов (496 ед.), отражающих конкуренцию морфологических и фонетических написаний. Корректировки в следующих изданиях авторской «правописи» В.И. Даля привели к распространению словаря с тремя разными орфографическими системами и постулатами.

6. Впервые вопросы орфографии в их комплексном осмыслении обозначает акад. Я. К. Грот, утверждающий «разумную» теорию правописания на основе «примирения» морфологического (этимологического) и фонетического начал, общеобязательность орфографических требований и важность устранения нежелательных и неудобных для школы и печати разногласий. Признавая необходимость орфографического единообразия, он включает в свое орфографическое руководство 70 вариативных пар, однако из них только 14% вариантов получают характеристику допустимый или равноправный. Его «*Русское правописание*», утвержденное в качестве обязательного для школы, в определенной степени способствует упорядочению практики и с новой силой вызывает обсуждение проблемы единства требований для всех сфер письменной коммуникации, в том числе печати и делопроизводства, а также порядка официального введения в практику орфографических новшеств.

7. Внутри корпуса вариативных написаний XVIII – начала XX вв. представлена *интра- и экстравариативность*. Первая отражает орфографическую вариативность в пределах конкретного текста, вторая иллюстрирует вариативность в разных источниках, связанную с различным пониманием орфографического эталона и, как следствие, противоречивыми рекомендациями руководств и словарей. Совокупный объем орфографических вариантов, представленный в дореформенных анализируемых нормативных источниках, составил 1800 единиц:

1) ядро (центр) вариативности образуют написания с безударными гласными *а / о* в корне (23 %);

2) околядерную область – различные типы слитных, отдельных или дефисных написаний (17 %);

3) ближний круг периферийной области организуют написания с гласными *е / о* после шипящих и *ц* (10 %), гласными *ѣ / е* в корне (10 %), *ѣ / і* в заимствованных словах (7 %), безударными гласными *е / и* (6 %) и прописной / строчной (6 %);

4) пограничный круг периферийной области – написания с *одиночными / удвоенными согласными* в заимствованных словах (5 %), гласными *э / е* в заимствованных словах (5 %), *глухими / звонкими согласными* (4 %), безударными гласными *е / я* (3 %), *ѣ / ѣ* после шипящих в абсолютном конце слова (2 %), с *ѣ / без ѣ* (2 %), согласными *ѣ / ѣ* (2 %).

Орфографическая реформа 1917–1918 гг. устранила вариативность только таких двух подгрупп спорных написаний, как гласные *ѣ / е* (ближний круг периферийной области, 10 %) и согласные *ѣ / ѣ* (пограничный круг периферийной области, 2 %). Частотность указанных типов вариантов в источниках определялась нормализаторскими устремлениями составителей, авторов или издателей.

8. Области активной вариативности XVIII – начала XX вв. по объективным причинам находятся вне сферы внимания реформаторов, поэтому проблема орфографической разногласности в послереформенный период, ощущается предельно остро, вызывая озабоченность языковедов, педагогов, издательских работников и государственных структур. Несогласованные рекомендации издающихся независимо друг от друга различными типографиями и ведомствами словарей и справочников приводят к «правописной анархии» (А. Кут) и полной «дезорганизованности на орфографическом фронте» (И. В. Устинов).

9. В 1922 г. возобновляется издание академического «*Словаря русского языка*» в шахматовской редакции, но оно продолжится в дореформенной орфографии. Выпуски с 1929 г. в новой орфографии включают иллюстрации в старом написании без каких-либо пояснений, что не способствует формированию устойчивого графического образа слов в реформированном написании. Словарь достаточно широко, но безоценочно отражает неустойчивость послереформенного правописания, в нем нередко присутствует разноречивость в оформлении заглавного слова и иллюстративного материала, особенно в части слитного и дефисного оформле-

ния сложных прилагательных. Словарь не окажет сколь-нибудь заметного влияния на упорядочение послереформенного правописания.

10. Выпуск в 1933 г. ленинградским и московским издательскими концернами технико-орфографических *справочников А. Б. Шапиро, М. И. Уарова и Н. Н. Филиппова* с диаметрально противоположными рекомендациями в правописания безударных гласных *а / о* и *и / е*, *одиночной / удвоенной* согласной и *е / э* в иноязычных словах, а также слитного, раздельного или дефисного оформления наречий, существительных и служебных частей речи вызывает общественный резонанс и актуализирует необходимость организованного государственного решения вопросов упорядочения правописания. Справочник А. Б. Шапиро и М. И. Уарова не включает орфографические варианты, тогда как справочник Н. Н. Филиппова, отстаивая принцип единообразия письма, допускает 125 вариативных написаний «в противовес» его «узкому» пониманию.

11. В связи с четко обозначенной государством задачей стандартизации учебного материала по русскому языку и введением орфографического режима, подразумевающего единство и безусловность требований к школьному правописанию, в 1934 г. издается «*Орфографический словарь*» Д. Н. Ушакова, утвержденный НКП РСФСР в качестве обязательного для школы. В словаре последовательно реализована концепция безвариативной орфографической нормы, что утверждает русскую орфографию как норму-закон, формируя у педагогов и школьников отношение к письму как жесткому стандарту.

12. Задачи нормализации правописания успешно разрешает «*Толковый словарь русского языка*» под ред. Д. Н. Ушакова, где учитываются наиболее крупные случаи разнобоя, что отвечает задаче их систематизации с последующей кодификацией. Включенные в словарь орфографические варианты (500 ед.) объективно отражают неустойчивость послереформенного правописания, при этом один из них обязательно получает характеристику *дополнительный / устарелый / неправильный*. Предпочтительность основного варианта подчеркивается с помощью корпуса помет, графических средств, его последователь-

ного употребления в пояснениях и иллюстративном материале словарной статьи. Оформление производных слов тоже опирается только на этот основной вариант.

13. Собственный орфографический эталон представляет и академический *«Словарь современного русского литературного языка»* под ред. В. И. Чернышева, С. П. Обнорского, В. В. Виноградова, более широко, чем остальные нормативные источники, допускающий вариативность в написании наречий, сложных существительных и прилагательных, безударных гласных *е/и*, а также гласных *э/е* в заимствованных словах, что увеличивает пределы орфографической вариативности послереформенного периода. Однако в части правописания одиночной / удвоенной согласной в заимствованиях словарь придерживается более жесткой нормативной позиции, максимально ограничивая вариативность и при этом сохраняя этимологическое удвоение. В ряде случаев орфографический материал последних томов не соответствует утвержденным в 1956 г. «Правилам русской орфографии и пунктуации», так как включает в орфографические рекомендации дополнительные варианты.

14. Решение масштабной задачи упорядочения орфографии потребовало много времени и усилий. Переломным моментом в истории русского письма окажется реформа правописания 1917–1918 гг., обозначившая начало перехода от стихийно-индивидуальной нормализации правописания к государственной, к подчинению субъективного орфографического эталона общественному. Утверждению в 1956 г. общеобязательных «Правил русской орфографии и пунктуации» предшествует работа пяти государственных орфографических комиссий и создание десяти редакций правил.

Процесс орфографического упорядочения в советский период проходил в несколько этапов:

1) **1918–1930 гг.** – критическое отношение к результатам реформы 1917–1918 гг. с требованием «пролетарского» реформирования путем «глубокого разрыва» письма с прежним капиталистическим базисом на основе принципа «Пиши, как слышишь!». Звучат призывы отправить «в мусорный ящик истории»

(И. Стефанский) старое правописание Я.К. Грота и провести революционную «ре-
визию и чистку» букв (И. Ионин, Д. Рязанцевский).

Созданная в 1929 г. под сильным давлением общественности первая совет-
ская комиссия по реформе орфографии и пунктуации представила «Проект ре-
формы правописания» (1930 г.), который не получил поддержки у радикально
настроенных участников Всесоюзного орфографического совещания (июнь
1931 г.). Особое значение для истории упорядочения в XX в. имело заявление ко-
миссии о важности разработки государственного свода правил правописания, ор-
фографического словаря в дополнение к нему и необходимости полного исклю-
чения вариативности в интересах здорового инстинкта охраны орфографии как
социального феномена.

В ряде радикальных проектов реформирования выдвигается требование от-
мены пункта Декретов о правописании приставок и исключения некоторых букв.
В связи с этим Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение «воспретить всякую
«реформу и дискуссию о реформе» в печати как «угрозу бесплодной и пустой
траты сил и средств государства» (1931 г.).

2) **1930 – первая половина 1936 гг.** – официальное утверждение реформы
1917–1918 гг. как подлинного завоевания пролетариата. Русская орфография со
ссылкой на непререкаемый научный авторитет Я. К. Грота характеризуется как
внутренне целостная и рациональная. Коллегии НКП РСФСР в качестве перво-
очередной государственной задачи указывают устранение вариативности.

Для этого этапа характерно противостояние НКП РСФСР и АН СССР, от-
ражающее столкновение двух возможных подходов к упорядочению: с позиции
интересов школьного обучения (педагогический) и научный. Орфографические
события этого периода определяются противоположными взглядами Д. Н. Уша-
кова (комиссия НКП РСФСР, 1933 г.) и С. П. Обнорского (комиссия АН СССР,
1933 г.) на организационные и содержательные аспекты упорядочения. Ученые
оспаривают следующие моменты: 1) *прерогативу* в решении спорных вопросов
(НКП РСФСР или АН СССР); 2) *объем регламентируемого материала* (только
орфография у комиссии АН СССР); 3) *формат итогового документа и его адре-*

сам (сборник статей в традициях Я. К. Грота для специалистов у комиссии АН СССР и полный свод орфографических и пунктуационных правил для всех пишущих у комиссии НКП РСФСР); 4) *принцип вариативности* (комиссия АН СССР допускает варианты с рекомендацией основного, тогда как комиссия Народного комиссариата просвещения РСФСР высказывается категорически против идеи вариативности).

3) **вторая половина 1936–1937 гг.** – впервые признается необходимость системного изложения правил в формате свода и определяются общие подходы к нормализаторской деятельности: 1) учитывать орфографические традиции; 2) не реставрировать ставшие неактуальными семантические и словообразовательные связи; 3) обеспечивать возможность применения правила без обращения к орфографическому словарю; 4) не допускать, по возможности, исключений.

4) **1938–1945 гг.** – АН СССР характеризуется как главное учреждение, способное решить организационные и содержательные вопросы упорядочения и унификации правописания. В качестве необходимой «здоровой основы» (С.П. Обнорский) орфографической работы указывается морфологический принцип. Подчеркивается также важность полного устранения вариативных написаний. Объединение правил орфографии и пунктуации в одном тексте становится традиционным, отражая системный подход к регламентации употребления основных средств русского письма.

5) **1946–1956 гг.** – предпринимается попытка апробации редакций правил 1948 г. и 1951 г. в таких массовых изданиях, как «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (1949 г. и 1952 г.) и школьный «Орфографический словарь» Д. Н. Ушакова и С. Е. Крючкова (1951 г. и след.). Для утверждения правил достаточным признается авторитет АН СССР.

Введение «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г. признается «беспримерным явлением» (С.И. Ожегов) в истории русского правописания и сопровождается масштабной информационно-разъяснительной работой. Для перехода на новые правила устанавливается трехгодичный срок, в течение которого старые написания должны отмечаться, но не считаться ошибочными.

15. Общие контуры понятия орфографической вариативности, впервые сформулированные Г. О. Винокуром (1945 г.), включают в себе такие отличительные признаки, как отсутствие иных различий, кроме собственно орфографических при тождественности функций. В дальнейшем подобное понимание орфографической вариативности получает разработку в теоретических исследованиях О. С. Ахмановой, Л. К. Граудиной, Б. З. Букчиной, Е. В. Бешенковой, О. Е. Ивановой, И. В. Нечаевой и др., подчеркивающих условность и безотносительность к контексту орфографического варьирования, которое не затрагивает ни внешнюю звуковую, ни внутреннюю форму и выражает одно и то же лексическое, грамматическое, синтаксическое и стилистическое содержание. Эти характеристики легли в основу противопоставления собственно орфографических вариантов (*каравай* и *коровай*, *кабаре* и *кабарэ*, *коэффициент* и *коэффициент перистосложный* и *перисто-сложный*) и языковых (*воробышек* и *воробушек*, *галоша* и *калоша*, *ланч* и *ленч*, *матрац* и *матрас*). Последние определяются авторами как орфографо-языковые, фонемно-орфографические, фонетико-орфографические. В ряде работ предлагается более широкое понимание орфографической вариативности, когда критерии тождества произношения и стилистической функции рассматриваются в качестве факультативных, поэтому языковые варианты типа *матрац* и *матрас* трактуются как орфографические.

Наряду с неоднозначным пониманием природы и пределов орфографической вариативности, критериев разграничения орфографических и языковых вариантов остро дискуссионной остается оценка вариативных написаний как возможных компонентов орфографической нормы, а также характер действия кодификатора по отношению к вариативным написаниям. Это свидетельствует о перспективности дальнейшего теоретического и практического изучения орфографической вариативности, в том числе и в диахроническом аспекте. В частности, перспективу исследования составляет расширение фактической базы исследования за счет привлечения новых источников, уточнение наполнения отдельных спорных групп и более детальная характеристика истории их упорядочения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Словарь Академии – Словарь Академии Российской: в 6 т. СПб.: при Императорской Академии наук, 1789–1794.

Словарь Даля – Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: О-во любителей рос. словесности, 1863—1866 (1 издание);

Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. и значительно доп.: в 4 т. СПб – М.: издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880—1882 (2 издание);

Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд., испр. и значительно доп. / под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ: в 4 т. СПб – М.: т-во М. О. Вольфа, 1903—1911 (3 издание).

Словарь Ушакова – Толковый словарь русского языка / Сост. Г. О. Винокур, проф. Б. А. Ларин, С. И. Ожегов и др.; Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия, 1935–1940.

Словарь Ожегова – Словарь русского языка. М.: ОГИЗ – ГИС, 1949 (1 издание);

Словарь русского языка. М.: ГИС, 1952 (2 издание).

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М – Л.: Академия наук СССР, 1950–1965.

РОС – Русский орфографический словарь. М.: Аст-Пресс, 2012 (и след. издания).

Материалы орфографических комиссий

Объяснительная записка 1937 – Объяснительная записка к сводам орфографических и пунктуационных правил. – М., 1937. – 16 с.

Проект 1930 – Проект реформы правописания / Под ред. К. Бархина, Г. Костенко, И. Устинова. – М.; Л., 1930. – 64 с. (Сектор науки Наркомпроса РСФСР. Издание официальное).

Правила 1936 – Свод орфографических правил / Сост. Орфографической комиссией при Ученом комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР. Проект. – М., 1936. – 86 с. [На правах рукописи]. (Составлен Орфографической комиссией: Д. Н. Ушаков (председатель), А. А. Реформатский, М. В. Сергиевский, А. М. Сухотин, А. Б. Шапиро).

Правила 1936 (2) – Свод орфографических правил. 2-я ред. Проект. – М., 1936. – 84 с. [На правах рукописи]. / Сост. Орфографической комиссией при Ученом комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР с изменениями, принятыми Объединенной орфографической комиссией при Академии наук в Ленинграде 12–17 июня 1936 г. и на заседании Комиссии по упорядочению правописания под председательством А. С. Бубнова.

Правила 1939 – Свод орфографических и пунктуационных правил: Проект. – М., 1939. – 96 с. [На правах рукописи]. / Сост. рабочей подкомиссией, выделенной из состава Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка, учрежденной постановлением Совета Народных комиссаров СССР от 10 июля 1939 г.

Правила 1939 (2) – Правила единой орфографии и пунктуации. С приложением краткого словаря. – 2-я ред.: Проект. – М., 1939. – 136 с. [На правах рукописи]. / Сост. рабочей подкомиссией, выделенной из состава Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка, учрежденной постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 10 июля 1939 г.

Правила 1940 – Правила единой орфографии и пунктуации. С приложением краткого словаря. Проект. – М., 1940. – 152 с. [На правах рукописи]. / Сост. Комиссией по разработке

единой орфографии и пунктуации русского языка, учрежденной постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 10 июня 1939 г.

Правила 1947 – Правила русской орфографии и пунктуации [Проект]. На правах рукописи. – М.; Л., 1947. – 136 с. [На правах рукописи]. (Академия наук Союза ССР. Министерство просвещения РСФСР.)

Правила 1948 – Правила русской орфографии и пунктуации [Проект]. На правах рукописи. – М.; Л., 1948. – 142 с. [На правах рукописи]. (Институт русского языка Академии наук СССР. Министерство просвещения РСФСР.)

Правила 1951 – Правила русской орфографии и пунктуации. Проект. (На правах рукописи). – М., 1951. – 183 с. [На правах рукописи]. (Институт языкознания Академии наук СССР. Министерство просвещения РСФСР.)

Правила 1955 – Правила русской орфографии и пунктуации. Проект. – М., 1955–188 с. [На правах рукописи]. (Институт языкознания АН СССР. Министерство просвещения РСФСР.)

Правила 1956 – Правила русской орфографии и пунктуации. – М., 1956. - 176 с.

Таблицы к сводам 1937 – Таблицы к сводам орфографических и пунктуационных правил. – М., 1937. – 30 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. С. По вопросу об упрощении орфографии // Библиотека для чтения. – М. – 1862. – Т. 170. – С. 77–80.
2. Аваненсов, Р. И., Винокур, Г. О., Ожегов, С. И., Петерсон, М. Н. [Памяти Д. Н. Ушакова] // Русский язык в школе. – 1941. – № 3. – С. 92–93.
3. Аваненсов, Р. И. Заметки по теории русской орфографии / Р. И. Аванесов // Восточнославянское и общее языкознание. – М.: Наука, 1978. – С. 220–229.
4. Аванесов, Р. И. Русское литературное произношение / Р. И. Аванесов. – М.: Учпедгиз, 1954. – 184 с.
5. Аванесов, Р. И. Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка / Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров // Русский язык в школе. – 1930. – № 4. – С. 110–118.
6. Аксаков, К. С. Несколько слов о нашем правописании [1846] // Полное собрание сочинений: в 3 т. – Т. 2. – Ч. 1. Сочинения филологические. – М. – 1875. – С. 391–406.
7. Алгазина, Н. Н. *О – е* после шипящих / Н. Н. Алгазина, Т. С. Ходорович // О современной русской орфографии. – М.: Наука, 1964. – С. 110–116.
8. Алгазина, Н. Н. Трудные случаи правописания / Н. Н. Алгазина. – М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1961. – 84 с.
9. Алексеев, Д. И. О понятии вариативности и вариантах слова / Д. И. Алексеев // Вопросы теории и методики изучения русского языка. – Ульяновск. 1969. – С. 38–39.
10. Алпатов, В. М. История одного мифа: Марр и марризм / В. М. Алпатов. – М.: УРСС, 2011. – 288 с.
11. Амирова, Т. А. Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка / Т. А. Амирова. – М.: Наука, 1985. – 284 с.
12. Аничков, Е. Правописание и классики / Е. Аничков // Русская школа за рубежом. – Прага, 1924. – Кн. 5–6. – С. 78–87.
13. Аннинский, Д. В. Несколько слов о русском правописании / Д. В. Аннинский // Филологические записки. – 1879. – Вып. 1. – С. 1–22.
14. Ардентов, Б. П. За кардинальную реформу русской орфографии / Б. П. Ардентов // Русский язык в школе. – М., 1963. – № 1. – С. 32–33.
15. Арутюнова, Е. В. Реформы русской орфографии и пунктуации в советское время и постсоветский период: лингвистические и социальные аспекты: дис. ... канд. филол. наук / Арутюнова Елена Вячеславовна. – М., 2015. – 296 с.

16. Афанасьев, П. О. О морфологическом анализе слова как основе развития орфографических навыков / П. О. Афанасьев // Вопросы орфографии в школе: материалы научных совещаний. 13–17 декабря 1935. – М., 1936. – С. 8–9.
17. Ахманова, О. С. К вопросу о «правильности» речи / О. С. Ахманова, Ю. А. Бельчиков, В. В. Веселитский // Вопросы языкознания. – 1960. – № 2. – С. 35–42.
18. Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – М.: Учпедгиз, 1957.
19. Баженов, А. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля / А. Баженов // Московские ведомости. – 1862. – Вып. 1, 2. – № 75. – С. 600–601.
20. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. – 1955. – 416 с.
21. Баранникова, Л. И. Специфика проявления нормы в различных формах реализации языка // Функционирование языка и нормы. – Горький. – 1986. – С.1 26.
22. Барановский, Ф. Н. О морфологическом принципе русской орфографии / Ф. Н. Барановский // Ученые записки. Кемеровский государственный педагогический институт Кемерово, 1962. – Вып. 5. – С. 138–156.
23. Барзас, В. Ничуть не забавно / В. Барзас // Нева – 1994. – № 5–6. – С. 350–356.
24. Барсов, А. Российская грамматика / А.Барсов. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 776 с.
25. Барсукевич, Л. Становление и развитие нормы в русском литературном языке / Л. Барсукевич // Jezyk rosyjski. – 1961. – № 4. – С.26–34.
26. Бархударов, С. Г. Не ломка, а улучшение нашего письма / С. Г. Бархударов // Русский язык в школе. – 1963. – № 1. – С. 15–19.
27. Бархударов, С. Г. Русская лексикография за 40 лет / С. Г. Бархударов // Вопросы языкознания. – 1957. – № 5. – С. 6–22.
28. Баскевич, И. З. Дмитрий Николаевич Ушаков: из воспоминаний [К 120-летию со дня рождения русского языковеда] / И. З. Баскевич // Русская речь. – 1993. – № 1. – С. 73–76.
29. Бахрин, К. Б. Методика русского языка в средней школе: учебник для высших педагогических учебных заведений и пособие для преподавателей / К. Б. Бахрин, Е. С. Истрина. – М., 1934. – 307 с.
30. Бахрин, К. Б. Реформа правописания / К. Б. Бахрин // Известия. –1930. – 10 января.
31. Бахтин, Н. Н. Основы русского правописания / Н. Н. Бахтин. – Варшава, 1892. – 160 с.
32. Белинский, В. Г. Сочинения / В. Г. Белинский. – М., 1860. – Т. 10. – 478 с.
33. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. / В. Г. Белинский. – М.: Издательство АН СССР, 1955. – Т. 9.– 804 с

34. Белодед И. К. [Рецензия] / И. К. Белодед, П. И. Горецкий // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1953. – Вып. 2. – Т. 12. – С. 174–180. Рец. на кн. Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов; под ред. С. П. Обнорского – 1952.
35. Бельчиков, Ю. А. О нормах литературной речи / Ю. А. Бельчиков // Вопросы культуры речи. – М., 1965. – Вып. 6. – С. 6–16.
36. Бешенкова, Е. В., Иванова О. Е. Русское письмо в правилах с комментариями / Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. – М.: Азбуковник, 2011. – 360 с.
37. Бешенкова, Е. В. Теоретические вопросы нормирования орфографии: Вариативность и стратегии нормирования / Е. В. Бешенкова // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 1. – С. 18–24.
38. Бешенкова, Е. В., Иванова О. Е. Теория и практика нормирования русского письма / Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. – М.: Лексрус, 2016. – 424 с.
39. Биргер, Э. И. Давно назревшая задача / Э. И. Биргер // Русский язык в школе. – 1962. – № 4. – С. 100–104.
40. Биржанова Е. Э. Очерки по лексикологии русского языка XVIII в.: Языковые контакты в заимствованиях / Е. Э. Биржанова, Л. А. Войнович, Л. Л. Кутина. – Л.: Наука, 1972 – 431 с.
41. Блинов, Р. Ю. Графико-орфографическая вариантность и ее регистрация в словарях (на материале англоязычных словарей): дис. ... канд. филол. наук / Р. Ю. Блинов. – СПб., 2011. – 376 с.
42. Блинова, О. И. Фактор мотивированности и вариантность слов / О. И. Блинова // Язык и общество. – Саратов. – 1974. – Вып. 3. – С. 144–154.
43. Богословская З. М. Диалектная вариантология: лексикологический и лексикографический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук / З. М. Богословская. – Томск, 2006. – 401 с.
44. Бодуэн де Куртэнэ, И. А. Об отношении русского письма к русскому языку / И. А. Бодуэн де Куртэнэ. – СПб., 1912. – 132 с.
45. Бойко Е. Кириллица – Латиница – Гражданица: коллективная монография / Е. Бойко, В. Я. Булохов, М. С. Выхристю и др.; отв. ред. Т. В. Шмелева; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2009. – 340 с.
46. Большой орфографический словарь / под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцова. – 2-е изд. – М.: Оникс, 2003. – 528 с.
47. Борунова, С. Н. О написании сложных прилагательных в русском языке. Из истории кодификации / С. Н. Борунова // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика; под ред. В. В. Лопатина. М.: Азбуковник, 2009. – С. 73–98.

48. Борунова, С. Н. Об одной дискуссионной проблеме русской орфографии (К вопросу о написании сложных прилагательных в русском языке) / С. Н. Борунова // Русистика сегодня. – 1988. – № 3–4. – С. 148–158.
49. Бочкарев, М. Про белого бычка / М. Бочкарев // Комсомольская правда. – 1936. – 26 сент.
50. Брандт, Р. Ф. О лженаучности нашего правописания (публичная лекция) / Р. Ф. Брандт // Филологические записки. – 1901. – Вып. 1–2. – С. 1–58.
51. Брандт, Р. Ф. Демократизация русской грамоты / Р. Ф. Брандт. – М., 1917. – 16 с.
52. Брандт, Р. Ф. К орфографической реформе (Письмо в редакцию) / Р. Ф. Брандт // Русь. – 1904. – № 124. – С. 4–6.
53. Брандт, Р. Ф. О лженаучности нашего правописания (публичная лекция) / Р. Ф. Брандт // Филол. зап. – 1901. – Вып. 1–2. – С. 1–58.
54. Брандт, Р. Ф. Петровская реформа азбуки / Р. Ф. Брандт. – М., 1910. – 8 с.
55. Бреусова, Е. И. Работа над усовершенствованием русского правописания в послеоктябрьский период и вопросы общей теории орфографических реформ: дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Бреусова. – Красноярск, 2000. – 267 с.
56. Будде, Е. Образование современного литературного русского языка / Е. Будде // Энциклопедия славянской филологии; под ред. И. В. Ячича. – СПб., 1908. – Вып. 12. – С. 2–154.
57. Будде, Е. Ф. Несколько заметок из истории русского языка / Е. Ф. Будде // Журнал Министерства народного просвещения. – 1898. – Ч. XXXVI (316). – С. 150–176.
58. Будде, Е. Ф. Несколько замечаний из истории русского языка (По поводу академического издания сочинений М. Ломоносова с примечаниями академика М. И. Сухомлинова. Изд. Академии наук.) // Журнал Министерства народного просвещения, 1897. – № 3. – С. 150–176.
59. Будде, Е. Ф. Несколько замечаний из истории русского языка (сб. М. В. Ломоносова с объяснительным приложением акад. М. И. Сухомлинова) / Е. Ф. Будде // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. – № 5. – С. 74–101.
60. Будде, Е. Ф. Предложения по вопросу о русском правописании / Е. Ф. Будде // Труды и протоколы педагогического общества при Императорском Казанском университете. – Казань, 1901. – Вып. 3. – Т. 1. – С. 127–131.
61. Будилович А. С. Академия наук и реформа русского правописания / А. С. Будилович. – СПб, 1904. – 48 с.
62. Букчина, Б.З. Проблемы русской орфографии (Орфографические словари, «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. и орфографическая практика): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Б. З. Букчина. – М., 1974. – 25 с.

63. Букчина, Б. З. Вопросы орфографической унификации печатных изданий / Б. З. Букчина: учеб. пособие. – М.: Всесоюзный институт повышения квалификации работников печати, 1988. – 59 с.
64. Букчина, Б. З. Лингвистические основания орфографического оформления сложных слов / Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая // Нерешенные вопросы русского правописания. – М.: Наука, 1974. – С. 5–14.
65. Букчина, Б. З. О типах орфографических словарей (обзор) / Б. З. Букчина // Нерешенные вопросы русского правописания. – М.: Наука, 1974. – С. 215–258.
66. Букчина, Б. З. Орфографические варианты / Б. З. Букчина // Литературная норма и вариантность. – М.: Наука, 1981. – С. 215–234.
67. Букчина, Б. З. Слитно или отдельно? Опыт словаря-справочника / Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая, Л. К. Чельцова; под ред. Д. Э. Розенталя. М., 1972. – 479 с.
68. Букчина, Б. З. Сложные слова / Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая. – М.: Наука, 1974. – 151 с.
69. Букчина, Б. З. Чередование в корнях слов / Б. З. Букчина // О современной русской орфографии. – М.: Наука, 1964. – С. 88–97.
70. Букчина, Б. З. Письма об орфографии / Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая, Л. К. Чельцова; отв. ред. А. А. Реформатский, Л. И. Скворцов; АН СССР; Институт русского языка. – М.: Наука, 1969. – 136 с.
71. Булгакова, О. А. Метаязыковая рефлексия как экспликатор выбора орфографического варианта / О. А. Булгакова, Э. С. Денисова, М. Г. Чабаненко // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 3. – С. 50–58.
72. Булохов, В. Я. Назначение и структура «Словаря орфографических вариантов» / В. Я. Булохов // Вестник Омского университета. – 2010. – № 1. – С. 122–123.
73. Булохов, В. Я. Словарь орфографических вариантов / В. Я. Булохов. – Красноярск: КрасГУ, 2004. – 176 с.
74. Бунаков, Н. Ф. Избранные педагогические сочинения / Н. Ф. Бунаков // Приложение к журналу «Советская педагогика». – М., 1953. – 412 с.
75. Былинский, К. И. [Рецензия] / К. И. Былинский, Д. Э. Розенталь // Вопросы языкознания М., 1957. С. 141–145. Рец. на кн.: Орфографический словарь русского языка: 110 слов; под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро. – М., 1957.
76. Былинский, К. И. «Правила русской орфографии и пунктуации» в действии / К. И. Былинский // Русский язык в школе. – М., 1954. – № 5. – С. 20–26.
77. Былинский, К. И. Новые правила единой орфографии / К. И. Былинский // Советская печать. – 1956. – № 9. – С. 37.

78. Былинский, К. И. О «Правилах единой орфографии и пунктуации»/ К. И. Былинский, М. И. Уаров // Большеви́стская печать. – 1940. – № 3. – С. 35–38.
79. Былинский, К. И. Справочник корректора / К. И. Былинский, М. И. Уаров. – М.: Государственная публичная историческая библиотека, 1944. – 132 с.
80. Былинский, К. И. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати / К. И. Былинский, Н. Н. Никольский М.–Л.: Гизлегпром, 1947. – 116 с.
81. Былинский, К. И. Справочник по правописанию и пунктуации для работников печати / К. И. Былинский, Н. Н. Никольский. – Л.: Гизлегпром, 1949. – 192 с.
82. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2001. 304 с.
83. Валимова, Г. Назревший вопрос / Г. Валимова // Учительская газета. – 1954. – 21 августа.
84. Варухин, В. С. О некоторых вопросах правописания и преподавания русского языка в школе / В. С. Варухин // Русский язык в школе. – 1962. – № 4. – С. 104–105.
85. Васильев, А. Ещё к вопросу о русском правописании / А. Васильев // Филологические записки. – 1896. – Вып. 5–6. – С. 1–8.
86. Вахтеров, В. П. Реформа правописания не закончена / В. П. Вахтеров // Вестник просвещения. – 1923. – № 7–8. – С. 12–18.
87. Веселитский, В. В. Норма и вариант / В. В. Веселитский // Русский язык в школе. – 1967. – № 5. – С.15–22.
88. Виноградов, В. В. Очерки русского литературного языка XVII–XIX вв. – М.: Высшая школа, 1982. – 288 с.
89. Виноградов, В. В. К вопросу об упорядочении современного русского правописания / В. В. Виноградов // Русский язык в школе. – 1954. – № 4. – С. 33–37.
90. Виноградов, В. В. Культура речи и орфография / В. В. Виноградов. // Литературная газета. – 1964. – 13 июня.
91. Виноградов, В. В. О формах слова / В. В. Виноградов // Известия АН СССР. ОЛЯ. – 1944. – Вып. 1. – Т. 3 – С. 31–44.
92. Виноградов, В. В. Различие между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпоху / В. В. Виноградов. – М. – 1963. – 34 с.
93. Виноградов, В. В. Русская наука о русском языке / В. В. Виноградов // Ученые записки МГУ. – М., 1946. – Вып. 106. – Т. 3. – Кн. 1. – С. 64–75.
94. Виноградов, В. В. Русская орфография и ее реформа / В. В. Виноградов // Известия. – 1962. – № 297.
95. Виноградов, В. В. Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1961. – № 4. – С. 3–25.

96. Виноградов, В. В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1966. – № 6. – С. 3–27.
97. Виноградов, В. В. О необходимости усовершенствования нашего правописания / В. В. Виноградов // Вопросы русской орфографии. – М.: Наука, 1964. – С. 5–23.
98. Виноградов, В. В. Толковые словари русского языка / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 206–242.
99. Винокур, Г. О. Культура языка / Г. О. Винокур. – М.: Учпедгиз, 1925. – 347 с.
100. Винокур, Г. О. Культура языка. Задачи современного языкознания / Г. О. Винокур // Печать и революция. – М., 1923. – Кн. 5. – С. 23–45.
101. Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М.: Учпедгиз, 1959. – 492 с.
102. Винокур, Г. О. К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII века / Г. О. Винокур // Вестник Московского университета. – 1947. – № 5. – С. 27–47.
103. Винокур, Г. О. Орфографическая теория Третьяковского / Г. О. Винокур // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – М.: Учпедгиз, 1948. – Вып. 2. – Т. VII. – С. 468–489.
104. Винокур, Г. О. Орфография и язык Пушкина в академическом издании его сочинений (ответ В. И. Чернышеву) / Г. О. Винокур // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. – М.-Л., 1941. – Вып. 6. – С. 462–494.
105. Винокур, Г. О. Орфография как проблема истории языка / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 463–467.
106. Вокруг реформы правописания // Русский язык в советской школе. – 1929. – № 6. – С. 170–171.
107. Волин, Б. М. Борьба за грамотность – основная задача школы / Б. М. Волин // Русский язык в школе. – 1936. – № 1. – С. 3–14.
108. Вольпер, М. А. Новый орфографический словарь / М. А. Вольпер. – Петроград: Сеятель, 1922. – 332 с.
109. Ворченко, В. Без прописных / В. Ворченко // Журналист. – 1930. – № 16. – С. 11–12.
110. Востоков, А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. – 2-е изд. – СПб.: тип. И. Глазунова, 1831. – 408 с.
111. Гавранек, Б. Задачи литературного языка и его культура / Б. Гавранек // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 338–378.

112. Гавронов, Н. Ф. К вопросу о правописании иноязычных слов с удвоенными согласными / Н. Ф. Гавронов // Проблемы современного русского правописания. – М.: Наука, 1964. – С. 116–130.
113. Ганиев Ж. В. Вариативность в русском произношении: перманентная борьба вокруг нормы: прошлое, современность: дис. ... д-ра филол. наук / Ж. В. Ганиев. – Москва, 2009. – 432 с.
114. Гвоздев, А. Н. Основы русской орфографии / А. Н. Гвоздев. – М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1950. – 100 с.
115. Гвоздев, А. Н. Вопросы современной орфографии и методика ее преподавания / А. Н. Гвоздев // Известия АПН РСФСР. – 1951. – Вып. 39. – С. 96–109.
116. Гвоздев, А. Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. К 70-летию со дня рождения (1892–1959) / А. Н. Гвоздев. – М., 1963. – 283 с.
117. Гвоздев, А. Н. Как отразится на ошибках учащихся реформа орфографии по проекту Главнауки? / А. Н. Гвоздев, К. Н. Гвоздева // Русский язык в советской школе. – 1930. – № 5. – С. 113–120.
118. Гейм, И. А.. Словарь российско-французско-немецкий / И. А. Гейм. – М., 1799–1802. – 346 с.
119. Гельгард, Р. Р. О языковой норме / Р. Р. Гельгард // Вопросы культуры речи. – М., 1961. – Вып. 3. – С. 21–38.
120. Гельгард, Р. Р. [Рецензия] / Р. Р. Гельгард // Вопросы языкознания. – 1953. – № 3. – С. 131–139. Рец. на кн.: Словарь русского языка; под ред. С. И. Ожегова. Год издания
121. Геннинг, В. П. Справочная книжка и указатель русского правописания / В. П. Геннинг, – СПб., 1879. – 179 с.
122. Гепнер, Ю. Р. О принципах упорядочения русской орфографии и пунктуации / Ю. Р. Гепнер // Русский язык в школе. – 1955. – № 1. – С. 39–41.
123. Гильтебрандт, П. Необходимость «Уложения о русском правописании» / П. Гильтебрандт // Древняя и новая Россия. – 1879. – Т. 1. – № 2. – С. 154–162.
124. Глинкина, Л. А. Вариативность как научный объект в русском языкознании / Л. А. Глинкина // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: тезисы докладов международной конференции. – М.: Филология, 1995. – Т. 1. – С. 126–128.
125. Глинкина, Л. А. Грамматическая вариативность как объект исторической русистики / Л. А. Глинкина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 2 (18). – С. 76–79.
126. Голев, Н. Д. Антиномии русской орфографии / Н. Д. Голев. – Барнаул, 1997. – 148 с.

127. Голев, Н. Д. Неканоническая орфография современного русского языка (к постановке проблемы) / Н. Д. Голев // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История. Педагогика. Филология и журналистика. Философия. – 1997. – № 2. – С. 52–58.
128. Голев, Д. Н. Антиномии русской орфографии / Н. Д. Голев. – М.: УРСС, 2004. – 160 с.
129. Горбачевич, К. С. Вариантность слова и языковая норма / К. С. Горбачевич – Л.: Наука. – 1978. – 238 с.
130. Горбачевич, К. С. Зоны вариантности слов и нормы русского литературного языка / К. С. Горбачевич // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С.77–88.
131. Горбачевич, К. С. Нормы литературного языка и толковые словари / К. С. Горбачевич // Нормы современного русского литературного словоупотребления. – М.-Л., 1966. – С. 5–24.
132. Горбачевич, К. С. Нормы современного русского литературного языка / К. С. Горбачевич. – М.: Просвещение, 1981. – 239 с.
133. Горецкий, П. [Рецензия] / П. Горецкий // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1949. – Вып. 4. – Т. VIII. – С. 382–388. Рец. на кн.: Словарь современного русского литературного языка Т. 1. 1948
134. Горшков, А. И. Вопрос о вариантности норм в связи с пониманием языка как системы систем / А. И. Горшков // Литературная норма и вариантность. – М.: Наука, 1981. – С. 234–248.
135. Горшков, М. В порядке обсуждения / М. Горшков // Полиграфическое производство. – 1930. – № 2. – С. 44–45.
136. Грановская Л. М. Русский литературный язык XIX и XX вв.: очерки / Л. М. Грановская. – М.: Эллис, 2005. – 276 с.
137. Граудина, Л. К. Варианты слов и варианты форм / Л. К. Граудина // Актуальные проблемы русского словообразования: материалы республиканской научной конференции (12–15 сентября 1972 г.). – Самарканд, 1972. – Ч. 1. – С. 117–122.
138. Граудина, Л. К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты / Л. К. Граудина. – М.: Наука. – 1980. – 288 с.
139. Граудина, Л. К. К истории нормализации вариантов в грамматиках (нач. XX в. – 60-е гг.) / Л. К. Граудина // Литературная норма и вариантность. – М., 1984. – С. 39–69.
140. Граудина, Л.К. Норма и статистика / Л. К. Граудина // Актуальные проблемы культуры речи. – М.: Наука, 1970. – С 326–368.
141. Грехнева, Г. М. Норма в ее отношении в системе языка / Г. М. Грехнева // Норма и функционирование языковых единиц. – Горький, 1980. – С. 10–17.
142. Греч, Н. И. Практическая русская грамматика / Н. И. Греч. – СПб., 1827. – 588 с.

143. Греч, Н. И. Справочное место русского слова / Н. И. Греч. – СПб., 1843. – 144 с.
144. Григорьева, Т. М. Русское правописание Я. К. Грота в зеркале мнений «за» и «против» / Т. М. Григорьева // Кириллица – латиница – гражданица: коллективная монография; отв. ред. Т. В. Шмалева. – Нижний Новгород, 2009. – С. 181–195.
145. Григорьева, Т. М. Современная русская орфография в общественном сознании / Т. М. Григорьева // Лингвистика и школа: сборник научных трудов. – Красноярск, 2002. – С. 106–115.
146. Григорьева, Т. М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.) / Т. М. Григорьева. – М.: Элпис, 2004. – 455 с.
147. Григорьева, Т. М., Науменко С. В. Норма – Узус – Кодификация в русской орфографии (до Свода 1956 г.) / Т. М. Григорьева, С. В. Науменко // Русский язык сегодня: сборник научных трудов. Проблемы языковой нормы / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М., 2006. – Вып. 4. – С. 147–157.
148. Григорьева, Т. М., Осипов Б. И. Русское письмо от старой азбуки до современного алфавита / Т. М. Григорьева, Б. И. Осипов // Русский язык в школе. – 2002. – № 2. – С. 77–82.
149. Григорьева, Т. М., Пономарева С. В. Норма и вариантность в русской орфографии / Т. М. Григорьева, С. В. Пономарева // Лингвистический ежегодник Сибири: сборник научных трудов / Красноярский государственный университет. – Красноярск, 2001. – Вып. 3. – С. 20–42.
150. Григорьева, Т. М., Пономарева С. В. Словарь В. И. Даля в истории русской орфографии // Т. М. Григорьева, С. В. Пономарева // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2001. – Т. 60. – № 4. – С. 61–67.
151. Грот, Я. К. По поводу толков о правописании / Я. К. Грот // Современная летопись. – 1862. – № 28. – С. 1–18.
152. Грот, Я. К. Филологические разыскания / Я. К. Грот. – СПб., 1899. – Т. 2. – 975 с.
153. Грот, Я. К. Заметка о толковом словаре Даля / Я. К. Грот. – СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1870. – 60 с.
154. Грот, Я. К. Русское правописание. Руководство, составленное по поручению второго отделения Императорской Академии наук / Я. К. Грот // Сб. ОРЯС. – 1885. – Т. 36. – №1. – С. 1–114.
155. Грот, Я. К. Русское правописание: Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук академиком Я. К. Гротом / Я. К. Грот. – СПб., 1894. – 168 с.
156. Грот, Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне / Я. К. Грот. – СПб., 1873. – 163 с.

157. Грот, Я. К. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля // Грот Я. К. Филологические разыскания. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1873. – С. 1–60.
158. Грот, Я. К. Филологические разыскания / Я. К. Грот. – СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1899. – 941 с.
159. Грушников, П. А. О новом орфографическом словаре для средней школы / П. А. Грушников // Русский язык в школе. – 1957. – № 4. – С. 10–11.
160. Дагайский. О чем тоскует красный карандаш? / Дагайский // Учительская газета. – 1923. – № 17.
161. Даль, В. И. Грамота / В. И. Даль // Русский. – 1868. – № 25. – С. 3–4.
162. Даль, В. И. Грамота / В. И. Даль // Русский. – 1868. – № 31. – С. 3–4.
163. Даль, В. И. Грамота / В. И. Даль // Русский. – 1868. – № 39. – С. 3.
164. Дальнейшее упрощение орфографии // Советский Юг. – 1927. – № 94.
165. Данилов, Г. К. К чему задача? / Г. К. Данилов // Русский язык в советской школе. – 1930. – № 3. – С. 116–119.
166. Данилов, К. К. вопросу об этимологии современной школьной безграмотности / К. К. Данилов // Родной язык в школе. – 1927. – № 1. – С. 156–161.
167. Дегтярев, В. И. Драматические страницы в истории русской орфографии. А. В. Миртов против Я. К. Грота // Кириллица – латиница – гражданица: коллективная монография / В. И. Дегтярев; отв. ред. Т. М. Шмелева; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2009. – С. 195–208.
168. Декрет народного комиссариата по просвещению РСФСР от 23 декабря 1917 // Газета временного рабочего и крестьянского правительства. – 1917. – № 40.
169. Дергачев, К. Устранить орфографические капканы / К. Дергачев // Русский язык в школе. – 1959. – № 1. – С. 34–36.
170. Державин, Н. С. История и техника издания словаря русского языка Академии наук СССР / Н. С. Державин, С. П. Обнорский // Вестник АН СССР. – 1932. – № 7. – С. 13–26.
171. Державин, Н. С. История языка и работы Академии наук СССР над изданием «Словаря современного русского языка» / Н. С. Державин // Вестник АН СССР. – 1932. – № 4–6. – С. 1–12.
172. Дмитриев-Кельда, И. Д. Об упорядочении русской орфографии / И. Д. Дмитриев-Кельда // Русский язык в школе. – 1954. – № 6. – С. 30–33.
173. Добролюбов, Н. А. Заметки о современном русском правописании / Н. А. Добролюбов // Полное собрание сочинений: в 6 т.; под ред. П. И. Лебедева – Полянского. – М.: ОГИЗ ГИХЛ, 1936 – Т. III. – С. 478–479.

174. Добромыслов, В. А. Облегчить усвоение правописания – основная задача его унификации / В. А. Добромыслов // Русский язык в школе. – 1954. – № 5. – С. 27–38.
175. Добромыслов, В. А. Облегчить изучение правописания в школе / В. А. Добромыслов // Учительская газета. – 1954. – 23 октября.
176. Довершим реформу в грамматике // Комсомольская правда. – 1929. – № 117.
177. Друговейко-Должанская, С. В. Орфографическая реформа как зеркало русской интеллигенции / С. В. Друговейко-Должанская // Письменная коммуникация и фонетическая стратегия языка. – СПб., 2003. – С. 58–79.
178. Дурново, Н. Н. К вопросу о реформе русского правописания / Н. Н. Дурново // Русский язык в советской школе. – 1930. – № 3. – С. 110–116.
179. Евгеньев, А. Новая орфография на практике / А. Евгеньев // Вестник литературы. – 1919. – № 4. – С. 4.
180. Евгеньева, А. П. К вопросу о теме однотомию толкового словаря советской эпохи / А. П. Евгеньева // Вопросы языкознания. – 1953. – № 3. – С. 48–63.
181. Егоров, П. Научно-педагогическая жизнь (Реформы правописания). Отзывы с мест. Заключение Всесоюзной академии наук / П. Егоров // Русский язык в школе. – 1931. – № 4. – С. 168–172.
182. Едличка, А. О пражской теории литературного языка / А. О. Едличка // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 544–557.
183. Еськова Н. А. О новом своде орфографических правил / Н. А. Еськова // Наука и жизнь. – 2000. – № 1. – С. 45–47.
184. Еськова, Н. А. Графическая реализация фонемы <и> в начале морфемы, не являющейся флексией или суффиксом, после твердой согласной предшествующей морфемы / Н. А. Еськова // О современной орфографии.– М.: Наука, 1964. – С. 5–18.
185. Еськова, Н. А. Надо ли писать *каратэ*? / Н. А. Еськова // Русская речь. – 1991. – № 3. – С. 65–67.
186. Еськова, Н. А. Об одной частной произносительной закономерности русского литературного языка / Н. А. Еськова // Культура звучащей речи: традиции и современность: тезисы докладов международной научной конференции.– М., 2004.– С. 49–51.
187. Еськова, Н. А. Почему *огурци*, а не *секция*? / Н. А. Еськова // Известия.– 1964.– № 241.
188. Еськова, Н. А. Передача фонемы <о> после шипящих и <ц>» / Н. А. Еськова // Проблемы современного русского правописания. – М. Наука, 1964. – С.141–157.
189. Ефимов, А. И. Красноречие и орфография / А. И. Ефимов // Известия. – 1962. – № 71.
190. Ефимов, А. И. Культура речи и орфография / А. И. Ефимов // Русский язык в школе. – 1963. – № 1. – С. 6–15.

191. Живов, В. М. Восточнославянское правописание XI–XIII вв. / В. М. Живов. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 312 с.
192. Живов, В. М. Язык и культура в России XVIII в. / В. М. Живов. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 590 с.
193. Житомирский, К. Молох XX в. Правописание / К. Житомирский. – М.: Труд, 1915. – 258 с.
194. Жучкова, О. В. О словообразовательной вариантности сложных существительных и прилагательных / О. В. Жучкова // Вопросы грамматики русского языка: (Функциональный анализ синтаксических структур). – Иркутск, 1976. – Вып. 2. – С. 174–179.
195. За решительную реформу русского правописания // Учительская газета. – 1929. – № 127.
196. Загоровская О. В. Вариативность нормы в русском языке начала XXI века и задачи создания современного учебного нормативно-стилистического словаря / О. В. Загоровская // Известия ВГПУ. – №1 (266) . – 2015. – С. 185–191.
197. Задорнов, Н. *Доч цигана съела огурци*. Писатели и читатели о предложениях по усовершенствованию русской орфографии / Н. Задорнов // Литературная газета. – 1964. – 26 сент.
198. Зайцева, С. Н. Проблемы правописания сложных слов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Н. Зайцева. – М., 1998.– 20 с.
199. Зиндер, Л. Р. Очерк общей теории письма / Л. Р. Зиндер. – Л.: Наука, 1987. – 114 с.
200. Зиндер, Л. Р. К итогам дискуссии об усовершенствовании русской орфографии / Л. Р. Зиндер // Вопросы языкознания. – 1969. – № 6. – 56–63.
201. И. А. Б.[Бенедиктов] / Орфографический указатель спорных слов для руководства типографии / И. А. Б.[Бенедиктов] – СПб., 1898. – 24 с.
202. Иванов, В. В. К вопросу о правописании сложных слов / В. В. Иванов // Русский язык в школе. – 1954. – № 3. – С. 51–56.
203. Иванова, В. Ф. Актуальные проблемы русской орфографии / В. Ф. Иванова // Русский язык в школе. – 1991. – № 1. – С. 69–77.
204. Иванова, В. Ф. О русской орфографии и путях повышения грамотности / В. Ф. Иванова // Русский язык в школе. – 1963. – № 1. – С. 19–26.
205. Иванова В. Ф. Орфография / В. Ф. Иванова // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1997. – С. 303.
206. Иванова, В. Ф. Современная русская орфография / В. Ф. Иванова. – М.: Высшая школа, 1991. – 192 с.
207. Иванова, В. Ф. Трудные вопросы орфографии / В. Ф. Иванова. – М.: Просвещение, 1982.– 175 с.

208. Иванова, В. Ф. Усовершенствование русской орфографии в советский период / В. Ф. Иванова // Русский язык в школе. – 1977. – № 5. – С. 23–32.
209. Иванова, Г. А. Орфографическая вариантность лингвистических терминов / Г. А. Иванова // Вестник МГОУ. Русская филология. – 2009. – № 1. – С. 16–21.
210. Иванова, О. Е. Лексикографическая концепция «Русского орфографического словаря» / О. Е. Иванова // Русская речь. – 2014. – № 2. – С. 32–36.
211. Иванова, О. Е. О современном написании наречий и наречных сочетаний / О. Е. Иванова // Лингвистические основы кодификации русской речи. – М.: Азбуковник, 2009. – С. 99–142.
212. Иванова, О. Е. Орфографическая перекодификация как деятельность / О. Е. Иванова // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 3. – С. 93–99.
213. Иванова, О. Е. Правописание наречий: частеречная неоднозначность и проблема орфографической вариантности / О. Е. Иванова // Российский лингвистический ежегодник. – Иркутск–Красноярск–М.–Омск–Хабаровск–Чита. – 2007. – Вып. 2(9). – С. 69– 83.
214. Иванович, И. Новые орфографические справочники / И. Иванович // Журналист. – 1933. – № 8. – С. 31–32.
215. Ильин, А. М. Словарик орфографический и справочный, заключающий свыше 25 000 слов / А. М. Ильин. – Одесса: Изд. сост., 1912. – 364 с.
216. Ильинская, И.С., Сидоров, В.Н. Современное русское правописание / И.С. Ильинская, В.Н. Сидоров // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина. – 1953. – Т. 22. – Вып. 2. – С. 3 – 40.
217. Инбер, В. М. Давайте подумаем хорошенько. Писатели и читатели о предложениях по усовершенствованию русской орфографии / В. М. Инбер // Литературная газета. – 1964. – 8 окт.
218. Ионин, Х. Привести к одному знаменателю / Х. Ионин // За коммунистическое воспитание. – 1934. – № 206. – 6 сентября.
219. Ионин, И. А. За решительную реформу русского правописания / И. А. Ионин // Учительская газета. – 1929. – № 127.
220. Иоаннисянц, С. А. [Рецензия] / С. А. Иоаннисянц, А. Б. Шапиро, М. И. Уаров // Большеви́стская печать. – 1936. – № 12. – С. 69–70. Рец. на кн.: Орфография, пунктуация и техника корректуры: справочник для работников печати. М., 1933.
221. Иоаннисянц, С. А. Пора установить единообразие в правописании / С. А. Иоаннисянц // Большеви́стская печать. – 1935. – № 19–20. – С. 38.
222. Исаковский, М. Во имя чего? / М. Исаковский // Литературная газета. – 1964. – 22 октября.
223. История русской лексикографии / отв. ред. Ф. П. Сороколетов. – СПб.: Наука, 2001. – 614 с.

224. Истрин, В. А. 1100 лет славянской азбуки / В. А. Истрин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1988. – 190 с.
225. Истрин, В. А. Возникновение и развитие письма / В. А. Истрин. – М.: Наука, 1965. – 599 с.
226. Ицкович, В. А. Норма и ее кодификация / В. А. Ицкович // Актуальные проблемы культуры речи. – М. – 1970. – С.9–40.
227. Ицкович, В. А. Языковая норма / В. А. Ицкович. – М.: Просвещение, 1968. – 93 с.
228. К итогам дискуссии по вопросам правописания // Русский язык в школе. – 1955. – № 2. – С. 32–42.
229. К итогам обсуждения вопросов правописания // Учительская газета.– 1955.– 9 апр.
230. Каверина, В. В. Нерешенные вопросы русского правописания в связи с выходом «Свода правил русского правописания» / В. В. Каверина // Язык, сознание, коммуникация. – М.: Диалог-МГУ, 2001. – Вып. 20. – С. 5–11.
231. Каверина, В. В. Обозначение «и» после приставок на согласный в словах с иноязычными корнями / В. В. Каверина, Е. С. Тузикова // Лингвистика и школа: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Барнаул, 2008. – С. 64–74.
232. Каверина, В. В. Становление русской орфографии в XVII–XIX вв.: правописный узус и кодификация: дис. ... д-ра филол. наук / В. В. Каверина. – М., 2010. – 47 с.
233. Каверина, В. В. Устранение омофонии в истории русского письма / В. В. Каверина // Вестник МГУ. – Сер. 9. Филология. – 2008. – № 5. – С. 40–65.
234. Калакуцкая, Л. П. О метре и мэтре / Л. П. Калакуцкая // Русская речь. – 1988. – № 3. – С. 55–58.
235. Кальм, Д. Заседания идут, дело стоит / Д. Кальм // Литературная газета. – 1930. – №11.
236. Кальмеер, К. По поводу одной заметки / К. Кальмеер // Литературная газета. – 1929. – № 33.
237. Каминский Ф. Письмо к Я. К. Гроту от 10. 04. 1885 / Ф. Каинский // Архив АН СССР. – Фонд 137, опись 1. – №45. – С. 55.
238. Канкава, М. В. В. И. Даль как лексикограф / М. В. Канкава. – Тбилиси: Цодна – 1958. – 356 с.
239. Каноныкин, Н. Спорные вопросы правописания в школе / Н. Каноныкин // Родной язык в школе. – 1929. – № 1. – С. 161–163.
240. Карамзин, Н.М. Письма И.И. Дмитриеву / Н.М. Карамзин. – Спб., 1866 – 730 с.
241. Карпова, О. В. Роль государства в изменении русского правописания в XX в. / О. В. Карпова // Вестник Омского университета. – 2010. – № 4. – С. 205–211.
242. Картоев, М. У. Орфография заимствованных слов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. У. Картоев. – Л., 1982. – 23 с.

243. Карцевский, С. И. Новая орфография / С. И. Карцевский // Русская школа за рубежом. – Прага, 1923. – Кн. 1. – С. 2–7.
244. Каунова, Е. В. Слитно, отдельно или через дефис? (сложные прилагательные в лексико-графическом аспекте) / Е. В. Каунова // Грани познания. – 2009. – № 1(2). – С. 56–59.
245. Ким, И. Е. Речь и письмо в их отношении к языку и действительности / И. Е. Ким // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2015. – Т. 14, – № 9. – С. 168–173.
246. Киров, Е. Ф. Происхождение русской письменности / Е. Ф. Киров // Горизонты современной русистики: сборник статей Международной научной конференции, посвященной 90-летнему юбилею академика В. Г. Костомарова. – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. – С. 349–355.
247. Киров, Е. Ф. Текучесть языка текущего момента: Рецензия на книгу В. Г. Костомарова / Е. Ф. Киров // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2016. – № 5. – С. 92–96.
248. Киров, Е. Ф. Фонологическая теория И. А. Бодуэна де Куртенэ и ее развитие / Е. Ф. Киров // И. А. Бодуэна де Куртенэ и мировая лингвистика: труды и материалы Международной конференция (V Бодуэновские чтения) – М. – 2015. – С. 161–163.
249. Кирпотин, В. Нужна ли полная унификация? / В. Кирпотин // Известия. – 1964. – № 241.
250. Киселева, Н. Против разнобоя в русской орфографии / Н. Киселева, А. Панфилов // Русский язык в школе. – 1955. – № 1. – С. 23–26.
251. Классовский В. А. Русская грамматика / В. А. Классовский. – СПб: тип. Э.Веймара –1856–388 с.
252. Ковтунова, И. [Рецензия] / И. Ковтунова // Вопросы языкознания. – 1956. – № 5. – С. 102–106. Рец.: Обсуждение IV т. «Словаря современного русского литературного языка», 1955 г.
253. Кожин, А. Н. Несколько замечаний к проекту новых правил русской орфографии / А. Н. Кожин // Русский язык в школе. – 1955. – № 1. – С. 38–42.
254. Козненко, А. В. А. Г. Калашников: педагог, геофизик, министр / А. В. Козненко, С. Н. Корсаков // Высшее образование в России. – 2012. – № 10. – С. 140–148.
255. Копыленко, М. М. О правописании сложных слов в связи с общей проблемой разграничения графических единиц / М. М. Копыленко, Я. И. Шубов // О современной русской орфографии. – М.: Наука, 1964. – С. 139–145.
256. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история (Проблема языкового изменения) / Э. Косериу // Новое в лингвистике. – М.: Наука, 1963. – Вып. 3. – С. 143–309.
257. Костева, В. М. История создания академического словаря русского языка как отражение «тоталитарной лингвистики» / В. М. Костева // Известия ВГПУ. – 2014. – № 5. – С. 87–91.

258. Костомаров, В. Г. Некоторые теоретические вопросы культуры речи / В. Г. Костомаров, А. А. Леонтьев // Вопросы языкознания. – 1966. – № 5. – С. 5–13.
259. Костомаров, В. Г. О ретроспективности учения о культуре речи / В. Г. Костомаров // Известия АН СССР, ОЛЯ. – Вып 2. – Т. XXV. – 1966. – С. 34–46.
260. Косых Т. Пора устранить разнобой в русском правописании / Т. Косых, И. Устинов // Правда. – 1938. – 20 сент.
261. Котляровский, А. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля / А. Котляровский // Сборник ОРЯС. – 1895. – Т. 50. – С. 437–442.
262. Кочкин М. Новые технико-орфографические правила / М. Кочкин // Полиграфическое производство. – 1929. – № 2. – С. 26.
263. Кочубей, Р. И. Разногласица русского письма XIX века / Р. И. Кочубей // Русская речь. – 1988. – № 5. – С. 55–57.
264. Кочубей, Р. И. Сложные имена прилагательные в русском литературном языке XIX–XX вв. (словообразовательный и орфографический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. И. Кочубей. – М., 1991. – 24 с.
265. Кошкарёва, Н. Б. Критерии уровня грамотности / Н. Б. Кошкарёва // Аккредитация в образовании. – 2015. – № 4 (80). – С. 33–35.
266. Кошкарёва, Н. Б. Куда уходит дорога? И куда уходит жизнь? (о слитном / раздельном написании *вдаль* и *в даль*) / Н. Б. Кошкарёва // Сб. науч. тр. по матер. Тотального диктанта / Отв. ред. Н. Б. Кошкарёва. – Вып. 2 – Новосибирск, 2017. – С. 93–110.
267. Кривенко, В. С. Точки над *i* (Еще о новой орфографии) / В. С. Кривенко // Вестник литературы. – 1919. – № 5. – С. 9.
268. Крысин, Л. П. Вариативность нормы как естественное свойство литературного языка / Л. П. Крысин // Известия РАН. Сер. Литература и язык. – 2011. – Т. 70. – № 4. – С. 3–8.
269. Крысин, Л. П. Русская литературная норма и современная речевая практика / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2007. – № 2 (14). – С. 5–17.
270. Крысин, Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. – М.: Наука, 1980. – 186 с.
271. Крючков, С. Е. [Рецензия] Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов (2-е изд.) / С. Е. Крючков // Русский язык в школе. – 1953. – № 2. – С. 85–86.
272. Крючков, С. Е. Актуальные вопросы современной русской орфографии / С. Е. Крючков // Начальная школа. – 1951. – № 8. – С. 15–31.
273. Крючков, С. Е. Единый свод правил орфографии и пунктуации / С. Е. Крючков // Учительская газета. – 1956. – 26 мая.

274. Крючков, С. Е. О спорных вопросах современной орфографии / С. Е. Крючков // Русский язык в школе. – 1952. – № 1. – С. 31–44.
275. Крючков, С. Е. О спорных вопросах современной орфографии / С. Е. Крючков. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1952. – 56 с.
276. Крючков, С. Е. О спорных вопросах современной русской орфографии / С. Е. Крючков. – 2-е изд. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1954. – 56 с.
277. Крючков, С. Е. Орфографический словарь / С. Е. Крючков, Д. Н. Ушаков. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР. – 1944. – 190 с.
278. Крючков, С. Е. Переход школ на унифицированную орфографию и пунктуацию / С. Е. Крючков // Русский язык в школе. – 1957. – № 4. – С. 51–59.
279. Крючков, С. Е. Спорные написания в современной русской орфографии / С. Е. Крючков // Русский язык в школе. – 1952. – № 1. – С. 31–44.
280. Крючков, С. Е. Унификация орфографии и школы / С. Е. Крючков // Русский язык в школе. – 1954. – № 5. – С. 38–40.
281. Крючков, С. Е. Унификация современной русской орфографии и пунктуации / С. Е. Крючков, Д. Э. Розенталь // Начальная школа. – 1956. – № 8. – С. 47–51.
282. Крючков, С. Е. Унификация современной русской орфографии и пунктуации / С. Е. Крючков, Д. Э. Розенталь // Русский язык в школе. – 1956. – № 4. – С. 36–48.
283. Кузьмина, С. М. Активные процессы в области русского письма / С. М. Кузьмина // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 399–412.
284. Кузьмина, С. М. История и уроки кодификации русской орфографии в XX веке / С. М. Кузьмина // Русский язык в научном освещении. – 2003. – № 2 (6). – С. 173–191.
285. Кузьмина, С. М. Норма в орфоэпических и орфографических словарях / С. М. Кузьмина // Русский язык сегодня: сборник статей. – М., 2004. – С. 165–171.
286. Кузьмина, С. М. Об умягчении нравов русской орфографии (К проблеме вариантности написаний) / С. М. Кузьмина // Жизнь языка: сборник к 80-летию М. В. Панова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 406–411.
287. Кузьмина, С. М. Орфографическая комиссия 90-х гг. и новая редакция свода правил русского правописания [Электронный ресурс] / С. М. Кузьмина // Русский язык. – 2000. – № 38. – Режим доступа: <http://rus.1sept.ru/article.php?ID=200003801>, свободный.
288. Кузьмина, С. М. Русское письмо: Факультативность в узусе и норме / С. М. Кузьмина // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 82. – Т. 1. – С. 240–242.

289. Кузьмина, С. М. Теория русской орфографии: Русская орфография в ее отношении к фонетике и фонологии / С. М. Кузьмина. – М.: Наука, 1981. – 265 с.
290. Кут, А. Накануне введения нового правописания / А. Кут // Вечерняя Москва. – 1929. – № 283.
291. Ларионова, Л. Г. Обучение орфографии с учетом достижения обязательного уровня орфографической грамотности учащихся / Л. Г. Ларионова // Русский язык в школе. – 1990. – №2. – С. 12–14.
292. Лексический фонд русского языка XVIII века: Инструкция по составлению Реестра лексики русского языка XVIII века. – СПб.: Нестор, 2013. – 76 с.
293. Лингвистические основы кодификации русской орфографии / ред. В. В. Лопатин; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 2009. – 280 с.
294. Ломоносов, М. В. Российская грамматика / М. В. Ломоносов. – СПб.: Императорская Академия наук, 1755. – 213 с.
295. Лопатин, В. В. Лексическая вариантность и словообразовательная синонимия / В. В. Лопатин // Вопросы грамматики: ученые записки / Пермский государственный университет. – Пермь, 1972. – № 243. – С. 80–83.
296. Лопатин, В. В. Многогранное русское слово: Избранные статьи по русскому языку / В. В. Лопатин; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 2007. – 746 с.
297. Лопатин, В. В. Правописание и вариативность / В. В. Лопатин // Лингвистические основы кодификации русской орфографии. – М., 2009. – С. 239–244.
298. Лоя, Я. В. Основные вопросы письменности / Я. В. Лоя // Русский язык в школе. – 1940. – № 1. – С. 13–22.
299. Луначарский, А. В. Латинизация русской письменности / А. В. Луначарский // Красная газета (веч. вып.). – 1930. – 6–7 янв.
300. М. В. Несколько слов по поводу совещаний об упрощении русского правописания // Санкт-Петербургские ведомости. – 1862. – №89. – С. 2.
301. Макаров, Н. Заметки по лексикографии (в связи с замечаниями на толковый словарь В. И. Даля) / Н. Макаров. – СПб. – 1877. – 17 с.
302. Макарова, Р. В. История унификации русской орфографии / Р. В. Макарова, Л. А. Шкатова; Челябинский государственный университет. – Челябинск, 1993. – 59 с.
303. Максимова, Л. К. Некоторые трудные случаи употребления э, е, ё, о в иноязычных собственных именах / Л. К. Максимова // Орфография собственных имен. – М.: Наука, 1965. – С. 81–89.

304. Максимова, Л. К. Употребление *э, е* после гласных в заимствованных словах / Л. К. Максимова // О современной русской орфографии. – М.: Наука, 1964. – С. 33–40.
305. Максимова, Л. К. Усваивать правила будет легче / Л. К. Максимова // Литературная газета. – 1964. – 8 окт.
306. Малаховский, В. А. К вопросу об орфографической безграмотности / В. А. Малаховский // Родной язык в школе. – 1925. – Сб. 8. – С. 98–105.
307. Малаховский, В. А. К вопросу об упрощении правописания / В. А. Малаховский // Просвещение Сибири. – 1929. – № 11(68). – С. 60–62.
308. Малаховский, В. А. К вопросу об упрощении правописания / В. А. Малаховский // Просвещение Сибири. – 1929. – № 10 (67). – С. 60–64.
309. Малорошвиллов, М. Обязательное правописание / М. Малорошвиллов // Новости. – 1885. – № 12. – С. 312.
310. Мальковский, Г. Е. Вариантность означающего в свете общелингвистической теории Ф. де Соссюра / Г. Е. Мальковский // Нормы реализации. Варьирование языковых средств. – Горький, 1978. – С. 11–20.
311. Мальцев, М. Д. «Орфография Главнауки» / М. Д. Мальцев. – Белгород: Типография им. В. И. Ленина издательства «Белгородская Правда», 1930. – 12 с.
312. Мальцев, М. Д. О новом правописании (в порядке обсуждения в связи со Всероссийским орфографическим съездом) / М. Д. Мальцев // Молодая гвардия. – 1930. – № 21. – С. 88–91.
313. Марр, Н. Я. К реформе письма и грамматики / Н. Я. Марр // Русский язык в школе. – 1930. – № 4. – С. 44–48.
314. Маршалек, Л. Двойные согласные как орфографическая проблема в русском и польском языках / Л. Маршалек // Российский лингвистический ежегодник Сибири. – Красноярск, 2004. – Вып. 6. – С. 30–37.
315. Матезиус, В. О необходимости стабильности литературного языка / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 378–394.
316. Миртов, А. В. Можно ли писать «по Гроту»? К вопросу об искажении русской речи академиком Яковом Карловичем Гротом / А. В. Миртов. – Пг., 1916. – 40 с.
317. Миртов, А. В. Русско-немецкое правописание академика Якова Карловича Грота / А. В. Миртов. – Пг., 1915. – 38 с.
318. Моисеев, А. И. Основной принцип русской орфографии: морфологический или фонемный? / А. И. Моисеев // Русский язык в школе. – 1995. – № 1. – С. 59–63.
319. Молдован, А. М. О подготовке переработанного издания «Правил русской орфографии и пунктуации» / А. М. Молдован // Русская речь. – 2001. – № 2. – С. 42–46.
320. Н. Н. Новый русский словарь // Русский вестник. – 1862. – Т. 39. – С. 811–825.

321. На культурном фронте // Литературная газета. – 1930. – № 10.
322. Назревший вопрос. Обсуждаем вопросы орфографии и пунктуации / П. Чмелев, М. Подшивайлова, М. Бирюлина // Учительская газета. – 1954. – № 92.
323. Науменко С. В. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля в истории русской орфографии / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2011. – № 11. – С. 69–76.
324. Науменко, С. В., Григорьева, Т. М. Приставки на -з как нарушение системы русского письма / С. В. Науменко, Т. М. Григорьева // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2019. – Т. 18. – № 9. – С. 9–18.
325. Науменко С. В. Уроки «Русского правописания» Я. К. Грота / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2012. – № 12. – С. 70–77.
326. Науменко, С. В. «Толковый словарь живого великого языка» В. И. Даля под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ / С. В. Науменко // Филологические науки. – М., 2003. – №4. – С. 61–68.
327. Науменко, С. В. Академические орфографические проекты первой половины XX века: принципы унификации вариантных написаний / С. В. Науменко // European Social Science Journal. – 2011. – № 7(10). – С. 112–119.
328. Науменко, С. В. В. Разыграев и орфографическая практика XIX века / С. В. Науменко // Русская речь. – 2004. – № 2. – С. 90–96.
329. Науменко, С. В. Вопрос о ведущем принципе русского правописания в орфографической полемике послереформенного периода (1917–1956) / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2017. – № 7. – С. 68–74.
330. Науменко, С. В. Вопросы орфографической нормализации в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2018. – Т. 79. – № 9. – С. 67–74.
331. Науменко, С. В. История регламентации написания *o/e* после шипящих в проектах правил орфографии и пунктуации (30–50-е годы XX века) / С. В. Науменко // Российский лингвистический ежегодник: сборник научных трудов. – Красноярск, 2008. – Вып.3 (10). – С. 47–56.
332. Науменко, С. В. Итоги реформы правописания 1917–1918 гг. в общественном сознании 20–50-х гг. XX в. / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2017. – № 5. – С. 83–90.
333. Науменко, С. В. Новые слова в современной орфографической практике / С. В. Науменко // Лингвистический ежегодник Сибири: межвузовский сборник научных трудов / Красноярский государственный университет. – Красноярск, 2003. – Вып.4–5. – С. 83–89.

334. Науменко, С. В. Орфографическая вариантность в научных дискуссиях и практике / С. В. Науменко // Вопросы культуры речи / отв. ред. А. Д. Шмелев; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М., 2012. – С.143–148.
335. Науменко, С. В. Орфографическая ситуация рубежа XX – начала XXI в. / С. В. Науменко // Письменность славян: прошлое, настоящее, будущее: доклады Международного научно-педагогического семинара.– Gdansk, Polska, 2–4 марта 2006 г. – Красноярск: ИЦ КрасГУ, 2006. – С. 80–96.
336. Науменко, С. В. Орфографические разыскания Я. К. Грота в оценке С. П. Обнорского / С. В. Науменко // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 2. – М., 2014. – С. 78–87.
337. Науменко, С. В. Орфографический меморандум Д. Н. Ушакова / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2018. – Т. 79. – № 1. – С. 57–65.
338. Науменко, С. В. Орфографическое наследие XVIII века (к 270-летию со дня рождения В. П. Светова) / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2014. – № 1. – С. 85–92.
339. Науменко, С. В. Русская орфография: проблемы орфографической вариантности в теории и практике / С. В. Науменко // Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия: научно-методический бюллетень. / Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова. - Абакан, 2003. – Вып. 1. – С. 132–142.
340. Науменко, С. В. Спорные написания в орфографической практике первой половины XX века / С. В. Науменко // Русская речь. – 2011. – № 6. – С. 58–65.
341. Науменко, С. В. Хроника орфографической работы послереформенного периода (1917–1936) / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2017. – № 10. – С. 70–77.
342. Науменко, С. В. Этапы кодификации правописания *и / ы* в корне после приставок в проектах правил орфографии и пунктуации 40–60 гг. XX в. / С. В. Науменко // Лингвистика и школа – IV. К 90-летию со дня рождения Михаила Викторовича Панова (1920–2001): материалы Всероссийской научно-практической конференции; под ред. Л. Б. Парубченко / Алтайский государственный университет – Барнаул, 2011. – С.117–123.
343. Науменко, С. В. Опыт нормирования правописания в «Словаре Академии Российской» 1789–1794 гг. / С. В. Науменко // Вопросы языкознания. – 2020. – № 4. – С. 115–131.
344. Науменко, С. В. Вопросы нормализации правописания двойных согласных в заимствованных словах в проектах усовершенствования и стандартизации русской орфографии 1930–1956 гг. / С. В. Науменко // Сибирский филологический журнал. – 2020. – № 4. – С. 322–334.

345. Немченко, В. Н. Вариантность языковых единиц: Типология вариантов в современном русском языке / В. Н. Немченко. – Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1990. – 178 с.
346. Нечаева И. В. О вариативности в русской орфографии / И. В. Нечаева, Н. В. Перцов // Русский язык в научном освещении. – 2020. – № 1 (39). – С. 10–35.
347. Нечаева, И. В. Актуальные проблемы иноязычных заимствований / И. В. Нечаева.– М.: Азбуковник. – 2011. – 168 с.
348. Нечаева, И. В. Об орфографических вариантах / И. В. Нечаева // Русский язык в школе. – 2010. – № 7. – С. 81–82.
349. Нечаева, И. В. Об основаниях орфографической нормы (на материале иноязычных неологизмов) / И. В. Нечаева // Вопросы культуры речи. – 2011. – Вып. 10. – С. 175–180.
350. Нечаева, И. В. Об употреблении буквы э после согласных / И. В. Нечаева // Русская речь. – 2009. – № 5. – С. 59–65.
351. Нечаева, И. В. Орфографическая кодификация сегодня и коллегиальность нормативных решений / И. В. Нечаева // Язык и социальная действительность. – 2012. – № 1–2.
352. Нечаева, И. В. Правописание иноязычных слов в свете действующих правил орфографии / И. В. Нечаева // Русский язык в школе. – 2004. – № 5. – С. 75–81.
353. Нечаева, И. В. Проблемы орфографической кодификации иноязычных заимствований / И. В. Нечаева // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика. – М., 2009. – С. 213–239.
354. Нигпарт, И. Л. Опыт статистики затруднительных случаев правописания, показывающий, сколько раз и какие затруднительные случаи правописания попадают на сто слов диктанта / И. Л. Нигпарт. – Нижний Новгород, 1877. – 111 с.
355. Никитин, О. В. Отечественная лексикография в 1930-е гг.: борьба идей и идеологий (Из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова) / О. В. Никитин. – СПб.: Мир русского слова, 2016. – С. 27–40.
356. Николаевский, Н. Об упорядочении орфографии / Н. Николаевский // Учительская газета. – 1937. – № 23 (2289). – 27 ноября.
357. Николич И. Выдержки из словаря В. И. Даля / И. Николич // Филологические записки. – 1875. – Вып. 3. – С. 8–11.
358. Николич, И. Выдержки из словаря В. И. Даля / И. Николич // Филологические записки. – 1874. – Вып. 6. – С. 24–28.
359. Никольский, Д.А. [Рец. на «Русское правописание» Я.К. Грота] / Д.А. Никольский // Филологические записки. – 1898 – В. III–IV. – С. 1–16.

360. Новаковский, В. И. Яркие факты насущной потребности / В. И. Новаковский // Филологические записки. – 1873. – Вып. 1. – С. 1–5.
361. Новое в правописании // Известия. – 1930. – № 65.
362. О новом правописании. Проект Главнауки. – М., 1930. – С. 94.
363. О современной русской орфографии. – М.: Наука, 1964. – 159 с.
364. Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). – М.: Наука, 1965. – 500 с.
365. Обнорский, С. П. Вопросы современной русской орфографии / С. П. Обнорский // Советская педагогика. – 1944. – № 11–12. – С. 28–35.
366. Обнорский, С. П. Избранные работы по русскому языку / С. П. Обнорский. – М.: Государственное педагогическое издательство Министерства просвещения, 1960. – 354 с.
367. Обнорский, С. П. Орфография и язык / С. П. Обнорский // Русский язык в школе. – 1936. – № 2. – С. 3–12.
368. Обнорский, С. П. Основные принципы орфографической нормализации / С. П. Обнорский // Русский язык в школе. – 1939. – № 5–6. – С. 5–13.
369. Обнорский, С. П. Правописание наречий и наречных сочетаний / С. П. Обнорский // Русский язык в школе. – 1954. – № 6. – С. 17–19.
370. Обнорский, С. П. Русское правописание и язык в практике издательств / С. П. Обнорский // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. – 1934. – С. 455–483.
371. Общие принципы культуры языка // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс – 1967. – С. 394–406.
372. Объяснительная записка к сводам орфографических и пунктуационных правил. – М., 1937 – 16 с.
373. Ожегов, С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи / С. И. Ожегов. – М.: Высшая школа, 1974. – 352 с.
374. Ожегов, С. И. О трех типах толковых словарей современного русского языка / С. И. Ожегов // Вопросы языкознания. – 1952. – №2. – С. 85–108.
375. Ожегов, С. И. Об упорядочении русской орфографии / С. И. Ожегов // Русский язык в школе. – 1954. – № 5. – С. 41–43.
376. Ожегов, С. И. Русская орфография / С. И. Ожегов // Огонек. – 1957. – № 10. – С. 28–32.
377. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. 52 000 слов / С. И. Ожегов; гл. ред. С. П. Обнорский. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей – 2-е изд., 1952. – 848 с.
378. Ожегов, С. И. Упорядочение русской орфографии / С. И. Ожегов // Вестник АН СССР. – 1957. – № 1. – С. 30–38.

379. Олейников. Так или сяк? / Олейников // Комсомольская правда. – 1936. – 22 сент.
380. Олеша, Ю. По поводу одной заметки / Ю. Олеша // Литературная газета. – 1930. – № 1.
381. Опоков, З. З. Орфографические заметки по поводу некоторых неустановившихся случаев русского правописания / З. З. Опоков. – Киев, 1904. – 70 с.
382. Орфографическая памятка наборщика. – Вологда, 1932. – 28 с.
383. Орфографические правила для наборщиков и корректоров. – М., 1931. – 26 с.
384. Орфографический режим в начальной, неполной средней и средней школе. – Ленинград, 1935. – 26 с.
385. Орфографический справочник. Проект / сост. орфографической комиссией при АН СССР. Редакция справочника Б. М. Ляпунова и С. П. Обнорский. – М., 1936. – 180 с.
386. Осипов, Б. И. История русского письма: Графика. Орфография. Пунктуация / Б. И. Осипов. – Омск: ОмГУ, 1990. – 82 с.
387. Осипов, Б. И. Судьбы русского письма: Истории русской графики, орфографии и пунктуации / Б. И. Осипов. – М.: Институт русского языка РАН; Омск: ИЦ «Омский научный вестник». – 2010. – 320 с.
388. Осипов, Б. И. Уроки русских орфографических реформ / Б. И. Осипов // Фонетика и письмо как непрерывно развивающиеся явления: сборник научных трудов / отв. ред. Б. И. Осипов. – Омск, 2007. – С. 13–19.
389. Осипов, Б. И., Шуйская А. С. Переход носителей старой орфографической нормы на новую орфографию после реформы 1917–18 гг. / Б. И. Осипов, А. С. Шуйская // Фонетика – Орфоэпия – Письмо: межвузовский сборник научных трудов. – Красноярск, 1997. – Вып. 1. – С. 52–62.
390. Осипов, Б. И. История русской орфографии и пунктуации / Б. И. Осипов. – Новосибирск: НГУ, 1992. – 251 с.
391. Осипов, Б. И. Орфографический свод 1956 года как факт истории русской культуры / Б. И. Осипов // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2009. – Вып. 1. – С. 140–142.
392. Отечественные лингвисты XX века: справочник. – М.: ИНИОН РАН, 2003. – Ч. 3. – 196 с.
393. Панов, М. В. Занимательная орфография / М. В. Панов. – М.: Просвещение, 1984. – 159 с.
394. Панов, М. В. О культурно-историческом подходе к орфографии / М. В. Панов // Труды по общему языкознанию и русскому языку: в 2 т. – М., 2004. – Т. 1. – С. 513–521.
395. Панов, М. В. О слитных и отдельных написаниях / М. В. Панов // Вопросы русской орфографии. – М.: Наука, 1964. – С. 100–119.
396. Панов, М. В. Об усовершенствовании русской орфографии / М. В. Панов // Вопросы языкознания. – № 2. – 1963. – С. 81–82.

397. Панов, М. В. Принципы русской графики и орфографии / М. В. Панов // Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XIX вв.). – М., 1965. – С. 5–15.
398. Панов, М. В. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова // М.В. Панов Труды по общему языкознанию и русскому языку: в 2 т. – М., 2007. – Т. 2. – С. 730–741.
399. Парамонов, Д. А. Слитные, отдельные и дефисные написания префиксов и первых... адвербиализовавшихся сочетаний (на материалах изданий конца XIX – начала XX в.) / Д. А. Парамонов // Фонетика и письмо на разных этапах исторического развития. – Омск, 1995. – С. 102–106.
400. Парубченко, Л. Б. Ненормативное русское письмо (Лингвистический анализ ошибок в употреблении букв): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. / Л. Б. Парубченко.– Омск, 2004. – 66 с.
401. Парубченко, Л. Б. Письмо как результат и письмо как процесс: К дискуссии об основном принципе русского письма Л. Б. Парубченко // Письменность славян: прошлое, настоящее, будущее. – Gdańsk – Красноярск, 2006. – С. 96–110.
402. Пекарский, П. П. История Академии наук в Петербурге / П. П. Пекарский. – СПб.: Издание отделения русского языка и словесности Императорской АН, 1873. – Вып. 2. – 26 с.
403. Первое совещание по вопросу об упрощении русской орфографии // Учитель. – 1862. – Т. 2. – № 6265. – С. 265–269.
404. Пешковский, А. М. Реформа или урегулирование? / А. М. Пешковский // Русский язык в школе. – 1930. – № 3. – С. 93–110.
405. Погорельский, А. Дело за Академией наук / А. Погорельский // Коммунистическое просвещение – 1936. – № 66.
406. Поливанов, Е. Д. К десятилетию орфографической реформы / Е. Д. Поливанов // Родной язык в школе, 1927. – № 5. – С.180–189.
407. Поливанов, Е. Д. О литературном (стандартном) языке современности / Е. Д. Поливанов // РЯШ. – Кн.1. – М. – 1927. – С. 14–8.
408. Пономарева (Науменко), С. В. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля в контексте орфографической вариативности XIX – начала XX в.: автореферат дис... канд. филол. наук / С. В. Пономарева (Науменко). – Красноярск, 2000. – 26 с.
409. Пономарева (Науменко), С. В. Орфографическая практика XIX века (на материале сказки А. С. Пушкина «Золотой петушок» / С. В. Пономарева (Науменко) // Фонетика – Орфоэпия – Письмо в теории и практике: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Т. М. Григорьевой; Красноярский государственный университет. – Красноярск, 1997. – Вып. 1. – С. 62–66.

410. Пономарева (Науменко), С. В. Орфографические варианты в типологическом и нормативном аспектах (на материале орфографических справочников конца XIX – начала XX вв. / С. В. Пономарева (Науменко) // Лингвистический ежегодник Сибири: сборник научных трудов / под ред. Т. М. Григорьевой / Красноярский государственный университет. – Красноярск, 2000. – Вып. 2 – С. 131–134.
411. Пономарева (Науменко), С. В. Орфографические особенности 2-го издания «Толкового словаря живого великорусского языка В. И. Даля» / С. В. Пономарева (Науменко) // Лингвистический ежегодник Сибири: сборник научных трудов / Красноярский государственный университет. – Красноярск, 1999. – Вып.1. – С. 76–81.
412. Постановление Орфографической подкомиссии. – СПб., 1912. – 10 с.
413. Потехня, А. А. [Рецензия] / А. А. Потехня // Библиотека для чтения. – 1875. – С. 4–6.
414. Правила правописания и произношения некоторых слов и выражений, принятых в военноморском языке (подзаголовок Согласовано с Институтом языка и письменности АН СССР. С. П. Обнорский). – М., 1944. – 11 с.
415. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / ред. В. В. Лопатин. – М.: Эксмо, 2006. – 480 с.
416. Предварительное сообщение орфографической комиссии. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1904. – 15 с.
417. Проект Главнауки о новом правописании: сборник. – М.: Работник просвещения, 1930. – 92 с.
418. Проект реформы правописания // Русский язык в современной школе. – 1930. – № 1. – С. 151–155.
419. Протченко, И. Ф., Обсуждение «Предложений по усовершенствованию орфографии» / И. Ф. Протченко, М. А. Жовтобрюх // Вопросы языкознания. – 1964. – № 6. – С. 23–24.
420. Пумпянский, Я. В. Третьяковский В. К. / Я. В. Пумпянский // История русской литературы: в X т. – М.–Л.: Издательство АН СССР, 1941. – Т. III. – Ч. 1. – С. 215–263.
421. Радченко, К.Ф. Новейшие проекты реформы русской орфографии и мнения, высказанные по поводу их печати нашими учеными / К.Ф. Радченко. – СПб., 1910 г. – 35 с.
422. Разнобой в правописании будет устранен // Правда. – 1934. – № 326.
423. Разыграев, В.В. Справочный указатель спорных написаний в русской орфографии / В. В. Разыграев – СПб., 1887 г. – 118 с.
424. [Ред. заметка]. О новой реформе правописания // Учительская газета. – 1929. – № 122. – 19 окт.
425. [Ред. статья]. Толковый словарь русского языка // Русский язык в школе. – 1941. – № 2. – С. 81–84.

426. Реформатский, А. А. Принципы синхронного описания языка / А. А. Реформатский // О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. – М.: Издательство Академии наук –1960. – С. 22–39.
427. Реформатский, А. А. Упорядочение русского правописания / А. А. Реформатский // Русский язык в школе. – М., 1937. – №1. – С. 63–70.
428. Реформатский, А. А. Упорядочение русского правописания / А. А. Реформатский // Русский язык в школе. – М., 1937– № 6. – С. 76–84.
429. [Рец.] Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание // Указатель по делам печати. – СПб. – 1879. – № 20. – С. 569–570.
430. Рогожникова, Р. П. Варианты слов в русском языке / Р. П. Рогожникова – М.: Просвещение, 1966. – 160 с.
431. Роде, Н. Ленинградское общество изучения и преподавания языка и словесности (Русская секция в 1929 и 1930 гг.) / Н. Роде // Русский язык в советской школе. – 1931. – № 4. – С. 190–194.
432. Рождественский, Н. С. Краткий очерк истории русского правописания // Шапиро А. Б. Русское правописание. – М.: Издательство АН СССР, 1951. – С. 172–199.
433. Рождественский, Н. С. М. В. Ломоносов в истории русской орфографии / Н. С. Рождественский // Русский язык в школе. – 1937. – № 1. – С. 36–58.
434. Рождественский, Н. С. К характеристике современной русской орфографии / Н. С. Рождественский // Русский язык в школе. – 1936. – № 3. – С. 52.
435. Розенталь, Д. Э. Русский язык. Справочник-практикум: Орфография. Пунктуация. Орфографический словарь. Прописная или строчная? / Д. Э. Розенталь. – М.: Издательский дом «ОНИКС 21 век»; ООО Издательство «Мир и образование», 2005. – 301 с.
436. Ромашкевич, П. А. Настольная книга для всякого пишущего по-русски. Полный русский орфографический словарь. Составил по академику Я. К. Гроту, Ф. Рейфу, В. И. Далю, А. П. Макарову, Н. Чудинову и др. / П. А Ромашкевич. – СПб., 1898. – 258 с.
437. Российская грамматика, сочиненная Императорской Российской академией. – СПб., 1802. – 355 с.
438. Руднев, Д. В. Русский язык как государственный русский литературный язык (в аспекте реализации ФЗ «О государственном языке РФ») / Д. В. Руднев, Т. С. Садова // Журнал Российского права. – 2017. – № 2. – С. 56–66.
439. Рукавишников, С. С. Изучение устаревшего правописания приводит к снижению грамотности / С. С. Рукавишников // Русский язык в школе. – М. – 1962. – № 5. – С. 98–99.
440. Русские писатели-демократы о языке. – М.: Учпедгиз, 1974. – 678 с.
441. Русское письмо в правилах с комментариями. – М.: Азбуковник, 2011. – 360 с.

442. Русское правописание сегодня (О «Правилах русской орфографии и пунктуации»). – М.: Дрофа, 2006. – 280 с.
443. Рязанцевский. Дальнейшие упрощения русской азбуки // Родной язык в школе. – 1925. – Сб. 8. – С. 96–98.
444. Сакулин, П. Н. Новое русское правописание / П. Н. Сакулин. – М.: Типография товарищества И. Д. Сытина, 1917. – 16 с.
445. Самбикина, М. Создать устойчивые нормы письменной речи / М. Самбикина // Учительская газета. – 1954. – 20 окт.
446. Светов, В. П. Краткие правила к изучению языка российского / В. П. Светов. – М.: Тип. М. Пономарева, 1790. – 190 с.
447. Светов, В. П. Краткие правила к изучению языка российского / В. П. Светов. – СПб.: при Императорской Академии наук, 1795. – 190 с.
448. Светов, В. П. Опыт нового российского правописания / В. П. Светов. – СПб.: при Императорской Академии наук, 1787. – 42 с.
449. Свод орфографических правил // Вечерняя Москва – 1939. – № 237 – 15 октября.
450. Селезнёва, Л. Б. Современное русское письмо: Системный анализ / Л. Б. Селезнёва. – Томск: Издательство Томского университета, 1981. – 214 с.
451. Семенюк, Н. Н. Проблема формирования норм немецкого литературного языка XVIII столетия / Н. Н. Семенюк. – М., 1967. – 300 с.
452. Сеславин, Д. Н. Карманный орфографический словарь, содержащий более 30 000 слов, в правописании которых может встретиться иногда затруднение / Д.Н. Сеславин. – СПб, 1897. – 552 с.
453. Скандовский, Н. Законно ли не допускать учеников в университет за две или три грамматические ошибки? / Н. Скандовский // Голос. – 1872. – № 162. – С. 5–6.
454. Скворцов, Л. И. Теоретические основы культуры речи / Л. И. Скворцов. – М.: Наука, 1980. – 351 с.
455. Скворцов, Л. И. Норма. Литературный язык. Культура речи / Л. И. Скворцов // Актуальные проблемы культуры речи. – М. Наука, 1970. – С. 40–104.
456. Скоро, да не споро [Наборщики] // Жизнь печатника. – 1927. – № 22 (115).
457. Словари, изданные в СССР. Библиографический указатель.– М.: Наука, 1966. –131 с.
458. Словарь современного русского литературного языка. Хроника // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – М.: Издательство АН СССР, 1940. – Т. 1. – № 3. – С. 137–139.

459. Служивов, Л. Н. Справочник корректора: Практическое руководство для корректора, наборщика, редактора и автора / Л. Н. Служивов. – М.: Государственное издательство легкой промышленности, 1932. – 380 с.
460. Смирницкий, А. И. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова») / А. И. Смирницкий // Труды Института языкознания АН СССР. – 1954. – Т. IV. – М. – С.48–56.
461. Смирнов, А. Орфографические указатели и правила русского правописания / А. Смирнов. – Варшава. – 1885. – 40 с.
462. Смирнов, А. М. Высокая грамотность возможна лишь в системе воспитательной и образовательной работы в школе / А. М. Смирнов // Русский язык в школе. – 1936. – № 2. – С. 5–18.
463. Соболевский, А. Еще несколько орфографических разъяснений / А. Соболевский // Филологические записки. – 1886. – Т. 15. – С. 362.
464. Соболевский, А. И. [Рецензия] / А. И. Соболевский // Русский филологический вестник. – 1885. – Т. 14. – С. 156–161. Рец. на кн.: Орфографические заметки. Русское правописание: Руководство, составленное по поручению второго отделения Императорской Академии наук академиком Я. К. Гротом.
465. Соколов, Л. Изменять ли орфографию? / Л. Соколов // Просвещение Сибири. – 1929. – № 12 (69). – С. 77–80.
466. Соловьев, Н. В. Орфографические аспекты описания лексики в толковом словаре / Н. В. Соловьев // Современность и словари. – М., 1978. – С. 159–168.
467. Солосин, И. И. Орфография и язык / И. И. Солосин // Русский язык в школе. – 1937. – № 1. – С. 71–75.
468. Сороколетов, Ф. П. История русской лексикографии / Ф. П. Сороколетов. – СПб.: Наука, 2011. – 610 с.
469. Сороколетов, Ф. П. Развитие теоретических идей в истории русской лексикографии / Ф. П. Сороколетов // Исследования по сопоставительному языкознанию и лексикологии. – Таллин: АН ЭССР, 1989. – С. 153–183.
470. Спицын, А. Орфографический словарь с присоединением повторительного курса русской орфографии / А. Спицын. – Вятка, 1883. – 101 с.
471. Степович А. Беглые грамматические заметки // Филологические записки. – 1883. – В. 4. – С. 33–47.
472. Студенский, А. О. Корректирный список 700 слов, наиболее требующих одинакового начертания / А. О. Студенский. – СПб., 1875. – 52 с.
473. Стефанский, И. О ветхом Гроте и социализме / И. Стефанский // Вечерняя Москва. – 1929. – № 280.

474. Су-в К. Плач корректора / К. Су-в // Время. – 1861. – Т. 5. – № 10. – Отд.4. – С. 127–142.
475. Су-в К. Орфографическая распря / К. Су-в // Время. – 1862. – Т. 8. – № 3. – Отд.4. – С. 57–74.
476. Суворовский, А. М. Распад орфографии / А. М. Суворовский // На путях к новой школе. – 1927. – № 12. – С. 8.
477. Сумароков, А. П. Примечание о правописании / А. П. Сумароков // Полное собрание сочинений: в 10 т. – 2-е изд. – М., 1787. – Т. 10. – С. 40–50.
478. Сумароков А. П. О правописании / А. П. Сумароков // Полное собрание сочинений: в 10 т. – 2-е изд. – М., 1787. – Т. 10. – С. 3–39.
479. Сухомлинов, М. И. История Российской Академии / М. И. Сухомлинов. – СПб.: при Императорской Академии наук, 1878. – Вып. 4. – 542 с.
480. Сухомлинов, М. И. История Российской Академии / М. И. Сухомлинов. – СПб.: при Императорской Академии наук, 1885. – Вып. 7. – 648 с.
481. Сухомлинов, М. И. История Российской Академии / М. И. Сухомлинов. – СПб.: при Императорской Академии наук, 1887. – Вып. 8. – 522 с.
482. Теверовская, Р. Упрощение орфографии / Р. Теверовская // Родной язык в школе. – 1926. – Сб. 10. – С. 53–61.
483. Текучев, А. В. Об орфографическом и пунктуационном минимуме для средней школы / А. В. Текучев. – М.: Просвещение, 1976. – 111 с.
484. Техничко-орфографические правила. – М.: Госиздат РСФСР, 1927. – 30 с.
485. Тимофеева, Г. Г. Вариантность как закономерность процесса фонетико-орфографического освоения английских заимствований / Г. Г. Тимофеева // Фонетика и письмо на разных этапах их исторического развития: межвузовский сборник научных трудов. – Омск, 1995. – С. 31–39.
486. Тихонов, А. Н. Варьирование в русском словообразовании / А. Н. Тихонов // Явление вариативности в языке: материалы всероссийской конференции (13–15 декабря 1994 г.) – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 25–31.
487. Толковый словарь словообразовательных единиц. – М.: Астрель, 2005. – 636 с.
488. Топоров, А. М. Долой балласт! (К вопросу упрощения правописания) / А. М. Топоров // Просвещение Сибири. – 1929. – № 10 (67). – С. 93–98.
489. Третьяковский, В. К. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и всем, что принадлежит к сей материи / В. К. Третьяковский // Сочинения: в 3 т. – СПб.: А. Смирдин. – 1849. – Т. 3. – 460 с.
490. Тропин, Г. К. К вопросу о новом упрощении правописания / Г. К. Тропин // Просвещение Сибири. – 1930. – № 1 (70). – С. 111–114.

491. Уаров, М. И. Как реформировать орфографию / М. И. Уаров // Полиграфическое производство. – 1930. – № 2. – С.44–46.
492. Успенский, Б. А. Краткий очерк русского литературного языка (XI–XIX вв.) / Б. А. Успенский. – М.: Гнозис, 1994. – 240 с.
493. Успенский, Б. А. Первая русская грамматика на родном языке (Доломоновский период отечественной русистики) / Б. А. Успенский // Избранные труды: В 3 т. / Б. А. Успенский. – М.: Языки русской культуры, 1997. – Т. III. – 800 с.
494. Устинов, И. В. Реформа русского правописания 1917 года осталась незавершенной / И. В. Устинов // Учительская газета. – 1929. – 19 окт.
495. Ушаков, Д. Н. Объяснительная записка к сводам орфографических и пунктуационных правил / Д. Н. Ушаков. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1937. – 16 с.
496. Ушаков, Д. Н. Нужна ли дальнейшая реформа орфографии? / Д. Н. Ушаков // Учительская газета. – 1927. – 23 апр.
497. Ушаков, Д. Н. О современном русском правописании / Д. Н. Ушаков; вступительная статья и примечания Ю. А. Бельчикова // Русская речь. – 1993. – № 1. – С. 64–72.
498. Ушаков, Д. Н. О современном русском правописании Д. Н. Ушаков // Большевицкая печать. – 1937. – № 2–3. – С. 16–18.
499. Ушаков, Д. Н. Орфографический словарь. Для начальной и средней школы / Д. Н. Ушаков. – 2-е изд. – М.: Учпедгиз, 1935. – 160 с.
500. Ушаков, Д. Н. Орфографический словарь. Для начальной и средней школы / Д. Н. Ушаков, С. Е. Крючков – 6-е изд. – М.: Учпедгиз, 1944. – 196 с.
501. Ушаков, Д. Н. По поводу статьи Т. Теверовской / Д. Н. Ушаков // Родной язык в школе. – 1926. – Сб. 10. – С. 61–64.
502. Ушаков, Д. Н. Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе. – М., 1911. – 102 с.
503. Ушаков, Д. Н. Чем не закончена реформа правописания? (По поводу статьи В. П. Вахтерова) / Д. Н. Ушаков // Вестник просвещения, 1923. – № 7–8. – С. 18–25.
504. Ушаков, М. В. Зрительно-двигательное запоминание при усвоении правописания / М. В. Ушаков // Русский язык в современной школе. – 1930. – № 5. – С. 102–112.
505. Ушаков, М. В. Орфографический словарь [рец.] / М. В. Ушаков, Д. Н. Ушаков, С. Е. Крючков // Русский язык в школе. – 1952. – № 3. – С. 70–72.
506. Ушаков, Д. Н. Нужна ли дальнейшая реформа орфографии? / Д. Н. Ушаков // Учительская газета. – 1927. – 23 апр.

507. Фалев, И. О грамматике и орфографии на рабфаках / И. Фалев // Родной язык школе. – 1925. – В.6. – С. 92–96.
508. Фесеенко, А. Русский язык при Советах / А. Фесеенко, Т. Фесеенко. – Нью-Йорк, 1955. – 222 с.
509. Фессалоницкий, С. А. О правописании слов с корнем *равн-* и *ровн-* / С. А. Фессалоницкий // Ученые записки Ивановского государственного педагогического института. – 1956. – Т. IX. – С. 39–44.
510. Фигуровский, И. А. Радикально упростить орфографию / И. А. Фигуровский // Русский язык в школе. – 1962. – № 5. – С. 96–98.
511. Филин, Ф. П. Несколько слов о языковой норме и культуре речи / Ф. П. Филин // Вопросы культуры речи. – М., 1966. – В. 7. – С. 15–22.
512. Филин, Ф. П. О слове и вариантах слова / Ф. П. Филин // Морфологическая структура слова в языках разных типов. – М.–Л.: Издательство АН СССР, 1963. – С. 128–133.
513. Филиппов, Н. Н. Техничко-орфографический справочник / Н. Н. Филиппов. – Л.: Гизлегпром, 1933. – 240 с.
514. Филиппов, Н. Н. Книжная корректура / Н. Н. Филиппов. – М.–Л.: Соцэкгиз, 1931. – 104 с.
515. Филиппов, Н. Н. Техничко-орфографический справочник для корректоров / Н. Н. Филиппов. – М.–Л.: Гизлегпром, 1939. – 296 с.
516. Хакимова, Е. М. К вопросу об орфографической вариантности в истории русской орфографии / Е. М. Хакимова // Альманах современной науки и образования, 2007. – № 3. – Ч. 2. – С. 229–230.
517. Ханпира, Э. И. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (К пятидесятилетию выхода в свет 1-го тома) / Э.И. Ханпира // Русский язык в школе. – 1984 – № 6. – С. 71–75.
518. Хашимов, Р. И. Вариантные и однокоренные слова / Р. И. Хашимов // Лексика: лекции. – М.: Издательство МГУ, 1973. – С. 55–62.
519. Хованский, А. К вопросу о русском правописании А. Хованский // Филологические записки. – 1873. – В. 5. – С. 1–12.
520. Хомутов, Я. С. «Кустарная революция» в нашей орфографии / Я. С. Хомутов // Полиграфическое производство. – 1929. – № 2. – С. 27–28.
521. Хрымова, М. Б. Развитие орфографической нормы в связи с фонетическими изменениями в русском языке XVII в.: дис. ... канд. филол. наук / М. Б. Хрымова. – Л., 1979. – 297 с.
522. Цейтлин, Р. М. Краткий очерк по истории русской лексикографии / Р. М. Цейтлин. – М.: Учпедгиз, 1958. – 136 с.

523. Черных, П. Я. К вопросу о новом упрощении правописания / П. Я. Черных // Просвещение Сибири. – 1930. – № 1 (70). – С. 114–115.
524. Черных, П. Я. [рец.] Словарь современного русского литературного языка / П. Я. Черных // Советская книга. – 1949. – Т. 1, – № 7. – С. 108–113.
525. Черных, П. Я. Язык Уложения 1649 г. / П. Я. Черных. – М.: Наука, 1953. – 371 с.
526. Чернышев, В. И. В. И. Даль и его труды в области изучения русского языка и русского народа / В. И. Чернышев // Избранные труды. – М.: Наука, 1970. – Т. 1. – С. 384–442.
527. Чернышев, В. И. Из истории русского правописания / В. И. Чернышев // Известия ОРЯС. – СПб., 1907. – Т. XI. – Кн. 4. – С. 1–48.
528. Чернышев, В. И. Письма о старой и новой орфографии / В. И. Чернышев // Избранные труды. – М.: Наука, 1970. – Т. 2. – 718 с.
529. Чернышев, В. И. Упрощение русского правописания. Современное состояние русского правописания. Исторический очерк вопроса об его упрощении / В. И. Чернышев. – Тверь: Н. Н. Алянчиков, 1913. – 80 с.
530. Чехов, Н. В. Методика обучения чтению и письму и новое правописание / Н. В. Чехов // Русский язык в советской школе. – 1930. – № 5. – С. 120–126.
531. Чудовский, В. За букву ЯТЬ / В. Чудовский // Аполлон. – 1917. – № 4–5. – С. 5–8.
532. Чуриловский, Н. Ф. Поправки к современному русскому правописанию / Н. Ф. Чуриловский. – СПб., 1912. – 28 с.
533. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М.: Просвещение, 1972. – 327 с.
534. Шапиро, А. Б. Немаловажный вопрос (К спорам о русском правописании) / А. Б. Шапиро // Известия. АН СССР. Отделение литературы и языка. – М.: Издательство АН СССР, 1962. – Вып. 6. – Т. XXI. – С. 465–580.
535. Шапиро, А. Б. О проекте правил русской орфографии и пунктуации / А. Б. Шапиро // Русский язык в школе, 1954. – № 3. – С. 38–48.
536. Шапиро, А. Б. Русское правописание / А. Б. Шапиро. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – 199 с.
537. Шапиро, А. Б. Русское правописание / А. Б. Шапиро. – 2-е изд., перераб. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. – 245 с.
538. Шапиро, А. Б. Упорядоченное русское правописание. К выходу «Правил русской орфографии и пунктуации» / А. Б. Шапиро. – М.: МГУ, 1956. – 38 с.
539. Шапиро, А. Б., Уаров М. И. Орфография, пунктуация и техника корректуры: справочник для работников печати / А. Б. Шапиро, М. И. Уаров. – М. Гизлегпром, 1933. – 205 с.

540. Шапошников, И. Н. Справочный орфографический словарь. Более 15.000 затруднительных для правописания слов. С приложением правил правописания и правил постановки знаков препинания. / И.Н. Шапошников – М., 1915. – 224 с.
541. Шатуновский, И. Б. Тождество и его виды. Тождество индивидов: внешние и внутренние вопросы / И. Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. – М.: Наука, 1990. – С. 52–68.
542. Шахматов, А. А. Очерк древнего периода истории языка. Лингвистическое наследие XX века. – М.: УРСС, 2017. – 456 с.
543. Шварцкопф, Б. С. Очерк развития теоретических взглядов на норму в советском языкознании / Б. С. Шварцкопф // Актуальные проблемы культуры речи. – М., 1970. – С. 98–106.
544. Шереметевский, В. П. К вопросу о «единообразии» орфографии. (По поводу академического руководства «Русское правописание») / В. П. Шереметевский. – М., 1891. – 92 с.
545. Шидловский, А. По поводу некоторых нововведений в русском правописании в руководстве к правописанию акад. Я. К. Грота / А. Шидловский // Русский филологический вестник. – 1889. – Т. – 22. – С. 60–69.
546. Шмелев, А. Д. Об орфографических воззрениях А. И. Солженицына / А. Д. Шмелев // Русская речь. – 1993. – № 5. – С. 119–121.
547. Шмелев, А. Д. Орфографические нормы и орфографические правила / А. Д. Шмелев // Русский язык в школе. – 2009. – № 9. – С. 70–76.
548. Шмелев, А. Д. Кодификация русской орфографии и написание собственных имен людей с прописной буквы — есть ли проблема? / А. Д. Шмелев // Русская речь. – 2020. – № 4. – С. 42–53.
549. Шубов, Я. И. Употребление букв э и е после согласных в заимствованных словах / Я. И. Шубов // О современной русской орфографии. – М.: Наука, 1964. – С. 40–44.
550. Шуйская, С. А. Из наблюдений над переходом пишущих на новую орфографию после реформы 1917–1918 гг. / С. А. Шуйская // Актуальные проблемы филологии. – Омск, 1994. – С. 63–65.
551. Щенников, Е. П. Значение трудов Я. К. Грота в истории русского правописания: дис. ... канд. филол. наук / Е. П. Щенников. – Куйбышев, 1955. – 429 с.
552. Щерба, Л. В. Безграмотность и ее причины / Л. В. Щерба // Вопросы педагогики. – 1927. – Вып. 2. – С. 82–83.
553. Щерба, Л. В. К вопросу о реформе орфографии / Л. В. Щерба // Русский язык в советской школе. – 1930. – № 5. – С. 126–127.

554. Щерба, Л. В. Основные принципы орфографии и их социальное значение / Л. В. Щерба // Первый Всесоюзный тюркологический съезд. 26 февр. – 5 марта 1926 г. (Стенографический отчет). – Баку, 1926. – С. 157–161 (доклад); С. 175–177 (заключительное слово).
555. Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба. – Известия АН СССР. ОЛЯ. – 1940. – № 3. – С. 89–117.
556. Щерба, Л. В. Теория русского письма / Л. В. Щерба. – Л.: Наука, 1983. – 134 с.
557. Щерба, Л. В. Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий / Л. В. Щерба // Известия Комиссии по русскому языку АН СССР. – 1931. – Т. 1. – С. 187–196.
558. Юдина, Н. В. Русская орфография и пунктуация в XXI веке: «человек» и «закон» / Н. В. Юдина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 227–233.
559. Южный, П. Революция в нашей орфографии / П. Южный // Полиграфическое производство. – 1928. – № 10. – С. 19–20.
560. Юрлова, А. А. Становление принципов русской орфографии в XVIII веке (на материале грамматических трудов и памятников эпистолярного жанра): дис. ... канд. филол. наук. На правах рукописи / А. А. Юрлова. – М., 2011. – 26 с.
561. Языковеды о реформе орфографии (Анкета «Красной газеты») // Красная газета (вечерний выпуск). – 1930. – 12 апр. [Содержит высказывания Н. С. Державина, С. П. Обнорского, Б. В. Томашевского, Б. А. Ларина, Д. В. Бубриха о принципах русской орфографии]. – С. 27–43.
562. Япольский, М. Азбука или буквосвод / М. Япольский // Русский язык в советской школе. – 1931. – № 2. – С. 196–199.
563. Яснопольский, Ю. Борьба за язык / Ю. Яснопольский // Известия. – 1923. – № 290.
564. Ballard W.I. Lexical variation in Southern wu dialects and the Princeton hypothesis revisited twenty years later // Acta linguistica hofniensia Copenhagen, 1992. – Vol. 24. – P. 5–32.
565. Braun P. Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache: Sprachvarietäten. – Stuttgart, Berlin, Köln: W. Kohlhammer, 1998. – 265 S.
566. Donath J. Sprachliche Normallage, Sprachvariation und hochsprachliche (literatursprachliche) Norm // Sprachpflege, 1982. – Heft 9. – S. 129–131.
567. Fleischer W. Zur Herausbildung des Graphemsystems der neuhochdeutschen Norm // Норма и социальная дифференциация языка. – М. – 1969. – С. 127–138.
568. Jedlicka A. K problematice normy a kodificace spisovnečiny // Slovo a slovesnost [časopis pro otázky teorie a kultury jazyha]. – Rocnik. – T. XXIV. – 1963. – číslo 1. – S. 5–10.

569. Michalidesova A. O slovotvornej variantnosti a synonymite // Slovenska rec, 1978 – C. 3. – S. 160–166.
570. Muthmann G. Doppelformen in der deutschen Sprache der Gegenwart // RGL. 145. – Tübingen, 1994.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Академические толковые словари нормативного типа

1. Словарь Академии Российской: в 6 ч. – СПб: Имп. Академия наук, 1789–1794.
2. Толковый словарь русского языка: в 4 ч. / сост. Г. О. Винокур, проф. Б. А. Ларин, С. И. Ожегов и др.; под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия, 1935–1940.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1949. – 968 с. (также издание 1952 г.)
4. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Глав. ред.: чл.-кор. АН СССР В. И. Чернышев]; Акад. наук СССР. Институт рус. яз. – М.–Л.: Акад. наук, 1950–1965.

Толковые словари справочного типа

5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Общество любителей российской словесности, 1863–1866 (2-е изд., испр. и значительно доп.: в 4 т. СПб – М.: издание М. О. Вольфа, 1880–1882; 3-е изд., испр. и значительно доп. / под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ: в 4 т. СПб – М.: т-во М. О. Вольфа, 1903–1911).
6. Словарь русского языка. – Петроград (позже Л.), 1922–1936 (возобновленное и незавершенное издание с менявшейся нумерацией томов и выпусков: Т. III (вып. 1); Т. VIII; Т. XIII, (вып. 3 и 4); Т. 11 (вып. 3); Т. 12 (вып. 2)) Сост. 2-м отделением АН СССР (1922–1930 гг.), Комиссией по русскому языку АН СССР (1930–1933 гг.), Институтом языка и мышления (1934–1937 гг.)

Орфографические словари

7. Словарь российской орфографии или правописания. – М., 1813 г. – 16 с.
8. Геннинг В. П. Справочная книжка и указатель русского правописания. – СПб. – 1879. – 179 с. (список источников приводится в предисловии).
9. Разыграев В. Справочный указатель русского правописания, с приложением всех орфографических правил для написания слов и корнеслова, составленного по Рейфу, Шишкевичу, Буслаеву, Павскому и др. – СПб., 1885. – 130 с.
10. Русаков А. Карманный орфографический словарь с обозначением переноса слов. Более 40 000 русских и иностранных слов, сомнительных в правописании и разделенных на слоги для правильного переноса их со строки на строку. – Изд. 2-ое. – М., 1889. – 391 с.
11. Я. К. Грот. Справочный указатель (около 3 000 слов) (Приложение в: Я. К. Грот. Русское правописание, СПб: Имп. Академия наук, 1894. – 171 с.
12. Сеславин Д. Н. Карманный орфографический словарь, содержащий более 30 000 слов, в правописании которых может встретиться иногда затруднение. – СПб, 1897. – 552 с.
13. Ромашкевич П. А. Настольная книга для всякого пишущего по-русски. Полный русский орфографический словарь. Составил по академику Я. К. Гроту, Ф. Рейфу, В. И. Далю, А. П. Макарову, Н. Чудинову и др. – СПб., 1898. – 258 с.
14. Кименталь В. Справочный карманный словарь для правописания по Гроту, Далю, Макарову и др. – СПб., 1900. – 79 с.
15. Алексеев С. Н. Настольное руководство для всех и пособие для учащихся. Словарь русского правописания. Полная отечественная орфография с прибавлением правил правописа-

ния и списком слов на букву Ъ. Сост. По «Русскому правописанию», В. И. Даля, Н. Макарову, Ф. Рейфу и др. – М., 1909. – 445 с.

16. Ильин А. М. Словарик орфографический и справочный, заключающий свыше 25 000 слов с указанием ударений и разделением каждого слова на части для правильного переноса из одной строки в другую с приложением правил правописания, правил переноса и правил расстановки знаков препинания. Составил по Я. К. Гроту, «Толковому словарю» Даля, академическому словарю и другим источникам. – Одесса, 1912. – 364 с.

17. Азбукин М. Справочник по русскому этимологическому правописанию. Сост. по «Русскому правописанию» Грота, «Словарю старославянского и русского языка», «Толковому словарю» В. И. Даля и некоторым другим источникам. – СПб, 1913. – 90 с.

18. Шапошников И. Н. Справочный орфографический словарь. Более 15.000 затруднительных для правописания слов. С приложением правил правописания и правил постановки знаков препинания. – М., 1915. – 224 с.

19. Абраменко Ф. Словарик, заключающий свыше 12 000 затруднительных для правописания слов, правила правописания, правила переноса слов на другую строку и правила расстановки знаков препинания. – М., 1917. – 231с.

20. Шапошников И. Н. Орфографический словарь с приложением заданий для письменных упражнений по словарю. – М.–Л., 1925. – 135 с. (также издания 1926 г., 1928 г., 1929 г.).

21. Ушаков Д. Н. Орфографический словарь: для начальной, неполной средней и средней школы. М.: Учпедгиз, 1935. – 160 с. (также издания 1936 г., 1937 г., 1938 г., 1939 г., 1940 г.).

22. Крючков, Ушаков Д. Н. Орфографический словарь: для учащихся средней школы, М.: Учпедгиз, 1944. – 208 с. (также издание 1951 г.).

23. Правила правописания и произношения некоторых слов и выражений, принятых в военно-морском языке (со словарем). – М., 1944. – 12 с.

Орфографические словари в составе разновременных редакций Свода правил

24. Словарь проекта Правил 1939 (2) (более 2. 300 слов): Правила единой орфографии и пунктуации. С приложением краткого словаря. – 2-я ред.: Проект. – М., 1939. – 136 с. [На правах рукописи].

25. Словарь проекта Правил 1940 (более 2. 300 слов): Правила единой орфографии и пунктуации. С приложением краткого словаря. Проект. – М., 1940. – 152 с. [На правах рукописи].

26. Словарь проекта Правил 1951 (более 2. 300 слов): Правила русской орфографии и пунктуации. Проект. – М., 1951. – 183 с. [На правах рукописи].

27. Словарь проекта Правил 1955 (более 4.000 слов): Правила русской орфографии и пунктуации. Проект. – М., 1955–188 с. [На правах рукописи].

28. Словарь проекта Правил 1956 (более 4.000 слов): Правила русской орфографии и пунктуации. – М., 1956. – 176 с.

Специальные технико-орфографические справочники для работников печати

29. Техничко-орфографические правила. – М.: Госиздат РСФСР, 1927. – 30 с.

30. Шапиро А. Б., Уаров М. И. Орфография, пунктуация и техника корректуры: справочник для работников печати. – М.: Гизлегпром, 1933. – 205 с.

31. Филиппов Н. Н. Техничко-орфографический справочник. – Л.: Ленинградское областное изд-во, 1993. – 240 с.

Указатели орфографического разнобоя

32. Н. И. Греч. Справочное место русского слова. 450 поправок, с руководством к употреблению буквы ъ. – СПб., 1843. – 140 с.
33. Студенский А. О. Корректирный список. 700 слов, наиболее требующих одинакового начертания. – СПб., 1869. – 52 с.
34. В. Разыграев. Справочный указатель спорных написаний в русской орфографии. – СПб., 1887. – 117 с.
35. И. А. Б.[Бенедиктов] Орфографический указатель спорных слов для руководства типографии. СПб., 1898. – 24 с.
36. Список слов, правописание которых твердо не установлено: Орфографический технический справочник. М.: Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 1930. – 25 с.
37. Орфографическая памятка для наборщиков. Вологда: Севкрайполиграфтрест, 1932. – 28 с.

СПИСОК НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Автограф Д. Н. Ушакова // Ф. 502. Оп. 3. Д. 117. 6 л.
2. Большой вопрос (публикация, 1927 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. 77 л.
3. В Президиум АН СССР ученый секретарь Отделения литературы и языка // Ф. 2. Оп. 1 (1938). Д. 183. 226 л.
4. В редакцию «Учительской газеты». Отдел критики // Ф. 1516. Оп. 1. Д. 139. 187 л.
5. В Совет НК СССР // Ф. 456. Оп. 1. Д. 44. 267 л.
6. Выводы комиссии Президиума АН СССР // Ф. 456. Оп. 1. Д. 44. 267 л.
7. Выписка из протокола №3 (72) от 03.02.1926 г. заседания Президиума Государственного ученого совета Народного комиссариата просвещения РСФСР о разработке единого орфографического словаря // Ф. 502. Оп. 3. Д. 80. 4 л.
8. Выписка из протокола № 47 заседания Политбюро ЦК от 5 июля 1931 «О «реформе» русского алфавита» (02.07.1931 г.) // АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 15. 1 л.
9. Выписка из протокола заседания Президиума АН от 05.07.1936 // Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. 14 л.
10. Выписка из протокола заседания Президиума АН СССР об итогах работы объединенной орфографической комиссии 1936 г. (05.07.1936 г.) // Ф. 2. Оп. 1. Д. 189.
11. Вырезки из газет и журналов с пометами Д. Н. Ушакова об особенностях написаний слов // Ф. 502. Оп. 1. Д. 69. 174 л.
12. Выступление Д. Н. Ушакова на совещании словесников // Ф. 502. Оп. 3. Д. 106. 15 л.
13. Двойные согласные в заимствованиях (список) // Ф. 502. Оп. 1. Д. 75. 54 л.
14. Диспут о новом правописании (1930) // Ф. 358. Оп. 2. Д. 75. 72 л.
15. Доклад А. С. Орлова // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. 257 л.
16. Докладная записка в секретариат АН СССР об организации работы объединенной (расширенной) орфографической комиссии (19.05.1936 г.) // Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. 14 л.
17. Докладная записка Д. Н. Ушакова // Ф. 502. Оп. 3. Д. 104. 22 л.
18. Докладная записка Д. Н. Ушакова о характере предлагаемого упорядочения правописания для объединенной орфографической комиссии при АН СССР 12–17 июня 1936 г. // Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. 14 л.
19. Докладная записка для Совета НК СССР о состоянии хода работы по составлению орфографического свода, справочника и словаря русского языка // Ф. 456. Оп. 1. Д. 44. 267 л.
20. Докладная записка для Совета НК СССР президента АН СССР акад. В. Л. Комарова // Ф. 456. Оп. 2. Д. 44. 267 л.
21. Докладная записка к общему собранию АН СССР // Ф. 456. Оп. 1. Д. 44. 267 л.
22. Докладная записка кафедры русского языка МГПИ завнаркому просвещения т. Мальцеву о разное в рекомендациях «Технико-орфографического словаря» Н. Филиппова и справочника «Орфография, пунктуация и техника корректуры» А. Шапиро, М. Уарова // Ф. 502. Оп. 3. Д. 92. 85 л.

23. Докладная записка о состоянии хода работ по составлению орфографического свода // Ф. 2. Оп. 1. Д. 183. 226 л.
24. Докладная записка президента АН СССР акад. В. Л. Комарова // Ф. 456. Оп. 1. Д. 44. 267 л.
25. Докладная записка президенту АН СССР «О положении в русской орфографии» // Ф. 456. Оп. 1. Д. 251. 21 л.
26. Докладная записка С. П. Обнорского по русской орфографии для президента АН СССР (об основных итогах орфографической регламентации (22.05.1939 г.)) // Ф. 456. Оп. 1. Д. 44. 267 л.
27. Заключение по вопросу об издании единого орфографического словаря (1934) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. 77 л.
28. Замечание С. П. Обнорского, Б. М. Ляпунова, В. И. Чернышева о правописании слов с корнем *-ро(а)ст-* (по итогам заседаний объединенной орфографической комиссии 12–17 июня 1936 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 110. 19 л.
29. Замечания к «Правилам единой орфографии и пунктуации» (2-я ред.) 27.12.1939 г. // Ф. 502. Оп. 1. Д. 76а. 54 л.
30. Записка заместителя председателя СНК президенту АН СССР В. Л. Комарову // Ф. 2. Оп. 1. Д. 183. 226 л.
31. Записка А. П. Андреева по поводу реформы орфографии и пунктуации от 18.03.1930 г. // Ф. 358. Оп. 3. Д. 94. 35 л.
32. Записка Д. Н. Ушакова для издательства «Советская энциклопедия». Автограф // Ф. 502. Оп. 3. Д. 117. 6 л.
33. Записка Д. Н. Ушакова Наркому просвещения А. С. Бубнову от 25.02.1936 г. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 104. 22 л.
34. Записка Д. Н. Ушакова по поводу орфографических словарей (26.07.1933 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. 77 л.
35. Записка к сводам орфографических и пунктуационных правил // Ф. 502. Оп. 1. Д. 76а. 54 л.
36. Записка коллегии Института языковедения и истории литературы Народного комиссариата просвещения РСФСР о подготовке орфографического словаря (16.03.1926 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 92. 85 л.
37. Записка Л. В. Щербы директору Госиздата О. Ю. Шмидту // Ф. 770. Оп. 1. Д. 15. 10 л.
38. Записка Непременному секретарю АН СССР Н. П. Горбунову о выделении финансирования из средств Президиума АН СССР и согласовании состава комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. 257 л.
39. Записка по вопросу о работах по орфографии русского языка в СНК СССР (1940) // Ф. 2. Оп. 1 (1938). Д. 183. 226 л.
40. Записка президенту АН СССР «О положении в русской орфографии» № 28-6 от 15.10.1949 г. // Ф. 456. Оп. 1. Д. 251. 21 л.

41. Запрос редакции «Учительской газеты» к Д. Н. Ушакову по вопросу о возможности дальнейшего упрощения правописания // Ф. 502. Оп. 1. Д. 68. 35 л.
42. Запрос ЦК Союза авиаработников // Ф. 502. Оп. 1. Д. 69. 14 л.
43. Заседание Президиума № 10 от 11.04.1938 г. // Ф. 2. Оп. 1 (1938). Д. 183. 226 л.
44. Изменения (наиболее крупные), внесенные в свод на заседаниях объединенной орфографической комиссии при АН СССР в Ленинграде (12–17 июня 1936 г.) // Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. 8 л.
45. Инструкция для редакторов (список заимствованных слов с одиночной и удвоенной согласной) // Ф. 394 Оп. 1. Д. 50. 61 л.
46. Инструкция для редакторов «Словаря современного русского языка» (Орфография и указание на произношения) // Ф. 394 Оп. 1 Д. 50. 61 л.
47. Информационный плакат-приглашение комиссии Ассоциации корректоров Центрального Дома печати по разработке орфографического справочника // Ф. 502 Оп. 3 Д. 124. 4 л.
48. Итоги предварительного соглашения по унификации спорных написаний орфографических комиссий Народного комиссариата просвещения РСФСР и АН СССР (подготовка к заседаниям объединенной орфографической комиссии 1936 г.) // Ф. 502. Оп. 1. Д. 68а. 15 л.
49. Копия постановления Совета министров СССР // Ф. 456. Оп. 1. Д. 168а. 42 л.
50. Краткий меморандум Д. Н. Ушакова по орфографическому вопросу (12.07.1934 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. 77 л.
51. Материалы диспута о «Проекте нового правописания» Главнауки (1930) // Ф. 358. Оп. 2. Д. 75. 72 л.
52. Предложения, принятые на пленарном заседании комиссии Главнауки по реформе правописания (22.12.1929 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 102.
53. Материалы к Постановлению коллегии Наркомата просвещения РСФСР // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. 77 л.
54. О написании одиночного и двойного *нн* в страдательных причастиях и образованных от них прилагательных. С. П. Обнорский (по итогам заседаний объединенной орфографической комиссии 12–17 июня 1936 г.) // Ф. 502. Оп. 1. Д. 76.
55. О пальто и точке с запятой (публикация) // Ф. 502. Оп. 1. 68а. 15 л.
56. Об употреблении одного или двух *-н-* в отглагольных образованиях на *-ный*. Мнение членов орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР (по итогам заседаний объединенной орфографической комиссии 12–17 июня 1936 г.) // Ф. 502. Оп. 1. Д. 76. Л. 68.
57. Об утверждении СНК СССР «Свода орфографических и пунктуационных правил» (справка) // Ф. 2. Оп. 1 (1938). Д. 183. 226 л.
58. Обнорский С. П. о задачах Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка (14.10.1939 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 156. 18 л.

59. Образцы применения латинского варианта русской азбуки профессора В. А. Беллилина // Ф. 358. Оп. 1. Д. 94. 68–69 л.
60. Обращение Государственного издательства РСФСР об организации комиссии для рассмотрения орфографического словаря Д. П. Кончаловского // Ф. 502. Оп. 3. Д. 92. 4 л.
61. Обращение Отделения литературы и языка в Президиум АН СССР (17.05.1940 г.) // Ф. 2. Оп. 1 (1938). Д. 183. 226 л.
62. Обращение президента АН СССР в Народный комиссариат просвещения РСФСР об организации комиссии для утверждения свода орфографических правил (04.06.1939 г.) // Ф. 456. Оп. 1. Д. 44. 267 л.
63. Обращение президента АН СССР к председателю Совета Народных комиссаров СССР В. М. Молотову об организации Правительственной комиссии для рассмотрения правил орфографии и пунктуации (01.02.1938 г.) // Ф. 2. Оп. 1 (1938). Д. 183. 226 л.
64. Обращение с просьбой о созыве объединенной (расширенной) орфографической комиссии при АН СССР (04.06.1936 г.) // Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. 54 л.
65. Обращения редакции журнала «Большевицкая печать» и дирекции «Диетического магазина № 2» г. Москвы // Ф. 502. Оп. 3. Д. 5. 86 л.
66. Обсуждение доклада А. С. Орлова // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. 257 л.
67. Общие положения по составлению орфографического словаря (С. П. Обнорский, сентябрь, 1938 г.) // Ф. 456 Оп. 1 Д. 44. 267 л.
68. Объяснительная записка к проекту изменений некоторых правил русской орфографии // Ф. 1781. Оп. 1. Д. 116. 176 л.
69. Объяснительная записка к сводам орфографических и пунктуационных правил (1936) // Ф. 502. Оп. 1. Д. 76а. 54 л.
70. Ожегов С. И. По поводу записки тов. Доценко о реформе русской орфографии // Ф. 1516 Оп. 1 Д. 158. 3 л.
71. Ожегов С. И. Русская орфография (1956) // Ф. 1516. Оп. 1. Д. 79. 9 л.
72. Орфографический хаос (публикация) // Ф. 502. Оп. 1. 68а. 15 л.
73. Особое мнение // Ф. 502. Оп. 1. Д. 68а. 15 л.
74. Особое мнение А. Реформатского о прописных буквах (приложение к протоколу № 20 от 20.03.1935 г. заседания орфографической комиссии Народного комиссариата просвещения РСФСР) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. 142 л.
75. Особое мнение Л. И. Жиркова об исключении твердого знака для объединенной орфографической комиссии при АН СССР 12–17 июня 1936 г. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 110. 19 л.
76. Особое мнение С. П. Обнорского, Б. М. Ляпунова, В. И. Чернышева о правописании слова *наваждение* (по итогам заседаний объединенной орфографической комиссии 12–17 июня 1936 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 110. 19 л.
77. Особое мнение С. П. Обнорского о правописании наречий. Автограф // Ф. 502. Оп. 3. Д. 110. 19 л.

78. Ответ Совета Народных комиссаров СССР на обращение АН СССР (04.04.1938 г.) // Ф. 2. Оп. 1 (1938). Д. 183. 226 л.
79. Отзыв Д. Н. Ушакова о новом орфографическом словаре Я. С. Хомутова (1927) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 92. 85 л.
80. Отзыв С. И. Ожегова о «Правилах орфографии и пунктуации» (1951) // Ф. 1516. Оп. 1. Д. 170. 2 л.
81. Отчет Отделения литературы и языка (1947) // Ф. 456. Оп. 1. Д. 168 а. 42 л.
82. Отчет председателя объединенной орфографической комиссии А. С. Орлова неперемному секретарю АН СССР Н. П. Горбунову (12–17 июня 1936 г.) // Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. 14 л.
83. Отчет С. П. Обнорского об итогах заседаний Правительственной комиссии по орфографии для неперемного секретаря АН СССР Н. П. Горбунова в декабре 1936 г. (14.12.1936 г.) // Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. 14 л.
84. Отчет С. П. Обнорского об итогах заседаний Правительственной комиссии по орфографии для неперемного секретаря АН СССР Н. П. Горбунова в декабре 1936 г. (25.12.1936 г.) // Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. 14 л.
85. Отчет С. П. Обнорского об итогах заседаний Правительственной комиссии по орфографии для неперемного секретаря АН СССР Н. П. Горбунова в сентябре и октябре 1936 г. (05.10.1936 г.) // Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. 14 л.
86. Переписка о комиссии по составлению «Правил единой орфографии и пунктуации русского языка». Постановление // Ф. 2. Оп. 1 (1947). Д. 67. 264 л.
87. Переписка С. И. Ожегова по вопросам правописания отдельных слов (1950–1954 гг.) // Ф. 1516 Оп. 1 Д. 139. 187 л.
88. Переписка. Письмо Б. А. Ларина Д. Н. Ушакову от 18.03.1934 г. // Ф. 502. Оп. 4. Д. 20. 6 л.
89. Перечень главнейших моментов в деле об орфографическом словаре (20.07.1935 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. 77 л.
90. Перечень положений 2-й редакции «Свода орфографических правил» (1936) орфографической комиссии Народного комиссариата просвещения РСФСР // Ф. 502. Оп. 1. Д. 76. 44 л.
91. Перечень разногласий орфографических комиссий АН СССР (1933) и Народного комиссариата просвещения РСФСР (при Ученом комитете языка и литературы) (1933) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 109. 19 л.
92. Перспективный план на 1961–1965 гг. // Ф. 456. Оп. 1. Д. 678. 44 л.
93. Петерсон М. Н. о свойствах русской орфографии // Ф. 696. Оп. 1. Д. 29. 44 л.
94. Петерсон М. Н. о фонетических, морфологических и традиционных написаниях в русской орфографии // Ф. 696. Оп. 1. Д. 29. 44 л.
95. Петерсон М. Н. Таблица соответствия основных написаний разным принципам орфографии // Ф. 696. Оп. 1. Д. 29. 44 л.

96. Постановление № 1019 Совета народных комиссаров Союза ССР о создании Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка (10.07.1939 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 156. 18 л.
97. Постановление коллегии Народного комиссариата просвещения РСФСР об организации комиссии по унификации противоречивых написаний (09.10.1933 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. 77 л.
98. Постановление Президиума АН СССР «О нормализации русской орфографии» (22.11.1949 г.) // Ф. 456. Оп. 1. Д. 251. 12 л.
99. Постановление Президиума АН СССР от 24 мая 1963 № 454 // Ф. 1602. Оп. 1. Д. 99. 2 л.
100. Правила единой орфографии и пунктуации. Сводка мнений учителей различных районов города Москвы, подготовленная М. Н. Петерсоном (1939) // Ф. 696. Оп. 1. Д. 29. 44 л.
101. Предложения, принятые на пленарном заседании комиссии Главнауки по реформе правописания (22.12.1929 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 102. 19 л.
102. Приглашение к участию в работе комиссии // Ф. 502. Оп. 3. Д. 124. 4 л.
103. Проект обращения Д. Н. Ушакова в Совет Народных комиссаров СССР (1935) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. 2 л.
104. Проект подкомиссии (комиссия 1929 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 102. 19 л.
105. Протокол № 11 заседания орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР от 07.01.1935 г. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. 142 л.
106. Протокол № 22 заседания орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР от 14.05.1935 г. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. 142 л.
107. Протокол № 23 заседания орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР от 15.05.1935 г. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. 142 л.
108. Протокол № 24 заседания орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР от 15.05.1935 г. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. 142 л.
109. Протокол № 25 заседания орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР от 16.05.1935 г. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. 142 л.
110. Протокол № 30 заседания орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР от 16.12.1935 г. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. 142 л.
111. Протокол № 43 заседания орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР от 20.06.1936 г. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 106. 15 л.
112. Протокол № 5 заседания орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР от 29.11.1934 г. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. 142 л.
113. Протокол № 56 (28.09.1936 г.) заседания орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР совместно с Президиумом орфографической комиссии АН СССР // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. 142 л.

114. Протокол № 57 (30.09.1936 г.) заседания орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР и Президиума орфографической комиссии АН СССР // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. 142 л.
115. Протокол № 58 (10.11.1936 г.) заседания орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР (Переговоры с орготделом Президиума ЦИК СССР о согласовании орфографии проекта новой конституции с 1-й редакцией «Свода орфографических правил») // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. 142 л.
116. Протокол № 7 заседания орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР от 10.12.1934 г. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. 142 л.
117. Протокол № 8 заседания орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР от 18.12.1934 г. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. 142 л.
118. Протокол №1 заседания орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР от 22.10.1934 г. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. 15 л.
119. Протокол №1 заседания Правительственной комиссии по выработке единой орфографии и пунктуации (21.09.1939 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 156 Л. 15–15а.
120. Протокол №1 совещания у тов. Р. С. Землячки о «Правилах единой орфографии и пунктуации русского языка» (Народный комиссариат просвещения РСФСР, 25.04.1941 г.) // Ф. 2. Оп. 1 (1941). Д. 21. 67 л.
121. Протокол №17 заседания орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР от 24.02.1935 г. // Ф. 502. Оп. 1. Д. 105. 142 л.
122. Протокол №19 заседания орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР от 21.03.1935 г. // Ф. 502. Оп. 1. Д. 105. 142 л.
123. Протокол №20 заседания орфографической комиссии при Ученом комитете языка и литературы Наркомата просвещения РСФСР от 28.03.1935 г. (обсуждение раздела «Прописная буква») // Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. 142 л.
124. Протокол заседания бригады по обследованию хода работ по составлению орфографического справочника и словаря русского языка от 07.09.1939 // Ф. 456. Оп. 1. Д. 44. 267 л.
125. Протокол заседания Комиссии о технико-орфографических правилах Государственного издательства РСФСР от 15.11.1927 г. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. 77 л.
126. Протокол заседания Комиссии о технико-орфографических правилах Государственного издательства РСФСР от 22.11.1927 г. // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. 77 л.
127. Протокол заседания комиссии по упорядочению правописания русского языка от 7 мая 1936 г. // Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. 14 л.
128. Протокол заседания комиссии Президиума АН от 07.09.1939 г. // Ф. 456. Оп. 1. Д. 44. 267 л.
129. Публикации («Единая русская орфография», «Единая орфография и пунктуация» и т.д.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 157. 13 л.

130. Распоряжение Народного комиссариата просвещения РСФСР руководителям педагогических институтов о содействии в составлении перечня спорных вопросов орфографии и пунктуации (09.08.1938 г.) // Ф.456 Оп.1 Д. 44. 267 л.
131. Распоряжение Президиума РАНИОН // Ф. 502. Оп. 3. Д. 92. Л. 4.
132. Совещание Объединенной комиссии по упорядочению правописания. Стенографический отчет // Ф. 394. Оп. 1. Д. 52. 257 л.
133. Сообщение для ТАСС // Ф. 502. Оп. 1. Д. 77а. 5 л.
134. Сопроводительное письмо к докладной записке Д. Н. Ушакова о характере предполагаемого упорядочения для объединенной орфографической комиссии при АН СССР 12–17 июня 1936 г // Ф. 502. Оп. 1. Д. 68а. 1 л.
135. Список наречий // Ф. 502. Оп. 1. Д. 68б. 22 л.
136. Спор о букве (публикация) // Ф. 502. Оп. 1. Д. 68. 16 л.
137. Справка о работах в области орфографии и пунктуации для Совета Народных комиссаров СССР (к утверждению свода, сентябрь, 1940 г.) // Ф. 2. Оп. 1 (1938). Д. 183. 226 л.
138. Стенограмма доклада Д. Н. Ушакова о состоянии орфографии на совещании словесников 20.04.1939 // Ф. 502. Оп. 3. Д. 106. 15 л.
139. Стенограмма заседания Президиума АН от 25.05.1956 г. // Ф. 2. Оп. 6. Д. 219. 159 л.
140. Стенограмма собрания Отделения литературы и языка // Ф. 394 Оп. 1. Д. 52. 257 л.
141. Стенограмма собрания Отделения литературы и языка АН СССР по вопросу об основных принципах построения свода орфографических правил и орфографического словаря русского языка (27.11.1939 г.) // Ф. 456. Оп. 1. Д. 25. 100 л.
142. Стенограмма совещания преподавателей русского языка и литературы с участием Д. Н. Ушакова (21.04.1935 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 106. 15 л.
143. Стенограммы заседаний объединенной орфографической комиссии // Ф. 394. Оп. 1 (1936). Д. 52. 257 л.
144. Стенографический отчет совещания Объединенной комиссии по упорядочению правописания 13 июня 1936 г. // Ф. 394. Оп. 1. Д. 52. 257 л.
145. Таблицы с группами спорных написаний и предложения по их унификации орфографической комиссией Народного комиссариата просвещения РСФСР (на основе «Свода орфографических правил» 1936 г.) // Ф. 502. Оп. 1. Д. 70. 30 л.
146. Тезисы к докладу Д. Н. Ушакова «Важнейшие моменты в истории орфографической нормализации» (07.10.1939 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 156. 18 л.
147. Тезисы к докладу С. П. Обнорского «Основные принципы орфографической нормализации» (07.10.1939 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 156. 18 л.
148. Телефонограмма Непременному секретарю АН СССР Н. П. Горбунову от 04.06.1936 г. // Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. 53 л.

149. Уточнения и изменения орфографической подкомиссии Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации 1939 г. к своду правил 1936 г. (2 редакция) // Ф. 502. Оп. 1. Д. 75. 54 л.
150. Ушаков Д. Н. Тезисы доклада «Об орфографии» (май, 1934 г.) // Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. 77 л.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Орфографическая вариативность

«Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля

(шрифт максимально приближен к оригиналу)

496 единиц

1. Абазь, абась [*квк.* персидская серебрян. монета около 20 коп.; восковой шарикъ, отъ церковной свѣчи, при-
вшиваемый закавказскими христіанами въ знакъ обѣта къ шеѣ или пясти] (I, 1)
2. Абатъ, *аббатъ* (I, 1)
3. Аблава, см. *облава* (I, 1)
4. Авраль, *овраль* (I, 4)
5. Аерь или *аэръ* (I, 6)
6. Акатка, *окатка* [куликъ *Himantopus*] (I, 8)
7. Акомпани(е)ментъ (I, 8)
8. Аллегорія
9. АлLEGRO
10. Алея
- } Аллегорія, алLEGRO, аллея и пр. см. *Але-* (I, 10)
11. Алифа, см. *олифа* (I, 10)
12. Алтарь, *олтарь* (I, 12)
13. Аляповатый, *оляповатый* (I, 14)
14. Анагодни, правильнѣе *онагодни* [намедни] (I, 13)
15. Ано, *анно, анъ* [если же, даже, такъ что и др.] (I, 17)
16. Арава, *орава* (I, 21)
17. Асотъ, *осотъ* (I, 27)
18. Ассесоръ, *ассігнація* и пр. см. *асесоръ, асигнація* (I, 27)
19. Аэръ, *аерь* (I, 32)
20. Баллада и пр. см. *балада* (I, 44)
21. Балъ, мног. пишутъ *балль* (I, 44)
22. Бегъ, *бекъ, бій* (I, 58)
23. Бездѣліе, *бездѣлье* (I, 62)
24. Безчестіе, *безчестье* (I, 80)
25. Берескледь, *бересклетъ, бересдрень* (I, 85)
26. Бернецъ (ошибч., *бѣрнѣць*), раст. *Listera ovata*, зозулины-слезки (I, 86)
27. Бечева, см. *бичева* (I, 87)
28. Бешбармакъ, *бишбармакъ* (I, 87)
29. Битюкъ, *битюгъ* (I, 91)
30. Бичева (неправильно *бечева*) (I, 91)
31. Бишофъ, *бишовъ, бишопъ* (I, 91)
32. Бишъ, *бишь* (частица) (I, 92)

33. Благій или *благой* (I, 92)
34. Блажной или *блажный* (I, 97)
35. БогадѢ(е)льня (отъ дѢлатъ или отъ деля) (I, 103)
36. Борть, *бордъ* (I, 119)
37. Бострогъ, *бастрокъ* (I, 121)
38. Бригъ, *брикъ* (I, 129)
39. Вакка или *вака*[горнокаменная порода] (I, 163)
40. Вассаль, вассальство и пр.см.*васаль* (I, 169)
41. Вваживать или *ввазживать* (I, 172)
42. Ввожжать, *ввозжать* (I, 173)
43. Вежа, *вѣжа*[стар., шатеръ, палатка] (I, 177)
44. Велвереть, *вельвереть* (I, 178)
45. Веселіе, *веселье* (I, 188)
46. Вече или *вѣче* (I, 191)
47. Взимать или *взимать* (I, 199)
48. ВзимѢть или *взимѢть* (I, 199)
49. Взростать, *взрастать* (I, 203)
50. Видка, *витка*[винок., первый перегонъ] (I, 205)
51. Виселка, *висѣлка*[жердочка для вѣшания на ней одежды] (I, 210)
52. ВисѢ(е)льникъ (I, 210)
53. ВисѢ(е)ніе (I, 210)
54. Вмѣщ(сч)ивый (I, 219)
55. Водяникъ, *воденикъ*[нечистый духъ] (I, 228)
56. Вожжа, *возжа* (I, 228)
57. Возго(а)рать (I, 229)
58. Возго(а)раемый(I, 230)
59. Возраждать или *возрождать* (I, 233)
60. Впервыхъ, *въ первыхъ* (I, 245)
61. Впи(е)хать (I, 259)
62. Впи(е)хнуть (I, 259)
63. Впло(а)тить (I, 260)
64. Впло(а)тной (I, 260)
65. Впротив(ь)ь (I, 262)
66. Врѣять (црк. *вредить*)(I, 267)
67. Вско(а)кнуть (I, 270)
68. Возтавать, *воставать* (I, 255)
69. Во(з)ставить (I, 234)
70. Во(з)ставлять (I, 234)
71. Востаніе, *возстаніе* (I, 234)
72. Во(з)становить (I, 234)
73. Вываживать или *вывазживать* (I, 286)
74. Выгорать или *выгарать* (I, 291)
75. Выгарь(ь) (вѣрнѣе *выгарь* – что сгорѣло, *выгарь* – что после осталось) (I, 289)
76. Выдти, *вытти* (I, 293)
77. Вымошен(н)ичать (I, 308)

78. Выравниение, *выровнение* (I, 317)
79. Выро(а)внять (I, 318)
80. Выраждать или *вырождать* (I, 317)
81. Выро(а)сти (I, 318)
82. Выро(а)стать (I, 318)
83. Выра(о)щение (I, 318)
84. ВѢжа, см. *вежа* [стар., башня] (I, 339)
85. ВѢха или *веха* (I, 345)
86. ВѢ(е)шить (I, 345)
87. Вяхерь, *вахирь* [голубь] (I, 347)
88. Вуссонъ, *висонь* [ткань] (I, 347)
89. Газъ или *гасъ* (I, 349)
90. Гал(л)ерея (I, 351)
91. Геенна, *геена* (I, 357)
92. Грогъ или *грокъ* (I, 407)
93. Гуми, *гумми* [растительный клей] (I, 419)
94. Гусиница (*гусеница?*, *гусенница?*, *гусинница?*), [раст. *Orob. vernus* – сочевица, сочевичникъ, сердечная, чистикъ; раст. гусиная трава, гусячьи лапки] (I, 420)
95. Двигал(о)а [человѣкъ, производящій движеніе] (I, 430)
96. Ден(ь)щикъ (I, 439)
97. Дилема, *дилемма* (I, 448)
98. Дитя, стар. *дѣтя* (I, 449)
99. Діаволь, *дьяволь* (I, 450)
100. Діакъ, *дьякъ* (I, 451)
101. Догарать или догорать (I, 462)
102. Дождь, *дождикъ*, *дожжъ*, *дожжикъ*, *дозжикъ* (I, 465)
103. Дока(о)рючить (I, 469)
104. Доманикъ или *домоникъ* [пропитанный нефтью глинистый сланецъ, плита на рѣкѣ Тетерѣ, изъ котораго дѣлають столечницы, подоконники] (I, 477)
105. Допро(сч)щиковъ (I, 485)
106. Доста(о)канъ [стар.] (I, 493)
107. Досчаникъ, *дощаникъ* (I, 495)
108. Дохе(ѣ)рить [вымарать, вычеркнуть писанное до какого мѣста] (I, 499)
109. Дрекъ или *дрегъ* [морск., четырехрогій якорь или большая кошка] (I, 506)
110. Дрожди, *дрожжи*, *дрозжи* (I, 509)
111. Дрож(з)жанный (I, 509)
112. Еже(о)викъ [грибъ *Hydnum*] (I, 532)
113. Еже(о)вка [кустъ *Arbutus unedo*, земляничное дерево, лѣсное яблоко] (I, 532)
114. Еже(о)вина [ежевое гнездо] (I, 532)
115. Екипажъ, *экипажъ* (I, 532)
116. Епидемія, *эпидемія* (I, 535)
117. Эпизодъ, *эпизодъ* (I, 535)
118. Епилепсія, *эпилепсія* (I, 535)
119. Эпилогъ, *эпилогъ* (I, 535)
120. Еѡиръ, *эѡиръ* (I, 538)

121. Жемъ, *жомъ* (I, 548)
122. Желобъ, *жолобъ* (I, 546)
123. Же(о)рдка (I, 550)
124. Жестерь, *жостерь*[раст. *Rhamus cathartica* — крушина колючая, придорожная игла] (I, 551)
125. Жегъ, *жогъ*[невыносимый жаръ отъ огня, жара; зной] (I, 553)
126. Жега, *жога*[суматоха; брань; нагоняй, наказанье] (I, 553)
127. Жженіе, *жженье* (I, 553)
128. Жженка, *жжонка* (I, 553)
129. Живѣте или *живете*[название буквы ж] (I, 556)
130. Заго(а)нуть [загадать] (I, 586)
131. Загануть, *загонуть* (I, 586)
132. Зад(т)хловатость (I, 592)
133. Зад(т)хловатый, *-листый* (I, 592)
134. Зад(т)хлѣтъ (I, 592)
135. Заже(о)гъ (I, 595)
136. Зажо(е)лвѣтъ [о затвѣрдевшихъ железахъ или опухоли] (I, 595)
137. Заинди(е)вѣтъ (I, 598)
138. Заклегтатъ, *заклехтатъ, заклектатъ* (I, 603)
139. Зако(а)лѣтъ (I, 605)
140. Закознѣ(е)ніе (I, 608)
141. Зала(о)катъ (I, 613)
142. Зало(а)нской *годъ*[третьего года, запрошлый годъ] (I, 616)
143. Запаши(е)вной (I, 632)
144. Запесчанѣтъ, *запещанѣтъ* (I, 633)
145. Заподозрѣ(и)тъ (I, 637)
146. Зара(о)статъ (I, 647)
147. Зара(о)сти (I, 647)
148. Зараститъ или *зароститъ* (I, 647)
149. Заре(ѣ)шетка [каменный мѣшокъ] (I, 648)
150. Зарождасть или *зараждасть* (I, 649)
151. Засуфле(и)ровать (I, 664)
152. Защо(е)мъ (I, 691)
153. Заяць (по Павскому *заецъ*) (I, 693)
154. Збалмошный, *сбалмошный* (I, 693)
155. Збитень, *збитеничикъ, збой* и пр.см.*сбитень, сбивать* (I, 693)
156. Збруя, *збруйный, збруйница* и пр.см.*сбруя* (I, 693)
157. Здоба, *здобить, здобный* и пр.см. *сдоба, сдабливать* (I, 698)
158. Зеліе, *зелье* (I, 699)
159. Зубрь или *зубрь*[грамматические пометы отсутствуют] (I, 718)
160. Идти или *итти* (II, 5)
161. Изжо(е)га (II, 19)
162. Изжо(е)гъ (II, 19)
163. Изъ-за (изза) (II, 19)
164. Износч(щ)*икъ* (II, 26)
165. Израждатъ или *изрождатъ* (II, 30)

166. Изразце(о)выйй (II, 30)
167. Ионъ, *йонъ*[ладъ, толкъ] (II, 45)
168. Иподіаконъ, *уподіаконъ* (II, 45)
169. Ипостась, *упостась* (II, 45)
170. Испо(а)хабитъ (II, 55)
171. Испо(а)хабничать (II, 55)
172. Истае(и)вать (II, 57)
173. Истопка, *истобка*[стар., изба] (II, 58)
174. Итти, см.*идти* (II, 66)
175. Икосъ или *икосъ* (II, 67)
176. Ка(о)бель [короткая свая] (II, 69)
177. Ка(о)зять [стар., бить, толкать] (II, 73)
178. Каллиграфія и пр.см.*калиграфія* (II, 78)
179. Камбузь, *камбусъ* (II, 80)
180. Карабчить, *карапчить* [воровать] (II, 90)
181. Карапчить, см.*карабчить* (II, 91)
182. Карачить, *корачить* (II, 91)
183. Карелка, *корелка*[олонецкій ленъ] (II, 92)
184. Карнать, *корнать* (II, 93)
185. Каронада, *коронада*[короткая пушка] (II, 94)
186. Каса или *касса* (не свойственно языку) (II, 95)
187. Касса, *кассиръи* пр.см. *каса* (II, 96)
188. Кашолка, *кошолка* (II, 101)
189. Келія, *келья* (II, 105)
190. Кенга или *кеньга*[калоши] (II, 105)
191. Кербъ, *кертъ*[пучекъ, вязанка] (II, 106)
192. Кизиль, *кизиль* (II, 108)
193. Классъ или лучше *класъ* (II, 114)
194. Ковыль, вЪрнЪековылъ (II, 130)
195. Коллегія, *коллежскійи* пр.см.*колегія* (II, 139)
196. Колона, *колонна* (II, 141)
197. Колчеданъ, *колчаданъ* (II, 145)
198. КолЪтъ (*калЪтъ?*) (II, 147)
199. Коновать, *канавать* [родъ азіатской шелковой ткани] (II, 153)
200. Конфорка, *канфорка* (II, 155)
201. Копе(ѣ)йка (II, 159)
202. Копеистъ, *копіистъ*[писецъ] (II, 160)
203. Копі(е)истскій (II, 160)
204. Корректоръ (*корректоръ* не свойственно нашему языку) (II, 164)
205. Корельская или *карельская береза* (II, 164)
206. Корепать, см.*корЪпать* (II, 165)
207. Ко(а)рмакъ [блесна] (II, 166)
208. Корректоръ, корреспондентъ см.*коре-* (II, 172)
209. Котауръ, *катауръ* (II, 180)
210. Кочанъ, *качанъ* (II, 182)

211. Ко(а)чанъ (II, 183)
212. Крейсе(и)ровать (II, 192)
213. Креница, см. *криница* (II, 193)
214. Криница, *креница* (II, 197)
215. Кре(я)хтѣнье (II, 196)
216. Кумысь, *кумызь* (II, 222)
217. Куралесить, см. *куролесить* (II, 225)
218. Кутья, см. *кутія* (II, 232)
219. Кѣжь, см. *кежь* [длинная палка цѣпа] (II, 234)
220. Ладо, *лада* [мужь, супругь, одинь изъ четы] (II, 237)
221. Ла(о)пухъ (II, 242)
222. Легеонъ, *легіонъ* (II, 247)
223. Лекаръ, *лѣкаръ* (II, 250)
224. Леса, *лѣса* [нить или шнуръ на удѣ, обычно изъ конскаго волоса] (II, 253)
225. Лещат(д)ка [лещикъ, густера] (II, 255)
226. Линавка, *линивка* (*лѣнивка?*), [доска, положенная съ полатей на печь] (II, 257)
227. Лопастъ, *лопость* (II, 271)
228. Ломбардъ, *ломбартъ* (II, 270)
229. Лопта, см. *лопастъ и лапта* (II, 272)
230. Лость, *лость* или *лосъ* [лучина, тонкая дранка, треска, пришиваемая лошильными скобами по конопати къ пазамъ рѣчныхъ судовъ] (II, 273)
231. Лѣкарка, *лѣкарство, лѣкаръ, лѣко* (*зелье*) и пр. см. *ле-* (II, 282)
232. Лѣса, см. *леса* (II, 283)
233. Лѣха, см. *леха* (II, 287)
234. Лѣчба, *лѣченье, лѣчить* и пр. см. *лекаръ* (II, 287)
235. Магарычъ или *могарычъ* (II, 293)
236. Май, *май* (II, 295)
237. Маэстро, *маэстро* (II, 294)
238. Маіоръ, *майоръ* (II, 295)
239. Маргачъ (инородчск.? или это *моргачъ* отъ моргать?) (II, 305)
240. Масивный (напрасно *массивный*) (II, 309)
241. Масса, лучше *масса* (II, 309)
242. Мачеха, *мачиха* (II, 315)
243. Мессія, *месія* (II, 327)
244. Миро, *муро* (II, 335)
245. Могарычъ, см. *магарычъ* (II, 344)
246. Можжить или *можжить* (II, 345)
247. Можжить или *можжить* (II, 345)
248. Мока, *мокка* (II, 346)
249. Мокать, см. *макать* (II, 346)
250. Момонъ и пр. см. *мамонъ* [црк., богатство, пожитки, земныя сокровища] (II, 351)
251. Мораль, см. *мараль* (II, 352)
252. Мре(ѣ)ть (II, 362)
253. Мѣ(е)тикъ [щель, трещина, въ отрубѣ дерева, внутри] (II, 379)
254. Мурика, муро, муровать, мурсина и пр. см. *ми-* (II, 383)

255. Нагайка, *ногайка* (II, 400)
256. Надоконный, *надъ-оконный* (II, 413)
257. Нака(о)стить [нагадить, намарать, поссорить] (II, 432)
258. Нала(о)кать (II, 443)
259. Нала(о)кнуть (II, 443)
260. Напа(о)латникъ (II, 459)
261. Напа(о)латный (II, 459)
262. Напрѣ(е)ль [все, что на чемъ напрѣваетъ] (II, 468)
263. Нарождать или *нарождать* (II, 471)
264. Нара(о)жденъе (II, 472)
265. Начевки, *ночевки* (II, 510)
266. Невыставка, не выставка (II, 523)
267. Недожегъ, *недожогъ* (II, 527)
268. Недожоръ, *недожеръ* (II, 527)
269. Недоро(а)ждать (II, 529)
270. Нейти, *не иди* (II, 536)
271. Нека(о)ширный (II, 536)
272. Немшо(е)ный [срубленный безъ моха] (II, 539)
273. Непокрытый, не покрытый (II, 544)
274. Нехре(и)сть (II, 559)
275. Нираль, *нераль*[снасть для уборки] (II, 563)
276. Ногалище, *нагалище* (II, 569)
277. Обго(а)ранье (II, 590)
278. Обго(а)рать (II, 590)
279. Обезназ(ь)мить [лишить назъма, удобрения] (II, 594)
280. Обча(е)крыжить (II, 651)
281. Окри(ы)лить (II, 689)
282. Окри(ы)лять (II, 689)
283. Опе(ѣ)стовать (II, 700)
284. Оподозрѣ(и)вать (II, 703)
285. Осо(а)патѣть (II, 725)
286. Отла(о)кать (II, 759)
287. Отлекъ, стар. отлѣкъ [остатокъ, избытокъ] (II, 759)
288. Отместі(ь)е (II, 764)
289. Отце(о)въ, отцовщина (II, 793)
290. Отнелѣ(и)же, [црк., съ того времени] (II, 766)
291. Отопрѣ(е)тися (II, 768)
292. Отра(о)сти (II, 776)
293. Отра(о)стить (II, 776)
294. Отро(а)жать (II, 777)
295. Отско(а)кнуть (II, 782)
296. Отце(о)въ (II, 793)
297. Отчая(и)вать (II, 793)
298. Отѣ(и)нка [об. дѣйст. по гл. отѣнить] (II, 798)
299. Офеня, см. *афеня* (II, 799)

300. Охо(а)вронить (II, 800)
301. Оча(е)крыжить (II, 803)
302. Пал(л)ада (III, 6)
303. Палата *иполата* (III, 6)
304. Паромъ, см. *поромъ* (III, 15)
305. Пасика, см. *пасъка* (III, 18)
306. Перевесло или *перевъ(я)ло* [одноручное коромысло] (III, 35)
307. Перевъ(е)шить [обставить дорогу вехами] (III, 39)
308. Перего(а)рать (III, 42)
309. Переписч(щ)икъ, *-щица* (III, 73)
310. Переро(а)внять (III, 78)
311. Перера(о)стать (III, 78)
312. Перера(о)станье (III, 78)
313. Перера(о)ждать (III, 79)
314. Песч(щ)аникъ (III, 104)
315. Песч(щ)анка (III, 104)
316. Песч(щ)аный (III, 104)
317. Песч(щ)истый (III, 104)
318. Пе(и)хнуть (III, 107)
319. Пи(е)хнутіе (III, 107)
320. Пече(о)ра (III, 110)
321. Писчикъ (*писчикъ*), [дудочка] (III, 115)
322. Питіе, *питье* (III, 117)
323. Пла(о)вунъ [жидкій иль] (III, 119)
324. Пла(о)вуша [ребенокъ, который мочится въ постели] (III, 119)
325. Планше(и)ръ [морск., верхняя связь реберъ судна] (III, 121)
326. Плеады, *плеяды, плады* (III, 124)
327. Пло(а)стильня [плющильня] (III, 129)
328. Пла(о)стильщикъ (III, 129)
329. Пла(о)щица [тѣльная вошь] (III, 129)
330. Плотяное (или *платяное*) (III, 131)
331. Поддоска, см. *подоска* (III, 174)
332. Подже(и, о)гъ (III, 177)
333. Поджо(е, и)гъ (III, 177)
334. Подже(и, о)га (III, 177)
335. Подплѣ(е)съ [раст. *Sampanula glomerata*] (III, 201)
336. Подра(о)стать (III, 204)
337. Подра(о)сти (III, 204)
338. Подра(о)ститъ (III, 204)
339. Подра(о)щать (III, 204)
340. Подъячій, вѣрнѣ *подъячій* (III, 225)
341. Позапоши(е)вать [сшить запошевомъ] (III, 234)
342. Покамѣсть(ѣ) (III, 245)
343. Понара(о)сти (III, 290)
344. Пообра(о)внять (III, 299)

345. Поро(а)ждать (Ш, 328)
346. Поро(а)станье (Ш, 330)
347. Поро(а)стать (Ш, 330)
348. Поро(а)сти (Ш, 330)
349. Предвѣдѣ(е)нье (Ш, 397)
350. Призапо(а)нь [боковая, половинчатая запонь] (Ш, 427)
351. Припа(о)йчивый [удобно паяемый] (Ш, 446)
352. Прира(о)стать (Ш, 453)
353. Прира(о)сти (Ш, 453)
354. Прога(о)лызина [чистое пространство, просторъ] (Ш, 493)
355. Прога(о)рать (Ш, 493)
356. Прогор(ь)кать (Ш, 495)
357. Прогор(ь)кнуть (Ш, 495)
358. Проже(и, о)гъ (Ш, 501)
359. Прожи(е, о)ръ (Ш, 501)
360. Прока(о)ймить (Ш, 505)
361. Прора(о)сти (Ш, 524)
362. Притаи(е)вать (Ш, 466)
363. Пѣ(е)няжникъ (Ш, 571)
364. Раввинъ либо равинъ (IV, 2)
365. Разбѣгаться, съ разбѣгу или *сразбѣгу* (IV, 12)
366. Разра(о)стися (IV, 41)
367. Разрѣ(е)шетить (IV, 43)
368. Разселина, *разсѣлина* (IV, 45)
369. Расклег(к)тался (IV, 61)
370. Распрѣ(е)ние (IV, 71)
371. Расти или *рости* (IV, 76)
372. Растить, *ростить* (IV, 77)
373. Ра(о)щенье (IV, 77)
374. Рейсфедеръ, *рийсфедеръ* (IV, 91)
375. Решетка или *рѣшетка* (IV, 95)
376. Роба, стар. *раба* (IV, 98)
377. Ровнина, *равнина* (IV, 99)
378. Рѣ(е)звины [носилки для сѣна] (IV, 122)
379. Рѣзчикъ, *рѣщикъ* (IV, 123)
380. Рѣшето, см. *решето* (IV, 125)
381. Распрѣ(е)ние (IV, 71)
382. Саленгъ или *салингъ* [морск., вторая площадка мачты] (IV, 132)
383. С(ъ)арканить (IV, 141)
384. Сарога, *сорога* [плотва] (IV, 141)
385. Сбоку, *съ боку* (IV, 144)
386. Свирель (для чего *свирѣль?*) (IV, 153)
387. Сгорать, см. *сгарать* (IV, 168)
388. Сед(ь)мой (IV, 173)
389. Секе(ѣ)ра (IV, 175)

390. Серга, *серьга* (IV, 178)
391. Серебре(я)ный (IV, 179)
392. Сирѣчь, см. *сиречь* (IV, 192)
393. Скара, *скора* [шкура] (IV, 197)
394. Скобчикъ, *скопчикъ, коб(н)чикъ* [ястребокъ-перепелятникъ] (IV, 205)
395. Скрепуха? (вероятно *скрѣ-* или *скры-*), [раст. *Sterpis*] (IV, 213)
396. Снѣтъ (*снѣдь?*, *снеть?*), [доска] (IV, 256)
397. Соще(и)кать [срѣзать ножницами] (IV, 292)
398. Соще(и)кнуть (IV, 292)
399. Соянъ, *саянъ* [стар. родъ верхн. женск. одежды] (IV, 292)
400. Сра(о)щать (IV, 311)
401. Сро(а)щенье (IV, 311)
402. Ста(о)гачка? [кукушкины слезки] (IV, 321)
403. Стишь или *стижь* [офенск., вошь] (IV, 333)
404. Стре(и)кунъ [раст. *Limosella aguetika* - лужайникъ] (IV, 346)
405. Стрѣха, см. *стреха* (IV, 354)
406. Субота или црк. *суббота* (IV, 361)
407. Сурма, *сурьма* (IV, 371)
408. Сунодъ и пр. см. *синодъ* (IV, 393)
409. Телега, *телѣга?* (IV, 406)
410. Телѣга, см. *телега* (IV, 406)
411. Темнед(т)ь [отсутствіе свѣта] (IV, 407)
412. Темьянъ и *тиміанъ* (IV, 408)
413. Темя, *тѣмя* (IV, 408)
414. Теплед(т)ь [сильное тепло, жара] (IV, 409)
415. Тесьма или *тесма* (IV, 413)
416. То-есть, пишутъ *итоесть* (IV, 418)
417. Того, *тово* (IV, 420)
418. Тормаз(с)ь (IV, 430)
419. Торма(о)зить (IV, 430)
420. Точно, *тошто* (IV, 434)
421. Тсъ, *с-съ, ц-съ* (IV, 451)
422. Тфу, *тѣфу* (IV, 457)
423. Ть или *те* (IV, 460)
424. Тюр(ь)ма (IV, 463)
425. Увѣще(а)ванье (IV, 476)
426. Увѣще(а)вать (IV, 476)
427. Удв(о)аиванье (IV, 484)
428. Удв(о)аивать (IV, 484)
429. Укро(а)плять (IV, 498)
430. Улѣ(е)чить (IV, 503)
431. Упи(е)хать (IV, 515)
432. Упи(е)хнуть (IV, 515)
433. Упокое(и)вать (IV, 516)
434. Ураждать, см. *урождать* (IV, 521)

435. Успока(о)ивать, успокоить (IV, 516)
436. Уро(а)стать (IV, 522)
437. Уро(а)сти (IV, 522)
438. Урѣчище (*уречище*, отъ *урекать?*), [стар., урочище] (IV, 524)
439. Утаи(е)вать (IV, 533)
440. Утва(о)реніе (IV, 533)
441. Ухарскій (*ухорскій, ухо-парень*) (IV, 538)
442. Филладъ или *филадъ*[глиняный сланецъ] (IV, 550)
443. Фонарь, *фанарь* (IV, 552)
444. Хиусъ, *хиузъ* (IV, 563)
445. Хреб(п)тугъ [рѣдно въ родѣ простыни, которое извозчики привязываютъ къ приподнятымъ оглоблямъ для корму коне] (IV, 581)
446. Хрѣнь, *хрень* (IV, 583)
447. Хѣръ и пр. см.*херь* (IV, 586)
448. Цедулка, *цыдулка* (IV, 589)
449. Ценина, см.*цѣна* (IV, 590)
450. Ци(ы)нубель (IV, 591)
451. Цифра и пр. см.*цыфра* (IV, 591)
452. Цыжъ, см.*цижъ* (*цѣдить?*) (IV, 592)
453. Цырена, *цирена*[соловарная сковорода] (IV, 593)
454. Цѣвье или *цевье*(IV, 593)
455. Цѣ(е)вница (стар. црк., свирель (по слуху должно писать *цѣвка, цѣвница*)) (IV, 593)
456. Цята, *цата*[украшенія] (IV, 596)
457. Ча(е)крыжить (IV, 598)
458. Ча(е)пыжникъ [частый кустарникъ] (IV, 599)
459. Чеглокъ, *чоглокъ*[малый соколь, самецъ] (IV, 604)
460. Чего, см.*чтоичево* (IV, 604)
461. Челка (VI, 605) Чолка (VI, 628)
462. Черезъ или *чересъ* [кошель поясомъ, куда кладутъ деньги] (IV, 609)
463. Чернет(д)ь [цвѣтъ, краска] (IV, 613)
464. Чертъ, *чортъ* (IV, 615)
465. Чирей и *чирій* (IV, 624)
466. Чоботь, чеботъ (VI, 628)
467. Чопорный, чепорный (IV, 628)
468. Чорный, см. черный (IV, 628)
469. Шала(о)пайничать (IV, 638)
470. Шала(о)путь (IV, 638)
471. Ша(е)луга [округлая верхушка чего-либо] (IV, 638)
472. Шара(о)вары (IV, 641)
473. Шаровары, см.*шаравары* (IV, 641)
474. Шела(о)болка, см.*шалаболка* (IV, 646)
475. Ше(о)луди [сыпь] (IV, 647)
476. Ше(а)птала [сушеные персики] (IV, 648)
477. Шерохъ, *шорохъ* (IV, 648)
478. Шевъ и шовъ (IV, 655)

479. Шлюбка, *шлюпка* (IV, 659)
480. Шорохъ, шорошить, см. *шорохъ* (IV, 662)
481. Щанъ, *дщанъ* (IV, 671)
482. Щиколод(т)ка (IV, 677)
483. Щедушный, *тщедушный* (IV, 672)
484. Эвнухъ, ошибч., см. *евнухъ* (IV, 683)
485. Эктенія, см. *ектенія* (IV, 684)
486. Эпизотія, *эпизоотія* [повальная болезнь] (IV, 685)
487. Юбка, *юпка* (IV, 687)
488. Яжевика, см. *ежевика* (IV, 694)
489. Яралашъ, см. *ералашъ* (IV, 699)
490. Яргакъ, см. *ергакъ* (IV, 699)
491. Ярлыкъ, *ерлыкъ* (IV, 699)
492. Ях(д)гашъ (IV, 703)
493. Впархъ, *ипархъ* (IV, 704)
494. Впатья, *ипатъ* (IV, 704)
495. Вподіаконъ, *иподіакон* (IV, 704)
496. Впостась, *ипостась* (IV, 704)

**Орфографическая вариативность рубежа XIX–XX веков по данным
«Справочного указателя спорных написаний в русской орфографии»**

В. Разыграева

1028 единиц

1. Абонементъ, абониментъ	36. Банщикъ, баньщикъ
2. Авдотья, Овдотья	37. Барышень, барышень
3. А(а)вгустъ, -овскій	38. Басурманъ, босурманъ
4. Аггей, Аггѣй	39. Баталіонъ, батальонъ, батальионъ
5. Адрианъ, Андреянъ	40. Бахрама, бахрома
6. Адъютантъ, адъютантъ	41. Бедреный, -енный, -яный
7. А(а)кадемія, -микъ, - мическій	42. Безмень, безмѣнь
8. Аладья, оладья	43. Безыменный, безымянный
9. Алгебраическій, алгебрическій	44. Белена, белѣна
10. Алена, Олена	45. Беремечко, беремячко
11. Алифа, олифа	46. Биліардъ, биллиардъ, бильярдъ
12. Алое, алоэ	47. Близь, близъ
13. Алтарь, олтарь	48. Богадельня, богадѣльня, богодѣльня
14. Алфей, Алѳей	49. Б(б)ожій
15. Альфавить, алфавить	50. Бокаль, покаль
16. Амплей, Амплій	51. Болгаре, болгары
17. Амуниція, аммуниція	52. Боле, болѣ
18. А(а)нгличанинъ, -ане, -ліскій	53. Ботвинье, ботвиньи
19. Анисимъ, Онисимъ	54. Боченокъ, бочонокъ
20. Анненька, Аннинька	55. Бояра, бояре, бояры
21. Ануфрій, Онуфрій	56. Бранчливый, бранчивый
22. А(а)прѣль, -льскій	57. Браный, бранный
23. Аржаной, оржаной, ржаной	58. Брей, -ею, -еешь, брѣй, -ѣю, -ѣешь
24. Армяжный, армячный	59. Бренчать, брянчать
25. А(а)рифметика	60. Бриллиантъ, брильянтъ
26. А(а)рхимандрить	61. Британія, Британнія
27. Асесоръ, ассессоръ	62. Брюжжать, брюзжать
28. Астафій, Остафій	63. Будочникъ, буточникъ
29. Атрибутъ, аттрибутъ	64. Буднешній, буднишній
30. Афины, Аѳины	65. Бульіонъ, буліонъ, бульонъ
31. Афросинья, Офросинья, Ефросинія	66. Бунчужный, бунчучный
32. Баіона, Байона	67. Бухарестъ, Бухурешти, Букурешти
33. Баклага, боклага	68. Бъ, бы, -бъ, -бы
34. Баклажка, баклашка	69. Бы-то, бы то
35. Баламутить, баломутить	70. Бѣжма, бѣжмя

71. Бѣленькій, бѣленькой
72. Бѣлечій, бѣличій
73. Б(б)ѣлорусскій
74. Валлійскій, вельссскій
75. Варевѣ, вариво
76. Вареньце, вареньице
77. Васенька, Васиенька
78. Ватрушка, вотрушка
79. Вблизи, въ близи
80. Вверху, -ѣ, внизу, -ѣ,
81. Въ сторону, -ѣ
82. Вдребезги, въ дребезги
83. Веко, вѣко
84. Векша, вѣкша
85. Ветчина, вядчина
86. Вече, вѣче
87. Взбалмочный, взбалмошный
88. Видень, видѣнь
89. Владимірѣ, Владиміръ
90. Вмигѣ, въ мигѣ
91. Вмѣру, въ мѣру
92. Вначалѣ, въ началѣ
93. Вовремя, во-время
94. Вожатой, вожатый, вожатай
95. Вожжа, возжа
96. Возместить, -мешать, возмѣстить,
-мѣщать
97. Возьмемѣ, Возмемѣ
98. Впервыхѣ, вовторыхѣ, втретьихѣ,
99. Во первыхѣ, во вторыхѣ, во-первыхѣ, во-
вторыхѣ, въ-третьихѣ
100. Восемнадцатый, осьмнадцатый
101. Восемѣ, осемѣ
102. В(в)остокѣ
103. Вполовину, въ половину
104. Впользу, въ пользу
105. Впотѣмахѣ, въ потѣмахѣ
106. Впослѣдствіи, въ послѣдствіи
107. Впотемкахѣ, въ потемкахѣ
108. Вправѣ, въ правѣ
109. Впросакѣ, въ просакѣ
110. Врасполохѣ, въ располохѣ
111. Врачѣ, врачѣ
112. Временечисленіе, времяисчисленіе,
113. Времечко, времячко
114. Все-таки, все таки
115. Вслѣдствіе, въ слѣдствіе
116. Всмятку, въ смятку
117. Встарину, въ старину
118. Всякій, всякой
119. Второпяхѣ, въ торопяхѣ
120. Втридорога, въ-три-дорога
121. Втуне, втунѣ
122. Выдти, выйти ,
123. Выкалачивать, выколачивать
124. Вымалачивать, вымолачивать
125. Вымечко, вымячко
126. Вѣденіе, Вѣдѣніе
127. Вѣнцемѣ, Вѣнцомѣ
128. Вѣтреница, вѣтряница
129. Вѣтреныи, Вѣтрыныи, -нныи
130. Галдѣтъ, голдѣтъ, -ить
131. Галичій, галочій
132. Галоша, калоша
133. Галстукѣ, галстухѣ
134. Гарать, горать
135. Гарцевать, гарцовать
136. Гатчина, Гатчино
137. Гауптъ-вахта, гауптвахта
138. Гдѣбѣ, гдѣбы, гдѣ бѣ, гдѣ бы
139. Г(г)енварѣ, -рскій
140. Г(г)енералѣ, -льскій, -льша
141. Генуа, Генуя
142. Генуэскій, генуэзскій, генуезскій, гену-
эссскій
143. Г(г)еографія
144. Г(г)имназія
145. Гнести, гнѣсти
146. Гордей, Гордѣй, Гордій
147. Гордецевѣ, -емѣ, гордецовѣ, -омѣ
148. Гордій, Гордѣй
149. Горма, гормя
150. Горючѣ, горючѣ
151. Гостиница, -инныи, -инная; гостинница, -
инныи, инная
152. Гофѣ-интендантѣ, гофинтенданитѣ
153. Г(г)убернаторѣ, -рша, -рскій
154. Гульливый, гулливый, гуливый
155. Гуль-гуль; гуль, гуль
156. Грамата, грамота, граммата

157. Грамотей, граматей
158. Г(г)рафъ, -иня, -фскій
159. Греколатинскій, греко-латинскій
160. Гребешекъ, гребешокъ
161. Г(г)рекъ, -и, -еческій
162. Гречиха, -ечневый, грѣчиха, грѣчневый
163. Гречь, Гречь
164. Громаздить, громоздить
165. Г(г)рузины, -нскій
166. Гусъ, гуситы, гусситы
167. Грѣшекъ, грѣшокъ
168. Даве, давя, давѣ, дави
169. Давеча, давича, давѣча, давяча
170. Давешній, давишній
171. Давидъ, Давыдъ
172. Далѣ, далѣ
173. Данила, Данило
174. Двадцать-одинъ, двадцать-первый
175. Двадцать одинъ, двадцать первый
176. Двенадцать, двѣнадцатъ
177. Двух-сотъ, двухсотъ, двухъсотъ
178. Двухъэтажный, двухэтажный, двухъ-этажный
179. Двѣстипервый, двѣсти первый
180. Д(д)екабрь, -рскій, рьскій
181. Денщикъ, деньщикъ
182. Деньженки, деньжонки
183. Деревяжка, Деревяшка
184. Дилетантъ, дилеттантъ
185. Димитрій, Дмитрій
186. Динь-динь, динь, динь
187. Дира, дыра
188. Диравый, Дырявый
189. Діаволь, дьяволь
190. Діаконъ, дяконъ
191. Діета, діэта
192. Дмитрій-Грозныя очи, Дмитрій грозныя очи
193. Днешній, днишиій
194. Догарать, догорать
195. Дожджикъ, дозжикъ, дождикъ
196. Дождь, дождь, дождь
197. Доносчикъ, донощикъ
198. Достоень, достоинъ
199. Дотла, до тла
200. Д(д)ревнеславянскій, Д(д)ревне-С(с)лавянскій
201. Дрожди, дрожжи
202. Дружекъ, дружокъ
203. Дубрава, дуброва
204. Дупластый, дуплистый
205. Душей, душой
206. Дышать, дышуть
207. Дышешь, дышишь
208. Дѣванька, дѣвонька, дѣвынька
209. Дѣвченка, Дѣвчонка
210. Ева, Ева
211. Е(е)врей, -ей, -ейскій
212. Евсигней, Евстигней, Евстигнѣй
213. Евсеевъ, Евсѣевъ
214. Езуитъ, іезуитъ
215. Эй !эй !
216. Екатерина, Катерина
217. Элементъ, элементъ
218. Елизавета, Лизавета, Елисавета
219. Елисей, Елисей
220. Епанча, японча
221. Епархія, эпархія
222. Епитимія, епитимья
223. Еремей, Еремѣй
224. Ерусалимъ, Іерусалимъ
225. Еслибы, еслибъ, если бы, если бь
226. Естьли, если
227. Есфирь, Эсфирь
228. Жалейка, желейка
229. Жданный, Жданно
230. Железа, желѣза
231. Желейка, жалейка
232. Желобъ, жолобъ
233. Желтый, жолтый
234. Желудь, жолудь
235. Желчь, жолчь
236. Женить, женить
237. Женидьба, женитьба
238. Жены, жоны
239. Жесткій, -кнутъ, жосткій, -кнутъ
240. Живете, живѣте
241. Ж(ж)идъ, -ы, -овскій
242. Жребей, жребій
243. Жь, жь

244. Завтрашній, завтрешній
245. Завѣдующій, завѣдывающій
246. Заграница, за границу, -цей
247. Задохлый, затхлый
248. Заецъ, заяць
249. Закаулокъ, закоулокъ
250. З(з)аконъ Б(б)ожій
251. Заматерѣлый, замоторѣлый
252. Замужество, замужество
253. Занавѣсъ, занавѣсъ
254. З(з)ападъ
255. Зарабатывать, зарабатывать
256. Затмевать, -еніе, затмѣвать, -ѣніе
257. Зато, за то
258. Збруя, сбруя
259. Званный, званый
260. Звѣрекъ, Звѣрокъ
261. Здравомыслящій, здраво мыслящій
262. Зеленщикъ, зеленьщикъ
263. Земленистый, землянистый
264. Змея, змій, змѣя
265. Игрушекъ, игрокъ
266. Идти, ити, ити
267. Извозчикъ, извощикъ
268. Изморозь, измѣрось
269. Изострить, изошрить
270. Изъанъ, изьянъ
271. Иларіонъ, Ларіонъ, Илларионъ (пишутъ и такъ)
272. Именины, имянины
273. Имечко, имячко
274. Имѣньеце, имѣныце
275. Индевѣтъ, иневѣтъ, индивѣтъ
276. Индейскій, индѣйскій
277. И(и)ндусъ, -ы, -скій
278. Индѣйцы, индѣйцы
279. Иноземцевъ, иноземцовъ
280. Искуство, искусство
281. Истаевать, истаивать, истаявать
282. Исторіографъ, исторіографъ
283. И(и)сторія
284. Итакъ, и такъ
285. Итальянскій, итальянскій
286. Ихній, ихній
287. Иакинфъ, Иоакимъ
288. Иевлевичъ, Иовлевичъ
289. Иезуитъ, езуитъ
290. Иерусалимъ, Ерусалимъ
291. Йоркъ, Йоркъ
292. Иосифъ, Осипъ
293. І(і)юль, -льскій
294. І(і)юнь, -ньскій, -нскій
295. Йоркъ, Йоркъ
296. Кавыль, ковыль
297. К(к)адетскій К(к)орпусъ
298. Казакъ, козакъ
299. Казовый, хазовый
300. Каймлю, каймо
301. Калачъ, колачъ
302. Каламянка, Коломянка, коломенокъ
303. Калбаса. колбаса
304. Калека, калика, калѣка
305. Каленкоръ, коленкоръ
306. Калифъ, халифъ
307. Калоша, халоша
308. Камерлакей, -пажъ, -тонъ,
309. Камерлакей, камеръ-лакей
310. Камешекъ, камушекъ
311. Канделябръ, канделябръ
312. Кондитеръ, кондитеръ, кондиторъ
313. Канура, конура
314. Канфорка, конфорка, камфорка
315. Капетолина, Капитолина
316. Каравай, коровай
317. Карачунъ, корочунъ
318. Карга, корга
319. Кардамонъ, кардамонъ
320. Карикатура, карриатура
321. Касатка, косатка
322. Кастить, костить
323. Каурка, коурка
324. Качанъ, кочанъ
325. Киотъ, кіотъ
326. Кирила, Кирилль
327. К(к)ириловскій, К(к)ирилловскій
328. Кись-кись, кисъ кисъ
329. К(к)лассическая Г(г)имназія
330. Клеймлю, клеймо
331. Клетски, клецки
332. Клиентъ, клієнтъ

333. Клирось, крылось
334. Клюквенный, клюквяный, -нный
335. Ключемь, ключомь
336. К(к)нязь, -яжна, яжескій
337. Койгдѣ, кой-гдѣ
338. Кое-что, коечто
339. Козьма, Косьма, Кузьма
340. Колодезь, колодязь, колодець
341. Колѣна, колѣни
342. Коммисія, комиссія, комисія
343. компаніонь, компаньонь
344. Копейка, копѣка
345. Коридорь, корридорь
346. Корифей, кориѳей
347. Косятчатый, косяцатый
348. Кофей, кофій
349. Кочадынъ, кочедынъ
350. Кочарыга, кочерыга
351. Кочашокъ, кочешокъ
352. Кошачій, кошечій
353. Крашекъ, краишекъ
354. Крапива, кропива
355. Крисанфъ, Хрисанфъ
356. Крейсеровать, крейсировать
357. Кресчендо, крешендо, крешчендо
358. Крехтенъ, кряхтеть
359. Крилья, крылья
360. Кринка, крынка
361. Кроветеченіе, кровотеченіе
362. Кросна, кросно, кросны
363. Крошево, крошиво
364. Кружево, круживо
365. Кружекъ, кружокъ
366. Крючекъ, крючокъ
367. Кряду, къ ряду
368. Кудрявцевъ, Кудрявцовъ
369. Куличекъ, куличокъ
370. Куманекъ, кумонекъ
371. Купель, купѣль
372. Купріанъ, Кипріанъ
373. Куралесить, куролесить
374. Курила, курило
375. Кухонь, кухонъ
376. Лазать, лазить
377. Лакать, локать
378. Лапта, лопта
379. Лапухъ, лопухъ
380. Латинскій, латынь
381. Лаханъ, лоханъ
382. Лгунишка, лгунишко
383. Лебедь, лебидь
384. Легавый, лягавый
385. Ледащій, лядащій
386. Лезвее, лезвіе
387. Лекаръ, -арство, лѣкаръ, -арство
388. Лепеха, лѣпеха
389. Леса, лѣса
390. Лисичій, лисячій
391. Лице, -емь, лицо, -омь
392. Л(л)омоносовскій
393. Попасть, лопость
394. Лосось, лосось
395. Лужень, лужокъ
396. Лѣкари, лѣкаря
397. Лѣстница, лѣсница
398. Людмила, Людмила
399. Лягавый, легавый
400. Лядащій, ледащій
401. Матарычъ, моторычъ
402. Могометъ, Мухаммедъ, Мохаммедъ
403. Мадридъ, Мадритъ
404. Мадридскій, мадритскій
405. Маетникъ, маятникъ
406. Маіоръ, майоръ
407. М(м)ай, -йскій
408. Макать, мокать
409. Маланья, Меланья
410. Маленькій, маленькой
411. Малозначащій, малозначащій
412. Малолѣтній, малолѣтній
413. Мало-помалу, мало помалу
414. Мальбреть, мольберть
415. Мальчишка, мальчишко
416. Маменька, маминька
417. Машенька Машинька
418. Мантуа, Мантуя
419. М(м)артъ, -овскій
420. М(м)асленица, масленица, масляница
421. Массильонъ, Массльонъ
422. Масштабъ, маштабъ

423. Матвей, Матвѣй, Матвѣй, Матѣй
424. М(м)ать-сыра земля
425. Масштабъ, масштабъ
426. Мачеха, мачиха
427. Маятникъ, маетникъ
428. Медаліонъ, медальонъ, медальіон
429. Мезга, мязга
430. Меланья, Маланья
431. Мелево, меливо
432. Мелко-намелко, мелко намелко
433. Мелузга, мелюзга
434. Мель, мѣль
435. Мельчить, мелчить
436. Мене, тенѣ
437. Метель, -ица, мятель, -ица
438. Мечемъ, мечомъ
439. Миліонъ, милліонъ, мильонъ
440. Милосердный, милосердый
441. Милостливъ, -ый, милостивъ, -ый
442. Міръ, миръ
443. Михайла, Михайло
444. Михей, Михѣй
445. Могорычъ, магарычъ
446. Можетъ-быть, можетъ-статься,
447. Можетъ быть, можетъ статься
448. Мокредъ, мокретъ
449. М(м)осквичъ, -сковскій
450. Мужичекъ, мужичокъ
451. Мужчина, муцина
452. Мундштукъ, мунштукъ
453. Мышенокъ, мышонокъ
454. Мѣль, мель
455. Мѣняла, мѣняло
456. Мѣшокъ, мѣшекъ
457. Мягче, мягше
458. Мязга, мезга
459. М(м)ясоѣдъ
460. Мятель, метель
461. Навожденіе, наважденіе
462. Навзничъ, навзничъ
463. Навстрѣчу, на встрѣчу
464. Навѣкъ, на вѣкъ
465. Навѣрное, на вѣрное
466. Нагая, -айцы, нога, -айцы
467. Нагайка, ногайка
468. Нагарать, нагорать
469. Наканунѣ, на канунѣ
470. Налицо, на лицо
471. Немелко, не мелко
472. Намѣреваться, намѣриваться
473. Намѣсто, на мѣсто
474. Наполовину, на половину
475. Напользу, на пользу
476. Напримѣръ, на примѣръ
477. Наравнѣ, на равнѣ
478. Наскоро, на скоро
479. Настасья, Анастасія
480. Насчастье, на счастье
481. Насчетъ, на счетъ
482. Насѣсть, насѣсть, нашестъ, нашестъ
483. Наудачу, на удачу, на-удачу
484. Невдалекѣ, не вдаль
485. Невидящій, не видящій
486. Невнятно, не внятно
487. Невозможно, не возможно
488. Невовсе, не вовсе
489. Неполнѣ, не полнѣ
490. Невыразимая, не выразимая
491. Невѣдь, не вѣдь
492. Невѣжда, невѣжа
493. Недоступнаго, не доступнаго
494. Нежертвовавшій, не жертвовавшій
495. Незаслуживающій, не заслуживающій
496. Нездоровится, не здоровится
497. Неизвѣстно, не извѣстно
498. Неидетъ, неиметь, не идетъ, не имеетъ
499. Некаться, нѣкаться
500. Некстати, не кстати
501. Некуда, не куда
502. Некчему, не къ чему
503. Нелегко, не легко
504. Нельзя, не лъзя
505. Нелюбящій, не любящій
506. Немаловаженъ, не маловаженъ
507. Немногіе, не многіе
508. Неоднократно, не однократно
509. Неотличавшіеся, не отличавшіеся
510. Неохотно, не охотно
511. Не при чемъ, непричемъ
512. Непріятное, не пріятное

513. Неприходимыхъ, не проходимыхъ
514. Нерѣдко, не рѣдко
515. Нескоро, не скоро
516. Несносное, не сносное
517. Несогласную, не согласную
518. Нестерпимъ, не стерпимъ
519. Нестоящіе, не стоящіе
520. Нетрудно, не трудно
521. Неударяемыхъ, не ударяемыхъ
522. Неудачно, не удачно
523. Неудовлетворительнымъ, не удовлетво-
рительнымъ
524. Неужели, не ужели
525. Неупотребительнымъ не употребитель-
нымъ
526. Нечего, не чего
527. Не что иное, ничто иное
528. Нечувствителенъ, не чувствителенъ
529. Неясное, не ясное
530. Нибудь, ни будь
531. Никакой, ни какой
532. Никифоръ, Никиѳоръ
533. Никоторый, ни который
534. Ничто иное, не что иное
535. Нимало, ни мало
536. Ни-на-есть, ни на есть
537. Ниодинъ, ни одинъ
538. Нипочемъ, не почемъ
539. Ни при чемъ, не причемъ
540. Нисколько, ни сколько
541. Ножемъ, ножомъ
542. Нойма, ноймя
543. Номеръ, нумеръ,
544. Нонче, нынче, нынче
545. Нынеча, нынѣча, нынича
546. Норманскій, финскій, норманны, финны
547. Н(н)оябрь, -рскій, -рьскій
548. Нѣметчина, нѣмечина
549. Н(н)ѣмецъ, -мцы, -цкій
550. Няньчить, нянчить
551. Обезсмертю, обезсмерчу
552. Обоихъ, обѣихъ
553. Обрабатывать, обработывать
554. Обрзцевъ, -емъ, образцовъ, -омъ
555. Образчикъ, обрацикъ
556. Обтъ, оттъ
557. Объярь, объярь
558. Обѣихъ, обоихъ
559. Огнедыщащій, огнедыщущій
560. Одни, однѣ
561. Околодокъ, околотокъ
562. О(о)ктябрь, -рскій, -рьскій
563. Ономеднишній, -дняшій, -днешній
564. Онѣ, они
565. Онѣга, Онега
566. Опорачивать, опорочивать
567. Орфей, Орѳей
568. Осердчать, осерчать
569. осмѣвать, осмѣивать
570. Оставъ, остовъ
571. острее, остріе
572. Осьмуха, осмуха
573. Отверзтіе, -зтый, отверстіе, -стый
574. Отнюдь, отнюдь
575. Отгаевать, отгаивать, отгаывать
576. Оттого, отъ того
577. Отцевъ, -емъ, отцовъ, -омъ
578. Отчаеваться, отчаиваться, отчаяваться
579. О(о)фицеръ, -ра, -ры
580. Официальный, офіціальный, оф-
фиціальный
581. Охтенскій, охтинскій
582. Павильонъ, павиліонъ, павильйонъ, па-
вильіонъ
583. Падежемъ, падежомъ
584. Падуа, Падуя
585. Палисадникъ, полисадникъ
586. Пантелеймонъ, Пантелимонъ
587. Папенька, папинька
588. Папильотка, папиліотка, папильйотка,
папильіотка
589. Паромъ, поромъ
590. Паскуда, поскуда
591. Пасмеце, пасмецо
592. Паспортъ, паипортъ
593. Пастила, постила
594. П(п)асха
595. Патапъ, Потапъ
596. П(п)атріархъ
597. Палагея, Палагѣя, Пелагея. Пелагѣя

598. Параскева, Парасковья
599. Пензенскій, пензинскій
600. Пенязь, пѣнязь
601. Пергамень, пергаминь, пергаментъ
602. Перевозчикъ, перевощикъ
603. Переписчикъ, перепищикъ
604. Перламутръ, перламуть, перломутръ
605. П(н)ерсъ, -ы, -сидскій, персіане, персіане
606. Пескаръ, пѣскаръ, пискаръ
607. Песокъ, пѣсокъ
608. Пестовать, -тунь, пѣствовать, -тунь
609. Пестредь, пестрядь
610. Петенька, Петинька
611. П(н)етербуржець, -жцы, -ргскій
612. Печеры, печоры
613. Пешня, пѣшня
614. Пискаръ (см. пескаръ).
615. Писцевъ, -емъ, -евый, писцовъ, -омъ, -овый
616. Піеса, пѣса
617. Плачь, плачь
618. Плень, плінь
619. Плесень, плѣсень
620. Плеча, плечи
621. Плѣнь, пленъ
622. Поболгарски, по-болгарски, по болгарски, по-Болгарски
623. По-вашему, по вашему
624. Повидимому, по видимому
625. Повчешашнему, по вчешашнему
626. По-грамматически, по грамматически
627. Поддѣячій, поддѣячей, подѣячій, подѣячій
628. Поденщикъ, поденьщикъ
629. Подлечать, подличать
630. Подорожникъ, поддорожникъ
631. Подчасъ, подъ часъ
632. Подчивать потчевать
633. Поддѣякъ, поддѣяк(он)ъ
634. Подѣячій (см. поддѣячій)
635. Поздно, позно
636. Поистинѣ, по истинѣ
637. Поихнему, по-ихнему, по ихнему
638. Покланяться, поклоняться
639. Полисадникъ, палисадникъ
640. Полицмейстеръ, полицеймейстеръ, полиціймейстеръ
641. Положенный, положонный, -онный
642. Поломя, полымя
643. Полотскъ, Полоцкъ
644. Полтора, полтретья, поларшина,
645. Полтора, поль-тора, польтретья
646. Поль-листа, поллиста
647. П(н)олякъ, -и, -льскій
648. Помалу, по малу
649. По-поему, по-нашему, по нашему, по моему
650. Поновому, по новому
651. Понынѣшнему, по нынѣшнему
652. Понѣмецки, по-нѣмецки, по нѣмецки, по Нѣмецки, по-Нѣмецки
653. Поправдѣ, по правдѣ
654. Попрежнему, по прежнему
655. Поромъ, паромъ
656. Поростшій, поросшій
657. П(н)ортугалъцы, -льскій
658. Порусски, по-русски, по русски, по Русски, по-Русски
659. Порутчикъ, поручикъ
660. Поскольку, по сколько
661. Посошекъ, посошокъ
662. Постарому, по старому, -ринному
663. По-твоему, по твоему
664. По-Ф(ф)ранцузски
665. Почему, по чему
666. Почтальонъ, почталіонъ, почтильонъ, почтальйонъ
667. П(н)равописаніе, -атель
668. Прежде, прежній
669. П(н)реполооженіе
670. Прибалтійскій, при-Балтійскій
671. Приказчикъ, прикащикъ
672. Прилежный, прилѣжный
673. Приморскій, при-морскій
674. Притоомъ, при томъ
675. Приучить, пріучить
676. Причемъ, при чемъ
677. Приэтомъ, при этомъ
678. Пріучить, приучить

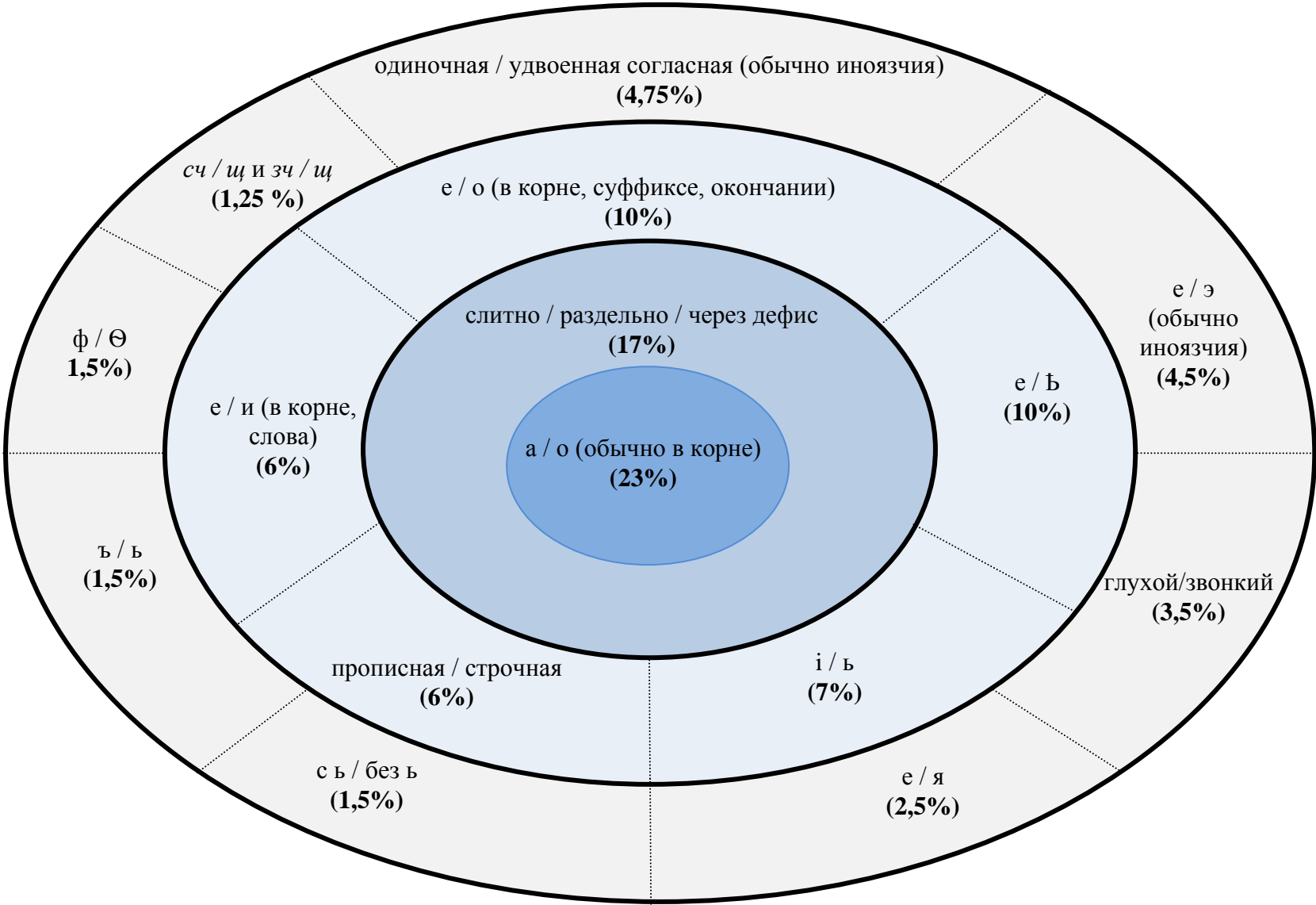
679. Пройдти, пройти
680. Прохлажаться, прохлаждаться
681. Пролубь, прорубь
682. Пропавший, пропавший
683. Проповѣдующій, проповѣдывающій
684. Прореха, прорѣха
685. Просвира, просфора
686. Простолюдимъ, простолюдинъ
687. Просто-напросто, просто напросто
688. Прохлажаться (см. проклаждаться)
689. Профессора, профессора
690. Прусакъ, пруссакъ
691. Прѣсенскій, прѣсинскій
692. Псалтирь, псалтырь
693. Пудингъ, пуддингъ
694. Пшениный, пшонный
695. Пѣсельникъ (пѣвецъ), пѣсенникъ
696. Пятитысячный, пяти тысячный
697. Пятиэтажный, -угольникъ, -аршинный,
698. Пятіаршинный, -угольникъ, -этажный
699. Пятью-стами, пятью стами, пятьюстами
700. Равесникъ, ровесникъ
701. Равнина, ровнина
702. Равнять, ровнять
703. Радиска, рѣдиска, редиска
704. Радионъ, *Иродіонъ*, *Родіонъ*
705. Раждать, рождать
706. Раздабары, раздобары, растобары, -
ривать, -рывать
707. Разивать, разѣвать, раззѣвать
708. Разорять, -еніе, -енный, раззорять, -
еніе, -енный
709. Разсѣваться, разсѣиваться, разсѣивать-
ся
710. Разсчесть, рассчесть, расчесть, расчесть
711. Раскаеваются, раскаяваются, раскаивать-
ся
712. Расти, -у, расти, -у
713. Растобарывать
714. Ращеніе, рощеніе
715. Ребенкоокъ, робенокъ
716. Редька, рѣдка
717. Ресница, рѣсница
718. Реторика, риторика
719. Рехнуться, ряхнуться
720. Решето, решетка, рѣшето, рѣшетка
721. Р(*p*)ижане, -нинъ, -жскій
722. Р(*p*)имлянинъ, -яне, -мскій
723. Рисковать, рысковать
724. Рожекъ, рожокъ
725. Рознь, розь
726. Росомаха, росомаха
727. Ростовцевъ, Ростовцовъ
728. Румяна, румяны
729. Ругма, ругмя
730. Румянцевъ, Румянцовъ
731. Руса, Русса
732. Рускій, русскій, Р(*p*)усскій, Р(*p*)усскій
Я(*я*)зыкъ
733. Рученка, ручонка
734. Сазонъ, -овъ, Созонъ, -овъ, созонтъ
735. Самсонъ, Самсонъ
736. Самцевъ, -емъ, самцовъ, -омъ,
737. Сантиментальный, сентиментальный
738. Сапожекъ, сапожокъ
739. Самъ-другъ, самъ-пять, самъшость,
740. Самъ другъ, самъ шость, самъ пять
741. Самъ-шесть, самъ шость
742. Сбруя, збруя
743. Сафронъ, -овъ, Софроній, -нъ
744. Свадьба, сватьба
745. Сверчекъ, сверчокъ
746. Свободномыслящій, свободно мыс-
лящій
747. Свояченица, свояченица
748. Свѣденіе, свѣдѣніе
749. С(*c*)вятки
750. Сегодняшній, сегодняшній, сего-
дняшній
751. Седьмой, седмой
752. Сейчасъ, сей часъ
753. С(*c*)енаторъ, -ать
754. С(*c*)ентябрь, -рскій, -рскій
755. С(*c*)ербы, -ъ, -скій
756. Сергей, Сергѣй, Сергій
757. Семиическій, симическій
758. Сентиментальный, сентиментальный
759. Сердчать, сердчать
760. Серебряный, серебрянный, -ен(н)ый
761. Серіозный, серьезный

762. Сермяга, *сьрмяга*
763. Сертукъ, *сьртукъ*
764. Сидачекъ, сидочокъ, *сьдочокъ*
765. Сидоръ, *Исидоръ*
766. Симическій, семическій
767. Сирѣчь, си-рѣчь
768. Склянка, *стклянка*
769. Скоро-наскоро, скоро наскоро
770. Скрипка, *скрыпка*
771. С(с)лавяне, -нинь, -янский
772. Сланецъ, *стланецъ*
773. Слезаньки (см. -аньк-).
774. Слюни, *слюны*
775. Смотрень, *смотренье, смотрѣнь, смотрѣніе*
776. Снетки, *снитки, снѣтки, снятки*
777. Снигирь, *снѣгирь*
778. Снурокъ, *шнурокъ*
779. Собща, *сообща*
780. Совершенноспокойный, совершенно спокойный
781. Совершенный, *совершонный*
782. Солнцецвѣтъ, *солнцопекъ*
783. Соломенный, *соломяный, -янный*
784. Сомневаться, *сомнѣваться*
785. *Сообща, собща*
786. Сорокадневный, -тысячный, -рублевый, -копеечный,
787. Соркодневный, -лѣтній, минутный, копеечный
788. Сосиська, *сосиска*
789. С(с)оставитель
790. Сочево, *сочиво*
791. Спеленанъ, *спеленатъ*
792. Спесивый, *спѣсивый*
793. Спринцевать, *шпринцевать, -овать*
794. Сразу, *съ разу*
795. Сряду, *съ ряду*
796. Стало-быть, *стало быть*
797. Стамезка, *стамеска*
798. Старичекъ, *старичокъ*
799. Старославянский, *старо-славянский, С(с)тарославянский*
800. Степанъ, *Стефанъ*
801. Стклянка, *склянка*
802. Сталнецъ, *сланецъ*
803. Стойма, *стоймя*
804. Столбъ, *столпъ*
805. Стора, *штора*
806. Стотысячный, *сто тысячный*
807. Стремечко, *стремячко*
808. Студировать, *штудировать*
809. Ступеньчатый, *ступенчатый*
810. Суббота, *субота*
811. Сузить, *съузить*
812. Сумасбродъ, *сумосбродъ*
813. сумасшедшій, *сумосшедшій, сумашедшій*
814. Суматоха, *сумотоха*
815. Сумерекъ, *сумерокъ*
816. Сумѣтъ, *съумѣтъ*
817. Сурпризь, *сьрпризь*
818. Сурьма, *сьурьма*
819. Сушоный, *сушенный*
820. Суэсъ, *Суецъ*
821. Суэзскій, *суецкій, суэсскій, суэцкій*
822. Сфера, *сѳера*
823. Счастіе, *щастіе*
824. Съ-узить, *съумѣтъ, сузить, сумѣтъ*
825. Сшиблень, *сшибень*
826. С(с)ѳверъ
827. Сѣдочокъ (см. сидачекъ).
828. Сѣмечко, *сѣмячко*
829. Сѣрмяга, *сермяга*
830. Сѣрпризь, *сьрпризь*
831. Сѣртукъ, *сьртукъ*
832. Сѣрьма, *сьурьма*
833. Таварищъ, *товарищъ*
834. Таже, *та же, та-же*
835. Также, *такъ же, такъ-же*
836. Такъ-какъ, *такъ какъ*
837. Талантъ, *таланъ*
838. Талія, *талья*
839. Танцевать, *танцовать*
840. Татаре, *татары, татара*
841. Т(т)атаринъ, -ры, -рскій
842. Тащешъ, -еть, *тащишь, -ить*
843. Тварогъ, *творогъ*
844. Те, тѣ, *ти*
845. Тема, *тѣма*

846. Темечко, темячко
847. Темя, тѣмя
848. Тетива, тятива
849. Т(т)ехническое У(у)чилище,
850. Т(т)ехническое О(о)бщество
851. Ти (см. те)
852. Тканый, тканый
853. Ткешъ, тчешъ, точешъ
854. Тма, тмущій, тьма, тьмущій
855. Тмутораканъ, Тмутороканъ
856. Товарищъ, таварищъ
857. То-есть, то есть
858. Тождество, тожество
859. Тоже, то же, то-же
860. Тормазь, тормозъ, тормасъ
861. Тотчасъ, тотъ часъ
862. Точвточъ, точъ-въ-точъ, точъ въ точъ
863. Точево, точиво
864. Точешъ (см. ткешъ).
865. Треніе, трѣніе
866. Три-ста, три ста, триста
867. Трупореховатый, трупоріъховатый
868. Трѣніе, треніе
869. Т(т)уръ-З(з)олотые рога,
870. Туръ золотые рога
871. Тчешъ (см. ткешъ).
872. Тщедушный, щадушный
873. Тьма, тьмущій, тмущій
874. Тѣ (см. те).
875. Тѣже, тѣ же, тѣ-же
876. Тѣмя, темя
877. Тѣма, тема
878. Тюрма, тюрьма
879. Тятива, тетива
880. Увѣщаваю, увѣщеваю
881. Удаеться, удаться
882. Ужъ, ужъ
883. Уздцы, устцы
884. Украина, украйна
885. У(у)ниверситетъ
886. У(у)нтеръ-О(о)фицеръ
887. Уполномачивать, уполномочивать
888. Усомниться, усумниться
889. Успокаивать, успокоивать
890. Устцы, уздцы
891. Устьеце, устьеце
892. Утаевать, утаивать
893. Утонченный, утонченный
894. Утрешній, утрошній
895. У(у)чилище
896. Учители, учителя
897. Фаддей, Фаддѣй
898. Фамилярный, фамильярный
899. Ф(ф)евраль, -льскій
900. Февронья, Хавронья
901. Фелльдшеръ, фершель
902. Фемистокль, Фемистокль
903. Феодора, Федора
904. Феодосій, -сія, Феодосій, -ся
905. Феодотъ, Федотъ
906. Феодуль, -ла, Федуль, -ла
907. Феофанъ, Феофанъ
908. Фершель, фельдшеръ
909. Фивы, Фивы
910. Филиль, Филиппъ
911. Ф(ф)илологъ
912. Ф(ф)иникияне, -кійскій
913. Финикияне, финикияне
914. Фіона, Хіонія
915. Флоръ, Фроль
916. Фоминична, Фоминишна, Ильинич(ш)на,
Кузьминич(ш)на, Никитич(ш)на
917. Форейторъ, форрейторъ, форрейтеръ
918. Фортепіано, фортопіано
919. Фракія, Фракія
920. Ф(ф)ранцузъ, -ы, -зскій
921. Хавронья, Февронья
922. Хазовый, казовый
923. Халифъ, калифъ
924. Херъ, хіръ
925. Хіонія, Фіона
926. Хлѣбешко, хлѣбишко
927. Хмель, хмѣль
928. Х(х)орутане, -анскій
929. Хрестоматія, хрестоматія
930. Хрисанфъ, Крисанфъ
931. Христарадничать, христарадничать
932. Христіане, христіане
933. Х(х)ристіанинъ, -ане, -анскій
934. Худенькій, худонькой
935. Цаловать, Цѣловать
936. Ц(ц)арь-Д(д)ѣвица
937. Ц(ц)арь, -ица, -ревна, -рскій
938. Цевница, цѣвница

939. Цензоръ, ценсоръ
940. Цехъ, цѣхъ
941. Церковнославянскій, церковно-славянскій
942. Цифра, -ы, циферблатъ, цыфра, цыфер-
блатъ
943. Цыгане, цыганы
944. Ц(ц)ыганы, -нскій
945. Цыпь-цыпь, цыпь цыпь
946. Цырульникъ, цырюльникъ
947. Цаловать, цѣловать
948. Чакрыжить, чекрыжить
949. Чапракъ, чепракъ
950. Чапыжникъ, чепыжникъ
951. Чахвостить, чехвостить
952. Чахоль, чехоль
953. Чеботы, чоботы
954. Челнь, чолнь
955. Чепорный, чопорный
956. Чепыжникъ, чапыжникъ
957. Червячекъ, червячокъ
958. Черемуха, черемха
959. Черкашенка, черкешенка
960. Ч(ч)еркесь, -ы, -скій
961. Чернавка, чернявка
962. Чернедь, чернядь, чернетъ
963. Черный, чорный
964. Черствый, чорствый
965. Чертъ, чортъ
966. Чесменскій, чесминскій
967. Четырехсотый, четырехъ сотый, четы-
рехъ-сотый
968. Ч(ч)ехъ, -ешскій
969. Чечероне, чичероны
970. Чирей, чирѣй
971. Чисто-условный, чисто русскій
972. Чтоже, что же, что-же
973. Чучела, чучело
974. Шавка, шафка
975. Шалапай, шелапай, шалопай
976. Шалапутъ, шалопутъ
977. Шальливый, шалливый
978. Шампинионъ, шампиньонъ, шампиньонъ
979. Шаптала, шептала
980. Шаравары, шаровары
981. Шарамыга, шаромыга, шеромыга
982. Шарнеръ, шарниръ, шалнеръ
983. Шаршавый, шершавый
984. Шатскъ, Шацкъ
985. Ш(ш)ведъ, -ы, -скій
986. Шворень, шкворень
987. Шевъ, шовъ
988. Шекладъ, шоколадъ
989. Шелапай, шалапай, шалопай
990. Шелкъ, шолкъ
991. Шеломъ, шоломъ
992. Шель, шоль
993. Шепоть, шопоть
994. Шентала, шаптапа
995. Шеромыга (см. шарамыга).
996. Шерохъ, шорохъ
997. Шершавый, шаршавый
998. Шлагбаумъ, шлагъ-баумъ
999. Шкаль, шкафъ
1000. Шкворень, шворень
1001. Шкеры, шхеры
1002. Шкуна, шхуна
1003. Шнурокъ, снурокъ
1004. Щелкать, щолкать
1005. Ъздачекъ, Ъздочокъ
1006. Ъжьте, Ъшьте
1007. Эдакій, эдакой, этакій
1008. Эдакъ, этакъ
1009. Эй, ей
1010. Экзаменаторъ, экзаминаторъ
1011. Экій, экой
1012. Элементъ, элементъ
1013. Эпархія, епархія
1014. Эсфирь, Есфирь
1015. Этакій (см. эдакій).
1016. Этакъ, эдакъ
1017. Эти, этихъ, этимъ и пр. этѣ,
1018. этѣхъ, этѣмъ и пр.
1019. Ю(ю)гъ
1020. Юфтъ, юхтъ
1021. Явъ, явь
1022. Я(я)зыкознание
1023. Яйце, -емъ, яйцо, -омъ
1024. Я(я)нварь, -рскій, -ръскій
1025. Япанча, японча, епанча
1026. Ярманка, ярмонка, ярмарка, ярморка
1027. Яство, яства (единств. ч.)
1028. Ячьный, ячный

Структура и пределы орфографической вариативности рубежа XIX–XX веков

**Частотные экстраварианты
рубежа XIX–XX веков по данным
«Справочного указателя спорных написаний в русской орфографии»**

В. Разыграева

I. Слитно /раздельно / через дефис

1. Бъ, бы, -бъ, бы	36. Динь-динь; динь, динь
2. Бы-то, бы то	37. Дотла, до тла
3. Вблизи, въ близи	38. Д(д)ревнеславянскій, Д(д)ревне-
С(с)лавянскій
4. Вдребезги, въ дребезги	39. Еслибы, еслибъ, если бы, если бь
5. Вмигъ, въ мигъ	40. Заграница, за граница
6. Вмѣру, въ мѣру	41. Здравомыслящій, здраво мыслящій
7. Вначалѣ, въ началѣ	42. Итакъ, и такъ
8. Вовремя, во-время	43. Камерлакей, камеръ-лакей
9. Впервыхъ, вовторыхъ, втретьихъ	44. Кись-кись; кись, кись
10. Во первыхъ, во вторыхъ,	45. Койгдѣ бы, коечто; кой-гдѣ бы, кое-что
11. Во-первыхъ, во-вторыхъ, въ-третьихъ	46. Кряду, къ ряду
12. Вполовину, въ половину	47. Мало-помалу, мало помалу
13. Впользу, въ пользу	48. Мелко-намелко, малко намелко
14. Впотьмахъ, въ потьмахъ	49. Можетъ-быть, можетъ быть
15. Впослѣдствіи, въ послѣдстіи	50. Можетъ-статься, можетъ статься
16. Впотемкахъ, въ потемкахъ	51. Навстрѣчу, на встрѣчу
17. Вправѣ, въ правѣ	52. Навѣкъ, на вѣкъ
18. Впросакъ, въ просакъ	53. Навѣрное, на вѣрное
19. Врасплохъ, въ расплохъ	54. Наканунѣ, на канунѣ
20. Все-таки, все таки	55. Налицо, на лицо
21. Вслѣдствіе, въ слѣдствіе	56. Намелко, на мелко
22. Вмятку, въ мятку	57. Намѣсто, на мѣсто
23. Встарину, въ старину	58. Наполовину, на половину
24. Второпяхъ, въ торопяхъ	59. Напользу, на пользу
25. Втридорога, въ-три-дорога	60. Напримѣръ, на примѣръ
26. Гауптъ-вахта, гауптвахта	61. Наравнѣ, на равнѣ
27. Гдѣбы, гдѣ бы	62. Наскоро, на скоро
28. Гдѣбъ, гдѣ бь	63. Насчастье, на счастье
29. Гофъ-интендантъ, гофинтендантъ	64. Насчетъ, на счетъ
30. Гуль-гуль; гуль гуль	65. Наудачу, на удачу, на-удачу
31. Греколатинскій, греко-латинскій	66. Невдалекѣ, не вдальекѣ
32. Двадцать-одинъ, двадцать-первый; два-
дцать одинъ, двадцать первый	67. Невидящій, не видящій
33. Двухсотъ, двух-сотъ, двухъ сотъ	68. Невнятно, не внятно
34. Двухъ-этажный, двухэтажный	69. Невозможно, не возможно
35. Двѣсти стипервый, двѣсти первый	70. Невовсе, не вовсе
	71. Невполнѣ, не вполнѣ

72. Невыразимыя, не выразимыя
73. Невѣдь, не вѣдь
74. Недоступнаго, не доступнаго
75. Нежертвовавшій, не жертвовавшій
76. Незаслуживающій, не заслуживающій
77. Нездоровится, не здоровится
78. Неизвѣстно, не извѣстно
79. Неидеть, не идетъ
80. Неиметь, не иметь
81. Некстати, не кстати
82. Некуда, не куда
83. Некчему, не къ чему
84. Нелегко, не легко
85. Нельзя, не лъзя
86. Нелюбящій, не любящій
87. Немаловаженъ, не маловаженъ
88. Немногіе, не многіе
89. Неоднократно, не однократно
90. Неотличавшіеся, не отличавшіеся
91. Неохотно, не охотно
92. Непріятное, не пріятное
93. Непроходимыхъ, не проходимыхъ
94. Нерѣдко, не рѣдко
95. Нескоро, не скоро
96. Несносное, не сносное
97. Несогласную, не согласную
98. Нестерпимъ, не стерпимъ
99. Нестоящіе, не стоящіе
100. Нетрудно, не трудно
101. Неударемыхъ, не ударяемыхъ
102. Неудачно, не удачно
103. Неудовлетворительнымъ,
не удовлетворительнымъ
104. Неужели, не ужели
105. Неупотребительнымъ,
не употребительнымъ
106. Нечего, не чего
107. Нечувствителенъ, не чувствителенъ
108. Неясное, не ясное
109. Нибудь, ни будь
110. Никакой, ни какой
111. Никоторый, ни который
112. Нимало, ни мало
113. Ни-на-есть, ни на есть
114. Ниодинъ, ни одинъ
115. Нисколько, ни сколько
116. Оттого, отчего; отъ того, отъ чего
117. Поболгарски, по-болгарски,
по болгарски
118. По-вашему, по вашему
119. Повидимому, по видимому
120. Повчерашнему, по вчерашнему
121. По-грамматически, по грамматически
122. Подчасъ, подъ часъ
123. Поистинѣ, по истинѣ
124. Поихнему, по-ихнему, по ихнему
125. Полтора, поль-тора
126. Полтретья, поль-третья
127. Поллиста, поль-листа
128. Помалу, помалу
129. По-моему, помоему
130. По-нашему, по нашему
131. Поновому, по новому
132. Понынѣшнему, по ныншнему
133. Понѣмецки, по-нѣмецки, по нѣмецки
134. Поправдѣ, по правдѣ
135. Попрожнему, по прежнему
136. Порусски, по-русски, по русски
137. Поскольку, по сколько
138. Постарому, по старому
139. По-твоему, по твоему
140. Почему, по чему
141. Приморскій, при-морскій
142. Причемъ, при-чемъ
143. Приэтомъ, при этомъ
144. Пятитысячный, пяти тысячный
145. Пятиэтажный, пяти этажный
146. Пятиугольникъ, пяти угольникъ
147. Пятью-стами, пятью стами, пятьюста-
ми
148. Самъ-другъ, самъ другъ
149. Самъ-пять, самъ пять
150. Свободномыслящій, свободномыс-
лящій
151. Сирѣчь, си-рѣчь
152. Скоро-наскоро, скоро наскоро
153. Совершенноспокойный, совершенно
спокойный
154. Сразу, съ разу
155. Сряду, съ ряду

156. Стало-быть, стало быть
157. Старославянскій, старо-славянскій
158. Стотысячный, сто тысячный
159. Съ-узить, узить
160. Съ-умѣть, сумѣть
161. Таже, та же, та-же
162. Также, такъ же, такъ-же
163. Такъ-какъ, такъ какъ
164. То-есть, то есть
165. Тоже, то же, то-же
166. Точвточь, точь-в-точь, точь въ точь
167. Три-ста, три ста, триста
168. Тѣже, тѣ же, тѣ-же
169. Церковнославянскій, церковно-славянскій
170. Цыпь-цыпь; цыпь цыпь
171. Чтоже, что же, что-же

Ш. А / О

1. Авдотья, Овдотья
2. Аладья, оладья
3. Алена, Олена
4. Алифа, олифа
5. Алтарь, олтарь
6. Анисимъ, Онисимъ
7. Ануфрій, Онуфрій
8. Аржаной, оржаной
9. Афросинья, Офросинья
10. Бабонька, бабанька
11. Баклага, боклага
12. Баламутить, баломутить
13. Басурманъ, босурманъ
14. Бахрама, бахрома
15. Богадельня, богодѣльня
16. Ватрушка, вотрушка
17. Вожатой, вожатай
18. Выкалачивать, выколачивать
19. Вымалачивать, вымолачивать
20. Галдѣть, голдѣть
21. Грамата, грамота
22. Грамотей, грамотей
23. Громаздить, громоздить
24. Данила, Данило
25. Догарать, догорать
26. Дѣванька, дѣвонька

27. Кавыль, ковыль
28. Казакъ, козакъ
29. Калачь, колачъ
30. Каламянка, коломянка
31. Калбаса, колбаса
32. Каленкорь, коленкорь
33. Кандитеръ, кондитеръ
34. Канура, конура
35. Канфорка, конфорка
36. Каравай, коровай
37. Корачунь, корочунь
38. Карга, корга
39. Касатка, косатка
40. Кастить, костить
41. Каурка, коурка
42. Качань, кочань
43. Крапива, кропива
44. Кросна, кросно
45. Куманекъ, кумонекъ
46. Куралесить, куролесить
47. Курила, курило
48. Лакать, локать
49. Лапта, лопта
50. Лапухъ, лопухъ
51. Лгунишка, лгунишко
52. Лахань, лохань
53. Магарычъ, могорычъ
54. Макать, мокать
55. Мальчишка, мальчишко
56. Михайла, Михайло
57. Наважденіе, навожденіе
58. Нагай, -айцы; ногай, -айцы
59. Нагайка, ногайка
60. Нагарать, нагорать
61. Оставъ, остовъ
62. Палисадникъ, полисадникъ
63. Паромъ, поромъ
64. Паскуда, поскуда
65. Пастила, постила
66. Перламутръ, перломутръ
67. Покланяться, поклоняться
68. Равесникъ, ровеснакъ
69. Равнина, ровнина
70. Равнять, ровнять
71. Раждать, рождать

72. Раздабары, раздобары
73. Расти, рости
74. Ращеніе, рощеніе
75. Сазонъ, Созонъ
76. Сумасбродъ, сумосбродъ
77. Сумасшедшій, сумосшедшій
78. Суматоха, сумотоха
79. Таварищъ, товарищъ
80. Тварогъ, творогъ
81. -тка, -тко
82. Тормазь, тормозъ
83. Тмуторокань, Тмуторакань
84. Шалапай, шалопай
85. Шалапутъ, шалопутъ
86. Шаравары, шаровары
87. Шарамыга, шаромыга

III. Е/Ъ

1. Аггей, Аггъй
2. Алексей, Алексъей
3. Безмень, безмънь
4. Богадельня, богадъльня
5. Боле, болъ
6. Брей, -ею, -еешь, бръй, -ъю, ъешь
7. Бълена, белена
8. Веко, вько
9. Векша, вькша
10. Вече, вьче
11. Видень, видънь
12. Возместить, -ещать, возмъестить, -ъщать
13. Втуне, втунъ
14. Вьденіе, вьдъніе
15. Гнести, гнъсти
16. Гордей, Гордъй
17. Грамотей, грамотъй
18. Гречиха, гръчиха
19. Гречневый, гръчневый
20. Даве, давъ
21. Давеча, давъча
22. Дале, далъ
23. Двенадцать, двънадцать
24. Евстигней, Евстигнъй
25. Евсеевъ, Евсѣевъ
26. Елисей, Елисъй

27. Еремей, Еремъй
28. Железа, желъза
29. Живете, живъте
30. Змея, змъя
31. Индейскій, индъйскій
32. Калека, калъка
33. Копейка, копъйка
34. Купель, купъль
35. Лекаръ, -арство, лъкаръ, -арство
36. Леса, лъса
37. Матвей, Матвъй
38. Матфей, Матфъй
39. Мель, мъль
40. Мене, менъ
41. Михей, Михъй
42. Некаться, нъкаться
43. Нынеча, нынъча
44. Онега, Онъга
45. Палагея, Палагъя
46. Пенязъ, пънязъ
47. Пескаръ, пъскаръ
48. Пествовать, ъ-тунъ, пѣстовать, -тунъ
49. Пешня, пъшня
50. Плень, плънь
51. Плесень, плъсень
52. Прилежный, прилъжный
53. Прореха, проръха
54. Редиска, ръдиска
55. Ресница, ръсница
56. Решето, ръшето
57. Решетка, ръшетка
58. Сергей, Сергъй
59. Сермяга, сърмяга
60. Те, тъ
61. Темя, тъмя
62. Треніе, тръніе
63. Трупореховатый, трупоръховатый
64. Фаддей, Фаддъй
65. Херчь, хърчь
66. Хмель, хмъль
67. Цевница, цъвница
68. Цехъ, цъхъ
69. Цевница, цъвница

IV. Е / О

1. Боченок, бочонок
2. Вѣнцемъ, вѣнцомъ
3. Гарцевать, гарцовать
4. Гребешекъ, гребешокъ
5. Грѣшекъ, грѣшокъ
6. Деньженки, деньжонки
7. Дружекъ, дружокъ
8. Дружечекъ, дружочекъ
9. Душей, душой
10. Дѣвченка, дѣвчонка
11. Желобъ, жолобъ
12. Желтый, жолтый
13. Желудь, жолудь
14. Желчь, жолчь
15. Жены, жоны
16. Жесткій, жосткій
17. Жесткнуть, жосткнуть
18. Звѣрекъ, звѣрокъ
19. Иноземцевъ, Иноземцовъ
20. Кондитеръ, кондиторъ
21. Ключемъ, ключомъ
22. Кружекъ, кружокъ
23. Крючекъ, крючокъ
24. Кудрявцевъ, Кудрявцовъ
25. Куличекъ, куличокъ
26. Лице, лицо
27. Лицемъ, лицомъ
28. Лужекъ, лужокъ
29. Мячемъ, мячомъ
30. Мужичекъ, мужичокъ
31. Мышенекъ, мышонокъ
32. Мѣшекъ, мѣшокъ
33. Ножемъ, ножомъ
34. Образцевъ, образцовъ
35. Образцемъ, образцемъ
36. Отцевъ, отцовъ
37. Отцемъ, отцомъ
38. Падежемъ, падежомъ
39. Печеры, Печоры
40. Писцевъ, писцовъ
41. Писцемъ, писцемъ
42. Пшениный, пшонный
43. Ростовцевъ, Ростовцовъ
44. Румянцевъ, Румянцовъ

45. Самцевъ, Самцовъ
46. Самцевъ, самцевъ
47. Сверчекъ, сверчокъ
48. Сапожекъ, сапожокъ
49. Сумерекъ, сумерокъ
50. Сушеный, сушоный
51. Танцевать, танцовать
52. Уточненный, уточнонный
53. Форейторъ, форейтеръ
54. Чеботы, чоботы
55. Челнъ, чолнъ
56. Чепорный, чопорный
57. Червячекъ, червячокъ
58. Черный, чорный
59. Черствый, чорствый
60. Чертъ, чортъ
61. Шевъ, шовъ
62. Шоколадъ, шоколадъ
63. Шелкъ, шолкъ
64. Шеломъ, шоломъ
65. Шепоть, шопоть
66. Шерохъ, шорохъ
67. Щелкать, шолкать

V. Прописная / строчная

1. А(а)вгустъ, -овскій
2. А(а)кадемія, -микъ, -мическій
3. А(а)прѣль, -льскій
4. Б(б)ожій
5. Б(б)ѣлорусскій
6. В(в)остокъ
7. Г(г)енварь, -рскій
8. Г(г)енераль, -льскій, лыша
9. Г(г)еографія
10. Г(г)имназія
11. Г(г)убернаторъ, -рша, -рскій
12. Г(г)рафъ, -иня, -фскій
13. Г(г)рекъ, -и, -еческій
14. Г(г)рузины, -нскій
15. Д(д)екабрь, -рьскій
16. Дмитрій Грозныя очи, Дмитрій грозныя очи
17. Е(е)врей, -ейскій
18. Ж(ж)идъ, -ы, -овскій
19. И(и)ндусъ, -ы, -скій

20. *И(и)*сторія
21. *І(і)*оль, -льскій
22. *І(і)*юнь, -ньскій
23. *К(к)*адетскій *К(к)*орпусъ
24. *К(к)*ириловскій
25. *К(к)*лассическая *Г(г)*имназія
26. *К(к)*нязь, -яжна, -яжескій
27. *М(м)*ай, -йскій
28. *М(м)*асленица
29. *М(м)*ать – сыра земля
30. *М(м)*осквичъ, -сковскій
31. *М(м)*ясоѣдъ
32. *Н(н)*ачальникъ
33. *Н(н)*оябрь, -рскій
34. *Н(н)*ѣмецъ, -мцы, -цкій
35. *О(о)*ицеръ
36. *П(п)*асха
37. *П(п)*атріархъ
38. *П(п)*ерсъ, -ы, -сидскій
39. *П(п)*етербуржець, -жцы
40. По-болгарски, по-Болгарски
41. *П(п)*олякъ
42. По-нѣмецки, по-Нѣмецки
43. *П(п)*ортугальцы
44. По-французки, по-Французски
45. *П(п)*равописаніе
46. *С(с)*енаторъ
47. *С(с)*ентябрь
48. *С(с)*ербы
49. *С(с)*ербы
50. *С(с)*лавяне
51. *С(с)*ѣверъ
52. *Т(т)*атаринъ, -ры, -рскій
53. *Т(т)*ехническое *У(у)*чилище
54. *Т(т)*ехническое *О(о)*бщество
55. *У(у)*ниверситетъ
56. *У(у)*нтеръ-*О(о)*фицеръ
57. *Ф(ф)*евраль
58. *Ф(ф)*илологъ
59. *Я(я)*зыкознание
60. *Я(я)*нварь

VI. Е / И

1. Абонементъ, абониментъ
2. Анненька, Аннинька

3. Буднешній, буднишній
4. Бѣлечій, бѣличій
5. Варевѣ, вариво
6. Вареньце, вареньице
7. Васенька, Васинька
8. Даве, дави
9. Давеча, давича
10. Давешній, давишній
11. Достоенъ, достоинъ
12. Дышешъ, дышишь
13. Имѣнъце, имѣнъице
14. Индевѣтъ, индивѣтъ
15. Истаевать, истаивать
16. Калека, калика
17. Капетолина, Капитолина
18. Краешекъ, краишекъ
19. Крейсеровать, крейсировать
20. Крошево, крошиво
21. Кружево, круживо
22. Маменька, маминька
23. Машентка, Машинька
24. Мачеха, мачиха
25. Мелево, меливо
26. Намѣреваться, намѣриваться
27. Оттаевать, оттаивать
28. Отчаеваться, отчаиваться
29. Охтенскій, охтинскій
30. Папенька, папинька
31. Пензенскій, пензинскій
32. Пескаръ, пискаръ
33. Петенька, Петинька
34. Потчевать, потчивать
35. Прѣсненскій, прѣснинскій
36. Разсѣваться, разсѣиваться
37. Раскаеваться, раскаиваться
38. Реторика, риторика
39. Свояченица, свояченица
40. Сегоднешній, сегоднийшній
41. Тащишь, тащешъ
42. Устьеце, устьеце
43. Утаевать, утаивать
44. Хлѣбешко, хлѣишко
45. Христоматія, хрестоматія
46. Экзаменаторъ, экзаминаторъ

VII. Одиночная / удвоенная согласная

1. Амуниція, аммуниція
2. Асесоръ, ассесоръ, ассесоръ, ассесоръ
3. Атрибуъ, аттрибутъ
4. Бедреный, бедренный
5. Биліардъ, билліардъ
6. Браный, бранный
7. Британія, Британнія
8. Вѣтреный, вѣтряный, вѣтранный, вѣтряный
9. Генуэзскій, генуэсскій
10. Гостиница, гостинница
11. Гостиная, гостинная
12. Гостиный, гостинный
13. Гуливый, гулливый
14. Грамота, граммата
15. Гуситы, гусситы
16. Дилетантъ, дилеттантъ
17. Ева, Евва
18. Женинь, женнинь
19. Иларіонъ, Илларіонъ
20. Искусство, искуство
21. Камерлакей, -паж, -тоъ; каммерлакей, -пажъ, -тонъ
22. Карикатура, карриатура
23. К(к)ириловскій, К(к)ирилловскій
24. Клюквеный, клюквенный
25. Комисія, комиссія, комисія
26. Людмила, Людмила
27. Миліонъ, милліонъ
28. Официальный, оффициальный
29. Подорожникъ, поддорожникъ
30. Подьячій, поддьячій
31. Прусакъ, прусакъ
32. Разѣвать, раззѣвать
33. Разорять, раззорять
34. Расомаха, рассомаха
35. Руса, Русса
36. Рускій, русскій
37. Серебряный, серебрянный
38. Суббота, субота
39. Тканый, тканый
40. Форейторъ, форрейторъ

VIII. Е / Я

1. Ветчина, вядчина
2. Времечисленіе, времячисленіе
3. Времечко, времячко
4. Вымечко, вымячко
5. Вѣтреница, вѣтряница
6. Вѣтреный, вѣтряный
7. Даве, давя
8. Давеча, давяча
9. Заяць, заецъ
10. Землистый, землянистый
11. Именины, имянины
12. Имечко, имячко
13. Клюквеный, клюквяной
14. Крехтѣтъ, кряхтѣтъ
15. Лебедь, лебядь
16. Легавый, лягавый
17. Ледащій, лядащій
18. Маетникъ, маятникъ
19. Масленица, масляница
20. Мезга, мязга
21. Метель, -ица, мятель, -ица
22. Пестредь, пестрядь
23. Раскаеваться, раскаяваться
24. Рехнуться, ряхнуться
25. Сегодняшний, сегодняшній

IX. СЪ / без Ъ

1. Альфавить, алфавить
2. Банщикъ, баньщикъ
3. Возьмемъ, возьмемъ
4. Гульливый, гуливый
5. Декабрскій, декабрьскій
6. Денщикъ, деньщикъ
7. Зеленщикъ, зеленьщикъ
8. І(і)юньскій, І(і)нскій
9. Медаліонъ, медальонъ
10. Мельчить, мелчить
11. Нынче, нынче
12. Н(н)оябрьскій, Н(н)оябрьскій
13. Няньчить, нянчить
14. О(о)ктябрьскій, О(о)ктябрьскій
15. Осьмуха, осмуха
16. Поденщикъ, поденьщикъ
17. Седьмой, седмой

18. Сентябрскій, сентябрьскій
19. Ступеньчатый, ступенчатый
20. Тьмы, тма
21. Тюрьма, тюрьма

X. Ъ / Ь

1. Адъютантъ, адъютантъ
2. Барышень, барышень
3. Близъ, близъ
4. Восемъ, восемь
5. Врачъ, врачъ
6. Горючь, горючь
7. Гречъ, Гречъ
8. Дождъ, дождъ
9. Дожчь, дождь
10. Жъ, жь
11. Изъянь, изъянь
12. Кухонъ, кухня
13. Лосось, лосось
14. Навзничъ, навзничь
15. Насѣсть, насѣсть
16. Нашестъ, нашестъ
17. Отнюдь, отнюдь
18. Плачь, плачь
19. Подьячій, подьячій
20. Ужь, ужь
21. Явь, явь

XI. Глухой / звонкий

1. Баклажка, балажка
2. Ветчина, вядчина
3. Деревяжка, деревяшка
4. Женидъба, женитьба
5. Задхлый, затхлый
6. Збруя, сбруя
7. Идти, итти
8. Изморозъ, изморось
9. Мадридъ, Мадритъ
10. Мадридскій, Мадритскій
11. Мокредъ, мокреть
12. Отверзтіе, отверстіе
13. Расчестъ, разчестъ
14. Сбруя, збруя
15. Свадьба, сватьба
16. Столбъ, столп

17. Чернедь, чернеть
18. Уздцы, устцы
19. Шавка, шафка

XII. І/Ь

1. Баталіонъ, батальонъ
2. Биліардъ, бильярдъ
3. Бриллиантъ, брильянтъ
4. Бульонъ, буліонъ
5. Діаконъ, дяконъ
6. Епитимія, епитімя
7. Италіанскій, итальянскій
8. Компаніонъ, компаньонъ
9. Куріозный, курьозный
10. Мелаліонъ, медальонъ
11. Миліонъ, мильонъ
12. Павильонъ, павиліонъ
13. Папильотка, папиліотка
14. Піеса, пьеса
15. Почталіонъ, почталіонъ
16. Фамиліярный, фамиліарный
17. Шампиніонъ, шампиньонъ

XIII. Е / Э

1. Алое, алоэ
2. Генуэзскій, генуезскій
3. Діета, діэта
4. Ей! Эй!
5. Елементъ, элементъ
6. Епархія, эпархія
7. Есфирь, эсфирь
8. Клиентъ, кліэнтъ
9. Суецкій, суэцкій
10. Тема, тэма

XIV. А / Я

1. Азіатскій, азіятскій
2. Бѣжма, бѣжмя
3. Генуа, Генуя
4. Дупластый, дуплястый
5. Кандеабръ, канделябръ
6. Мантуа, Мантуя
7. Офіціальныи, офіціальный
8. Падуа, падуя
9. Персіане, персіане

10. Стойма, стоймя

XV. Ф/Ө

1. Афины, аѳины
2. Исторіографъ, исторіограѳъ
3. Корифей, кориѳей
4. Никифоръ, Никиѳоръ
5. Орфей, Орѳей
6. Сфера, сѳера
7. Феминистокль, ѳеминистокль
8. Феофан, ѳеофанъ
9. Фракія, ѳракія

XVI. И / Ы

1. Давидъ, Давыдъ
2. Дира, дыра
3. Дирявый, дырявый
4. Клиросъ, клыросъ
5. Крылья, крылья
6. Кринка, крынка

7. Псалтирь, псалтырь

8. Скрипка, скрыпка

XVII. Сч / щ; зч / щ

1. Доносчикъ, донощик
2. Извозчикъ, перевощик
3. Перевозчикъ, перевощик
4. Переписчикъ, переписчик
5. Приказчикъ, прикащик
6. Счастіе, щастіе

XVIII. СЪ / без Ъ

1. Двухъэтажный, двухэтажный
2. Сузить, съузить
3. Сумѣть, съумѣть

XIX. И/І

1. Владимиръ, Владимірь
2. Миръ, мірь
3. Приучить, пріучить

**Градация вариантов и корпус помет
в орфографических словарях и справочниках рубежа XIX–XX веков**

Свобода выбора,
отсутствие ограничений

ЭКСПЛИЦИТНЫХ И ИМПЛИЦИТНЫХ ПОМЕТ

I. Равноправные варианты

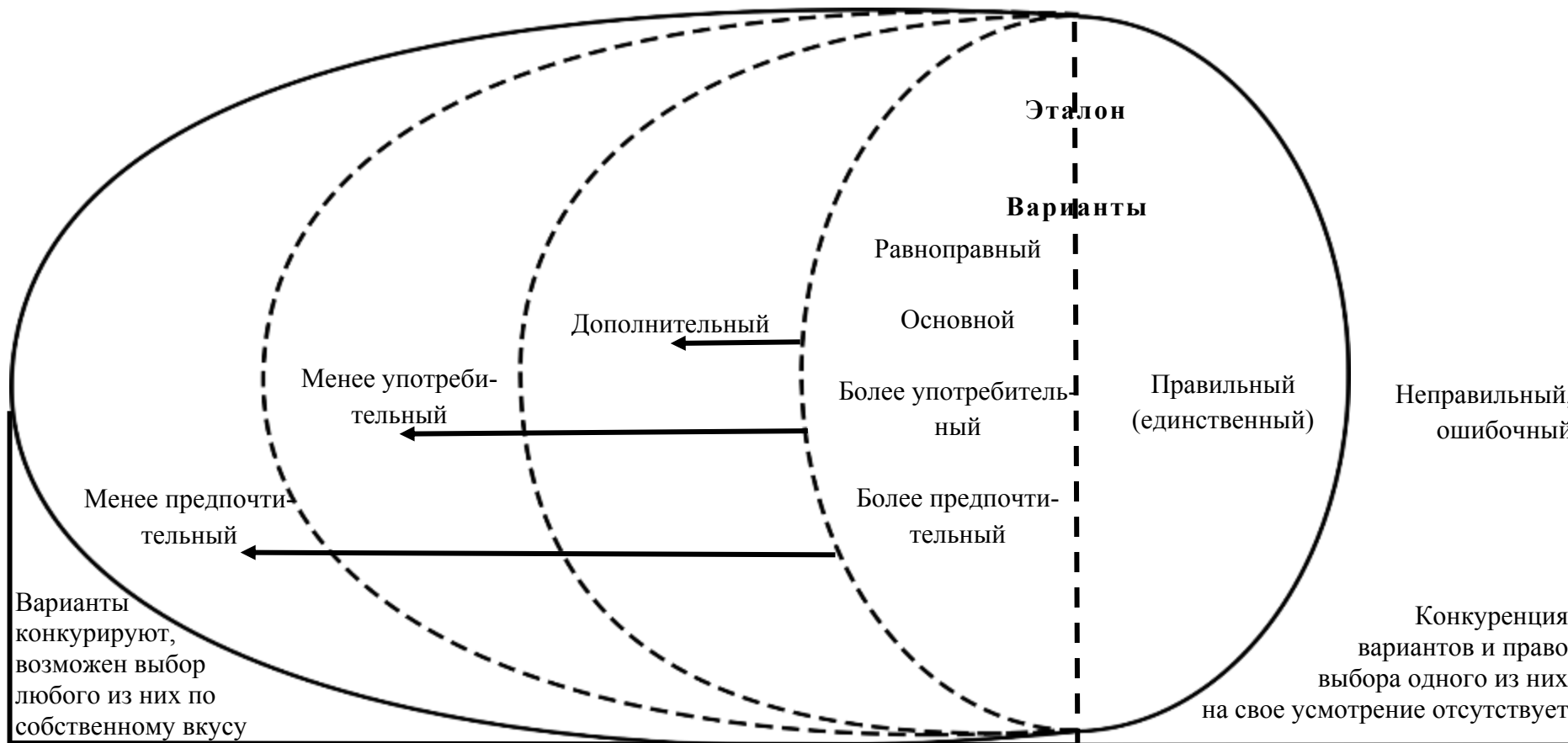
Пометы	
Эксплицитные	Имплицитные
1. «И» (Абраменко, Азбукин, Алексеев, Разыграев, Шапошников) 2. «Можно и» (Алексеев)	1. «Запятая» (Азбукин, Разыграев, Шапошников) 2. «=» (Алексеев, Русаков) 3. «()» в середине слова (Разыграев) 4. «Пробел» (Разыграев)

II. Основной / дополнительный варианты

Пометы	
Эксплицитные	Имплицитные
1. «См.» (Алексеев)	1. «()» (Геннинг, Русаков) 2. «[]» (Абраменко, Разыграев, Шапошников)

<p>Частично ограниченный / узусом / практикой выбор</p>	<p>Действие</p> <p>III. Более / менее употребительный варианты</p> <table border="1"> <thead> <tr> <th colspan="2">Пометы</th> </tr> <tr> <th>Эксплицитные</th> <th>Имплицитные</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td> 1. «Обычнее, нежели» (Шапошников) 2. «Употребительнее» (Шапошников) 3. «Последнее употребительнее» (Ильин) 4. «Многие пишут (Сеславин)» </td> <td> 1. «[]» (Ильин) </td> </tr> </tbody> </table>	Пометы		Эксплицитные	Имплицитные	1. «Обычнее, нежели» (Шапошников) 2. «Употребительнее» (Шапошников) 3. «Последнее употребительнее» (Ильин) 4. «Многие пишут (Сеславин)»	1. «[]» (Ильин)
Пометы							
Эксплицитные	Имплицитные						
1. «Обычнее, нежели» (Шапошников) 2. «Употребительнее» (Шапошников) 3. «Последнее употребительнее» (Ильин) 4. «Многие пишут (Сеславин)»	1. «[]» (Ильин)						
<p>Ограниченная свобода выбора (рекомендации)</p>	<p>Действие только эксплицитных помет</p> <p>IV. Более / менее предпочтительный варианты</p> <table border="1"> <thead> <tr> <th colspan="2">Пометы</th> </tr> <tr> <th>Эксплицитные</th> <th>Имплицитные</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td> 1. «Лучше» (Алексеев) 2. «Вернее» (Алексеев) 3. «Правильнее, нежели» (Шапошников) </td> <td></td> </tr> </tbody> </table>	Пометы		Эксплицитные	Имплицитные	1. «Лучше» (Алексеев) 2. «Вернее» (Алексеев) 3. «Правильнее, нежели» (Шапошников)	
Пометы							
Эксплицитные	Имплицитные						
1. «Лучше» (Алексеев) 2. «Вернее» (Алексеев) 3. «Правильнее, нежели» (Шапошников)							
<p>Отсутствие выбора (жесткие предписания)</p>	<p>Действие только эксплицитных помет</p> <p>V. Правильный / неправильный, ошибочный варианты</p> <table border="1"> <thead> <tr> <th colspan="2">Пометы</th> </tr> <tr> <th>Эксплицитные</th> <th>Имплицитные</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td> 1. «А не» (Алексеев, Ромашкевич, Русаков, Шапошников) 2. «Совершенно неправильно» (Сеславин) 3. «Вм.» (Шапошников) 4. «Нет оснований писать» (Сеславин) </td> <td></td> </tr> </tbody> </table>	Пометы		Эксплицитные	Имплицитные	1. «А не» (Алексеев, Ромашкевич, Русаков, Шапошников) 2. «Совершенно неправильно» (Сеславин) 3. «Вм.» (Шапошников) 4. «Нет оснований писать» (Сеславин)	
Пометы							
Эксплицитные	Имплицитные						
1. «А не» (Алексеев, Ромашкевич, Русаков, Шапошников) 2. «Совершенно неправильно» (Сеславин) 3. «Вм.» (Шапошников) 4. «Нет оснований писать» (Сеславин)							

Структура орфографической нормы рубежа XIX–XX веков

**Орфографическая вариативность послереформенного периода по данным
«Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова**

1. Абер(р)ация (I, 3)	40. Ап(п)ерципироваться (I, 51)
2. Абсорбция (или абсорпция) (I, 5)	41. Ап(п)етит (I, 51)
3. Аг(г)ломерат (I, 12)	42. Ап(п)етитный (I, 51)
4. Аг(г)ломерит (I, 12)	43. Ап(п)ликаатура (I, 51)
5. Аг(г)регат (I, 12)	44. Ап(п)ликационный (I, 51)
6. Азбест (или асбест) (I, 18)	45. Ап(п)ликация (I, 51)
7. Азбестовый (или асбестовый) (I, 18)	46. Ап(п)ретура (I, 51)
8. Ак(к)лиматизационный (I, 20)	47. Ап(п)ретурный (I, 51)
9. Ак(к)лиматизация (I, 20)	48. Ап(п)робация (I, 51)
10. Ак(к)лиматизировать (I, 20)	49. Ап(п)робированный (I, 51)
11. Ак(к)лиматизироваться (I, 20)	50. Ап(п)робировать (I, 51)
12. Ак(к)омодационный (I, 21)	51. Ап(п)робироваться (I, 51)
13. Ак(к)омодация (I, 21)	52. Ап(п)рош (I, 51)
14. Ак(к)омпанемент (I, 21)	53. Ас(с)амблея (I, 64)
15. Ак(к)омпаниатор (I, 21)	54. Ас(с)енизатор (I, 64)
16. Ак(к)омпаниаторша (I, 21)	55. Ас(с)енизационный (I, 64)
17. Ак(к)омпанировать (I, 21)	56. Ас(с)енизация (I, 64)
18. Ак(к)орд (I, 21)	57. Ас(с)игнация (I, 64)
19. Ак(к)ордный (I, 21)	58. Ас(с)игнование (I, 64)
20. Ак(к)редитив (I, 21)	59. Ас(с)игнованный (I, 64)
21. Ак(к)редитивный (I, 21)	60. Ас(с)игновать (I, 64)
22. Ак(к)редитованный (I, 21)	61. Ас(с)игноваться (I, 64)
23. Ак(к)редитировать (I, 21)	62. Ас(с)игновка (I, 64)
24. Ак(к)редитироваться (I, 21)	63. Ас(с)игновывать (I, 64)
25. Ак(к)уратно (I, 22)	64. Ас(с)игновываться (I, 64)
26. Ак(к)уратность (I, 22)	65. Ас(с)ортимент (I, 65)
27. Ак(к)уратный (I, 22)	66. Ат(т)естат (I, 69)
28. Аксес(с)уар (I, 23)	67. Ат(т)естационный (I, 69)
29. Ал(л)игатор (I, 27)	68. Ат(т)естованный (I, 69)
30. Ал(л)илуйный (I, 28)	69. Ат(т)естовать (I, 69)
31. Ал(л)илуйщик (I, 28)	70. Ат(т)естоваться (I, 69)
32. Алло и ало (I, 28)	71. Ат(т)рибут (I, 69)
33. Ап(п)арат (I, 50)	72. Ат(т)рибутивный (I, 69)
34. Ап(п)аратура (I, 50)	73. Аф(ф)ект (I, 71)
35. Ап(п)аратчик (I, 51)	74. Аф(ф)ектация (I, 71)
36. Ап(п)эндикс (I, 51)	75. Аф(ф)ективный (I, 71)
37. Ап(п)ендицит (I, 51)	76. Аф(ф)ектированный (I, 71)
38. Ап(п)ерцепция (I, 51)	77. Аф(ф)ектировать (I, 72)
39. Ап(п)ерципировать (I, 51)	78. Аф(ф)инерный (I, 72)

79. Аф(ф)инировать (I, 72)
80. Аф(ф)инироваться (I, 72)
81. Баб(б)ит (I, 74)
82. Баб(б)итный (I, 74)
83. Баб(б)итовый (I, 74)
84. Бадяга (или бодяга) (I, 76)
85. Балован(н)ый (I, 83)
86. Бар(р)икада (I, 91)
87. Бар(р)икадировать (I, 91)
88. Бар(р)икадироваться (I, 91)
89. Бар(р)икадный (I, 91)
90. Безбол(л) (I, 104)
91. Безит и безик (I, 110)
92. Безудержу (или без удержу) (I, 116)
93. Бел(л)адонна (I, 120)
94. Берил(л) (I, 125)
95. Бестолку (или без толку) (I, 135)
96. Бечева (или бичева) (I, 138)
97. Бечёвка (или бичёвка) (I, 138)
98. Бечёвочный (или бичёвочный) (I, 138)
99. Брит(т)ы (I, 188)
100. Буф(ф) (I, 210)
101. Буф(ф)он (I, 210)
102. Буф(ф)онада (I, 210)
103. Буф(ф)онский (I, 210)
104. Бэкон (или бекон) (I, 214)
105. Ваия (и вайя) (I, 219)
106. Валеный (или валяный) (I, 221)
107. Валериана (и валерьяна) (I, 221)
108. Вареву (или вариву) (I, 225)
109. Вариант (и варьянт) (I, 225)
110. Вариация (и варьяция) (I, 226)
111. Ватрушка (или вотрушка) (I, 228)
112. Великорос(с)ы (I, 244)
113. Веретен(н)ый (I, 250)
114. Возжаться (или возжаться) (I, 331)
115. Возжи (или возжи) (I, 331)
116. Вскобку (или в скобку) (I, 404)
117. Выкристал(л)изоваться (I, 465)
118. Выкристал(л)изовываться (I, 465)
119. Вылакать (или вылокать) (I, 467)
120. На вылет (или навывлет) (II, 468)
121. Вконец (I, 305)
122. Валторна (волторна) (I, 222)
123. Гемор(р)оидальный (I, 549)
124. Гемор(р)ой (I, 549)
125. Гемор(р)ойный (I, 549)
126. Голанка (или голландка) (I, 586)
127. Горленка (и горлинка) (I, 601)
128. Городишко (городишка) (I, 603)
129. Гот(т)енотка (I, 610)
130. Гот(т)еноты (I, 610)
131. Грам(м)офон (I, 615)
132. Грам(м)офонный (I, 615)
133. Грипп(п) (I, 623)
134. Грипп(п)озный) (I, 623)
135. Грос(с) (I, 627)
136. Грос(с)бух (I, 627)
137. Груп(п)етто (I, 631)
138. Груп(п)ком (I, 631)
139. Гум(м)иластик (I, 639)
140. Гун(н)ы (I, 639)
141. Гут(т)аперча (I, 642)
142. Гут(т)аперчевый (I, 642)
143. Дальтон-план (и далтон-план) (I, 650)
144. Двойняжка (устар.) и двойняшка (I, 660)
145. Деревенеть (или деревянетъ) (I, 691)
146. Деревяшка (и деревяжка) (I, 691)
147. Дистиллировать (или дестиллировать) (I, 717)
148. Дистиллироваться (или дестиллироваться) (I, 717)
149. Дистиллятор (или дестиллятор) (I, 717)
150. Дистилляция (или дестилляция) (I, 717)
151. Диф(ф)амация (I, 718)
152. Диф(ф)еренциал (I, 718)
153. Диф(ф)еренциальный (I, 718)
154. Диф(ф)еренциация (I, 719)
155. Диф(ф)еренцировать (I, 719)
156. Диф(ф)еренцироваться (I, 719)
157. Диф(ф)узия (I, 719)
158. Диф(ф)узный (I, 719)
159. Диф(ф)узор (I, 719)
160. Диф(ф)ундировать (I, 719)
161. Дизз (или дизз) (I, 719)
162. Диэта (или диета) (I, 719)
163. Домишко (домишка – неправ.) (I, 762)
164. Донжуан (или дон-Жуан) (I, 765)
165. Донкихот (или дон-Кихот) (I, 765)

166. Доп(п)елькюм(м)ель (I, 771)
 167. Доп(п)пинг (I, 771)
 168. Дотошный (и доточный) (I, 788)
 169. Доха (или даха) (I, 789)
 170. Дошаник (или досчаник) (I, 793)
 171. Дошаной (или досчаной) (I, 793)
 172. Дошатый (или досчатый) (I, 793)
 173. Дрожжевой (или дрождевой) (I, 803)
 174. Дрожжи (или дрожди) (I, 803)
 175. Дрочёна (или драчёна) (I, 803)
 176. Дрючок (или дручок) (I, 806)
 177. Дьякон (или диакон) (I, 822)
 178. Дюралиминий (и дуралиминий) (I, 824)
 179. Жёнка (или жонка) (I, 857)
 180. Жёнушка (или жонушка) (I, 858)
 181. Жиу-житсу (см. джиу-джисту) (I, 876)
 182. Жолнер (жолнёр) (I, 876)
 183. Жолоб (или жёлоб) (I, 877)
 184. Жолудь (или жёлудь) (I, 877)
 185. Жорнов (или жёрнов) (I, 877)
 186. Забар(р)икадировать (I, 885)
 187. Забар(р)икадироваться (I, 885)
 188. Завалинка (заваленка – устар.) (I, 895)
 189. Захлѣснутый (I, 1066)
 190. Захлѣснуть (или захлѣстнуть) (I, 1066)
 191. Звездануть (или звиздануть) (I, 1082)
 192. Звѣздочка и (устар.) Звездочка (I, 1082)
 193. Зелоты (или зилоты) (I, 1092)
 194. Идиш (или йидиш) (I, 1135)
 195. Иезуит (или езуит) (I, 1135)
 196. Иезуитский и езуитский (I, 1135)
 197. Иезуитизм и езуитизм (I, 1135)
 198. Иезуитство и езуитство (I, 1135)
 199. Иерихонский и ерихонский (I, 1136)
 200. Изморозь (I, 1169)
 201. Изморось (I, 1169)
 202. Иисусик и исусик (I, 1187)
 203. Импресарио (импрессарио неправ.) (I, 1197)
 204. Индиф(ф)ерентизм (I, 1203)
 205. Индиф(ф)ерентность (I, 1203)
 206. Индиф(ф)ерентный (I, 1203)
 207. Инфлуэнца и инфлюэнца (I, 1221)
 208. Иог (или йог) (I, 1222)
 209. Йога (или йога) (I, 1222)
 210. Йоркшир (или йоркшир) (I, 1223)
 211. Йоркширский (или йоркширский) (I, 1223)
 212. Йот (или йот) (I, 1223)
 213. Йота (или йота) (I, 1223)
 214. Йотация (или йотация) (I, 1223)
 215. Йотированный и йотованный (или йотированный и йотованный) (I, 1223)
 216. Иподиакон и иподьякон (I, 1223)
 217. Ип(п)одром и (устар.) гипподром (I, 1224)
 218. Итти (или идти) (I, 1266)
 219. Иттись (или идтись) (I, 1269)
 220. Каб(б)ала (I, 1273)
 221. Каб(б)алистика (I, 1273)
 222. Каб(б)алистический (I, 1273)
 223. Кавычки (ковычки неправ.) (I, 1277)
 224. Казак (козак устар.) (I, 1280)
 225. Калач (или колач) (I, 1290)
 226. Каморка (или коморка) (I, 1299)
 227. Камфора (или камфара) (I, 1300)
 228. Камфорка (или комфорка) (I, 1300)
 229. Карачки (или корачки) (I, 1319)
 230. Карга (или корга) (I, 1320)
 231. Карелы (корелы неправ.) (I, 1321)
 232. Каротель (коротель неправ.) (I, 1323)
 233. Катар(р) (I, 1333)
 234. Катар(р)акт (I, 1333)
 235. Катар(р)акта (I, 1333)
 236. Катар(р)альный (I, 1333)
 237. Квинт-эссенция (или квинтэссенция) (I, 1348)
 238. Кенар и кенарь (I, 1350)
 239. Кизил и кизиль (I, 1352)
 240. Кири(л)ица (I, 1358)
 241. Кисанька (или кисонька) (I, 1359)
 242. Клейстер и (простореч.) Клестер (I, 1370)
 243. Клѣпаный или клепаный (I, 1370)
 244. Козлетон (или козлитон) (I, 1394)
 245. Кока и коко (детск.) Яйцо (I, 1395)
 246. Коленкор (или устар. калинкор) (I, 1399)
 247. Коломянка (или каламянка) и каламенка (I, 1407)

248. Коломянковый (или каламянковый) и каламенковый (I, 1407)
249. Ком(м)ентарий (I, 1422)
250. Ком(м)ентатор (I, 1423)
251. Ком(м)ентировать (I, 1423)
252. Ком(м)ентироваться (I, 1423)
253. Ком(м)ерсант (I, 1423)
254. Ком(м)ерция (I, 1423)
255. Ком(м)ерческий (I, 1423)
256. Ком(м)ивояжёр (I, 1423)
257. Ком(м)ивояжерский (I, 1423)
258. Ком(м)уникативный (I, 1424)
259. Ком(м)уникационный (I, 1424)
260. Ком(м)уникация (I, 1424)
261. Компрес(с) (I, 1430)
262. Компрес(с)ный (I, 1430)
263. Кондачка (или кандачка) (I, 1434)
264. Констебль (или констэбль) (I, 1443)
265. Конура (или устар. Канура) (I, 1451)
266. Корал(л) (I, 1464)
267. Корал(л)овый (I, 1464)
268. Корёжить (или карёжить) (I, 1465)
269. Корёжиться (или карёжиться) (I, 1465)
270. Коровай (или каравай) (I, 1472)
271. Короткошерстый и короткошёрстый и (разг.) короткошёрстный (I, 1475)
272. Корригировать и (чаще, но неправ.) Коррегировать (I, 1478)
273. Корригироваться (чаще, но неправ.) Коррегироваться (I, 1478)
274. Коряга (или каряга) (I, 1481)
275. Корячить (или карячить) (I, 1481)
276. Корячиться (или карячиться) (I, 1481)
277. Костюмёрный и костюмерный (I, 1486)
278. Кот(т)онизация (I, 1490)
279. Кот(т)онизировать (I, 1490)
280. Кот(т)онин (I, 1490)
281. Кочёвка (I, 1491)
282. Кощей (или кашей) (I, 1494)
283. Коэф(ф)ициент (I, 1494)
284. Краснодеревный и краснодерёвный (I, 1500)
285. Краснодерёвщик (I, 1500)
286. Крещендо (или кресчендо) точнее крешендо (I, 1513)
287. Кристал(л) (I, 1517)
288. Кристал(л)изатор (I, 1517)
289. Кристал(л)изационный (I, 1517)
290. Кристал(л)изация (I, 1517)
291. Кристал(л)изироваться (I, 1517)
292. Кристал(л)ический (I, 1517)
293. Кристал(л)ичность (I, 1517)
294. Кристал(л)ограф (I, 1517)
295. Кристал(л)ографический (I, 1517)
296. Кристал(л)ография (I, 1517)
297. Кристал(л)оид (I, 1517)
298. Кряхтенье (или крехтенье) (I, 1537)
299. Кряхтеть (или крехтеть) (I, 1537)
300. Кряхтун (или крехтун) (I, 1537)
301. Кряхтунья (или крехтунья) (I, 1537)
302. Кухонка (кухонька неправ.) (I, 1559)
303. Кухонный (I, 1559)
304. Кэб (или кеб) (I, 1562)
305. Кэпи (или кепи) (I, 1562)
306. Ладанка (ладонка неправ.) (II, 17)
307. Лакать (или локать) (II, 20)
308. Латентный (или лятентный) (II, 28)
309. Лаццарони и (правильнее) ладзарони (II, 29)
310. Легавый (или лягавый) (II, 33)
311. Легаш (или лягаш) (II, 34)
312. Ледащий (или лядащий) (II, 37)
313. Леденеть (или ледянеть) (II, 37)
314. Леденистый (или ледянистый) (II, 37)
315. Леденить (или ледянить) (II, 37)
316. Леденящий (или ледянящий) (II, 38)
317. Леди (или лэди) (II, 38)
318. Лессировать (или, редко, лисировать) (II, 49)
319. Лессироваться (или, редко, лисироваться) (II, 50)
320. Лессировка (или, редко, лисировка) (II, 50)
321. Либрет(т)ист (II, 57)
322. Либрет(т)истка (II, 57)
323. Лисонька (или лисанька) (II, 68)
324. Лодыга (или ладыга) (II, 83)
325. Лодыжка (или ладыжка) (II, 83)
326. Магарыч (или могарыч) (II, 111)

327. Магарычничать (или могоарычничать) (II, 111)
328. Маета (или маята) (II, 115)
329. Мака́ть (и редко мокать) (II, 120)
330. Мака́ться (и редко мокаться) (II, 121)
331. Махнуть (или мохнуть) (II, 164)
332. Максун (или моксун) (II, 123)
333. Малорос(с) (II, 130)
334. Мам(м)она (II, 136)
335. Мараковать (или мороковать) (II, 144)
336. Масляный (или масляный) (II, 154)
337. Масленая (или устар. масляная) (II, 152)
338. Масляник (или масленик) (II, 153)
339. Мас(с)ака (II, 155)
340. Масштаб (или маштаб) (II, 157)
341. Материал и матерьял (II, 158)
342. Материально и матерьяльно (II, 159)
343. Материальность и матерьяльность (II, 159)
344. Материальный и матерьяльный (II, 159-160)
345. Мачеха (или мачиха) (II, 165)
346. Миледи (пишут, но не произносят милэди) (II, 212)
347. Миллион и мильон (произношение) (II, 213)
348. Миллионный и (или) мильонный (II, 213)
349. Миллионщик и (или) мильонщик (II, 213)
350. Миниатюра и миньятюра (II, 218)
351. Миниатюрист и миньятюрист (II, 218)
352. Миниатюристка и миньятюристка (II, 219)
353. Миниатюрность и миньятюренность (II, 219)
354. Миниатюрный и миньятюрный (II, 219)
355. Мол(л)юск (II, 247)
356. Мол(л)юсковый (II, 247)
357. Муэдзин (точнее муэзин) (II, 286)
358. Мятель, см. Метель (II, 294)
359. Назло (или на зло) (II, 355)
360. Наизнанку (или на изнанку) (II, 358)
361. Намерить (намерять) (II, 382)
362. Наня́нчиться (или наняньчиться) (II, 389)
363. Насмарку (или на смарку) (II, 428)
364. На-тка (или натка, на-тко, натко) (II, 446)
365. Натреснуть (разговор., устар., теперь чаще надтреснуть) (II, 448)
366. Нахлёснутый (или нахлестнутый) (II, 456)
367. Нахлеснуть (или нахлестнуть) (II, 456)
368. Нашенский (или нашинский) (II, 469)
369. Наюру (или на юру) (II, 472)
370. Неак(к)уратность (II, 473)
371. Неак(к)уратный (II, 473)
372. Неап(п)етитный (II, 473)
373. Невесть (или нивесть) (II, 483)
374. Невзвидеть (или не взвидеть) (II, 483)
375. Невзира́я (или не взира́я) (II, 483)
376. Невзлюбить (или не взлюбить) (II, 483)
377. Недомерить (или недомерять) (II, 499)
378. Недоставать (или, правильнее, не доставать) (II, 501)
379. Недостать (или, правильнее, не достать) (II, 502)
380. Нелюбо (или не любо) (II, 517)
381. Непрочь (или не прочь) (II, 541)
382. Нераз (или не раз) (II, 543)
383. Нето (или не то) (II, 559)
384. Нехватать (или не хватать) (II, 566)
385. Нехватить (или не хватить) (II, 566)
386. Ногай и нагай (II, 589)
387. Ногайка и нагайка (II, 589)
388. Ногайский и нагайский (II, 589)
389. Ногайцы и нагайцы (II, 590)
390. Ну-кась (или ну-кось) (II, 603)
391. Ну-кася (простореч.) или ну-кося (II, 603)
392. Ня́нчить (или няньчить) (II, 607)
393. Небезнадёжный и (устар.) Небезнадежный (II, 474)
394. Никчёмный и (реже) никчемный (II 578)
395. Обалдуй (или оболдуй) (II, 611)
396. Обиться (простореч. Оббиться) (II, 642)

397. Обледеневать (или обляденевать, редко) (II, 653)
398. Обледенелый (или обледяненный) (II, 653)
399. Обледенение (или обляденение) (II, 653)
400. Обмакнуть (или, редко, обмокнуть) (II, 662)
401. Обмерить (разг.) (II, 666)
402. Обмериться (II, 666)
403. Обпить и опить (II, 693)
404. Объядение (или объедение) (II, 737)
405. Одеревенелость (или одеревяненость) (II, 758)
406. Одеревенелый (или одеревянение) (II, 758)
407. Одеревенеть (или одеревянуть) (II, 758)
408. Окочуриться (или окачуриться) (II, 792)
409. Оледенелый (или оледяненный) (II, 800)
410. Оледененный (или оледяненный) (II, 801)
411. Оледенеть (или оледянуть) (II, 801)
412. Олединить (или оледянить) (II, 801)
413. Опопанакс и опопонакс (II, 825)
414. Орава (или арава разг.) (II, 842)
415. Остриё и остреё (II, 883)
416. Отава (или атава) (II, 892)
417. Отара (атара неправ.) (II, 892)
418. Отверзтись (или отверстись) (II, 901)
419. Отверзть (или отверсть) (II, 901)
420. Отмерить (отмерять) (II, 947)
421. Отчихвостить (или отчихвостиь) (II, 1012)
422. Очечник (или очешник) (II, 1034)
423. Очечный (или очешный) (II, 1034)
424. Падуга (или устар. Паддуга) (III, 16)
425. Палеоазиатский и палеазиатский (III, 22)
426. Палеоазиаты и палеазиаты (III, 22)
427. Палисадник (полисадник неправ.) (III, 24)
428. Панёва (или понёва) (III, 31)
429. Парнас (или утар., неправ. Парнас) (III, 48)
430. Паром (или пором) (III, 51)
431. Пас¹ (или устар. Пасс) (III, 57)
432. Пас² (или, реже пасс) спорт (III, 58)
433. Пасовать¹ (или устар. Пассовать) (III, 59)
434. Пасовать² (или устар. Пассовать) (III, 59)
435. Пасоваться (или пассоваться) (III, 59)
436. Патологоанатом (паталогоанатом неправ.) (III, 67)
437. Пачули (или реже патчули) (III, 74)
438. Пеньюар (или пенюар) (III, 85)
439. Пепермент и пипермент (III, 86)
440. Перехлѣснутый (или перехлѣстнутый) (III, 219)
441. Перехлѣснуть (или перехѣстнуть) (III, 219)
442. Перехлестнуться (или перехлестнуться) (III, 219)
443. Печево (или печиво) (III, 250)
444. Пигалица (или пиголица) (III, 254)
445. Пиетизм (или пиэтизм) (III, 255)
446. Пиетет (или пиэтет) (III, 255)
447. Пиетист (или пиэтист) (III, 255)
448. Пиэлит (или пиелит) мед. (III, 274)
449. Пиэмия (или пиемия) мед. (III, 274)
450. Планшир и планширь (III, 283)
451. Пластилин (или пластелин) (III, 284)
452. Пластилиновый (или пластелиновый) (III, 284)
453. Плие (или плиэ) (III, 299)
454. Повилика (или устар. Павилика) (III, 335)
455. Подрез и (обл.) Подрезь (III, 431)
456. Подстать (или утар. Под статью) (III, 445)
457. Подхлѣснутый (или подхлѣстнутый) (III, 461)
458. Подхлესнуть (или подхлестнуть) (III, 461)
459. Подшофе (или подшефе и устар. Подшефе) (III, 467)
460. Покамест и покаместь (III, 491)
461. Покорѣженный (или покарѣженный) (III, 500)
462. Покорѣжить (или покарѣжить) (III, 500)

463. Покорёжиться (или покарёжиться) (Ш, 500)
464. Полакать (или полокать) (Ш, 511)
465. Полицеймейстер (или устар. Полицей-
мейстер) (Ш, 525)
466. Полундра (или палундра) (Ш, 547)
467. Помакать (или редко помокать) (Ш, 558)
468. Помакнуть (или редко помокнуть) (Ш, 558)
469. Померить (встречается также написа-
ние померять) (Ш, 560)
470. Помериться (встречается также напи-
сание померяться) (Ш, 560)
471. Понянчить (или поняньчить) (Ш, 581)
472. Поняниться (или поняньчиться) (Ш, 581)
473. Почтдиректор (или почт-директор) (Ш, 679)
474. Почто (или пошто) (Ш, 681)
475. Примакнуть (или примокнуть) (Ш, 814)
476. Посаженный и посажённый (Ш, 621)
477. Пополудни (или по-полудни) (Ш, 591)
478. Пополуночи (по-полуночи) (Ш, 591)
479. Поратый (или паратый) (Ш, 602)
480. Порей (или устар. поррей) (Ш, 603)
481. Пороз и порос (обл.) (Ш, 606)
482. Порт-букет (Ш, 610)
483. Примерить (встречается также написа-
ние примерять, примерял) (Ш, 817)
484. Примериться (встречается также напи-
сание примеряться, примерялся) (Ш, 817)
485. Промучить (встречается также написа-
ние промучать, промучал) (Ш, 966)
486. Промучиться (встречается также напи-
сание промучаться, промучался) (Ш, 966)
487. Прихлѣснутый (или прихлѣстнутый) (Ш, 874)
488. Прихлѣснуть (или прихлѣстнуть) (Ш, 874)
489. Причет и причёт (Ш, 879)
490. Причетнический (причѣтнический) (Ш, 879)
491. Прокряхтеть (или прокрехтеть) (Ш, 953)
492. Промакательный (или редко промока-
тельный) (Ш, 960)
493. Промакать (или редко промокать) (Ш, 960)
494. Промакаться (или редко промокаться) (Ш, 960)
495. Промакашка (или редко промокашка) (Ш, 960)
496. Пронянчить (или проняньчить) (Ш, 972)
497. Проняниться (или проняньчиться) (Ш, 972)
498. Протодиакон и протодьякон (Ш, 1027)
499. Пфейфер и пфефер (Ш, 1083)
500. Пьеса и (устар.) Пиеса (Ш, 1088)
501. Равнять (в правописании часто смещи-
вается с ровнять) (Ш, 1105)
502. Равняться (Ш, 1105)
503. Размерить (размерять, размерял) (Ш, 1169)
504. Размучить (размучать, размучал, раз-
мучаться, размучался) (Ш, 1174)
505. Разыскной (или розыскной) (Ш, 1208)
506. Раскоряка (или раскаряка) (Ш, 1225)
507. Раскоряченный (или раскаряченный) (Ш, 1225)
508. Раскорячивать (или раскарячивать) (Ш, 1225)
509. Раскорячиваться (или раскарячиваться) (Ш, 1225)
510. Раскорячить (или раскарячить) (Ш, 1225)
511. Раскорячиться (или раскарячиться) (Ш, 1225)
512. Расхлѣснутый (или расхлѣстнутый) (Ш, 1284)
513. Расхлѣснуть (или расхлѣстнуть) (Ш, 1284)
514. Расчихвостить (или расчихвостить) (Ш, 1291)
515. Расчихвощенный (или расчихвощен-
ный) (Ш, 1291)
516. Ращение (или рощение) (Ш, 1300)

517. Рес(с)урс (III, 1345)
518. Рехнуться (или ряхнуться) (III, 1352)
519. Решётка (или решотка) (III, 1355)
520. Решетчатый и решётчатый (III, 1355)
521. Риторика (или реторика) (III, 1362)
522. Риторичсекий (или риторический) (III, 1363)
523. Сбитень (збитень неправ.) (IV, 59)
524. Свистнуть (или свиснуть) (IV, 94)
525. Сгораемость (или сгараемость) (IV, 115)
526. Сгораемый (или сгараемый) (IV, 115)
527. Сгорание (или сгарание) (IV, 115)
528. Сгорать (или сгарать) (IV, 115)
529. Сдрейфить и сдрефить (простореч.) (IV, 122)
530. Селитряный (или селитренный) (IV, 136)
531. Семенник (семянник неправ.) (IV, 140)
532. Семенниковый (семянниковый неправ.) (IV, 140)
533. Семеновод (семяновод неправ.) (IV, 141)
534. Семеновосный (или семяносный) (IV, 141)
535. Семечко (семячко неправ.) (IV, 141)
536. Семечковый (семячковый неправ.) (IV, 141)
537. Сеньор (или сеньёр и устар. Сениор) (IV, 150)
538. Септак(к)орд (IV, 152)
539. Септак(к)ордный и септак(к)ордовый (IV, 152)
540. Серьёзный (сериозный редко) (IV, 163)
541. Сиен(н)а (IV, 174)
542. Сиен(н)ский (IV, 174)
543. Скорёженный (или скарёжинный) (IV, 230)
544. Скорёжить (или скарёжить) (IV, 230)
545. Скорёжиться (или скарёжиться) (IV, 230)
546. Следующий (следущий неправ.) (IV, 259)
547. Смаху (или с маху) (IV, 292)
548. Смериться (смеряться, смерялся) (IV, 296)
549. Снегирь (или снигирь) (IV, 318)
550. Соловушка и соловушко (IV, 373)
551. Сращение (или срощение) (IV, 461)
552. Сровнять,-ся (в правописании часто смешивается с сравнять,-ся, тем более, что в просторечии – равный может означать тоже, что ровный) (IV, 467)
553. Стел(л)аж (IV, 505)
554. Стенд (или стэнд) (IV, 507)
555. Страз (устар. Страс) (IV, 544)
556. Страшила и страшило (IV, 551)
557. Стрекулист (или стриккулист) (IV, 553)
558. Струбцина (или струбцына) и струбцинка (или струбцынка) (IV, 566)
559. Сумасшедший (или устар. Сумашедший) (IV, 590)
560. Сумасшествие (или устар. Сумашествие) (IV, 590)
561. Сыспокон (и с испокон) (IV, 628)
562. Тимьян и тимьян (IV, 706)
563. Того (или тово) (IV, 722)
564. Травянеть (или травенеть) (IV, 767)
565. Трифоль (или трефоль) (IV, 802)
566. Улюлю (или улю-лю) (IV, 935)
567. Ухлёснутый (или ухлестнутый) (IV, 1029)
568. Ухлеснуть (или ухлестнуть) (IV, 1029)
569. Учёба (или учоба) (IV, 1036)
570. Фалбала (или фальбала) (IV, 1053)
571. Фиельд (или фьельд) (IV, 1075)
572. Фиорд (или фьорд) (IV, 1085)
573. Флагеллант (или флагеллянт) (IV, 1088)
574. Фланец (или флянец) (IV, 1090)
575. Флуктуация (или флюктуация) (IV, 1093)
576. Флуоресценция и флюоресценция (IV, 1093)
577. Флуоресцировать и флюоресцировать (IV, 1093)
578. Фортепианист и фортепьянист (IV, 1106)
579. Фортепианный и фортепьянный (IV, 1106)

580. Фортепиано и фортепьяно (IV, 1106)
581. Фортепианщик и фортепьянщик (IV, 1106)
582. Форштадт и форштат (IV, 1107)
583. Форштадский и форштатский (IV, 1107)
584. Фризура и фризура (IV, 1117)
585. Хлѣснутый (или хлѣстнутый) (IV, 1152)
586. Хлеснуть (или хлестнуть) (IV, 1153)
587. Хлеснуться (или хлестнуться) (IV, 1153)
588. Хлибкий (или хлипкий) (IV, 1154)
589. Хлобыснуть (или хлобыстнуть) (IV, 1154)
590. Хлыснутый (или хлыстнутый) (IV, 1158)
591. Хлыснуть (или хлыстнуть) (IV, 1158)
592. Хляснутый (или хлястнутый) (IV, 1160)
593. Хляснуть (или хлястнуть) (IV, 1160)
594. Холуй (или халуи) (IV, 1175)
595. Холуйский (или халуийский) (IV, 1175)
596. Холуйство (или халуиство) (IV, 1175)
597. Холуйствовать (или халуиствовать) (IV, 1175)
598. Чабѣр (или чебѣр) (IV, 1229)
599. Чабрец (или чебрец) (IV, 1229)
600. Чакрыжить (или чекрыжить) (IV, 1234)
601. Чакрыжник (или чекрыжник) (IV, 1234)
602. Чапиги (или чепиги) (IV, 1234)
603. Чапыги (или чепиги) (IV, 1234)
604. Чапыжник (или чепыжник) (IV, 1234)
605. Чепрак (или чапрак) (IV, 1251)
606. Чернядь (или чернедь) (IV, 1262)
607. Чихвостить (или чехвостить) (IV, 1285)
608. Чорт (но: ни черта) (IV, 1288)
609. Чуточный (или чутошный) (IV, 1307)
610. Шаромыга (или шерамыга) (IV, 1321)
611. Шаромыжка (или шерамыжка) (IV, 1321)
612. Шаромыжник (или шерамыжник) (IV, 1321)
613. Шаромыжничать (или шерамыжничать) (IV, 1321)
614. Шаромыжничество (или шерамыжничество) (IV, 1321)
615. Шаромыжный (шерамыжный) (IV, 1322)
616. Шебарша (или шабарша) (IV, 1328)
617. Шебаршить (или шабаршить) (IV, 1328)
618. Шоколад (шоколат устар.) (IV, 1359)
619. Шорстка (или шѣрстка) (IV, 1359)
620. Эвкалипт и евкалипт (IV, 1392)
621. Эвкалиптовый и евкалиптовый (IV, 1392)
622. Экивоки (или екивоки) (IV, 1398)
623. Экос(с)ез (IV, 1402)
624. Экспромт (или устар. Экспромпт) (IV, 1408)
625. Экспромтом (или устар. Экспроптом) (IV, 1408)
626. Эликсир и элексир (IV, 1417)
627. Эфиоп и ефиоп (IV, 1441)
628. Эфиопка и ефиопка (IV, 1441)
629. Эфиопский и ефиопский (IV, 1441)

Экстравариативность в печатной практике послереформенного периода

И. С. Тургенев «Записки охотника»

Наркомпрос РСФСР. Государственное издательство детской литературы, Москва-Ленинград, 1941 г., 100 000 экз.	ОГИЗ. Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1947 г., 250 000 экз.	Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1948 г.	Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1950 г., 500 000 экз.	Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1952 г., 500 000 экз.	Государственное издательство детской литературы Министерства Просвещения РСФСР, Москва, 1954 г., 200 000 экз.	Красноярское краевое издательство, 1952 г., 70 000 экз.
–	то есть	то есть	то есть	то есть	то-есть	то есть
–	Шумихинского	Шумихинского	Шумихинского	шумихинского	шумихинского	Шумихинского
–	коморочкее	коморочке	коморочке	каморочке	каморочке	коморочке
–	христа-ради	христа-ради	христа-ради	христа-ради	христа-ради	Христа-ради
–	деревяшкой	деревяшкой	деревяжкой	деревяжкой	деревяшкой	деревяшкой
–	горшечком	горшечком	горшочком	горшочком	горшочком	горшочком
–	Екатерининского	Екатерининского	Екатерининского	Екатерининского	екатерининского	Екатерининского
–	не хватило	нехватило	не хватило	нехватило	не хватило	не хватило
–	наславу	на славу	наславу	наславу	на славу	наславу
–	неторопясь	неторопясь	не торопясь	не торопясь	не торопясь	не торопясь
–	выдти	выдти	выдти	вытти	выдти	выдти
–	идти	итти	итти	итти	идти	итти
–	граф таки	граф таки	граф таки	граф-таки	граф-таки	граф-таки
–	кампельмейстера	кампельмейстера	кампельмейстера	кампельмейстера	кампельмейстера	кампельмейстера
–	Филлипов отец	Филлипов отец	Филлипов отец	филлипов отец	Филлипов отец	Филлипов отец

—	особенно- пленительно	особенно плени- тельно	особенно- пленительно	особенно плени- тельно	особенно плени- тельно	особенно пле- нительно
—	то-бишь	то-бишь	то-бишь	то бишь	то-бишь	то-бишь
—	таки-выбирался	таки-выбирался	таки выбирался	таки выбирался	таки выбирался	таки выбирался
—	поорловскому	по орловскому	по-орловскому	по-орловскому	по-орловскому	поорловскому
—	однако же	однакоже	однакоже	однако же	однакоже	однакоже
—	мельче	мелче	мельче	мельче	мельче	мельче
—	таки-долгонько	таки-долгонько	таки-долгонько	таки-долгонько	таки долгонько	таки долгонько
—	неименъем	неименъем	неименъем	неименъем	неименъем	неимением
не долго	недолго	недолго	недолго	—	недолго	недолго
чолку	чолку	чолку	челку	—	челку	чолку
внутренне	внутренно	внутренно	внутренно	—	внутренно	внутренно
невесело	не весело	не весело	не весело	—	невесело	невесело

Л. Н. Толстой «Казак»

Детгиз, Москва - Ленинград, 1945 г., 50 000 экз.	Гослитиздат, Москва - Ленинград, 1949 г.	Гослитиздат, Москва, 1952 г.	Московский рабочий, 1952 г., 75 000 экз.	Гослитиздат, Москва - Ленинград, 1953г., 100 000 экз.
<p>безветренная соседа-охотника недалече и не далече урваном бело-матовые необразована встарину густо-заросшие работнику-нагайцу</p> <p>сдержанно спокойный в лет насилу-насилу цырюльника за то-то грубо-переменчивое прийти безветрена</p>	<p>безветренная соседа охотника недалече Урваном бело-матовые необразована в старину густо заросшие работнику-нагайцу</p> <p>сдержанно-спокойным влет насилу, насилу цырюльника за то-то грубо-переменчивое прийти безветрена</p>	<p>безветренная соседа-охотника недалече Урваном бело-матовые необразована в старину густо заросшие работнику-нагайцу</p> <p>сдержанно-спокойным в лет насилу, насилу цырюльника за то-то грубо-переменчивое прийти безветрена</p>	<p>безветренная соседа-охотника недалече Урваном беломатовые необразована в старину густо-заросшие работнику-нагайцу</p> <p>сдержанно-спокойным в лет насилу, насилу цырюльника зато-то грубопеременчивое притти безветрена</p>	<p>безветренная соседа охотника недалече Урваном бело-матовые необразованна в старину густо заросшие работнику нагайцу и работнику-нагайцу</p> <p>сдержанно спокойным в лет насилу-насилу цырюльника за то-то грубо-переменчивое притти безветрена</p>

Л. Н. Толстой «Хаджи-Мурат»

Государственное издательство детской литературы, 1953 г.	О Г И 3, 1946 г.
яркосиние черно-загорелые черт на бок не нужный то-есть распили не видевши ярко-белые Белому царю раненых румяная	ярко-синие чернозагорелые чорт набок ненужный то есть роспили не видавши яркобелые белому царю раненных румянная

М. Е. Салтыков-Щедрин «История одного города»

Гослитиздат, Ленинград, 1935 г., 100 000 экз.	Госиздат, Москва, 1950 г., 250 000 экз.
при чем писанные начали-было глаз-на-глаз восвояси только-что то-есть, то есть в виду однако ж темно-коричневый бесстыжая бурно-проведенной мало-по-малу немаловажную судьбище ай-да как ни как уж-было строго-на-строго как-будто, как будто так-называемые сто-пятьдесят до-Петровский о-сю по-середке ярко оранжевая ярко-прозрачный долго-желанный	причем писаные начали было глаз на глаз во-свояси только что то есть ввиду однакож темнокоричневый бестыжая бурнопроведенной мало-помалу не маловажную судьбище ай да как-никак уж было строго-настроого как будто так называемые стопятьдесят допетровский о сю посередке яркооранжевая яркопрозрачный долгожеланный

ни откуда	ниоткуда
ради-Христа	ради Христа
нечесанная	нечесаная
двадцати-пяти-летнее	двадцатипятилетнее
российской	Российской
по одиночке	поодиночке
котел-было	хотел было
было-разбежался	было разбежался
неестественно-возбужденный	неестественно возбужденный
сверху до низу	сверху донизу
до-днесь	доднесь

М. Е. Салтыков-Щедрин «Старосветские помещики», «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»

ОГИЗ, Москва 1946 г., 280 000 экз.	Детгиз, Ленинград, 1949 г., 100 000 экз.
козакам	казакам
возжами	вожжами
вишень	вишен
настоенная	настоянная
в рубашёнках	в рубашонках
понамарей	пономарей
на бок	набок
Миргородский	миргородский
Полтавский	полтавский
брянчит	бренчит
на крилосе	на крылосе

Н. В. Гоголь «Вечера на хуторе близ Диканьки»

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, 1952 г., 75 000 экз.	«Гослитиздат», Москва, 1952 г., 200 000 экз.
брежжет пол-шеляга що-то ей-богу на смех мало по малу, мало-помалу переяславская (дорога) по добру по здорову что то на-бок девчата Иродово (племя) в присядку околотке досчатый названный на-сторону бледно-золотого выйти (выйду) на славу по неволе	брезжит пол шеляга що то ей богу насмех мало-помалу Переяславская подобру-поздорову что-то на бок дивчата иродово вприсядку околотке дощатый названный на сторону бледнозолотого выдти (выду) на славу поневоле

И. А. Некрасов. Стихотворения

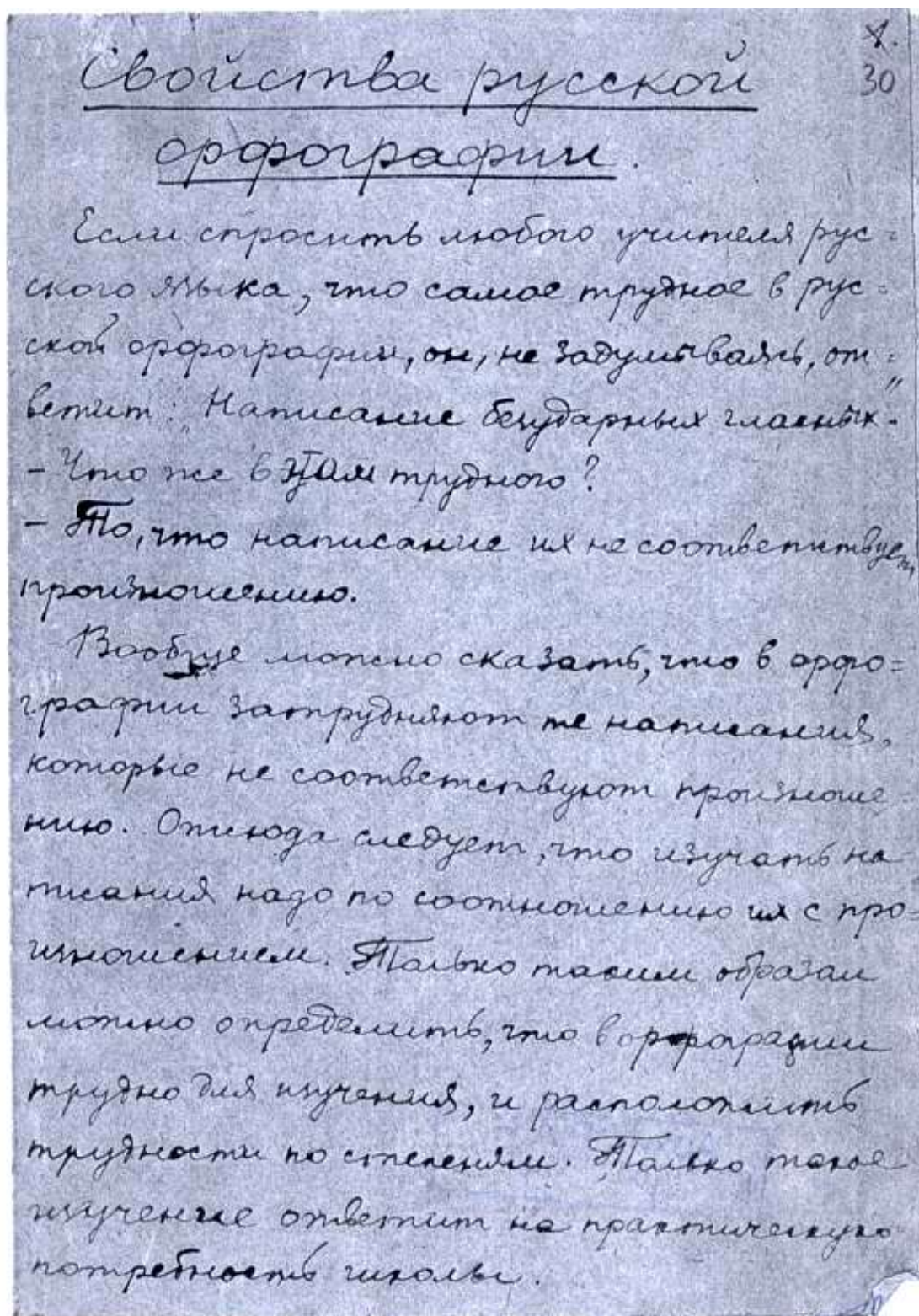
Центральный Комитет Всесоюзного Коммунистического Союза Молодежи, Издательство Детской литературы, Москва-Ленинград, 1939 г., 245 000 зкз.	Государственное издательство культурно-просветительской литературы, Москва, 1952 г., 80 000 зкз.	Гослитиздат, Ленинград, 1953 г., 150 000 зкз.
цвели, колосились темно-голубым бледно-лиловый под-уздцы барин-материк не мудрено	цвели-колосились темноголубым бледнолиловый под уздцы барин материк немудрено	цвели-колосились темноголубым бледнолиловый под уздцы барин материк немудрено

Н. А. Островский «Снегурочка»

Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1950 г., 100 000 экз.	Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1950 г., 500 000 экз.
сын-пастух ладушка зарюшке девочки Снегурочки Берендей и берендей Взятки гладки надвое девицам-берендейкам не малую девалась-запропала цветочки-василечки бог-Ярило	сын пастух Ладушка зорюшке девочки-Снегурочки берендей взятки-гладки на-двое девицам берендейкам немалую девалась, запропала цветочки, василечки бог Ярило

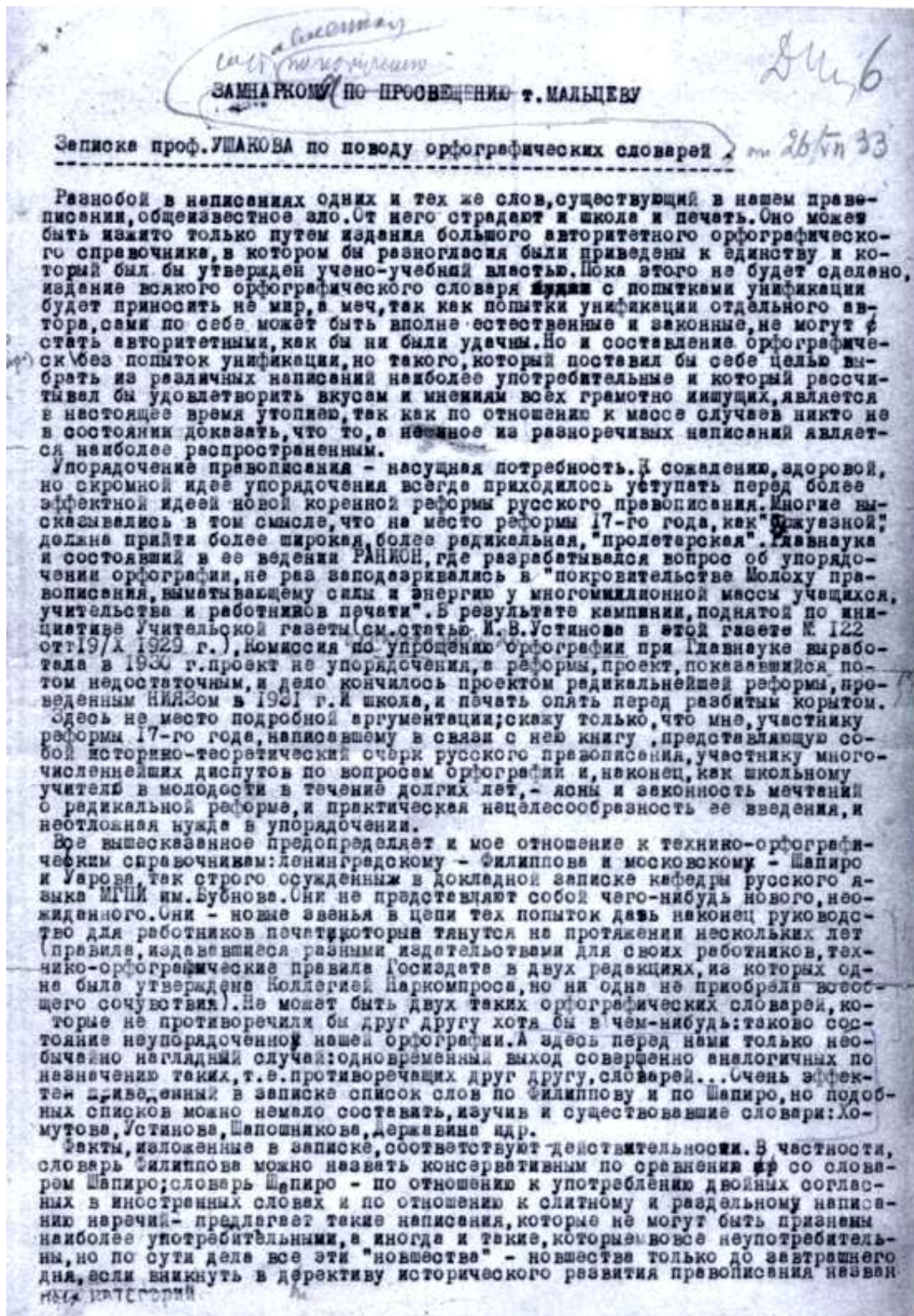
М. Н. Петерсон о свойствах русской орфографии

Ф. 696. Оп. 1. Д. 29. Л. 30.

Записка Д. Н. Ушакова об орфографических словарях

Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 6-7. (26.07.1933 г.)

4

Таким образом, записка права, когда в выволах говорит: "Одновременный выход в свет двух справочников снова сигнализирует о неблагоприятии на фронте орфографии и пунктуации."

Тем или иным способом дать знать, что применение всех правил, изложенных в названных справочниках, не обязательно для печати, а бы считал целесообразным.

Подлежат ли "строгой ответственности" лица, причастные к выпуску в свет подобных пособия, - не думаю; я со своей стороны не склонен ни в том, ни в другом усматривать какого-то "протаскивания" реформы.

Предложения 4-е и 5-е как будто противоречат одно другому: если словарь Пешковского может "устранить все недоразумения, возникающие в области орфографии и пунктуации", то зачем "совещание из представителей Академии наук, институтов и т. д.?"

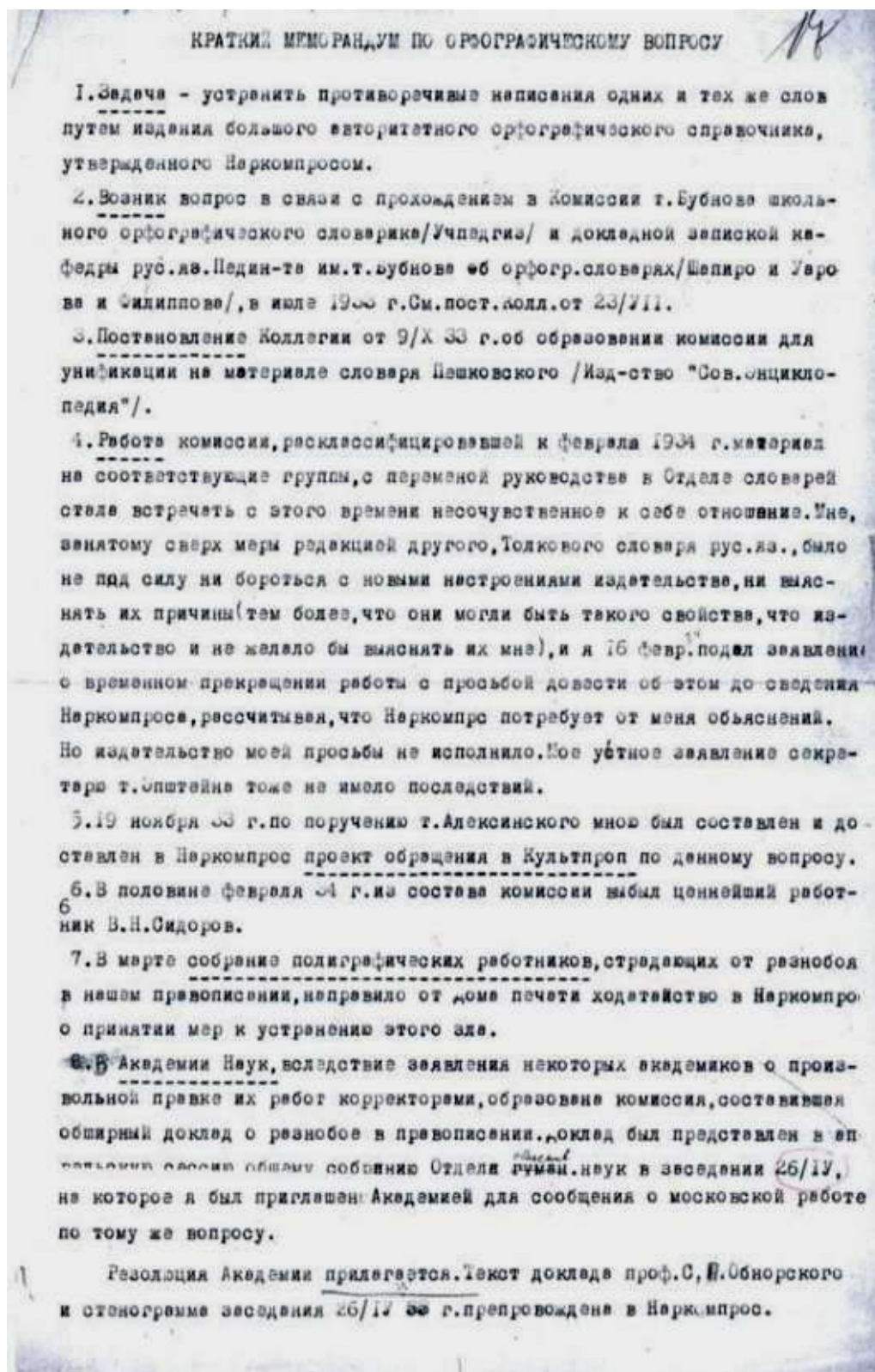
Пользуюсь случаем повторить здесь свое предложение, внесенное мною устно в Комиссии Т. Мальцева:

Упорядочение (не реформа) правописания, о котором я говорил и писал после совершенной реформы 1917 г., надо сделать путем издания большого авторитетного справочника. Тормозом до сих пор являлось отсутствие такого большого справочника. Теперь этот тормоз устранен, словарь есть. Это - словарь покойного проф. А. М. Пешковского, заключающий в себе не менее 100 тысяч слов. К нему и нужно применить необходимые приемы упорядочения, пользуясь для этой цели между прочим (не единственно!) принципами унификации, которые были выработаны в отделе словарей изд-ва "Советская энциклопедия", но которые Пешковский не успел сам провести по словарю. После этого словарь представить на утверждение Наркомпроса.

26/5/33

Краткий меморандум Д. Н. Ушакова по орфографическому вопросу

Ф. 502. Оп. 3. Д. 103. Л. 17-17 об. (12.07.1934 г.)

9. И. - И. Институт полиграфич. и издат. промышленности ОГИЗ, предпринявший по поручению управления ОГИЗ составление пособия под названием "Справочник корректора", представил в мае с/г на отстав Ученого Комитета ланки при Наркомпросе орфографическую часть этого справочника. Комитет постановил представить т. Наркому о необходимости возобновить работу над словарем Пешковского, в число материалов включив и указанный "Справочник".

10. В июне я был приглашен в Культпроп, куда, оказалось, также поступают жалобы на ненормальное положение, создаваемое для печати и школы разнообразием в издаваемых орфографических словарях. Я осветил т. Дейтсизен состояние нашей орфографии и информировал ее о соответствующих мероприятиях Наркомпроса.

11. Остается неясным вопрос о взаимоотношениях авторов словаря (Устинов, Павлов-Шикин и правопреемница покойного Пешковского) с издательством "Сов. Энциклопедия" - вопрос, на составлении которого существует того большого культурного дела, каким является издание унифицированного справочника, однако так или иначе с ним связанный, хотя бы и тем, что это издательство, входящее в состав ОГИЗ, является подчиненным Наркомпросу. Казалось бы, что издательство должно быть не только озабочено выполнением своих договорных обязательств перед авторами, но и само заинтересовано в скорейшем выпуске принятого к изданию труда. Так и было до начала 1931 г., когда издательство настояло на окончании работы комиссии по унификации непременно к весне, чтоб выпустить словарь к учебному сезону 1931-32 г. (что, впрочем, едва ли было осуществимо, поскольку работа нуждалась в одобрении и утверждении); после же смене руководства словарным отделом изд-ва авторы, естественно заинтересованные в судьбе своего труда, получают только неопределенные ответы на необходимость сношений с Наркомпросом, к которым оно, по-видимому, и не приступило. По-видимому, дело требует вмешательства Наркомпроса.

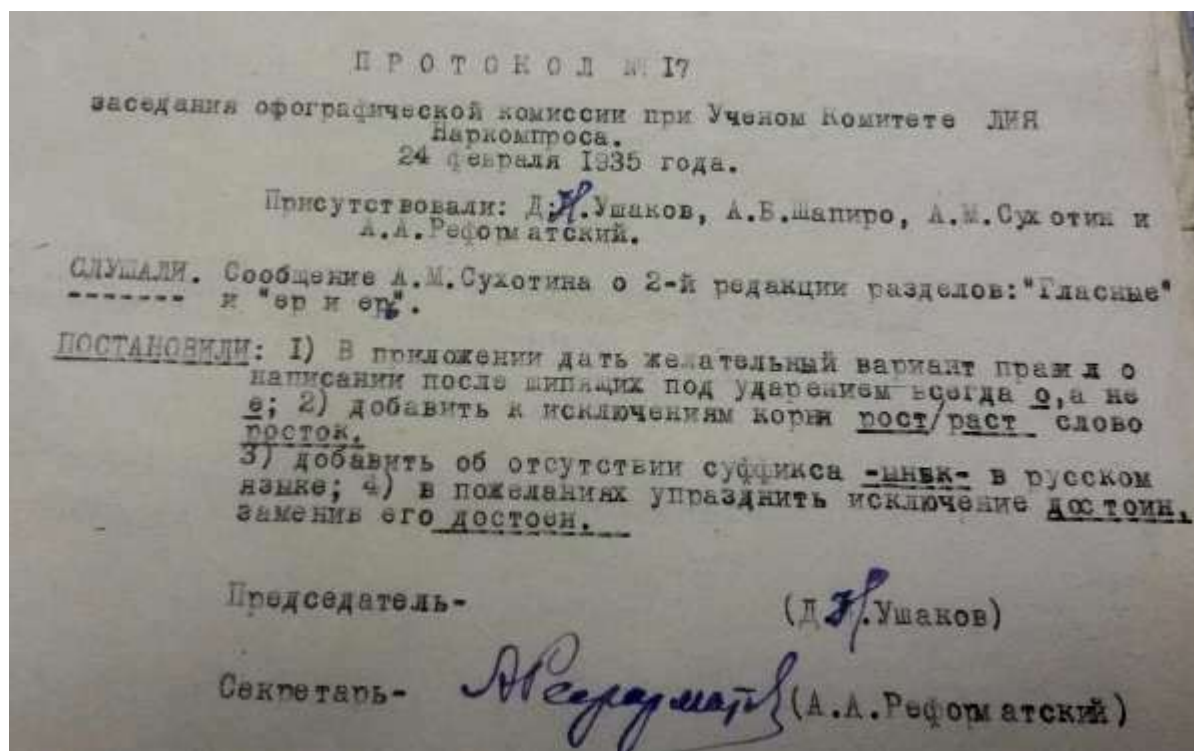
Выводы.

Издание большого орфографического справочника, утвержденного Наркомпросом необходимо.

Академия наук, как выяснилось, составления такого справочника на себя не берет, ограничивая свою задачу выработкой руководящих положений и небольшим примерным словариком. Таким образом, эта работа, чрезвычайно ценная, тем не менее насущного вопроса не разрешит. Необходимо возобновить московскую работу, а для этого изъять ее из ведения Издательства, не считаясь с постановлением Коллегии, и поручить взять на себя это дело Ученому Комитету ланки при Наркомпросе; в число работников, которым будет поручено дело, целесообразно еще привлечь специалистов из Полигр. Института.

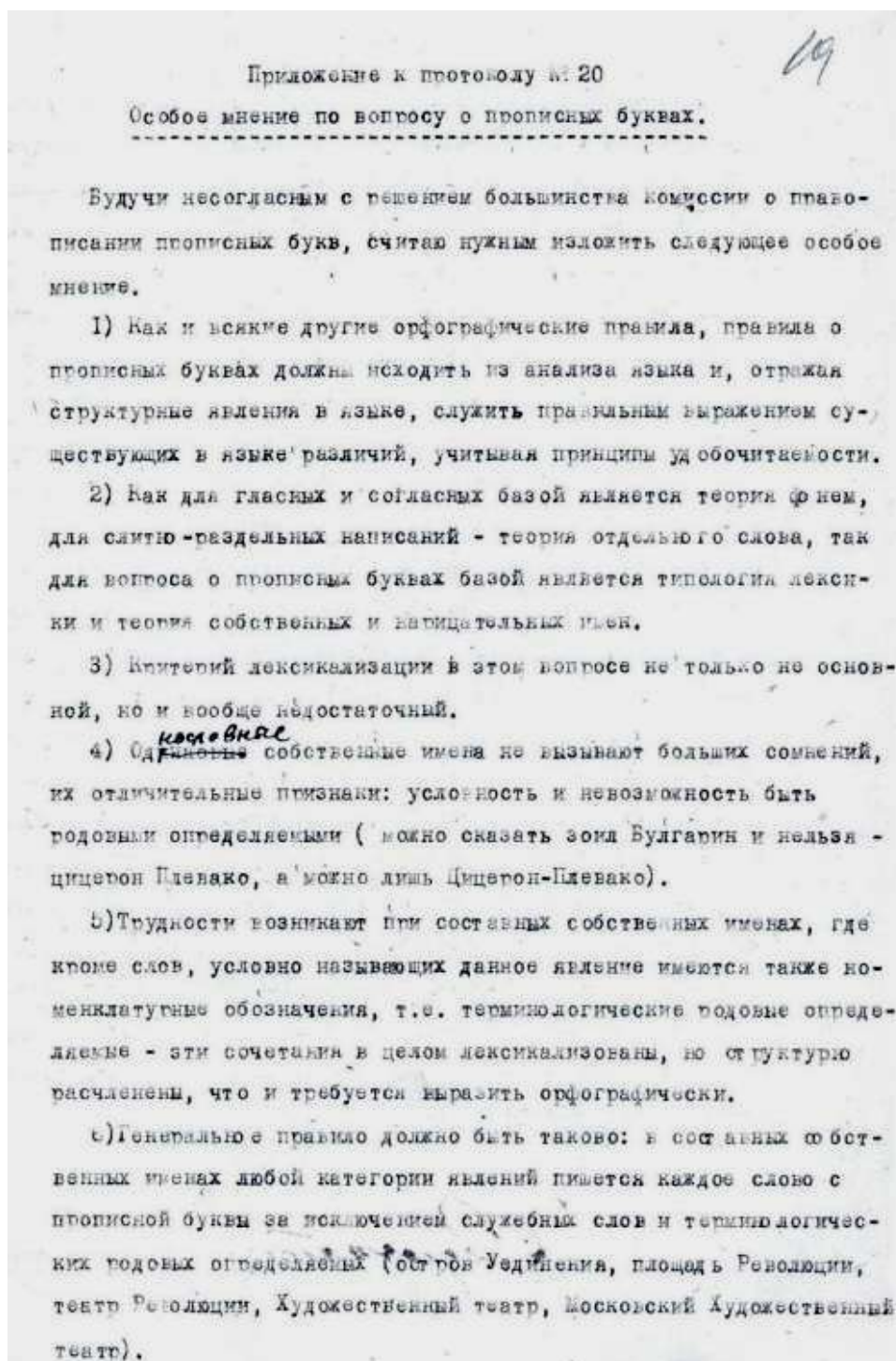
**Протокол №17 заседания орфографической комиссии
Наркомата просвещения РСФСР**

Ф. 502. Оп. 1. Д. 105. Л. 17. (24.02.1935 г.)

Мнение А. А. Реформатского о прописных буквах

Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. Л. 19-19 об. (20.03.1935 г.)

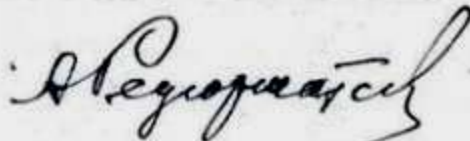

7) От этих случаев следует отличать те, когда нет условного названия, но синекдохически употребляется родом определяемое в качестве собственного - эти квази-собственные имена следует писать с первой прописной буквы, независимо от категории имений (Театр оперетты, Институт нефти).

8) Родом определяемые не отвечающие действительности всегда пишутся с прописной (Кузнецкий Мост, Белая Церковь и т.п.).

9) Изложенные под этим углом зрения правила будут обладать: 1) необходимой степенью обобщенности, сводимой к одной общей и нескольким частным формулам, 2) удобовоспринимаемой краткостью (не надо делить одних и тех же сговорок и повторяющихся случаев в разных категориях, и вообще лингвистически посторонний признак тематики не будет играть никакой роли, сейчас же он положен в основу, что, повидимому, указывает на существование в языке особых "классов" названий исторических, географических и т.п. (и приводит к трудностям вроде: относиться ли Дом Печати к географической категории или к категории организаций и учреждений и т.п.), 3) лингвистической адекватностью в отношении соответствия обозначаемого и обозначающего, 4) увеличением процента оправданных языком прописных, что содействует беглости чтения и лучшей опознаваемости текста.

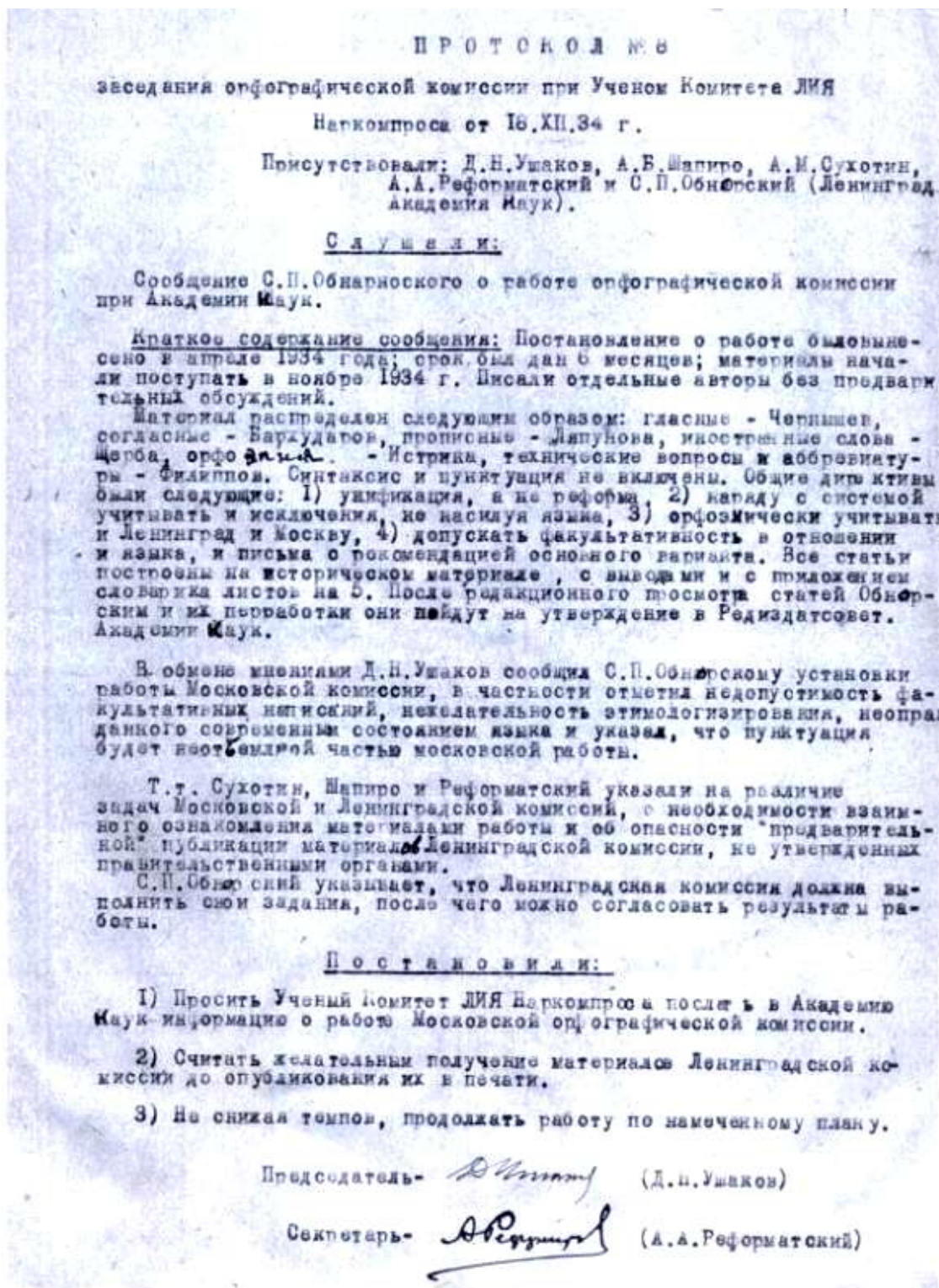
10) В заключение хочу подчеркнуть, что нести ответственность за трудности усвоения принятых комиссией неправильных правил о прописных буквах я не намерен намерения и поэтому письменно об этом заявляю.

А. РЕТОРНАТОВИЙ.

**Протокол № 8 заседания орфографической комиссии
Наркомата просвещения РСФСР с участием С. П. Обнорского**

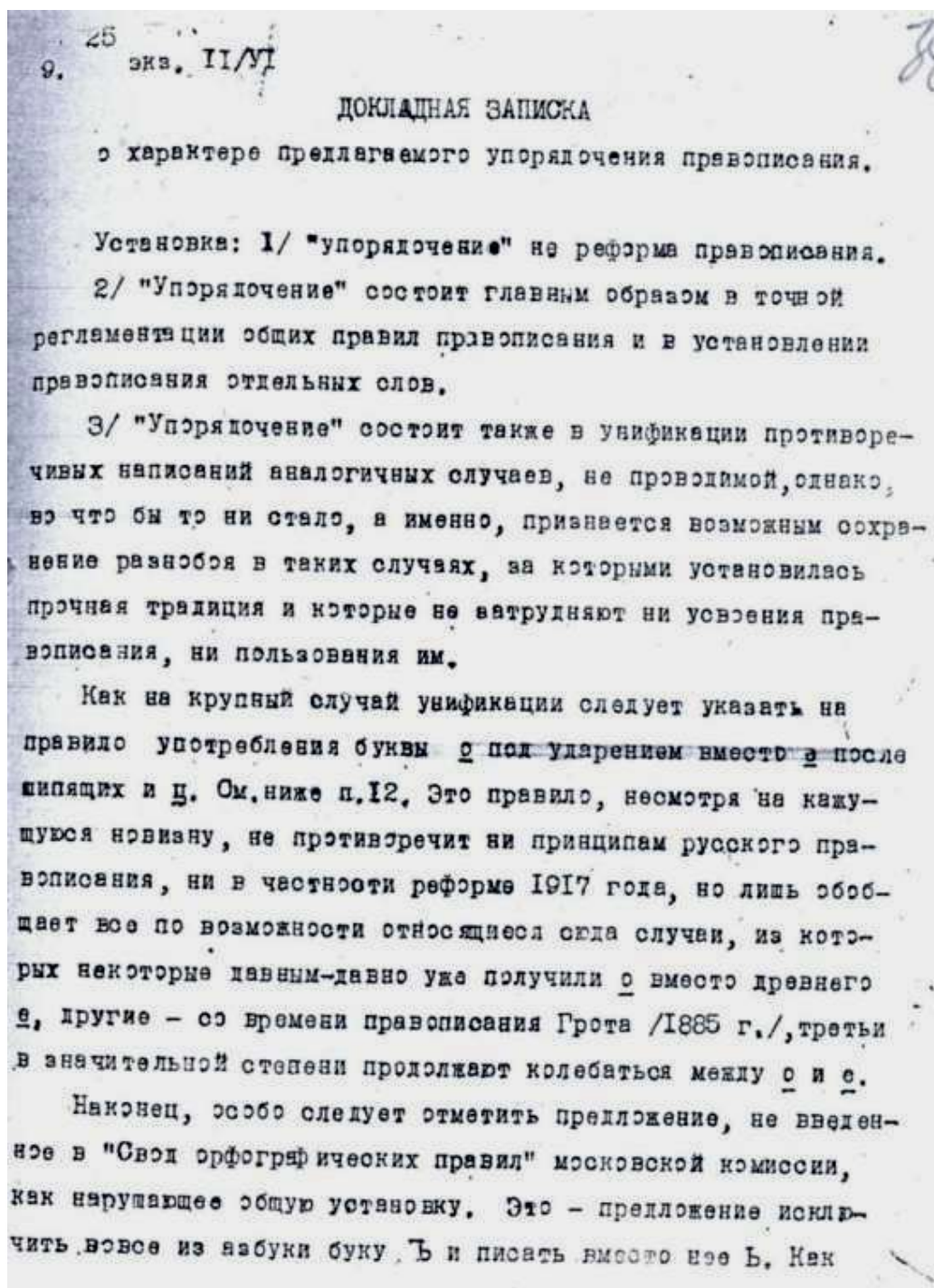
Ф. 502. Оп. 3. Д. 105. Л. 8. (18.12.1934 г.)

**Докладная записка Д. Н. Ушакова
о характере предлагаемого упорядочения правописания**

Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. Л. 38–39.

(к заседаниям объединенной орфографической комиссии 12–17 июня 1936 г.)

известно, буква Ъ при реформе 1917 г. оставлена исключительно только в приставках /рябъед и т.п./, в процессе же обсуждения проекта реформы неоднократно предлагалось заменить ее буквой Ь, в ныне она давно заменяется этой буквой в различной специальной практике. /См. приложение/.

Напечатанные предварительно материалы состоят из 4 проектов:

1. Свод орфографических правил.
2. Свод пунктуационных правил, составленные ленинградской комиссией и представляющие собой полные перечни всех правил орфографии и пунктуации, т.е. в том числе и таких, которых не коснулись никакие изменения.
3. Орфографический справочник, составленный ленинградской комиссией и представляющий собой сборник статей по спорным вопросам русского правописания.
4. Словарь, составленный ленинградской комиссией и подлежащий пополнению, является перечнем всех слов, с правописанием которых трактуют материалы, а также таких слов, правописание которых можно установить только в словарном порядке или которые массовому требователю "Свода" не легко познать безошибочно под определенное правило.

Для характеристики предлагаемого упорядочения правописания целесообразно указать из всей массы правил и отдельных случаев более крупные, а также такие из мелких, которые по разным причинам заслуживают внимания.

Предложение профессора Л. И. Жиркова об исключении твердого знака

Ф. 502. Оп. 3. Д. 110.

(по итогам заседаний объединенной орфографической комиссии 12–17 июня 1936 г.)

Сособе мнение об устранинии буквы Ъ /твердый знак/.

В Ученый Комитет Языка, Литературы и Искусства.

К заключению по вопросу об упорядочении русской орфографии прилагаю следующее мое особое мнение:

В первоначальном докладе комиссии под председательством проф. Ушкова в конце были высказаны некоторые пожелания, которые не были включены в обзор орфографическую связку правил. Среди этих пожеланий было и пожелание устранить совершенно букву "твердый знак" /Ъ/, заменив его в роли "разделительного знака" буквой "мягкий знак" /Ь/, например,

...а не разЪвад /как сейчас печатается/, и ка. раа"ва
 ...сейчас пишется на машинке и в телеграммах на буквопеча-
 ...аппаратах/.

Я подтверждаю необходимость согласиться с этим пожела-
 нием комиссии и исключить букву "твердый знак" совершенно.

Во всяком случае необходимо при решении этого вопроса
 учесть мнение не только лингвистов и педагогов, но и других
 работников, оспаривавшихся с техникой письменной и печат-
 ной речи. Полиграфисты для "твердого знака" нуждаются в осо-
 б. клетке наборной кассы. Писущая машинка давно исключила
 эту букву из своего шрифта, и восстанавливать ее не следует,
 т.к. клавиатура и сейчас тесна для ряда знаков препинания,
 пробел и пр. Наконец, буквопечатывающие телеграфные аппараты
 имеют математический предел знаков на клавиатуре /2Ъ - два
 в лат. степени/, и прибавить еще букву на аппарате нет
 никакой возможности. Все эти специали-технические должны
 быть заслушаны Наркомпросом. В наше время полиграфическое
 печатное и машинное письмо является важнейшим родом письма,
 а борьба на эту технику накладывать бесполезное бремя в угоду
 ленин, привычки писать от руки с буквой "твердый знак".

Настоящее особое мнение я прилагаю потому, что считаю
 существующее правописание в этом пункте нецелесообразным,
 а устранение этой нецелесообразности совершенно безобла-
 ченным.

9/VI-36г.

Пр. Лев Иванович Жирков.

Особые мнения С. П. Обнорского, Б. М. Ляпунова, В. И. Чернышева
о правописании слова наваждение

Ф. 502. Оп. 3. Д. 110. Л. 4-4 об.

(по итогам заседаний объединенной орфографической комиссии 12-17 июня 1936 г.)

К 310 Своду географических названий
К заседанию Объединенной Орфографической
Комиссии 13 июня 1936 года.

3977 Особые мнения.

В связи с решением Комиссии установить право-
писную форму слова наваждение, с а, должна
заявить две мнения о необходимости написания
этого слова с а (наваждение).

Данное слово этимологически связывается с
старой формой глагола вадити в значении
„клеветать, агитация“; в др.русском имеют только
родно у слова — свада (смысл в Русской Правде), навади-
кня и др.; слово известно в других диалектах с
ударением на коренном гласном, в славянских языках.
Никакого навади сомнений в написании слова с
а нет; его и не было: все старые академические
словари, Даль, Грамм — дают одну правописную норму
для слова, правописную, с а. Последнее время в
печатях стали происходить случаи написания сло-
ва с о, как если бы это было образование от
глагола „вадить“. Но такое написание должно, при
научном подходе к разрешению вопроса, квалифициро-

Самбы как ошибочное написание и его следует,
копечно, не узаконивать, а исправить. Сведения для
исправления, почти указанные выше данные по
этимологии слова, многообразные производные от
этого слова, которые можно найти в том же
словаре Вала, не даны глаголом навадить, существитель-
ные навада, навадите и т.д., всё материал,
бесспорно указывающий на наличие в корне
гласного а, но не ~~о~~ о

Статью поэтому правильным нормирование
правильной формы слова с гласным а (не о) в
корне — наваждение, как эта форма слова не
исключается всеми общепринятыми словарными
критериями удалять.

Смелее и формулирует С. П. Обдорский
вполне согласен Д. М. Ляпунов

Член-корресп. АН СССР проф. Обдорский
Член-корресп. АН СССР В. Чернышев.

Особое мнение С. П. Обнорского о правописании наречий

Ф. 502. Оп. 3. Д. 110. Л. 5-5 об.

502/3
116

Особое мнение гв. кнз. С. П. Обнорского
и § 122 „Обла“ (о необходимости
написания вдвое, втрое и пр., но не два,
на. три, но два, но три).

В слезах с гетманом Колесса слы-
тно написано вдвое, втрое, как и надвое,
на три, но разговора написаны но два,
но три: какому необходимостью отъезда Ох-
мане не слышнее.

Слова вдвое, втрое (ср. такли одном,
втроем) — давни корень, издавна введясь
пильнику слышно.

Слова на два, на три слышно слышно
и пишущий разговора, а но два, но три
никто слышно не слышно и не пишущий, и
лишь в заседании Общественной Колесса при-
ветельи Московской урны ставили вопрос о
слышно слышно и этот пара ~~два~~, ~~три~~
слышно слышно слышно слышно вдвое, надвое,
на три. Конечно, это не аргумент. В но два, но
три при кати не слышно, а слышно слышно
но и слышно слышно, и это слышно слышно не
слышно слышно с слышно слышно с кати слышно

Синтаксис на два, на три, которые (как и
на пять, на шесть и т.д.) неизбежно имеют связь
то с сочетанием на двое, на три, начетыре,
стоит в линии и на двое, на три, которые
в известных случаях употребляются в роли так же
эквивалентной (т.е. связки) сочетания на два,
на три (на двоих, на троих). Отсюда видно,
это неграмотно орфографически символ
в одну линию и двое, три, и на двое, на три,
не избежит уже о на двое, на три.

Все сказанное, думаю, должно угодить в
удовольствие, отличаюсь правильной практикой
орфографии, имеет слитно двое, три
(так как это норма), но неграмотно на двое,
на три, на двое, на три (так как здесь
и первая осознанная сочетание двое и
трехзначных). С. правило в виде на двое, на
три ли, которая не является не отличительная
от примера как на три ли, уместны и
и т.д. В вошедших двое на двое сказала
лирикам по существу то же самое, только
это обязательное не прискакивать на поше лите-
ратурного языка, а предугадать дислексический ритм.

С.-И.И. А. ССЗ С. В.И.И.И.

Мнение С. П. Обнорского о написании *-н-* и *-нн-* в отглагольных образованиях

Ф. 502. Оп. 1. Д. 76. Л. 58–61.

(по итогам заседаний объединенной орфографической комиссии 12–17 июня 1936 г.)

58

О написании одиночного и двойного НН в страдательных причастиях и образованных от них прилагательных.

Формулировка § 60 Свода орфографических правил, предложенная чл. корр. Академии Наук проф. С. П. ОБНОРСКИМ.

С орфографической стороны была и сохраняется бесспорной категория страдательных причастий прошл. вр., которые писались и должны писаться с двойным НН в образованиях от любого глагола / и бесприставочного и осложненного приставкой/, напр. от делать - сделанный, таким же образом - доделанный, оделанный, переделанный и т. д., или от держать - держанный, равным образом выдержанный, задержанный, издержанный, передержанный, подержанный и т. д. Устойчивость написания этих образований и в прошлом и в настоящее время, синтаксическая их оправданность не позволяют возбуждать вопроса о том, чтобы здесь целесообразно было вносить какие-либо новшества, чтобы в частности писать в этой категории слов / всей или частично, например, в причастиях от бесприставочных глаголов / не двойное НН, а одиночное Н. Между тем такие предложения иногда преподносятся орфографами-реформистами. Ясно однако, что этого рода проекты были бы теоретичными, нарушили бы прочно сложившуюся традицию нашего письма, явились бы прямым покушением во имя отвлеченных и орфографических принципов механической унификации письма на самый язык.

Процессуальным явлением нашего языка служит постоянное ослабление глагольности в отдельных группах этих страдательных причастий: они утрачивая непосредственное полное значение глагольных образований, становятся просто прилагательными, получая в связи с этим известные признаки собственно прилагательных, напр.

возможность изменяться по степеням сравнения, возможность слагать наречные формы и под. Таких новых прилагательных, сложившихся из причастий (и существующих рядом с их вариантами как собственно причастиями), значительное количество в нашем языке. Они слагались и слагаются и на почве живого нашего разговорного языка (просторечье) или диалектов, и на почве собственно литературного и книжного языка. В первом случае в этот процесс трансформации первичных причастий в прилагательные вовлекаются глаголы более конкретного значения и широкого бытового употребления; во втором случае - глаголы книжного происхождения и относительно ограниченного (в частности в художественном литературном языке) распространения. В первом ряде таких новых сложившихся прилагательных из причастий мы обычно имеем формы на одиночное Н, вторая группа новообразованных прилагательных (из причастий) прочно держится в написаниях с двойным НН. Ср. с одной стороны прилагательные типа - печеный, копченый (копченая колбаса), закопченный (закопченное стекло), воцеленый, аваяный (обед), поношенный (поношенное пальто), подержанный (подержанные книги), смешанный (человек), негашеный (негашеная известь), ученый, посаженный (отец), и т.д. (при всех подобного рода прилагательных, с одиночным Н, возможны варианты собственно причастные образования с написанием двойного НН, напр. "хлеб, печенный два дня назад"; "копченая в продолжение двух суток колбаса" и т.д.) ; с другой стороны ср. употребительные преимущественно в литературном языке высокого стиля прилагательные / из причастий/, пишущиеся с двойным НН, в ряде - взволнованный, возбужденный, возмущенный, выдержанный, вымышленный, доверенный, избранный, изможденный, изысканный, отвлеченный, призванный, рассеянный и т.д. /Эти же слова могут выступать и как собственные причастия, напр. взволнованный этим известием, возбужденный здесь вопрос и под./.

Перед нами четкая грамматическая категория - новые соединенные прилагательные /из причастий/; они существуют рядом с их вариантами, собственно причастиями. Перед нами развивающееся явление языка: группа новых слагающихся прилагательных (из причастий) растет в языке, направляясь потом в язык двумя каналами - и разговорной стихией языка (несущего формы на одиночное Н) и книжным и художественным слоем языка (откуда новые формы с двойным НН).

В этих условиях языка и прочно сложившейся системы написаний одного ряда прилагательных (сложившихся из причастий) с одиночным Н и другого ряда с двойным НН в регулировании всей совокупности написаний соотв. слов следует лишь определить и установить (в словарном порядке) один и другой ряд фактов. Это и предлагает Академическая Орфографическая комиссия. Всякое иное взаимное выравнивание было бы искусственным и насилующим язык, как и сложившуюся практику письма. Так неправильно было бы в ряде: копченый, печеный, масляный, смысленный, соленый, подержанный, нагашенный, недоученный (как прилагательным, не причастиях) вводить норму написаний с двойным НН, как и наоборот в прилагательных второго ряда: приижженный, измеженный, неслыханный и т.д. - написания с одиночным Н. Подобным же образом неправильным и искусственным было бы (что предлагает Московская Орфографическая комиссия) допущение написаний с одиночным Н лишь в бесприставочных образованиях (напр. только в соленый, копченый, печеный и т.д.), но проведение двойного НН всюду в образованиях от осложненных приставками глаголов. В процессе ослабления глагольности у причастий, язык не справляется, что в данном случае глагол осложнен или не осложнен приставками, и мы действительно имеем как сложившиеся

61

правописные нормы с одиночным Н и прилагательные вроде копченый, печеный и т.д., и прилагательные закопченный, поношенный, смысленный и т.д..

В согласии с изложенным предложением Академической Орфографической Комиссии по вопросу о написании одиночного и двойного НН в прилагательных, образовавшихся из причестий, резюмируется в виде следующего положения:

Страдательные причестия прошлого времени, употребляемые в значении прилагательных, пишутся с одиночным или (обычно в словах книжного происхождения) с двойным НН, напр. с одной стороны - севшая мука, копченая колбаса, вагон для раненых, поношенное пальто, смысленный человек, подержанные книги, негашеная известь и под с другой стороны - возбужденный, возвышенный, выдержанный, вымысленный, изысканный и т.д.; о написании этих слов в отдельности следует справляться в словаре.

Член-корресп. АН СССР. проф.

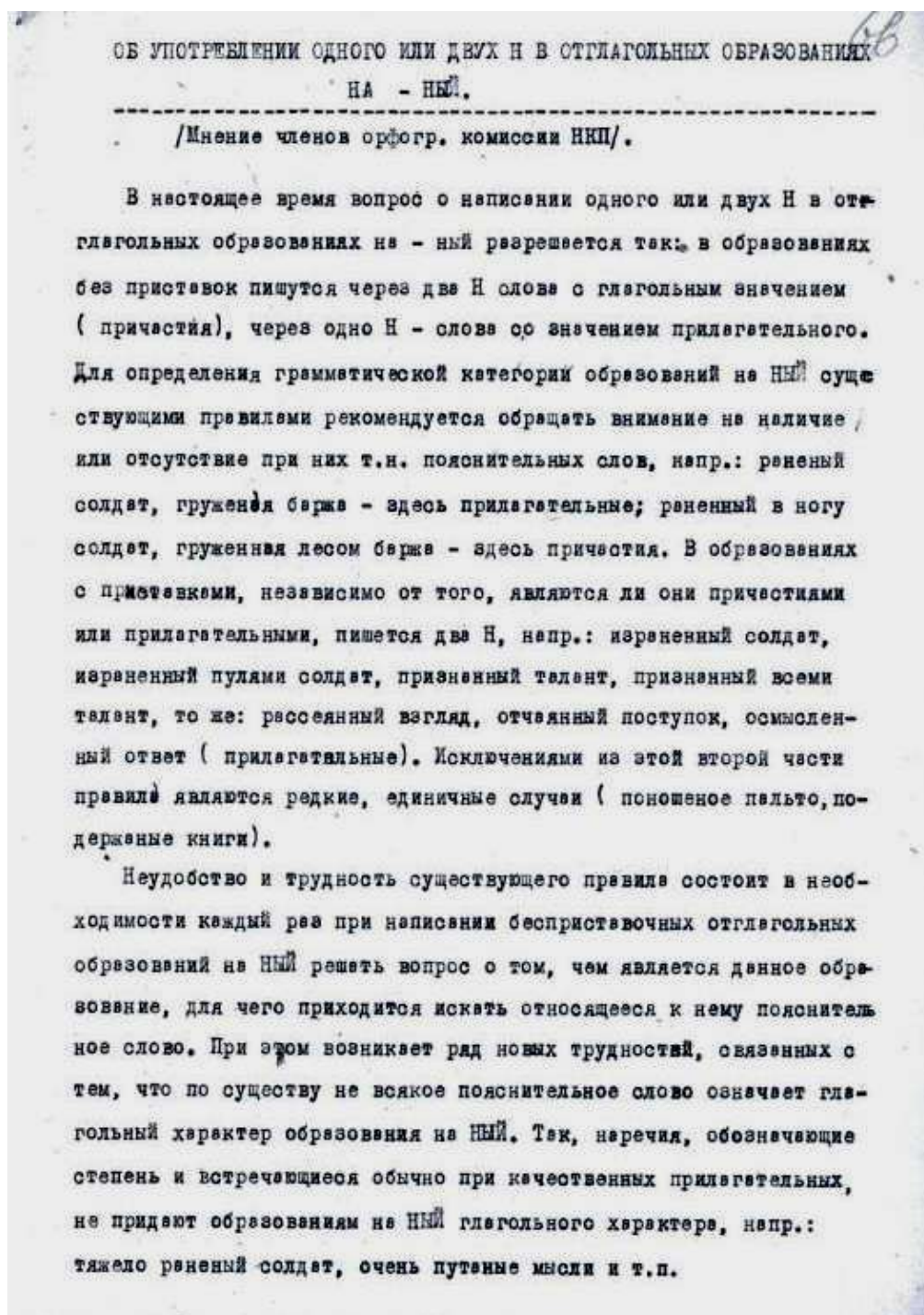
/С.Обнорский/

17/VI-1936г.

Мнение орфографической комиссии Наркомата просвещения РСФСР о написании *-н-* и *-нн-* в отглагольных образованиях

Ф. 502. Оп. 1. Д. 76. Л. 66–68.

(по итогам заседаний объединенной орфографической комиссии 12–17 июня 1936 г.)

Облегчение правила написания отглагольных образований на НННЙ могло бы заключаться лишь в полном отказе от употребления в них двух Н. Это несколько не затруднило бы различения их значения, т.к. принадлежность их к глагольной категории (к причастиям) или к прилагательным устанавливалась бы на основе целого ряда других признаков, заключенных в синтаксическом строе и составе предложения. Отказ от употребления двух Н не отразился бы также и на произношении, т.к. во всех рассматриваемых образованиях (кроме слов: данный, желанный) произносится Н недвойное (т.е. недолгое).

Однако такой отказ означал бы радикальное изменение существующей орфографической практики и в силу этого не предлагается. Некоторым же, частичным, но все же полезным исправлением существующего правила было бы употребление двух Н только в образованиях с приставками, а также во всех образованиях на - ОВАНННЙ; в образованиях же без приставок (за исключением образований на ОВАНННЙ следовало бы писать всегда одно Н. Такое разрешение вопроса имеет за себя следующие аргументы: 1) оно дает возможность легко и быстро разрешать вопрос, как следует писать то или иное слово, 2) оно относительно верно отражает и существо дела, т.к. образования без приставок фактически чаще являются прилагательными, а образования с приставками - причастиями, 3) оно в минимальной степени меняет установившуюся практику.

Наименее приемлемым явилось бы правило, предлагаемое проф. С.П. Обнарским и заключающееся в том, чтобы образования на НННЙ, независимо от наличия или отсутствия в них приставки, писались с двумя Н, если они являются причастиями, и с одним Н, если они являются прилагательными (следовательно: раненный в ногу солдат; раненный солдат; установленный для всех порядок, но: установ-

ленный порядок; признанный всеми авторитет, но: признанный авторитет и т.п.) К этому С.П. Обнорский считает необходимым добавить, что не все приставочные прилагательные на НИИ рассматриваемой категории должны писаться с одним Н, в некоторые должны, в исключение из правила, по соображениям этимологического и лексического характера все же писаться с двумя Н.

То, что предлагает С.П. Обнорский, означает, что к трудности, заключающейся в необходимости устанавливать всякий раз, имеем ли мы дело с причастием или с прилагательным (что хотя и трудно, но все же возможно), прибавляется другая трудность - выяснение, когда когда прилагательное с приставкой следует писать с двумя Н, а когда с одним, что совершенно не под силу неспециалисту. А это означает, что всякий раз при встрече с таким словом пишущий должен будет обращаться к орфографическому словарю.

Замечания С. П. Обнорского, Б. М. Ляпунова, В. И. Чернышева
о правописании слов с корнем -ро(а)ст-

Ф. 502. Оп. 3. Д. 110. Л. 18-18 об.

(по итогам заседаний объединенной орфографической комиссии 12-17 июня 1936 г.)

Замечания к § 10, стр. 7-8, Свода орфографических правил
Орфографической комиссии при Учен. Комитете литературы и языка Наркомпроса
Упдеевиз (Москва 1936).

Настаивая на том, что глагол ростѣ во всех формах
настоящ. и прошедш. времени и формах преемств и инфинитива
должен писаться с буквою о, как и производные от того же
корня имена вѣдоросль, пѣросль, рост и глагол ростѣтъ,
кроме взятых из старославянского языка слов растѣние,
вѣзраст, вѣтростъ, которые пишутся с буквою а, но
это рядом с рос- искони существовал не только в южно-
славянском (старославянском), но и в русском яз. удлинѣнный
вид того же корня раа- в некоторых словах и особенно
в формах глагольных многократного значения, каковы
вырастѣтъ, вырастѣвать и др., мы считаем, что сто-
ит правильно различать ро- в горѣтъ от гар-
в догарѣтъ, сгарѣтъ, разгарѣтъ и т. п., ввиду несо-
мненных указаний производных имен того же корня,
имеющих звук а под ударением, каковы гарь, гарный,
нагар, угар и т. п., а также и ро- в родѣтъ от ра-
в пораждѣтъ, пораждѣтъ, нераждѣтъ и др., хотя послед-
ние несомненно попали в русский литературный язык
из языка старославянского при наличии народной русской
формы рождѣтъ, существ. урождѣ и украинских рождѣти,

вироста́ти, вироста́ти, что показывает, что в на-
родных говорах русских и украинских предвзета́ стре-
пление к удержанию коренного о и в многократных
формах. Тем не менее слогный состав русского литера-
турного звука, образовавшегося на основе скрещенной звука
книжного южнославянского с звуком разноклассовых народных
масс восточного славянства, обуславливает нас удерживать на
писью старое чередование в унаследованных от старославянского
звука формах. О чередовании о с а в словах одного корня
см. в Орфографическом Справочнике, составленном Орфограф.
Комиссией при Акад. Наук СССР в 1936 г., стр. 15-18, а также
в словаре к орфограф. справочнику, составленному проф. В. П. Обнорским.

17. VI. 1936.

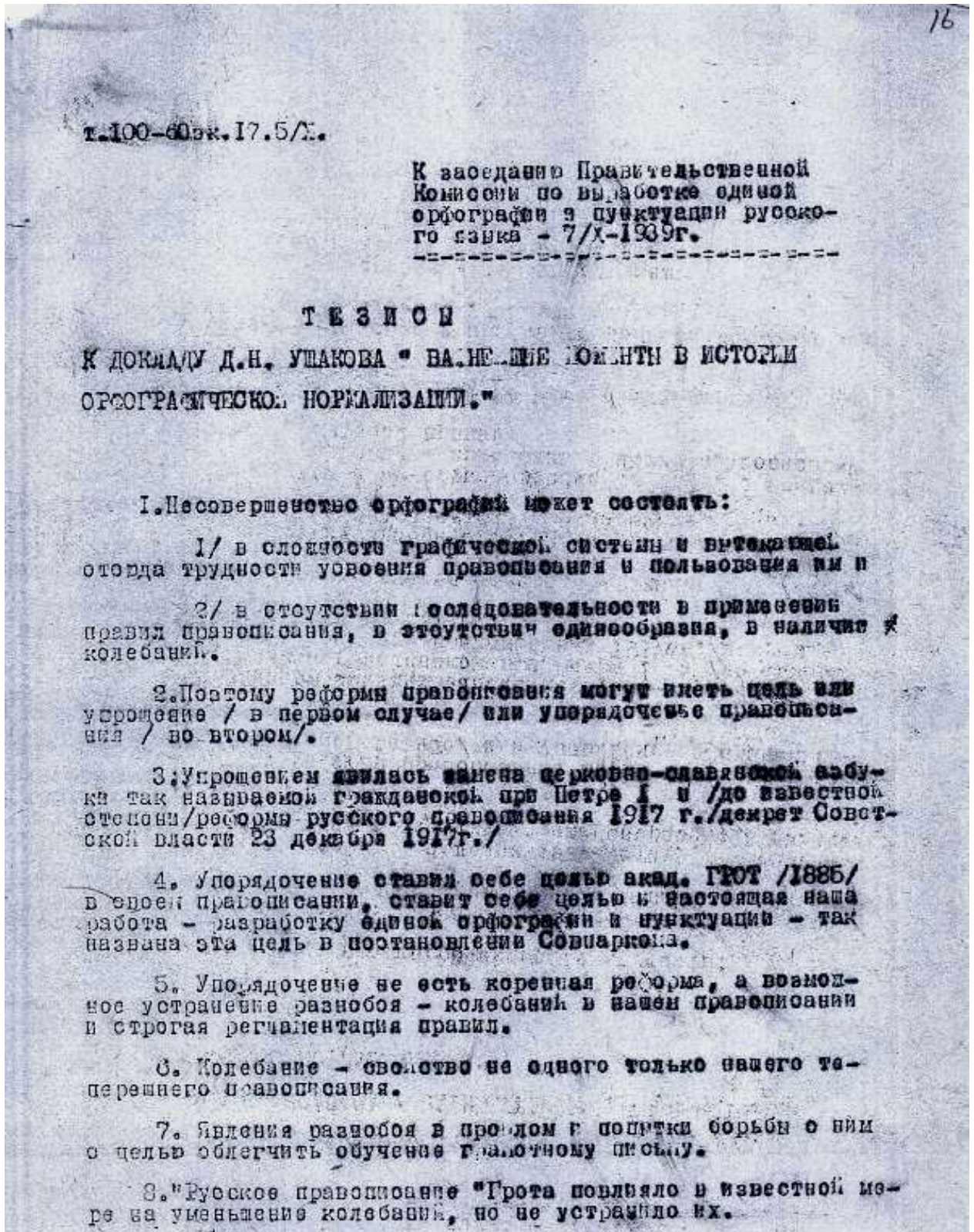
Акад. Б. М. Ляпунов

Зам. - курр. АН С. Обнорский

Зам. - курр. В. Чернышев

Тезисы к докладу Д. Н. Ушакова
«Важнейшие моменты истории орфографической нормализации»

Ф. 502. Оп. 3. Д. 156 Л. 16-17.

9. Реформа 17 года была главным образом реформой алфавита и только в частности - реформой орфографии. Устранить колебания она не ставила себе целью. Эта задача требует еще разрешения.

10. Попытки упорядочения правописания после 17-го года не достигали цели, потому что вместо разумного упорядочения увлекались идеей радикальной реформы.

11. Современное русское правописание не является строго и вполне установившимся. Главнейшие колебания в нем.

12. Работы по упорядочению правописания Московской Комиссии при Ученом Комитете Наркомпроса / в 1933г. / и Ленинградской при Академии Наук.

13. Плоды этих работ - оводы орфографических и пунктуационных правил, словарь и сборник статей по вопросам правописания.

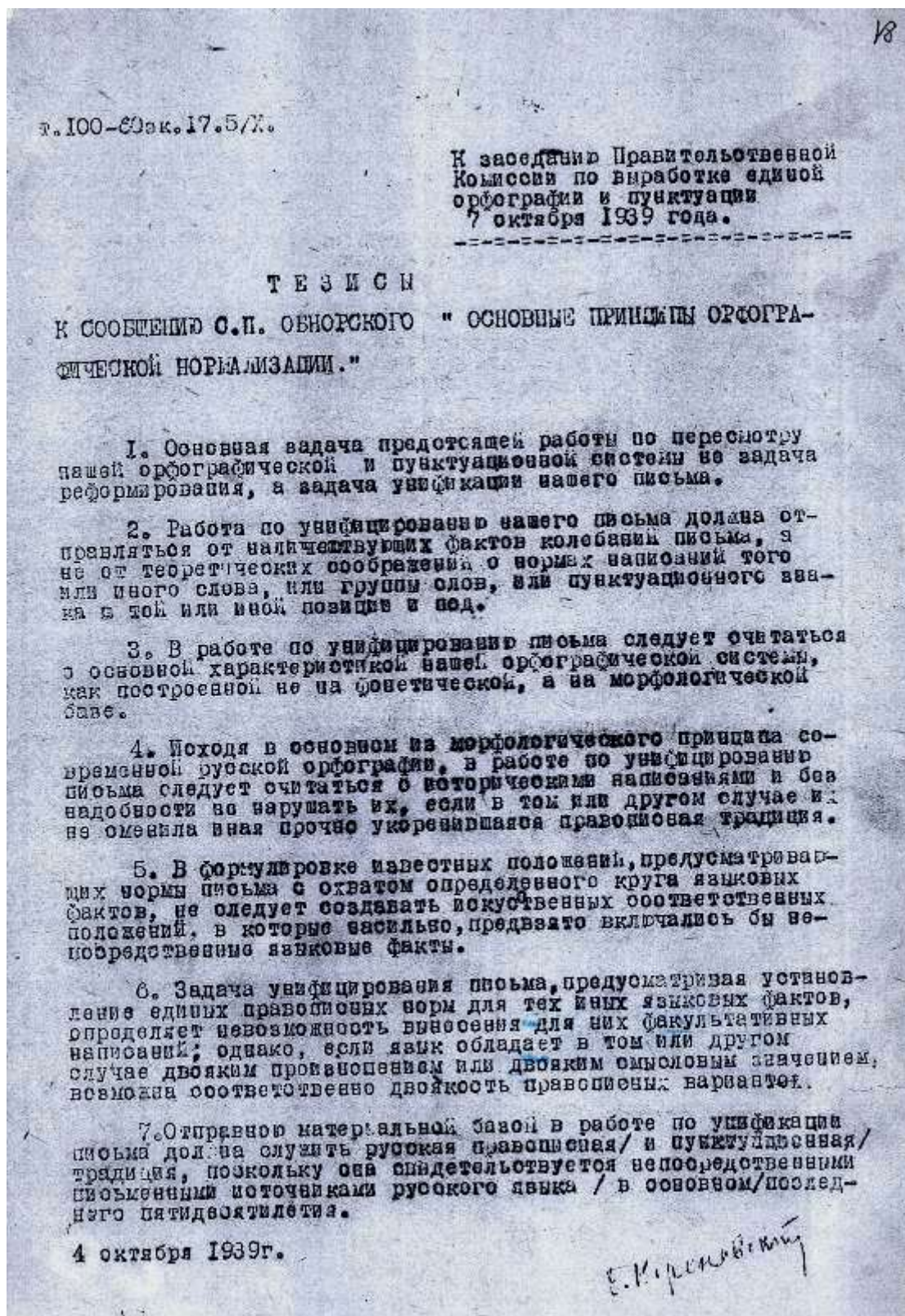
14. Цель оводов - нормализация правописания, / неперывающее и систематическое собрание всех правил орфографии и пунктуации с целью их регламентации.

15. Установление грамматических, орфографических, ^{эти}отличительных норм в задачу Комиссии не входит. *лексикон*

Д. Ушаков

Тезисы к докладу С. П. Обнорского
«Основные принципы орфографической нормализации»

Ф. 502. Оп. 3. Д. 156 Л. 18. (07.10.1939 г.)

С. П. Обнорский о задачах Правительственной комиссии 1939 года по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка

Ф. 502. Оп. 3. Д. 156 Л. 2-12. (14.10.1939 г.)

Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 10 июля с.г. учреждена Правительственная Комиссия по разработке единой орфографии и пунктуации. Надо всячески приветствовать этот правительственный акт вообще, а в переживаемое нами время в особенности, так как он свидетельствует о том, что страна наша, несмотря на гром пушек в Европе, продолжает у себя заниматься мирным культурным строительством.

Не может быть сомнения в том, что урегулирование вопросов орфографии и пунктуации является нашей очередной культурной задачей большого значения. Мы должны ее расценивать с двух точек зрения. Во-первых, реформа орфографии 1918г. была лишь половиной дела: она устранила известные внешние недостатки нашей правописной системы, уничтожив лишние буквы /ять, фиту, твердый знак на конце слов и др./ и отдельные совершенно искусственные правила /об окончаниях у прилагательных -аго, -яго в родит. ед. числа, -не, -ие для муж. рода, -ля, -ия для женск. рода в именит. мн. числа и др./, однако оставила большое количество спорных, неразрешенных вопросов правописания, которые до настоящего времени вызывают в практике колебания и создают неустойчивость письма. Таковы у нас двоящиеся написания гласных и согласных в отдельных словах /напр., колач и калач, зоря и заря, досчатый и доцатый, скворещник и скворечник и др./, колеблющиеся написания многих родов слов слитным образом, или раздельным, или с размсом /напр. налицо и налицо, народно-хозяйственный и народнохозяйственный, древнерусский и древне-русский и под./, неустойчивость в написании строчных

и прописных букв в разнообразных категориях слов, особенно в географических названиях, в именовании исторических эпох, праздников и т.д., в названиях учреждений, в названиях газет, журналов и т.д. / белое село и красное село, красная армия и красная врхия, академия наук и академия наук, газета ленинградская правда и ленинградская правда и т.д. / большая построта в написании слов иноязычного происхождения - и с передачей гласных и согласных, и в отношении слитности их написания или раздельности и т.д. / иод и под, диета и диета, звуканит и звуканит, дифференцировать и дифференцировать, парад-риконтский и парад-американский и мн.др./ . Не все устойчиво и в области пунктуации, ср. перебой с употреблением точки в точке с запятой, чрезмерное использование тире, постановку и непостановку запятых в одних и тех же положениях и проч.

Другое обстоятельство, делающее задачу урегулирования орфографии и пунктуации неотложной, состоит в том, что в области языковой политики перед нами стоит вопрос нормализации нашего литературного языка. Этот последний, действительно, несколько расшатался от чрезмерного наплыва в него разных диалектизмов и архаизмов, а также от некоторого ослабления связей его с нашей классической литературой, и потому совершенно прав был Горький, поднимая этот вопрос своей дискусией. Дискуссия уже дала свои результаты и даст несомненно еще больше результатов в порядке коллективной работы наших писателей, критиков и публицистов над своим языком. Однако и ученые лингвисты должны прийти на помощь в этом деле. Заходящий под редакцией проф. А.Н. Шахова "Толковый словарь русского языка" уже играет роль в поднятии у нас общей культуры слова. Академия Наук готовит грам-

матику русского литературного языка, которая, конечно, также сыграла определенную роль в этом деле. Академия Наук готовит и словарь русского литературного языка значительно больших размеров, чем названный выше словарь под ред. проф. А.Н. Лукина. Этот словарь должен сыграть громадную роль в деле полного восстановления связей с языком Пушкина, Лермонтова и других мастеров русского слова, однако очень трудно строить и пунктуацию и словарь, не имея твердо установившейся орфографии и пунктуации, которая является хотя и внешней, но все же совершенно неотъемлемой оболочкой нашего языка. Нельзя впускать ни то, ни другого, прежде чем не будут устранены все колдования и накладки в этой области. Вот почему урегулирование вопросов орфографии и пунктуации является очередным делом нашего культурного строительства.

Своевременность и даже неотложность этой задачи становится для нас особенно очевидной при учете той роли, которую русский язык должен сыграть и выполнять в нашем Союзе. Он является естественным средством общения многочисленных народностей нашего Союза; он является родным орфографическим инструментом нашего социалистического отечества, и напаром с каждым годом все более и более растет тяга к его изучению среди братских народов, участвующих в этом строительстве. В этих условиях язык и орфография становятся особенно важными, и в частности именно орфография приобретает совершенно исключительное значение, так как через нас русский язык и проникает во все самые отдаленные концы нашего великого социалистического отечества.

На приходится забывать и того, что не нас, а следовательно и на русском языке, лежит большое обязательство по отношению

к другим родственным нам славянским языкам.

Должно сказать, наконец, о школе. Наша школа, наше учительство терпело и терпит от отсутствия единых норм нашего письма. Обучение в этих условиях языку, как и его усвоение ужасались, естественно значительно затрудняется. Создание единых норм нашего письма облегчит дело, и наша школа сможет сосредоточить больше внимания на изучении собственно языка и его богатейшей литературы. В этом, можно сказать, лежит народнохозяйственной в широком смысле значение стоящей перед нами задачи.

После реформы 1918 г. многие ожидали, что последует продолжения реформы нашего правописания в смысле его "рационализации", его "упрощения" и т.п. В этом направлении было сделано много разнообразных предложений самого радикального характера. Однако авторы подобных предложений не хотели считаться национальным характером нашей культуры, нашего письма, они забывали, что крупная реформа чрезвычайно сложна, так как она разделяет новое поколение от старого, новую литературу от литературы предыдущей поры и т.д. Поэтому коренные реформы, соединяемые с большой ломкой, невообразимы в условиях нашего современного социалистического строительства, когда основной задачей нашей является, не замедляя поступательного хода культуры в целом, приспособить к ней возможно более широкие массы народа.

Следует при этом особо подчеркнуть, что наша орфография, и тогда же после реформы 1918 г., не может считаться сколь-нибудь особенно трудной. Еще в 60-х гг. наш лучший историк русского правописания, акад. Грота, знаменитый отмечал, что

"если беспристрастно сравнить наше правописание с правописанием большинства других народов, то мы убедимся, что наше, по своей простоте, точности и ясности, должно быть признано одним из самых удовлетворительных / филологические разыскания, т. II, с. 178-9 /; у него же можно прочесть дальше: "наше правописание далеко не представляет тех многочисленных и запутанных затруднений, которые титуют над письмом большей части других европейских народов" / с. 245 /. Между тем иногда провозвращают о нашей орфографии и говорят, что если бы мы только писали по произношению, то наша орфография была бы легче. Это прямое заблуждение. орфографический принцип, лежащий в основе нашей правописания и являющийся, можно сказать, ее национальным принципом / в отличие от услухического принципа, безразлично существующего, например, в английской и французской правописания /, следует считать огромным преимуществом нашего письма. Писать по произношению т.е. фонетически, было бы очень удобно, если бы все имели совершенно одинаковое произношение. Однако неизвестно, что наше широкое население, при громадной территории распространения русского языка, сильно разнообразится: одни говорят вода, оруд, мостить, как написано, а другие - вады, агарод, масть; одни говорят несу, везу, как написано, а другие - нису, виду и т.д. и т.д. При господстве фонетического принципа многим пришлось бы писать не так, как они говорят, и основой правописания для них служило бы нечто малоемкое и отвлекающее. Орфографический же принцип переносит основу правописания в сам язык, называя не от того, как произносят: должно писать вода, потому что есть слово водный, должно писать село потому что есть слово сельский и т.д. Этот принцип поэтому

об"единяет всех говорящих по-русски независимо от их произношения, и он должен быть признан здоровым социальным принципом. Недаром на протяжении всей истории русского письма он всегда оставался главной его основой.

Следует, переходя к конкретным вопросам, связанным с задачей установления единой орфографии и пунктуации, остановиться на основных принципиальных линиях предстоящей работы. Нельзя, конечно, подходить к разрешению отдельных случаев с неустойчивыми с тем или другим отношением написаниями, как и изолированными фактам и изолированным образом соответственно их разрешать. Современная система русского письма, цельная сама по себе, покоится в свою очередь на столь же цельной орфографической /и пунктуационной/ системе прошлого. В этом отношении каждое разрешение данного орфографического /или пунктуационного/ вопроса должно входить в общую нашу правописную систему, должно органически из нее вытекать, ей полностью управляться.

Основные рамки предстоящей работы должны определяться задачами установления единой орфографии и пунктуации в тех пунктах, где того единства не было, т.е. в линиях неустойчивости и колебаний письма. В этом отношении необходимо всюду исходить не из теоретических идей о нормах написаний того или другого слова, или группы слов, или пунктуационного знака в том или ином положении, а из наличности в практике письма колеблющихся фактов написаний, отдельных ли слов, или групп слов и т.д., на их основе давая соответствующую норму написания. На одном примере можно показать, как легко, не отвлекаясь от фактов неустойчивых написаний, соскользнуть с прямого пути разрешения стоящих перед нами задач и

вступить на путь ненужного теоретизирования в области нормализации нашего письма. Известен трудный, с давних времен болезненный, вопрос нашего правописания - об употреблении (или Ё под ударением после согласных *Ч,Ш,Щ). Теоретически, не отталкиваясь от непосредственных фактов колеблющихся написаний, можно было бы предложить на выбор две единые нормы - либо везде писать Ё, либо, напротив, везде писать О. Было ли бы такое решение целесообразным разрешением вопроса, дано ли оно правильное установление единой нормы написаний для интересующих нас слов с колеблющимися О и Ё после шипящих согласных?

Конечно, такое решение не было бы должным решением вопроса, но оно, дав норму для известной группы действительно колеблющихся в написании слов, болезненно затронуло бы смежные ряды слов, с устойчивыми написаниями, слов, не нуждающихся в орфографической нормализации, и в самом деле, при одном решении, с проведением всегда под ударением буквы Ё, не должны были бы написать с Ё и слова в роде "обжера", "чекнуться", "зажера" и т.д., т.е. также, где всегда было устойчивым написание с О. С другой стороны, с проведением всегда О пришлось бы с О писать и лжовь, печом, разрешонный, на чом и т.д. и, например, жона при жена, пчолка при пчела, счот, учот счол, учол, пришол и т.д. при счесть, учесть и т.д., т.е. так, где всегда было устойчивым написание с Ё /не О/. На этом примере видно, как следует в предстоящей работе принятым образом отталкиваться от актов с неустойчивыми написаниями и их унифицировать, оберстая таким образом устойчивыми, отстоявшиеся элементы правописания.

в работе по унификации нашего письма следует всегда считаться с основным принципом, на котором зиждется вся наша орфографическая система. Тот принцип, как сказано, есть морфологический, но не фонетический.

Внимание к морфологическому принципу, как и базе нашей орфографии, в практической работе по унификации письма обязывает тем самым считаться с прошлым языка, с историческими соответствующими написаниями: в прошлой системе нашего письма тем заметнее морфологическая его основа. Прошлое языка, исторические его написания могут облегчить оценку известных современных правописных фактов, могут дать критерии для правильного разрешения того или другого вопроса о двойщихся современном написании. Например, по поводу двойственных написаний подъезд и калач при установлении норм написания этого слова необходимо учитывать его связь с такими словами, как старое коло / = колесо /, около, околи и пор., из которых вытекает правильность орфографической формы слова не с а, а с о / калач /. Но следует иметь в виду, что старые наши правописные нормы не были веками незыблемыми, они также менялись, и эти факты позднейшей смены орфографической традиции, поскольку они упрочились в употреблении, конечно, должны особенно быть учитываемы. И действительно, если прилагательное мяткий первоначально имело в корне К, на Г / ср. слово мякоть /, а вместе с тем позднее сменилось новой формой, вполне упрочившейся с Г, то нет оснований не считаться с последней правописной формой, как установившейся, хотя она и является по происхождению позднейшей. История языка, таким образом, материал исторических написаний, со всеми этапами их изменений, должны приниматься:

в расчет в работе по унификации нашего письма, но естественно не как материал, сѣм по себе решающий те или иные вопросы унифицирования, а как подробное, тем не менее первостепенной важности, оружие, обеспечивающее правильное разрешение вопросов нормализации письма.

Основной установкой в работе по унификации письма безусловно должно являться устранение во всех случаях двойственности, дублированных написаний. Но здесь следует считаться с тем, что самая дублетность и есть в силу в собственном смысле орфографическая. Это однако двойственные написания тех или иных слов или форм слов, отличающиеся смысловым различием или отражающие величину известного разнообразия в самом языке. Такие случаи естественно орфографическому унифицированию /то же относилось бы к области пунктуации/ не подлежат. Ср. напр. различные написания - ожег прош. время от ожечь, но имя существительное ожег, или двойственные образования языка, как удвоивать и удвѣивать, им. мн. вози и воза, краткая форма прилагательного естественен и естествен и проч.

Гарантией объективного разрешения вопросов нормализации письма должны служить опоры работы на какой-то прочной фактической базе. Таковыми не могут служить наши индивидуальные орфографические /или пунктуационные/ навыки. Таковой должны служить свидетельства нашего письменного языка, взятые в достаточно широком отрезке, условно за период прошедшего 50-летия. Это д. И. естественно была пора, в которую формировались и должны были сохраниться все те явления, которые служили бы в установлении системы и современного нашего литературного языка и современного письма.

Практическими итогами работы должны явиться - с одной стороны полные своды орфографических и пунктуационных норм нашего языка, с другой стороны, согласованные с этими нормами орфографический словарь; на этой основе определится собственно необходимость тех необходимых изменений в существующей практике письма, которые обеспечили бы единство нашей орфографической и пунктуационной системы. Конечно, своды орфографических и пунктуационных правил могут быть сухи и сухи, без каких бы то ни было комментариев, разъяснений, правил за правило, нормы правописания и пунктуации. Академик Таранский имеет в виду, как дополнение к сводам и к составленному орфографическому словарю, подготовить в более развитом изложении специальный сборник статей с подробными объяснениями и историческим комментарием по всем спорным вопросам нашего правописания.

Сначала установленная единая орфография и пунктуация трудная и ответственная. Достойное выполнение этой задачи должно послужить рычагом не только культурного нашего роста, самым же факт нормализации письма должен стать беспримерным явлением во всей истории нашего орфографического. Конечно, что поставленная задача не может быть разрешена без помощи, без активного внимания со стороны широкой общественности, в первую очередь со стороны учительства, работников печати и проч. Комиссия ищет этой помощи. Комиссия ожидает всеческих пожеланий, относящихся к нормализации письма, всеческих указаний на пункты, вызывающие затруднения в орфографии или пунктуации и т.д. X/

X/ Все этого рода сообщения должны направляться в Наркомпрос /Управительственной Комиссии по разработке статей орфографии и пунктуации /.

11.-

Распоряжением Наркомпроса, еще в августе месяце, все вузы филологического характера, в частности, все педагогические учреждения должны были развернуть при кафедрах русского языка работу по тематике, сопрягающейся с предстоящей работой Комиссии, и направлять по адресу Комиссии материал своих замечаний, пожеланий и т.д., относящих к пересмотру орфографии и пунктуации. Это участие в работе Комиссии преподавателей и учащихся во всех вузах безусловно очень важно, но столь же необходимо осуществление возможно тесной связи с работой Комиссии со стороны нашего интеллигентства, работников печати, писательской массы. Только широкое общественное участие в работе Комиссии может обеспечить должное выполнение поставленной задачи громадного культурного значения.

/С.Обнорский/

14 октября 1939 г.

**Замечания ко второй редакции
«Правил единой орфографии и пунктуации» 1939 года**

Ф. 502. Оп. 1. Д. 76а. Л. 1-42.

ЧАСТЬ I. ОРФОГРАФИЯ.		
П р а в о п и с а н и е г л а с н ы х.		
I. Безударные гласные в корнях слов.		
З а м е ч а н и я	:От кого посту- :пили.	:При- :меча- :ние.
<p align="center">п р д</p> <p>1. прим. 4. "Если ударением писать о в слове р о с т, но если ударения нет то а, например, растения, расти, заря и зори, зорьки и т.д."</p>	<p>Каф. русск. языка и лит. при Ин-те ЦИ ИТР НКЭП.</p>	
<p>"Категорически возражать против замены слова "заря" словом "зоря". Говорить и писать "зоря" столь же нелепо, как говорить и писать "сверкнула зорница", "лице его озорилось улыбкой" и т.п. В СССР выходит до десятка газет, носящ. сл. назв. "Заря".</p>	<p>Общ. собр. раб. ред. и изд-ва Вологодской обл. газеты "Кр. Север".</p>	
<p>Считает неоправд. предложено, ставяемое скающему наречию, в правописании слов к о р о п у з, к о р о в а й, т о р о в а т ы й; т о р о т о р и т ь же просто затрудн. понимание текста.</p>	<p>Б.Н. Аксеров Педгиз.</p>	
<p>Мало обосновано прим. 4 о производных от р о с т с г л. о</p>		
<p>Автор предложения не согласен с прим.4. относительно о в производных от корня р о с т. Автор склоняется к унификации за счет а, т.к. "произносить будут по писанному, а это, несомненно, внесет в произн. известную грубость, подчеркив. звука о и т.п. Для прошедш. времени для глаголов от корня р о с т начерт. о р представл. бесспорным" "З о р я что-то не приходилось встречать у наших классиков такой формы".</p>	<p>В.Гарсунг. Москва.</p>	
<p>Встречает возражение написание з о р я вм. з а р я, т.к. "в языке семантически различаются слова заря-зори-зарь и зоря-зори-зори; кроме того, имеется з о р я, как название растения" да и правописание этих слов установилось.</p>	<p>Моск.Обл.пед-институт.</p>	

1 : 2 : 3 : 4

"Раз "аканский" говор лежит в основе " русск. лит. Д. Семенов-Тянь-Шанский
языка, то не следует "переделывать его на "оканский" и вводить такие "вопшеотва", проф. Д. Семенов-Тянь-Шанский.
как " з о р я", " колач", " коровай", " корокатаца", " коропуз", " корочун", " косатик", Шанский.
" крошва", " прикорнуть"/см. прикурнуть/,
" тороторить" ит др..

По примеч. 4. предлагается вонду писать Ин-т Школ
----- а: растение в т.д. /Б районс./

Учителе удивлены написаниями слов: Не-т школ.
коровай, косатик, колач, корокатаца,
коропуз и др./Моск.р. ХОНО.

По прим. 4. Из числа исключ. изъять слово Бригада
отраель/-ем. заросль, поросль/ Ленингр. ред.-
над. раб.

Слова -карспуз, касатка, куманек и пр. Госполитиз-
предл. писать о а, как и писать. дат. Шаширо.

Раз в словах карапуз, каракатица и др. это- Проф. Уст.
го типа не было колебаний в написаниях, Маскуров вист.
следует сохранить их написание с а
Можно унифицировать написание слов
макать, окакать и предлагать через а

Против написаний р о о т и за вые Половский Уст.
принято. Против написания коровай, /раб. над/ вист.
колач и под.

Примечание 2-ое неудачно сформулировано. Л.А.Була- Уст.
ковский в.

Прим. 3." Образцы м а к а т ь- м о ч и т ь Кулик
не являются аналогией со другими случаями Н.Е.
черед. гласных в корнях". Таганрог

Прим. 4. Возражает против этого "совершенно не нужного изменения", считая его /изм./ вредным.

Вызывает возражение прим. 4; уже устано- Никольский
вилось написание через а- возрастет,
отрасль, растение, установл. нарастание и др.

Следует ли изменять принятые правила напи- Пенчиковский и
сия слов о корнем роот /роот/. Ординский.

Против з о р я / кайма -хобан, заря-заря/ Былинский

Т о ж е Тер-Актавиц
/учт./

I : 2 : 3 : 4

Р с о т и дать во всех образованиях написание через о Тер.Агашиц

Надо дать примечание, регулирующее правописание образований от глаголов мочить, скакать, равнять. Крочков.

Неудачна формулировка примечания 2-го, если иметь в виду примеры: л о м а т ь /дом/, х о т я в л а м е в а т ь. Крочков.

В р а с т и и производных сохранить традиционное написание. Ниспивиц
Ионисавц
/работн.
"Правда"

Против З о р я. Винокуров
/учит./

Р о о т л и производные всегда через о / без исключений/ Винокуров

II. Безударные гласные в приставках.

2. "Коренное о в слове роскошный нельзя смешивать с о в приставках розд рос. Поэтому нужно дать к параграфу. Прибача- е с, аналогичное примечанию к § 47. Н.Е. Кулик /Учит./

3. Внести единообразное написание слов приумножить и преумножить. Полоцкий Уст.в.
/над./

Считает нужным отметить, что приставка п р и имеет "значение правил учения по с х о д с т в у или неполности п р и з в а к а " Это яснее, "чем переносные оттенки". Н.Е.Кулик.

Против различ. написания слов: приумно-жил и преумножил. Никольский.

Дать примеры на приставки п р е и в р а ; в примерах предусмотреть трудные случаи. Билинский.

III. Безударные гласные в суффиксах.

1. Наравно, как и к у р и в о с. форма пра- вильная, ... однако, следует предпочесть более употребительные: вараво и куриво". В.Гаршунг.
Москва.

1 : 2 : 3 : 4

§ 4. Куриво - общепринятое
куриво - ничем не оправданная
традиция. Моск.Обл.Пед-
институт.

Крайне желательно определить написания о суф. су и в в не в словаре, порядке, а обозначать эти написания морфологически. Бригада Ленингр.
ред.-над. раб.

Куриво и вариво дать по традиционному написанию. Вылицкий.

Нет слова горьковец, а есть горьковчанин. Вылицкий

Против написания куриво, вариво. Проф.Сергеев-ский.

§ 7. "Слово старички требует оговорки к дан. параграфу". Н.Г. Кулик /учит./

§ 9. Писать павышка, а не павенька. Общ.собр. газет."Ур. Север" /Вологда/.

Суффикс "анек" почему-то совершенно исчез из проекта: точно так же исчез. сомн. ликвидация суф. а н ь к а, безусловно суф. безусловно суф. в языке. Считаю пред. пропан, запанька, маманька и несомн. и несущими папанька, мамонька. В.Н.Аксаров. Лодгия.

"Нужно думать, что даваемое начертание: "Лизанька, Веронька, Лисанька, научно обосновано", но однако "написание: Лизанька, Лисанька было бы более правильным", т.к. ближе к проанализированному. В.Гартунг. Москва.

"Ласкательные на ка имен.сущ.женск.рода на а следует образовывать с суффиксом ве о в ь к, а а н ь к: Лизанька, волосанька, так как это ближе к живой речи/ыньк/, или оставить суффикс.написание". Гл. редакт. Оборонгиза т.Попов и зав. коррект. т. Дубровина.

"Что за слово "волосаньки". Или это "солосаньки" или что "волосоньки", тогда надо поставить ударение и сказать "волосаньки". Проф. В. и Д. Соменков-Тан-Шанский

Нецелесообразно включать областные слова папанька, мамонька. Все равно их всех не перечислить. Ин-т школ /З района/.
Написания Лизонька, Лисонька кажутся учт.
----- неправа, и труд.

1	2	3	4
---	---	---	---

Необходимо упомянуть среди мягк. согл. о ч в таком: хотя бы редакции: "ст основ на мягкие согласные / в том числе и ч /, на ж и т.д.". Бригада Ленингр. ред.-изд. раб.

Принимается написание п а е н ь к а, хоть указать, что трудно привыкать. Госполитнадат. Шапиро

Против допущения написания папонька, ма- Половский /над/ Уст. новька. Против к а м у ш е к. в.

Слова п а п я, м а м а им. твердые согл. в основе. Поэтому для них суф. Н.Е. Кулик /учитель/ снык - не провинциализм, наоборот, област. явл. слова п а п а н ь к а, м а м а н ь к а.

Не след. вводить областные слова: папонька, мамонька". Никольский

10. "Напрасно суффиксы взяты с окончанием, ведь о гласной на конце говорится в у 35, 36". Н.Е. Кулик.

12. "Надо упомянуть и об основе на гласной /совый, боевой/, а основу на и исключить /таких случаев нет/. Н.Е. Кулик /учитель/ Следует разяснить неправильность, по мн. автора, образования "О р д ж о и и к и д з е в о к и й /по § 19 оно должно быть О р д ж о и и к д з е в с к и й/

14. прим. 2. "Рядом с указанной мимо "архаической" формой "стреланный" не указана такая же форма, общеупотребительная, - "племянник". Обе они представляют новообразования сод влиянием я /из " носового А / форма им. пад. племя и племя, стрема". Академик Б.М. Ляпунов.

Этот параграф не удовл. учительство / ор- културов. величине сложная. / Не лучше ли ставить вопрос о прав. суф. ан/ан/ и ene отд. по кажд. Соколов. р. / Ин-т школ.

"Э прилагат. без ударения во всех случ. писать ен/суф./, а под ударением -"ян" НКП КОНО/

Правильно включено слово ветреный /человек, день/. Никольский.

1	2	3	4
§ 15. Прим. 1.	"Генат. установить единообр. напис. в корнях <u>р о п е н и й</u> и <u>р а в н и й</u> , учит., что дифференциация по смыслу в написании не всегда выдерживается /см. напр., <u>ровни</u> , но <u>равнина</u> ; <u>равни</u> , но <u>ровесник</u> и т.д. /Сок. р-н/.	Ин-т школ.	
Прим. 1.	"Сград. прич. у <u>к е р е в н и й</u> , <u>б р о м е р е в н и й</u> , и <u>м у ч е н н и й</u> не оставл. исключения, а подтверждает правило".	Н.Е.Кулик /учитель/.	
	Указывается суф. <u>зрчасти</u> / <u>ви/яв/</u> , <u>за</u> , тогда как на стр. 29 читали <u>ави/яви/</u> , <u>эи</u> ."	Никольский.	
§ 15.	Из примеров § 15-го надо из"ять причастия, образованные от глаголов несовершенного вида, как отмиравшие и отказаться от двойного и в <u>равни</u> , <u>масленн</u> и т.п.	Былинский	
	Если <u>р а в н я т ь</u> к <u>р а в н и й</u> , в <u>р о в н я т ь</u> к <u>р о в н и й</u> , то как писать <u>р а в н и н а</u> ?	Евскур /учит./	
§ 16	Не делать исключения в правописание суф. <u>зи</u> для слова <u>достоин</u> .	каф. яз. Ин-та ИТР пре НКЭП.	
	Нет оснований делать исключение для <u>д о с т о и н / пред. д о с т о е н /</u>	Проф. Аббакумов	
§ 17	Послосч., к, х писать в прилаг. суффиксе <u>о с н ь к</u> , а в прочих случаях <u>о н ь к</u> .	Каф. яз. Ин-та ИТР НКЭП.	
	Нецелесообразно оставлять <u>легенький</u> , <u>тихенький</u> / КОНО, Сок. р. /	Ин-т шксл.	
	В уменьшит. <u>пониж.</u> после г, к, х всегда писать <u>о в ь к</u> - <u>легонький</u> / а не <u>легенький</u> /	Госполитиздат.	
	Установить единообразное написание <u>о н ь к</u> или <u>о с н ь к</u>	Полоцкий Уст.в.	
	Установить двойное написание <u>о н ь к</u> и <u>о с н ь к</u> после <u>г в к</u>	Н.Е.Кулик /учитель/	
	Не следует рекомендовать двойное написание : <u>легонький</u> и <u>легенький</u> .	Никольский	

1 : 2 : 3 : 4

§ 19 Писать п е н з е н с к и й, а не п е н з а в с к и й". Об. собр. зав. "Вологда/,"

"Основываясь на приведенных в § 4... примерах, "вишенка" и "Французеска", можно довести, что с таким же правом можно было бы допустить рядом с о х т и н с к и й, п е н з а н с к и й п р е з н с к и й также, о х т а в с к и й / срavn. "охтанда" у Пушкина/. " Пензенский", " Превнонский".

Акад. В.М. Ляпунов.

Авторы против написания о х т и н с к и й /зрв. ссылка на Пушкина/, Успенский / по пп мв, Успенский/, Пензенский / ви. этого пред. Пензенский, как прочно укоренившегося.

Проф. В. Сеников-Тянь-Шанский " Д. "

"Сформулировка п.п. 2,3 и 4 нужд. в уточнении, ибо не предусмотрено отступление от норм таких названий, как г. Москва, Калуга, Одесса, Уфа, ИНО /вск./, Поти, Батум, Тбилиси и др. Кроме того орм. п. 2 исключ. воим. образования прилагательных с суффиксами енский от таких названий, кот. приведены на стр. 22: Чернорабочий, коломенский, устьевский и др. / стр. 22" Оговорка о том, что и относится к основе не нам. полож., т.к. в начале § 19 говорится не о суффиксе иск, а об оконч. иский".

Бригада Ленингр. ред. изд. раб

Принимается написания п е н з е н с к и й /см. пензенский/ и с указ. на то, что тр. привыкать. Госполитиздат.

Дозражений против написания п е н з а н с к и й, п р а в и л с к и й в м ы т и ц е н с к и й. Полонский Уст.в

Трудно привыкать писать: превнонский, о х т а в с к и й, п е н з а н с к и й. Не лучше ли взять по Гроту? Никольский

§ 18 Если можно писать м и т и щ е н с к и й, то можно установить и соченский. Проф. Аббакумов.

Не предусмотрено прилагательное г а г в р з а с к и й: п р о х л а д н о в с о к и й от Прохладная подходит под п. 2-й и согласн. этому пункту должно бы писаться на - и в с к и й; необходимо расширить написание на - и в с к и й / Ту а п с е - т у а п с и н с к и й/

Крычков.

: 2 : 3 : 4

Предлаг. правило: если перед последним гласным стоят согласные, в числе которых есть н, то следует писать - н с к и й.
Бонисаид.

20. Перед ч в прилагат. на ч и й писать а, а не я, т.е. кошачий, а не кошечий/
Каф. яз. Ин-та ИТР НКСП.

Нецелесообразно кошечий оставл. второго написания./КОНО/
Ин-т школ.

Из двух вариантов написания кошачий и кошечий оставить один первый.
Госполитиздат Шагино

За установление единообразных написаний, или лягушачий, или лягушечий.
Половский Уст.з.

По тем же соображениям/т.е. во избежание двойств. написания/нельзя допускать параллельных написаний кошачий и кошечий
Н.Е. Кулик.

лягушачий и лягушечий.

Не нужно допускать двойных написаний: кошачий - кошечий и т.д.
Николевский

За установление единого написания слов кошечий, отарушечий /через е/
Бонисаид. /работа. "Правды"/.

За установление единого написания кошечий через я:
Бинокур /учет./

23. п. " писать застревать, а не застрявать"
1. Каф. яз. Ин-та ИТР НКСП.

" Застревать" происходит от "застре́ха"
а не от застря́ть и вполне закононо". Проф. В. и Д. Семенов -Тян-Шанск.

Ставится под сомн. " целесообразность написания з а с т р я в а т ь"
/Моск. р-н/
Ин-т школ.

Категорически возражают против застрявать"
Госполитиздат.

Возражает против з а с т р я в а т ь, т.к. в написании з а с т р е в а т ь колеб. не было.
Проф. Уст.з. Бинокур Г.О.

I : 2 : 3 : 4

Против заставлять Полонский Уот.:

Считает необходимым при об"яснении различных глагольных образований о в а т ь, о в а т ь, н в а т ь, и в а т ь необходимо походить из положений, основанных на научном языковедении/ далее следует перечень этих полож. см. материал. автора/

Н.Е.Кулик

§ 23 Против застрелять Былинский

Отказаться от архаических слов в а в е д н в а т ь, р о п о р е д н в а т ь, п р о п о в е д н в а т ь.

Былинский

Против застрелять Про . Аббакумов,

Нужно говорить написание слов в в т м е в а т ь, п о д р а з у м е в а т ь, н е д о у м е в а т ь.

Про . Аббакумов.

Э глаголах на и в а т ь /с. 2-3/ во предусюточно раскалыва т ь от раскол а т ь.

Кречков.

Против застрелять / у Дала соте застреть, застреха /.

Ковишанц. /работн. "Правды"/.

у 25 Некоторыми одобряется/Моск.р-н/, другие отмечают противоречие с написанием к о с т я н о й / § 14/.

Ин-т школ.

§ 25 Предлагаются написания л е д я н о т ь, к о с т я н е т ь п.ч. л е д я н о й, к о с т я н о й.

Гер-Аганянц. /учит./

§ 26 Примечание- считают целесообразным и нужными, т.к. об"ясн. причину разл. написани /Сок. р-н/.

Ин-т школ.

IV. Соединительные гласные.

у 27 " В примоч. необходимо сделать ссылку на § 137 / сравнивать от соедин. гл. - гласные в сложноспр. словах/.

Н.Е. Кулик / учителя.

1	2	3	4
27	Не оговорено употребление в качестве соединительной гласной <u>е</u> после <u>ц</u> .	Крычков.	
У. Правописание сочетаний согласных с гласными.			
28	"Почему сохр. особое написание гласных после шипящих : жить, чай. Почему не писать <u>ж и т ь</u> ?"	Кафедра яз. Вологодского ГИИ	
29	"Сохранить букву <u>у</u> после <u>ц</u> только в конечн. слогах, опустив ее в корнях и в прил. на <u>Ц И Е</u> имен сущ. Напр. учениц, партизан, Птицын, Курицын".	Каф. яз. ви-та ИКОИ.	
	После <u>ц</u> везде <u>ц</u> , в конце слова <u>ц</u> /НКП/	Му-т школ.	
	"Указание, что <u>и</u> после <u>ц</u> пишется в оконч. и суффиксах неправильно: это не относится к суффиксам иностр. слов <u>аци и к</u>	Н.Е. Кулик.	
	окончаниям таких же слов / реставрация, русск. воснизация; Гораций и т.п./"		
	Добавить слова черульник, дымбал, дымбарка и др. или указать, что так пишутся слова русские и обруселые, а в иностр. <u>ЦИ</u> .	Н.Е. Кулик	
30	Цыфир предлагается оставить по-старому / через <u>и</u> /	Былинский	
	После <u>ц</u> в корнях всегда <u>и</u>	Тер-Агаевец /учит/.	
	То же / растение/	Крычков.	
	Эп. <u>И</u> -и говорится об употреблении <u>и</u> после <u>ц</u> в суффиксах; как же писать	Крычков	
	р е в о л ю ц и о н и н с ?		
0	Не согласны с различным написанием / <u>и а ц</u> / в словах с приставкой присоед. к слову, начинающ. с <u>и</u> . /Напрям. неясно, почему бездейный, по предистория ?/	Каф. языка. Вологод. ГИИ	
	"Не лучше бы было" такие слова как пред"история, без"идейный, без"интересный	Ц.Н. Авсеров. Госизд. мед. изд.	
	и т.д. писать с твердым знаком, сохраняя в. как автор предлог - полагаю, что слова под"сад, предистория, пол-ведра, пол-яблока ср. явления " одного и того же порядка" Подчеркнуть и т.д. -исключения.		

: 2 : 3 : 4

"Правильно указаны примеры "возьметь",
"взвизгнет", с одной стороны, и "взвизгнет", с
другой. Разнобем в образованиях с одной и
тем же приставкой в"з- / воз, воа" с вэ/ зе
разнице на письме, т-в ящичке, объясняется
равностью времени образования: между тем
как "взять" - "воз-ьм у н много-
кратная форма "взимать", старослав.
днэвберусск. н в а т г - н в я т и и
првлаг. зв....., откуда и литер. русское

"взвизгнет", "взвизгнет" и мн.др. - представ-
ляют древние образования с приставками
з"з -, вэ - без тверд. знака, после з,
формы во з ь м о т ь, в э з ь м а т ь
со звуком н из сочетания твердый знак
-И представляет новообразования по типу
сочетания с приставками, имевш. в конце
твердый знак, каковы в, с, под, от,

т.е. сочетания з в, н а, которых древ-
ний русскй и старослав. язык не знали,
во д т и, по д е т и, хотя
еще более древние были образования
в о в т и, с в и т и, так как п т а р к и
в, с имели твердый знак с особым
привуком".

"Чтобы быть последовательным, надо писать В и Д Соемелом:
"смпровизировать" так же, как
с и г р а т ь "

формулировка излишне усложнена /Сок.р-в/
Подвести под общее правило
с и м п р о л и з и р о в а т ь /т.е. пи-
сать с в // НКП/ Ен-т школ.

Предлаг. сохранить форм. з.б. примочавия
к у 4 втор. ред. 1936г. "Образования
на иноязычных слов е русскими праграммами", Проч. Ленингр.
на"яр написавне с в, для слов: бездействн, ред.-изд.раб.
безинициативный".

Предл. ввести твердый знак в слове безиници-
ативный, бездействн и др. Половой И

Примеч I-ое и Эс надо влить в одно с 4-ым, Ч.Б.Кулик.
т.к. в них все определяется тем, что сло-
ва берутся иноязычные научн. терминологи

: 3 : 4

Предлагается при сочетании приставки **Щорыгне** с корнем или другой приставкой, которые начин. с **д** произн. **д**, как это имеет место в несвязных словах, то в писать **д**, если произн. **д**, то и пишется **д**.

Напр. безвидный, безискусственный, безыглый, вознметь, гноскивать и др.

§ 31 "Никким образом нельзя писать "танцевать" и т а н ц е в а н ц а, при существ. слов т а н ц о р я т а н ц е в а н ц к". **В в Д Самоо-вы.**

Согласны с написанием танцевать / а не тавцовать/, хоть и трудно привыкать. **Госполитиздач.**

§ 33 "После шипящих под ударением писать во всех словах /б е в и о к л ю ч а н я / букву **д**, за исключением глаголов произн. пр., наст. вр., буд. вр. прост. до 2 л. ед. и мн.ч. в причастий пассивы. фор. произн. на **д**". **Каф. яз. Ин-та ИТР НКВД**

ный. Напр. молудь, жолоб, во желуденый, белбчатый; пел, припел, напел".

"Ничего четкого в вопросах правописания **Вологод.ГПИ.** **д** и **д** после шипящих не получилась". Такие написания "как шорох-шепот, трущоба-учеба" сглаживают прежнюю двойственность.

Непоследовательно писать: шорт, шортенок; порох-пероховатый; но шелк -шелковый, шепот-шептать. Кстати в тексте проекта пишется **в д е**, хотя это не оговорено и по общ. правилу его след. писать **с д** /еще/. Еужно писать ухагор, а не ухагер. **В.Н. Ансеров. Недга.**

" Не обращается внимания на факты языка **Моск.област. подвистатут.** в при установленный правописания отдельных слов с **д** после шипящих в корне. ... в языке наблюдается здесь определенная закономерность: слова, в которых такое **д** имеется рядом со словом с **д** или с **д**, стали писаться через **д** - шорох, шепот, ж о л о б, ж о р и о в, ч б б б т, ж о л у д ь "... " вспомнил, что уже с 1951 в. идут подобию написания /корнев в Кнесс 1095г./, и не удивительно, что они проникли уже в правописание. Возвращать-ся к прежним написаниям, значит игнорировать ... между ними языка".

: 2 : 3 : 4

35 "В фамилиях в последнем ударном слоге после шипящих нужно писать *с*, а не *з* /Шипагов, а не Шипачев; Хрунов, а не Хруцев; Чернышов, а не Чернышев/.

Ф.В.Гладков
Москва.

"Рекомендую обязательно ставить над *е* две точки /т.е. писать *ѐ*/ во всех случаях, где,

Академик
В.И.Япунцов.

вопреки произношению, *д* после мягких согласных /затворных и фрикативных/ и твердых согласных, принято писать букву *д*, т.е. пи-

сать *дѣлоб* *дѣлудь*, *счѣл*, *всѣ* и др. рядом с *желоба* и др. "

" в словах, рекомендуемых писать с *о*, тогда как прежде было *д*, лучше вообще писать

ѐ /среднее рвение"/. Прав. прии. *чѣрт*, *жѣлоб* и др.

Слово *б и ч е р в а* нужно писать через *ц* /*б и ц л а б и т ь*/ " Геогр.

Проф. Э. и
Г. Семсены
Т.-Ш.-

назв. "Чопская губа" можно писать и

"Чѣпская губа", дабы не смешивать ее с *чюками*, кот. здесь нет и помню".

Во всех словах после шипящих под ударением всегда писать *о*, без ударения *е* - *чорт* - *черти*; *решотка* - *решето*, *отраможенный*, *Пугачов*, *Хрунов* /ИМП КОНО/. Параграф обременен, как и все правила, включ. /Сок.р./

Ин-т школ.

Нельзя согл. с разл. напис. *оуф*. *о в к и* слышн /размежовка, но размежовать/

Бригада
Ленвогр.
ред-мэд.раб.

Берзает против *д* в словах *жюний*, *дешювий*. Необходимо считаться с чередов. *д* в сл. *жювдья*, *дешювдья*.

Они не.

" В отношении *о в ѐ* после шипящих проект ничего не упорядочивает. тот раздел по-прежнему считается труднейшим для изучения .

И.В.Ушаков.

К словам, в которых остается *д* после шипящих, прибавить *шопот*, *чюбот*, *жюлудь*.

Госплит-издат.

Предлагает в корнях под ударением после шипящих всегда писать "о". Если это невозможно, то сохранять максимум того, что есть в практике /например *шопот*/.

Проф. Уст
Зинбур. и

1 2 3 4

Установить единое написание в словах печочник
и пешечник, горшочек и горшечник. Полоцкий Уст.
/изд/ в.

Против ключения слова к о х о в а т н ы й.
Против сопоставл. порок, но пороховатый. Л.А.Булаков-
ский Уст.

п. 2"а" Суф. о и необходимо обособить
--- той же суф. с чередованием /оч/;
не регламентировать двойного написания
горшочек, пешочек. Н.Е.Кулик
/учитель/

" В примерах на суффиксы имен прилаг. ов
ошибочно приведены суф. о суф. о в к
/холодовая, грушовка, дешовка, пороховатый/"
Одобрять с. 4 правила, считает нужным пере-
нести в этот пункт из п. 6 такие слова, как
порох, черт, кошелек /кошель/;
в рубрике 3-ьей вставить: " и прилагательных".

" Я бы поставил на первом месте " горшечник", а
не " горшочник"
Совершенно неприемлемо. проф.
Криштович.

1/ о в суф. существ. о в к - печовка при
н о ч о в а т ь. Никольский.

2/ в суф. прилаг. о в - дешовый при
дешово.

Примеч. з н о пишется после шипящих Никольский.
под ударением унифицировать.
В корне з: жел, желтый, черная, шелк и др.

В суф. е: а/ вишечк, бичек, сушечк и т.д.
б/ бочечок, мадрижечок и т.д.
в/ вооруженный, совершенный и т.д.
г/ Крушец, Бичев, Пугачев, Чернышев и
т.д.

/Здесь примеч. о фантл. от однокл. слов:
Ковшов/

В окончаниях : а/ суф. и прилаг. на -о- врачом,
манце варач. манришом,
большого,
свежо.

б/ глаголов - о -лешь, печешь и т.д.

За написания чобот, колудь, шопот, Вылисовиц.

решотка

: 2 : 3 : 4

За написание о после ж, в, ч, ц только по флексиях; в остальных случаях е за исключением некоторых корней; в слове трюбка не записывать суффикс /троск/.

Про . Аббаку-нов.

Под ударением после ж, в, ч, ц всегда о

Тор-Агоянц. /учитель/.

Против унификации на - о

Бонисани/раб. "Правда"/.

УП. Правила написания некоторых безударных падежных окончаний.

37 " Надо писать в пред. падеже в отдалении, в Закавказье и т.д., пробн не оканывать с ин, падежом/ забывать "арх. путница".

Про . Д.н. Д. Семенови - Т.Ш.

Приветствуется написание " О Марье ", " в ин-т школ. отдаленье" / Окт, р., Сок. р./

37 Допустить написание в з а б ы т ь и

Виланский.

39 Все названия городов в твор. пад. писать с о м / как в проекте/, но названия сел

Про . В и Г. Осменови Т.-Ш.

/ " в срочн именах заплеч. предлагат./
писать через ин, им под д а р ь и н и м,
под любовным "И Т.д.

"Предлагает во всех фамилиях, русск. и ин
иностр. , в твор. пад. писать - ин"
/НКП/.

Ин-т школ.

Считает, что параграф относится к грамматике, а не орфографии. Предлагает правило: Если название явл. существительным, то в творит. падеже пишется им, если прилагательным - ин. Отсюда нужно под Марьино, под Пущином/ т.к. слово Марьино.

Про . Эннокор. Уст.1

Считает нужным названия населенных пунктов на ин, им, явл. прилагательным, оканывать по образцу прилагательных/т.е. Калужским, Марьином/. Для иностр. назван. в фам. можно установить форму твор. пад.

Е.Е. Кулик.

Таллин, Даргинном./

Одобрено пока различия обращения с фамилиями, например, Калинин, с одной стороны, Кристович, и Дарвин; Делла - с другой. Напрасно Талли направил в ряд с гор. Калинин, хотя при принятом написании это дела не меняет.

" Не согласен писать под с. Карыным, под Лесницким" и т.д. Названия осл, деревень, урочищ и еще во окрестности как собствен. имена городов, уже непонятны нам по значению. Эти имена приняты, даже род оуц. Село Знаменское, станица Пятизубовская и т.д.

39 Предлаг. писать с Дарвини, с Еиловни. Тер-Аговяц /учет./

УИ. Личные глагольные окончания и правописание причастий.

41. "Считаю нужным различать два глагола: 1/ дышать с форм. наст. времени д и ш у, д и ш а т ... 2/ форми наст. пр. дышюшь, дышит, дышем, дышат по I спря. от предполагаемого инфинитива д и х а т ь /отв. вдыхать/...

"Было бы большим облегчением для практики, если бы были переведены в I спря. 10 глаголов - исключений. Эти глаголы /особ. те из них, в кот. правописание неопредел. формы сталкиваются с признаком 2 спряк. - видеть, обидеть, ненавидеть, терпеть, востер/представляют очень большую трудность для уч-ся".

Упомянуть для полноты и ясности о/ глаголах типа: пить, бить, вить и пр.

В примеч. 2-ом надо упомянуть равноспряг. глагол бежать.

§ 47 В этом параграфе употреблен термин "отрад. глагол", но залог важен из учебников русск. языка, поэтому необходимо его возвратить. "Барахлит против термина "возвратный глагол" в отн. глаголов на ед.

IX. Безударное окончание наречий.

- 13. "Необходимо указать, форму какого именно падежа сокращ. наречия в каждом случае: в в. "а" - В.В. Кулик.
визит. пад. и т.д.
- 14. В примеч. к § 45-му указывается слова **Винокур /учит./**
вследствие, в продолжение, в течение,
так самым они относятся к наречиям:

П р а в о п и с а н и е о г л а с н ы х :

I. Правила правописания некоторых согласных.

- 16. Установить единое написание глагола идти, а не ийти. **Каф. Яе. Оход. с проек-том.**
Ип-та ИТР НКЭП.
- "Наличие повторять доводи академика Грота. Нужно признать правильной форму и т т и . В. Гартунг. Москва.
покончить с разнобоям". "Кстати сказать, в наст. время вошло в общее употребл. это правильное начертание".
- Предлагает написание и т т и . **Ноловокий /пад./**
- Сделать оговорку, что это не касается согласных в приставках /в п. № 47/. **Н.Е. Кулик.**
- В слове почему то употребляется и д т и , а след. и т т и . **Н.Е. Кулик.**
- "Надо указать, допустимо ли написание "отрусский", "баоский" или надо "баоский". **Проф. А.Н. А.Н. Кристофович.**
- 16 Поддерживается написание и т т и , но надо установить единообразие в отношении других случаев /прийти" в т.д./ **Вилсоный**
- Против написания и д т и за написание т т и **Конисонд. /работ. "Правда"/.**

Г	2	3
48	"Соворшенно неудачный способ распознавания звуков ц и сочетаний эч, адч, оч и др." "Дело в том, что и цих и чик - это один суффикс с чередующейся согласной, кот. зависит от предыдущей согласной; ошибка может быть также р а з п о ц и к и ее никак и не привод. правилу не об"яснить. Необходимо говорить о суффиксах <u>чик</u> и <u>цик</u> , а не о сочетаниях согласной основы и суффиксов".	Н.Е. Кулик.
49.	"Об"яснение" происходит, тч нахожу очень искусственным, возражаю против "казачивн". Крупчатый вместо подобно черепичатый от черепаца.	проф. А.Н. Кристофович.
50.	Зачем говорить о таких словах, которые никогда не употребляются - <u>цедоский</u> и т.п. /Окт. р./	Ин-т школ.
52	Надо говорить о суф. ц и о суффиксах, нач-ся о в, а не только о последних".	Н.Е.Кулик.
52	Слово <u>о к в о р е з ч и к</u> настолько живое народное, что не стоит его обрамать в <u>о к в о р е з ч и к</u> . То же м оти. оквожения.	проф. А.Н. Кристофович.

II. Двойные согласные

53	"Следовало бы оговорить такие случаи, как <u>обеть</u> , <u>обежать</u> и др."	Н.Е.Кулик.
55	"Сохранить два <u>в</u> в прилагат., образов. от существ., в основе которых имеется буква <u>в</u> . Например: <u>осно-осенний</u> , <u>весна-весенний</u> ".	Каф.русск.яз. Ин-та ИТР НКЭП. Совмод. о проект.
	Это правило касается не только нареч. и прилаг., и также в существ. Нужно указать суф. <u>отв</u> и слово <u>о к у о б е т в о</u> .	Н.Е. Кулик.
56	"Нужно ли писать два <u>в</u> в слове <u>бессребренник</u> ? " / Окт. р./ Можно ли утверд.сь, что <u>б е с с р е б р и ц а</u> образовано от <u>бессонный</u> , а не от <u>бес/в/тсон</u> ? /ср. <u>бесхлебца</u> /	Ин-т школ. Профр. Ленингр. ред.-изд. раб.

1 : 2 : 3 : 4

§ 57 "В прилагательных с суф. ян, ян, ен, енн, онн Каф. русск.
и сравний установить единообразное написание с одним н яз. Ин-та
ИТР НКЭП.

Примеч. 1. "Нужно осуществлять исключение /т.е. деревянный, стеклянный, оловянный/ оставить, ибо оно усвоено языком". "Иначе придется признать, что предписывается читать, и произносить/не так, как написано". Д. Гартураг
Москва.

Прим. 1. Предлагается сохранить существующее написание прилагат. д е р е в я н н ы й, о т е к л я н н ы й, т.к. это установилось в предложениях. Т.Т. Попов
В.А. и Дубро-
вина /Общ-
роуиц/.

Прим. 1. Предлагается сохранить существ. написание дерев.,стекл. и олов. с 3-мя н, Пров. В. П
Д. Семенови.

Прим. 1. Написан дерев.,стекл.,олов. с одним н одобряется/Моск. и Обк. р.р./ Ин-т школ.

Прим. 1. Принимается устранение 3-х н в словах - искл. : дерев.,стекл., олов.

Прим. 1. За отарление двух н стекл.олов.

дерев., а также и в других в соответствии с произношением. Пров. Уст.в.
Винокур.

За отарл. двух н в стекл., олов.,дерев. Полоцкий Уст.
/изд./ в.

Нет суффиксов ОНН Л.А.Булагов-
ский Уст.в

Упрощение исключений в напис. деревянный, слов.,стекл./ т.е. напис. их с одним н/ возраж. не вызывает.

Условно сделать ссылку на § 14. в нач.противопоставл.

Под ударением в прилагательных писать яни, Тер.Агошац.
не под ударением - ен

§ 58 "Считать прилагательными прич. пассив. формы, образованные от глаголов вида несов. на вш и тш и писать через одно и/напр. наслаивш, жаренш, равенш и т.д." Каф.русск.яз. Ин-та ИТР НКЗП.

" с двумя, не писать слова, образованные от глаголов вида соверш./зажареннш, запареннш/".

Указывается трудность написания в и ив в прилагательных, образованных от страдат. прич. /Моск. р. и Сок.р./ Ин-т школ.

Во всех случаях писать равенш, груженш, жаренш через одно ш в образ. от глаголов без приставок / Будь то причастие или прилагат. Госполитнадз. Шаширо..

Не оговорено, как писать даннш Л.А. Уот. Булаковский в.

Нужно указать, когда отглагольн. форму след. считать причастием / налич. слов.-состоятельность, слов. обман. лицо или суд. действ./ Н.Е.Кулик.

Неправильно указание, будто отглагольные формы с суф. дан всегда явл. причастиями и пишутся с двумя н. Это верно лишь в отношении иностр. слов и русских с приставками. Безприставочные, а тем более с об корня, могут иметь одно н / кованш, бракованш, вербованш".

Перечислить все прилагательные и и о, происходящие от причастий, в котр. пишется одно н. Никольский.

Нецелесообразно писать по-разному причастия-прилагательные типа равенш, жаренш и ш и т.п./Заренная картошка и заренная в масле картошка./

Оговорить написание кованш и балованш. Былинский

§ 59 " Уточнить написание кратких прилагательных явственнш - явствен или явствен, чувственнш - чувствен. или чувствен". Ф.В.Гладков. Москва.

Смущает написание воспитаннш наряду с воспитан /Сок.р./ Ин-т школ.

"Следует указать, почему буквы надо писать В. и Д. через Ъ ; " Если от возить то Семеновы
возжп, а если от вождение Т.-Ш.
то дожди.

64 "Ввести твердый знак в словах с иноязыч- Каф. яз.
ными приставками контр, транс, Например, Ин-та ИТР
"контр"ярус, транс"американский, ибо при что- НКЭП.
-нии слов. слоги".

В словах с указав. выше приставками писать Р и Д.
тире/ так же, как и парт-ячейка/. Семеновы.

Прим. 2./об апострофе/ одобряется/Моск.р./ Ин-т школ.

"Верно, что после приставок перед Ъ твердый Н.Е.Кулик.
знак не пишется, но он в большинстве случа-
ев передает свой твердость букве К и пре-
вращает ее в Н; об этом надо указать со-
ссылкой на у 30.

"Не стоило бы сказать, что твердый знак про . А.Н.
пишется в тех случаях, когда Криштофовичи
это дает возможность сохранять
произношение букв е, в и я, которые в про-
-тичном случае его теряют, или когда нужно
предупредить палатализацию предыдущей
объяснить последующим и ?"

В слове четырёхэтажный - твердый знак, не
нужен, как Л в слове трехатомный, но он ну-
жен и в контр"ярус и в американский
и т.д.

65 "Плечить нужно писать с Ъ, так как слово про- Р. и Д.
исходит от "няня" и "няйка" и в котор. Семеновы.
ском . мягкое.

"Январский" слишком вошло в обыкновение и его Они же.
можно бы не мевать, " в виде исключения".

Написание январский, кухня, барышен - одобряет- Па-т школ.
ся / Моск. р. и Сок. р./ Предлж. без Ъ
Д е р о в е н ь /Сок. р./

Предлагает писать без Ъ Январский, царский Ин-т школ.
исобразий.

Приветствуются устаревшие исклнч. январские, а также М.В. Ушаков.
барышен.

" Не возражает против напис. январской, т.е. с Ъ в Госполитиз-
дате Шипаро
день-дэньской /прежде день-денюкой/

"Очередно, надо к этому правилу привлечь сведения Н.Е. Кулик
о тверд. знаке в Ъ, как глухих гласных
Старославянского языка".

Прим. 1. Нужно в примеры добавить
"апрельски". Вместо "прочих случаев"
перечислять сочет. ич, чи, иц, ии рц, чк, ии

Прим. 3. Правильно установл. написания
январской с Ъ

Прим. 4. Возражает против написания
кухон, барыше, в кухонка без Ъ

/все равно одно искл. остается, а
произв. нарушается/.

"Я бы не стал выделять прилагательные от Проф. Л.Н. Кристофович.
китайских слов, т.к., образуя прилага-
тельные, они послед. часть подчиняют пра-
вилам русского языка.

66 Опустить Ъ в оконч. всех наречий на -ивящю" Каф. яз. Мн-та БТР
НКП След. с
Так же писать слова бивь, вивь, "ибо эти сло- проект.
ва также наречия, а не глаголы".

Возможно опустить Ъ в во втором лице ед.ч. Каф. яз. Мн-та
вост. и су. вр. в в совет. наклон., оставив БТР.
Ь только в качестве разд. знака.

"Особенно нежелательно расхождение в напис- Каф. яз.
ании пиш, но дол. пиш", "ничего не оправдан- Филогод-
ное написание". окого ГИИ
"Хотелось бы в во лице глагола и в суц.
среднего рода / ? / прибавиться от пишю
буквы".

Автор предл. против устранения Ъ в наречиях, В.Гар
оканчивающихся на -ивящю. "Начерта. лоп, покач туи
и др. " не дает указания о силе пишю, в
результате, чего "условное" "бульварное" про-
изношение", не отвечающее "естеству" произ-
ношению."

1 : 2 : 3 : 4

"Надо бы сохранить старое название "точь-
" в-точь" / с мягким знаком - от и.р./ -
"точка в точку; сокращение по образцу:
дочка - дочь".

Ф.В.Глад-
ков.
Москва.

" Я считал бы желательным, проводя последо-
вательное морфологич. - осемантический прии-
цип правописания, различить и письменно
/согласно с этимологией/ формы 2 л. единств.
ч. наст. вр. из "явит. накл. ешь /мн.ч.
е д в т е/ - лат. от форм повелительн.
схъ / из древнерусского обрн. Ю 73г./

Аксд.В.М.
Ляпунов

и огласно с этии и 2л. множ. ешто/ в данном
случае вопреки древнему едите., имевш. в др.

русск. значение повелительного 2 л. множ., но
получившего в совр. русском языке значение
из "явительного, как и форма буд. вр. дадите,
имевшая в древн.русск. значение повелительного/.

" Слозь" и прочь так вошло в обиходное, что
менять нельзя, тем более, что здесь смягчение
слышится и в устной речи". Точь-в-точь писать с
Ъ

В. и Д.
Семеновн.

Ъ после шипяц. одобряется /Моск.р./

Ин-т школ

5 " Уничтожив Ъ в наречиях, вряд ли можно сохра-
нить его в редких словах вишь, бишь, ишь, котор.
будут сбивать уч-ся".

И.В.
Ушаков.

Выражают против написания наречий на шипящю
без Ъ, предлагают сохр. прогресс написания
/вскачь, прочь, оплошь и т.д./

Госполитиз-
дать.
Сасиро

К п. 2, где указаны ночь во ночка и т.д.
нужно дать правило, обоснование.

Н.Е.
Кулик/уч.т./

Примеч. 4 /упражд. Ъ в нареч. после пис./
привествует.

Ъ после шипящих вовсе отменить

Седов
/препсдав.,

То же или оставить по-прежнему

Вилицкий

Частицы слишь, бишь, вишь, писать без
мягкого знака.

Про .
Абзакунов.

Слитное дѣйствио написанія.

1. Слитное написаніе.

- § 70. Против слитного написанія слов типа светово-
догледбница. Уст. Полонский, в.
- Поддерживать слитное написаніе
световодогледбница! Вилниски
- § 72. Примечанія 1-ое и 2-ое опустить Каф. яз. Ин-та ИТР. НКЭП.
- "Не мешало бы наряду с "Сыз.-географ." указать на неправильность употребл. названія "коном.географ." вместо экономо-географ."
- В и Д Семенови.
- Против слитного написанія слов типа гред-неверхненемецкй. Котв. неприятное впечатленіе. Если стеченіе трех корней, то первое оседа. при помощи дефиса. Уст. в. Проф. М. А. Булаховскй
- "Остается поясним, как же писать прилагательные, в которых те же элементы не переставлены" И. Е. Кулик.
- Можно бы ввести слитное написаніе таких прилагат. -как лет.-художественный, физико-географическй и т. д. Северо-Осетия. РПИ. Проф. Немировский.
- § 73 поглощается 73-м / первый - частный случай -старого/; точно также в 75-й Вилниски.
- § 75. Прим. I. Не следует делать исключ. для слов типа грудобръшная, видоевропейскй. Бриг. Ленингр. ред.-изд. раб.
- Нужно бы добавить примеры: вагоноремонтный, чугунопилителный, машиностроительный Н. Е. Кулик.
- § 75. Примеры - "... не мешало бы дополнить прилагате. черноземный, черноморокй, средиземноморокй". В и Д Семейови.
- Форкулеронка представл. неудачной. Не лучше ли вм. "Элементов" сказать "основ" /Сок. р./ Ин-т школ.
- Предлагается различать напис. прилагательных, обозначающ. составные цвета и оттенки цветов. Бригада Ленингр. ред.-изд. раб.
- Против слитного напис. прилагат. типа иссеракрасный Полонский.

В этих словах в качестве первой части могут быть элементы предложного присоединения /последовательный/. Значит здесь важно, чтобы второй элемент был прилагательн. или причастие, сравн. прил.

Примеч. вносит путаницу тем, что дано указание только о прилагательных, а также "введением термина" наречия как самостоят. слова.

Предлагает правило и примеч. переработать. Моделю в принципе допустить здесь аналогии правописания отрицат. не с прич. и с прилагательными: причастие с обстоят. нареч. не сливается, а прилагательные слив. и с наречиями и с предлогами.

78 Де-юре, де-факто правильным было бы писать через дефис. В. Гартунг. Москва.

Де-юре, де-факто следовало бы оставить в прежнем написании, т.к. они употребляются только в специальном "речи" и поэтому не могут быть сравниваемы с таким словом, как одеколон.

Моск. обл. пединститут.

Де-юре", надо писать с тире.

В. И. Д. Семеновы.

Приведенные слова предл. писать раздельно.

Бриг. Ленингр. ред.-изд. раб.

Де-юре, де-факто, писать с дефисом.

Никольский.

80 "Не следует выделять как исключение из общего правила раздельное написание наречий двое, до, три /следует: подвое, потрое". Т. Т. Попов и Дубровина /Оборонгиз/.

81 Следует привести максимальное число наречий, образованных соединением предлогов с краткими и с полн. прилагательными /приводится перечень/.

Н. Е. Кулик.

В примечаниях даны совершенно недостаточные сведения о наречиях, выраженных из предлогов и именных частей речи.

82 "существительные с предлогами на, в, до и все прилагательные как краткой, так и полной формы, вмещающие при себе любые предлоги и относясь к сказуемому, т.е. служащие обст. словам, писать вместе".

Каф. яз. Ин-та ИТР НКЗП.

1 : 2 : 3 :

"В наречиях трудно понять принципы, на кот. стр. слитное и разд. написание, почему наречия на к у не теряют слитного написания". Полу- частся в к р у т у в, но в о м я т к у; шкорец, но в п у х и т.д."

КеО. яз.
Элогод.
Гий.

-Вброд писать всегда слитно, рассматривая это сло как наречие".

Общ. собр. раб.
Элогодской газ.
"Крайний Север".

В проекте не разрешен вопрос о напис. соч. " с заглавием". И.б. следовало бы допустить в ряде искл. слитное начертание с " заглави- цем".

В.Н. Анзеров
Индгиз.

"Взаем, наем- оущ. в конечно с предложом в должны писаться раздельно. Нареч. являются взаимн, взаимн, а наречий взаим, взаим, на оуществует".

В. Гартуриг.

Просак след. писать слитно. Наперечет- раздельно.

"Не учитывается живая жизнь языка... в при установленном доброс, разд. зирк и слитных написаний". Раздельное написание наречия б о к о б о к изменяет произношение его "Должно измениться в произношение наречия мал-м мала-меньше при разд. написании предлагаемом проектом."

Моск. Обл.
вед. КТР?

Нужно об"яснить значение " впотай/тайно?/, заподливо/в технике

В. и Д.
Семеновы.

значит вглядь паопан, на еремн, наперекоси.

Учителя считают очень трудным этот параграф. Некоторые предл. сохранить старые правила/Моск.р./ Другие предлагают все на- речия писать или слитно, или раздельно/НКП/ Не удовн. все/ КОНО, Сок.р., Окт.р./

Ин-т школ.

Бригада возражает против внесения в список слитно вброд пишущихся слов тех наречных выражений, кот. не получ. шир. примен. в слитной форме и в кот. остаются оуществ., управл. предложом. Прим. в конец, в разброд, на отрез и многочия. другие/

82 "Нельзя согласиться с усложнением правил, регулирующих слитное написание наречий. Новыми написаниями типа в тихомолку нарушается

М.Р. Ушаков.

вместо: большее педагогическое значение имеют не писать несуществ. слов Уч-ся будут деворментировать такие написания, толкать к ошибкам и в таких случаях как вераха, невежа"

"Борясь с об"единением языка, комиссия отвергла безобразное написание: безустали, впух, вупор,

воединочку, вобнимку, в ударилает в другую крайнеесть, предлажны. писать отдельно: в смятку, под мышкой, в догонку, в просяк.

Госполитиздат.

Первую группу предл. писать отдельно, а вторую - слитно, руководствуясь тем, что слова, потерявшие бытовую символ/"просак"/след. писать с предл. слитно"/Например в тупик, писать отдельно./

" Правило нужно дополнить указанием, что слитно пишется две части речи, образуя наречие, когда предлог"/именчасть речи утратили самостоятельное значение и когда им. часть без предлога не действительна".

П.Е.Кулик.

Перечень слитных наречий следует пополнить. Особо дать перечень наречий, образованных от исчезнувших, неупотреб. теперь существ.: "безустали, безумолку, вважны, воятку и др.

Необходимо исключить в о е, указа, в конце правила наречия, которые пишутся не раздельно, как сказ. в оюде, а слитно: с оконч. на ку и т.д. "

Примеч. писать слитно выкладку, вдогонку и т.п.

Северо-Осетии, ГИИ.

Надо установить границы слитн. написан. наречий. Сущ. мал. не удовлетворяют

Никольский

8.3 В разрешении вопроса о правописании наречий отсутствует какой принцип; на о п е х - раздельно, н а в н р е з - слитно; неприемлемо написание под м и ш к о й; надо дать самокритическую классификацию наречий.

Вилинский

Из списка наречий выбрать все несомненные случаи и не перечислять их; остальные дать в особом списке; в и р о с а к, предлог, писать слитно /просак --теки, термины и устарелый/.

Про. Аббакумов.

При решении вопроса о правописании наречий учесть
возможность согласовывать прилагательное со
словом, входящим в наречное сочетание.

Крычков.

Если нельзя сгруппировать наречия по саманти-
ческому признаку, то лучше оставить по-старому.

В. Покур
/учите./

§ 83 Примечан. 2-ое надо дополнить примерами: по
простоты, со встеченьи, во избежание.

Н.Е.
Кулик.

§ 84 Необходимо указать на слитность написания
также в сочет. также как, ибо здесь слова
также - тоже.

Бригада
Ленингр.
рад.-изд.
раб.

"Указать смысловую сторону: слитного и раздель-
ного написания перечисленных сочетаний"

- § 89. Доз. знает против написания: Гостов на Дону и под. без дефиса. Особенно неудобно прилагательное "Гостовский" на Дону." Проф. А.Н. Кривошович.
- § 90 "Нельзя одинаково писать и др. "Барпок и Дари-Аруэ." Бригада Ленинградск. раб. ред. изд.
 "Предлоги в Самиллях след. писать отдельно.
 — и — в неп. Самиллях надо писать с двумя дефисами /Гойа-и-Граунери/"
 Добавить примеч. или примеры, регламентирующие написание составных имен и Самиллий узбеков, таджиков и китайцев. Норнгин.
 "Ванька-Кайи" является цельным прозвищем, нужно писать с дефисом." Проф. Кривошович.
- § 90 Почему все составные иностранные имена нужно писать через дефис?
 Омуцает то, что Десяк рекомендует писать слитно, а де-Дя-Ларт — через дефис.
- § 91 "Др^ева-Полянский" написано совершенно и правильно. Поляки никакого отношения к этому городу никогда не имели, а название его происходит от знаменитого историч. чернозёмного "Др^ева поля", на окр. которого он стоит, и пишется он Др^ева-Полянский /т.е. полевой/". В. и Д. Семеновы.
 п.2. Указанные в пункте названия писать без дефисов. Бригада Ленингр. ред.-изд. раб.
- § 91 Если станция Дев-Толстой — через дефис, то как название парохода Дев-Толстой? Проф. Сергеевский.
- § 92 "Сернокислый" писать слитно, ибо слово происходит от серная /прилаг./ и кислота /сущ./". Общ. собр. газ. "Кр. Север"/Вологда/.
 "ледует исправить явную опечатку серно-кислый и наряду с В.И. Ансеров. Иедгие.

1. 2. 3. 4.
ним одначкислым и укоуочкислым." Московский Обл.
Пединститут.

"Поэтому, напр. мор, надо писать оо но-
вислотны, но оорно-кислым, оорносто-
-кислым или литературно-художеств.
и художественно-литературный."

"На основании указ. этого параграфа Бриг. Ленингр.
можно писать через дефис ноченалат. ред.-изд. раб.
обознач. анал. хим. : хлор-ацето-соед.
и др."

- § 93 Все сложные прилагательные писать
слитно. Тер-Аганянц.
/учит./
- § 94 "Писать под-блока, но полчаса"
/Осн. см. п. § 30/
Одобряется /поск. р. Сок. р./ ИИ-т Школ.
Против унификации правописания
слов с под чет возражений. Н. Е. Кулик.
Писать указан. слова слитно. Северо-Осет. ГПИ.
Оставить существующие правила напи-
сания слов с под Никольский.
- § 96 "Сам-двдцат д. писаться без еря
/ночи. форма/" Бригада Ленингр.
ред.-изд. раб.
- § 97 П. одлагают и повидиному писать
через дефис /ИИ, Сокольн. и Октябрьск.
р./ ИИ-т Школ.
п. В. Следует добавить, что речь идет
о полных прилаг. тельных. Н. К. Кулик.
"Повидиному лучше писать через де-
фис" в целях унификации правописания. Северо-Осет. ГПИ.
Предлагается повидиному писать через
дефис. Тер-Аганянц.
- § 100 "Через дефис надо писать то-есть" Ф. В. Гладков.
Москва.

Одобрается./Осокольн.р./ Ин-т Школ.

Необходимо регламентировать правописание то есть. Частицу де, повидимому, писать через дѣио, включить в § 100. В примеч. 4-ом п.б. добавить пока что. Н.Е.Кулик.

§ 101 Нет необходимости в дѣионных написаниях этих слов. Сев.Осетин.ГПИ.

§ 106 "Не надо бы декретировать: стилистически плохо"/КОНО/. Ин-т школ.

III. Слитное, дѣионное и раздельное написание
 = = = = =
 не и ни.
 =====

§ 107 Не удовлетворяет п.4 увеличивает количество исключений. Почему не подчеркнуто различное значение не как приставки, как отрицат. частицы и т.д./АСНО/. Ин-т школ.

По п.2 и 3. Нужно уточнить, что должно означать: "опред.л. понятие". Бриг. Ленингр. раб.ред.-изд.

По п.3. указать возможность двойного написания в зависимости от значения словосочетания. Они же.

По п.4. Нельзя опираться на чисто форм. и принцип различ. прич. и прилагат. -"-

п.4. Оговорка о слитном написании не с прил. правильна, но нужно подкрепить это доводами: наречия степени /понижюще исключ. прилагательные или другие наречия/, находясь при приг. ст. с отрицанием, не придает ему /очев. причастию/ значения действия. Н.Е.Кулик.

п.6. Неверная подвести под общее правило с незрота, исключив из примеч. 1-го к п.2 § 100.

п.7. Лучше привести такое об'яснение: "если отрицательно-предожн. приставка недо имеет не отрицательное, а положи-

1.

2.

3.

4.

только значение в противоположность приставке пере... или если глагол с до без не не употребляется, то не пишется обитно.

мало убедительны примеры с раздельным написанием. В прим. 2-ое следует включить слово совершенно.

Никольский.

§ 108. Этот параграф предлагается исключить, т.к. "это вносит неясность".

Каф. яз. Ин-та ИТР НКЭП.

Предлагается устранить этого рода дефисные написания / особенно с суф. /
Сокольн.р.

Ин-т школ.

п. 2 То же указания, что и в п.п. 2 и 3 § 107.

Бриг. ленингр. раб. ред. - изд.

Выражает против написания частицы не через дефис.

Соколов / 547 шк. /

§ 108 Сочетания кажданы, не-русский и т.п. писать раздельно.

Тер-Аганянц / учит. /

§ 109 п. 2 "Глаголы недоставать и нехватать - глаголы безличны" и отлич. от глагол в доставать и хватать по значению. "Проктируемое правило о то значение опущено."

В. Гертунг. Москва.

§ 109 п. 2 пр. 2. Написание неосмотря на правильно, но написание аналогич. не взирая на почему дано иначе.

Он же.

"Есть два глагола, разных по смыслу: хватать /рукой/ и хватать / в значении достатка /.

Ф. З. Гладков.

Оба нужно писать с раздельным не. "Не хватает за руку", "не хватает дров на зиму / нам хватает дров на зиму /".

Одобрят раздельное написание не хватает, не достает / моск. р. /

Ин-т школ.

п. 3. Пример о не своем умном человеке лучше заменить.

Бриг. ленингр. ред. - изд. раб.

Правонаписание иноязычных слов.
 = = = = =

36

§ II2. п.4. Это принято, но "в корне противоречит свойствам буквы ъ в русск. яз., кот. никогда не нотируется ъ." Проф. Криштофович.

Надо дать указания что после ж, г, х в иноязычных словах допускаются такие буквы, которые не допускаются в русских/ ж,я/. Проф. Сергиевский.

Нигде не оговорено, что после ъ не пишется а или у /цзяно, ~~Сьме~~/, что после ъ нельзя писать а или у; неизвестно, как передавать иностранное придыхательное г и т.д.

§ II3 "Писать код, а под." Общ. общр. ред. изд. газ. "Правда, Север"/"Всегда/.

"Писать только миллиард, миниатюра, доминикон, фортепиано", не допуская параллельных написаний с ъ. То же в стн. бильярд, бриллиант и под.

Необходимо сказать, что ѣ в начале слова может стоять только перед о /срв. Иеремия/ Грзг. ленингр. ред.-изд. раб.

Сохранить написание код Полонский. Уст. д.

Сохранить написание код, т.к. и здесь слоговое. Проф. Криштофович.

Не следует давать двойные написания: вариант и варьянт и под. Никольский.

§ II3 Против двойного написания варь-
ировать и варьировать. Ионисанц /работн. "Правды"/.

§ II4 "Если писать "эвкалипт" через в, то грешнось бы и Европу и Евфрат через Э писать." Лучше оставить еуд. обычай / / В. и Д. Семеновы.

п.2. Почему речь идет только о китайских именах?" Бригада ленингр. ред.-пед. раб.

Следует указать в примерах распрот. ан. слово коэффициент. Н. Е. Кулик.

§ 115 "Никак нельзя терпеть унциальский. Проф. Это чудно (онетике русского языка". Самено-Тан- алов следует примеры: Казань- шаинский, казанский и масса других.

При образов. прилагательных от ки- Проф. Кришто- та: ский слов оставление ь в середи- Фович. не слова перед суф. су пишется.

§ 118 Предлагается опустить , т.к. "необ- Каф. яз. Ми-та ходимо взять фонетич., а не морфол. ИИР НКЭП. принцип". /Напр. терраса, коридор/.

"Гемка в написании двойных букв В.Н. Ансеров. медгиз. в словах иноязычного проих. бес- цельна, поскольку такие начертание уже установилось: " Считает, что в словах колонка, агре- гат, гуммиараби, хлорофилл, пуддинг /чуть не от-чет пишется пудинг/ и мн. др. двойные согл. пишутся по недоразумению.

Возражает "против написания отдель- Госполитиздат. но выхваченных иностр. слов через Шапиро, двойную согласную: дифференциация, коэффициент и под. /хорошо - дифференцировать и т.д./

Предлагает: 1/ в основной части Проф. Л.А. Ус иностр. заимствов. не допускать соче- Булаховский). тания трех согласных, где это соче- тание возникает в связи с удвоен. согл., напр., агрессор, 2/ в основ- ной части иностр. слова не бывает двух удвоен. согласных.

Согласясь на греч. язык, предлагает в Н.Е. Кулик. слове каллиграфия писать одно д. В тексте правил ДДЯЯ пишется о дву- мя д, на что нет оснований: "от итальян- ск. але /место прогулок/." 3 п. 3 добавить оговорку: двойные согл. пишутся при наличии двойной согл. в оригинальном написании.

"Для большего единообразия и для Сев.-Осетин. облегч. орфографии именно этого ГИИ, проф. Неми- раздела, требующего знания иностр. ровский. языков, лучше бы ввести во всех ино- язычных словах единообразное написа- ние через одну согласную, хотя бы в иноязычн. оригинальном начертании была принята дво- ная.

§ 117 Предлагается опустить по тем же соображ., что и § 116. Кас. яз. Ин-та ИТР НКЗП.

Русский язык не терпит более 3-х вогл. подряд. "Поэтому следует оказать: калькутский, малакский, тунокий, гальский". Равно нельзя сказать кандалакшский, а нужно сказать кандалакшинокий. "Действуя последов. пришлось бы в прилагат., происходящих от сущ. с 2-мя о на конце, писать уже эо, что, конечно, недено."

Категорическое возражение встречается Ин-т школ. написания группка, программка и т.п. /Сок.р./.

Примеч. Не следует делать исключений для слов финика, финский. Бриг. ленингр. ред.-изд. раб.

Параграф встр. возражения. Предл. писать колонна, но колонка; группа, но группка. Госполитиздат. Паширо, Д

Прописные буквы
=====

§ 118 Правила эти "вносят порядок в эту довольно беспорядочную область". /Правой, прописной буквы/. "Следовало бы указать, что названия м-ца и года должны писаться со строчн. буквы."

Э. Гартунг-Москва.

§ 121 Нужно добавить о многочленных псевдонимах, не имеющих формы собств. имен /см. Орфогр. справочник Акад. Наук, стр. 89/.

Бригада ленингр. ред.-изд. раб.

Прим. 2. Почему речь идет только о китайских именах? Бригада ленингр.

Прим. 3. Надо дать особое место для слов с уникальным значением, напр.: кияндери, бухарины и пр.

§ 121 пр. 3. Добавить указание о правописании со строчной буквы названий, превр. из имен собств. в имена нарицательные

/ и отд. с удивительным значением / Напр., беки, ридз-смигин, князидери, таинеры, маинергейми / Поргалин.

Пр. 8. Уточнить наим. высших поч. т. званий, а именно Герой Социалистического Труда, добавить маршал Советского Союза, пишущ. с прописной буквы. О прописной же писать назв. долж. : Народный Комиссар / Нарком /, Заместитель Народного Комиссара / Замнарком /, Председатель С. К. Секретарь И и др. Поргалин.

§ 123. Пример васька нужно брать, потому что, если можно говорить обобщенно о мышках, барбосах / то нельзя обобщ. говорить о васьках / нельзя сказать: "васьки назвали мышей" / Ленингр. бригада.

§ 124. В примере 3-го абз. Дед Мороз с большой буквы оба слова. -"-

§ 125. Дана окий дар сюда не относится, пр. 1 п. 2. т.к. это дар данаидер, а они пишутся со строчной буквы на оск. прим. 3 к § 121 /, а не Даная или Данаи. -"-

§ 125. Надо дать примеры на употребление слова Сталиноски. Н. В. Кулик.

§ 121. Если пишется д "Аннуцио, то как писать Дрбари - с маленькой или с большой буквы. Проф. Сергиевский.

§ 126. Примечание нужно дополнить так "и в географии, когда говорится о земном мире в целом и ему противопоставляется Солнце как небесное тело. Так же и Луна." В. и Д. Семеновы.

Далее в проекте /стр. 63/ написано Баренцаре море, тогда как в географии на всех картах давно принято Баренцево море. "Далее опечатки: на "озеро Чаек", а "озеро Чанг". Богемский лес назыв. у немцев, а у нас "он называется "Чешский лес."

Пример 2-го абзаца на стр. 63: мост лейтенанта Шмидта. С прописной буквы должно писаться и слово лейтенант, улица Академика Павлова.

Бригада Мениндр, ред.-изд. раб.

Осн. правила удовлетворяют автора предложения.

Шорыгин.

По примечанию: изменить редакцию примеч., указав, что слова солнце, дуга, земля в значении планеты пишутся с прописной буквы. Прим. Период вращения Земли.

В географ., админ. и др. названиях указать: Гриничский меридиан.

По прим. 2, закончить так: Большая Медведица / созвездие/, млечный Путь / на небе/.

По прим. 3-а. Географ. названия территории, состоящие из слова-названия страны света или часть целого и названия материка, когда имеют характ. географ. терм. / Северная Америка, Западная Европа и др. / о прописной; географ. названия, состоящие из слова, обознач. страну света и назв. государства пишутся в первой части со строчной буквы / Южная Франция, северная Норвегия и др. /.

Прим. 3-б. В назв. Северного и Южного полюса первое слово пишется с прописной буквы, когда речь идет о географ. полюсах земли. В других случаях первые слова со строчной /.

Почему "звенки"ски", а не просто звенковский от звенки?

Проф. Кришто-сович.

"Несомненно, что все оставшие нави. для нашего Севера являются именами нарицательными / озеро, хребет и пр. / разные для разных народностей".

И. И. Покровский и Ордынский.

В назв. названиях, соедин. дефисом неск. слов, вторые, третьи и т.д. пишутся с маленькой буквы / Ага-веем / река / и др. / . Этому принципа следовало бы придерживаться и в других случаях. Это тип начертания: москва-река.

Склоняются ли слова в слове географ. назн. остров Чкалов или Чкалова и под. ?

§ 128 В наимен. Великая Октябрьская Социалистическая Революция все слова писать с прописной, ввиду большой политической важности обозначаемого события. Ленингр. бригада.

п.3. Вотреч. возражение требование писать о прописной буквы числительные в наименованиях: второй интернац., двухполковинный интернационал. Неясно, как след. писать слово 2 1/2-иний.

§ 129. День Конституции - второе слово писать с прописной, т.к. Конституция здесь является собственным именем. --"

§ 131 "Если в наим. Всесоюзн. Центр. Сов. Проф. Союзом предлагается писать с прописной буквы каждое слово, то тем более это необходимо в отношении Всесоюзной Коммунистической Партии". --"

Находят противоречия между написаниями Всесоюзная Коммунист. Партия/большевиков/ и Верх. Суд. Предлагают слова партия в этих случаях писать с большой буквы /КОНО, Сов. и Окт. р./.

Предлагается писать: Народный комиссариат просвещения и т.д., т.е. с прописной буквы только первое слово. Госполитиздат, Шапиро, Д

Список наименов. вышних парт., госуд. и проф. организаций, названия которых пишутся с прописной буквы пополнить такими: Шорыгин.

- Коммунистический Интернационал Профсоюзов.
 - Генеральный Штаб Красной Армии.
 - Главный Военный Совет Красной Армии.
 - Рабоче-Крестьянский Военно-морской Флот.
- Так же предлаг. писать названия главных управлений, состоящих при СМК СССР и Академии Наук, всесоюзной и республ.

Правильно выделение написаний вышних учред. и орг. при помощи прописной буквы. Никольский.

§ 132. Прим. I-ое изменить, примерно так: Ленингр. бригада.
 "В назв. учрежд. и организаций о прописной буквы пишется первое слово, независимо от наличия перед ним обозначения: Всероссийский, Государственный, Московский, Третий и т.д. Все эти обозначения пишутся также с прописной буквы."

Прим. Э.
 Неудачен пример последн. абзаца, ибо Казанск. педагог. ин-т может быть и собств. именем.

§ 133 "Все титульные названия, обращения и Каб. яз. Ин-та заголовки учреждений, наркоматов и ИТР НКЗП. Сход. о проек- том?"
 т.д. писать с большой буквы."

В наименовании "Земля и Воля" - оба слова нужно с прописной. Ленингр. бр. ред.-изд. раб.

§ 134 В двухсоставных наименов. должны писаться с проп. буквы оба слова, напр. Война и мир, Госуд. и Революция, "Серп и молот". Ленингр. бр. ред.-изд. раб.
 Наим. "Русская Правда", "Ленинградская Правда", " в первом случае, чтобы это назв. не было воспр. иронически, во-втором - чтобы показать, что это видовой обозначение рядового понятия."

§ 135 "Добавить слово: Партия."
 Прим. I. Пример "У т.-археолог, ин-т лучше заменить / ибо этот ин-т более не существует." Ленингр. бриг. ред.-изд. раб.

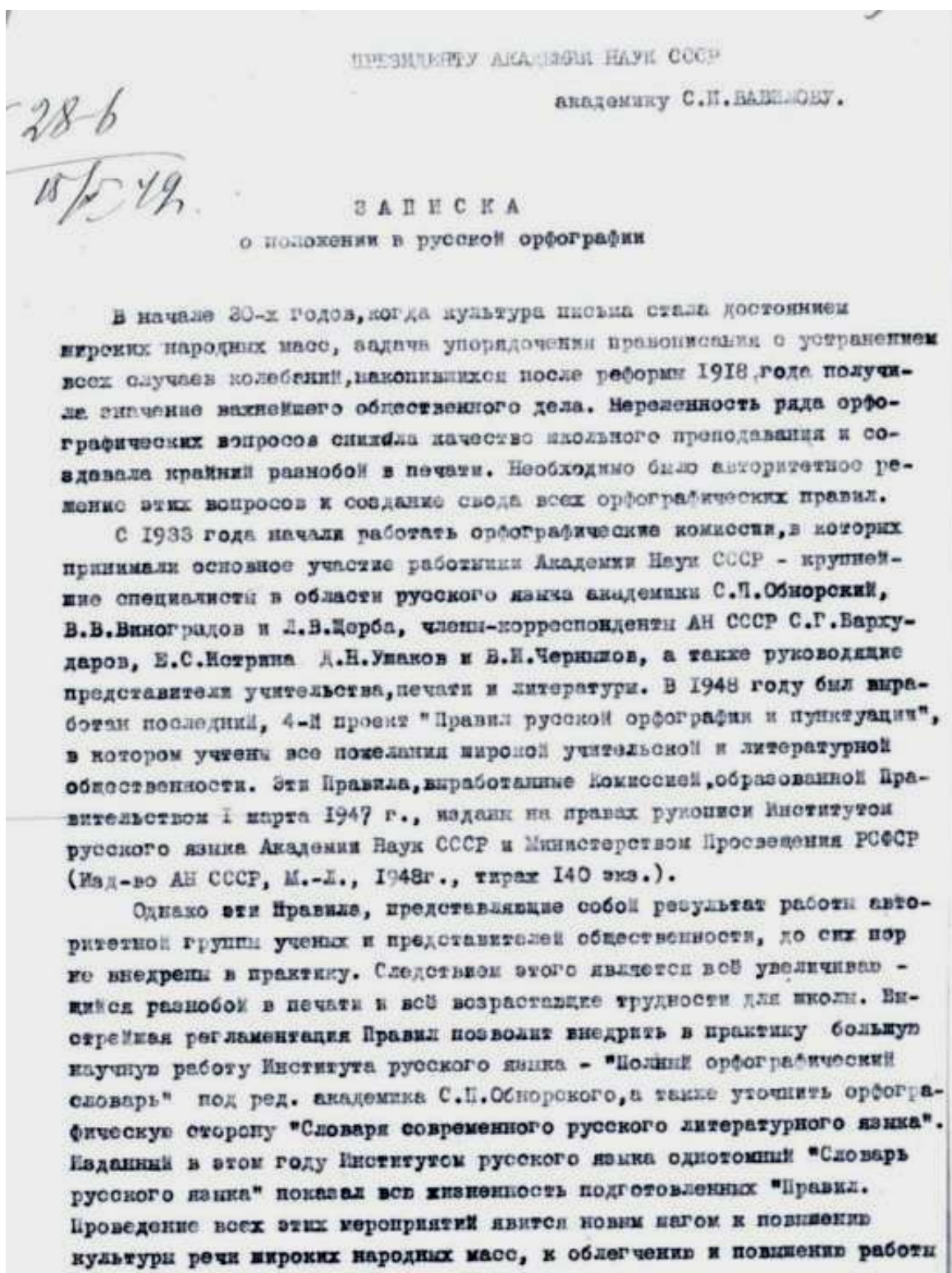
Буквенные аббревиатуры, сложносокращенные слова и графические сокращения.
 = = = = =

§ 137 "Слова типа: оргединица, цехячейка писать через дефис." Общ. собр. уч. русск. яз. и лит. Г. Вологда.

Привести примеры авиапочта, авиазатка и под., указав, что здесь нет соедин. гласной. Н.Е. Кулик.

Записка президенту Академии наук СССР «О положении в русской орфографии»

Ф. 456. Оп. 1. Д. 251. Л. 3-6. (№ 28-6 от 15.10.1949 г.)

школ, к орфографическому упорядочению печати.

Содержание правил

Настоящий проект Правил не является ни в какой степени реформой правописания, не производит никакой ломки существующих норм правописания, а представляет систематизированный на основе реформы 1918 г. свод всех правил правописания, имеющих целью уточнить и упорядочить письмо, устранив из него колебания, которые создают затруднения и разнобой в печати и преподавании.

Поэтому проект, являясь первым п о л н ы м сводом в с е х правил, содержит в себе не только правила, упорядочивающие разнобой, но и изложение правил, существующих издавна и не обнаруживавших колебаний при своем применении и в наше время.

Таким образом, проект содержит в себе следующий материал:

1/Правила, утвердившиеся в русской письменности издавна, начиная с XI века, и не вызывавшие при своем применении никаких колебаний. В проекте они даны в простых и систематичных формулировках. Сюда относятся, например: а) правописание согласных в конце слов (дуб, рукав) и перед другими согласными (ложка, низкий); б) правописание группы согласных (грустный, праздник); в) правописание соединительных гласных о и е в сложных словах (водопровод, земледелие); г) правописание гласных после шипящих (чудо, час, жир, жить) и нек. другие правила.

2/Правила, утвердившиеся в русской письменности, но практическое применение которых вызвало затруднения из-за отсутствия точного их определения. Проект впервые точно и подробно систематизирует их в простых и ясных формулировках. Сюда относятся, например: а) правописание не и ни; б) правописание двойных согласных в разных типах слов; в) написания слитных или через дефис слов с приставками, сложных и сложносокращенных слов; г) правописание прописных (больших) букв и нек. другие правила.

3/Правила, утвердившиеся в русской письменности, но допускавшие многие отступления в их применении и отдельным словам, что с течением времени увеличивало количество слов с двойственным написанием и создавало разнобой и отсутствие четкости в этих правилах. Проект устанавливает единые написания этих слов, выбирая из существующих наиболее рациональные варианты написаний. Сюда относится следующее: а) установление строгих норм слитного или раздельного написания наречий

и устранение всех случаев их колебаний путем составления списка таких наречий, а также точной формулировкой правил; 6/ уточнение правил правописания Е или О после шипящих под ударением и подведение под эти правила всех колеблющихся слов; 7/установление списка слов, в которых пишется И или М после приставок (безидейный, но безисходный); 8/установление списка слов с написанием в корнях Ц или Ч после Ц; 9/регламентация правописания отдельных слов, подпадавших под правила правописания безударных гласных.

Как показывает материал проекта, правила не содержат н и к а к их принципов изменений, они целиком основываются на принципах реформы 1918 года. Изменения сводятся к упорядочению написания отдельных слов, общим количеством до 110. Авторитет какого органа достаточен для введения в жизнь такого проекта правил правописания, действительно имеющего существенное и важнейшее значение для практики печати и школы?

Историческая практика упорядочения орфографии.

В истории русской письменности нового времени известны две коренные реформы письма и орфографии, являвшиеся не узко-техническими нововведениями, а реформами широкого политического и государственного значения. Это реформа Петра Первого (1708 г.), создавшая гражданскую азбуку с всеми вытекающими отсюда изменениями в правописании. Реформа Петра содействовала освобождению от церковной идеологии средневековья и привела русскую науку, литературу и просвещение на новый путь развития. Вторая - реформа Советского Правительства в 1918 г., с своими коренными изменениями не только упростила русское правописание, но и вместе с тем изгнала из него все пережитки феодальной письменности, служившие символом реакции. Политическое значение этой реформы общеизвестно.

Последовавшие после реформы Петра изменения в письменности в той или иной степени важны, но не коренные, регламентировались обычно Академией Наук. Таковы уточнения орфографии, произведенные Академией Наук в 1785 году, такова знаменитая грамматика Ломоносова (1755г) и последовавшие за ней академические грамматики. В 1885 году академик Грот своей работой "Русское правописание" упорядочил орфографию, устранив накопившиеся в практике колебания. Дело академика Грота исторически большое, но никак не бывшее реформой, Министерством Просвещения было распространено на школу, а затем вошло в жизнь. На-

стойкий слог права является аналогичным написанием, предпринятым Академией Наук СССР после реформы 1918 года и в ее границах. Взгляд на Регламентацию этих Правил именно Академией Наук СССР в свое время поддерживал министр Просвещения РСФСР В.В.Потемкин.

П р е д л о ж е н и я

Принимая во внимание, что "Правила русской орфографии и пунктуации" не являются реформой, а представляют собой лишь упорядочение, на основе реформы 1918 г., колебания правописания, и основываясь на исторической практике в области упорядочения орфографии, необходимо в интересах школы и печати безотлагательно решить вопрос об утверждении Правил, войдя с ходатайством о завершении работы Комиссии, образованной Правительством 1 марта 1947 года и о передаче Правил в Президиум Академии Наук СССР для утверждения.

И.И. Академик-секретарь Отделения
литературы и языка АН СССР
академик

(И.И.Меланинов)

И.о. Ученого секретаря Отделения
литературы и языка АН СССР

(И.В.Сергиевский)

Сергеев: Трагична

**Отзыв С. И. Ожегова
о редакции Правил 1951 года**

Ф. 1516. Оп. 1. Д. 170. Л. 1-2. (1951 г.)

О Т З Ы В

о Правилах русской орфографии и пунктуации, изданных на правах рукописи Институтом языкознания АН СССР и Министерством просвещения РСФСР, М. 1951.

Настоящие правила, выработывавшиеся в течение более чем 15 лет и в последний раз пересмотренные после опубликования трудов И.В.Сталина по вопросам языкознания, оформились в процессе длительного анализа правил письма и существующих колебаний как с точки зрения лингвистической, так и с методико-педагогической стороны. Ясно, что были тщательно продуманы как основные принципы правописания, так и отдельные конкретные случаи разнобой, взвешены все возможности рационального усовершенствования письма.

Общее положение "Правил" о том, что русская орфография не устарела и не нуждается в реформе, а только в усовершенствовании и упорядочении, не вызывает никаких сомнений в его правильности.

Это положение проведено последовательно во всех правилах. Все новшества правописания ^{сделаны} по сути дела унификацией правописания, выбором наиболее рационального варианта из всех случаев колебаний. При этом выбор вариантов шел в направлении укрепления основного принципа русской орфографии - морфологического. Таковы, напр. правила о написании е или о после шипящих, о слитном или раздельном написании наречий и т.п. Эту установку следует только приветствовать.

Таким образом все новшества /а их очень немного/, войдут органически в структуру русского правописания и безболезненно будут восприняты в практике школы и печати. Поэтому я считаю, что "Правила" в том виде, в каком они есть, должны быть сохранены, как наиболее рациональное разрешение всех существовавших орфографических споров. Дальнейший коренной пересмотр привел бы опять к откладыванию в дальний ящик всего дела, столь важного не только в культурном, но и в политическом отношении. Мне кажется весьма важным в деле утверждения орфографии, предлагаемой "Правилами", решение Министерства просвещения РСФСР. Оно утвердило школьный орфографический словарь Ушакова и Кречкова, который издан сейчас тиражом в 5 миллионов экземпляров и вошел уже в школьную практику. Это - факт культурного и политического значения. С ним нужно считаться при всяком решении о пересмотре настоящих правил.

При новом издании "Правил" следует только:

1/ исправить вкравшиеся в приложенный словарь опечатки; напр. дурачливый /надо дурашливый/ и некоторые другие;

2/ уточнить формулировки некоторых пунктов. Так, например, формулировка в § 1 исключений в написании гласных после шипящих производит такое впечатление, что этих исключений очень много. Между тем кроме двух слов "жири", "парашют" в русском языке из активных слов так пишется еще только "брошюф" и совсем устарелое слово "пшют". Это же касается § 80-81, касающихся слитного или через дефис написания прилагательных. Многие случаи тут не учтены.

25.XII-51г.

Кандидат филологических наук

/С.И.Ожегов/

от